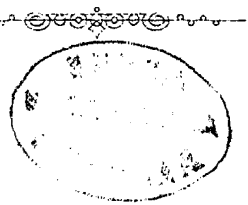
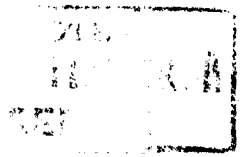
О МЕЖДУНАРОДНОМЪ СУДѢ.

169892

Графа Л. Камаровскаго.





МОСКВА.
Типографія Т. Малинскаго, Моросейка, д. Комитета.
1881.

По опредѣленію Юридическаго факультета Императорскаго Московскаго Университета печатать дозволяется. 9 Сентября 1881 года.

Деканъ *В. Леонтіевъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

О способахъ рѣшенія споровъ между государствами вообще.

ВВЕДЕНІЕ.

Общій характеръ международныхъ несогласій. Способы ихъ прекращенія и ихъ классификація . . . . . Стр 1

Глава I.

Принудительныя мѣры 16
1. Реторсія 17
2. Репрессаліи 21
3. Эмбарго 34
4. Мирная блокада 36
5. Война 42

Глава II.

Дипломатическія средства 68
1. Случайныя рѣшенія 70
2. Непосредственные переговоры 72
3. Добрыя услуги и посредничество 74
4. Конгрессы и конференціи 85

Глава III.

Юридическіе способы 95

КНИГА ВТОРАЯ.

Начала идеи международнаго суда въ дѣйствительной жизни.

Стр.

I. Древность. 103

II. Средніе вѣка. 114

III. Новое время. 123

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Суды государственные, призванные сдѣлаться международными.

Глава I.

О призовыхъ судахъ. 125

Глава II.

О смѣшанныхъ судахъ въ Египтѣ. 151

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Формы третейскаго разбирательства.

Глава III.

О смѣшанныхъ коммиссіяхъ. 178

Глава IV.

Важнѣйшія третейскія рѣшенія въ XIX столѣтіи. . . . 198

Глава V.

Алабамскій споръ. 221

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Развитіе идеи международнаго суда въ теоріи.

Глава I.

Объ идеѣ мира между народами вообще. 287

Глава II.

О третейскомъ судѣ между народами: *Стр.*

1. Агитація въ пользу его 312
2. Пренія въ палатахъ 320
3. Современная теорія 350

Глава III.

О постоянномъ судѣ между народами 405

1. Общій международный судъ 407
2. Спеціальные международные суды 435

Приложеніе.

О верховныхъ судахъ въ федераціяхъ 451

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Основныя начала устройства международнаго суда.

Глава I.

Теоретическія основанія 461

Глава II.

Практическія требованія 503

Глава III.

Устройство и дѣятельность международнаго суда 519

Глава IV.

Отношенія суда къ остальнымъ органамъ сношеній между народами 539

КНИГА ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

О СПОСОБАХЪ РѢШЕНІЯ СПОРОВЪ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ ВООБЩЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Общій характеръ международныхъ несогласій.—Способы ихъ прекращенія и ихъ классификація

Право возникаетъ изъ потребностей и особенностей человѣческой природы. Вся жизнь человѣка протекаетъ въ различныхъ союзахъ, существо и число которыхъ разнообразится и совершенствуется въ великомъ поступательномъ ходѣ исторіи. Каждая форма общежитія выработываетъ свое, ей свойственное, право. Одною изъ такихъ формъ—главною, но далеко не единственною, является государство. Оно даетъ праву наиболѣе совершенную форму и санкцію, но его волею не обусловливается ни происхожденіе права, ни даже область дѣйствія послѣдняго.

Изучая въ исторической послѣдовательности тѣ разнообразные союзы, въ которыхъ протекаетъ жизнь человѣка, мы приходимъ къ одной изъ наиболѣе сложныхъ, но и важныхъ формъ ихъ — къ международному союзу, который, хотя и возникнулъ лишь въ началѣ новой исторіи, но продолжаетъ пускать все болѣе и болѣе глубокіе корни въ жизни и наукѣ. Начало, развитіе и конечныя цѣли этого союза могутъ быть поняты лучше всего историческимъ путемъ. Имѣя свое послѣднее основаніе въ идеѣ единства человѣческаго рода, онъ призванъ скрѣпить юридическими началами государства, какъ живыхъ членовъ человѣчества, въ одно высшее цѣлое. Право, возникающее въ области этого союза и ставящее себѣ ука-

занную цѣль, есть право международное. Результатъ исторической жизни человѣчества, оно можетъ быть понято только тѣми, кто видитъ въ правѣ не безсодержательную смѣну извѣстныхъ законоположеній или теоретическихъ построеній, а вѣчно-живыя откровенія человѣческаго духа.

Государства, какъ члены международнаго союза, не теряютъ ни внѣшней самостоятельности, ни внутренней свободы: напротивъ, ихъ жизнь вступаетъ въ новый, несравненно высшій и болѣе человѣческій фазисъ своего развитія. Международное право, не отрицая ни одной области права, приводитъ всѣ главныя, характеризующія ихъ начала къ единству и наиболѣе практически широкому приложенію. Не смотря на это высокое и, казалось-бы, для каждаго человѣка лишь симпатичное призваніе этого права, оно, со времени своего существованія, не переставало вызывать нападки и всякаго рода сомнѣнія, доходившія до полнаго его отрицанія. Его сторонники никогда не ослабѣвали въ его защитѣ и эти долгіе споры много содѣйствовали къ выясненію существа международнаго права.

Въ результатѣ мы приходимъ къ тому убѣжденію, что, съ юридической стороны, это право, между всѣми остальными отраслями права, пока наименѣе совершенное, что вполнѣ естественно въ виду сравнительно недавняго его происхожденія и крайней сложности предстоящихъ ему задачъ. Недостаточность международнаго права и порядка проявляется особенно какъ въ шаткости и неопредѣленности управляющихъ ими юридическихъ началъ, такъ и въ способахъ охраны послѣднихъ.

Цѣль международнаго общежитія, какъ всякаго общежитія вообще, состоитъ въ согласованіи свободы и развитія членовъ, входящихъ въ его составъ, съ благосостояніемъ цѣлаго союза. Каждое государство должно безпрепятственно пользоваться своими правами и строго исполнять свои обязанности въ отношеніи другихъ государствъ. Такова идея права. Только подъ ея охраной государства могутъ жить спокойно и, развиваясь, каждое по своимъ индивидуальнымъ потребностямъ, содѣйствовать преуспѣянію всего человѣчества.

I.

Общій характеръ международныхъ правонарушеній

Въ дѣйствительной жизни между государствами, какъ и между отдѣльными лицами, возникаютъ постоянно недоразумѣнія и столкновенія. Не рѣшаемыя во-время, часто осложняемыя посторонними обстоятельствами и даже искусственно разжигаемыя въ интересахъ руководящихъ лицъ или партій, эти споры вызываютъ войны, которыя ставятъ на карту самое бытіе государствъ. Причины указываемыхъ столкновеній безконечно разнообразны: онѣ могутъ скрываться въ каждомъ политическомъ, экономическомъ или религіозномъ отношеніи, установляющемся между народами. Каждая эпоха создаетъ особый, легко-воспламенимый матеріалъ для такихъ столкновеній. Настоящія, вызывающія ихъ наружу пружины лежатъ, какъ въ большинствѣ дѣйствій человѣческихъ, въ заблужденіяхъ, страстяхъ и интересахъ. Приходя во враждебное столкновеніе между собою, они вызываютъ войну каждаго лица — физическаго или юридическаго — противъ всѣхъ, войну то скрытую, то явную, но непрерывно продолжающуюся. Противодѣйствовать ей и всячески ее сдерживать — составляетъ высокую задачу права. Безъ него не мыслимо мирное и прогрессивное развитіе человѣчества.

Въ продолженіе тысячелѣтій всѣ несогласія между государствами разрѣшались силою. Такъ называемыя ихъ права (на сколько можно было говорить о таковыхъ!) сливались съ ихъ претензіями, которыя въ свою очередь не знали иныхъ границъ кромѣ тѣхъ, которыя ставила имъ физическая мощь. Иначе и не могло быть въ тѣ эпохи, когда при отсутствіи общаго и высшаго между ними права, государства жили въ постоянной обособленности другъ отъ друга, ведшей къ непрерывной войнѣ между ними. Всѣ отъ этого страдали, но лишь немногіе избранные, уже въ древности, изучая природу человѣка и общества, находили этотъ порядокъ анормальнымъ и, не зная какъ ему помочь, позволяли себѣ мечтать о возможности мирнаго сожитія народовъ. Съ теченіемъ времени эта

вѣчная вражда между послѣдними уступаетъ мѣсто сперва болѣе или менѣе продолжительнымъ *перемиріямъ*, а въ наше время — вопреки печальной дѣйствительности — раздаются все болѣе часто и громко голоса о необходимости установленія не кажущагося только, но *дѣйствительнаго* и *прочнаго мира между народами*. Этотъ миръ однако не мыслимъ безъ утвержденія юридическаго порядка между государствами. Но такой порядокъ, само собою разумѣется, долженъ опредѣлять не только мирныя отношенія, но и разрѣшать всѣ возникающія между государствами несогласія. Въ этомъ заключается задача международнаго права, задача высоко-практической важности. Между тѣмъ до сихъ поръ эта часть нашей науки обработана несравненно менѣе и слабѣе, чѣмъ другіе ея отдѣлы, напр. посольское право или даже военное, хотя сколько великихъ вопросовъ затрогиваются именно этою частью международнаго права и какое широкое поприще съ этой стороны открывается для него въ видахъ улучшенія и облагороженія человѣческихъ отношеній вообще.

Дѣйствующими лицами въ международной сферѣ признаются одни государства, хотя правонарушителями могутъ быть не только они, но и частныя лица. Послѣднія однако, состоя подъ охраной своего отечества, этимъ до нѣкоторой степени дѣлаютъ и его соучастникомъ совершенныхъ ими дѣйствій. Государство, потерпѣвшее отъ частныхъ лицъ, должно обращаться съ своею жалобою прежде всего къ ихъ отечеству и, въ случаѣ отказа со стороны послѣдняго въ удовлетвореніи или разсмотрѣніи спорнаго дѣла, вина частныхъ лицъ обращается въ вину покрывающаго ихъ государства. Также, если частныя лица дѣйствовали по собственной иниціативѣ, они подлежатъ отвѣтственности своего отечественнаго государства. При этомъ всякое послабленіе въ правосудіи вмѣняется въ вину самому правительству.

На практикѣ возможны и весьма щекотливы коллизіи въ этихъ случаяхъ между внутренними законами извѣстной страны и общими началами международнаго права.

Все, конечно, тутъ зависитъ отъ самаго характера правъ, при-

ходящихъ въ столкновеніе между собою. Государство. законы котораго отстали отъ общаго правосознанія цивилизованнаго человѣчества, или суды котораго оказываются не въ состояніи оберечь другія государства отъ нарушенія международнаго права, становится отвѣтственнымъ предъ потерпѣвшею вслѣдствіе этою страною [1]). Но этого условія еще недостаточно: надо, чтобы законы государствъ не только согласовались съ международнымъ правомъ, но чтобы суды при защитѣ правъ другихъ государствъ и ихъ подданныхъ дѣйствовали съ самою строгою bona fides [2]).

Выставляя это общее правило, мы вовсе не отвергаемъ необходимости для каждой страны поддерживать свою независимость и не соглашаться на такія требованія, которыя основаны на произволѣ или исключительной пользѣ какого либо отдѣльнаго государства.

Что касается до предметовъ международныхъ правонарушеній. то они касаются частныхъ лицъ, отдѣльныхъ государствъ, наконецъ всего международнаго союза. За частныя лица обязаны вступаться и несутъ отвѣтственность ихъ отечественныя государства. Но подъ охраной международнаго права, въ силу его общечеловѣческаго характера, стоитъ во-

---

[1]) Такое мнѣніе высказала Франція въ депешѣ Мутье къ Греціи отъ 10 дек. 1868 г.: Un Etat ne saurait s'affranchir d'une obligation de droit des gens par ce motif, qu'elle n'aura pas été prévue dans sa législation intérieure. En pareil cas la voie est toute tracée, le moyen de remédier au mal, c'est de combler la lacune en décrétant les mesures législatives nécessaires. Въ 1857 г., вслѣдствіе жалобъ Франціи, Бельгія измѣнила свое законодательство о печати, а въ 1875 г., по поводу замысловъ Дюшена на жизнь кн. Бисмарка. она же согласилась, слѣдуя заявленіямъ Германіи, дополнить свой уголовный кодексъ внесеніемъ въ него новой статьи о наказуемости такого рода подстрекательствъ. Въ 1870 г , на основаніи опыта добытаго изъ междуусобной войны Америки, Англія измѣнила свой Foreign Enlistmen Act.

[2]) *Bluntschli* Modernes Volkerrecht 3 Aufl. 1878 S. 262. Онъ говоритъ: отказъ въ правосудіи или плохое его отправленіе есть нарушеніе международной обязанности, за которое отвѣтственность падаетъ на виновное государство

обще человѣческая личность, гдѣ бы она ни находилась на земномъ шарѣ. Эта защита является дополненіемъ къ собственно государственной охранѣ. Съ сей точки зрѣнія вполнѣ законны мѣры, принятыя Европою, для повсемѣстнаго искорененія рабства и торговли неграми, а также защита, которую не разъ оказывали въ Азіи англійскіе и русскіе посланники Европейцамъ вообще, а не только своимъ соотечественникамъ [1]). По отношенію къ государствамъ правонарушенія, совершаемыя ими, могутъ быть подведены подъ двѣ главныя категоріи: во 1-хъ, нарушеніе договорныхъ обязательствъ, т. е. вытекающихъ изъ опредѣленій трактатовъ положительнаго (in faciendo) или отрицательнаго (in patiendo) характера и во 2-хъ, нарушеніе общихъ правъ государствъ, основанныхъ на ихъ природѣ [2]). Прежними писателями эти права назывались ошибочно абсолютными.

Въ первомъ случаѣ управомоченная сторона можетъ либо потребовать вознагражденія за невыполненіе договора, либо въ свою очередь совершенно отступиться отъ него. И въ международной сферѣ изъ нарушенія права возникаетъ новое право. Въ этомъ лежитъ сила юридическаго порядка [3]),

Во второмъ случаѣ обиженное государство можетъ требовать не только *возстановленія* нарушеннаго права, но и *удовлетворенія* за понесенное оскорбленіе. Этого рода правонарушенія, направленныя противъ верховныхъ правъ государствъ, задѣваютъ непосредственно ихъ личность, какъ представителей народнаго духа и поэтому они не могутъ терпѣть ихъ умаленія или непризнанія со стороны другихъ государствъ. Въ важныхъ случаяхъ оскорбленное государство даже не до-

---

[1]) *Bluntschli*, стр 69.

[2]) The disputes arise from rights denied or injuries received. *Halleck* Elements of international law. 1872, p 137. Всѣ споры между народами, говоритъ *Фіоре*, вращаются вообще около двухъ предметовъ: удовлетворенія за оскорбленіе и признанія права (Nouveau droit international publ c trad par Pradier—Fodéré 1869. II, 203).

[3]) Das verübte Unrecht, говоритъ Блюнчли, wird zum Recht des Verletzten (н с. стр. 260)

вольствуется полученіемъ удовлетворенія, но требуетъ еще особенныхъ *гарантій* отъ правонарушителя на будущее время.

Удовлетвореніе обиженнаго идетъ нѣсколько далѣе простаго возстановленія права: оно предполагаетъ не только возвращеніе обиженному матеріальныхъ убытковъ, но и исправленіе нравственно причиненнаго ему вреда. Достоинство или честь обиженнаго должна быть признана нарушителемъ снова и торжественно. Это дѣлается отправленіемъ особыхъ посольствъ, посредствомъ деклараціи и т. д. Гефтеръ приводитъ много примѣровъ тому, что государства извинялись другъ предъ другомъ и давали взаимно удовлетвореніе, когда нарушали чужія права.

Въ международной области не только трудно опредѣлить вопросы о нарушеніи права, но еще несравненно труднѣе найти справедливые способы и предѣлы его возстановленія. При шаткости международныхъ нормъ здѣсь можно выставить правиломъ только лишь то, чтобы возстановленіе совершалось по началу соразмѣрности [1]) и въ свою очередь не имѣло для нарушителя оскорбительнаго или унизительнаго характера. При этомъ не требуется однородности въ дѣйствіяхъ или предметахъ.

Наконецъ въ случаѣ нарушенія государствомъ не только правъ другаго, но и основныхъ началъ международнаго права, не только оскорбленное государство, но и всѣ прочія, имѣющія возможность охранять международное право [2]), обязаны противъ этого протестовать, а въ крайнихъ случаяхъ употребить даже силу для отстоянія общаго имъ всѣмъ права.

Въ этомъ заключается юридическая солидарность между государствами.

Какія же правонарушенія считать международными? т. е. какія дѣйствія государствъ могутъ оправдать коллективныя противъ нихъ мѣры всего международнаго союза?

---

[1]) Исключеніе составляетъ однако война, послѣ которой первоначально спорное право не остается мѣриломъ для условій мирнаго трактата.

[2]) Право это имѣютъ всѣ государства, но реализуютъ его большею частію великія державы всѣдствіе своей большей дѣеспособности.

Вполнѣ удовлетворительное, съ юридической точки зрѣнія, рѣшеніе этого вопроса можетъ воспослѣдовать только когда кодифицируется само международное право. До сихъ поръ мы имѣемъ лишь попытки частныхъ лицъ опредѣлить ближе эти правонарушенія: Гефтеръ указываетъ на четыре главные ихъ вида [1]), а Блюнчли насчитываетъ до одиннадцати ихъ различныхъ проявленій [2]).

II.

Способы прекращенія международныхъ несогласій. Ихъ классификація.

Ученіе о средствахъ охраны и возстановленія права между государствами основательно выдѣляется писателями въ самостоятельный отдѣлъ международнаго права, который многими называется *процессуальнымъ правомъ* и, по аналогіи гражданскаго и уголовнаго права, противопоставляется матеріальному международному праву. Одни (Фаллати, Кальтенборнъ, Бульмеринкъ) кладутъ это различіе въ основаніе всей системы нашего предмета; другіе, не идя такъ далеко, отводятъ однако международному процессу самостоятельное мѣсто (Гефтеръ, Сандона).

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что эта исходная точка вѣрна, но много еще пройдетъ времени до тѣхъ поръ, пока, хотя въ главныхъ чертахъ, это ученіе преобразуется въ высшую форму процессуальнаго права. Она, по самому характеру субъектовъ, отыскивающихъ чрезъ него охрану своихъ правъ, навсегда удержитъ черты, которыя будутъ рѣзко отличать его отъ типа процесса гражданскаго и уголовнаго. Но возведеніе его постепенно къ началамъ и формамъ процесса, хотя самостоятельнаго, но юридически выработаннаго—задача международнаго права.

Весьма многимъ писателямъ по нашему предмету существующіе способы рѣшенія споровъ между государствами кажутся

---

[1]) Europaisches Volkerrecht. 7 Ausgabe, bearbeitet von Geffcken. 1881. S. 222.

[2]) Volkerrecht. S. 265—66.

весьма удовлетворительными. Подобно всякому другому процессу, говоритъ Кальтенборнъ, международный имѣетъ своею задачею возстановить юридическій порядокъ, потрясенный спорами и нарушеніями. Цѣль войны, какъ и остальныхъ юридическихъ средствъ, лежитъ въ обезпеченіи и возобновленіи мира, т. е. прочнаго правоваго порядка. Съ этой стороны международный процессъ (Volkerrechtsprocess) не имѣетъ ничего особеннаго. Но главное, принципальное его различіе состоитъ въ томъ, что права въ немъ отыскиваются и защищаются самими сторонами, а не стоящею надъ ними властью (Gesammtheit). Каждое государство само опредѣляетъ, что оно считаетъ своимъ правомъ и по своему усмотрѣнію выбираетъ пути и средства его реализаціи. Съ точки зрѣнія теоріи, или философскаго международнаго права, можно бы возложить обязанность охранять права государствъ на то духовное цѣлое, или союзъ, въ которомъ они живутъ въ Европѣ и Америкѣ. Но на практикѣ эти государства не доросли еще до такой международной организаціи, которая отъ имени всѣхъ ихъ могла бы изрекать и охранять право.

Не смотря на эту капитальную особенность международнаго процесса, Кальтенборнъ оспариваетъ однако мысль будто онъ не имѣетъ реальнаго значенія въ смыслѣ установленія права. И въ области частнаго и публичнаго права бываютъ случаи, что стороны сами находятъ и опредѣляютъ свое право. Особенно въ послѣднемъ споры между факторами законодательства вызываютъ автентическое толкованіе, которое исходитъ отъ одной изъ спорящихъ сторонъ (въ случаяхъ обвиненія министровъ въ Англіи рѣшеніе постановляется органомъ, съ формальной стороны пристрастнымъ, палатой лордовъ). Въ международной жизни это явленіе можетъ еще менѣе вызывать недоумѣнія. Сторонами тутъ являются государства, существа разумныя и надѣленныя вполнѣ объективнымъ характеромъ. Ихъ способность разумѣнія и сужденія, по крайней мѣрѣ по существу, опредѣляется сознаніемъ и волею живущихъ въ нихъ народовъ. Поэтому, даже въ качествѣ сторонъ, они несравненно менѣе пристрастны, чѣмъ отдѣльныя лица. Правда, мно-

гое тутъ зависитъ отъ характера ихъ политическаго строя и неоспоримо также, что «народы имѣютъ свои страсти и дѣйствуютъ большею частію по своимъ интересамъ, а не по сознанію о правѣ». Не смотря на все это ихъ политическая дѣятельность все болѣе и болѣе обусловливается началами гуманности и цивилизаціи. На стражѣ права стоитъ общественное мнѣніе, судья строгій и просвѣщенный. Въ коаліціяхъ, союзахъ и различныхъ договорахъ лежатъ дальнѣйшія средства практическаго обезпеченія права. На основаніи этихъ соображеній Кальтенборнъ приходитъ даже къ выводу, что недостатки международнаго процесса чисто *формальнаго* свойства, но что онъ лучше гражданскаго и уголовнаго процесса соотвѣтствуетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ *конкретному* т. е. вызываемому отдѣльными обстоятельствами и поэтому *настоящему содержанію права*. Въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ судья, какъ органъ государства, относится къ праву не со стороны его конкретныхъ особенностей для спорящихъ, а съ точки зрѣнія его самаго существа и отношенія къ цѣлому государству. Рѣшенія его постоянно подвергаются опасности создать право формально и абстрактно-мертвое. которое не будетъ стоять въ соотвѣтствіи съ справедливыми по внутренней правдѣ требованіями сторонъ. Въ избѣжаніе этой опасности создали нѣсколько судебныхъ инстанцій—мѣра, которая однако въ дѣйствительности помогаетъ гораздо менѣе, чѣмъ думаютъ.

Совершенно иное мы видимъ въ международномъ процессѣ. Здѣсь стороны являются въ то же время и судьями. Каждая изъ нихъ, обладая всѣмъ государственнымъ могуществомъ, можетъ вполнѣ предъявить и подтвердить всѣ факты требуемые для распознанія права (Rechtsfindung). Также нѣтъ опасности, чтобъ оно подверглось лишь абстрактному обсужденію и примѣненію. Стороны властны дать конкретному, съ ихъ индивидуальной точки зрѣнія, и поэтому справедливому праву реальное бытіе. Трудность возникаетъ изъ того, что обѣ стороны, расходясь въ воззрѣніи на спорное право, встрѣчаются въ стремленіи каждая по своему осуществить его. Но разъ

достигается результатъ, мы имѣемъ предъ собою не такъ называемое абстрактное право, а такое, которое дѣйствительно соотвѣтствуетъ даннымъ обстоятельствамъ.

Слѣдуетъ отмѣтить еще другую хорошую черту.

Въ международной области стороны не только судьи, но и законодатели. Судья гражданскій и уголовный можетъ быть проникнутъ убѣжденіемъ, что summum jus—summa injuria, но помочь дѣлу не въ его силахъ. Онъ не призванъ заботиться о преобразованіи права: это дѣло законодателя. Напротивъ, государства, при рѣшеніи своихъ споровъ, не связываются ни наличностію данныхъ и доказанныхъ фактовъ, ни существующими нормами положительнаго права. Въ основаніе своихъ сужденій они вольны класть тѣ производящія право, нравственныя и соціальныя идеи, которыя сдѣлаютъ ихъ рѣшенія справедливыми и вѣрными не только по отношенію къ настоящему, но и будущему. На этомъ основаніи существующіе способы защиты права въ международной области призваны прямо содѣйствовать развитію этого права чрезъ рѣшеніе каждаго отдѣльнаго случая. Они органическіе институты для постепеннаго улучшенія всего международнаго порядка. Такъ называемая судебная практика въ гражданскомъ быту дастъ намъ весьма слабую аналогію этого явленія [1]).

Несмотря на эту апологію международнаго процесса трудно согласиться во всемъ съ почтеннымъ авторомъ. Жалобы на недостатки онаго не прекращались ни въ наукѣ, ни въ жизни. *Фаллати* заявляетъ, что международный процессъ даже въ наше время находится еще на той ступени развитія, которая соотвѣтствовала въ гражданскомъ быту періоду самоуправства и кулачнаго права [2]). Война никогда не исчезнетъ,

---

[1]) *Kaltenborn* Zur Revision der Lehre von den internationalen Rechtsmitteln, въ Zeitschr f. die gesamm. Staatsw. 1861. S 85—99.

[2]) Фаллати различаетъ въ процессуальномъ правѣ слѣдующіе періоды. самоуправства, третейскихъ судовъ, автономическихъ и постоянныхъ, когда автономія (право, вытекающее изъ добровольнаго соглашенія сторонъ) возвышается до положительнаго закона.

но сдѣлается болѣе рѣдкою. Народы перейдутъ отъ періода обычнаго права къ автономичному и это приведетъ ихъ къ рѣшенію ихъ несогласій судами. Но напрасно опасаются вслѣдствіе этого гніенія всей ихъ политической жизни, какъ думалъ Гегель: мы не видимъ, чтобъ и отдѣльныя лица понизились нравственно отъ замѣны кулачнаго права—третейскими и постоянными судами [1]).

По мнѣнію *Сибоома* въ международной области господствуютъ донынѣ не положительные законы, а законъ Линча, въ силу котораго стороны или народы сами должны защищать свои права и расправляться съ ихъ нарушителями [2]).

Г. Муромцевъ, въ своемъ послѣднемъ сочиненіи [3]), хотя и не отрицаетъ за международными отношеніями «всякое юридическое достоинство», но осуждаетъ «зачисленіе многихъ изъ нихъ въ область права». Далеко не всѣ отношенія, говоритъ онъ, подлежащія международному контролю, проникліись въ достаточной степени юридическимъ характеромъ, а съ другой стороны примѣненіе мѣръ защиты (война и др.) далеко неограничивается только случаями, для которыхъ они рекомендуются „правомъ". Абсолютные противники международнаго права, по словамъ автора, правы въ томъ отношеніи, что оттѣняютъ рѣзко относительную слабосильность юридической международной гарантіи.

Послѣднее положеніе невѣрно: слабосильность санкціи въ международномъ правѣ не есть еще достаточное основаніе для того, чтобъ оспаривать юридическій характеръ этого права, какъ дѣлаютъ его „абсолютные" противники, и превращать его то въ нравственность (Пухта, Аккола, Сибоомъ), то въ политику (Лассонъ). Но съ другой стороны приведенные нами писатели совершенно справедливо указываютъ на самый выдающійся недостатокъ международнаго порядка. Мы полага-

---

[1]) *Fallati.* Die Genesis der Volkergesellschaft. Тамъ же. 1844, стр 308, сл.

[2]) *Seebohm.* De la réforme du Droit des Gens trad. par Farjasse 1873, p. 113.

[3]) Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. 1879. стр. 134, сл.

емъ, что никогда нельзя будетъ отнять у государствъ коренное ихъ право самозащиты, но весь международный процессъ съ теченіемъ времени призванъ глубоко измѣниться. Каждое право нуждается въ своихъ особыхъ органахъ, долженствующихъ проявлять и оберегать его по твердымъ юридическимъ же нормамъ. На этомъ основаніи реформа процессуальнаго международнаго права будетъ совершаться, можно ожидать, въ двоякомъ направленіи: она установитъ природу и границы этой самозащиты, насколько возможно сокративъ образъ ея дѣйствія, и выработаетъ съ гораздо большею, чѣмъ въ наше время, точностью и подробностью собственно юридическіе способы охраны права въ международной области. Всѣхъ способовъ такой охраны, какъ извѣстно, весьма много, но съ юридической точки зрѣнія очень не многіе изъ нихъ выдерживаютъ критику или не нуждаются въ преобразованіи. Съ тѣхъ поръ какъ возникло международное право, оно старалось распредѣлить ихъ въ извѣстномъ порядкѣ и отвести каждому изъ нихъ подобающее ему мѣсто въ общей системѣ возстановленія правонарушеній.

Но существующія ихъ классификаціи насъ не удовлетворяютъ. Большинство писателей (Филлиморъ, Галлекъ, изъ русскихъ—Мартенсъ, Стояновъ) дѣлятъ ихъ на двѣ главныя группы: 1) средства отличающіяся вполнѣ миролюбивымъ характеромъ и 2) средства состоящія въ добываніи себѣ фактическимъ путемъ удовлетворенія. Другіе писатели (Кальтенборнъ, Ивановъ) разбиваютъ ихъ по степени репрессивности на три категоріи: 1) мирныя средства, 2) отдѣльныя принудительныя мѣры, не доходящія еще до войны и 3) война, какъ общее враждебное состояніе между государствами.

Въ основаніе обѣихъ классификацій положенъ чисто внѣшній признакъ способа проявленія защиты права. Съ этой точки классификація большинства является болѣе предпочтительною. Нѣтъ юридическаго основанія выдѣлять войну (какъ ни важны создаваемые ею политическія и фактическія послѣдствія) въ особую категорію международнаго процесса: она исходитъ изъ того же принципа, какъ и отдѣль-

ныя принудительныя мѣры и отличается отъ нихъ только большимъ проведеніемъ силы въ международныхъ несогласіяхъ.

Блюнчли различаетъ слѣдующіе способы: полюбовное разбирательство (Minneverfahren), третейское, отдѣльныя принудительныя мѣры и война. *Кальво*, одобряя классификацію большинства, признаетъ въ частности пять способовъ окончанія споровъ между государствами: 1) прямые переговоры, посредничество; 2) конгрессы и конференціи; 3) третейскій судъ; 4) насильственныя рѣшенія: реторсіи, репрессаліи, эмбарго, блокада, и 5) война.

Оба эти писателя въ основаніе своихъ дѣленій не кладутъ опредѣленнаго принципа, который однако для каждой классификаціи долженъ служить исходною точкою. Мы найдемъ эти принципы въ тѣхъ факторахъ, которые опредѣляютъ и направляютъ жизнь народовъ вообще. Ихъ три: сила, интересы и право. Каждый изъ нихъ даетъ начало особой категоріи способовъ защиты. На силѣ зиждутся такъ называемыя принудительныя мѣры. Интересы политическіе и экономическіе, составляя главное содержаніе политики, ведутъ къ дипломатическимъ средствамъ.

Долгое время этими способами исчерпывалась вся область охраны права народовъ. Но постепенно, рядомъ съ ними, стало проявляться и призвано ихъ перерости право, которое стремится выработать собственно юридическіе способы защиты. Этому направленію, самому младшему и пока еще весьма несовершенному, принадлежитъ, позволяемъ себѣ надѣяться, будущее.

Въ избѣжаніе недоразумѣній спѣшимъ оговориться, что указанная нами система не имѣетъ абсолютнаго значенія; мы отлично знаемъ, въ какой постоянной и тѣсной связи стоятъ эти факторы между собою въ дѣйствительной жизни: сила въ цивилизованномъ обществѣ призвана служить праву и отъ него одного получаетъ освященіе, но ея приложеніе можетъ имѣть мѣсто лишь въ предѣлахъ, указываемыхъ политикою. Интересы вообще составляютъ одинъ изъ главныхъ элементовъ въ процессѣ образованія и развитія права, но не единствен-

ный; другой элементъ столь же важный это нравственный, который вытекаетъ изъ начала справедливости, какъ оно слагается въ совѣсти народовъ подъ вліяніемъ всѣхъ присущихъ имъ религіозныхъ и нравственныхъ принциповъ и воззрѣній. Изолировать принимаемые нами факторы невозможно, но каждый изъ нихъ, не исключая остальныхъ, является преобладающимъ и всерѣшающимъ въ извѣстной категоріи международнаго процесса и поэтому можетъ служить основаніемъ для научной систематики.

Отдѣльные способы мы разсмотримъ не въ томъ порядкѣ, какъ это принято въ учебникахъ; отъ мирныхъ способовъ переходятъ къ насильственнымъ и кончаютъ войною. Это воззрѣніе имѣетъ за себя теоретическое оправданіе въ томъ, что обращеніе къ принужденію юридически допускается лишь послѣ того, какъ были исчерпаны всѣ мирныя попытки уладить извѣстный споръ. Мы даемъ предпочтеніе обратному порядку какъ онъ, говоря въ цѣломъ, сложился исторически. Этотъ путь кромѣ того даетъ возможность переходить отъ первоначальныхъ, грубыхъ формъ защиты международнаго права къ болѣе высокимъ и человѣческимъ. Первыя призваны сокращаться и вымирать, вторыя, наоборотъ, совершенствоваться.

ГЛАВА I.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЯ МѢРЫ.

1. Реторсія.—2. Репрессаліи.—3. Эмбарго.—4. Мирная блокада — 5. Война.

Подъ принудительными мѣрами слѣдуетъ разумѣть репрессаліи и войну. Репрессаліи въ широкомъ смыслѣ обозначаютъ всякое отдѣльное насильственное дѣйствіе, совершаемое государствомъ въ видахъ самозащиты безъ вступленія однако еще въ войну. Въ этомъ смыслѣ къ нимъ относятся: реторсія съ одной стороны и эмбарго, и мирная блокада съ другой. Моль и Кальтенборнъ причисляютъ сюда еще прекращеніе дипломатическихъ сношеній, но это относится къ мирнымъ средствамъ. Примѣненіе репрессалій въ международной практикѣ представляетъ собою какъ бы среднее переходное состояніе отъ мира къ войнѣ. Разнообразныя по степени репрессивности или вызываемаго ими приложенія силы, онѣ являются выраженіемъ самоуправства, къ которому государства прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мирными средствами не могутъ отстоять свои права и интересы. При несовершенствѣ человѣческихъ отношеній вообще, обращеніе къ самоуправству или самопомощи (Selbsthilfe) составляетъ часто печальную необходимость. Тѣмъ не менѣе идея юридическаго порядка требуетъ уничтоженія всякой насильственной самопомощи [1]).

---

[1]) Jede Selbsthilfe ist Negation der Rechtsordnung, говоритъ Бурхарди (Ст. Repressalien въ Staats-Lexikon von Rotteck und Welcker) 3 Aufl. 1865 B. XII S. 502.

До достиженія этой цѣли европейскіе народы въ своихъ законахъ и трактатахъ подчинили какъ войну, такъ и репрессаліи извѣстнымъ началамъ права.

Разсмотримъ же вкратцѣ существо и значеніе каждой изъ принудительныхъ мѣръ въ особенности [1]).

I.

Реторсія.

Въ тѣсномъ смыслѣ отъ репрессалій слѣдуетъ отличать *реторсію,* хотя на практикѣ оба понятія нерѣдко смѣшиваются. Изъ всѣхъ принудительныхъ мѣръ реторсія наиболѣе легкая, обыкновенно даже не соединяемая съ насиліемъ. Она состоитъ въ приложеніи къ другому государству закона возмездія, отплаты равнымъ за равное и вызывается не нарушеніемъ права (что узаконяетъ въ крайнемъ случаѣ репрессаліи). а справедливости (Billigkeit, aequitas). Англійскіе писатели (Филлиморъ, Твиссъ) вмѣсто справедливости говорятъ о международной вѣжливости (comity), но послѣднее понятіе не соотвѣтствуетъ первому и имѣетъ на англійскомъ юридическомъ языкѣ совершенно техническое значеніе. Вурмъ же видитъ поводъ къ реторсіи въ неуваженіи чужихъ интересовъ [2]). Точнѣе будетъ сказать, что государство вызываетъ

---

[1]) Богатая относящаяся сюда литература приводится: *Ompteda.* Literatur des gesammten Volkerrechts (1785). II, 609—613 —*Kamptz.* Neue Liter des Volkerr. (1817) § 270.—*Calvo* Le droit international, 3 édit. 1880, II, 596.—Къ этому слѣдуетъ прибавить двѣ статьи *Бульмеринка* Repressalien и Retorsion въ Rechtslexikon, изд. Гольцендорфомъ. 2 изд. 1875; II, 475 и 489.—*Fiore* Nouveau droit international public, trad. par Pradier—Fodéré (1869); II, 214.—*Ferrero Gola.* Corso di diritto internazionale (1866) I, 311.—*Sandonà.* Trattato di diritto internazionale moderno (1870) I, 266.—*Мартенсъ* О правѣ частной собственности во время войны (1869) стр. 21.—*Ивановъ,* Характеристика межд. отношеній и межд. права въ историческ. развитіи (1874), стр. 29. *Стояновъ.* Очерки исторіи и догматики межд. права (1875), стр. 593.

[2]) Unguust gegen Interessen. Статья его Selbsthilfe (volkerrechtlich) въ 1-мъ изд. Staats-Lexikon Ротекка и Велькера (1843) принадлежитъ къ лучшимъ изслѣдованіямъ о реторсіи и репрессаліяхъ (XIV, 457).

противъ себя реторсію, когда оно не нарушаетъ право другаго, но, по отношенію къ нему, сурово и односторонне пользуется своимъ неоспоримымъ правомъ въ случаяхъ, когда свобода его дѣйствій не ограничена какими бы то ни было условіями трактатовъ, такъ что оно не нарушаетъ формальнаго права, но, по замѣчанію Бурхарди, становится въ противорѣчіе съ матеріальною правдою. Таковы условія, вызывающія реторсію. Обыкновенно отъ дѣйствій, противъ которыхъ направляется реторсія, страдаютъ частныя лица вслѣдствіе того, что извѣстное государство либо не уравниваетъ ихъ въ гражданскомъ отношеніи съ своими подданными, либо ставитъ ихъ въ худшее положеніе сравнительно съ другими же иностранцами. Напр., отказъ иностранцамъ въ правѣ на защиту суда, оказаніе при конкурсѣ предпочтенія отечественнымъ кредиторамъ, обложеніе иностранныхъ товаровъ столь высокими пошлинами, что отъ этого подрывается торговля и промышленность другаго государства и т. д. [1]).

Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ заинтересованныя государства могутъ примѣнить ту же систему относительно государства, дѣйствующаго исключительно въ эгоистичныхъ интересахъ. Писатели указываютъ еще на то, что простое различіе въ законахъ между народами и вытекающія отсюда выгоды или невыгоды для иностранцевъ не оправдываютъ реторсіи. Это различіе не носитъ характера несправедливости, а объясняется различіемъ правосознанія народовъ и имѣетъ на сосѣдей дѣйствіе не принципіальное, а случайное, то благопріятное, то неблагопріятное. На практикѣ государства стремятся часто не только къ уравненію своихъ гражданъ на иностранной территоріи съ туземцами, но къ пріобрѣтенію для нихъ даже привилегированнаго положенія. Это требованіе названо неаполитанскимъ посланникомъ—во время извѣстнаго спора между Англіею и Неаполемъ о сѣрной монополіи въ Сициліи, въ 1838 г.—даже если оно основано на трактатѣ—

---

[1]) Въ послѣднемъ случаѣ Бурхарди оправдываетъ даже войну и приводитъ нѣкоторые историческіе тому примѣры

великимъ парадоксомъ въ политикѣ. Но лордъ Пальмерстонъ рѣзко отвѣчалъ ему, что для того и заключаются иной разъ торговые трактаты, чтобы даровать большую и исключительную свободу иностранцамъ въ сравненіи съ туземцами, особенно въ странахъ деспотически управляемыхъ. Очевидно, между европейскими государствами подобное требованіе не можетъ имѣть мѣста на основаніи принципа справедливости, но его нельзя не поддержать относительно полуобразованныхъ государствъ Азіи и Африки, гдѣ уравненіе европейцевъ съ туземцами въ сущности обозначило бы полную, личную и имущественную, необезпеченность первыхъ. Въ этомъ случаѣ при неудачѣ дипломатическихъ переговоровъ Вурмъ оправдываетъ реторсію, но Бернеръ и Бульмеринкъ осуждаютъ ее.

Предметомъ реторсіи можетъ быть всякое международное отношеніе и къ ней дозволено обращаться не только въ видахъ противодѣйствія враждебнымъ намъ поступкамъ другаго правительства, но и съ цѣлію предупрежденія угрожающаго намъ вреда, когда извѣстный вредный намъ принципъ получилъ отъ иностраннаго правительства лишь признаніе, но еще не приложеніе. Впрочемъ примѣненію реторсіи должны предшествовать, какъ всякой другой насильственной мѣрѣ, переговоры съ государствомъ, подавшимъ поводъ къ жалобамъ; дѣйствія несправедливыя со стороны ли частныхъ лицъ или даже властей вмѣняются ихъ правительству только послѣ того, какъ оно, чрезъ свою санкцію, признаетъ ихъ своими. Если обстоятельства не позволяютъ принять противъ иностраннаго государства вполнѣ тождественныхъ мѣръ и относительно тѣхъ же самыхъ предметовъ, реторсію можно перенести въ иную область и обратиться къ дѣйствіямъ по аналогіи. Но ни подъ какимъ условіемъ, по вѣрному замѣчанію Моля, она не должна состоять по отношенію къ противнику въ формальномъ правонарушеніи, но ограничиваться лишь мѣрами для него непріятными и вредными. «Нарушеніе нашего права можетъ вызвать въ насъ недовольство, заставить насъ отнять извѣстныя выгоды отъ нарушителя и даже обратиться непосредственно къ принужденію для отстоянія нашего права, но не дозволяетъ

намъ совершить въ свою очередь нарушеніе права» [1]). Принятіе реторсивныхъ мѣръ можетъ исходить только отъ верховной власти. Ни частныя лица, ни отдѣльныя вѣдомства и власти права на это не имѣютъ. Гефтеръ требуетъ для этого «рѣшенія государства въ законодательномъ порядкѣ» [2]), что, по замѣчанію Бульмеринка, необходимо развѣ при измѣненіи законовъ вообще, но не требуется даже для объявленія войны. Вурмъ впадаетъ въ противоположную крайность: въ дѣлахъ административныхъ онъ предоставляетъ все на усмотрѣніе правительства, а въ судебныхъ — высшаго суда. Но это не согласно съ ученіемъ о современномъ государствѣ, которое должно быть едино и нераздѣльно и въ области внѣшней политики и не можетъ предоставить административнымъ или судебнымъ мѣстамъ часть своихъ верховныхъ правъ.

Цѣль реторсіи не наказаніе, а устраненіе оскорбляющей насъ несправедливости или возстановленіе равенства. Какъ исправительная мѣра она носитъ политическій характеръ. Не смотря на то, что между всѣми принудительными мѣрами она, какъ мы замѣтили, наиболѣе мягкая, противъ нея высказываются многіе писатели. Одни (Фіоре, Гола, Мартенсъ) осуждаютъ ее въ принципѣ, другіе, признавая ее при извѣстныхъ условіяхъ законною, осуждаютъ ее съ точки зрѣнія политической (Моль, Блюнчли, Ивановъ).

Фіоре говоритъ, что «реторсія не можетъ быть правомъ», а Мартенсъ считаетъ ее «такъ мало удовлетворяющею интересамъ государствъ и такою ложною и безнравственною въ своей основной идеѣ, что желательно, чтобы государства навсегда отказались отъ ея примѣненія».—Писатели втораго направленія указываютъ на вредъ ею приносимый: она часто не достигаетъ предполагаемой цѣли, скорѣе раздражая противника, особенно могущественнаго, а не исправляя его, она искажаетъ законы прилагающаго ее государства внесеніемъ въ нихъ такихъ началъ, которыя уже имъ осуждены.

---

[1]) Encyklopadie der Staatswissenschaften. 2 Aufl. 1872. S. 452.

[2]) Eines legislativen Beschlusses der Staatsgewalt.

Все это вѣрно, но еще съ большимъ правомъ приложимо къ остальнымъ средствамъ самоуправства. Допуская большее зло, мы тѣмъ самымъ оправдываемъ меньшее. Съ этой точки зрѣнія Ивановъ находитъ реторсію правомѣрною. «Если государства, говоритъ онъ, вслѣдствіе своей самостоятельности, вынуждены прибѣгать къ самообороне, то чѣмъ менѣе при этомъ насилія, тѣмъ справедливѣе и гуманнѣе. Государство пользующееся своими правами со всею строгостью или исключительностію не можетъ претендовать, если и другія государства, въ сферѣ своихъ правъ, будутъ поступать относительно его такимъ же образомъ».

Мы съ нимъ согласны въ томъ, что въ общей системѣ самозащиты, къ которой государства бываютъ иногда вынуждены прибѣгать, реторсія находитъ себѣ относительное оправданіе, но по мѣрѣ укрѣпленія между ними сознанія солидарности и справедливости, вся эта система становится болѣе и болѣе неправомѣрною и должна уступить мѣсто таковой.

II.

Репрессаліи

Въ отличіе отъ реторсіи, *репрессаліи* вызываются нарушеніемъ между государствами права, либо положительнаго, основаннаго на договорахъ, либо общаго, присущаго имъ въ силу ихъ природы. Онѣ состоятъ въ отдѣльныхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ, которыя однако не имѣютъ самостоятельнаго значенія, а носятъ характеръ отплаты или возмездія за попранное право. Насильственность ихъ оправдывается въ той степени, въ какой нарушенное право не могло быть возстановлено болѣе лучшими и мирными средствами. Но съ другой стороны онѣ отличаются также отъ войны тѣмъ, что состоятъ изъ отдѣльныхъ дѣйствій, которыя не должны нарушить мира между государствами, но, по возможности, предупредить войну [1]. Въ этомъ—ихъ главное юридическое значеніе и относительное оправданіе даже для нашего времени.

---

[1]) *Kaltenborn*, выше назв ст стр. 107

Происхожденіе слова репрессаліи указываетъ на его первоначальное историческое значеніе. Образованное изъ латинскаго — не reprimere, а reprehendere — репрессаліи обозначали прежде отнятіе, самовольное удержаніе кредиторомъ извѣстной вещи, принадлежащей должнику, для удовлетворенія своего обязательственнаго права. Съ теченіемъ времени это понятіе расширено на всѣ дѣйствія вообще, которыми государства отвѣчаютъ на нарушеніе ихъ правъ [1]).

Мы не можемъ здѣсь излагать исторію репрессалій, хотя она весьма любопытна. Извѣстныя уже древнимъ Грекамъ, [2]) онѣ особенно процвѣтали въ средніе вѣка, въ эпоху безсилія государства и анархическаго состоянія общества. Выступая въ формѣ частныхъ войнъ, онѣ имѣли одинъ общій источникъ съ каперствомъ. Въ цѣломъ мы замѣчаемъ въ ихъ развитіи тѣ же три стадіи, черезъ которыя прошелъ и этотъ нѣкогда столь излюбленный видъ войны: сперва безграничное самоуправство частныхъ лицъ, которыя за дѣйствительныя или мнимыя обиды и правонарушенія собственными силами добывали себѣ удовлетвореніе; позднѣе, съ 13-го, а еще болѣе съ 14-го столѣтія, въ статутахъ ломбардскихъ городовъ, торговыхъ трактатахъ нѣмецкихъ городовъ и въ законахъ Англіи и Франціи [3]), постепенно вводится и усиливается контроль правительства надъ тѣми, которымъ оно дозволяетъ пользоваться репрессаліями, удерживающими однако еще характеръ частной войны (bellum particulare) [4]). Въ извѣстномъ сборникѣ Guidon de la Mer

---

[1]) *Berner*, Repressalie, Retorsion въ Deutsches Staats-Worterbuch v. Bluntschli und Brater VIII, 596 сл. Jede vergeltende Handlungsweise die wegen einer Rechtswidrigkeit eintritt

[2]) *Wurm*, назв. ст. стр. 475. Начало репрессалій возводятъ ко временамъ Иліады (11 пѣснь). По отзыву Шеманна уже Грекамъ было извѣстно каперство.

[3]) *Burchardi*, назв ст. стр. 500, сл

[4]) Такъ опредѣляетъ ихъ Бартолъ (Bartolus a Saxoferrato) въ своемъ сочиненіи о репрессаліяхъ (Tractatus represaliarum. 1354). Онъ говоритъ, что для приложенія ихъ требуется дозволеніе отъ judex или даже отъ королевской власти (magis dicitur requiri manus regia seu potestas regia secundum institutionem juris divini et gentium).

говорится подробно о репрессаліяхъ [1]). Эти постановленія, войдя въ составъ морскаго уложенія Людовика XIV (Ordonnance de la marine, 1681 г.), получили признаніе со стороны всѣхъ почти остальныхъ государствъ. Правительства присвоили себѣ право выдавать патенты на каперство и репрессаліи (lettres de marque et de represailles) [2]) лишь въ случаѣ отказа въ правосудіи и въ уплатѣ долга. Съ XV ст. репрессаліи опредѣляются и въ международныхъ договорахъ [3]), при чемъ высказывается уже правило, что, за исключеніемъ отказа въ правосудіи, имущества частныхъ лицъ за долги ихъ соотечественниковъ не подлежатъ конфискаціи. Наконецъ репрессаліи обращаются по своему характеру и приложенію въ государственный актъ. На практикѣ эта реформа не осуществилась еще во всѣхъ частяхъ, но, можно полагать, близка къ тому. Достойно вниманія то обстоятельство, что въ отличіе отъ каперства, процвѣтавшаго до нашего времени, государства, по отношенію къ репрессаліямъ, начиная съ XV ст. высказываютъ въ трактатахъ, по замѣчанію г. Мартенса, явное стремленіе не только къ ихъ ограниченію, но даже къ полной отмѣнѣ и эти колебанія между уничтоженіемъ репрессалій и ихъ ограниченіемъ продолжаются по настоящее время.

Принимаемыя писателями различныя классификаціи репрессалій [4]) уже устарѣли за исключеніемъ одного ихъ дѣленія на положительныя и отрицательныя. Первыя состоятъ въ совершеніи обиженнымъ государствомъ какого либо дѣйствія, направленнаго противъ враждебнаго государства или его подданныхъ, вторыя заключаются въ отказѣ, со стороны обиженнаго государства, отъ исполненія какого либо обязательства въ пользу противника или въ препятствованіи ему пользоваться какимъ-либо признаннымъ правомъ.

---

[1]) Мѣсто сюда относящееся приводится цѣликомъ у Бурхарди.

[2]) Litterae de marca (отъ слова marca — граница) отличались отъ litterae de reprisaliis тѣмъ, что они давали право захватывать враждебныя лица и имущества даже внѣ территоріи, въ открытомъ морѣ, а дѣйствіе послѣднихъ ограничивалось территоріею.

[3]) Ср. Бульмеринка.

[4]) *Ивановъ*, тамъ-же.

Приложенію репрессалій какъ и реторсій должны предшествовать извѣстныя условія: прежде всего государство потерпѣвшее обязано обратиться съ своею жалобою къ нарушителю дипломатическимъ путемъ и до примѣненія репрессалій договоры XVII и XVIII ст. даютъ извѣстный срокъ (отъ 2 до 6 мѣс.) для улаженія спора. По истеченіи онаго и не полученіи удовлетворенія, репрессаліи признавались законными. Если жалоба по своему характеру подлежитъ судебному разсмотрѣнію, надо обратиться къ этому пути и выждать, чтобы дѣло прошло чрезъ всѣ инстанціи суда. Лишь послѣ того какъ обиженному государству будетъ отказано въ удовлетвореніи со стороны судебной и даже верховной власти противника, репрессаліи могутъ быть приложены.

Основаніемъ для нихъ считаютъ отказъ въ правосудіи или произвольное замедленіе онаго, когда справедливыя требованія государства или его гражданъ не получаютъ удовлетворенія въ другомъ государствѣ. Американскіе публицисты относятъ же сюда тотъ случай, когда иностранцы не уплачиваютъ американскимъ гражданамъ своихъ долговъ. Право нарушенное должно быть предварительно доказано, если оно оспаривается репрессаліи незаконны.

Самый деликатный пунктъ касается ихъ предметовъ. Писатели, допуская принципъ, что репрессаліи суть исключительно государственный актъ, доселѣ не вывели изъ него всѣхъ вытекающихъ послѣдствій. Бернеръ говоритъ вообще, что онѣ своимъ объектомъ имѣютъ лица и вещи противника. Это опредѣленіе излишне широко. Бурхарди упоминаетъ о двухъ средствахъ приложенія репрессалій; причиненіе противнику, по закону возмездія, такого же вреда, который онъ сдѣлалъ намъ и наложеніе ареста на принадлежащія ему, но находящіяся у насъ лица, вещи и права по обязательствамъ. Очевидно, эти двѣ категоріи разнородны между собою и неудобны для сведенія къ одной системѣ.

Согласно съ международными обычаями всѣ предметы репрессалій могутъ быть раздѣлены на двѣ обширныя группы, смотря по тому принадлежатъ ли они частнымъ лицамъ или госу-

дарству. Къ первой относятся: задержаніе имущества, принадлежащаго гражданамъ государства—нарушителя; недопущеніе послѣднихъ въ предѣлы обиженнаго, изгнаніе тѣхъ изъ нихъ, которые въ немъ поселились или пребываютъ, лишеніе ихъ нѣкоторыхъ привилегій, даже судебной охраны, наконецъ задержаніе ихъ до полученія удовлетворенія. Эти мѣры долгое время, составлявшія главное содержаніе репрессалій, должны быть въ наше время совершенно отвергнуты, по крайней мѣрѣ между образованными народами, не смотря на тѣ смягченія, которыми писатели думаютъ обставить ихъ приложеніе. Вещи частныхъ лицъ, говорятъ они, удерживаются обиженнымъ государствомъ въ видѣ залога и только въ крайнемъ случаѣ присвоиваются имъ или предоставляются его потерпѣвшимъ гражданамъ. Задержанію однако не подлежатъ капиталы иностранцевъ, помѣщенные въ государственныхъ бумагахъ страны, потерпѣвшей (по замѣчанію Вильдменна этого правила держатся Англія и Франція, а Испанія даже во время войны), а также вещи, принадлежащія посланникамъ; что касается частныхъ лицъ, то они задерживаются въ качествѣ заложниковъ и никогда не могутъ быть признаны за военноплѣнныхъ. Въ случаѣ начала войны, или если ихъ задержаніе окажется безполезнымъ, они отпускаются на волю. Лишеніе ихъ жизни и всякое противъ нихъ насиліе или наказаніе считаются незаконными. Исключеніе допускается въ случаѣ открытаго противодѣйствія съ ихъ стороны. Задержанію однако, даже по прежней теоріи, не подлежали: духовныя особы, посланники съ ихъ свитой, учителя, купцы, пріѣзжавшіе на ярмарки, женщины и дѣти. Вообще репрессаліи должны были направляться противъ гражданъ виновнаго государства и лицъ въ немъ поселившихся, а не тѣхъ, которыя пріѣзжали съ какою либо спеціальною цѣлію, на короткое время [1]). За лицами, которыя такимъ образомъ совершенно невинно терпѣли за дѣйствія ихъ правительства, признавали право требовать себѣ отъ него вознагражденія за причиненные имъ вредъ и убытки. Но

[1]) Ср. Бульмеринка и приводимыхъ у него писателей.

это право оставалось въ дѣйствительности большею частію безъ удовлетворенія [1]).

На основаніи идеи современнаго государства вся эта теорія однако не можетъ быть принята. Частныя лица имѣютъ свою, отъ государства независимую область права и какимъ же образомъ дѣлать ихъ отвѣтственными за дѣйствія послѣдняго? [2]). Это признано даже по отношенію къ военному праву и тѣмъ болѣе должно быть допущено въ репрессаліяхъ. Опытъ показываетъ намъ, что даже практически насилія противъ частныхъ лицъ большею частію не приводили къ желанной цѣли возстановленія права, а лишь тѣмъ болѣе плодили беззаконія [3]).

Болѣе справедливыми представляются мѣры второй группы, направляемыя противъ самого враждебнаго государства. Сюда относятся: задержаніе принадлежащаго ему имущества, арестъ его представителей (при чемъ казнь ихъ или насилія противъ нихъ, даже въ видѣ репрессалій, незаконны), отказъ въ принятыхъ на себя обязательствахъ и отъ заключенныхъ договоровъ. На рубежѣ обѣихъ группъ стоитъ прекращеніе всякихъ сообщеній съ государствомъ—нарушителемъ (почтовыхъ, телеграфныхъ, дипломатическихъ, по рѣкамъ и желѣзнымъ дорогамъ). Мыслимо также временное занятіе части территоріи противника. Но эта мѣра на практикѣ неудобоприложима, будучи уже первымъ шагомъ къ войнѣ.

Государственный характеръ репрессалій требуетъ, чтобы ихъ допущеніе, способъ и продолжительность приложенія всецѣло зависѣли отъ верховной власти. Государства должны примѣ-

---

[1]) Англичане, пострадавшіе отъ репрессалій, совершенныхъ Даніею, за возмутительныя противъ нея дѣйствія Англіи въ 1807 г., долго не могли добиться отъ своего правительства удовлетворенія ихъ законныхъ требованій о вознагражденіи.

[2]) Хорошо и подробно разъясняетъ это г. Мартенсъ (тамъ же, стр. 33, сл.).

[3]) Въ большомъ ходу репрессаліи этого рода были въ эпоху революціонныхъ войнъ. Наполеонъ приказалъ послѣ аміенскаго мира и до начала войны арестовать 10,000 англичанъ во Франціи, думая этимъ сломить противодѣйствіе Англіи, но въ дѣйствительности доведя ея ненависть къ себѣ до крайней степени.

нять ихъ чрезъ свои органы (гражданскія или военныя власти), а не чрезъ частныя лица. Такъ называемыя спеціальныя репрессаліи признаны въ наше время незаконными. Вообще онѣ еще болѣе чѣмъ реторсія должны управляться началомъ соразмѣрности. Строгость и насильственность бываютъ часто неизбѣжны, но всякій актъ варварства, даже по отношенію къ дикимъ или полуобразованнымъ племенамъ, достоинъ осужденія. Съ полученіемъ удовлетворенія государство должно ихъ немедленно прекратить.

Спорнымъ представляется вопросъ, имѣютъ ли право на репрессаліи третьи, незаинтересованныя государства? Большинство писателей отвѣчаютъ на это отрицательно. Самозащита въ пользу третьяго, это contradictio in adjecto, восклицаетъ Морштадъ, издатель Клюбера. Репрессаліи съ такимъ характеромъ узаконили бы, по мнѣнію Бульмеринка, bellum omnium contra omnes, или создали бы мостъ для интервенцій, по словамъ Бурхарди. Но есть защитники и противоположнаго воззрѣнія. Репрессаліи въ пользу третьихъ допускаютъ: Бинкерсгукъ «въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ справедливы», Клюберъ—между членами союзнаго государства, а Бурхарди—даже между союзниками вообще. Далѣе всѣхъ идетъ Гефтеръ. «Третья держава, говоритъ онъ, можетъ участвовать въ репрессаліяхъ другой, если ея содѣйствіе имѣетъ цѣлью положить конецъ нарушеніямъ международнаго права или дѣйствіямъ противнымъ человѣколюбію и справедливости. Въ этомъ случаѣ государства выполняютъ лишь общее свое назначеніе, указанное имъ самой природой. Какъ верховные органы человѣчества, они призваны возстановлять уваженіе къ праву вездѣ, гдѣ только оно нарушается». Однако противъ этого высказывается Бурхарди. «Нарушеніе международнаго права, возражаетъ онъ, направленное не противъ насъ, можетъ оскорбить наше нравственное чувство, но какъ же оно можетъ намъ дозволить совершить съ нашей стороны правонарушеніе по отношенію къ тому, кто не причинилъ намъ никакого зла. Карать за оскорбленіе нравственнаго чувства слѣдуетъ предоставить тому органу, чрезъ посредство котораго оно высказывается, т. е.

общественному мнѣнію». Въ критикѣ лежитъ ея опроверженіе: нарушеніе международнаго *права* не есть простое оскорбленіе *нравственнаго чувства*. Всѣ государства заинтересованы и имѣютъ право защищать его всѣми средствами, а слѣдовательно и репрессивными мѣрами, и пока послѣднія остаются въ предѣлахъ, указываемыхъ международнымъ правомъ, нечего опасаться явленій, выставляемыхъ приведенными нами писателями.

По мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи и развитія правосознанія въ народахъ, писатели высказываются все рѣшительнѣе и энергичнѣе противъ репрессалій. Хотя положительное, европейское международное право, говоритъ Моль, ихъ не отвергаетъ, но право философское не можетъ одобрить совершеніе сознательнаго и самостоятельнаго правонарушенія. Онъ требуетъ ихъ отмѣны, какъ «остатка варварской мстительности». Вульсей указываетъ на ихъ безчеловѣчный характеръ и надѣется, что онѣ, какъ и захватъ частной собственности въ сухопутной войнѣ, совершенно прекратятся [1]). На этой точкѣ зрѣнія стоятъ Голл и Фіоре Первый заявляетъ, что «настоящаго права на репрессаліи не существуетъ». Писатели думаютъ его утвердить на началѣ взаимности, но послѣднее должно дѣйствовать по отношенію къ доброму и справедливому, а не злому и произвольному. Несостоятельнымъ кажется ему и мнѣніе тѣхъ писателей, которые видятъ въ репрессаліяхъ средство предупрежденія болѣе серьезнаго зла—войны, потому что онѣ бросаютъ между народами лишь сѣмена къ новымъ раздорамъ [2]). Въ мирное время, говоритъ Фіоре, и малѣйшее насиліе является незаконнымъ. Или народы находятся въ нормальномъ состояніи и тогда не существуетъ иного закона кромѣ справедливости, въ силу котораго запрещается совершать насилія для полученія удовлетворенія за обиду, или же наоборотъ народы, забывъ право, прибѣгаютъ къ силѣ и обращаютъ

---

1) *Woolsey.* Introduction to the study of international law. (1873); p. 193.

2) Н. с I, 315.

вопросъ права въ вопросъ о могуществѣ и въ такомъ случаѣ мирныя сношенія между ними уступаютъ мѣсто войнѣ [1]). Фіоре допускаетъ лишь публичныя репрессаліи и отрицательныя.

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ это направленіе и въ нашей отечественной литературѣ. Г. Мартенсъ считаетъ репрессаліи, «какъ средство поддержанія мирныхъ отношеній и юридическаго порядка между государствами и несправедливыми и крайне нецѣлесообразными. Всѣ онѣ на опытѣ не только не способствуютъ возстановленію права, но въ большей части случаевъ вызываютъ еще большее ожесточеніе между государствами и усложняютъ возникшее столкновеніе» [2]). Г. Стояновъ говоритъ, что «онѣ, не смотря на существенныя смягченія, какъ одно изъ средствъ необходимой обороны, могутъ быть терпимы, но никакъ не одобряемы теоріею международнаго права» [3]).

Нечего и говорить, что эти писатели совершенно правы съ точки зрѣнія абсолютной и отвлеченной. Человѣчество движется къ отмѣнѣ репрессалій. Но эта реформа можетъ быть достигнута лишь по частямъ и въ дали временъ, по мѣрѣ того, какъ право отмѣнитъ самоуправство. Это условіе не выставлено приведенными нами писателями. Должно помнить, что государства не могутъ, подобно частнымъ лицамъ, во имя высшаго нравственнаго закона оставлять нарушенными принадлежащія имъ или ихъ гражданамъ права. Защита необходима, но она должна принять высшія формы — юридическія, которыя все болѣе и болѣе сократятъ приложеніе силы.

Не довольно обращая вниманія на эту сторону дѣла, писатели даже новѣйшіе слишкомъ безусловно оправдываютъ репрессаліи и не достаточно ставятъ на видъ, что онѣ составляютъ архаическую форму международнаго процесса, предназначенную къ вымиранію. Еще Бинкершукъ указалъ на главную причину, ведущую къ репрессаліямъ: неправдивыя и безчестныя

---

[1]) Н. с. II, 225.
[2]) Н. с. стр. 27 и 37.
[3]) Н. с. стр. 596 — 599.

дѣйствія (improbitas) государственныхъ людей [1]). Критикуя Моля, Кальтенборнъ говоритъ, что репрессаліи, подобно войнѣ, имѣютъ характеръ «настоящаго юридическаго способа» защиты; не существуетъ лучшаго средства для рѣшенія международныхъ несогласій; онѣ разумны и должны быть оправданы даже съ точки зрѣнія философскаго международнаго права. Бульмеринкъ считаетъ ихъ «необходимыми въ ряду международныхъ способовъ охраны права, лишь бы онѣ были строго опредѣлены и приложеніе ихъ по возможности ограничено». Г. Ивановъ смотритъ на нихъ, какъ и на реторсію. «Сравнительно съ войною репрессаліи, говоритъ онъ, представляютъ меньшее насиліе и потому, при вѣроятности успѣха, должны быть предпочитаемы ей». Но онъ оправдываетъ лишь публичныя репрессаліи въ тѣсномъ смыслѣ слова и не умалчиваетъ, что вообще онѣ представляются ему ненадежнымъ средствомъ для прекращенія международныхъ споровъ. Далѣе всѣхъ въ этомъ направленіи идетъ, въ отличіе отъ своихъ соотечественниковъ, Сандонà. Законность репрессалій, по его мнѣнію, основывается на полученіи обиды и безполезности мирныхъ попытокъ, предпринятыхъ въ видахъ возстановленія права. Онъ даже оправдываетъ репрессаліи противъ частныхъ лицъ и ихъ имуществъ.

Какъ съ теоретической, такъ и съ практической стороны репрессаліи заслуживаютъ гораздо болѣе осужденія нежели одобренія. Пора, хотя въ наукѣ, установить на нихъ настоящую точку зрѣнія. Раздѣляя присущіе реторсіи недостатки, репрессаліи кромѣ того поражаютъ гораздо болѣе частныя лица ни въ чемъ не виновныя, нежели государство, совершившее правонарушеніе. Собственно публичныя репрессаліи, какъ мы опредѣлили ихъ выше, уменьшаютъ, но не уничтожаютъ это зло. Кромѣ того слѣдуетъ помнить, что государства по наше время не отказались еще и отъ приложенія частныхъ репрессалій.

---

[1]) Repressaliarum usum in totum tollere, qui non uni Principi subsunt improbitas non patitur.

Самую полную и вѣрную оцѣнку этого способа охраны международнаго права мы находимъ у Вурма. Онъ говоритъ, что законность репрессалій, какъ и войны, покоится на одномъ и томъ же основаніи на несправедливыхъ дѣйствіяхъ противника. Поэтому онѣ дозволены въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ дозволена война. Но отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы обиженное государство могло по произволу либо довольствоваться репрессаліями, либо переходить къ войнѣ. Различіе, на которое уже указалъ Ваттель, состоитъ въ томъ, что война имѣетъ своимъ предметомъ не устраненіе обиды, что оправдываетъ репрессаліи, а полученіе права, которое само оспаривается. Довольно частое, даже въ наше столѣтіе, приложеніе репрессалій даетъ намъ возможность узнать ихъ главные недостатки. Онѣ являются средствомъ для могущественной державы провести свою волю по отношенію къ слабому государству не прибѣгая къ издержкамъ и риску, соединеннымъ съ войною, и вызывая противъ себя въ несравненно болѣе слабой степени судъ общественнаго мнѣнія внутри и внѣ своихъ предѣловъ. Репрессаліи даютъ весьма сподручный и желанный предлогъ для злоупотребленій всякаго рода. Прикрываясь ими, какъ маскою съ словами мира на устахъ, государства проводили иной разъ такія требованія, на которыя они по содержанію и формѣ никогда не осмѣлились бы путемъ войны. Особеннымъ безславіемъ покрыла себя Англія чрезмѣрными репрессаліями въ спорѣ съ Неаполемъ изъ за сѣрной монополіи въ Сициліи (1840), съ Грецією въ дѣлѣ Пачифико (1850) и съ Бразилією (1861) [1]). Вслѣдствіе чрезмѣрнаго расширенія репрессалій никогда не были такъ стерты грани, отдѣляющія миръ отъ войны, какъ въ наше время. Это такое зло, которому должно противодѣйствовать всѣми способами. Вурмъ не довольствуется одною критикою репрессалій, но дѣлаетъ еще шагъ впередъ и предлагаетъ замѣнить ихъ третейскимъ судомъ, который долженъ бы слѣдовать за неудавшимся посредничествомъ. Вотъ мысль, которая какъ то осталась не замѣченною, но которой принад-

[1]) Calvo; II, 599 — 606.

лежитъ безспорно будущее. Цѣль, ради которой, говоритъ Вурмъ, обращаются къ репрессаліямъ, т. е. возстановленіе права безъ нарушенія мира, будетъ достигнута этимъ путемъ гораздо вѣрнѣе, если не во всѣхъ, то въ большинствѣ случаевъ [1]).

Эту реформу будетъ гораздо труднѣе провести въ двухъ случаяхъ: въ военномъ правѣ, даже между цивилизованными народами и по отношенію къ полуобразованнымъ племенамъ вообще.

По мнѣнію нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей все ученіе о репрессаліяхъ уже теперь должно быть цѣликомъ перенесено въ область военнаго права и управляться началами его характеризующими. Въ нихъ нельзя видѣть мѣры, хотя принудительныя, но относящіяся еще къ мирному порядку. Въ этомъ смыслѣ выражается Фильдъ. Всякое приложеніе положительныхъ репрессалій, по его словамъ, даетъ противнику право считать это за объявленіе войны и отвѣчать тѣмъ же [2]). Актъ войны видятъ въ репрессаліяхъ также Функъ-Брентано и Сорель. Къ сожалѣнію мысли ихъ объ этомъ столь же превратны, какъ ихъ воззрѣніе на войну вообще. «Репрессаліи, говорятъ они, составляютъ фактъ, а не приложеніе права. Онѣ примѣняются государствами по ихъ волѣ и интересамъ. Выражаясь въ противопоставленіи силы силѣ, онѣ безпредѣльны на томъ основаніи, что нѣтъ возможности найти границу для человѣческихъ страстей и злоупотребленій силою. Не составляя никогда права, онѣ рѣдко бываютъ дѣйствительны, но необходимы лишь въ случаяхъ, когда могутъ быть дѣйствительными.» Въ связи съ этимъ они объявляютъ, что война имѣетъ своимъ предметомъ установленіе права сильнаго и что правила, которымъ она подчиняется, предписываются одною необходимостію. Сами авторы соглашаются, что «при этихъ условіяхъ исчезаетъ отличіе международнаго права цивилизованныхъ государствъ

---

[1]) Назв. ст. и въ особенности Selbsthulfe der Staaten in Friedenszeiten въ Deutsche-Vierteljahrs-Schrift. 1858. H. 4. S. 79, 81, 83, 84 и 89.

[2]) *Field.* Draft outlines of an International Code. 1872. Art. 711—714. Совершенно противоположное утверждаетъ Сандона (ib. p. 270).

отъ того, котораго держатся еще племена дикія и кочующія» [1]).

Къ этой критикѣ прибавлять нечего: право для того и существуетъ, чтобы препятствовать человѣку спускаться до уровня дикаго звѣря!—Что же касается до Фильда, то его воззрѣніе, противорѣча до нынѣ существовавшей практикѣ, стоитъ въ логической связи съ основною мыслію его книги: по достиженіи кодификаціи международнаго права, репрессаліи, какъ и всякое самоуправство, отойдутъ въ сферу военнаго права.

Съ точки зрѣнія послѣдняго онѣ представляются до нашего времени единственнымъ средствомъ наказать непріятеля за нарушеніе обычаевъ войны. На практикѣ, какъ мы это видимъ даже во франко-германской войнѣ, онѣ отличаются самою крайнею жестокостью и отнимаютъ жизнь и имущество у тысячи невинныхъ лицъ за единичныя дѣйствія, большею частію вызываемыя ослѣпленнымъ патріотизмомъ. Но съ другой стороны должно помнить, что воюющій, безмѣрно пользующійся репрессаліями, только усиливаетъ ожесточеніе противника, который въ свою очередь прибѣгаетъ къ кровавой мести и вслѣдствіе этого война быстро превращается въ самую дикую бойню. Россія во время послѣдней восточной войны 1877 г., не смотря на звѣрскій способъ ея веденія Турками, прилагала репрессаліи съ большою осмотрительностію и умѣренностію. Стоящая на очереди кодификація права войны должна будетъ въ интересахъ человѣколюбія опредѣлить ихъ границы и смягчить на сколько возможно ихъ жестокое примѣненіе.

Въ этомъ смыслѣ высказался и Институтъ международнаго права при обсужденіи проекта Брюссельской конференціи на съѣздѣ въ Гагѣ (1875) [2]). Одобряя общія начала, имъ высказанныя, г. Мартенсъ предлагаетъ еще слѣдующія два пра-

---

[1]) *Funck-Brentano* et *Sorel*. Précis du droit des gens. 1877; p. 229 294—95.

[2]) Annuaire de l'Institut de droit international 1877. p. 136. Ср. недавно имъ изд. Les lois de la guèrre sur terre. 1880; ст. 85 и 86.

вила: 1) чтобы виновные въ нарушеніи обычаевъ войны, въ случаѣ ихъ задержанія, считались не военноплѣнными, а преступниками, подлежащими военно-уголовному суду и 2) въ случаѣ невозможности привлечь къ отвѣтственности дѣйствительно виновныхъ, прилагать репрессаліи къ командирамъ и офицерамъ непріятельскихъ войскъ, болѣе всего виновнымъ въ гнусныхъ поступкахъ своихъ подчиненныхъ. Репрессаліи же въ отношеніи безгласныхъ нижнихъ чиновъ, ни въ чемъ не уличенныхъ, будутъ не только весьма часто несправедливы, но и совершенно безполезны [1]).

Тѣ же начала военныхъ репрессалій должны быть прилагаемы и по отношенію къ дикимъ и малообразованнымъ народамъ. Строгость тутъ часто необходима уже потому, что всякое великодушіе принимается ими за слабость, но съ другой стороны, ей никогда не слѣдуетъ переходить въ жестокость. Никогда истязанія, даже прямыхъ виновниковъ, оправданы быть не могутъ.

III.

Эмбарго. Писатели выдѣляютъ въ особый классъ репрессалій *эмбарго*. Теоретическаго основанія для этого не существуетъ. Подъ эмбарго разумѣютъ арестъ, налагаемый государствомъ на иностранные корабли и ихъ грузы. Съ тѣмъ вмѣстѣ задержанію подвергаются и находящіяся на судахъ лица. Эмбарго раздѣляется на гражданское и международное. Первое есть мѣра, предпринимаемая государствомъ въ видахъ высшей полиціи и состоящая въ наложеніи ареста на всѣ корабли безразлично, отечественные и иностранные. Это дѣлается съ санитарною цѣлію· чтобы остановить развитіе извѣстной болѣзни, или во время важныхъ политическихъ событій (возстанія въ странѣ, смерти государя, приготовленій къ какому либо походу и т. п.), въ видахъ предупрежденія распространенія опасныхъ для государства извѣстій за-границей. Эта мѣра опредѣляется

[1]) Восточная война и Брюссельская конференція (1879); стр 481 сл.

внутренними законами государствъ. Послѣднія имѣютъ конечно на нее право, но обязаны впослѣдствіи вознаградить тѣхъ, которые потерпѣли отъ ея приложенія. Впрочемъ въ наше время быстрыхъ сношеній, почтовыхъ и телеграфныхъ. эта мѣра является вполнѣ несостоятельною и можетъ быть развѣ рекомендуема съ санитарною цѣлію.

Собственно съ международной точки зрѣнія эмбарго. по замѣчанію Твисса [1]). имѣетъ двоякое назначеніе: или какъ репрессивная мѣра (by way of obtaining redress), въ случаѣ отказа въ правосудіи и неполученія удовлетворенія мирнымъ путемъ, или какъ мѣра предупредительно-военная (in contemplation of war). предпринимаемая въ виду предстоящей войны противъ противника, быть можетъ не нарушившаго еще прямо нашего права, но съ цѣлію побудить его къ менѣе суровому пользованію правомъ захвата частной собственности на морѣ [2]).

Чаще всего и въ большихъ размѣрахъ эмбарго прилагалось Англіею, которая. по словамъ г. Мартенса. «всегда являлась защитницею произвола и насилія въ морскомъ международномъ правѣ». Также Франція пользовалась имъ неоднократно, даже въ нашемъ столѣтіи [3]). Данія въ войнѣ 1864 г. съ Германіею прилагала эмбарго. Не смотря однако на это. можно сказать вмѣстѣ съ г. Мартенсомъ, что «чѣмъ болѣе мы приближаемся къ настоящему времени, тѣмъ меньше практика и наука колеблются въ полномъ осужденіи этой мѣры, такъ противной всѣмъ понятіямъ правды и справедливости». Возра-

---

[1]) *Twiss* The Law of Nations; II, § 12.

[2]) Прежніе писатели отличали отъ эмбарго еще такъ называемую *ангарію* (jus angariae—изобрѣтеніе французскихъ юристовъ), подъ которою разумѣли принужденіе со стороны территоріальной власти всѣхъ безъ различія стоящихъ въ гаваняхъ корабдей къ перевозкѣ, за извѣстную плату, войска, военной аммуниціи, съѣстныхъ припасовъ и т. п Эта мѣра, относившаяся уже къ праву войны, можетъ считаться теперь отмѣненною, по крайней мѣрѣ она въ нашемъ столѣтіи, по словамъ Гефкена, болѣе уже не прилагалась.

[3]) Подробности см. у г. *Мартенса*, н. с. стр. 40, сл.

женія, дѣлаемыя противъ репрессалій вообще, примѣнимы и къ эмбарго. Но оно вызываетъ противъ себя еще иной, не менѣе вѣскій аргументъ. «Эмбарго, говоритъ Гольцендорфъ, не только противорѣчитъ современному правосознанію—требующему уваженія частной собственности во время войны—но и наноситъ сильный вредъ торговлѣ вообще и кредиту того государства, которое, даже среди мира, дозволяетъ себѣ задерживать находящихся на его территоріи иностранныхъ подданныхъ и ихъ имущества. Вотъ почему новѣйшіе писатели, не исключая даже англичанъ, отвергаютъ эмбарго» [1]). По этому пути идутъ все рѣшительнѣе и государства, понимая, что эмбарго—орудіе обоюдоострое: оно отражается не менѣе пагубно и на тѣхъ, кто къ нему прибѣгаетъ, потому что пострадавшая отъ него сторона обыкновенно, въ свою очередь отплачиваетъ тѣмъ же. Когда рано или поздно будетъ признанъ принципъ неприкосновенности частной собственности и на морѣ, эмбарго падетъ само собою, какъ одно изъ наслѣдій варварскихъ временъ, но уже теперь наука въ правѣ объявить его, вмѣстѣ съ Вульсеемъ, за своего рода разбой (robbery) и всячески настаивать на его отмѣнѣ [2]).

IV.

Мирная блокада.

Болѣе суровою чѣмъ эмбарго, но и болѣе несправедливою, въ смыслѣ репрессалій, мѣрою является такъ называемая *мирная блокада*. Изобрѣтеніе лишь новаго времени, она по сію пору вызываетъ въ литературѣ самые разнообразные и противорѣчивые толки. До нашего столѣтія блокада признавалась актомъ войны и состояла въ оцѣпленіи вооруженною силою государства цѣлаго морскаго берега враждебной страны или же нѣкоторыхъ ея портовъ и гаваней съ цѣлію лишенія блокируемыхъ мѣстностей всякихъ внѣшнихъ сношеній. Мѣра весьма насильственная; она отражается часто болѣе пагубно

---

[1]) Ст *Embargo*, въ изд. имъ Rechtslexikon. I, 678 (3 изд.).

[2]) Н. с. стр, 192.

на нейтральныхъ, непричастныхъ войнѣ, нежели на самомъ противникѣ, противъ котораго направляется. Мирная блокада должна по существу не отличаться отъ военной, но какъ репрессивная мѣра, она состоитъ изъ отдѣльныхъ принудительныхъ дѣйствій, не уничтожающихъ будто бы мира между спорящими сторонами. Въ первый разъ она была примѣнена Англіею, Франціею и Россіею въ 1827 г. противъ Турціи для прекращенія кровопролитія въ Греціи. Затѣмъ мирная блокада приводилась въ дѣйствіе еще четыре раза [1]) двумя первыми державами и, надо замѣтить, всегда противъ государствъ слабыхъ. Кромѣ того, Франція два раза (1831 и 1852) угрожала Швейцаріи полною сухопутною блокадою (blocus hermetique) [2]). Россія, участвовавшая лишь въ первой мирной блокадѣ, не выставила никакихъ особенныхъ правилъ [3]), но Англія и Франція не могли согласиться между собою относительно ея послѣдствій. Въ случаѣ нарушенія подобной блокады, Англія конфискуетъ какъ корабли противника, такъ и нейтральныхъ; Франція же только послѣднихъ, а суда блокируемой страны задерживаетъ на время блокады и, по ея снятіи, возвращаетъ. Гефтеръ и Готфель находятъ французскую практику болѣе справедливою, но послѣдній дѣлаетъ однако оговорку, что поведеніе Англіи кажется ему болѣе послѣдовательнымъ. Въ сущности, говоритъ Геснеръ, Англія права; блокада есть военная операція; но по теоріи, Франція ближе къ истинѣ, въ виду утвержденія блокирующей державы будто она живетъ въ мирѣ съ блокируемой. Наиболѣе послѣдовательнымъ было бы ограничиться однимъ задержаніемъ (секвестромъ) кораблей и всѣхъ третьихъ государствъ. Если уже допустить разъ возможность мирной блокады—секвестръ долженъ быть предпочтенъ конфискаціи [4]).

---

[1]) Эти случаи разсказываются у г. *Даневскаго:* Историческій очеркъ нейтралитета и критика парижской морской декларація. 1879 Стр. 145, сл.

[2]) Гефкенъ къ соч. Гефтера, стр. 238.

[3]) Мартенсъ, н. с стр. 50

[4]) *Gessner.* Le droit des neutres sur mer. 2 édit. 1876, p. 240.

Такова практика въ занимающемъ насъ вопросѣ. Въ теоріи писатели далеко расходятся между собою и раздѣляются на три группы. Одни, наиболѣе многочисленные, осуждаютъ мирную блокаду въ принципѣ [1]). Другіе также усердно защищаютъ ее. Сюда относятся немногіе, но полновѣсные авторитеты въ наукѣ: Гефтеръ, Кальтенборнъ, Кошп, Кальво [2]). Наконецъ третьи оправдываютъ ее, но либо требуютъ измѣненія вытекающихъ изъ нея послѣдствій (Блюнчли, Ивановъ), либо видятъ въ ней особый видъ частичной, какъ бы локализованной, морской войны (г. Даневскій)

Противники мирной блокады (Готфель, Геснеръ, Мартенсъ) указываютъ на основное противорѣчіе, лежащее въ самомъ ея понятіи: государство, предпринимая ее, утверждаетъ быть съ своимъ противникомъ въ мирѣ и между тѣмъ совершаетъ дѣйствія и присвоиваетъ себѣ права, которыя принадлежатъ исключительно воюющему: оно не только вредитъ торговлѣ и свободѣ сношеній той страны, съ которой находится въ ссорѣ но и парализуетъ торговлю всѣхъ постороннихъ, этой ссорѣ непричастныхъ государствъ, и которыхъ нельзя назвать нейтральными, потому что войны нѣтъ.

Собственно съ принципіальной стороны нельзя дать отвѣта на этотъ доводъ. Писатели третьей названной нами группы (Блюнчли, г. Ивановъ) стараются обойти его тѣмъ, что говорятъ «нейтральныя государства не обязаны признавать, за блокирующей подобнымъ образомъ державой, призоваго права, но могутъ требовать безпрепятственнаго входа и выхода для своихъ кораблей» [3]).

На практикѣ это будетъ почти равносильно уничтоженію

---

[1]) Къ приводимымъ г. Мартенсомъ писателямъ (ib. стр. 48) слѣдуетъ прибавить: Вурма (н. ст. XII, 487—88), Бернера, Фіоре (II, 462), Гола (II, 35), Казанова (*Casanova*, Del diritto internazionale, 2 ediz. dal Cabella e Cironi. 1870; II, 126), Столнова и Фильда. Послѣдній, совершенно умалчивая о мирной блокадѣ, допускаетъ даже военную только по отношенію къ военнымъ портамъ (Art. 891—92).

[2]) Также Сандона (I, 277).

[3]) Bluntschli, ib. § 507.

мирной блокады, и самъ г. Ивановъ сознается, что подобное «ограниченіе существенно ослабляетъ ея практическое значеніе» [1]).

Противъ разсматриваемой нами мѣры говорятъ не менѣе и практическія соображенія: въ мирной блокадѣ лежитъ сподручное средство для могущественнаго государства угнетать слабое, не имѣя нужды объявлять ему войну и не подвергая себя всѣмъ инымъ непріятнымъ послѣдствіямъ, которыя связаны съ открытыми враждебными дѣйствіями. Государство не легко рѣшается на войну. Блокада же даетъ первокласснымъ державамъ средство, не дорого стоющее, а поэтому весьма заманчивое для причиненія государствамъ слабымъ всевозможныхъ притѣсненій [2]). Война, какъ извѣстно, между прочимъ развиваетъ торговлю нейтральныхъ на счетъ воюющихъ. Посредствомъ мирной блокады государства стремились къ противоположному результату. Она была, говоритъ Геснеръ, весьма выгодна для ихъ торговыхъ интересовъ, дозволяя ихъ гражданамъ свободно продолжать ихъ сношенія съ необложенными гаванями тѣхъ государствъ, которыя подверглись блокадѣ [3]).

Между защитниками мирной блокады, кромѣ Кошп [4]), укажемъ на Кальтенборна. Въ виду страшнаго и исключительнаго характера войны, говоритъ послѣдній, все, что можетъ служить къ ея отсрочкѣ, должно считаться разумною, и съ юридической точки зрѣнія, законною мѣрою. Мы достигаемъ этого, если согласимся считать не каждую блокаду военнымъ дѣйствіемъ, а отдѣльною насильственною мѣрою, носящею просто характеръ репрессалій. Онъ не согласенъ съ Бернеромъ, который видитъ въ мирной блокадѣ предосудительное вторженіе въ право нейтральныхъ. Взвѣшивая хладнокровно дѣло, нейтральные будутъ вынуждены согласиться, что, перенося тягость блокады, а не всѣ бѣдствія настоящей войны, они

---

[1]) Н. с., стр. 46.

[2]) Gessner, ib. 239.

[3]) Ib. 240.

[4]) Доводы его приводятся и разбираются г. Мартенсомъ (н. с. стр. 49).

много выигрываютъ по отношенію къ собственному юридическому положенію.

На этомъ основаніи онъ вполнѣ присоединяется къ Гефтеру, замѣчающему, что «человѣчество можетъ только радоваться этому новому международному учрежденію» [1]).

Очевидно писатели этого направленія становятся не столько на юридическую, сколько на филантропическую точку зрѣнія. Но въ дѣйствительности способна ли мирная блокада предупредить войну, какъ они полагаютъ? Это еще новое явленіе въ международной жизни, но тѣмъ не менѣе въ такомъ его дѣйствіи можно болѣе чѣмъ сомнѣваться. Изъ пяти примѣровъ мирной блокады—два повели къ войнѣ, а третій затянулся на цѣлыя 10 лѣтъ (соединенная блокада Франціи и Англіи портовъ Аргентинской республики). Не слѣдуетъ забывать, что эта мѣра практиковалась доселѣ противъ слабыхъ государствъ; сильныя ея не дозволятъ, но въ свою очередь перейдутъ къ войнѣ. Кромѣ того Франція и Англія, примѣняя блокаду, по сознанію Готфеля, «дѣйствовали исключительно въ виду своихъ интересовъ. Они нарушали права другихъ народовъ, скрываясь за гуманныя начала, бывшія въ сущности однимъ пустымъ предлогомъ».

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній мы въ результатѣ приходимъ къ воззрѣнію, высказанному уже Коши, и вновь поддерживаемому г. Даневскимъ [2]). Названіе мирной блокады должно отвергнуть какъ смутное и невѣрное. Въ ней слѣдуетъ видѣть особое проявленіе морской войны, смягченной и локализованной, которая съ этой точки зрѣнія не можетъ не быть одобрена гуманностью и правомъ. Послѣдствія для противника и третьихъ государствъ тѣ же, какія возникаютъ изъ войны вообще. Первый имѣетъ право на такую блокаду отвѣчать либо тѣмъ же, либо прямо войною. Вѣроятно онъ предпочтетъ первое, но человѣчество выиграетъ въ томъ отношеніи, что при этомъ не будетъ по общему правилу кровопролитія.

---

[1]) Kaltenborn, o. c p. 112—113.

[2]) H. c. стр 143, сл

Дипломатическія сношенія между спорящими не прерываются, что впрочемъ должно бы быть признано во всѣхъ войнахъ. Само собою разумѣется, что приложеніе этой блокады, по замѣчанію Кальво, «должно быть вызвано дѣйствительнымъ правонарушеніемъ и совершаться при соблюденіи тѣхъ же предосторожностей и гарантій, которыя признаны относительно военной блокады». Прибавимъ еще, что слѣдствіемъ нарушенія блокады вообще, въ той или иной формѣ, слѣдовало бы признать задержаніе на время спора, а не конфискацію виновныхъ кораблей.

Еще Коши, какъ мы замѣтили, уподобляетъ мирную блокаду частичной войнѣ или веденію осадъ. Гефнеръ сильно порицаетъ эту точку зрѣнія: «нельзя, говоритъ онъ, вести частичную войну т. е. такую, которая поражала бы лишь нѣкоторую часть, а не все государство. Это было бы возможно, если бы государство было мертвый механизмъ; но оно живой организмъ, и кто наноситъ вредъ одному изъ его членовъ—поражаетъ всѣ остальные. Предлагающій ограничивать войну лишь извѣстными частями государства, высказываетъ такую же нелѣпость, какъ утверждающій, что пощечина не есть оскорбленіе для всего человѣка» [1]).

Въ этой аргументаціи болѣе остроумія, чѣмъ глубины. Никто не отвергаетъ органической природы государства и вліянія войны на всѣ стороны его жизни, но это вовсе не препятствуетъ спорящимъ, съ обоюднаго согласія, ограничить дѣйствіе войны, въ видахъ человѣколюбія, извѣстною территоріею (локализовать ее). Такіе примѣры встрѣчаются въ сухопутныхъ войнахъ [2]) и нѣтъ причины не допускать ихъ въ морскихъ, т. е., при извѣстныхъ условіяхъ довольствоваться однимъ обложеніемъ непріятельскихъ гаваней.

Намъ возразятъ, что это средство несправедливо, потому что имъ не могутъ пользоваться одинаково могущественныя и слабыя государства. Съ этимъ мы согласны, но тоже самое при-

---

[1]) Ib. 238.

[2]) Bluntschli, ib. art. 747

ходится сказать о войнѣ и о всѣхъ принудительныхъ средствахъ вообще Въ этомъ главное осужденіе самосуда и въ международной области.

Наконецъ мы согласны съ г. Даневскимъ [1]), противъ гг. Геснера и Мартенса, въ томъ, что изъ парижской декларации 1856 г. нельзя выводить отмѣну мирной блокады. Толковать въ этомъ смыслѣ молчаніе ея четвертаго пункта намъ кажется произвольнымъ.

Такова система репрессалій, прилагаемыхъ для возстановленія права внѣ области войны. Въ ней нельзя не видѣть «остатка младенческаго возраста народовъ, соотвѣтствующаго эпохѣ самосуда, самоуправства и государственной анархіи. Примѣняясь въ наше время государствами, онѣ нисколько не теряютъ свой первобытный характеръ» [2]). Говоря въ цѣломъ, ими гораздо чаще нарушается, нежели дѣйствительно возстановляется право. Противъ сильнаго государства онѣ опасны: раздражая, а не умѣряя его страсти, онѣ быстро могутъ повести къ войнѣ; противъ слабаго же онѣ легко принимаютъ характеръ притѣснительный и произвольный.

Съ установленіемъ настоящаго юридическаго порядка между государствами репрессали должны совершенно исчезнуть.

V.

Война.

Великіе споры между государствами чаще всего рѣшаются *войною*. Мы встрѣчаемъ ее на всѣхъ ступеняхъ развитія человѣчества, начиная отъ дикихъ кочевниковъ, которые видятъ въ войнѣ главное средство своего пропитанія и ежедневнаго занятія и кончая наиболѣе цивилизованными народами, которые съ тяжелымъ сердцемъ берутся за оружіе для отстоянія высшихъ благъ жизни. Историческое изученіе этого міроваго явленія указываетъ намъ на то, что корни его и значеніе

---

[1]) Н. с стр. 458.

[2]) Мартенсъ, н. с. стр. 52.

слѣдуетъ искать не столько въ природѣ человѣка, сколько въ условіяхъ и организаціи государственной жизни.

Войны смѣняются съ различными эпохами исторіи и каждая изъ нихъ свойственъ какой-либо ихъ особый типъ. Нельзя не пожалѣть, что капитальный вопросъ о причинахъ войнъ въ наукѣ до сихъ поръ почти не разработанъ [1]). Только новѣйшія войны въ Европѣ сдѣлались предметомъ изслѣдованія съ точки зрѣнія права и народнаго хозяйства.

Въ юридическое понятіе война стала преобразовываться, благодаря международному праву, которое возникло какъ извѣстно, изъ практическихъ стремленій Гроція и его предшественниковъ положить какія-либо границы ея разрушительной силѣ. Мы имѣли случай въ иномъ мѣстѣ указать на возникновеніе и послѣдовательныя видоизмѣненія юридическаго принципа войны [2]). Теперь мы должны выяснить себѣ его сущность, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія охраны войною правъ государства.

Въ древности, какъ извѣстно, война была нормальнымъ состояніемъ между государствами. Миръ установлялся особыми, срочными соглашеніями, далѣе которыхъ не шелъ. Война въ тѣ эпохи не знала иного закона, кромѣ силы. Лишь изрѣдка и робко возвышали противъ нея голосъ то религія, то философія. Съ XVI стол. начинаетъ прокладывать себѣ дорогу мысль, что война есть, хотя вполнѣ своеобразный, но споръ о правѣ между государствами. И дѣйствительно, съ юридической стороны нельзя не видѣть внутренняго сродства между ею и репрессаліями. Задачи международнаго права по отношенію какъ къ той, такъ и къ другой формѣ самообороны государствъ однѣ и тѣ же, но различіе между ними состоитъ въ томъ, что война предпринимается ради защиты не только оспариваемаго права, но и существеннаго и основнаго для каждаго государства.

---

[1]) Болѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи сдѣлано *Лораномъ* въ его Etudes sur l'histoire de l'humanité.

[2]) Мои статьи въ Юридич. Вѣстн. 1878 г. (Мартъ и Май): Взглядъ на различныя попытки смягчить ужасы войны.

Въ продолженіи трехвѣковаго существованія международнаго права мы не замѣчаемъ, чтобы ему удалось предотвратить много войнъ или уничтожить всѣ разнообразныя и другъ другу противорѣчащія воззрѣнія на природу войны вообще. Тѣмъ не менѣе однако, мы признаемъ его существованіе для человѣчества великимъ благодѣяніемъ. Самыя разрушительныя войны новаго времени, затемняя на краткій срокъ сознаніе объ немъ, содѣйствовали укрѣпленію его принциповъ и переработкѣ ихъ въ высшія и лучшія формы. Мы вполнѣ убѣждены, что этимъ путемъ, ходомъ самой жизни, воздвигнется мало по малу наиболѣе прочный оплотъ противъ войнъ.

Литература по этой части чрезвычайно богата, и въ ней встрѣчаются всѣ мнѣнія: отъ полнаго оправданія и прославленія войны, до не менѣе полнаго же ея осужденія, какъ самое тяжкое «преступленіе» или какъ особый видъ «маніи (полемомании) [1]). По отношенію къ нашему времени достойны вниманія два обстоятельства: и въ наукѣ, и въ обществѣ въ цѣломъ замѣтно усиливается отвращеніе къ войнѣ. Чѣмъ болѣе мы живемъ среди непрерывнаго шума оружія, тѣмъ болѣе слова мира повторяются на разные лады всѣми. И это весьма естественно въ виду истребительнаго характера новѣйшихъ войнъ и привлеченія въ ряды войскъ почти всего мужскаго населенія. Мы полагаемъ, что со временемъ общая воинская повинность поведетъ къ сильнѣйшей реакціи въ пользу водворенія права и мира между народами Европы. Но съ другой стороны замѣтно иное, болѣе слабое, но противоположное движеніе: въ послѣднія десятилѣтія, и особенно съ франко-германской войны, послышалось много новыхъ голосовъ по сю и по ту сторону Рейна въ пользу войны, столь будтобы благотворной для цѣлей культуры и нравственнаго здоровья

---

[1]) Главныхъ писателей называютъ: *Ompteda*, II, S 614, flg.—*Kamptz*, S 317. *Ott* къ изд. Клюбера (1874) § 236.—*Calvo*, III, p. 12. Къ этому должно прибавить авторовъ упоминаемыхъ нами выше въ отдѣлѣ о репрессаліяхъ и кромѣ того: *Мартенса*, Восточная война и брюссельская конференція. 1879; гл. 1 и 2. *Paretti*. Degli arbitrati internazionali. 1875. p 155—249

народовъ. (Прудонъ, Функъ-Брентано, Сорель, Трейтшке, Лассонъ, Рюстовъ, Гартманнъ и др.) [1]).

Остановимся же немного на возраженіяхъ, которыя слышатся противъ права войны со стороны писателей по международному праву.

Кальво, обыкновенно столь обстоятельный и солидный, опровергаетъ самымъ поверхностнымъ образомъ главные доводы противъ войны. Онъ оправдываетъ абсолютно ея законность и осуждаетъ уподобленіе ея борьбѣ за нарушенное право или за полученіе удовлетворенія, ибо такое воззрѣніе не соотвѣтствуетъ ея дѣйствительному предмету и упускаетъ изъ виду, что ею часто нарушаются строгіе принципы справедливости. Становясь же на болѣе широкую почву — общечеловѣческую и историческую, мы убѣждаемся, говоритъ онъ, что почти всѣ войны содѣйствовали успѣхамъ цивилизаціи.

Не видя въ началѣ войны ничего юридическаго, ему не слѣдовало бы подчинять все ея дальнѣйшее проявленіе началамъ права. Такъ однако онъ поступаетъ и даже называетъ ее «зломъ, хотя и полезнымъ и необходимымъ» [2]).

Самую странную и сбивчивую теорію о войнѣ выставляютъ *Функъ-Брентано* и *Сорель*. Война между государствами возникаетъ, когда нарушается гармонія въ пониманіи ими своихъ взаимныхъ обязанностей, правъ и интересовъ. Ее не должно смѣшивать съ необходимою обороною. Она не составляетъ права для государствъ (ибо это значило бы признать, что между ними нѣтъ другаго права кромѣ силы) и порываетъ взаимныя между ними обязанности. Нѣтъ различія между войнами справедливыми и несправедливыми. Такое различіе было бы возможно, если бы онѣ возникали изъ обязанностей между государствами и основывались бы на одномъ для нихъ всѣхъ правѣ. Въ послѣднихъ словахъ авторы даютъ намъ ключъ къ своимъ

---

[1]) Мысли нѣкоторыхъ изъ нихъ разобраны г. Мартенсомъ, Восточная война; о Рюстовѣ и Гартманнѣ см нашу ст. въ Юридич. Вѣсти. 1878. Августъ

[2]) *Calvo*, III, 4 — 5 и 31 — 33.

выводамъ: отвергая единое для всѣхъ государствъ право. т. е. международное. они должны были потерять подъ ногами всякую юридическую почву. и поэтому всѣ дальнѣйшие толки ихъ о правѣ намъ представляются лишь непослѣдовательностями. Что сказать о слѣдующихъ выводахъ: государства. вступая въ войну порываютъ связи, установленныя между ними правомъ мира, но они не въ силахъ уничтожить факты. на которыхъ покоится это право мира. — Война. не будучи ни обязанностью. ни правомъ. создаетъ однако ихъ и изъ ихъ совокупности слагается право войны. развивающееся совершенно однообразно съ правомъ мира.

Мы видимъ въ этихъ положеніяхъ однѣ противорѣчивыя фразы послѣ завѣреній авторовъ, что «война есть борьба силъ [1]) и необходимость для государствъ, а эта необходимость — единственный законъ для войны». Хороша система права. построеннаго на необходимости чисто матеріальной! Авторы убѣждены. что царство справедливости между народами можетъ быть основано только на силѣ и что цѣль войны установить право болѣе сильнаго [2]).

Нечего было бы останавливаться на сплетеніи этихъ софизмовъ и противорѣчій, если бы они не принадлежали, къ сожалѣнію. извѣстнымъ профессорамъ международнаго права въ Парижѣ.

Не лучшія воззрѣнія высказываетъ и новѣйшій профессоръ философіи права въ Берлинѣ *Лассонъ* Въ сущности онъ подогрѣваетъ давно высказанное уже Макіавелли ученіе о томъ. что отношенія между государствами управляются не правомъ, а только одною политикою. Умно расчитывающій, но впрочемъ безграничный и самый бездушный эгоизмъ — есть единственно разумное въ области этихъ отношеній. Между государствами не можетъ быть дружбы, а только общность интересовъ. Въ

---

[1]) Впрочемъ они называютъ ее также актомъ политики,

[2]) *Funck-Brentano* et *Sorel.* Précis du droit des gens. 1877. P. 231 — 35. 435 et 497. — Ср. также соч. перваго изъ этихъ авторовъ. La civilisation et ses lois. 1876. p 379.

виду же постоянныхъ столкновеній между послѣдними, государства обречены на вѣчную между собою вражду. При отсутствіи права всерѣшающими факторами являются выгода и случай [1]).

Нельзя отказать автору въ умѣньи логически выводить свои мысли. Но всѣ его выводы сами себя уничтожаютъ, потому что стоятъ въ явномъ противорѣчіи съ исходною точкою его ученія.

Не говоря уже о томъ, что его пониманіе государства приложимо только къ типу древняго, а не новаго государства [2]: вся его теорія исходитъ изъ той основной мысли, что законы и право существуютъ только въ предѣлахъ государствъ, а не между и надъ ними. Между тѣмъ онъ допускаетъ, что право возникаетъ тамъ, гдѣ нѣсколько волей взаимно соприкасаются, и что воля государства подобна волѣ отдѣльнаго человѣка. Отсюда, если «право основной законъ для воли», а «государство органическое воплощеніе разумной воли», мы не понимаемъ, въ силу чего право не обязательно для послѣдняго по самой его «разумной» природѣ [3]).

Отрѣшенное отъ права, а слѣдовательно и отъ нравственныхъ основъ, государство Лассона въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ руководится одною формою права (къ чему злоупотребленіе этимъ словомъ?) сильнѣйшаго. Заключаемые имъ договоры оно вольно нарушать когда хочетъ, лишь бы было достаточно сильно. Единственно разумный и прочный способъ рѣшенія великихъ историческихъ вопросовъ представляетъ лишь мечъ [4]).

Отсюда понятна его идея о войнѣ. Она вытекаетъ изъ самой природы государства. Даже если бы послѣднее было населено одними святыми — война существовала бы, но не въ дѣйстви-

---

[1]) *Lasson* Das Culturideal und der Krieg. 1868. S. 9, 26.

[2]) Оно абсолютно; человѣкъ для него только средство, а не цѣль, потому что лишь чрезъ него онъ дѣлается человѣкомъ; оно—корень и условіе всякой нравственности и т. д.

[3]) Стр. 7, 6, 8 и 11, сл.

[4]) Стр. 7, 9 и 67.

тельности, а въ возможности [1]). Но онъ идетъ еще на одинъ шагъ далѣе. Живою душою каждаго государства является извѣстный, воплощающійся въ немъ принципъ культуры. Его юридическій порядокъ даетъ ему одну отвлеченную форму. Между различными принципами культуры идетъ по природѣ борьба на жизнь и смерть Это въ сущности и есть война. Всякая разумная война, говоритъ онъ, есть война изъ-за формы культуры, хотя бы она выступала подъ видомъ борьбы за существованіе государства [2]). Совпадая вполнѣ съ формами культуры, государства одни воюютъ. Между цивилизованными же и необразованными людьми бываетъ не война, а борьба за существованіе. Война, продолжаетъ авторъ, есть основное учрежденіе государства. Народы ненавидятъ другъ друга и имѣютъ на то право [3]).

Если допустить эти выводы, то какъ согласовать съ ними другіе, что «каждое цивилизованное государство — миролюбиво» и что «потребность и выгоды мира ростутъ съ успѣхами цивилизаціи» [4]). Кромѣ того авторъ не доказываетъ почему соревнованіе между культурами ведетъ къ безпощадной войнѣ (ибо другой онъ не знаетъ) между народами? Очевидно лишь въ силу его матеріалистическаго воззрѣнія на основы человѣческой жизни.

Въ доказательство нашей мысли мы можемъ привести то обстоятельство, что рядомъ съ культурою и даже выше ея онъ ставитъ государствамъ иную цѣль — развитіе мощи (Machtzweck). Государство не могущественное, восклицаетъ онъ, не имѣетъ права на существованіе. Оно лишено чести, потому что оно не имѣетъ призванія [5]). Оно влачитъ жалкое существованіе, благодаря милости своихъ могущественныхъ собратовъ.

---

[1]) Стр 15 — 16; 46
[2]) Стр 28 и 29.
[3]) Стр. 16 и 42.
[4]) Стр. 10.
[5]) Стр 49 и 28.

На основаніи этихъ мыслей опять непонятно почему войну слѣдуетъ вести за политическіе интересы, а не за идеи [1]). Вѣдь борьба между принципами культуръ есть прежде всего борьба идей.

Въ связи съ цѣлою теоріею стоятъ ея заключительные выводы: война дѣйствуетъ освобождающимъ и обновляющимъ образомъ на цивилизованный народъ. Безъ нея исчезла бы поэзія въ жизни и въ литературѣ. Исходъ ея всегда справедливъ,—частоящій судъ Божій. Послѣднее, высшее право лежитъ въ мечѣ [2]).

Стоило человѣчеству такъ много и долго работать и страдать, чтобы придти къ подобнымъ идеаламъ! Къ счастію они не болѣе какъ отголосокъ тѣхъ событій, которыя на нашихъ глазахъ преобразовали Германію въ большой вооруженный лагерь въ центрѣ Европы.

Противъ воззрѣній на войну писателей международнаго права возстаетъ также профессоръ *Мартенсъ* въ своемъ сочиненіи: Восточная война и Брюссельская конференція. Писатели эти, говоритъ онъ, видятъ въ войнѣ ничто иное какъ процессъ или тяжбу между народами, для которой существуютъ конкрѣтныя юридическія нормы. Они проводятъ извѣстную параллель между ею и гражданскимъ судопроизводствомъ. Цѣль этого опредѣленія самая благородная: споръ о правѣ не можетъ не происходить въ предѣлахъ права. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ явленія войны, всѣ малѣйшія распоряженія военнаго начальства, всѣ движенія войскъ должны быть опредѣлены точнымъ и юридическимъ образомъ.

---

[1]) Стр. 33.

[2]) Стр. 55 и 50.—Въ позднѣйшемъ сочиненіи Princip und Zukunft des Volkerrechts (1871) Лассонъ смотритъ на войну, какъ на способъ вести переговоры, но основы его теоріи остаются тѣ же. Онъ смѣется надъ тѣми, которые считаютъ прогрессомъ провозглашеніе ее „юридическимъ процессомъ“. Процессъ этотъ, восклицаетъ онъ, выражается въ непониманіи одного изъ главныхъ явленій жизни! Война походитъ на процессъ въ одномъ отношеніи содѣйствіемъ рѣшенію спора (стр. 66, слѣд. и 171).

Но такое опредѣленіе войны, какъ спора о правѣ, кажется автору и ошибочнымъ и непрактичнымъ. Война, замѣчаетъ онъ, гораздо чаще представляется на дѣлѣ результатомъ непримиримой противоположности *интересовъ* и стремленій. Вообще говоря, она гораздо рѣже возникала изъ за нарушенія однимъ изъ договорившихся государствъ своего положительнаго обязательства, нежели изъ противодѣйствія, встрѣчаемаго народомъ въ преслѣдованіи своихъ политическихъ цѣлей и интересовъ. Точно также весьма немного сходства между гражданскимъ процессомъ, совершающимся по извѣстному, опредѣленному порядку судопроизводства и войною между независимыми и никому не подчиняющимися государствами. Между тѣмъ ошибочность опредѣленія права войны, даннаго наукой международнаго права, значительно лишила ее довѣрія въ глазахъ военныхъ писателей, и вообще военныхъ людей. Они не могутъ понять что такое *право* войны. Для нихъ существуетъ только война, какъ борьба между войсками или вооруженными силами государствъ, имѣющая цѣлью полное уничтоженіе силы сопротивленія непріятеля. Словомъ, они пришли къ заключенію, что все «право войны» есть «теорія» и результатъ праздныхъ измышленій «кабинетныхъ ученыхъ» [1]).

Упрекнувъ писателей по международному праву въ невѣрномъ пониманіи войны, проф. Мартенсъ не даетъ ей однако новаго, болѣе точнаго опредѣленія. Напротивъ, онъ старается доказать, что военные люди, иначе понимая войну, нисколько не отрицаютъ права войны. Къ сожалѣнію эта мысль вѣрна лишь для очень немногихъ изъ нихъ; для большинства же всякое не чисто военное опредѣленіе войны всегда будетъ казаться измышленіемъ теоретиковъ. На этомъ основаніи мы не думаемъ, чтобы попытка, дѣлаемая авторомъ, согласовать воззрѣнія военныхъ людей и юристовъ имѣла практическое значеніе. Съ точки же зрѣнія теоріи выходитъ, что онъ въ сущности и въ цѣломъ примыкаетъ къ ученію критикуемыхъ имъ международныхъ писателей. Онъ повторяетъ опредѣленіе вой-

[1]) Стр. 25—27.

ны Клаузевица, по которому она есть ничто иное, какъ политическое средство, орудіе, которымъ государство стремится къ достиженію своихъ цѣлей. Война есть продолженіе политическихъ отношеній и потому ничего самостоятельнаго сама по себѣ не представляетъ. Таковы слова Клаузевица. Г. Мартенсъ къ нимъ прибавляетъ: повсюду признано, какъ аксіома. что политика государства должна быть *закономѣрна* или согласна съ правомъ и устройствомъ страны. Поэтому основаніе политики совершенно то же, что и основаніе положительнаго права. Это же право есть предѣлъ политики и опредѣляетъ ея цѣли. На основаніи словъ Клаузевица война, какъ политическій актъ или орудіе политики, точно также должна подчиняться опредѣленіямъ права [1]).

Спрашивается только какого? Не одного положительнаго. государственнаго, а именно международнаго. О послѣднемъ-то и не хотятъ ничего знать господа военные [2]). Оно слишкомъ связываетъ имъ руки. Между тѣмъ самъ проф. Мартенсъ въ разбираемомъ нами сочиненіи постоянно обсуждаетъ всѣ дѣйствія русскаго войска въ послѣднюю войну по масштабу военнаго права, выставляемому новѣйшими писателями, и особенно международнаго акта брюссельской декларація.

Приведенные нами писатели осуждаютъ юридическое, установившееся въ наукѣ, опредѣленіе войны на томъ основаніи. что оно не соотвѣтствуетъ реальной природѣ войны. Другой также весьма многочисленный классъ ихъ, друзья мира и филантропы, отвергаютъ это опредѣленіе, потому что право призвано не регулировать и узаконять войну, а совершенно ее искоренить. Они не видятъ соотношенія и связи между войною и правомъ, другъ другу столь діаметрально противоположными. Мы остановимся нѣсколько на сочиненіи одного изъ наиболѣе солидныхъ и всесторонніхъ критиковъ войны *Сарто-*

[1]) Стр. 28—29.

[2]) Характерны въ этомъ отношеніи письма, которыми недавно обмѣнялись гр. Мольтке и Блюнчли по поводу изданнаго Институтомъ международнаго права и сообщеннаго правительствамъ „кодекса законовъ для сухопутной войны“ (Die Gegenwart. № 6; 5 Februar, 1881).

piu [1]). Юридическій порядокъ, говоритъ онъ, требуетъ мира. Война же не только противорѣчитъ ему, но и не совмѣстима съ нимъ. Всякая военная инициатива есть нарушеніе правоваго порядка. Въ войнѣ владычествуетъ не право, а сила, поэтому она представляется отверзтою могилою для права и свободы. Философъ можетъ въ ней видѣть лишь самооборону въ широкомъ смыслѣ или самоуправство. Но самооборона есть порожденіе безправія, какая бы ни была ея цѣль; достиженіе ли дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ правъ. Идея права осуждаетъ всякое рѣшеніе споровъ силою и требуетъ абсолютно, въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны не могутъ придти къ соглашенію, чтобъ онѣ обращались къ третьей, безпристрастной и разумной личности и признавали ея рѣшеніе нормою для конкретнаго случая. Къ этому же ихъ принуждаетъ сила обстоятельствъ, ибо безъ юстиціи всѣ права становятся жертвою силы. Такимъ образомъ правовое государство соотвѣтствуетъ равно разуму и законамъ необходимости. [2])

Въ результатѣ онъ отвергаетъ все такъ называемое право войны (jus in bello) [3]).

Въ этомъ направленіи нельзя не видѣть много вѣрнаго, но оно грѣшитъ сравнительно съ первымъ противоположною крайностію, жертвуя дѣйствительностію ради идеала. При изученіи

---

[1]) *Sartorius,* Organon des vollkommenen Friedens. 1837. Онъ изучаетъ войну съ четырехъ главныхъ точекъ зрѣнія: нравственной, юридической, религіозной и утилитарной. Въ послѣднихъ выводахъ однако и у него замѣтны неустойчивость и противорѣчія. Съ нравственной точки онъ то осуждаетъ войну абсолютно (стр. 35 и 72), то указываетъ на случаи, которые ее оправдываютъ (стр. 31—33). Къ такому же дуализму приходитъ онъ и съ точки зрѣнія религіи (стр. 111 и 129). Наконецъ война является незаконною со стороны объективнаго права, а не субъективнаго, т. е. по отношенію къ сторонамъ (стр. 85, сл.).

[2]) Стр. 76, сл.

[3]) Стр. 90. Еще къ болѣе радикальнымъ выводамъ приходитъ *Гобле д'Альвелла.* Désarmer ou déchoir. 1872. Между войною и правомъ, говоритъ онъ, ничего нѣтъ общаго. Поэтому ее нельзя подчинить ни праву, ни законамъ. Обращаться же къ ней въ случаѣ необходимой обороны — только извинительно (стр 97 и 85).

войны, какъ и всѣхъ сферъ человѣческой жизни, не слѣдуетъ смѣшивать обѣ эти стороны. Разсматривая съ *исторической* точки зрѣнія, мы видимъ, что войны велись не только изъ-за интересовъ народовъ, но часто изъ-за всякаго рода личныхъ интригъ и страстей правителей. Онѣ были явленія исключительно фактическія, пока между народами не существовало даже тѣни сознанія общаго соединяющаго ихъ права. Въ эти періоды онѣ были для нихъ не только средствомъ взаимнаго порабощенія и истребленія, но и содержали въ себѣ извѣстное цивилизующее начало, приводя ихъ, хотя насильственно въ соприкосновеніе другъ съ другомъ и во взаимныя сношенія. Уже тогда Провидѣніе чрезъ нихъ указывало людямъ, что изолированность не есть законъ ихъ совмѣстнаго существованія. Войны особенно бываютъ важны и продолжительны въ два періода народной жизни: когда народы осаживаются на своей территоріи и сплачиваются въ одно политическое цѣлое и когда они раздѣляются и отживаютъ. Искусные правители часто пытаются посредствомъ внѣшнихъ войнъ и завоеваній предотвратить опасность, угрожающую имъ отъ внутреннихъ переворотовъ и междуусобій. Но это средство, указывая на анормальность государственнаго строя, есть только палліативъ, а не радикальное излѣченіе зла.

Таковы въ двухъ словахъ объясненіе и оправданіе войнъ, которыя намъ даетъ исторія. Совершенно къ инымъ выводамъ приводитъ насъ *идеальное* ихъ изученіе, основанное на отвлеченныхъ и абсолютныхъ началахъ мышленія. Съ точки зрѣнія верховныхъ принциповъ религіи и нравственности мы должны признать войну зломъ и противорѣчіемъ, бороться съ коимъ призваніе человѣка и человѣчества. Эти начала указываютъ намъ, что зло, совершаемое человѣкомъ, хотя бы въ отвѣтъ на другое зло, чрезъ это не перестаетъ быть зломъ. Оно получаетъ себѣ объясненіе и, смотря по обстоятельствамъ, нѣкоторое смягченіе въ нашей конечной (съ земной стороны) природѣ, но не абсолютное оправданіе. Посредствующимъ живымъ звеномъ между этими двумя мірами—идеаловъ и дѣйствительности, является *право*. Своими корнями и конечными цѣлями

уходя въ первый, оно стремится воплотить въ себѣ вѣчныя начала справедливости сообразно съ потребностями и нравственнымъ уровнемъ каждаго народа и данной эпохи въ отдѣльности.

Выше мы сказали, что лишь благодаря международному праву война становится юридическимъ понятіемъ. Это слѣдуетъ изъ того, что будучи для государствъ объективною нормою права вообще, только оно въ состояніи дать намъ въ этомъ качествѣ мѣрило справедливости войны. Въ дѣйствительности оба воюющіе приписываютъ право исключительно себѣ, обвиняя противника во всякаго рода беззаконіяхъ. Печать часто раздуваетъ эти страсти и питаетъ между ними ожесточеніе. Такъ называемыя пререканія о правахъ сводятся большею частію къ борьбѣ интересовъ или къ спорамъ о претензіяхъ. Бываетъ, что оба противника, по высшей человѣческой правдѣ, не правы другъ предъ другомъ или на сторонѣ одного стоитъ формальное, документами закрѣпленное право, на сторонѣ другаго— живое, матеріальное, еще только пробивающееся наружу.

Руководящею нитью изъ лабиринта этихъ и подобныхъ вопросовъ можетъ служить только международное право. Оно даетъ намъ юридическія нормы для отношеній между государствами вообще, но война есть одно изъ такихъ отношеній. Вотъ почему все ученіе о войнѣ, даже междуусобной, должно входить въ область этой науки. Она указываетъ намъ на понятіе войны справедливой или *правомѣрной*. Такою мы называемъ войну, которая соотвѣтствуетъ принципамъ международнаго права какъ со стороны причинъ, ее вызывающихъ, такъ и самаго способа ея веденія. Оба эти условія требуются для полноты юридическаго опредѣленія, но между ними нѣтъ логически необходимой связи, такъ что и для несправедливой войны законы или право, опредѣляющіе ея способъ веденія, не перестаютъ существовать, и ихъ нарушеніе узаконяетъ репрессаліи.

Вѣрное понятіе о войнѣ намъ даетъ уже народная мудрость въ этимологическомъ происхожденіи этого слова. Войну на западно-европейскихъ языкахъ производятъ отъ древне-герман-

скаго: wehr, оборона [1]). Очевидно, въ ней видѣли крайнюю форму защиты народомъ своей независимости и свободы.

Изъ многочисленныхъ опредѣленій войны [2]) намъ кажется болѣе вѣрное слѣдующее: она есть вооруженная борьба между государствами или политически организованными партіями изъза вопросовъ публичнаго права [3]). Еще болѣе, чѣмъ въ репрессаліяхъ, войнѣ должны предшествовать мирныя попытки и юридическіе способы улаженія спора. Мы видѣли въ 1870 г. самое произвольное и поспѣшное открытіе враждебныхъ дѣйствій между двумя передовыми народами Европы. Можно сказать, Франція съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ринулась въ столь пагубную для нея борьбу. Скажутъ, можно ли государства ограничивать въ столь существенномъ для нихъ правѣ, каково объявленіе войны? Можно и должно, ради блага всѣхъ остальныхъ членовъ международнаго союза. *Тренделенбургъ* справедливо ставитъ на видъ, что внезапное открытіе военныхъ дѣйствій является не только несправедливымъ нападеніемъ на противника, но и гибельно отражается на биржахъ и рынкахъ другихъ, нейтральныхъ народовъ. Въ виду этого онъ совѣтуетъ, чтобы государства обратили наконецъ извѣстное *желаніе*, высказанное ими въ 23 протоколѣ парижскаго конгресса (14 апрѣля 1856 г.), въ *юридическую обязанность* и обращались бы до начала каждой войны къ посредничеству дружественныхъ нейтральныхъ державъ. Въ этомъ протоколѣ впрочемъ говорится только о добрыхъ услугахъ, а вовсе не о третейскомъ судѣ, какъ думаютъ нѣкоторые (и даже Кальво).

За подобную мѣру энергично высказывается также *Блюнчли*. «Она, говоритъ онъ, умѣрила бы воинственный пылъ против-

---

[1]) Отсюда голландское weer и англійское war Средне-вѣковая латынь образовала werra, gwerra перешедшія въ современныя guerre, guerra (Calvo, Fiore).

[2]) Опредѣленія Виктории, Гентилиса, Гроція, Бинкершука приводятся у Твисса и Мартенса (О правѣ частной собственности), многихъ новѣйшихъ писателей у Фіоре.

[3]) Русскій проектъ законовъ войны представленный Брюссельской конференціи ст. 1 —Блюнчли, ст. 510 и 511.

никовъ и усилила бы вліяніе факторовъ мира. Общественное мнѣніе между тѣмъ могло бы уяснить себѣ предметъ спора и высказаться въ духѣ права. Она пробудила бы общественную совѣсть, поставила бы въ невыгодное положеніе явнаго нарушителя мира и возвысила бы въ глазахъ всѣхъ положеніе государства, отстаивающаго свое право. Словомъ эта мѣра умножила бы дѣйствіе нравственныхъ силъ въ человѣчествѣ на преуспѣяніе права».

Оба писателя понимаютъ, что противъ нея будутъ возставать съ военной точки зрѣнія въ виду стратегическихъ выгодъ внезапнаго нападенія на непріятеля. Но, замѣчаетъ Тренделенбургъ, обезпеченіе мира должно быть поставлено выше преходящей выгоды для войны. Учрежденіе на такіе случаи международнаго суда, по словамъ Блюнчли, на долго еще останется, къ сожалѣнію, добрымъ пожеланіемъ, но едва ли державы отклонили бы столь умѣренное предложеніе, какъ выше указанное, въ интересахъ всеобщаго мира. Если бы съ этимъ поставить въ связи созваніе нѣкотораго международнаго совѣта (eines volkerrechtlichen Ausschusses), составленнаго изъ выдающихся, но не занятыхъ активною службою, государственныхъ людей и юристовъ и засѣдающаго въ одномъ изъ нейтрализованныхъ государствъ (Швейцаріи или Бельгіи), то польза подобнаго предложенія возрасла бы еще въ значительной степени[1]).

Безспорно этимъ было бы достигнуто первое значительное улучшеніе въ видахъ предупрежденія войнъ. Но нѣкоторые писатели идутъ еще далѣе и желали бы, чтобы государства, въ случаѣ неудачи посредничества, передъ войною обращались къ третейскому суду. Это мнѣніе между прочимъ высказано столь извѣстнымъ и опытнымъ государственнымъ человѣкомъ Америки, какъ Чарльсъ Семнеръ [2]), и въ его осуществленіе

---

[1]) *Trendelenburg* Lucken im Volkerrecht. 1870. S. 31—33. *Bluntschli* Volkerrechtliche Betrachtungen uber den franzosisch-deutschen Krieg 1870—71. Въ Holtzendorff's Jahrbuch f. Gesetzg. Verw. u Rechtspfl d. Deutsch. Reichs. 1871, I. S 277—79

[2]) Въ брошюрѣ „Единоборство между Франціею и Германіею", приводимой Кальво

вѣритъ Вульсей [1]). Къ большинству европейскихъ войнъ подобная мѣра была бы приложима, а когда установится правильный международный судъ, можно надѣяться, изъ его членовъ государства чаще всего будутъ избирать передъ войнами и посредниковъ и третейскихъ судей.

Съ тою же цѣлію предупрежденія войны многіе писатели (Лавеле, Дюпаскье, Маркоартю и др.) предлагаютъ еще другую, доселѣ спорную мѣру, но уже относящуюся къ области государственнаго права. Они желаютъ, чтобы объявленіе войны, на подобіе изданія законовъ, не зависѣло исключительно отъ правительственной власти, но было предоставлено одобренію и санкціи палатъ. Впервые эта теорія получила признаніе въ декретѣ 22 мая 1790 г. [2]) и въ послѣдующихъ конституціяхъ республиканской Франціи. До нашего времени она допускается въ представительныхъ республикахъ (С. Штатахъ, Франціи), но не монархіяхъ. Маркоартю видитъ однако въ этомъ недостаточное развитіе началъ представительнаго государства и съ этимъ нельзя не согласиться. Но онъ идетъ слишкомъ уже далеко, предлагая рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ посредствомъ плебисцита въ тѣхъ случаяхъ, когда палаты выскажутся за войну противъ десятой части или болѣе всѣхъ своихъ членовъ [3]). Въ конституціонныхъ монархіяхъ для объявленія войны слѣдовало бы требовать согласія обоихъ главныхъ факторовъ государства—короля и палатъ, причемъ первому принадлежало бы право инициативы и абсолютнаго veto.

Блюнчли въ выше названной статьѣ полагаетъ однако, что это на практикѣ оказало бы мало пользы. Съ одной стороны, палаты уже теперь косвенно выражаютъ свое мнѣніе, когда даютъ согласіе на чрезвычайный кредитъ, требуемый войною. Съ другой, правительство, помышляющее о войнѣ, всегда

---

[1]) О с. р. 188.

[2]) Вотъ его слова: La guerre ne pourra être décidée que par un décret du corps législatif, qui sera rendu sur la prépositiоn formelle et nécessaire du roi et ensuite sanctionné par sa Majesté *Marc Dufraisse*, Histoire du droit de guerre et de paix de 1789 à 1815.—1867, p. 85, sv.

[3]) *Marcoartu*. Internationalism. 1876. p 22—29.

съумѣетъ разжечь народныя страсти и увлечь за собою народныхъ представителей. Большинство можетъ хотѣть мира, но въ подобныя критическія минуты едвали единицы осмѣлятся идти противъ общаго теченія. Мы видѣли въ 1870 г., какъ восторженно привѣтствовало большинство законодательнаго корпуса воинственныя рѣчи герцога Граммона. Тьера тогда считали почти измѣнникомъ, между тѣмъ какъ массы французскаго народа были рѣшительно противъ безумной войны съ Пруссіею.

Не смотря на эти доводы, мы думаемъ однако, что реформа, о которой рѣчь весьма справедлива и желательна при двухъ условіяхъ: когда палаты служатъ болѣе или менѣе вѣрнымъ изображеніемъ убѣжденій и воззрѣній избирателей, изъ среды коихъ онѣ вышли, и когда по своему политическому развитію онѣ не способны быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ правительствъ,—условія не встрѣчающіяся еще пока на материкѣ Европы.

Выше мы замѣтили, что правомѣрною война бываетъ въ двухъ отношеніяхъ: по *причинамъ*, ее вызывающимъ, и по *способу ея веденія*

Въ первомъ отношеніи между цивилизованными государствами представляются справедливыми двоякаго рода войны: а) *оборонительныя*, которыя предпринимаются государствомъ для защиты его основныхъ правъ—на независимость и территорію—правъ, уже нарушенныхъ и иными способами не могущихъ быть возстановленными, или которымъ еще только угрожаетъ съ чьей либо стороны нападеніе. Но въ послѣднемъ случаѣ требуется большая осмотрительность и добросовѣстность: иначе подъ маскою воображаемаго на него нападенія государство можетъ приступать къ самымъ наступательнымъ и завоевательнымъ войнамъ. Весьма многіе писатели не только между филантропами, но и юристами (Моль, Фіоре и др.) признаютъ справедливыми лишь этотъ классъ войнъ. Мы находимъ это воззрѣніе узкимъ и полагаемъ столь-же справедливымъ и необходимымъ другой ихъ видъ: b) *войнъ за освобожденіе*, принимая это слово въ международномъ и государственномъ смыслѣ—для противодѣйствія такимъ завоевателямъ, которые стремятся

къ порабощенію міра и отрицаютъ основной законъ международной жизни—законъ независимости народовъ—и для основанія новыхъ, національныхъ государствъ.

Подъ сѣнію старыхъ политическихъ тѣлъ, слагаются новыя народности и если онѣ не находятъ въ прежнемъ порядкѣ вещей достаточнаго обезпеченія и развитія своей индивидуальности, то по необходимости станутъ стремиться къ самостоятельности и собственному государственному развитію. Законность подобныхъ стремленій, если они вызваны серьезными потребностями, нельзя отвергать съ точки зрѣнія международнаго права[1]).

Строго говоря, обѣ эти причины—защита нарушеннаго права и борьба за свободу—сводятся къ началу необходимой обороны, существующему какъ для народовъ, такъ и для отдѣльныхъ людей, ибо всякое живое существо, въ силу природы, имѣетъ право на существованіе и развитіе. Но мы считаемъ болѣе вѣрнымъ раздѣленіе этого права, по отношенію къ его защитѣ, на двѣ категоріи, на томъ основаніи, что международное право имѣетъ дѣло не съ народами отдѣльно взятыми, но съ ихъ совокупною и солидарною жизнію, какъ членовъ человѣчества. Съ этой точки зрѣнія оно считаетъ правомѣрною и ту *помощь*, которую они оказываютъ другъ другу при защитѣ общей свободы отъ завоевателя или какой либо одной угнетенной народности, стремящейся къ политической самостоятельности.

Во всякомъ случаѣ война остается борьбою за публичное право. При нарушеніи частныхъ правъ государства или отдѣльныхъ его гражданъ она является крайне несообразнымъ средствомъ возстановленія права и должна быть замѣняема либо иными мирными способами, либо, по отношенію къ малообразованнымъ народамъ, репрессаліями. Ни религіозныя и нравственныя начала, какъ бы они ни были возвышенны сами по себѣ, ни политическіе интересы отдѣльно взятые, не могутъ оправдать войны. Въ этомъ отношеніи согласны между собою

---

[1]) Эта истина была уже извѣстна Римлянамъ: Justum est bellum, говоритъ Ливій, quibus est necessarium et pia arma, quibus nulla nisi in armis relinquitur spes. (IX, 10).

Гефтеръ, Кальтенборнъ, Блюнчли, Фіоре и мн. др. Международное право рѣшительно осуждаетъ войны за идеи и интересы. Оно исходитъ изъ того основнаго положенія цивилизаціи, что только одно право можетъ узаконить употребленіе силы и принужденія противъ человѣка [1]).

Выше мы указывали на писателей, которые не признаютъ необходимости правомѣрныхъ причинъ войны. По ихъ мнѣнію эти причины лежатъ не въ нарушеніи права, а въ противоположности политическихъ интересовъ и стремленій.

Мы не отвергаемъ факта, что такъ было въ продолженіи прошлыхъ вѣковъ и такъ поступаютъ донынѣ европейцы по отношенію къ народамъ другихъ частей свѣта: торговые интересы, стремленія къ завоеваніямъ увлекаютъ ихъ на путь насилія и захватовъ подъ прикрытіемъ громкихъ якобы «принциповъ» распространенія цивилизаціи, христіанства и т. п. Но мы утверждаемъ, что, стоя лишь на почвѣ прошлаго, невозможно улучшеніе настоящаго и приготовленіе лучшаго будущаго.

Кто видитъ въ интересахъ главную причину войнъ, тотъ долженъ оправдать обращеніе къ насиліямъ ради всякаго антагонизма, который серьезно возникнетъ между народами. Съ этой утилитарной точки зрѣнія всѣ претензіи и войны равно справедливы или несправедливы. Для обсужденія ихъ не существуетъ никакой высшей и объективной мѣрки. Если такъ, то мы не видимъ зачѣмъ толковать «о правѣ войны». Вѣдь не существуетъ «права», по которому должно совершать революціи [2]).

Интересы и насилія, покинувъ почву права, не имѣютъ иныхъ нормъ кромѣ случайностей, характеризующихъ каждое конкретное обстоятельство. Отношенія между цивилизованными

---

[1]) *Блюнчли*, н. ст. стр. 274.

[2]) Die Revolution, говоритъ *Тонъ*, ist nicht Rechtsmittel, sondern Gewaltthat,—nicht Rechtsgang, sondern ein Abschutteln des Rechts, ein Sichverschliessen gegen den Frieden heischenden Ruf des Gesetzes (*Thon*, Der Rechtsbegriff въ Zeitschr. f. das Privat u. Oeff. Recht der Gegenwart 1880 H 2; S. 252)

государствами не могутъ покоиться на столь зыбкой почвѣ не только въ силу существованія международнаго права, но и ихъ собственной, все болѣе и болѣе вырабатывающейся правовой природы.

Но какъ провести границу въ международной области между интересами и правомъ, и кто судья относительно справедливости войны?

Эту границу не всегда легко найти въ дѣйствительности, но понятіе о ней носится въ сознаніи народовъ и становится тѣмъ рельефнѣе, чѣмъ болѣе международное право облекается въ положительную форму. Относительно втораго вопроса Вульсей говоритъ, что въ силу своей независимости каждый народъ имѣетъ право считать свой взглядъ на относящіяся до него дѣла справедливымъ. Это мнѣніе было бы вѣрно, если бы государства не имѣли въ международномъ правѣ нормы общей для нихъ и объективной справедливости. Послѣдняя же не уничтожаетъ ихъ дѣйствительные и серьезные интересы, но, ставя ихъ на почву общаго блага, подчиняетъ господству нравственнаго и юридическаго закона.

Какъ борьба за право, война есть процессъ. Къ ней не прилагаются всѣ начала гражданскаго процесса—этого никто не утверждаетъ, но она есть *юридическо-политическій процессъ* между государствами, совершенно самобытный и своеобразный, но все таки процессъ на томъ основаніи, что его возникновеніе и веденіе должно быть обусловлено, между цивилизованными народами, нормами права. Это воззрѣніе съ конца прошлаго столѣтія начинаетъ пробиваться наружу и будетъ укрѣпляться все болѣе и болѣе, потому что соотвѣтствуетъ всему политическому строю новѣйшаго общества.

Однако и противъ этого воззрѣнія слышатся разныя возраженія:

1. государства независимы и не подчиняются какому либо закону, стоящему надъ ними.

Странное утвержденіе со стороны юристовъ, да еще спеціалистовъ по международному праву! Развѣ послѣднее не есть этотъ законъ обязательный для государствъ, какъ граж-

данское право для частныхъ лицъ? Несовершенства его и пробѣлы, въ смыслѣ положительнаго закона, устранимы въ виду того, что уже теперь въ юридическомъ сознаніи народовъ и въ наукѣ распознаваемы его верховныя и основныя начала.

2. Гражданскія тяжбы ведутся по установленнымъ закономъ формамъ; въ войнахъ все зависитъ отъ произвола спорящихъ.

Но въ наше время сами государства начинаютъ сознавать не только справедливость, но и пользу подчиненія войны извѣстнымъ юридическимъ началамъ. Это выражается въ примѣчательныхъ попыткахъ кодификаціи права войны [1]).

Таковы черты, дозволяющія установлять аналогію между войною и гражданскимъ процессомъ. Но рядомъ съ ними существуютъ другія, проводящія между ними глубокое различіе, вслѣдствіе котораго мы считаемъ войну не исключительно юридическимъ, но и политическимъ процессомъ. Тяжбы между сторонами въ гражданскомъ обществѣ разбираетъ судъ, стоящій надъ ними и отъ нихъ независимый. Война, въ смыслѣ процесса, ведется непосредственно и всецѣло самими сторонами: это наибольшій недостатокъ съ точки зрѣнія охраны ею права, но устранить его постепенно можно будетъ только, когда, въ дали временъ, война будетъ вестись не одними лишь отдѣльными членами международнаго союза, но и явится принудительнымъ средствомъ въ рукахъ правильно организованной силы отъ имени этого союза.

Далѣе цѣль войны составляетъ не только возстановленіе права, но и упроченіе мира на новыхъ, болѣе твердыхъ основахъ, согласно съ сознаніемъ народовъ и условіями, выработанными жизнію. Вотъ почему, говоритъ Блюнчли, эта цѣль лишь отчасти опредѣляется причиною, вызвавшею войну. Требованія растутъ по мѣрѣ принесенныхъ жертвъ и опасностей, которыя съ ними были соединены. Въ этомъ отношеніи

---

[1]) Къ нимъ относятся: парижская декларація, инструкція Либера, конвенціи женевская и петербургская, брюссельская декларація и на основаніи ихъ только что выработанный Институтомъ межд. права кодексъ законовъ сухопутной войны, хотя оба послѣдніе документа не признаны еще за положительное право, но научное ихъ значеніе громадно.

война становится моментомъ въ развитіи народовъ и въ измѣненной формѣ выходятъ они изъ нея. Блюнчли отвергаетъ ее ради политическихъ интересовъ, но разъ предпринятая государствомъ, въ видахъ его самообороны, она можетъ послужить ему, какъ политическое средство. Это даетъ эквивалентъ за неизбѣжныя бѣдствія, съ нею соединенныя, и подвигаетъ народы впередъ [1]). Можно было бы прибавить:—иной разъ и назадъ. Война имѣетъ для государствъ оба эти дѣйствія—то образовательное, то разрушительное.

Принципы въ родѣ изложенныхъ, замѣчаетъ Оттъ, узаконяютъ всякія злоупотребленія силою, на основаніи ихъ достаточно предпринять войну изъ за легкой обиды, чтобы дать побѣдителю возможность отнять у побѣжденнаго области и милліарды до его истощенія [2]). Эту критику мы находимъ несостоятельною. Оттъ очевидно не понялъ мысли Блюнчли; послѣдній указываетъ только на неизбѣжныя политическія послѣдствія войны: о чемъ бы государства первоначально ни спорили между собою, но естественно, что война, особенно въ наше время, разжигая всѣ страсти народовъ и возлагая на нихъ страшныя жертвы увеличиваетъ нхъ требованія относительно побѣжденныхъ. Это зло неразлучно съ самою природою войны. Но никто и не думаетъ оправдывать насилія ради «легкой обиды!»

Такимъ образомъ воззрѣніе на войну, какъ на процессъ, не свободно отъ нѣкотораго дуализма: но онъ неизбѣженъ не въ силу теоріи, а самой жизни. Юридическій элементъ этого процесса соотвѣтствуетъ идеальной, политическій—реальной сторонѣ войны. Первый призванъ опредѣлять и направлять второй. Право не уничтожаетъ дѣйствіе ни одного фактора смягчающаго и облагораживающаго войну—религіи, нравственности (человѣколюбія), философіи и дисциплины, но ставитъ ихъ всѣхъ на твердую почву, сводя къ высшему единству.

---

[1]) *Bluntschli* Volkerr. Art 536 и 518

[2]) Назв. изд. Клюбера, стр. 340

вытекающему изъ юридической природы государства и международнаго союза.

Обращаясь въ юридическое понятіе, война теряетъ свой абсолютный характеръ. Jus belli infinitum, о которомъ такъ много толковали прежніе писатели, не существуетъ. Отсюда слѣдующія въ практическомъ отношеніи наиболѣе важныя послѣдствія: 1, какъ проявленіе права, коему она служитъ, война сама по себѣ не уничтожаетъ юридическаго порядка между государствами. Она фактически и временно пріостанавливаетъ его дѣйствіе въ томъ или иномъ отношеніи, но не замѣняетъ его хаосомъ, какъ выражается Гефтеръ [1]). 2, Война ведется между государствами и политически организованными партіями, поэтому направляется исключительно противъ ихъ вооруженныхъ силъ [2]), а не противъ частныхъ лицъ. Послѣднія, какъ таковыя, продолжаютъ оставаться между собою въ мирѣ. Многіе англо-американскіе писатели держатся противоположнаго устарѣлаго взгляда (Кентъ, Витонъ, Твиссъ и др.). 3, Естественную цѣль войны слѣдуетъ видѣть не въ «уничтоженіи непріятельскаго государства, т. е. не въ порабощеніи его гражданъ, на томъ будто бы основаніи, что они, не признавая наши права, сами ихъ лишаются» [3]). Напротивъ, правомѣрная цѣль войны заключается, по словамъ петербургской конвенціи 1868 г., единственно въ ослабленіи военныхъ силъ врага.

Противъ изложенной теоріи войны возражаютъ филантропы, что она оправдываетъ и узаконяетъ войну, между тѣмъ какъ

---

[1]) Мысль тѣмъ болѣе странная, что встрѣчается въ параграфѣ (113) посвященномъ разсмотрѣнію Rechtsbegriff des Krieges!

[2]) Назв. кодексъ Института ст. 2 и 3;—брюссель. декл. ст. 9 и 10.

[3]) Такова теорія *Фихте* старшаго въ его Grundlage d. Naturrechts (1797) подогрѣтая въ наше время многими реалистами и между прочимъ Мольтке. Alle Hulfsquellen der feindlichen Regierung, говоритъ онъ въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Блюнчли, müssen in Anspruch genommen werden, ihre Finanzen, Eisenbahnen, Lebensmittel, selbst ihr Prestige. Dazu müssen alle, nicht geradezu verwerfliche (на основаніи какого критерія опредѣляемыя?) Mittel freistehen. Отъ военнаго человѣка естественно нельзя и ожидать иначе опредѣленія цѣли войны!

право призвано ее совершенно отмѣнить. Она есть одинъ изъ видовъ самоуправства, осуждаемаго какъ порожденіе безправія.

Разсуждающіе подобнымъ образомъ не даютъ себѣ яснаго отчета о существѣ права, забывая, что оно имѣетъ дѣло, какъ мы уже сказали, не съ одними отвлеченными идеями, но и съ реальными условіями жизни. Война возникаетъ изъ несовершенствъ гасударственнаго и международнаго порядка. Стараясь ограничить, черезъ подчиненіе ея твердымъ юридическимъ нормамъ, сферу ея разрушительнаго дѣйствія, право энергичнѣе всего пробуждаетъ въ людяхъ сознаніе о грубости и недостаткахъ этого способа охраны жизни народовъ. Осуждая громко и рѣшительно всякія войны чисто завоевательныя или предпринимаемыя въ интересахъ династій или отдѣльныхъ политическихъ партій, право узаконяетъ ихъ, какъ крайнюю форму защиты такихъ благъ, которыя для человѣка и для народовъ дороже самой жизни: независимости и свободы.

Но законность, при извѣстныхъ условіяхъ, съ точки зрѣнія права, войны не должна намъ отводить глаза отъ тѣхъ великихъ недостатковъ, которые, какъ мы сейчасъ замѣтили, присущи ей, такъ сказать, въ процессуальномъ отношеніи. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, народы будутъ настаивать, вслѣдствіе этихъ недостатковъ на совершенной ея отмѣнѣ [1]). Они выражаются въ слѣдующемъ: 1) каждая война въ наше время ставитъ на карту все существованіе государствъ. Даже для побѣдителя она въ экономическомъ и политическомъ отношеніи оказывается большимъ бѣдствіемъ въ виду того, что уменьшаетъ его производительность, поглощаетъ громадные капиталы и задерживаетъ постепенное и прогрессивное развитіе его либеральныхъ учрежденій. Между войною и абсолютизмомъ (внутреннимъ и внѣш-

---

[1]) Эту сторону очевидно упускаетъ изъ виду Муанье, когда въ предисловіи къ своему кодексу говоритъ: «La guerre apparaît comme la *seule issue possible* des conflits qui mettent en péril l'éxistence des Etats, leur liberté, leurs intérêts vitaux». Такъ *было* и *есть*, но такъ *не должно быть навсегда* и въ установленіи лучшей, болѣе совершенной и свободной, организаціи государственной и международной право призвано оказать одно изъ наиболѣе сильныхъ вліяній.

нимъ) есть, по свидѣтельству исторіи, глубокое, внутреннее сродство.

2. Между предметами спора и бѣдствіями вызываемыми войною существуетъ въ большинствѣ случаевъ громадная несоразмѣрность. Поскольку въ первыхъ содержится юридическихъ элементовъ—мирные способы рѣшенія этихъ споровъ всегда несравненно предпочтительнѣе войны. Собственно съ успѣхами цивилизаціи для цѣлей юстиціи война становится все менѣе пригодною.

Правда, мыслители видятъ во всемірной исторіи своего рода судъ надъ народами [1]). Вѣруя въ Провидѣніе или даже въ одинъ разумъ, они говорятъ, что въ общемъ ходѣ исторіи одерживаетъ верхъ всегда высшее, живое и внутренне-справедливое право надъ искусственными и насильственными дѣлами рукъ человѣческихъ. Въ цѣломъ съ этимъ воззрѣніемъ можно согласиться, но оно не удовлетворяетъ юриста. Установленіе и укрѣпленіе между народами юридической связи и организаціи есть не нарушеніе, но исполненіе нравственнаго призванія человѣка на землѣ—стремиться во всемъ къ вѣчному совершенствованію. Насилія и преступленія, какъ насъ учитъ исторія большею частію не остаются безъ наказанія; нося въ себѣ самихъ элементы разложенія и смерти, помимо внѣшнихъ возмездій, но вооружая право на борьбу съ ними, мы создаемъ новый могущественный факторъ въ нравственномъ и общественномъ мірѣ, достойный человѣка.

3. Война болѣе или менѣе отражается пагубно на интересахъ остальныхъ народовъ, хотя тому или другому изъ нихъ удается иногда расширить свою торговлю на счетъ воюющихъ. Вотъ почему нейтральные всегда имѣютъ право и даже нравственно обязаны предъ каждою войною сказать свое слово въ пользу мира и принять зависящія отъ нихъ мѣры въ видахъ его ненарушенія. Чѣмъ болѣе они при этомъ руководствуются

---

[1]) «Высшій судъ, говоритъ Гефтеръ,—исторія, которая своимъ безапелляціоннымъ приговоромъ утверждаетъ право и, подобно Немезидѣ, караетъ его нарушенія». (§ 2).

не односторонними субъективными понятіями о пользѣ, а объективными нормами права, тѣмъ болѣе вѣса въ общественномъ мнѣніи будетъ имѣть ихъ голосъ въ пользу справедливости и мира.

4. Споры между государствами рѣдко оканчиваются одною войною. Побѣжденный отказывается вѣрить въ превосходство или справедливость побѣдителя. Такимъ образомъ каждая война носитъ въ себѣ зародыши новыхъ войнъ въ будущемъ. Этимъ путемъ всего болѣе между народами возникаетъ и питается историческая рознь и вражда. Какъ явленія историческія они не имѣютъ однако абсолютнаго значенія. На нашихъ глазахъ совершилось любопытное сближеніе между Франціею и Англіею и глубокое охлажденіе между Франціею и Германіею. Указанные недостатки существовали всегда, но съ успѣхами международныхъ сношеній становятся болѣе и болѣе тяжкими.

Вотъ почему государства видятъ въ войнѣ крайнюю форму проведенія своихъ правъ и претензій и обращаются къ инымъ способамъ отчасти ее замѣняющимъ. Эти способы основываются либо на политикѣ, либо на правѣ.

ГЛАВА II.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА.

1. Случайныя рѣшенія.—2. Непосредственные переговоры.—3. Вступленіе третьихъ государствъ въ споръ съ цѣлію его улаженія:—а) добрыя услуги и б) посредничество.—4. Конгрессы и конференціи.

Въ дѣлѣ улаженія споровъ между государствами рядомъ съ силою большую роль играетъ политика, называемая въ приложеніи къ ихъ внѣшнимъ сношеніямъ *дипломатіею*. Изучая дѣятельность послѣдней въ цѣломъ, мы замѣчаемъ три послѣдовательные періода въ ея развитіи: до начала новаго времени, т. е. до образованія новыхъ государствъ и установленія постоянныхъ посольствъ, дипломатическія сношенія носятъ характеръ *случайный*, имѣя въ виду удовлетвореніе лишь временныхъ потребностей того или инаго государства. Съ 17-го стол. они слагаются въ *постоянную* систему, которая съ внѣшней стороны отмѣчается характеромъ правильности, но съ внутренней страдаетъ отсутствіемъ принциповъ. Выросшая въ придворной атмосферѣ, дипломатія обратилась въ рукахъ искусныхъ деспотовъ въ орудіе притворства и порабощенія по отношенію ко всему, что имъ преграждало дорогу. Это направленіе лжи и неуваженіе историческихъ правъ народовъ было возведено въ теорію Макіавелли, именемъ котораго оно обыкновенно и называется. Наконецъ вслѣдствіе распространенія идей правоваго и представительнаго государства дипломатія окрашивается извѣстнымъ характеромъ *правомѣрности*, хотя до настоящихъ принциповъ права ей и теперь еще очень далеко.

Являясь выразительницею политическихъ интересовъ даннаго государства, дипломатія въ значительной степени проложила путь для международнаго права. Она въ политической сферѣ впервые пробудила и воспитала въ народахъ Европы сознаніе общности и солидарности ихъ интересовъ. Въ случаяхъ враждебности между послѣдними она выработала извѣстный порядокъ для ихъ мирнаго обсужденія и рѣшенія и впервые ввела между государствами нѣкоторыя коллективныя формы для ихъ разсмотрѣнія. Можно сказать, что идея международнаго суда, хотя смутно и неопредѣленно, но распознаваемо вступила въ дѣйствительную жизнь сперва на большихъ соборахъ, которые созывались въ средніе вѣка въ католическомъ мірѣ, а потомъ на конгрессахъ и конференціяхъ. Но съ другой стороны должно сознаться, что, къ сожалѣнію, непопулярность этой идеи въ значительной степени объясняется тѣми пріемами, которыми сознательно и безсознательно государственные люди примѣняли ее на практикѣ.

Давно уже проникла въ общее сознаніе народовъ та истина, что государства могутъ рѣшать свои несогласія силою лишь послѣ того, какъ они предварительно исчерпали всѣ мирныя средства для ихъ рѣшенія. Между тѣмъ это правило доселѣ не вошло еще въ положительное международное право (ниже мы увидимъ желаніе, высказанное въ этомъ смыслѣ парижскимъ конгрессомъ), и писатели спорятъ между собою объ его внутреннемъ значеніи и обязательности. Кальво говоритъ, что государства только «нравственно обязаны обращаться ко всѣмъ возможнымъ и почетнымъ способамъ для мирнаго улаженія своихъ разногласій». Но съ другой стороны онъ добавляетъ, что «это почти всегда лучшій способъ, чтобы доставить торжество разуму и справедливости. Народъ, безъ этого принимающійся за оружіе, наводитъ на мысль, что дѣло его не справедливо, а если и справедливо, то должно служить лишь предлогомъ для достиженія иныхъ, непризнаваемыхъ цѣлей» [1]).

Но многіе новѣйшіе писатели высказываются гораздо рѣши-

[1]) II, 532.

тельнѣе въ пользу истины. Лишь о томъ государствѣ мы предполагаемъ, что оно ведетъ справедливую войну, замѣчаетъ Бернеръ, которое не обошло мирныхъ способовъ рѣшенія спора [1]). Моль говоритъ, что государства обязаны, не только въ силу нравственнаго долга, но и права, прибѣгать къ самооборонѣ только по испробованіи всѣхъ мирныхъ и юридическихъ способовъ. Съ этою цѣлію имъ слѣдуетъ оказывать поддержку такимъ общимъ мѣрамъ, которыя даютъ надежду на окончаніе международныхъ споровъ путемъ справедливымъ, мудрымъ и успѣшнымъ [2]). Выше мы видѣли, что франко-германская война, разразившаяся надъ Европой какъ гроза, усилила въ литературѣ мнѣнія объ обязательности для государствъ обращенія до войны къ мирнымъ способамъ рѣшенія ихъ споровъ. Эта реформа крайне необходима и стоитъ на ближайшей очереди.

Какія же формы выработала для этого дипломатія? Онѣ распадаются на двѣ группы, смотря потому кончаются ли споры непосредственно между самими сторонами, или въ улаженіи ихъ принимаютъ участіе третьи, дѣлу непричастныя государства.

Но сперва упомянемъ о такихъ рѣшеніяхъ, которыя прежде были довольно часто въ употребленіи, но, не покоясь на какихъ либо началахъ, могутъ быть названы случайными.

I.

Случайныя рѣшенія.

Въ средніе вѣка стороны, не приходя къ соглашенію и не желая обращаться къ содѣйствію третьихъ лицъ, признавали надъ собою иногда судьею *случай*. Это выражалось то въ формѣ жребія, то поединка.

Посредствомъ *жребія* рѣшались чаще всего многочисленные споры феодальныхъ князей о раздѣлѣ ихъ территорій и споры посланниковъ о взаимномъ рангѣ и предсѣдательствѣ.

---

[1]) Ст. Krieg въ Bluntschli's Staatsw. VI, 101.

[2]) Н. с. стр. 449 и 437

Поединокъ же, обставленный всѣми условіями правильной дуэли, нерѣдко употреблялся государями соотвѣтственно тогдашнимъ рыцарскимъ нравамъ во избѣжаніе общей битвы [1]).

Очевидно оба эти способа являются весьма неудовлетворительными. Они зависятъ отъ случая и между ними и спорнымъ правомъ не существуетъ никакой юридической связи. Поэтому въ новѣйшее время они почти совершенно вышли изъ употребленія и только изрѣдка прибѣгаютъ развѣ къ жребію для рѣшенія пустыхъ и мелкихъ препирательствъ между посланниками о рангѣ. Между современными писателями наиболѣе расположенъ къ жребію Гефтеръ. Жребій, говоритъ онъ, бываетъ удобенъ въ такихъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о предоставленіи каждой заинтересованной сторонѣ извѣстной доли въ общей или спорной вещи, или когда требуется, на мѣсто совершенно неопредѣленныхъ отношеній, принять окончательное или же только предварительное рѣшеніе посредствомъ случайнаго способа (durch den zufalligen Auschlag des Looses). Примѣрами онъ приводитъ споры, возникавшіе по поводу раздѣла оставшагося послѣ государя наслѣдства или по вопросамъ о предсѣданіи. Конечно въ подобныхъ случаяхъ жребій можетъ оказаться сподручнымъ средствомъ для избѣжанія щекотливыхъ преній, но, вообще говоря, политическіе вопросы слишкомъ важны для того, чтобы рѣшать ихъ такимъ «путемъ случайнаго опредѣленія жребія», какъ выражается Гефтеръ. Надо избирать болѣе трудный, но и разумный путь сознательнаго и всесторонняго разсмотрѣнія спора.

---

[1]) Изъ исторіи извѣстны вызовы на поединокъ Францискомъ I—Карла V (1528), Шведскими королями Карломъ—датскаго Христіана IV (161), Густавомъ IV—Наполеона I. Исторія нашего отечества упоминаетъ о единоборствѣ между Мстиславомъ кн. Тмуторараканскимъ и Редедею кн. Касоговъ въ 1022 г. Мстиславъ остался побѣдителемъ и, согласно условію, овладѣлъ всѣмъ имуществомъ и семействомъ своего противника и получилъ право дани въ землѣ Касоговъ. (*Иванов*, стр. 28).

II.

Непосредственные переговоры.

При возникновеніи несогласій между государствами, какъ и между частными лицами, первый и наиболѣе простой шагъ къ ихъ улаженію состоитъ въ *переговорахъ*, непосредственно открываемыхъ между ними. Это дѣлается чрезъ обмѣнъ дипломатическихъ нотъ между спорящими правительствами или чрезъ сношенія посредствомъ посланниковъ и довѣренныхъ лицъ. Цѣль этихъ переговоровъ заключается въ выясненіи самого предмета спора. Часто невѣрные юридическіе выводы основываются на превратномъ пониманіи фактовъ, поэтому въ переговорахъ должно съ полною добросовѣстностью и возможною точностію изложить фактическія основанія спорнаго дѣла, опровергнуть возраженія противной стороны и представить отъ себя политическія и юридическія условія прекращенія спора.

Въ силу принципа равенства архивы всѣхъ государствъ пользуются одинаковымъ довѣріемъ. Мы желали бы сдѣлать исключеніе развѣ только для азіатскихъ деспотій. Въ случаѣ разногласія между однородными актами различныхъ архивовъ каждое государство естественно придерживается текста хранящихся у него документовъ. Но любовь къ истинѣ и миру возлагаетъ на него въ этихъ деликатныхъ случаяхъ обязанность поступать съ большою осмотрительностью. Оно не имѣетъ права приписывать безусловную вѣрность однимъ собственнымъ актамъ и отказывать въ достовѣрности документамъ противника. Надо въ этихъ случаяхъ прибѣгнуть къ всестороннему толкованію спорныхъ бумагъ или пунктовъ въ нихъ, обратиться, если возможно, за справками и сравненіями къ архивамъ третьихъ государствъ и т. п. [1]).

Если стороны одушевлены любовью къ миру, но споръ ихъ вслѣдствіе посторонніхъ обстоятельствъ обостряется, онѣ по-

---

[1]) Бернеръ, ib.

ступятъ хорошо обратившись къ общественному мнѣнію. Это дѣлается чрезъ опубликованіе главныхъ или всѣхъ дипломатическихъ документовъ, могущихъ пролить свѣтъ на предметъ спора. Въ свою очередь это ведетъ къ обсужденію послѣдняго періодическою и ученою литературою. Хотя это средство чисто нравственнаго свойства, но ему нельзя отказать въ извѣстномъ практическомъ дѣйствіи. Общественное мнѣніе получаетъ все большее вліяніе на ходъ и направленіе государственныхъ дѣлъ. Но мы не раздѣляемъ того воззрѣнія, которое считаетъ его владыкою цивилизованнаго міра, главнымъ органомъ выраженія и охраны справедливости въ международныхъ сношеніяхъ. Въ немъ на практикѣ встрѣчаются и перекрещиваются различныя теченія, другъ другу противоположныя, которыя слагаются часто подъ вліяніемъ преходящихъ и случайныхъ обстоятельствъ. Дѣйствительною силою становится оно, когда оно само въ себѣ едино и вѣрно отражаетъ нравственное и юридическое сознаніе цѣлой эпохи или цѣлаго народа. Государство, претензіи котораго осуждаются такою силою едва ли будетъ настаивать на ихъ проведеніи, какъ бы оно ни чувствовало себя могущественнымъ. Въ дѣлѣ разъясненія споровъ впрочемъ важно не то мнѣніе, которое облетаетъ газеты и составляетъ предметъ толковъ въ салонахъ, а то, которое устанавливается благодаря разъясненіямъ людей знакомыхъ съ практикою и наукою политической жизни.

Результатомъ дипломатическихъ переговоровъ является либо прекращеніе спора, либо переходъ въ открытую вражду.

Споръ оканчивается двумя вообще путями: 1 *примиреніемъ* (arrangement amiable), когда одна изъ сторонъ отказывается отъ своего права или притязанія въ пользу другой или когда она соглашается исполнить ея требованія. Иногда отказъ и исполненіе сопровождаются протестомъ, посредствомъ котораго сторона уступающая желаетъ оговорить свое право и свободу дѣйствій въ будущемъ.

2. Международною *сдѣлкою* (transaction), въ силу которой обѣ стороны одновременно отказываются отъ всѣхъ или отъ нѣкоторой части своихъ притязаній. Въ этомъ случаѣ согла-

шеніе представляется какъ бы среднимъ рѣшеніемъ между ихъ требованіями.

На рубежѣ мирныхъ переговоровъ и войны стоитъ *перерывъ дипломатическихъ сношеній*. Моль видитъ въ этомъ хорошее средство, чтобы образумить противника, который упорно отвергаетъ наше право [1]). Какъ мѣра порицанія оно имѣетъ извѣстное значеніе, но въ послѣднія десятилѣтія, по словамъ Кальтенборна, оно много потеряло своей силы вслѣдствіе уменьшенія значенія посланниковъ вообще въ международной жизни [2]). Вопреки существующей практикѣ, въ отозваніи посланниковъ на время войны можно видѣть актъ политики, а не юридическую обязанность [3]). Продолженіе дипломатическихъ сношеній, даже при этихъ условіяхъ, прокладывало бы пути къ мирному соглашенію и содѣйствовало бы смягченію самой войны. Но мѣра, указываемая Молемъ, можетъ въ будущемъ получить большее значеніе, когда она будетъ направляться противъ нарушителя одновременно многими или всѣми государствами отъ имени международнаго союза и сопровождаться прекращеніемъ всякихъ сношеній съ нимъ, даже между частными лицами.

III.

Добрыя услуги.

Вступленіе третьихъ государствъ въ споръ, съ цѣлію его улаженія, совершается въ двоякой формѣ—добрыхъ услугъ и посредничества [4]). Писатели то смѣшиваютъ совершенно оба эти понятія (Ваттель, Витонъ, Твиссъ, Кальво, Стояновъ), то установляютъ различіе количественнаго, а не принципіальнаго характера, т. е. по отношенію степени воздѣйствія

---

[1]) H. c. § 68.

[2]) Ib. p. 107.

[3]) Bluntschli, Volkerr. Art. 537.

[4]) Calvo II, 535 сл. *Rouard de Card.* L' arbitrage international 1877 p. 28. *Bulmerincq* Art. Vermittelung въ Holtzendorff's Rechtslexikon. 2 Aufl II, 813. *Paretti.* O. c. p. 68.

нейтральныхъ державъ на улаженіе спора (Бульмеринкъ, Блюнчли, Гефтеръ, Паретти и др.). Болѣе всѣхъ на установленіи этого различія настаиваетъ Бульмеринкъ. Добрыя услуги, говоритъ онъ, вытекаютъ изъ дружественныхъ отношеній посредничество—изъ нравственныхъ, а третейскій судъ изъ юридическихъ. На практикѣ обѣ первыя формы часто сливаются, и добрыя услуги переходятъ въ посредничество, но отсюда не слѣдуетъ еще смѣшивать ихъ во всемъ. Государства въ своихъ спорахъ отклоняли иногда послѣднее, но принимали первыя.

Какъ бы то ни было, но *добрыя услуги* (bons offices) отличаются характеромъ подготовительныхъ переговоровъ между нейтральными и спорящими сторонами въ видахъ улаженія несогласія. Онѣ имѣютъ лишь нравственное значеніе и дѣйствіе. Задача ихъ—подготовить сближеніе между спорящими и облегчить для нихъ дальнѣйшіе переговоры. Мѣра эта либо выпрашивается самими спорящими, либо предлагается постороннимъ государствомъ по его собственному почину. Ни для кого изъ нея никакихъ юридическихъ обязанностей не возникаетъ.

Въ обращеніи спорящихъ къ совѣтамъ третьяго безпристрастнаго лица, котораго оба они излюбили, лежитъ первый намекъ на идею суда первоначально чисто нравственнаго, а потомъ и юридическаго, по мѣрѣ того, какъ слагаются нормы его дѣйствія и расширяется область его примѣненія. Въ этомъ отношеніи нельзя было не привѣтствовать знаменитый 23 протоколъ, отъ 16 апрѣля, парижскаго конгресса 1856 года. Пользуясь созваніемъ тогда конгресса, лондонское общество мира послало къ представителю на немъ Англіи, лорду Кларендону, депутацію, изъ г.г. Гиндлея, Джозефа Стёрджа и Генри Ричарда, [1]) съ просьбою внести, въ имѣющую быть заключенною конвенцію, условіе о мирномъ рѣшеніи несогласій

[1]) Hindley, Joseph Sturge и Henry Richard. Послѣдній особенно, какъ увидимъ ниже, много сдѣлалъ для распространенія идеи международнаго суда.

могущихъ возникнуть между народами. Вслѣдствіе этого Кларендонъ, напомнивъ членамъ конгресса, что бѣдствія только что окончившейся войны такъ еще свѣжи въ памяти всѣхъ, что нельзя не позаботиться о всякихъ средствахъ способныхъ предупредить возвращеніе оныхъ и, указавъ на 8 статью заключеннаго уже трактата, рекомендующую, въ случаѣ разногласій между Портою и одною или нѣсколькими изъ подписавшихся державъ [1]), обращаться до употребленія силы къ посредничеству (à l'action médiatrice) остальныхъ договаривающихся сторонъ—высказалъ мысль, что это счастливое нововведеніе могло бы получить болѣе широкое приложеніе и превратиться въ нѣкій оплотъ противъ международныхъ столкновеній, часто возникающихъ лишь потому, что не возможно другъ предъ другомъ высказаться и сговориться. На этомъ основаніи онъ предложилъ обсудить резолюцію, которая могла бы въ будущемъ дать миру большую прочность, не нанося ущерба независимости правительствъ.

Гр. Валевскій, одинъ изъ представителей Франціи, сказалъ, что онъ согласенъ на занесеніе въ протоколъ желанія, которое, соотвѣтствуя вполнѣ стремленіямъ нашего времени, ни въ чемъ не связало бы однако свободы дѣйствій правительствъ.

Въ этихъ словахъ высказалось основное воззрѣніе и заблужденіе современной дипломатіи: безусловная свобода кого бы то ни было, даже правительствъ, въ предѣлахъ цивилизованнаго общества, не мыслима. Свобода становится нравственнымъ и юридическимъ понятіемъ только подъ условіемъ права и въ предѣлахъ, имъ указываемыхъ. Это начало признано государствами до нѣкоторой степени по отношенію къ ихъ внутреннему строю; пора распространить его и на ихъ внѣшній или международный порядокъ.

---

[1]) Вотъ эта статья: S'il survenait, entre la Sublime Porte et l'une ou plusieurs des autres puissances signataires un dissentiment qui menaçât le maintien de leurs relations, la Sublime Porte et chacune de ces puissances, avant de recourir à l'emploi de la force, mettront les autres parties contractantes en mesure de prévenir cette extremité par leur action médiatrice.

Впрочемъ совершенно въ томъ же смыслѣ высказался представитель Австріи, гр. Буоль, заявивъ, что онъ не можетъ отъ имени своего правительства принять абсолютное обязательство [1]), которое стѣснило бы независимость австрійскаго кабинета.

На это Кларендонъ отвѣчалъ, что каждая держава остается по прежнему единственно судьею въ вопросахъ, касающихся ея чести и интересовъ, и что онъ чуждъ мысли ограничить власть правительствъ, а желаетъ только сдѣлать для нихъ возможнымъ не браться за оружіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда разногласіе между ними устранимо иными путями.

Баронъ Мантейфель, представитель Пруссіи, съ своей стороны замѣтилъ, что король, его державный владыка, раздѣляетъ вполнѣ идеи изложенныя гр. Кларендономъ и что поэтому онъ считаетъ себя въ правѣ къ нимъ присоединиться въ видахъ содѣйствія ихъ возможно-большему развитію.

Этотъ энтузіазмъ прусскаго дипломата, говоритъ Руаръ-де-Каръ, интересно отмѣтить послѣ событій послѣднихъ лѣтъ. Онъ показываетъ намъ въ какой степени слова правительства могутъ иной разъ расходиться съ его дѣйствіями.

Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній гр. Кавура, Валевскій отвѣчалъ, что дѣло идетъ не о принятіи какого либо обязательства и не объ установленіи права: желаніе выражаемое конгрессомъ никакимъ образомъ не посягаетъ на свободу обсужденія, которая должна принадлежать каждой независимой державѣ въ дѣлахъ подобнаго рода, такъ что онъ не видитъ препятствія для обобщенія идеи, высказанной гр. Кларендономъ, и дарованія ей наиболѣе широкаго значенія.

Послѣ обмѣна этихъ мыслей, уполномоченные отъ имени своихъ правительствъ «выразили *желаніе* (voeu), чтобы государства, между которыми возникнетъ серьезное разногласіе, до обращенія къ оружію, прибѣгали, на сколько позволятъ обстоятельства, къ добрымъ услугамъ дружественной державы (aux bons offices d'une puissance amie)». Кромѣ того они

[1]) Да таковые никогда и не вытекаютъ изъ принциповъ права!

выразили надежду, «что правительства, не принявшія участія на конгрессѣ, присоединятся къ мысли, которая внушила желаніе, занесенное въ настоящій протоколъ».

Этому желанію суждено было сбыться, такъ какъ до сорока государствъ присоединились къ мысли, высказанной въ семъ актѣ [1]).

Сужденія объ ней въ литературѣ разошлись далеко между собою, смотря по симпатіямъ и антипатіямъ къ ней того или другаго лица. Одни видятъ въ ней платоническое выраженіе желанія, не получившаго никакого приложенія на практикѣ (Моль); другіе превозносятъ ее до небесъ, какъ введеніе новаго принципа третейскаго суда (arbitrage), «отнынѣ будтобы окончательно принятаго для будущихъ международныхъ трактатовъ». Такъ выражается Лавеле, приводящій о парижскомъ протоколѣ не менѣе восторженныя слова Гладстона и гр. Дерби, которые считаютъ составленіе его «безсмертною славою» конгресса въ видахъ «содѣйствія успѣхамъ человѣчества и цивилизаціи [2])».

Все это преувеличено и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Вникая въ мысль авторовъ этого протокола, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: (1) юридической обязанности протоколъ ни для кого не имѣетъ: мысль его выражена въ крайне робкой и эластичной формѣ *желанія*, рекомендующаго добрыя услуги нейтральной державы *поскольку дозволятъ обстоятельства*, толкуемыя конечно каждымъ заинтересованнымъ по своему. Въ добавокъ это желаніе не вошло въ текстъ договора, а осталось въ протоколѣ, т. е. на ступени предварительнаго соглашенія, а не окончательнаго. (2) Не смотря на изворотливость дипломатическаго слога, протоколъ имѣетъ въ виду не только добрыя услуги, но и *посредничество*. О послѣднемъ говоритъ прямо вызвавшая его 8 ст. парижскаго трактата и въ этомъ духѣ протоколъ прилагался позднѣе

---

[1]) Rouard de Card. p. 31—35.

[2]) *Laveleye*, Des causes actuelles de guerre en Europe. Annexe № 3.

державами на практикѣ. Но идеѣ третейскаго суда онъ совершенно чуждъ. Не только слово arbitrage не встрѣчается въ переговорахъ, но и отсутствіе юридическихъ элементовъ въ протоколѣ не даетъ третейскому суду почвы. 3) При всѣхъ этихъ ограниченіяхъ мы видимъ въ немъ новый шагъ со стороны державъ къ признанію такого суда. *Нравственное значеніе* его громадно. Дипломатія передовыхъ государствъ созналась, что «стремленія нашего времени требуютъ обращенія къ мирнымъ способамъ улаженія споровъ до поднятія оружія». Идеи, вошедшія въ нравственное сознаніе народовъ неизбѣжно превращаются со временемъ въ юридическіе принципы: вотъ почему мы говоримъ, что принятіе, даже нравственное, посредничества въ этихъ дѣлахъ повлечетъ къ введенію третейскаго суда, какъ органа правильнаго и общаго въ видахъ предупрежденія войны. Это начало и получило уже, правда спеціальное, но торжественное признаніе въ 16 ст. трактата объ учрежденіи Всеобщаго Почтоваго Союза (9 окт. 1874). 4) Къ чести державъ слѣдуетъ сказать, что протоколъ не остался вполнѣ мертвою буквою, хотя, къ сожалѣнію, онъ былъ примѣненъ крайне неудовлетворительно и не имѣлъ никакого практическаго результата предъ большими войнами послѣдняго времени. Въ духѣ его лондонская конференція 1867 г. отодвинула столкновеніе между Франціею и Пруссіею, вызванное тогда вопросомъ о Люксембургѣ, а парижская 1869 г. предотвратила войну между Греціею и Турціею по поводу возстанія на островѣ Критѣ. Но съ другой стороны Пруссія отклонила добрыя услуги державъ предъ войною 1866 г., а Франція въ 1870 г. отвергла такое же предложеніе Англіи. Также С. Штаты во время междуусобной войны 1861—65 не приняли посредничества сперва Россіи, а потомъ Франціи, которой не удалось сдѣлать этотъ шагъ, какъ она желала вмѣстѣ съ Англіею и Россіею.

Посредничество.

Посредничество (médiation), какъ мы сказали, отличается въ нѣкоторомъ отношеніи отъ добрыхъ услугъ и еще болѣе отъ третейскаго суда (arbitrage). Къ сожалѣнію въ жизни и даже въ наукѣ эти понятія часто путаются, особенно дипло-

матія употребляетъ ихъ нерѣдко безъ разбора [1]). Между тѣмъ каждому изъ этихъ способовъ дѣйствія соотвѣтствуетъ по ихъ внутренней природѣ извѣстный кругъ полномочія. Добрыя услуги должны только, какъ замѣчено, облегчить спорящимъ вступить въ переговоры другъ съ другомъ, на ходъ и результаты которыхъ онѣ собственно не призваны вліять. Посредничество же обозначаетъ не только вступленіе третьяго, посторонняго государства въ эти переговоры, но и самостоятельное въ нихъ участіе, а часто даже и направленіе оныхъ съ цѣлію справедливаго, по мнѣнію посредника, улаженія спора для обѣихъ сторонъ. Цѣль его въ результатѣ та же какъ и третейскаго суда: привести спорящія государства къ мирному соглашенію, но между ними есть различіе по существу: третейскій судъ даетъ въ предѣлахъ своего полномочія настоящія рѣшенія юридически-обязательныя для сторонъ, посредникъ предлагаетъ совѣты, которые въ нравственномъ и политическомъ отношеніи могутъ имѣть большой вѣсъ, но которые стороны всегда вольны принять или отклонить. Кромѣ того посредничество по своему характеру можетъ простираться на всѣ отношенія государствъ, а третейскому суду подлежатъ вопросы, могущіе сдѣлаться предметомъ юридическаго разсмотрѣнія и рѣшенія. Наконецъ третейскій судья избирается лично спорящими, которые въ предварительномъ договорѣ (компромиссѣ) опредѣляютъ предметъ своего несогласія и компетенцію судьи, посредникъ же самъ можетъ предложить свои услуги и при разсмотрѣніи спора не связанъ никакими положительными правилами. Словомъ его дѣятельность является главнымъ образомъ политическою и представляетъ всѣ выгоды и невыгоды широкой, почти безконтрольной мѣры, принимаемой государствами по ихъ усмотрѣнію въ интересахъ мира.

Остановимся нѣсколько на ея главныхъ моментахъ. Посредничество возникаетъ по приглашенію одной или обѣихъ

---

[1]) Напр. протоколъ 5 дек 1853 г. вѣнской конференціи называетъ посредничество intervention amicale и вмѣстѣ bons offices.

спорящихъ сторонъ, въ силу обязательства, признаннаго въ договорѣ (8 ст. парижскаго трактата 1856 г.), и по собственному почину третьяго, спору непричастнаго государства. Во всякомъ случаѣ посредникъ не можетъ дѣйствовать иначе, какъ съ общаго согласія сторонъ. Въ силу независимости государствъ никто не имѣетъ права навязать имъ себя въ посредники. Но слѣдуетъ ли отсюда, что когда между двумя или нѣсколькими государствами возникаетъ разногласіе, угрожающее перейти въ войну, остальныя должны смотрѣть на это съ полнымъ безучастіемъ или дожидаться просьбы спорящихъ о вступленіи?

Въ литературѣ существуютъ два совершенно противоположныя на этотъ счетъ мнѣнія. Гюбнеръ считаетъ одною изъ главныхъ обязанностей нейтральныхъ заботиться о предупрежденіи войны и возстановленіи мира. Этого направленія держатся Кентъ, Твиссъ, Филлиморъ, Паретти. Напротивъ Галіани полагаетъ, что справедливость не требуетъ, а благоразуміе совѣтуетъ государствамъ не принимать, а тѣмъ менѣе искать, роли посредниковъ. Также Готфель видитъ въ ней болѣе опасности, чѣмъ выгоды, потому что она представляетъ скользкій путь къ вмѣшательству. Наконецъ г. Стояновъ говоритъ, что разсматривать этотъ вопросъ съ такой общей точки зрѣнія нѣтъ основанія; его нельзя подвести подъ заранѣе заготовленную формулу: рѣшить его, въ каждомъ данномъ случаѣ, можетъ только заинтересованная сторона, при чемъ соображенія общихъ интересовъ всѣхъ націй могутъ вліять на рѣшеніе.

Мы полагаемъ однако, что, съ точки зрѣнія международнаго права, каждое государство имѣетъ право и даже обязанность предлагать посредничество во всѣхъ серьезныхъ распряхъ между народами. Это вытекаетъ изъ ихъ высшаго, человѣческаго призванія служить по мѣрѣ ихъ разумѣнія и силъ охраненію справедливости и мира на землѣ. Такъ смотритъ и вполнѣ вѣрно на это Паретти [1]). Твиссъ, согласно съ міро-

[1]) E umano dovere delle nazioni neutre inframettersi nella controversia.

воззрѣніемъ англичанъ, выдвигаетъ на первое мѣсто утилитарное начало самоохраны [1]). Онъ видитъ существенное различіе между посредничествомъ и вмѣшательствомъ государства во внутреннія дѣла другаго. Бульмеринкъ на основаніи этихъ обоихъ началъ приходитъ къ выводу согласному съ двумя послѣдними авторами. Само собою разумѣется, что интересъ самоохраненія даетъ государству право отклонить предлагаемое ему посредничество, но это исключеніе не подрываетъ правила.

Посредникъ, какъ уже замѣтилъ Ваттель, есть примиритель спорящихъ, а не судья надъ ними. Задача его не отысканіе строгаго правила, а возможно справедливое возстановленіе мира. Для этого требуется отъ него много условій: прежде всего полное безпристрастіе и равное довѣріе къ нему обѣихъ сторонъ; политическій тактъ и умѣнье вести переговоры. «Роль его, замѣчаетъ Кальво, хотя существенно независима, но самаго деликатнаго свойства. Лишь обладая большою умѣренностію, возвышеннымъ чувствомъ справедливости и безпристрастія, посредникъ въ качествѣ третьяго лица можетъ надѣяться, что ему удастся согласовать враждебныя другъ другу притязанія, не оскорбить права, одинаково признаваемыя неоспоримыми, и укротить взаимное раздраженіе сторонъ болѣе или менѣе сильное и основательное». Посредникъ имѣетъ право участвовать во всѣхъ переговорахъ сторонъ, которыя либо чрезъ него дѣлаютъ другъ другу письменныя сообщенія (какъ бывало въ прежней практикѣ), либо въ присутствіи его представителя ведутъ устныя пренія. При этомъ посредникъ долженъ смягчать строгія и излишнія ихъ требованія, дѣлать самостоятельныя предложенія къ ихъ примиренію или даже поддерживать то изъ двухъ воззрѣній, которое ему кажется, по зрѣлому обсужденію дѣла, наиболѣе соотвѣтствующимъ природѣ вещей. Но ему слѣдуетъ строго воздерживаться отъ

---

[1]) A care for its own safety will therefore justify a Nation in interposing its good offices between disputing Nations.

содѣйствія, хотя бы и тайнаго, интересамъ одной изъ сторонъ въ ущербъ другой или отъ извлеченія изъ посредничества выгодъ для себя самого. На практикѣ эти элементарныя требованія справедливости нерѣдко нарушались. Но съ другой стороны спорящіе обязаны содѣйствовать посреднику въ его благородномъ дѣлѣ: не настаивать упорно, вопреки очевидности, на преувеличенныхъ требованіяхъ, принятіе коихъ противнику невозможно, и не вести за спиною посредника интригу способную разбить его старанія. Посредничество предпринимается чаще всего во время войнъ или при заключеніи договоровъ [1]). Въ первомъ случаѣ враждебныя дѣйствія на все время посредничества должны быть пріостановлены. При достиженіи результата посредникъ имѣетъ въ виду не только естественную справедливость, но и самые разнообразные политическіе интересы, въ обсужденіи которыхъ пользуется широкою свободою. Вопреки мнѣнію Бульмеринка, разсмотрѣнію его могутъ подлежать всѣ отношенія государствъ, въ томъ числѣ и переговоры о прекращеніи междуусобныхъ войнъ. Предлагаемое по собственному почину третьяго государства, оно обращается тогда въ мирное вмѣшательство.

Роль посредника оканчивается либо достиженіемъ предполагаемой цѣли, т. е. примиреніемъ спорящихъ, либо неудачей ея. Послѣднее бываетъ, когда стороны остаются при своихъ прежнихъ противоположныхъ воззрѣніяхъ или когда онѣ, независимо отъ посредника, вступаютъ въ новое между собой соглашеніе. Посредникъ, говоритъ Блюнчли, ведетъ переговоры, чтобы помочь сторонамъ придти къ соглашенію. Онъ не долженъ дѣлаться препятствіемъ къ сей цѣли. Жаловаться же на неуваженіе къ своему посредничеству онъ можетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны его обманули или скрыли отъ него достигнутое ими непосредственно соглашеніе. Изъ посредничества наконецъ не вытекаютъ ipso jure ни гарантія

---

[1]) Примѣры посредничества изъ новѣйшей исторіи приводятся у Кальво; ср. Berner въ Bluntschli's Staatsworterbuch; IX, 641 ст. Staatenvertrage.

установленнаго при помощи посредника порядка, ни право принужденія противъ стороны или сторонъ, отвергнувшихъ его предложенія. Такъ называемое «вооруженное посредничество» есть самопротиворѣчіе. Открытіе военныхъ дѣйствій или даже угроза ими обозначаетъ прекращеніе посредничества. Твиссъ и Паретти дѣлаютъ однако одно исключеніе въ пользу слабѣйшаго государства, право коего очевидно и которому угрожаетъ войною болѣе могущественный противникъ, который подъ предлогомъ полученнаго оскорбленія не довольствуется предлагаемымъ ему удовлетвореніемъ, но стремится къ порабощенію слабаго. При такихъ условіяхъ, говоритъ Твиссъ, посредникъ получаетъ право принудить даже силою болѣе могущественное государство не нарушать мира, ибо всѣ народы обязаны предупреждать и пресѣкать нарушенія права и становиться въ несправедливой войнѣ на сторону того, на кого сдѣлано нападеніе [1]).

Нельзя не одобрить высказываемаго этими писателями начала, но оно ничего не имѣетъ общаго съ посредничествомъ. Оно указываетъ на обязанность государствъ помогать несправедливо обижаемой и болѣе слабой сторонѣ въ ея борьбѣ съ могущественнымъ соперникомъ. Эта *солидарность защиты*, оправдывающая даже войну, существуетъ сама по себѣ и можетъ прилагаться государствами совершенно независимо отъ посредничества, до него или непосредственно послѣ него. Впрочемъ послѣднее можетъ много содѣйствовать къ изобличенію недобросовѣстности стороны нападающей.

Напротивъ мы не можемъ согласиться съ Бернеромъ [2]), который оправдываетъ вооруженное посредничество въ крайнемъ случаѣ, когда этого требуетъ собственная безопасность посредника. Столь критическое положеніе послѣдняго лишаетъ его способности быть настоящимъ посредникомъ.

---

[1]) *Twiss;* II, 15 *Paretti;* p. 74.

[2]) Ib p. 642

IV.

Посредничество, проходя чрезъ всю новѣйшую исторію, выступаетъ въ двоякой формѣ: единичной и коллективной. Послѣднее само по себѣ предпочтительнѣе, потому что представляетъ болѣе гарантій безпристрастнаго и серьезнаго отношенія къ дѣлу со стороны многихъ державъ, коллективно принимающихъ на себя посредничество. Оно соотвѣтствуетъ идеѣ международнаго союза и практически несравненно полновѣснѣе посредничества единичнаго. Органами его являются высшія коллективныя формы международныхъ сношеній: *конгрессы* и *конференціи*. Конгрессы и конференціи.

Въ нашемъ столѣтіи эти формы подверглись глубокому и коренному преобразованію, вслѣдствіе котораго въ нихъ можно подмѣтить, хотя смутныя и сбивчивыя, но многія черты, указывающія на зарожденіе и элементарную формацію идеи международнаго суда въ практической жизни государствъ. Эти первоначальныя попытки конечно весьма грубы и несовершенны, но въ нихъ лежитъ глубокій смыслъ. Тутъ, какъ и вездѣ, дипломатія призвана подготовить и очистить путь для права.

Обозрѣвая въ цѣломъ дѣятельность конгрессовъ и конференцій, мы замѣчаемъ въ ней двѣ главныя стороны: какъ бы законодательную и нѣчто похожее на судебную функцію. Въ первомъ отношеніи на этихъ собраніяхъ подписываются мирные трактаты, принимаются рѣшенія о переходѣ территорій изъ однѣхъ рукъ въ другія, провозглашаются нѣкоторые общіе принципы важные для всего международнаго союза. Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что главные конгрессы занимались до сихъ поръ почти исключительно территоріальными и очень мало принципіальными вопросами, что они въ сущности подводили итогъ результатамъ, достигнутымъ государствами благодаря войнамъ и руководи-

лись не началами права, а интересами и соображеніями политики [1]).

До Вѣнскаго конгресса, по вѣрному замѣчанію Кальтенборна, конгрессы созывались лишь послѣ войнъ между воюющими при содѣйствіи одной или нѣсколькихъ нейтральныхъ державъ, выступавшихъ въ качествѣ посредницъ. Но съ 1815 г. они расширяются относительно своего состава и дѣятельности. Участвующими въ нихъ сторонами являются теперь пять великихъ державъ (пентархія), къ которымъ присоединяется позднѣе Италія, и уполномоченные ихъ собираются чаще всего для устраненія возникающихъ между государствами несогласій и для возможнаго предупрежденія войны. Къ послѣдней цѣли стремилось громадное большинство конференцій, сходившихся съ 1815 г. во всѣхъ большихъ столицахъ Европы.

Что сдѣлали эти собранія для упроченія права и мира въ Европѣ? какими руководились они правилами? къ чему слѣдуетъ имъ стремиться въ будущемъ? Эти вопросы представляются естественно каждому, кто задумывается надъ идеею международнаго суда.

Едва побѣдили четыре великія державы Наполеона I, какъ задались мыслію, въ видахъ упроченія мира, заключить между собою союзъ. Въ извѣстномъ договорѣ 20-го ноября 1815 г. онѣ условились о созываніи въ будущемъ правильныхъ конференцій, на которыхъ должны присутствовать либо сами государи, либо ихъ уполномоченные для обсужденія и рѣшенія общихъ интересовъ. На аахенскомъ конгрессѣ (1818 г.) эта мысль получила болѣе точное и широкое выраженіе. Державы приняли въ свой союзъ Францію и послѣ многихъ совѣщаній подписали два весьма важные документа, не лишенные значенія даже для нашего времени: протоколъ и

---

[1]) Теоріею политическаго равновѣсія одушевлялись вестфальскіе конгрессы въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ, а также утрехтскій; легитимизма—вѣнскій и слѣдующіе за нимъ; поддержанія неприкосновенности Оттоманской имперіи—парижскій и берлинскій.

декларацію отъ 3/15 ноября [1]). Въ декларации, обращенной собственно ко всѣмъ государствамъ Европы, державы высказываютъ «свою твердую рѣшимость, какъ въ сношеніяхъ между собою, такъ и съ остальными государствами, никогда не отступать отъ самаго строгаго соблюденія принциповъ международнаго права, которые въ приложеніи къ мирному порядку одни способны дѣйствительно обезпечить независимость каждаго правительства и прочность всего международнаго союза (l'association générale)».

Нельзя дать болѣе яснаго и формальнаго признанія международному праву въ качествѣ положительнаго, какъ это сдѣлано въ семъ актѣ пятью великими державами. За опредѣленіями по матеріальному праву слѣдуютъ распоряженія по праву формальному.

Державы ставятъ на видъ свое желаніе обсуждать въ будущемъ дѣла, либо касающіяся до нихъ самихъ (leurs propres intérêts), либо относящіяся къ интересамъ остальныхъ государствъ Европы (des affaires spécialement liées aux intérêts des autres Etats de l'Europe) на особыхъ съѣздахъ (des reunions particulières). При этомъ нельзя не отмѣтить легкаго оттѣнка, существующаго между деклараціею и протоколомъ, предназначеннымъ собственно для контрагентовъ. Первая говоритъ, что державы приступаютъ къ разсмотрѣнію дѣлъ постороннихъ правительствъ «лишь на основаніи формальной просьбы послѣднихъ объ ихъ вмѣшательствѣ»; второй выговариваетъ «право этихъ постороннихъ государствъ принимать участіе на этихъ собраніяхъ непосредственно или чрезъ уполномоченныхъ». Опущеніе послѣдняго условія въ декларации, говоритъ Гефтеръ, показываетъ, что державы не хотѣли признать абсолютно этого права, но предоставить себѣ относительно его свободу выбора въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ [2]).

Мы полагаемъ, что онъ ошибается: въ такомъ случаѣ не-

---

[1]) Текстъ ихъ см. въ приложеніяхъ къ 6 изд. Гефтера (1873), стр. 465, напрасно опущенныхъ въ изд. Гефкена.

[2]) O. c. p. 511.

чего было упоминать о немъ и въ протоколѣ. Кромѣ того оно вытекаетъ изъ природы посредничества, которое не мыслимо безъ участія заинтересованныхъ сторонъ.

Какъ бы то ни было, но оба документа признаютъ «мотивомъ и цѣлію дѣятельности пентархіи—спокойствіе міра. Государи торжественно считаютъ себя обязанными предъ Богомъ и народами, которыми управляютъ, являть міру, на сколько отъ нихъ зависитъ, примѣръ справедливости, согласія и умѣренности».

Какъ же выразились эти заявленія на практикѣ? Повели ли они къ освященію начала посредничества или подъ эгидою какихъ то высшихъ правительственныхъ рѣшеній создали политику вмѣшательствъ! Для третьей и самой справедливой идеи—суда—время было не зрѣло и, согласно тогдашней абсолютистической политикѣ дворовъ, вмѣшательства во внутреннія дѣла второстепенныхъ государствъ, ради охранительныхъ интересовъ великихъ державъ, сдѣлались лозунгомъ послѣдующихъ конгрессовъ въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ [1]). Залѣнскій видитъ въ нихъ «установленіе международнаго третейскаго суда». Державы «провозгласили себя какъ бы судьями и установили для своей дѣятельности извѣстныя нормы, даже кодексъ [2])».

Мнѣніе это не соотвѣтствуетъ исторической правдѣ: пентархія дѣйствовала на этихъ конгрессахъ не въ качествѣ суда (всего менѣе третейскаго), а верховнаго распорядительнаго совѣта, рѣшавшаго дѣла не по нормамъ права, и занимавшагося вопросами, которые по существу не подлежатъ никакой международной инстанціи, т. е. внутренними дѣлами государствъ. Въ самой пентархіи не было согласія, наконецъ стороны не спрашивались ею, а привлекались къ отвѣту. Все это быстро превратило ее въ глазахъ народовъ не въ

---

[1]) Мы подробно говорили о нихъ въ иномъ мѣстѣ: «Начало невмѣшательства», стр. 162; 177, сл. и 250 сл.

[2]) *Zaleski* Die volkerrechtliche Bedeutung der Kongresse 1874. S. 61 и 39.

оплотъ права, а въ орудіе деспотизма. Ненависть эта еще усугубилась вслѣдствіе принужденія, посредствомъ котораго державы приводили въ исполненіе свои пристрастные и несправедливые приговоры.

При обсужденіи дѣлъ Неаполя король Фердинандъ былъ приглашенъ въ Лайбахъ, хотя въ сущности ему оставалось только подчиниться готовому рѣшенію. Вмѣшательство Франціи въ дѣла Испаніи рѣшено въ Веронѣ безъ малѣйшаго участія послѣдней. Конгрессъ, отнесшійся съ такою заботливостію къ интересамъ легитимизма на Пиринейскомъ полуостровѣ, былъ до того послѣдователенъ, что не допустилъ даже представителя Греціи, искавшаго защиты у христіанской Европы противъ звѣрствъ Турокъ. Однако нѣсколько лѣтъ спустя Англія, Франція и Россія предложили Греціи и Турціи свое посредничество, которое, по непринятіи послѣднею, перешло въ войну.

Лондонская конференція 1830—31 г., по поводу отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи, состоялась по просьбѣ нидерландскаго короля, который обратился къ посредничеству великихъ державъ въ видахъ заключенія перемирія и открытія переговоровъ съ возставшими Бельгійцами. Между тѣмъ конференція, говоритъ Гефтеръ [1]), стала дѣйствовать какъ третейскій судъ; рѣшенія, которыя она принимала въ своихъ протоколахъ, получили характеръ обязательныхъ предписаній для спорящихъ сторонъ. Король Голландіи не былъ приглашенъ къ участію, а отдѣлившіяся провинціи поставлены, какъ сторона, на равную съ нимъ ногу. Естественно, что король высказалъ порицаніе такому способу дѣйствія. Онъ напомнилъ ахенскій протоколъ, въ силу котораго великія державы обязались разсматривать дѣла остальныхъ государствъ по ихъ приглашенію и въ присутствіи ихъ уполномоченныхъ. Кромѣ того онъ поставилъ на видъ, что конференція была созвана по его просьбѣ, съ цѣлію возстановленія порядка въ его королевствѣ, а не для раздробленія его. Не смотря на этотъ протестъ онъ принялъ однако позднѣе рѣшенія конференціи, въ которыхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 513.

Франція видѣла не болѣе, какъ посредничество. Бельгія также порицала ихъ, какъ попытку вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла.

На этомъ примѣрѣ ясно видно, какъ на практикѣ и для дипломатовъ перепутаны границы, отдѣляющія другъ отъ друга существенно различныя понятія третейскаго суда, посредничества, вмѣшательства. Третейскаго разбирательства въ Лондонѣ не было; посредничество же обратилось скоро въ вооруженное содѣйствіе Франціи Бельгіи.

Многочисленныя, послѣдующія конференціи, которыя созывались великими державами то для прекращенія войны, то въ видахъ ея предупрежденія, отмѣчены тѣмъ же характеромъ смѣшенія этихъ различныхъ началъ и противоположныхъ политическихъ тенденцій. Посредничество, предпринимаемое въ этой формѣ, часто обостряло антагонизмъ сторонъ и втягивало потомъ въ войну самихъ посредниковъ или нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Особенно любопытны конференціи, сходившіяся отъ времени до времени для частичнаго рѣшенія злополучнаго восточнаго вопроса. Въ началѣ 1869 г. парижская конференція разсматривала столкновеніе между Грецією и Турціею по поводу возстанія на островѣ Критѣ. Нельзя не согласиться съ выводами Роленъ Жекмена, посвятившаго ей весьма интересную статью [1]), что, вопреки завѣреніямъ самой конференціи [2]),

---

[1]) Différend Greco-Turc et conférence de Paris въ Revue, 1869, p. 429

[2]) Представитель Франціи такъ опредѣлилъ ея задачу: «она не составляетъ суда, призваннаго постановить рѣшеніе, которое лишило бы оба спорящія правительства ихъ свободы дѣйствій. Она есть международный совѣтъ (Conseil international), который предлагаетъ имъ свои добрыя услуги. Рѣшенія его не опираются на иную санкцію кромѣ той, которая, въ нравственномъ отношеніи, естественно принадлежитъ подобному выраженію общественнаго мнѣнія и до нѣкоторой степени совѣсти Европы. «Но съ другой стороны конференція приглашается «изучить факты, высказаться о томъ, что ей кажется правомъ и представить основанія для примиренія сторонъ» Очевидно это дѣятельность настоящаго суда за исключеніемъ послѣдней фразы.

она приняла характеръ настоящаго суда. Но будучи въ рукахъ дипломатовъ, этотъ судъ не могъ не превратиться въ пристрастный; стороны были поставлены конференціею въ неравныя условія: Турція допущена съ совѣщательнымъ голосомъ, въ чемъ отказано Греціи. Это мотивировано тѣмъ, что Турція участвовала на парижскомъ конгрессѣ 1856 г.; но именно въ силу этого аргумента, говоритъ приведенный намп авторъ, слѣдовало допустить и Грецію, какъ государство заинтересованное, ибо единственно въ этомъ качествѣ Турція засѣдала въ 1856 г. въ Парижѣ.

Конференція занялась разсмотрѣніемъ вопроса о томъ «на сколько были основательны жалобы, высказанныя Портою въ ея ультиматумѣ», т. е., другими словами, на сколько она была права. а Греція нѣтъ. Подъ услащенною дипломатическою формою, она въ сущности осудила Грецію. Постановивъ настоящее судебное рѣшеніе, продолжаетъ Роленъ-Жекменъ, она должна была бы подкрѣпить его мотивами. Но напрасно стали бы мы искать въ ея протоколахъ элементы, послужившіе основаніемъ для ея рѣшенія. Въ документахъ сторонъ содержится много противорѣчивыхъ утвержденій, но почти не приводится доказательствъ въ ихъ подтвержденіе. Очевидно уполномоченные удовольствовались своимъ личнымъ убѣжденіемъ, которое у нѣкоторыхъ изъ нихъ установилось еще до открытія засѣданій. Намъ кажется это недостаточнымъ. Высказывая свое мнѣніе, хотя смягченно, о фактахъ, взводимыхъ на Грецію, конференція принимала на себя роль судьи. Но недостаточно, чтобы судья удовлетворялъ себя самого, надо, чтобъ онъ удовлетворялъ всякаго, кто пожелаетъ ознакомиться съ его рѣшеніемъ. Другими словами, надо чтобы рѣшеніе подкрѣплялось мотивами, вызвавшими послѣднее въ томъ, а не въ иномъ смыслѣ. Если бы это сдѣлало—что весьма вѣроятно—изысканіе истины болѣе тяжелымъ, чѣмъ полезнымъ, то слѣдовало совершенно воздержаться отъ обсужденія фактовъ.

За то съ принципіальной стороны декларація, изданная этою конференціею, заслуживаетъ полнаго одобренія.

Всѣмъ еще памятны попытки, большею частію неудачныя,

посредничества со стороны великихъ державъ предъ послѣднею восточною войною. Возстановить миръ въ сильно расшатавшейся уже имперіи султана и подвинуть ее на путь преобразованій хотѣла и *константинопольская конференція* (дек. 1876,—янв. 1877). Она распалась на двѣ части: на предварительномъ собраніи уполномоченные Турціи не участвовали, на полномъ-же—ея представитель даже предсѣдалъ. Вслѣдствіе этого ея программа была съужена до минимума и все-таки заключенія ея отвергнуты Портою [1]).

Въ исполненіе 24 ст. Берлинскаго трактата [2]) собралась лѣтомъ 1880 г. конференція въ Берлинѣ, которая провела новую, для Греціи весьма выгодную границу. Порта ее отвергла.

Франція въ избѣжаніе войны предложила третейскій судъ. Съ формальной стороны это предложеніе было какъ нельзя болѣе вѣрно, такъ какъ за неудавшимся посредничествомъ долженъ слѣдовать третейскій судъ. Но громадныя трудности представлялись со стороны матеріальной: стороны хотѣли къ нему обратиться не иначе, какъ получивъ отъ державъ указанія относительно сущности его рѣшенія.

Такое условіе уничтожаетъ судъ въ принципѣ. Никогда стороны не имѣютъ права предписывать ему ожидаемое рѣшеніе, даже намѣчать предварительно линіи для онаго. Въ данномъ случаѣ споръ вращался около обладанія двумя провинціями: Ѳессаліею и Эпиромъ. При существующихъ условіяхъ такіе споры едва ли могутъ рѣшаться третейскимъ судомъ, но въ будущемъ, полагаемъ, они разрѣшимы международнымъ судомъ при установленіи однако нѣкоторыхъ предварительныхъ гарантій.

---

[1]) *Rolin-Jaequemyns*. La question d'Orient. L'armistice. La conférence de Constantinople et ses suites въ Revue; 1876, p. 511. *Мартенсъ*, Восточная война, стр. 210.

[2]) Въ ней говорится, что въ случаѣ когда между Портою и Греціею не послѣдуетъ соглашенія относительно исправленія границъ, указаннаго въ тринадцатомъ протоколѣ конгресса—великія державы предоставляютъ себѣ предложить обѣимъ сторонамъ свое *посредничество* для облегченія переговоровъ.

Мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ: 1. Посредничество, какъ политическая форма переговоровъ, приложимо ко всякимъ отношеніямъ государствъ. Оно по существу подготовляетъ почву къ улаженію спора, но не даетъ готоваго рѣшенія Принужденіе само по себѣ ни для кого изъ участвующихъ въ немъ не вытекаетъ.

2. Въ нашемъ столѣтіи конгрессы, а еще болѣе конференціи, являются между прочимъ органами коллективнаго посредничества. Это указываетъ на пробуждающееся въ народахъ сознаніе необходимости найти какіе либо способы мирнаго и справедливаго окончанія возникающихъ между ними споровъ.

Мнѣніе писателей о конгрессахъ расходятся еще очень между собою: одни, по горькому опыту прошлаго, считаютъ ихъ излишними и даже часто вредными [1]); другіе, смотря болѣе на ихъ идею, видятъ въ нихъ органъ, призванный служить выраженіемъ общихъ интересовъ и юридическихъ убѣжденій цивилизованнаго человѣчества [2]).

3. Но при существующихъ условіяхъ, какъ показываетъ опытъ [3]), они приносятъ мало пользы въ дѣлѣ умиротворенія

---

[1]) Ваттель, Пингейро-Феррейра, Филлиморъ и Бернардъ, мнѣнія которыхъ приводятся у Кальво и Стоянова.

[2]) Гефтеръ, Блюнчли, Фіоре, Стояновъ и мн. др. Чѣмъ полнѣе будутъ представлены государства на конгрессахъ, говоритъ Бернеръ, тѣмъ они скорѣе станутъ органомъ выраженія для Европы ея юридическихъ убѣжденій въ области международнаго права, тѣмъ они болѣе приблизятся къ осуществленію идеи *суда*, компетентнаго для рѣшенія всѣхъ споровъ между государствами, даже *законодательнаго собранія*, трудящагося надъ общими вопросами международнаго права. (Kongress, Konferenz въ Bluntschli's Staatsw. V, 663). „Можно допустить, замѣчаетъ Гефтеръ, что извѣстныя политическія дѣла должны вѣдаться исключительно общимъ конгрессомъ и что только отъ такого конгресса исходитъ наиболѣе дѣйствительное рѣшеніе судебъ народовъ и правительствъ; но не слѣдуетъ думать, чтобы рѣшеніе это было всегда непреложнымъ и даже справедливымъ“ (въ пер. бар. *Таубе;* приложенія стр. 119).

[3]) Подробнѣе всѣхъ о дѣятельности конгрессовъ говоритъ *Замьнскій* въ назв. соч., затѣмъ *Бернеръ* въ ст. Kongresse u Friedensschlüsse der neueren Zeit (назв. лексиконъ V, 666, сл.) и въ добавленіи къ ней *Schulthess,* ib. XI, 660.

народовъ и установленія общаго между ними права. Помимо реформъ необходимыхъ относительно ихъ состава, они, какъ дипломатическія собранія, по природѣ не компетентны для вѣдѣнія споровъ между народами. Въ нихъ участвуютъ однѣ великія державы, которыя приступаютъ къ каждой попыткѣ посредничества не во имя общихъ и для всѣхъ дорогихъ началъ права и справедливости, а каждая во имя своихъ эгоистичныхъ и односторонніхъ политическихъ интересовъ.

4. Вслѣдствіе этого между посредниками идетъ постоянная, глухая, но сильная борьба, которая парализуетъ посредничество и мѣшаетъ отысканію и установленію права.

Это органическій недостатокъ дипломатическихъ собраній, въ которомъ лежитъ главная причина ихъ неудачи. Онъ къ счастію умѣряется, но далеко не уничтожается, тѣмъ обстоятельствомъ, что большею частію право въ данный. моментъ совпадаетъ съ интересами той или иной великой державы.

5. Конференціи, созываемыя для посредничества, не удовлетворяютъ главному его требованію—безпристрастію. Дѣятельность ихъ, какъ и конгрессовъ, много выиграетъ въ политическомъ и даже юридическомъ отношеніи, когда разсмотрѣніе и рѣшеніе споровъ между государствами отойдетъ отъ нихъ совершенно къ *самостоятельнымъ органамъ права*.

Это приводитъ насъ къ мѣрамъ третьей и послѣдней категоріи.

ГЛАВА III.

ЮРИДИЧЕСКІЕ СПОСОБЫ.

Опредѣленіе права.—Планъ сочиненія.

Право есть законъ сожитія людей въ обществѣ. Корни его и конечныя цѣли лежатъ въ нравственномъ порядкѣ міра, установленномъ Богомъ. Современное правовѣдѣніе выдвигаетъ на первый планъ систему потребностей человѣка и ею обусловливаетъ возникновеніе и развитіе права. Но это воззрѣніе недостаточно уже потому, что довольствуется одною внѣшнею стороною при изученіи юридическаго порядка. Мы не можемъ разумѣется вдаваться здѣсь въ обсужденіе этого воззрѣнія, которое выработало въ новѣйшее время цѣлую литературу и требуетъ особаго, серьезнаго изученія.

Для нашей цѣли достаточно слѣдующихъ общихъ замѣчаній. Право возникаетъ изъ двухъ особенностей человѣческой природы: во 1-хъ, изъ того, что человѣкъ есть *лице* (persona), т. е. нераздѣльное цѣлое въ физическомъ и духовномъ отношеніи, одаренное разумомъ и волею,—такое цѣлое, которое не только сознаетъ себя, какъ нѣчто отдѣльное отъ всего внѣшняго міра явленій, но и которое кладетъ на всѣ окружающія его отношенія печать своей личности. Право вытекаетъ изъ особенностей человѣческой природы, какъ хорошихъ такъ и дурныхъ. Существа низшія сравнительно съ человѣкомъ, т. е. животныя, до права дорости не могутъ. Имъ чуждо начало личности, мыслящей и самоопредѣляющейся. Не имѣя свободной воли, они управляются инстинктомъ и во

всемъ подчиняются роковой необходимости, поэтому въ мірѣ животныхъ можетъ быть рѣчь о столкновеніи силъ, но никакъ не о правѣ.—Съ другой стороны, существа высшія, какъ мы ихъ себѣ представляемъ, т. е. духи и безплотные, въ правѣ не нуждаются. Они въ себѣ носятъ сознаніе и исполненіе внутренняго закона ихъ бытія. Право для нихъ сливается съ нравственностію, которая состоитъ въ непрестанномъ и добровольномъ раскрытіи ихъ существа и въ служеніи Первоисточнику жизни—Богу.

Во 2-хъ, право возникаетъ изъ *общежительной* природы человѣка. Въ силу того, что человѣкъ лице, онъ не можетъ жить обособленно ни физически, ни духовно. Идеи личности и общественности взаимно вызываютъ и поддерживаютъ другъ друга. Вотъ почему мы видимъ, что вся жизнь человѣка протекаетъ въ *союзахъ*. Писатели различно классифицируютъ ихъ, но исторія учитъ насъ, что развитіе человѣческихъ союзовъ совершается двоякимъ путемъ: существующіе союзы развиваются изъ внутри себя, подчиняясь верховному закону человѣческой жизни—закону совершенствованія; кромѣ того возникаютъ новые союзы по мѣрѣ пробужденія въ людяхъ новыхъ идей и потребностей.

Каждому союзу или каждой формѣ общежитія свойственно особое право, выработываемое жизнію этого союза.

Такъ возникло, не въ силу теоретическихъ измышленій, а самихъ потребностей жизни, и болѣе и болѣе укрѣпляется великое *общество государствъ* или *международный союзъ*. Оно имѣетъ свое особое право—международное или право человѣчества, которое, хотя и высказывается отдѣльными членами этого союза, но творится общею жизнію, пока цивилизованнаго, а потомъ всего человѣчества.

Вотъ почему мы видимъ въ государствахъ факторовъ, носителей, а не субъектовъ международнаго права, какъ утверждаютъ всѣ писатели.

Будучи принципіально самостоятельною отраслью публичнаго права, международное нуждается въ своихъ особыхъ *органахъ*. Эти органы имѣютъ, какъ во всякомъ юридическомъ

порядкѣ, двоякую задачу: 1) находить и высказывать право: 2) осуществлять его въ дѣйствительной жизни. Органы перваго рода суть какъ бы законодательные; они даютъ намъ общія нормы, изъ совокупности которыхъ слагается извѣстная система права. Органы втораго рода призваны служить защитѣ права. Это—суды.

Существующіе донынѣ органы международныхъ сношеній нуждаются въ преобразованіи и въ дополненіи. Они представляются выразителями идей *отдѣльныхъ государствъ*, членовъ международнаго союза, а не коллективной, высшей жизни этого *союза*, какъ *одного цѣлаго*. Кромѣ того для нихъ стоятъ на первомъ планѣ *интересы политики*, а не *принципы права*. Наконецъ почти отсутствуютъ органы защиты.

Между тѣмъ каждая система права является для членовъ союза, которымъ она управляетъ, объективнымъ порядкомъ. Нормы, изъ коихъ она слагается, не исчерпываются правомочіями ея членовъ. Собственно въ международномъ быту установился пока одинъ органъ коллективной жизни—конгрессы и конференціи, но и онъ дѣйствуетъ не постоянно, а случайно, безъ опредѣленныхъ правилъ и установленнаго круга вѣдомства. Институтъ международнаго права съ 1873 г. поставилъ себѣ задачею служить выразителемъ общественнаго мнѣнія и правосознанія цивилизованныхъ народовъ въ ихъ совмѣстной жизни. Это важный шагъ, хотя и не выходящій изъ области науки. Впрочемъ не въ одной сферѣ права наука не призвана играть столь важной и плодотворной роли, какъ въ международномъ правѣ. Значеніе писателей при свободномъ и мало-формальномъ характерѣ послѣдняго можетъ быть сравниваемо съ ролью юристовъ въ римскомъ обществѣ, безъ ихъ оффиціальнаго значенія. Но остановиться на одномъ научномъ органѣ нельзя. Требуются еще другіе съ направленіемъ и цѣлями чисто практическими.

Для того чтобы право международное могло слагаться въ систему положительныхъ законовъ, необходимъ прежде всего такой органъ, который черпалъ бы его изъ сознанія народовъ и, въ формѣ защиты, проводилъ бы его въ дѣйствительную

жизнь. Въ этомъ задача суда. Организація международнаго союза должна начаться съ него.

Безопасность—первое требованіе для каждой формы общежитія. Но мы знаемъ по историческому опыту, что насилія и беззаконія между людьми сокращаются по мѣрѣ введенія и укрѣпленія юридическаго порядка. Такой же порядокъ не мыслимъ безъ суда, какъ органа спеціально призваннаго охранять объективное право и давать юридическую защиту субъективнымъ правамъ членовъ извѣстнаго союза.

Въ предѣлахъ общества защита выступаетъ въ двоякой формѣ, смотря потому бываетъ ли она организована, или неорганизована. Отличительная черта первой состоитъ въ томъ, что она осуществляется опредѣленнымъ заранѣе порядкомъ и обыкновенно при содѣйствіи особенныхъ, установленныхъ для того органовъ. На этомъ основаніи она называется юридическою или правовою. Напротивъ, при неорганизованной защитѣ форма опредѣляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, смотря по обстоятельствамъ [1]). Лица потерпѣвшія выступаютъ сами на защиту своихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ правъ и интересовъ. При этомъ имъ оказываютъ поддержку члены ихъ семьи и рода. Такъ было въ періоды возникновенія государственнаго быта. Но идеи объективной справедливости и общественнаго интереса требуютъ, чтобы защита находилась въ рукахъ не отдѣльныхъ членовъ, но правильно устроенныхъ органовъ общества. Медленно, но постепенно, этотъ переходъ наблюдается въ области международной. Принудительныя мѣры, съ принципіальной стороны, представляются неорганизованною формою защиты, но, не смотря на это, право выработало уже для нихъ опредѣленныя правила относительно способовъ ихъ приложенія. Дипломатическія средства колеблются между обоими типами защиты. Наконецъ юридическая защита можетъ исходить только отъ судовъ, независимыхъ отъ

---

[1]) Вопросъ о значеніи и видахъ защиты для общества обстоятельно обработанъ, въ соч. г. *Муромцева*. Опредѣленіе и основное раздѣленіе права, стр. 64, сл. и 165, сл.

сторонъ и носителей началъ объективнаго права въ случаяхъ его оспариваемости. Мы вполнѣ согласны съ Тооном въ томъ, что не *одни только* судьи осуществляютъ право и что послѣднее не бываетъ лишь то, что судьи могутъ осуществить. Напротивъ мы вмѣстѣ съ нимъ говоримъ, что право извѣстнаго союза есть все то, что разсматривается и прилагается, какъ его воля, совершенно независимо отъ существованія принудительнаго аппарата, поддерживающаго проявленія этой воли. Право бываетъ вынуждаемымъ и вынужденнымъ не подвергнувшись до своего осуществленія поддержкѣ со стороны суда [1]).

Но изъ этихъ положеній вовсе не слѣдуетъ еще, чтобы юридическая защита вообще не становилась наиболѣе справедливою и прочною въ рукахъ суда. Эта истина, общая всѣмъ сферамъ права, не подлежитъ исключенію по отношенію и къ праву международному. По способу своего учрежденія суды бываютъ двоякаго рода: *третейскіе,* назначаемые самими сторонами для отдѣльныхъ споровъ между ними, и *постоянные* или спеціально *государственные,* которые, въ силу закона, а не воли сторонъ, вѣдаютъ извѣстный родъ дѣлъ. Объемъ подсудности первыхъ и обязательность (въ юридическомъ смыслѣ) ихъ рѣшеній опредѣляются компромиссомъ или соглашеніемъ сторонъ относительно ихъ учрежденія. Въ третейскихъ судахъ мы видимъ наиболѣе древнюю форму юрисдикціи [2]). Они встрѣчаются въ сношеніяхъ между государствами во всѣ періоды исторіи, но лишь въ наше время явилось сознаніе о необходимости обратить третейскій судъ въ постоянное учрежденіе, дѣйствующее по напередъ опредѣленнымъ юридическимъ нормамъ. Этимъ самымъ, хотя косвенно, признанъ

---

[1]) Н. ст стр 258.

[2]) На исторіи римскаго процесса можно ясно прослѣдить три послѣдовательные фазиса развитія защиты права, посредствомъ самоуправства, присяжнаго судьи (избраннаго сторонами или назначеннаго преторомъ для каждаго дѣла особо), а затѣмъ постоянныхъ судей—чиновниковъ имперіи (*Малышевъ,* Курсъ гражданскаго судопроизводства. 1874. Т I, стр. 39, сл.).

принципъ международнаго суда. Дѣйствительно это движеніе должно привести къ постоянному и отъ государствъ, какъ сторонъ, независимому суду, безъ котораго охраненіе и развитіе права немыслимо.

Прослѣдить, насколько возможно бывшую доселѣ практику третейскаго разбирательства между государствами, указать на тѣ явленія дѣйствительной жизни, которыя въ современномъ обществѣ заключаютъ въ себѣ начатки идеи международнаго суда, свести къ одному цѣлому многочисленныя мнѣнія и желанія писателей относительно этого суда—таковъ планъ второй и третьей книги настоящаго изслѣдованія. Исчерпавъ *фактическій матеріалъ*, представляемый намъ жизнію и литературою, мы, въ послѣдней книгѣ, обращаемся къ тѣмъ общимъ началамъ, вытекающимъ изъ природы современнаго государства и международнаго союза, которыя требуютъ осуществленія международнаго суда и высказываемъ нѣкоторыя замѣчанія объ его устройствѣ, кругѣ вѣдомства и отношеніяхъ къ другимъ органамъ международныхъ сношеній.

КНИГА ВТОРАЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

НАЧАЛА ИДЕИ МЕЖДУНАРОДНАГО СУДА ВЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

I.

Древность.

Практику третейскаго разбирательства—это первое, несовершенное проявленіе идеи международнаго суда—мы можемъ прослѣдить до глубокой древности, когда едва начало слагаться само государство. По нѣкоторымъ дошедшимъ до насъ примѣрамъ мы видимъ, что она была извѣстна даже деспотамъ древняго Востока [1]).

Много примѣровъ третейскихъ рѣшеній представляетъ намъ исторія *Греціи*. Хотя по временамъ и относительно нѣкоторыхъ споровъ они прерывали ту вѣчную войну, въ которой жили Греки не только по отношенію къ «варварамъ» или иностранцамъ, но и между собою. Въ третейскіе судьи чаще всего избирались, особенно въ болѣе древнюю эпоху, власти религіозныя. Между ними первое мѣсто занимаютъ *амфиктіоніи*.

---

[1]) По смерти Дарія Гистаспа между его сыновьями Ксерксомъ и Ріаменомъ возникъ споръ о престолонаслѣдіи, который по ихъ желанію былъ рѣшенъ въ 486 г. до Р. Х. ихъ дядею Артабаномъ или Артаферномъ, дѣйствовавшимъ, по словамъ Юстина, въ качествѣ домашняго судьи (veluti domesticus judex). Онъ высказался въ пользу Ксеркса. (*Barbeyrac.* Histoire des anciens traités. 1739. I, art. 107, p. 86).—Ксенофонтъ упоминаетъ о томъ, что Киръ въ одной распрѣ съ царемъ Ассирійскимъ обратился къ посредничеству одного изъ князей Индіи.

Въ Греціи существовало нѣсколько амфиктіоній [1]), но самая важная была *пилейско-дельфійская* [2]), на обязанности которой лежало охраненіе двухъ святилищъ Деметры въ Антелѣ, у Ѳермопилъ, и Аполлона въ Дельфахъ. Около нихъ два раза въ году собирались депутаты почти всей Греціи. Долгое время писатели были склонны видѣть въ этихъ періодическихъ собраніяхъ нѣчто въ родѣ нашихъ конгрессовъ облеченныхъ даже судебною властью [3]). Вѣроятно ихъ ввели въ заблужденіе нѣкоторые тексты самихъ древнихъ, въ коихъ собраніе депутатовъ величается «обще-греческимъ синедріономъ» [4]), но болѣе серьезное изученіе дѣла не позволяетъ намъ принимать эти мѣста въ ихъ буквальномъ смыслѣ.

Будучи учрежденіемъ главнымъ образомъ религіознымъ, дельфійская амфиктіонія никогда не обладала большимъ политическимъ значеніемъ и силою. Въ наиболѣе критическія для Греціи эпохи она безмолвствовала [5]), а подъ конецъ обратилась въ орудіе порабощенія Эллады въ рукахъ Филиппа Македонскаго. Не смотря однако на все это, ея существованіе не прошло совершенно безплодно. Важно уже то, что, хотя въ религіозной области, она воспитала чувство духовнаго родства между греческими племенами. Подъ ея охраною находилось одно изъ

---

[1]) Фактическія свѣдѣнія о нихъ собраны у *Бибикова*, Очеркъ международнаго права въ Греціи, стр. 35, сл.

[2]) Всѣ вопросы, относящіеся до исторіи, устройства и дѣятельности этой амфиктіонии разработаны съ большою ученостію въ сочиненіи *Бюргеля*. Die pylaeisch—delphische Amphiktyonie. 1877.

[3]) Заблужденіе распространенное даже въ наше время особенно между друзьями мира. Напр. *Ледд* говоритъ объ амфиктіоніи: „она рѣшала всѣ публичные споры и распри между греческими городами и ея рѣшенія пользовались величайшимъ уваженіемъ и считались священными и неприкосновенными". (Въ Prize Essays on a Congress of Nations, p. 556). Тоже и *Моркоартю* утверждаетъ что амфиктіонія оберегала миръ между государствами Греціи въ продолженіе 15 вѣковъ (въ Prize Essays-on international law. 1876, p. 31).

[4]) У Греческихъ писателей: συνέδριον τῶν Ἑλλήνων; у Цицерона commune Graeciae consistorium.

[5]) *Laurent*, Etudes sur l'histoire de l'humanité. 2 édit. II, 93.

главныхъ ихъ святилищъ. Собираясь около него для общихъ молитвъ и жертвоприношеній, Греки должны были вслѣдствіе этого на время прекращать свои раздоры и дѣлать общія потребности и желанія предметомъ своихъ обсужденій. Вотъ почему дельфійская амфиктіонія, при всей своей политической слабости, пользовалась однако, особенно въ началѣ греческой исторіи, нѣкоторымъ международнымъ значеніемъ [1]). Она предписывала своимъ членамъ болѣе человѣколюбивое обращеніе съ врагами на войнѣ и дѣйствовала во всемъ, что имѣло отношеніе къ ней, какъ судебная инстанція, а по добровольному выбору сторонъ, и въ качествѣ третейскаго суда. Дѣятельность послѣдняго рода проявлялась вѣроятно нерѣдко, хотя достовѣрнаго мы знаемъ о ней очень мало. Исторически наиболѣе извѣстенъ такъ называемый «делійскій процессъ» между Аѳинянами и Делійцами около 345 или 343 г. до Р. Х. изъ-за обладанія храмомъ Аполлона на островѣ Делосѣ. Можно предположить, что стороны обратились къ амфиктіоніи не безъ вліянія Филиппа Македонскаго. Представителемъ Делійцевъ былъ его сторонникъ Эйѳикратъ изъ Олинѳа, а Аѳинянъ— сперва Эсхинъ, а потомъ, по удаленіи его ареопагомъ, Гиперидъ. Рѣшеніе произошло кажется въ пользу Аѳинянъ, которые продолжали и послѣ этого владѣть храмомъ [2]).

Другимъ посредникомъ въ распряхъ между греческими республиками, независимо отъ амфиктіоніи, являлся *дельфійскій оракулъ*. Вліяніе его въ политическомъ отношеніи было значительно, но оно проявлялось косвеннымъ путемъ. Лишенный права иниціативы онъ могъ только давать отвѣты на предлагавшіеся ему вопросы, совѣтовать, но не руководить самостоятельно политическою жизнію. Преданные большею частію интересамъ дня, а не служенію правдѣ, жрецы давали отвѣты темные и сбивчивые, или такіе, которые были желательны для сильныхъ міра сего. Но съ другой стороны мы не должны забывать, что въ нѣкоторыхъ, правда рѣдкихъ,

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе см. у *Бюргеля*, назв. соч. стр. 193, сл.

[2]) *Бюргель*, назв. соч. стр. 203 и 267.

случаяхъ дельфійскій оракулъ возвышалъ голосъ въ пользу мира и угнетенныхъ, что къ нему обращались за совѣтомъ страны Востока и Запада и что онъ впервые, въ отвѣтѣ Мелею, назвалъ всю землю нашимъ отечествомъ [1]). Иногда же оракулъ просто обозначалъ мѣсто, въ которомъ надо искать третейскаго судью Въ спорѣ между царями Кипренп (около 550 г. до Р. Х.) онъ посовѣтовалъ избрать въ таковаго—гражданина изъ Мантинеи, вслѣдствіе чего споръ этотъ и былъ рѣшенъ мантинейцемъ Демонаксомъ [2]). Въ третейскіе судьи Греки избирали нерѣдко дружественный городъ (πόλις ἔκκλητος) или частныхъ лицъ, чѣмъ либо заслужившихъ къ себѣ довѣріе. Иногда ихъ выборъ падалъ на мудрецовъ даже на счастливыхъ побѣдителей въ олимпійскихъ играхъ [3]).

Дѣла, подвергавшіяся такого рода разбирательству, конечно не отличались важностію въ политическомъ отношеніи. Это были споры религіозные, торговые, изъ-за границъ и т. п. [4]), На сколько намъ позволяютъ судить дошедшія до насъ отрывочныя свѣдѣнія, мы видимъ, что дѣлопроизводство предъ третейскими судьями было облечено въ процессуальные формы: судья, назначенный сторонами, въ силу особаго договора,

---

[1]) Πᾶσα γὴ πατρίς. Цицеронъ величаетъ его оракуломъ вселенной (oraculum orbis). Laurent, II, 302, сл.

[2]) Barbeyrac, назв. соч I, art 72, р 58.

[3]) Напр. къ такому побѣдителю Питтаку обратились Аркадійцы и Элейцы въ одномъ спорѣ о границахъ (Laurent; II, 138).

[4]) Вотъ нѣкоторые примѣры. споръ между Аѳинами и Митиленой о Сигейскомъ мысѣ рѣшенъ Періандромъ въ пользу первыхъ (Barbeyrac; I, art. 61; p. 47); между Коринѳомъ и Керкирой о лейкадскомъ полуостровѣ—Ѳемистокломъ: онъ присудилъ Коринѳу къ уплатѣ 20 талантовъ, послѣ чего стороны должны были владѣть полуостровомъ сообща. (Barbeyrac, тамъ же art. 125, p. 101); между Аѳинами и Мегарой объ островѣ Саламинѣ—Спартою, назначившею для этого коммиссію изъ пяти членовъ (Laurent; II, 138) О нѣкоторыхъ другихъ примѣрахъ упоминаютъ: *Пьерантони* Gli arbitrati internazionali e il trattato di Washington. p 65—68.—*Calvo*—Le droit international. 3 édit (1880); II, 546 —*Храбро-Василевскій* О международномъ третейскомъ судѣ, (въ Жур. гражд. и уголов права, 1881 г. кн II, стр. 1—4)

(σύμβολον), опредѣлялъ время и мѣсто разбирательства. Стороны посылали своихъ коммиссаровъ (σύνδικοι). которые излагали и защищали ихъ претензіи. Рѣшеніе судьи (κρίσις) изготовлялось въ двухъ экземплярахъ и хранилось обыкновенно въ храмахъ или въ иныхъ публичныхъ мѣстахъ. Стороны обязывались клятвенно подчиняться ему [1]).

Наконецъ при заключеніи мира (который. замѣтимъ. подписывался Греками всегда лишь на опредѣленный срокъ) нерѣдко дѣлалась оговорка, что могущія возникнуть между контрагентами несогласія должны быть рѣшены не оружіемъ, а приговоромъ третейскаго судьи, о выборѣ котораго они обязываются согласиться въ послѣдствіи [2]). Выше мы замѣтили, что третейскимъ разбирательствомъ оканчивались дѣла маловажныя. Иначе не могло и быть при неопредѣленности этого способа разбирательства. а еще болѣе при глубокой враждѣ, которая не переставала существовать между греческими государствами. Къ спорамъ же съ иностранными правительствами оно вовсе не прилагалось. Кромѣ того, свѣдѣнія, дошедшія до насъ объ этомъ, такъ отрывочны и сбивчивы, что въ большинствѣ случаевъ трудно отличить собственно третейское постановленіе отъ простаго посредничества. Да и въ тѣхъ случаяхъ, когда по формѣ и существу такое рѣшеніе было постановлено, оно мало имѣло значенія въ практической жизни: сторона, считавшая себя имъ обиженною и приписывавшая себѣ военное превосходство надъ противникомъ, не исполняла это рѣшеніе подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, который всегда очень легко найти для недобросовѣстнаго.

Еще гораздо менѣе значенія имѣлъ третейскій судъ для *Римлянъ*. Стремясь къ всемірному владычеству и, подобно Грекамъ, ставя себя несравненно выше всѣхъ иностранцевъ, они расширили предѣлы своего государства благодаря столько же своимъ легіонамъ, сколько и чрезвычайно искусной дипло-

---

[1]) *Schoemann*, Griechische Alterthümer; II, 4, сл. (1859).

[2]) Мы находимъ это напр. въ условіяхъ Перикліова мира (444 г. до Р Х); въ одномъ союзномъ договорѣ между Спартою и Аѳинами.

матіи. Договоры, которые они заключали съ другими народами, были въ сущности ничто иное, какъ сѣти, закинутыя противъ нихъ и опутывавшія ихъ все крѣпче и крѣпче до той поры, когда они становились подданными Рима [1]). При такихъ условіяхъ Римлянамъ нечего было обращаться даже къ посредникамъ въ своихъ спорахъ съ другими государствами: это лишь задержало бы ихъ на пути порабощенія послѣднихъ. Но иногда къ нимъ обращались сосѣди съ просьбою о посредничествѣ. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ всю внѣшнюю политику Рима, сенатъ бывалъ посредникомъ между иностранными правительствами, а между союзниками Рима (socii) третейскимъ судьей. Въ дѣлахъ же уголовныхъ онъ обыкновенно присвоивалъ себѣ верховную юрисдикцію не только надъ союзниками, но и надъ перегринами, независимо отъ того, было ли преступленіе совершено въ Италіи, или внѣ ея [2]).

Споры этого рода разбирались либо самимъ сенатомъ, либо особыми коммиссарами, которыхъ онъ отправлялъ на мѣсто [3]). Нечего говорить о томъ, что Римляне, по самому характеру своей внѣшней политики, не годились въ посредники. Имъ не доставало главнаго для этого условія: безпристрастія. Дѣйствительно не одинъ примѣръ ихъ вѣроломства сохранила для насъ исторія [4]).

---

[1]) О характерѣ и пріемахъ римской дипломатіи см. Laurent: III, 189, сл.

[2]) Ст. Senatus Рейна, въ *Pauly* Real-Encyclopadie der classichen Alerthumswissenschaft. VI 1 Abth. S. 1015. (1852).

[3]) Въ спорѣ между городами Луной и Пизой сенатъ послалъ 5 коммиссаровъ. *Egger*, Etudes historiques sur les traités publics chez les Grecs et chez les Romains. 2 édit. 1866, p. 160 et 162.

[4]) Въ 445 г. до Р. Х. жители Ариціны и Ардеи, въ спорѣ о границахъ, избрали въ третейскіе судьи римскій народъ, который, вопреки протесту сената и консула, поддался обольщеніямъ нѣкоего Скапція и присоединилъ спорную территорію себѣ (Barbeyrac, назв. соч. art. 145; I, p. 113).—Въ другомъ спорѣ, также о границахъ между городами Нолою и Неаполемъ, около 180 г. до Р. Х., посланный сенатомъ коммиссаръ далъ сторонамъ совѣтъ не расширять, а сократить свои владѣнія и за-

Но говоря о Римѣ, мы должны остановиться нѣсколько подробнѣе на одномъ, весьма интересномъ учрежденіи, о которомъ, къ сожалѣнію, мы знаемъ очень мало: мы подразумѣваемъ *рекуперацію* (recuperatio) [1]).

Какъ извѣстно въ древности иностранцы не пользовались никакими правами. Къ нимъ относились съ крайнимъ недовѣріемъ и часто ихъ отождествляли съ врагами [2]). Лишь религія давала имъ нѣкоторую защиту, но въ судахъ они были совершенно безправны. Это обусловливалось всѣмъ политическимъ строемъ античныхъ государствъ. Вслѣдствіе этого изгнаніе ихъ безъ всякаго повода массами изъ извѣстной страны было нерѣдкое явленіе [3]). Не смотря однако на все это и въ древности жизнь смягчала и исправляла безчеловѣчную логику теоріи. Торговые, религіозные интересы и даже простая любознательность приводили людей, помимо войны, въ соприкосновеніе. Извѣстны торговые походы Финикіянъ и путешествія Геродота и Платона. Эти сношенія естественно росли по мѣрѣ умноженія потребностей, которыя въ свою очередь вызывались успѣхами просвѣщенія. Съ увеличеніемъ числа иностранцевъ въ Римѣ надо было подумать объ ихъ

тѣмъ, образовавшуюся такимъ образомъ между ними нейтральную полосу, присудилъ римскому народу (Barbeyrac, ib. art. 417, p. 373). Уже Цицеронъ называетъ этотъ поступокъ не судебнымъ рѣшеніемъ, а обманомъ: Decipere hoc quidem est, non judicare (Off. I, c 10).—Извѣстно также какъ пристрастно держали себя Римляне въ спорахъ Масиниссы, ихъ союзника, съ Карѳагеномъ (Barbeyrac, art. 422, p. 377).

[1]) Главное сочиненіе о ней: *Sell*, Die Recuperatio der Romer. 1837. Оно сообщаетъ много интересныхъ свѣдѣній о положеніи иностранцевъ въ Римѣ и о развитіи римскаго процесса. Ст. *Haakh*, Recuperatio въ *Pauly's* Real-Encyclopadie (1852) VI, 1 Abth S. 413 flg.

[2]) Hostis apud majores nostros is dicebatur quem nunc peregrinum dicimus. Indicant duodecim tabulae. „aut status dies cum hoste". Itemque, „adversus hostem aeterna auctoritas". Cic. Off. I, 12.

[3]) Мы видимъ тому примѣры въ эпоху Цицерона и даже при императорахъ. Впрочемъ уже Цицеронъ называетъ такіе поступки безчеловѣчными: usu urbis prohibere peregrinos, говоритъ онъ, sane inhumanum est. (Off. III, 11)

безопасности и средствомъ для этого явилась рекуперація. Подъ этимъ словомъ разумѣли установленіе между независимыми государствами, на основаніи договоровъ, такого юридическаго порядка, въ силу котораго особые суды (judicia recuperatoria) были призваны защищать права гражданъ договаривающихся государствъ [1]).

Эти суды не были постоянными установленіями, но учреждались по мѣрѣ надобности. Имъ не были подсудны собственно политическіе споры между государствами [2]), но они судили преступленія и гражданскія правонарушенія какъ Римлянъ противъ перегринъ, такъ и наоборотъ и даже однихъ перегринъ между собою. Договоры о рекуперации Римъ заключалъ чаще всего съ сосѣдними народами Италіи; но таковые встрѣчаются иногда и съ отдаленными государствами и странами: съ Карѳагеномъ, съ Филиппомъ Македонскимъ, съ Антіохомъ.

О способѣ назначенія рекуператоровъ мы точныхъ извѣстій не имѣемъ: по общему правилу ихъ было нѣсколько [3]), чаще всего три. Выборъ ихъ принадлежалъ сторонамъ, но когда онѣ не могли или не хотѣли придти на этотъ счетъ къ соглашенію, рекуператоры предлагались имъ сановникомъ, при чемъ онѣ, не мотивируя свой поступокъ, могли отвергать предложенныхъ имъ лицъ до тѣхъ поръ, пока выборъ не падалъ наконецъ на такихъ, которыя пользовались ихъ общимъ довѣріемъ. Селль полагаетъ, что рекуператоры могли

---

[1]) Фестъ сохранилъ намъ слѣдующее опредѣленіе рекуперації: Recuperatio est, ut ait Gallus Aelius, cum inter populum (Romanum) et reges nationesque et civitates peregrinas lex convenit, quomodo per recuperatores reddantur res reciperenturque, resque privatas inter se persequantur.

[2]) Это относилось къ вѣдомству дипломатіи, а послѣднія попытки предупредить войну исходили отъ фециаловъ

[3]) Назначеніе одного составляло исключеніе (Селль приводитъ два фрагмента законовъ, говорящихъ объ одномъ рекуператорѣ), а о пяти упоминается всего одинъ разъ (Liv. XLIII, 2)

быть только Римляне и лишь лица изъ сенаторскаго званія, но оба эти мнѣнія оспариваются Гаакомъ [1]).

Въ дѣлахъ уголовныхъ лице потерпѣвшее должно было обращаться къ фециаламъ, которые, участвуя въ заключеніи союзныхъ договоровъ о рекуперацiи, считались и ихъ главными охранителями. Когда они находили жалобу справедливою и извѣстный договоръ нарушеннымъ, они заботились о выдачѣ преступника потерпѣвшему, въ силу древняго правила, что преступленія судятся въ странѣ потерпѣвшаго. По теоріи это правило соблюдалось не только по отношенію къ перегринамъ, но и къ римлянамъ. Въ послѣднемъ случаѣ отечество потерпѣвшаго посылало въ Римъ посланниковъ (oratores), по требованію которыхъ жалоба передавалась сенатомъ на разсмотрѣніе фецiаловъ. Съ теченіемъ времени однако выдача виновнаго употреблялась лишь въ самыхъ важныхъ государственныхъ преступленіяхъ, а въ обыкновенныхъ уголовныхъ правиломъ было: in crimmali negotio rei forum accusator sequatur.

Что касается до гражданскихъ правонарушеній, то прилагались начала либо forum contractus, либо forum domicilii. Селль полагаетъ, что первые пользовались преимуществомъ въ виду того, что наиболѣе употребительный договоръ была купля—продажа. Иностранцы вели тяжбы не иначе, какъ чрезъ посредство своихъ патроновъ (и hospites). Дѣлопроизводство въ рекуператорскихъ судахъ отличалось съ формальной стороны большею скоростію и практичностію, а съ матеріальной большею мягкостью. Скорость эта достигалась тѣмъ, что судебные сроки для разбирательства (dies status cum hoste) назначались всегда самые короткіе; имъ давалось преимущество предъ сроками во всѣхъ другихъ, чисто римскихъ процессахъ (постановленіе введенное еще XII таблицами);

---

[1]) Также и Вальтеръ говоритъ „въ спорахъ между перегринами судьею могъ быть и иностранецъ“. (Gesch d. Röm. Rechts. 3-е изд. II, 336). Они ссылаются на свидѣтельство Гая (IV, 104), но мнѣніе Селля соотвѣтствуетъ болѣе исключительности древняго государства.

praetor peregrinus не былъ связанъ предписаніями о dies nefasti; число свидѣтелей было ограничено до 10 и т. д. Важнѣе еще большая мягкость этихъ судовъ сравнительно съ чисто римскими. Это обусловливалось тѣми нормами, которыми должны были руководиться рекуператоры. Очевидно они не могли брать ихъ изъ одного римскаго права, по существу своему столь узкаго и формально-строгаго. Да это противорѣчило бы, по замѣчанію Селля, тому основному воззрѣнію Римлянъ, въ силу котораго они считали однихъ себя достойными всѣхъ преимуществъ, вытекавшихъ изъ ихъ національнаго, цивильнаго права. Но съ другой стороны еще менѣе можно допустить, чтобы рекуператоры прилагали одни иностранные законы. Когда согласился бы гордый Римлянинъ признать чужіе законы, да еще у себя дома? Оставался такимъ образомъ третій путь, средній между обоими указанными направленіями. Нормы, которыми руководились рекуператоры, были смѣшанныя, взятыя отчасти изъ римскихъ законовъ, отчасти изъ отечественныхъ законовъ перегриновъ, которые судились. При этомъ рекуператоры должны были прежде всего слѣдовать началамъ, высказаннымъ въ самомъ союзномъ актѣ о рекуперації, въ силу котораго они судили извѣстное дѣло, а затѣмъ имъ предоставлялась большая свобода судить по внутренней правдѣ (aequitas) и по конкретнымъ условіямъ каждаго отдѣльнаго спора. Въ этомъ отношеніи ихъ дѣятельность, какъ и претора для иностранцевъ, носила не только судебный, но и нѣкоторый законодательный характеръ. Мало по малу изъ потребностей жизни выработалась такимъ образомъ новая система права (jus gentium).

Историческія судьбы изучаемаго нами учрежденія не менѣе интересны: по мѣрѣ того, какъ росли завоеванія Рима и все большее число иностранцевъ получало права римскаго гражданства, рекуператорскіе суды исчезаютъ между жителями Италіи и дѣйствуютъ только по отношенію къ провинціямъ. Этотъ переворотъ совершился къ концу республики. Въ позднѣйшее время они судятъ споры между колонистами и жителями провинцій или между послѣдними и Римлянами (особенно

въ случаяхъ crimen repetundarum). Но въ то же время, около эпохи Цицерона суды рекуператорскіе обращаются въ чисто римскіе. Наконецъ при императорахъ они исчезаютъ совершенно вслѣдствіе дарованія съ одной стороны (при Каракаллѣ) всѣмъ жителямъ провинцій права римскаго гражданства, а съ другой вслѣдствіе сосредоточенія всей судебной власти въ рукахъ чиновниковъ и повсемѣстнаго введенія cognitiones extraordinariae.

Мы приходимъ по рекупераціи къ слѣдующимъ общимъ выводамъ: 1) благодаря рекуператорскимъ судамъ иностранцы получали въ Римѣ возможность защищать свои права предъ судомъ, хотя и чрезъ посредство патроновъ. 2) Эти суды имѣли до нѣкоторой степени международный характеръ, такъ какъ нормою для ихъ рѣшеній служило не одно римское право, но и законы государствъ, заключавшихъ съ Римомъ договоры о рекуперации. 3) Вызванный природою вещей болѣе скорый и справедливый порядокъ процесса въ этихъ судахъ не остался безъ благотворнаго воздѣйствія и на развитіе самого римскаго права.

II.

Средніе Вѣка.

Гораздо опредѣленнѣе чѣмъ въ древности, хотя и въ своеобразной формѣ, выступаетъ идея суда между народами въ средніе вѣка. Она высказалась въ той именно области, въ которой возникло общеніе между европейскими племенами, въ области религіозной. Связанныя общимъ происхожденіемъ эти племена почти одновременно принимаютъ христіанство и въ немъ получаютъ богатые задатки къ новой и высшей жизни, какъ въ нравственномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи. При грубости нравовъ, отличающей эпоху переселенія народовъ, своеволіе личности не знаетъ предѣловъ, а общественная власть почти не существуетъ. Когда, съ теченіемъ времени, установляется феодальный порядокъ, государство получаетъ характеръ гражданскаго общества, а не политическаго союза. Оно строится на началахъ частнаго права—собственности и договора—и не служитъ выраженіемъ народнаго единства, потому что вмѣсто одного цѣлаго—народа, мы встрѣчаемъ повсемѣстно сословія, которыя преслѣдуютъ свои особыя цѣли и пользуются самостоятельными правами. Неудивительно, что при этихъ условіяхъ церковь получаетъ и присвоиваетъ себѣ, кромѣ своей прямой, духовной миссіи, значеніе первенствующей общественной власти. Многія права, чисто государственныя, были въ ея рукахъ и это было полезно въ эпохи средневѣковой анархіи. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ и благодаря рѣдкой даровитости и энергіи римскихъ первосвященниковъ, выросло и окрѣпло на Западѣ папство. Послѣ упорной и многовѣковой борьбы со свѣтскою

властію, папы въ періодъ своего могущества отъ Григорія VII до Бонифація VIII, считали себя верховными Владыками Европы [1]). Нѣкоторое время можно было думать о торжествѣ всемірной теократіи.

Во имя религіи, которую папы понимали и толковали въ грубомъ, матеріальномъ смыслѣ, они присвоивали себѣ неограниченную власть не только надъ тѣлами, но и надъ душами своихъ подданныхъ [2]). Изъ этого верховнаго управленія, какъ его послѣдствіе, вытекала и высшая юрисдикція папъ. «Тотъ кто занималъ каѳедру св. Петра, говоритъ Вордъ [3]), былъ до извѣстной степени правителемъ Европы. Въ качествѣ предполагаемаго посредника между небомъ и землею, онъ рѣшалъ, кто былъ правъ и кто виноватъ; въ спорахъ великій казуистъ, онъ игралъ между государями, не признававшими никакого суда надъ собою, роль цензора или блюстителя нравовъ (custos morum). Такимъ образомъ создавался общеевропейскій судъ (a common Tribunal), въ тѣхъ случаяхъ, когда въ немъ болѣе всего нуждались; слабый находилъ поддержку, сильный—узду; божественнѣйшая изъ всѣхъ идей—справедливость, могла проявляться на просторѣ и глава христіанства могъ быть въ дѣйствительности тѣмъ, на что указывалъ его санъ. Учрежденіе это, заключаетъ Вордъ, было бы превосходно, если бы папы не употребляли свое положеніе во зло и если бы несовершенства нашей природы допускали соединеніе въ одномъ человѣкѣ премудрости и добродѣтели въ той степени, которая требовалась для этого».

По теоріи юрисдикція папъ должна была простираться на церковныя дѣла и на вопросы совѣсти, но въ силу теократи-

---

[1]) О политическомъ и международномъ значеніи папства см. *Laurent.* Etudes sur l'histoire de l'humanité. Tomes VI et VII. *Каченовскій.* Курсъ международнаго права; II стр. 255.—*Ernest Nys.* Le droit international et la papauté въ Revue de dr. intern. 1878. p. 501.

[2]) Интересныя выписки объ этомъ изъ папскихъ буллъ и декреталій сообщаетъ Нисъ въ вышеназванной статьѣ.

[3]) *Ward.* An Enquiry into the foundation and history of the law of nations in Europe. II, 37. (1795).

ческаго міровоззрѣнія средневѣковыхъ людей все мірское было подчинено духовному и въ каждомъ дѣлѣ прямо или косвенно была замѣшана церковь. Изъ исторіи мы знаемъ, что папы вмѣшивались во внѣшнія и внутреннія дѣла государствъ; даже семейныя распри государей составляли часто предметъ ихъ заботъ и интригъ. Орудіемъ ихъ властолюбивой политики въ отдѣльныхъ странахъ служатъ легаты. Подъ предлогомъ защиты духовенства сіи послѣдніе вмѣшиваются нерѣдко въ свѣтскія дѣла, пользуясь своими обширными полномочіями. Папы раздавали королевскіе титулы, поражали интердиктами правительства и народы осмѣливавшіеся имъ противодѣйствовать, останавливали внутренніе раздоры европейскихъ народовъ и зажигали религіозныя войны для истребленія еретиковъ. Почти всѣ мирные трактаты и перемирія между христіанскими королями въ эпоху феодализма заключены подъ вліяніемъ представителей церкви. Предъ папой духовные и свѣтскіе правители оправдывали свои поступки; къ его посредничеству и даже суду прибѣгали враждовавшіе между собою короли. Можно согласиться съ Вордомъ, что изъ папскаго посредничества возникъ позднѣйшій обычай предъ войной или при заключеніи мира обращаться къ нейтральнымъ, дружественнымъ державамъ, въ видахъ полученія отъ нихъ поддержки или добрыхъ услугъ [1]).

Грознымъ карательнымъ орудіемъ въ рукахъ папъ были интердикты или отлученія отъ церкви. Это средство долго было дѣйствительно, пока въ народахъ жило религіозное чувство и уваженіе къ римскому первосвященнику. Не зная границъ своему властолюбію папы не рѣдко объявляли важнѣйшіе государственные законы [2]) и договоры [3]) не дѣйствительными, даже императоровъ лишенными престола, а ихъ подданныхъ

---

[1]) Ward; II, 50.

[2]) Такъ поступилъ Иннокентій III въ 1215 г. относительно великой хартіи англійской.

[3]) Особенно извѣстны протесты Рима противъ Вестфальскаго мира и Вѣнскаго конгресса.

свободными отъ присяги [1]). Если папы серьезно стремились. и нѣкоторое время не безъ успѣха, захватить въ свои руки верховную юрисдикцію надъ монархами и народами Европы, то мы можемъ съ другой стороны въ великихъ соборахъ того времени видѣть какъ бы нѣтоторый намекъ на высшій судъ надъ народами. Уже давно справедливо замѣчено, что эти соборы созывались на Западѣ не для однихъ церковныхъ дѣлъ, но и для рѣшенія важныхъ политическихъ вопросовъ. На нихъ участвовали кромѣ духовныхъ лицъ государи и ихъ уполномоченные, при чемъ ихъ рангъ и мѣсто опредѣлялись съ самою щепетильною точностію. Это были какъ бы предшественники позднѣйшихъ конгрессовъ. Они много содѣйствовали пробужденію въ европейскихъ народахъ сознанія ихъ общаго происхожденія и назначенія [2]). Между дѣлами, занимавшими соборы, мы не рѣдко встрѣчаемъ разбирательство споровъ между государями или между императорами и папами [3]).

Безграничность властолюбія папъ и неразборчивость средствъ, къ которымъ они позволяли себѣ прибѣгать, были главною причиною того, что власть ихъ и юрисдикція никогда не получали полнаго признанія со стороны народовъ Европы. Рядомъ съ каѳедрой св. Петра возвышался престолъ императоровъ и лучшія ея силы были употреблены на борьбу и

---

[1]) Григорій VII объявилъ смѣщеннымъ съ престола Генриха IV (правда соборъ нѣмецкихъ епископовъ въ Вормсѣ отвѣчалъ тѣмъ же по отношенію къ папѣ), а Иннокентій IV—Фридриха II, по рѣшенію ліонскаго собора. Этихъ примѣровъ особенно много въ XVI ст., но уже тогда они потеряли всякое значеніе.

[2]) „Въ Піаченцѣ и Клермонѣ“, говоритъ Каченовскій, (при объявленіи перваго крестоваго похода) „Европа почувствовала въ первый разъ свое религіозное и международное единство“. (II, 264).

[3]) На римскій соборъ 1213 г. были созваны Иннокентіемъ III почти всѣ властители западнаго христіанства (Laurent; VII, 442). Первому ліонскому собору въ XIV ст. Иннокентій IV представилъ настоящій обвинительный актъ противъ Фридриха II, а второй созванный 30 лѣтъ спустя Григоріемъ X между прочимъ занимался утвержденіемъ Рудольфа въ санѣ императора, разбирательствомъ споровъ нѣкоторыхъ итальянскихъ государей и т. д (Ward; II; 59—73 Каченовскій; II, 265).

порабощеніе послѣдняго. Послѣ многихъ перемѣнъ счастія, папамъ удалось наконецъ достигнуть торжества надъ высшими представителями свѣтской власти, но это торжество было только кажущееся. Тѣ, кто считали себя верховными блюстителями вѣры и нравственности въ церкви, сами своею безнравственностію и интригами поколебали ее въ основаніи. Они смирили императоровъ, но нашли новыхъ, болѣе опасныхъ противниковъ въ короляхъ, на сторону которыхъ теперь переходятъ и народы. Это высказалось съ особенною силою въ достопамятной борьбѣ Бонифація VIII съ французскимъ королемъ Филиппомъ Красивымъ [1]). Съ этого времени, говоритъ Пюттеръ [2]), начинается независимость христіанскихъ народовъ отъ свѣтской власти папы. Онъ и послѣ этого рѣшаетъ многіе споры между европейскими государями, но уже въ качествѣ посредника, а не верховнаго судьи.

И такъ, въ результатѣ, мы приходимъ къ тому заключенію, что первая, величавая попытка папъ установить судъ, хотя бы въ религіозной области, надъ европейскими народами, кончилась совершенною неудачею. Помимо ошибокъ того или другаго лица, мы должны признать ее несостоятельною въ себѣ самой. (1.) Какъ глава церкви папы судили по ея правиламъ и канонамъ, а не по принципамъ права. Между

---

[1]) Во Франціи, говоритъ Нисъ, первые генеральные Штаты были созваны Филиппомъ Красивымъ для противодѣйствія происканъ Бонифація VIII, такъ что Французы, давая вмѣстѣ съ своимъ государемъ отпоръ претензіямъ Рима, съ тѣмъ вмѣстѣ пришли къ сознанію своей національности. Въ 1302 г французскіе прелаты, вельможи и депутаты отъ горожанъ признали своего государя независимымъ отъ всякой посторонней власти. Еще ранѣе въ 1301 г. англійскія сословія заявили, что ихъ король не отвѣтственъ ни предъ какимъ духовнымъ или свѣтскимъ судомъ, а значитъ и не предъ судомъ папы. Тоже видимъ въ Германіи: въ 1339 г. франкфуртскій сеймъ объявилъ, что императоръ, избранный курфирстами пріемлетъ всю свою власть отъ Бога и не нуждается въ коронаціи и утвержденіи со стороны папы

[2]) *Putter*, Beitrage zur Volkerrechts — Geschichte und Wissenschaft (1843); стр. 101 и 102 О посредничествѣ папъ въ средніе вѣка его же соч. стр. 177, сл.

тѣмъ церковь и государство, такіе самобытные и другъ отъ друга различные организмы, что подчиненіе одного принципамъ другаго всегда пагубно для обоихъ. По мѣрѣ того, какъ католическая церковь проникалась идеями римскаго, языческаго государства, она утрачивала высокую чистоту первобытнаго христіанства. Съ другой стороны государство въ образѣ теократіи коснѣетъ въ деспотизмѣ и невѣжествѣ. 2) Юрисдикція папъ не могла быть успѣшна еще и потому, что они соединяли въ одномъ лицѣ самую разнообразную дѣятельность: они были не столько судьи, сколько законодатели. Какъ судьи же они руководились правилами, истолкованіе которыхъ принадлежало главнымъ образомъ опять таки же имъ. Не вѣчныя истины религіи и нравственности. а обыкновенные расчеты политики, часто самого низшаго свойства, управляли большею частію тѣми, которые хотѣли быть пастырями народовъ. 3. Не признавая себя отвѣтственными ни предъ какою земною властью [1]), папы въ свою очередь безразлично привлекали къ своему суду всѣвозможныя дѣла съ согласія сторонъ и вопреки имъ. Поэтому ихъ правленіе было ничѣмъ инымъ, какъ постояннымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла государствъ. Вслѣдствіе этого 4. они становились сами одною изъ сторонъ и не могли возвыситься до объективнаго и безпристрастнаго положенія судьи.

Словомъ, по своему характеру, папы могли быть только судьи духовные для вѣрующихъ, а таковой судъ далеко недостаточенъ для юридическихъ и политическихъ дѣлъ.

Третейскій судъ встрѣчается довольно часто въ средніе вѣка. И онъ поручается нерѣдко папѣ или высшему духовенству [2]). Въ качествѣ сюзерена Германскому императору

---

[1]) По преданіямъ христіанства власть соборовъ стояла de jure выше всѣхъ другихъ и могла низложить самого папу. Такихъ примѣровъ было не мало, но въ сущности папы всегда умѣли быть независимыми отъ соборовъ пока наконецъ не возвели абсолютность своей власти въ догматъ о непогрѣшимости на послѣднемъ ватиканскомъ соборѣ, 1870 г.

[2]) Филиппъ Красивый и Ричардъ Львиное Сердце избрали въ третейскіе судьи папу Бонифація VIII (1298); Филиппъ и Фламандцы—папу

принадлежалъ судъ надъ его вассалами [1]). Третейскими судьями мы видимъ многихъ государей [2]), но неисключительно:

Іоанна XII (1319).—Императоръ Максимиліанъ и дожъ Венеціи—папу Льва X.—Генрихъ II англійскій въ печальной ссорѣ съ сыномъ обращается къ посредничеству папы Александра (1172).—Особенную извѣстность получило посредническое рѣшеніе папы Александра VI, 4-го мая 1493 г. спора между Испанцами и Португальцами изъ-за владѣній въ Новомъ Свѣтѣ. Онъ провелъ совершенно произвольную линію отъ одного полюса къ другому и поровну раздѣлилъ спорныя территоріи (Calvo; Ib. p. 548).

[1]) На этомъ основаніи императоръ Людовикъ Баварскій, по жалобѣ Эдуарда короля англійскаго признанъ его, въ 1338 г., въ Кобленцѣ, законнымъ наслѣдникомъ французскаго престола противъ Филиппа Валуа.—Позднѣе, въ 1378 г. императоръ Карлъ IV отправился, по желанію Карла V французскаго, въ Парижъ для рѣшенія спора между Франціею и Англіею. „Его приняли, говоритъ Пюттеръ, отлично, но всячески старались избѣгать всего, что могло вызвать и подтвердить мнѣніе о верховномъ судѣ германскаго императора надъ иностранными государями". (Putter, назв. соч. стр. 184).

[2]) Въ 1263 г. Людовикъ IX Святой былъ избранъ въ третейскіе судьи на основаніи компромисса, въ спорѣ между королемъ англійскимъ Генрихомъ III и его баронами. Внимательно выслушавъ жалобы обѣихъ сторонъ въ Аміенѣ (гдѣ присутствовалъ и англійскій король съ супругою), онъ постановилъ, что рѣшенія оксфордскія должны быть уничтожены, король освобожденъ отъ данной имъ присяги, крѣпости, занятыя 24 баронами или скорѣе правителями королевства, возвращены Генриху, но права народа англійскаго, высказанныя въ хартіяхъ, остаются неприкосновенными. На основаніи послѣдней оговорки бароны не подчинились этому рѣшенію (*Flassan*, Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française. 2 édit. 1811—I, 124).

Въ 1268 г. Людовикъ IX рѣшилъ споръ между графами Люксембургскимъ и Барскимъ

Въ 1334 г. Филиппъ Валуа, какъ третейскій судья (онъ самъ себя величаетъ· Nommé et élu juge, traiteur et amiable compositeur) между королемъ Богеміи, нѣмецкими князьями и герцогомъ Брабантскимъ, содѣйствовалъ заключенію между ними мира. (Dumont, Corps universel diplomatique. 1731. I, partie 2, p. 142).

Въ 1444 г. Карлъ VII, по поводу спора герцога Рене Анжуйскаго съ графомъ Антономъ Водемонтскимъ, рѣшилъ, что первый долженъ былъ получить герцогство Лотарингское, а послѣдній графство Водемонтское (Vaudemont), но какъ ленъ отъ герцога Рене (Dumont, ib. III, P. 1. стр. 144).

иногда сами князья поручаютъ разбирательство своихъ споровъ парламентамъ [1]), верховнымъ судамъ, юридическимъ факультетамъ [2]) и т. д.

Эти и многіе другіе примѣры третейскихъ рѣшеній сами по себѣ представляютъ мало интереса. Большею частію они, какъ и въ древности, отличаются крайнею неопредѣленностью (третейскіе судьи, сами называющіе себя часто посредниками, разбираютъ всякаго рода дѣла: распри между государемъ и его сыномъ или между королемъ и его подданными. споры свѣтской власти съ духовною. вопросы территоріальные и т. д.) или же эти рѣшенія вращаются въ области интересовъ

Даже такого государя какъ Людовика XI мы видимъ въ роли третейскаго судьи: между королями Кастиліи и Арагона (1463); между герцогомъ австрійскимъ Сигмундомъ и Швейцарскою республикою (1475). Въ томъ же 1475 г. онъ самъ заключилъ интересный договоръ о компромиссѣ съ королемъ англійскимъ Эдуардомъ VI. На епископовъ, какъ на „Arbitri, seu amicabiles compositores“, возлагается обязанность разсмотрѣть всѣ несогласія между обоими монархами: omnes lites, questiones, querelae et demandae pendentes inpraesentiarum indiscussae inter nos. (Dumont, III, P. 1. стр. 500).

[1]) Императоръ Фридрихъ II, въ спорѣ съ папою Иннокентіемъ IV, бывшимъ тогда во Франціи, избралъ въ третейскіе судьи парижскій парламентъ (1244). Явленіе далеко не одиночное: „иностранные государи и князья, по словамъ Далло, не хотѣли имѣть иного судьи кромѣ парламента Франціи за его строгую справедливость (comme très-saint et très équitable. *Dalloz*, Repertoire méthodique et alphabétique de législation, de doctrine et de jurisprudence 1846. Слово: Arbitrage. Ch. I. § 16).

Гренобльскій парламентъ, въ правленіе Франциска I, былъ избранъ судьей въ спорѣ двухъ князей относительно владѣній въ Миланской землѣ (terre du Milanais), а въ 1613 и 1614 г. онъ издалъ два рѣшенія въ спорѣ эрцгерцога Австрійскаго и герцога Вюртембергскаго относительно графства Монтбеліаръ (Montbelliard).

Въ 1570 г. Jean Begat, совѣтникъ при Дижонскомъ парламентѣ, избранъ въ третейскіе судьи королемъ Испаніи и Швейцаріею для окончанія ихъ препирательствъ о границахъ Франшъ-Конте. (Эти примѣры у *Dalloz*, Ib.).

[2]) Доктора Перуджіи, Болоньи и Падуи были приглашены подать свое мнѣніе о правахъ Фарнезскаго дома на португальскій престолъ; а въ эпоху ближайшія къ намъ другіе юрисконсульты рѣшили споръ о Монферратѣ между герцогами Мантуанскимъ и Савойскимъ. (*Pierantoni*, назв. соч. стр. 72)

второстепенныхъ. При этомъ не существовало никакихъ опредѣленныхъ правилъ для руководства самихъ судей: все было шатко и субъективно. Международнаго права конечно не существовало; государственное не было отдѣлено отъ частнаго но проникнуто и отчасти порабощено его принципами: право вообще поставлено въ зависимость отъ религіи. Множество дошедшихъ до насъ въ западной Европѣ развалинъ укрѣпленныхъ замковъ и монастырей свидѣтельствуютъ о томъ, что въ эти эпохи не только не было мира между различными политическими союзами, но даже внутри одного и того же общества. Войны составляли ежедневное явленіе, но это не были страшныя борьбы между государствами и народами, какъ въ наше время, а частныя столкновенія большею частію изъ-за частныхъ же интересовъ. Самыя грозныя были войны религіозныя. Въ виду всего этого и третейскія рѣшенія встрѣчались часто, но отличались отсутствіемъ организаціи и малою успѣшностію въ практической жизни.

Въ заключеніе замѣтимъ, что они встрѣчаются и въ древней исторіи нашего отечества. До окончательнаго утвержденія Московскаго единодержавія, дѣла порубежныя или пограничныя между жителями различныхъ княжествъ, а также и споры между самими князьями или между жителями ихъ владѣній обсуживались *общимъ* или *совмѣстнымъ судомъ* изъ бояръ обоихъ княжествъ [1]); а въ случаѣ безуспѣшности этого суда дѣло представлялось на рѣшеніе третейскаго судьи (третьеванья). Митрополитъ назначалъ третье лице кто будетъ любъ сторонамъ для произнесенія приговора [2]).

---

[1]) Предметомъ такого суда было все. владѣніе, вода и земля, дѣйствія лицъ, обиды и преступленія. Дѣла порубежныя рѣшались даже не по законамъ, а по общему согласію совмѣстныхъ судей. Первую инстанцію составляли волостели, а вторую посольскіе съѣзды, замѣнившіе съѣзды князей Обиженная сторона должна была до трехъ разъ требовать суда и исправы и только послѣ этого могла брать свое на рубежѣ силою. (*Лешковъ* О древней русской дипломатіи; стр. 54—55).

[2]) *Ивановъ*. Характеристика международныхъ отношеній и международнаго права въ историческомъ развитіи. 1874. Стр 27 и 115 (примѣч.) *Вицынъ*. Третейскій судъ по русскому праву; 1856, стр. 8

III.

Новое Время.

Съ установленіемъ въ Европѣ такъ называемой системы политическаго равновѣсія главнымъ посредникомъ и рѣшителемъ, послѣ войны, международныхъ распрей выступаетъ дипломатія. Органы ея—посланники и послы—обнаруживаютъ, по видимому, изумительную дѣятельность, то скрытую, то на глазахъ у всѣхъ, иногда отъ имени одного, представляемаго ими государства, иногда прикрываясь громкою формою коллективныхъ заявленій и декларацій европейскаго ареопага или такъ называемыхъ великихъ державъ. По идеѣ, призванная оберегать миръ и содѣйствовать мирному развитію народовъ, дипломатія по временамъ достигала этой возвышенной цѣли, но исторія показываетъ намъ, что эпохи наибольшей дѣятельности дипломатовъ—эпохи абсолютизма, особенно благопріятствующаго такой дѣятельности—были въ то же время эпохи непрерывныхъ войнъ. Поэтому, оставляя въ сторонѣ примирительную роль дипломатіи, мы обратимся къ нашей прямой задачѣ—слѣдить за проявленіями идеи международнаго суда въ дѣйствительной жизни. Такой судъ не получилъ полнаго осуществленія и въ новое время до нашихъ дней; но идея его продолжала и продолжаетъ зрѣть въ жизни человѣчества весьма замѣтно и опредѣленно. Многіе государственные суды облекаются, вслѣдствіе особенныхъ условій, нѣкоторымъ международнымъ характеромъ: таковы призовые суды возникшіе въ средніе вѣка, но, по мнѣнію лучшихъ современныхъ юристовъ, настоятельно требующіе преобразованія. Таковы же и смѣшанные суды въ Египтѣ, произведеніе нашихъ дней. Съ

другой стороны третейскій судъ, послѣ перерыва нѣсколькихъ вѣковъ, получаетъ въ XIX стол. значительное расширеніе; параллельно съ нимъ учреждаются смѣшанныя коммиссіи, организація которыхъ пріобрѣтаетъ бо̀льшую противъ прежняго опредѣленность и область дѣйствія. Наконецъ принципы двухъ послѣднихъ учрежденій соединяются и совершенствуются въ знаменитомъ третейскомъ судѣ Женевскомъ, который заслуживаетъ быть названъ, хотя несовершеннымъ, но первымъ, настоящимъ международнымъ судомъ.

На каждомъ изъ указанныхъ явленій мы должны остановиться болѣе подробно.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Суды государственные, призванные сдѣлаться международными.

ГЛАВА I.

О ПРИЗОВЫХЪ СУДАХЪ.

Ихъ происхожденіе, современное устройство и недостатки. Предложенія реформъ. Труды Института Международнаго права.

I.

Происхожденіе

Начало призовыхъ судовъ восходитъ къ XIII или XIV вѣку и совпадаетъ съ учрежденіемъ каперства. Въ свое время они обозначали значительный прогрессъ въ общественной жизни, такъ какъ были вызваны стремленіемъ государствъ ограничить самоуправство и буйство на моряхъ со стороны искателей приключеній и отважныхъ грабителей всякаго рода. До введенія каперства каждый могъ безнаказанно идти на врага (courir sus à l'ennemi), т.-е. вооружать противъ него корабли, захватывать его имущество (призы) и неограниченно имъ распоряжаться. Лица, преданныя этому ремеслу—корсары, увлекаемые страстью къ военнымъ подвигамъ или къ наживѣ, грабили и раззоряли часто не однихъ непріятелей, но и соотечественниковъ. Подобная анархія могла существовать только при отсутствіи или безсиліи государственной власти.

Сравнительно съ безчинствомъ корсаровъ или, какъ ихъ вѣрно называли уже въ средніе вѣка, морскихъ разбойниковъ[1]),

---

[1]) *Каченовскій.* О каперахъ, стр. 5.

въ введеніи каперства нельзя не видѣть первой попытки подчинить личный произволъ мореходцевъ господству закона. Государство, съ конца XIII вѣка, начинаетъ требовать, чтобы всѣ, желающіе идти на морскую войну, имѣли на то особенное отъ него дозволеніе (каперскіе патенты). Съ нихъ брали обезпеченіе въ томъ, что они не будутъ нападать на согражданъ и на непріятеля во время перемирій или въ нейтральныхъ портахъ. Они не только подчинялись непосредственному контролю адмирала, но и имущество, ими захваченное, становилось ихъ собственностью не иначе, какъ по рѣшенію особо назначенныхъ для этого судовъ. Такъ возникли *призовые суды*, которые имѣли своею задачею рѣшать вопросы о законности призовъ, т.-е. имущества отнятаго на морѣ отъ нейтральнаго. Что-же касается до воюющихъ, то долго существовало ложное правило, что они не имѣютъ права защиты предъ непріятельскимъ судомъ (locus standi in judicio). Эти суды не были постоянные, но учреждались на время морскихъ войнъ подъ контролемъ адмиралтейства, отъ котораго они обыкновенно зависѣли. Подчиненіе каперовъ призовымъ судамъ вполнѣ совершилось къ концу XV стол. Съ этого-же времени вводится обычай рѣшать споры о законности призовъ въ отечествѣ каперовъ и призовый судъ признается компетентнымъ и для нейтральныхъ [1]). Но нейтральные никогда не могли слѣпо и безоговорочно подчиниться юрисдикціи воюющихъ. Уже въ 1497 г. въ одномъ трактатѣ между Франціею и Англіею мы встрѣчаемъ нѣкоторыя правила, изданныя съ цѣлію ограничить произволъ этой юрисдикціи: призовымъ судамъ вмѣняется въ обязанность рѣшать дѣла безъ замедленія и не далѣе какъ въ годъ; обвиненной сторонѣ предоставлено право аппелляціи въ королевскій совѣтъ, который впродолженіе 6 мѣсяцевъ пересматриваетъ дѣло; передъ аппелляціею обѣ стороны обязываются вносить въ обезпеченіе извѣстную сумму для уплаты издержекъ и на случай перемѣны рѣшенія. Эти правила подтверждались не разъ въ

---

[1]) *Качеповскій.* Назв соч., стр. 18.

послѣдующихъ трактатахъ [1]). Намъ нечего останавливаться на историческихъ судьбахъ призовыхъ судовъ. Этотъ вопросъ прекрасно разработанъ и въ нашей ученой литературѣ [2]).

II.

Современное устройство.

Мы коснемся только слегка вопроса объ устройствѣ призовыхъ судовъ. Въ 1-й части обширнаго труда «О правѣ морскихъ призовъ», печатаемаго теперь *Бульмеринкомъ* въ качествѣ докладчика одной изъ коммиссій при Институтѣ международнаго права [3]), мы находимъ всѣ свѣдѣнія объ этомъ съ указаніемъ главныхъ источниковъ. Остановимся немного на первоклассныхъ морскихъ державахъ.

До послѣдняго времени въ Англіи правительство давало при началѣ каждой войны особое повелѣніе (commission) адмиралтейскому суду рѣшать вопросы о призахъ на основаніи международнаго права и обычаевъ. По нынѣ дѣйствующему закону о призахъ (Prize Act) въ Великобританіи во время войны назначаются правительствомъ для рѣшенія призовыхъ дѣлъ двое судей изъ высшаго суда, называемаго Probate and Admiralty Division. Они обыкновенно засѣдаютъ отдѣльно. Въ колоніяхъ призовыя дѣла подсудны вице-адмиралтейскимъ

---

[1]) *Каченовскій*, 19.

[2]) *Каченовскій*. „О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ въ отношеніи къ нейтральной торговлѣ. 1855 г.“. Онъ особенно подробно останавливается на призовой практикѣ Англіи, Франціи и С. Штатовъ и превосходно излагаетъ и критикуетъ ученія извѣстнѣйшихъ призовыхъ судей этихъ странъ, Вилліама Скотта, Порталиса и Маршала (стр 85—129). Въ дополненіе къ этой книгѣ мы находимъ въ статьѣ *Коркунова* („О каперахъ“, въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права за 1877 г., январь—февраль) очеркъ призоваго судопроизводства въ Россіи со временъ Петра Великаго до нашихъ дней. Что же касается до иностранной литературы, то она указывается въ сочиненіи Бульмеринка, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить (Revue 1879 p. 358). О призовыхъ судахъ особенно подробно говорятъ: Филлиморъ, Твиссъ, Геснеръ и Кальво.

[3]) Le droit des prises maritimes въ Revue de dr. intern. 1878; p. 184 сл.;—384 сл., и 595 сл.

судамъ, которые также составляются изъ обыкновенныхъ членовъ высшихъ судовъ или, при множествѣ дѣлъ, замѣняются однимъ особо назначеннымъ судьей. Аппелляція подавалась прежде лордамъ коммиссіонерамъ адмиралтейства, а теперь она поступаетъ въ Judicial Committee, состоящій изъ членовъ Тайнаго Совѣта, извѣстныхъ своимъ знаніемъ законовъ.

Французское законодательство строго держится правила, что каждый призъ долженъ быть присужденъ по суду. Учрежденный въ 1859 г. Conseil des prises, обращенъ въ постоянный въ 1869 г. Но во время войны 1870—71 г., по случаю обложенія Парижа, открытъ былъ въ Турѣ временной Совѣтъ (Conseil provisoire des prises), состоявшій изъ президента, правительственнаго коммиссара и 4 членовъ (сановниковъ министерствъ: юстиціи, иностранныхъ дѣлъ и морскаго). Аппелляціи поступали въ Государственный Совѣтъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ первую инстанцію для призовыхъ дѣлъ составляютъ суды не спеціальные, а обыкновенные окружные, а послѣднюю Верховный Судъ, состоящій изъ президента (Chief-justice) и 8 членовъ (associate justices), изъ которыхъ достаточно пяти для засѣданій.

Также въ Италіи, по закону 1866 г., мы находимъ двѣ инстанціи: призовую коммиссію и государственный Совѣтъ для разсмотра аппелляцій.

Въ отличіе отъ этихъ государствъ въ Пруссіи, Австріи, Даніи и Швеціи существуютъ для призовыхъ дѣлъ три инстанціи: для производства слѣдствія, разбирательства и аппелляціи. По прусскому законадательству, которое теперь и обще-германское [1]), второю инстанціею является Prisenrath. Въ составъ его входятъ: президентъ, изъ членовъ высшей судебной іерархіи, и 6 ассессоровъ. Изъ нихъ двое также судьи; остальные — совѣтники министерствъ иностранныхъ дѣлъ и морскаго. Къ нимъ пріобщенъ прокуроръ. Аппелляціонный судъ (Oberprisenrath) состоитъ изъ 7 членовъ: пред-

[1]) Верховный торговый судъ, недавно упраздненный, хотя и вѣдалъ дѣла по морскому праву, но не дѣла о призахъ.

сѣдатель долженъ быть президентомъ или вице-президентомъ высшаго прусскаго суда и три члена принадлежатъ къ составу послѣдняго. Остальные берутся изъ министерствъ: морскаго, торговли и иностранныхъ дѣлъ.

Наконецъ въ Россіи призовыя дѣла разбираются адмиралтейскимъ судомъ, начало которому положено Петромъ I [1]).

Изъ этого очерка мы видимъ, что призовые суды носятъ почти вездѣ коллегіальный, а не единоличный характеръ. Повѣренными отвѣтчиковъ (нейтральныхъ) допускаются всѣ лица изъ адвокатскаго сословія. Только въ Англіи право ходатайствовать въ призовыхъ судахъ предоставляется особой корпораціи коронныхъ юристовъ, рѣшающихъ вообще спорные вопросы по международному праву [2]). Почти всѣ морскія державы (за исключеніемъ Голландіи, Швеціи и Россіи) допускаютъ аппелляціи, опредѣляя только различно сроки, въ которые жалобы переносятся изъ первой инстанціи во вторую. Напротивъ, ни въ одномъ государствѣ нѣтъ спеціальной инстанціи для кассаціи. Это совершается путемъ дипломатическихъ сношеній между заинтересованными сторонами, что нельзя не признать важнымъ недостаткомъ собственно процессуальнаго порядка.

Хотя въ положительныхъ законахъ различныхъ странъ призовыя инстанціи носятъ названіе то коммиссій, то совѣтовъ, то даже судовъ, но очевидно единственно вѣрное для нихъ обозначеніе будетъ—*суды*. Въ самомъ дѣлѣ онѣ призваны рѣшать спорные вопросы права, возникающіе изъ отношеній войны и нейтралитета, и рѣшать эти вопросы на основаніи юридическихъ же принциповъ, получившихъ признаніе либо во внутреннихъ законахъ государствъ, либо въ трактатахъ и международныхъ обычаяхъ. Послѣднее обстоя-

---

[1]) Постановленія русскаго правительства о призахъ со временъ Петра Великаго приводятся *г. Коркуновымъ* въ его выше-названной статьѣ „О каперахъ“.

[2]) *Даневскій.* „Современное состояніе призоваго судоустройства по отношенію къ нейтральнымъ и необходимыя въ немъ реформы“ въ Журн. гражд. и угол. права. 1879 г. № 5, стр 26.

тельство очень важно и вноситъ въ ихъ дѣятельность тотъ дуализмъ и противорѣчіе, которое дѣлаютъ ихъ реформу неизбѣжно нужною.

III.

Недостатки. Предложенія реформъ.

Въ теченіи вѣковъ существованія призовыхъ судовъ, нейтральные не безъ основанія поднимали жалобы на ихъ пристрастіе и многочисленные недостатки. Могло ли быть иначе, если сообразить, что съ одной стороны эти суды учреждались воюющими, а съ другой капёрство хотя и велось частными лицами, но въ сущности служило для правительствъ наиболѣе удобнымъ, дешевымъ и дѣйствительнымъ орудіемъ для уничтоженія торговли не только противника, но и нейтральныхъ. Вмѣсто того, чтобы быть въ жизни народовъ органами и проводниками права, призовые суды большею частію прикрывали личиною закона одностороннія претензіи воюющихъ. Вотъ почему они процвѣтали въ государствахъ сильныхъ на морѣ и извѣстныхъ своею нетерпимостію къ нейтральнымъ. Впрочемъ не слѣдуетъ думать, чтобы послѣдніе когда-либо покорились вполнѣ тому узкому воззрѣнію, въ силу котораго призовые суды составляютъ будто бы одни внутреннія учрежденія государствъ. Напротивъ, международная практика давно выработала, хотя молчаливо, но ясно, противоположное этому начало: призовые суды, хотя и установляются односторонне воюющими, но рѣзко отличаются отъ другихъ органовъ судебной власти: они лишь по формѣ (относительно порядка дѣлопроизводства и началъ процесса) внутренне-государственныя учрежденія, но самый принципъ, на которомъ основывается ихъ приговоръ, выработывается посредствомъ международнаго соглашенія. На этомъ основаніи мы видимъ часто, что нейтральные не считали рѣшенія призовыхъ судовъ обязательными для себя ipso jure. Для приданія имъ полной законной силы они требовали еще, чтобы эти рѣшенія не стояли въ противорѣчіи съ существовавшими трактатами и обычаями. Въ противоположномъ случаѣ потерпѣвшіе обра-

щались къ своему правительству, которое дѣлало протестъ въ дипломатической формѣ. Отсюда—нескончаемые споры и взаимныя обвиненія, вытекавшія неизбѣжно изъ неудовлетворительнаго состоянія всего призоваго права.

До парижской декларації 1856 г. область ихъ дѣятельности была весьма обширна, когда конфискаціи подлежалъ, какъ грузъ непріятельскій на нейтральныхъ судахъ, такъ и, наоборотъ, даже нейтральный грузъ на кораблѣ непріятеля. Съ 1856 года, по отмѣнѣ каперства, стоитъ на очереди другая важная реформа: признаніе вообще неприкосновенности частной собственности на морѣ. Тогда призовымъ судамъ будутъ подлежать лишь вопросы о задержаніи кораблей (воюющихъ или нейтральныхъ), провинившихся въ нарушеніи блокады или въ подвозѣ контрабанды. Это, въ свою очередь, поведетъ къ необходимости установить наконецъ путемъ международнаго соглашенія оба эти понятія, особенно же послѣднее часто эластично растягиваемое однимъ и тѣмъ же государствомъ по мѣрѣ его надобности, т.-е. смотря по тому, ведетъ-ли оно войну или остается нейтральнымъ. Но очевидно, что нельзя ограничиться однѣми реформами матеріальнаго права о призахъ: столь же важенъ вопросъ и о коренномъ преобразованіи самихъ призовыхъ судовъ.

Ихъ компетентность не оспаривается, по крайней мѣрѣ на практикѣ, относительно призовъ, отнятыхъ у непріятеля [1]). Но споры возникаютъ, когда дѣло идетъ о корабляхъ, принадлежащихъ нейтральнымъ. Практика государствъ и въ этомъ отношеніи держится старыхъ воззрѣній на полновластіе воюющихъ, но въ наукѣ давно уже ведется оживленный споръ объ этомъ. Еще въ прошломъ столѣтіи Гюбнеръ оспаривалъ

---

[1]) Изъ этого общаго правила признаются однако два исключенія: 1) когда захватъ непріятельскаго корабля совершенъ въ территоріальныхъ водахъ нейтральной державы и 2) когда захватъ произведенъ хотя кораблями воюющаго, но снаряженными и вооруженными въ портахъ нейтральнаго. Подробности объ этомъ см. у г. Даневскаго въ названой статьѣ, стр. 29.

компетентность призовыхъ судовъ надъ нейтральными. Съ тѣхъ поръ писатели по международному праву раздѣлились по этому вопросу на два неравныхъ лагеря: одни—небольшое меньшинство, придерживаясь принципа Гюбнера, требуютъ согласнаго съ этимъ преобразованія призоваго судопроизводства и признанія независимости нейтральныхъ отъ произвола воюющихъ; другіе, наоборотъ, порицая тѣ или другіе его недостатки, остаются на почвѣ положительнаго права, утверждая, что суды воюющихъ одни компетентны для рѣшенія вопросовъ о призахъ [1]). Кромѣ этихъ двухъ главныхъ школъ, существуетъ еще мнѣніе объ исключительной компетентности въ дѣлахъ о призахъ судовъ нейтральныхъ. Но писатели, высказывающіе это мнѣніе (Галіани, Мено-Пельсъ, и Борнеманъ), не подкрѣпляютъ его никакими доводами. Писатели школы Гюбнера не ограничиваются одною критикою существующихъ порядковъ, но предлагаютъ болѣе или менѣе удачныя нововведенія; они въ свою очередь представляютъ намъ двѣ группы: одни (Витонъ, Вурмъ, Геснеръ) стоятъ за смѣшанныя коммиссіи, которыя должны разбирать жалобы нейтральныхъ, недовольныхъ рѣшеніями призовыхъ судовъ; другіе (Гюбнеръ, Тетенсъ, Мартенсъ и Нау), болѣе послѣдовательные, желаютъ самого преобразованія этихъ судовъ, хотя и исключительно въ интересахъ нейтральныхъ [2]).

До сихъ поръ однако призовые суды остаются исключительно въ рукахъ воюющихъ. Въ немногихъ трактатахъ Туниса и Триполи съ Франціею (1830 и 1832 р.) и перваго съ Сардиніею (1832 г.), а также во время войны Греціи за

---

[1]) Доводы тѣхъ и другихъ приведены у *Каченовскаго*, стр. 143 и слѣд. Самъ онъ склоняется на сторону послѣдователей Гюбнера: „теорія этой школы, говоритъ онъ, повидимому имѣетъ преимущество: она отличается логическою послѣдовательностью и ищетъ опоры въ общихъ началахъ правовѣдѣнія“. Также обстоятельно говоритъ объ этомъ *Бульмеринкъ* во второй части своего сочиненія о призахъ (теорія призоваго права); Revue, 1879, p 162. Въ пользу радикальнаго же преобразованія призовыхъ судовъ высказывается и г. *Даневскій*, въ названной статьѣ.

[2]) *Бульмеринкъ* Тамъ же, стр. 173.

независимость съ Турціею мы встрѣчаемъ уклоненіе отъ этого правила и попытки учрежденія смѣшанныхъ призовыхъ судовъ.

Главная причина недостаточности, можно сказать органической, призовыхъ судовъ кроется въ противорѣчіи, лежащемъ съ одной стороны въ ихъ національномъ устройствѣ, а съ другой въ ихъ международномъ характерѣ и назначеніи. Воюющіе, такъ ревниво оберегающіе исключительность своей призовой юрисдикціи, никогда не отрицали однако послѣдняго обстоятельства. Это постоянно признавалось и извѣстными призовыми судьями, любившими подкрѣплять свои рѣшенія учеными ссылками на начала международнаго права: «Призовый судъ, по мнѣнію В. Скотта, есть вполнѣ судъ международный. Начала, которыми онъ долженъ руководствоваться, заключаются въ международномъ правѣ и трактатахъ. Ни одно государство, безъ согласія другихъ, не можетъ измѣнять этихъ началъ самовластными распоряженіями». Вотъ почему въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ и отчасти во Франціи рѣшенія этихъ судовъ считаются однимъ изъ важныхъ источниковъ положительнаго международнаго права. Не оспаривая ихъ значенія въ этой области, мы должны однако согласиться съ Каченовскимъ въ томъ, что всѣ наиболѣе уважаемые аторитеты по этой части были скорѣе истолкователями національныхъ воззрѣній на международное право, нежели органами международной юстиціи, и это не могло быть иначе въ силу всей системы призоваго судопроизводства [1]).

«Сравнивая эти суды съ устройствомъ другихъ, мы находимъ, говоритъ Тренделенбургъ, что они страдаютъ большими недостатками: 1) они установляются воюющею стороною и рѣшаютъ дѣла по законамъ ею изданнымъ, а по международному праву лишь на столько, насколько оно само признается этою стороною. Это противорѣчіе, лежащее во всемъ ихъ строѣ, между національнымъ закономъ, которому служатъ призовые суды, и международнымъ правомъ, обязывающимъ всѣ

---

[1]) *Каченовскій*, стр. 110 и сл.

государства, лишаетъ по существу призовую юстицію способности быть органомъ международнаго права и въ семъ качествѣ получить общее признаніе; 2) они произносятъ судъ надъ подданными чужаго государства, которые имъ совсѣмъ неподсудны. Это будетъ искусственная фикція, если мы для оправданія такой подсудности скажемъ, что каперъ или лицо, захватившее корабль, привлекается шкиперомъ къ призовому суду, а это можно дѣлать лишь предъ судомъ капера или корабля, взявшаго непріятельское имущество. Скорѣе призовые суды должны, въ силу существующихъ правилъ о контрабандѣ, обращать морскую добычу въ частную собственность. Благодаря этимъ двумъ недостаткамъ призовые суды навлекаютъ на себя презумпцію въ пристрастіи. Шкиперъ, чей корабль взятъ по обвиненію въ подвозѣ контрабанды, только принужденно обращается къ нимъ за правосудіемъ» [1]).

Къ этому слѣдуетъ прибавить еще два соображенія: 1) призовые суды считаютъ нейтральнаго истцомъ, а капера отвѣтчикомъ, поэтому всю тяжесть доказательствъ возлагаютъ на нейтральнаго: каперъ только защищается. Самая теорія судебныхъ доказательствъ, по своему строенію и примѣненію судомъ, видимо склоняется въ пользу капера, а не нейтральнаго [2]). 2) Призовыя инстанціи по существу—*суды;* между тѣмъ въ ихъ личномъ составѣ юридическій элементъ далеко не преобладающій: онъ соединяется съ элементомъ административнымъ (политическимъ), который въ свою очередь неоднороденъ. Эта разнохарактерность членовъ призовыхъ судовъ, по замѣчанію Бульмеринка, затрудняетъ ходъ процесса и дѣлаетъ самый приговоръ суда шаткимъ, такъ какъ на немъ естественно должны отразиться различныя точки зрѣнія членовъ суда. Чрезъ это послѣдній въ свою очередь теряетъ свой чисто судебный (юридическій) характеръ и преобразуется въ нѣкую коммиссію [3]).

---

[1]) Lucken im Volkerrecht (1870. S 45—46).

[2]) Интересныя замѣчанія объ этомъ см у Каченовскаго, 88—89.

[3]) *Bulmerincq.* Revue, 1879, p 179. Онъ не отвергаетъ пользу и даже необходимость различныхъ элементовъ въ призовомъ процессѣ, но съ

IV.

Недовольство писателей современнымъ устройствомъ призовыхъ судовъ, необходимость реформъ, предложенныхъ нѣкоторыми изъ нихъ, нашли отголосокъ и въ *Институтѣ международнаго права*, который послѣ своихъ работъ о Вашингтонскихъ правилахъ, объ уваженіи частной собственности на морѣ, естественно долженъ былъ перейти къ изученію и этого практически столь важнаго вопроса. По предложенію *Вестлека*, на съѣздѣ въ Гагѣ, 1875 г., была учреждена коммиссія [1]), «съ цѣлію изучить вопросъ объ устройствѣ международнаго совѣта или суда о морскихъ призахъ».

Труды Института международнаго права.

15 марта 1876 г. Вестлекъ обратился къ своимъ товарищамъ по Институту съ слѣдующимъ проектомъ [2]): «Посредствомъ цѣлаго ряда трактатовъ, изъ коихъ пусть каждый будетъ заключенъ между двумя государствами, ввести условіе, если нужно съ согласія палатъ этихъ странъ, что, если одна изъ договаривающихся сторонъ будетъ воюющею, а другая нейтральною, то призовыя дѣла, касающіяся нейтральной, имѣютъ быть рѣшаемы въ послѣдней инстанціи судомъ, который пребываетъ въ столицѣ воюющаго и состоитъ изъ трехъ судей: каждый изъ контрагентовъ назначаетъ по одному изъ нихъ, а третій—опредѣляется постороннимъ государст-

---

инымъ назначеніемъ. „Офицеры и служащіе по морской части," говоритъ онъ, могутъ быть весьма полезны въ качествѣ экспертовъ, для уясненія темныхъ пунктовъ въ призовомъ процессѣ, но не болѣе. Судить же они могли бы только въ качествѣ экспертовъ и по праву, ибо лишь на основаніи юридическихъ началъ должны быть постановляемы приговоры судовъ".

[1]) Въ ея составъ вошли гг. Ассеръ, Бернардъ, Бульмеринкъ, Есперсонъ, Фильдъ, Массе, Марквардсенъ и Вестлекъ; послѣдній въ качествѣ докладчика.

[2]) Труды Института по занимающему насъ вопросу подробно изложены Бульмеринкомъ въ Annuaire de l'Institut de droit international. 2-année. 1878, p. 113—130.

вомъ или однимъ изъ нѣсколькихъ государствъ, смотря по условіямъ трактата, съ согласія или безъ онаго со стороны этого одного или многихъ государствъ.—Въ указываемомъ нами случаѣ, продолжалъ Вестлекъ, составъ высшаго призоваго суда въ странѣ, заключившей нѣсколько подобныхъ трактатовъ и вовлеченной въ войну, не подлежалъ бы большимъ измѣненіямъ въ виду того, что не трудно найти одну такую державу, напр. Италію, которой поручили бы вообще назначеніе третьяго судьи. Что-же касается до тѣхъ нейтральныхъ странъ, торговлѣ коихъ не угрожала бы опасность, то онѣ, безъ сомнѣнія, чаще всего будутъ избирать и въ свои представители судей изъ другихъ нейтральныхъ государствъ, болѣе ихъ заинтересованныхъ». По мнѣнію Вестлека заключеніе такой серіи трактатовъ является наиболѣе практическимъ средствомъ для приданія со временемъ призовымъ судамъ болѣе общаго международнаго характера.

Въ августѣ 1877 г. [1]) Вестлекъ сообщаетъ членамъ Института, въ новомъ письмѣ, полученные имъ на его проектъ отвѣты и тѣ соображенія, на которыя наводили его послѣдніе. Мысли его, встрѣтивъ почти всеобщее одобреніе, подверглись въ частностяхъ нѣкоторымъ дѣльнымъ замѣчаніямъ. *Блюнчли*, принявъ ихъ въ принципѣ, предложилъ пять слѣдующихъ добавленій: 1) система Вестлека должна быть распространена и на призовые суды первой инстанціи. Вестлекъ на это замѣчаетъ, что это конечно было бы улучшеніемъ, но представляло бы въ практическомъ отношеніи то затрудненіе, что тогда слѣдовало бы привлекать въ страну воюющаго бо́льшее число судей изъ нейтральныхъ государствъ и что самые судьи воюющихъ, засѣдающіе въ первой инстанціи, должны были бы слѣдовать практикѣ аппелляціоннаго суда.

За то онъ вполнѣ согласился съ остальными четырьмя предложеніями Блюнчли:

2. Судья воюющаго избирается въ предсѣдатели смѣшаннаго суда.

---

[1]) Въ 1876 г. не было съѣзда членовъ Института.

3. Достаточно объявить, чтобы смѣшанный аппелляціонный судъ пребывалъ вообще на территоріи воюющаго, а не только въ его столицѣ, которая можетъ находиться и въ рукахъ непріятеля.

4. Назначеніе судей происходитъ при началѣ войны и не должно быть откладываемо до того момента, когда настанетъ потребность въ нихъ: этимъ будетъ предупреждено подозрѣніе относительно мотивовъ выбора.

5. Въ случаѣ неустановившагося между договаривающимися государствами соглашенія относительно той державы, которая по трактату должна назначать третьяго судью, достаточно, чтобы этотъ трактатъ указывалъ вообще на способъ позднѣйшаго обращенія къ сей третьей державѣ. Весьма было бы хорошо, если-бы нейтральное государство предлагало три державы, изъ коихъ воюющее избирало-бы одну.

Лоримеръ нашелъ число трехъ судей для аппелляціонной инстанціи недостаточнымъ: только одинъ изъ нихъ принадлежалъ бы государству незаинтересованному, но и его можно было-бы иной разъ заподозрить въ пристрастіи или въ недостаточномъ знакомствѣ съ международнымъ правомъ. Въ виду этого Лоримеръ предлагаетъ пять судей: воюющій и заинтересованный нейтральный назначаютъ каждый по два члена (одного изъ своихъ подданныхъ, а другаго изъ гражданъ посторонней державы). Затѣмъ третье, въ трактатѣ обозначенное государство, избираетъ пятаго судью. Вестлекъ согласился съ Лоримеромъ въ томъ, что судъ изъ трехъ членовъ подвергается опасности не обладать достаточнымъ безпристрастіемъ и авторитетомъ для внушенія къ себѣ желаемаго уваженія. Но число пять для аппелляціонной инстанціи ему всегда казалось неудовлетворительнымъ: оно дѣлаетъ возможнымъ въ пользу пересмотра рѣшенія большинство 3 противъ 2, что въ сущности не есть большинство, если принять въ соображеніе мнѣніе судьи первой инстанціи, авторитетъ котораго часто заслуживаетъ такого-же уваженія какъ и тѣхъ судей, которые отвергаютъ его рѣшеніе. На этомъ основаніи Вестлекъ полагаетъ, что число судей должно быть четыре: большинство

трехъ противъ одного въ пользу пересмотра будетъ рѣшающимъ и раздѣленіе голосовъ по-ровну предоставитъ большинство судьѣ первой инстанціи. Способъ выбора въ такомъ случаѣ долженъ состоять въ томъ, чтобы третья, указанная въ трактатѣ держава, назначала двухъ судей, или же, чтобы трактатъ предоставлялъ двумъ государствамъ назначеніе по одному судьѣ. Поправка эта не нравится Бульмеринку: она, по его мнѣнію, усложняетъ вопросъ объ избраніи судей; важно не число ихъ, а способность.

Ашехугъ высказалъ мысль, чтобы всѣ правительства, расположенныя къ этой реформѣ, заключили между собою одинъ общій трактатъ. Того же желаетъ и Вестлекъ, хотя и добавляетъ, что нечего ждать этого: къ дѣлу слѣдуетъ приступить коль скоро двѣ державы возьмутъ на себя иниціативу въ столь полезномъ нововведеніи.

Два члена коммиссіи, Бернардъ и Бульмеринкъ, хотя совершенно въ различномъ смыслѣ, высказались противъ проекта Вестлека.

По мнѣнію *Бернарда*, реформа, предлагаемая Вестлекомъ, увеличитъ процессы и создастъ для морскихъ офицеровъ во время войны много новыхъ трудностей. Вестлекъ отвѣчалъ на это, что такой результатъ получился бы лишь въ томъ случаѣ, если бы самъ законъ сдѣлался болѣе неопредѣленнымъ. Напротивъ, можно предположить, что практика смѣшаннаго суда, оставаясь болѣе вѣрною разъ признаннымъ принципамъ, получитъ сама характеръ болѣе устойчивый въ сравненіи съ судомъ воюющаго, который подвергается опасности искусственно приспособлять смыслъ закона къ интересамъ назначившей его страны. А практика суда, хорошо установившаяся, имѣетъ на тяжущихся отрезвляющее дѣйствіе и облегчаетъ обязанности морскихъ офицеровъ, хотя, быть можетъ, подобное упрощеніе не всегда придется имъ по вкусу.

Бернардъ сдѣлалъ еще возраженіе: существующая система (призоваго судопроизводства) дѣйствуетъ хорошо. Это мы видимъ на примѣрѣ смѣшанной коммиссіи, установленной въ силу Вашингтонскаго договора. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ

она не согласилась съ рѣшеніями верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ. Вестлекъ въ свою очередь думаетъ, что рѣдкое присужденіе этою коммиссіею вознагражденій за убытки обусловливалось какимъ-либо недостаткомъ въ ея составѣ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ ссылается на критику, которой подвергаетъ Геснеръ дѣйствія этой коммиссіи по дѣлу Спрингбока, въ своей брошюрѣ «Zur Reform des Kriegsseerechtes» и въ 7 томѣ «Revue de droit international», гдѣ и самъ Вестлекъ согласно съ нимъ осуждаетъ заключенія названной коммиссіи. Онъ вообще отдаетъ преимущество предлагаемымъ имъ судамъ надъ смѣшанными коммиссіями, въ родѣ вашингтонской, на томъ основаніи, что первые установляются въ видахъ правильнаго отправленія правосудія, а не съ политическою цѣлью удалить недовольство, вызванное предполагаемыми недостатками юстиціи. Вотъ почему есть основаніе думать, что эти суды будутъ съ большею разборчивостью составляться изъ лицъ опытныхъ въ правѣ, которое имѣетъ быть прилагаемо.

Инымъ характеромъ отличаются возраженія *Бульмеринка*: онъ находитъ проектъ Вестлека преждевременнымъ, доколѣ не установится между государствами согласіе относительно самаго призоваго права въ цѣломъ. Другими словами: онъ желаетъ, чтобы Институтъ выработалъ общій кодексъ призоваго права и представилъ затѣмъ проектъ устройства международныхъ призовыхъ судовъ. Очевидно, не одобряя непосредственнаго принятія плана Вестлека, Бульмеринкъ въ значительной степени расширялъ его программу; Вестлекъ отвѣчаетъ на это, что примѣръ вашингтонской коммиссіи, которой не были даны предварительно для руководства извѣстные принципы международнаго права, показываетъ, что не существуетъ абсолютной необходимости точно установить эти принципы въ предлагаемомъ имъ трактатѣ. Бульмеринкъ говоритъ однако, что въ виду различныхъ воззрѣній государствъ на самую сущность призоваго права, необходимо между ними предварительное согласіе объ этомъ, что международный призовый судъ не можетъ дѣйствовать успѣшно,

если не будетъ опираться на право единообразное или международное, и что вашингтонская коммиссія, хотя и не имѣла характера правильнаго призоваго суда, о которомъ хлопочетъ Вестлекъ, дѣйствовала бы гораздо успѣшнѣе, если бы могла руководиться твердо установившимся правомъ. Словомъ, всякая реформа, даже частная. ему кажется невозможною безъ предварительнаго преобразованія всего призоваго права, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ формальномъ отношеніи.

На основаніи этихъ предварительныхъ обсужденій, Вестлекъ представилъ Институту на съѣздѣ въ Цюрихѣ (1877 г.) слѣдующее заключеніе:

«Институтъ международнаго права почтительно рекомендуетъ державамъ обратить серьезное вниманіе на пользу предупрежденія, мѣрами напередъ принятыми, жалобъ нейтральныхъ на несправедливость призовыхъ судовъ, учреждаемыхъ воюющими, — жалобъ, которыя вызываютъ нынѣ отъ времени до времени смѣшанныя коммиссіи въ видахъ исправленія недостатковъ призоваго судопроизводства. Институтъ полагаетъ, что желаемый результатъ можетъ быть достигнутъ, если призовыя дѣла, касающіяся нейтральныхъ, предоставить въ послѣдней и аппелляціонной инстанціи рѣшенію смѣшаннаго суда, долженствующаго пребывать на территоріи воюющаго, и состоять изъ трехъ или четырехъ судей, изъ коихъ одинъ, президентъ, назначался бы воюющимъ, другой— тѣмъ нейтральнымъ, чьи подданные будутъ заинтересованы въ дѣлѣ, а третій, или третій и четвертый,—одною или двумя также нейтральными державами. Съ этою цѣлью два какія-либо государства могли бы, если нужно съ содѣйствіемъ ихъ палатъ заключить договоръ съ такимъ условіемъ, что если одно изъ нихъ будетъ воюющимъ, а другое нейтральнымъ то подобный призовый судъ учреждается на территоріи перваго для окончательнаго рѣшенія споровъ о призахъ, отнятыхъ отъ подданныхъ втораго. Затѣмъ слѣдовало бы получить участіе въ этомъ трактатѣ одной или двухъ нейтральныхъ державъ, которыя согласились бы назначить третьяго или третьяго и четвертаго судью. Въ случаѣ неустановленія согласія по этому

пункту, можно просто условиться, что то изъ договаривающихся государствъ, которое будетъ нейтральнымъ, предложитъ другому извѣстное число державъ, изъ которыхъ воюющій выберетъ одну или нѣсколько для назначенія судьи или судей. Но во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы трактатъ предписывалъ дѣлать это назначеніе либо до, либо какъ можно скорѣе послѣ начала войны для того, чтобы судъ былъ созванъ до возникновенія дѣлъ, имѣющихъ поступить на его разбирательство. Если бы нѣсколько государствъ могли согласиться на установленіе подобныхъ судовъ,—въ территоріи той изъ нихъ, которая будетъ воюющею,—выгоды предлагаемой реформы были бы тѣмъ значительнѣе, но Институтъ полагаетъ, что даже примѣръ двухъ какихъ-либо государствъ въ этомъ направленіи оказалъ бы самое благотворное дѣйствіе на отправленіе правосудія и укрѣпленіе добраго согласія между народами».

Такимъ образомъ на съѣздѣ *въ Цюрихѣ*, въ 1877 г., Институтъ долженъ былъ высказаться между тремя различными мнѣніями: *Бернарда*, отстаивавшаго старые порядки, *Вестлека*, предлагавшаго реформу призоваго права въ довольно умѣренныхъ размѣрахъ, и *Бульмеринка*, желавшаго преобразованія этого права въ матеріальномъ и формальномъ отношеніяхъ. Въ засѣданіи 12 сентября [1]), послѣ весьма оживленныхъ и интересныхъ преній, Институтъ, какъ и слѣдовало ожидать, высказался въ пользу мнѣнія Бульмеринка, наиболѣе научнаго и послѣдовательнаго, но одобрилъ также проектъ Вестлека, въ которомъ увидѣлъ первый важный шагъ къ желаемой реформѣ призоваго суда.

Бросимъ взглядъ на главныя мнѣнія и замѣчанія, высказанныя въ этомъ засѣданіи. Бернардъ полагаетъ, что смѣшанные суды по мысли Вестлека будутъ пользоваться малымъ довѣріемъ; ихъ рѣшенія не пріобрѣтутъ авторитета и вмѣсто

---

[1]) На немъ участвовали: Парье, въ качествѣ предсѣдателя, Блюнчли, Бернардъ, Бруза, Бульмеринкъ, Клюне, Геснеръ, Голландъ, Муанье, Нейманнъ, Роленъ-Жекменъ, Ривье и Альберикъ-Роленъ.

желаемаго опредѣленія и улучшенія законовъ о призахъ они сдѣлаютъ ихъ еще болѣе шаткими чѣмъ теперь. Дѣло въ томъ, что подобныя собранія, будутъ-ли они называться коммиссіями или судами, пригодны для разбирательства частныхъ жалобъ, но они совершенно неспособны для изданія законовъ или рѣшенія спорныхъ пунктовъ въ международной практикѣ. Число дѣлъ, которыя будутъ поступать къ нимъ на разбирательство, за немногими исключеніями, на столько ограниченно, что не будетъ побуждать нейтральныхъ посылать ко всѣмъ воюющимъ лицъ, наиболѣе выдающихся. Большинство изъ нихъ будутъ либо судьи весьма не высокаго достоинства, либо лица неопытныя въ судебной практикѣ. Напротивъ, при нынѣ дѣйствующей системѣ призовыя дѣла рѣшаются судами вполнѣ компетентными. Въ Англіи и въ Америкѣ этого рода дѣла могутъ, по желанію сторонъ, восходить въ аппелляціонномъ порядкѣ до высшихъ инстанцій, рѣшенія которыхъ, какъ и рѣшенія судовъ первой инстанціи, являются образцами безпристрастнаго и проницательнаго отношенія къ дѣлу. Кромѣ того предлагаемые суды измѣняютъ совершенно характеръ призоваго процесса. Вмѣсто того, чтобы оставаться въ рукахъ воюющихъ, какъ это дѣлается доселѣ, контроль надъ призами перейдетъ къ этимъ судамъ или международнымъ коммиссіямъ, составленнымъ въ большинствѣ изъ представителей нейтральныхъ. Но противъ ихъ рѣшеній воюющіе не будутъ имѣть возможности искать пересмотра, такъ какъ цѣль предлагаемой реформы состоитъ именно въ устраненіи подобныхъ послѣдующихъ жалобъ, чрезъ установле́ніе судовъ, приговоры которыхъ признаются обѣими сторонами обязательными. Это будетъ важнымъ стѣсненіемъ самаго права воюющихъ на призы, даже, можетъ быть, совершеннымъ его искаженіемъ; результатъ вѣроятно пріятный для тѣхъ, которые считаютъ отнятіе имущества нейтральнаго на морѣ не правомъ, а проявленіемъ лишь силы. Но Бернардъ не смотритъ на это такъ: это право возникло изъ требованій морской войны, оно до сихъ поръ существуетъ и должно быть уважаемо, какъ всѣми признанный компромиссъ между необходимостью войны и правами нейтральныхъ.

Затѣмъ Альберикъ-Роленъ прочелъ записку Ассера, въ которой проектъ Вестлека подвергнутъ весьма дѣльной и всесторонней оцѣнкѣ. Ассеръ говоритъ, что проектъ этотъ прекрасенъ, какъ переходное состояніе отъ теперешнихъ неудовлетворительныхъ порядковъ къ системѣ болѣе разумной и справедливой, но его не слѣдуетъ предлагать государствамъ какъ конечную цѣль въ данномъ вопросѣ. Если даже преобразованіе призовыхъ судовъ ограничится одною аппелляціонною инстанціею, это представитъ уже бо̀льшую выгоду тѣмъ, что дастъ нейтральнымъ гарантіи, которыхъ лишены они до нынѣ. Одобряя въ принципѣ поправку Блюнчли о распространеніи смѣшанной юрисдикціи и на суды первой инстанціи, онъ высказываетъ однако опасеніе, чтобы эта реформа не встрѣтила большія затрудненія, если ее расширить. «Пожалуй можно ничего не получить, требуя заразъ слишкомъ много». Но съ другой стороны Ассеръ указываетъ и на недостатки разбираемаго имъ проекта: введеніе онаго повлечетъ за собою увеличеніе числа аппелляціонныхъ жалобъ: нейтральные, чтобы отстоять свое право, будутъ чаще обращаться къ высшей инстанціи, а это увеличитъ продолжительность и издержки тяжбъ. Ассеръ ставитъ на видъ еще одинъ болѣе важный недостатокъ: для того, чтобы аппелляціонная инстанція дѣйствовала хорошо, требуется, чтобы одинъ и тотъ-же законъ былъ обязателенъ какъ для нея, такъ и для суда первой инстанціи: ибо аппелляція обозначаетъ вторичное разбирательство фактовъ и юридическую оцѣнку дѣла, которое уже было разсмотрѣно низшимъ судомъ. Но характеръ аппелляціоннаго суда совершенно извращается, если онъ призванъ руководиться не тѣми-же законами, которые обязательны для суда первой инстанціи. Отклонивъ мысль Бульмеринка о необходимости для государствъ, до принятія какой-либо реформы, согласиться предварительно о самыхъ принципахъ права, долженствующихъ ею управлять, Вестлекъ представилъ Институту проектъ, по которому судъ первой инстанціи будетъ судить по національному праву извѣстной страны (часто опредѣляемому спеціальными законами), а судъ высшій или аппелляціонный будетъ руко-

водиться общими принципами международнаго права, даже если они уклоняются отъ національныхъ законовъ воюющаго. Поэтому рѣшенія низшаго суда подвергнутся часто пересмотру, хотя бы они были безупречны съ точки зрѣнія мѣстнаго закона (lex fori) одного для нихъ обязательнаго. Подобная аномалія въ значительной степени подорветъ нравственный авторитетъ суда, а еще болѣе законовъ воюющаго. Устранить ее можно только либо опредѣленіемъ принциповъ обязательныхъ для призовыхъ судовъ, либо приложеніемъ къ обѣимъ инстанціямъ послѣднихъ одной и той же системы смѣшанной международной юрисдикціи. Предварительное соглашеніе относительно самаго права поведетъ вѣроятно къ другимъ хорошимъ послѣдствіямъ: существующая практика призовыхъ судовъ ввела въ положительное международное право нѣкоторыя начала, очевидно несправедливыя по отношенію къ нейтральнымъ; таково предположеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если не доказано противное, виновности нейтральнаго, столь противорѣчащее общимъ принципамъ права. Международное соглашеніе въ этомъ случаѣ могло бы вызвать принятіе болѣе либеральныхъ идей и придать рѣшеніямъ призовыхъ судовъ бо̀льшее единообразіе. Въ заключеніе Ассеръ предлагаетъ Институту принять слѣдующія три заключенія: во 1-хъ, объявить существующую систему, по отношенію къ составу призовыхъ судовъ, недостаточною; во 2-хъ, рекомендовать введеніе смѣшанныхъ судовъ, дѣйствующихъ въ качествѣ аппелляціонныхъ инстанцій, по мысли Вестлека, но въ 3-хъ, поставить на видъ всю необходимость со временемъ довершить эту реформу, какъ чрезъ распространеніе предложенной системы и на суды первой инстанціи, такъ и чрезъ установленіе международнаго соглашенія относительно всего призоваго права.

Мы остановились такъ подробно на мысляхъ Ассера потому, что онѣ прекрасно мотивируютъ предложенія Блюнчли и Бульмеринка собственно съ юридической стороны. Въ открывшихся затѣмъ преніяхъ Роленъ-Жекменъ подробно старался опровергнуть воззрѣнія Бернарда; согласно съ послѣднимъ, Парье выразилъ сомнѣніе въ безпристрастіи новыхъ, предлагаемыхъ

судовъ по отношенію къ воюющимъ; Голландъ, на основаніи соображеній Ассера и Бернарда, не согласился съ проектомъ Вестлека, наконецъ, Нейманнъ и Клюне присоединились къ предложенію Бульмеринка: начать съ предварительнаго опредѣленія призоваго права необходимо, сказали они, если не хочешь возводить крышу ранѣе самого зданія. Нейманнъ особенно указалъ еще на коренной процессуальный недостатокъ господствующей системы: она извращаетъ роли отвѣтчика и истца, возлагая на дѣйствительнаго отвѣтчика всю тяжесть доказательствъ.

Наконецъ Институтъ принялъ слѣдующія три заключенія [1]), предложенныя Блюнчли:

Институтъ объявляетъ существующую систему призовыхъ судовъ неудовлетворительною и полагаетъ необходимымъ исправить ея недостатки новымъ международнымъ учрежденіемъ. Онъ думаетъ, что слѣдуетъ:

1) опредѣлить посредствомъ договоровъ общіе принципы, касающіеся призовъ;

2) замѣнить суды, до сихъ поръ составлявшіеся исключительно изъ судей, принадлежащихъ воюющему государству, судами международными, которые предоставляютъ частнымъ лицамъ заинтересованнаго нейтральнаго или непріятельскаго государства болѣе широкія гарантіи относительно безпристрастія судебнаго рѣшенія;

3) установить по соглашенію общій порядокъ судопроизводства въ призовыхъ дѣлахъ.

Затѣмъ Роленъ-Жекменъ рекомендовалъ еще слѣдующее добавленіе, до извѣстной степени примиряющее желанія, высказанныя Ассеромъ и Вестлекомъ:

Тѣмъ не менѣе Институтъ полагаетъ своею обязанностію заявить, что даже теперь онъ считалъ бы прогрессомъ введеніе судовъ смѣшанныхъ либо въ первой инстанціи, либо апелляціонныхъ, на основаніи проекта, выработаннаго г. Вестлекомъ.

---

[1]) Бернардъ подалъ голосъ противъ нихъ.

Это добавленіе также принято. Но противъ него высказались Бернардъ и Бульмеринкъ. Послѣдній заявилъ, что онъ подаетъ голосъ противъ только потому, что это добавленіе не можетъ имѣть практическихъ послѣдствій.

Этимъ кончился первый предварительный стадій работъ Института по занимающему насъ вопросу. Коммиссія о призахъ не разошлась, но на нее возложена дальнѣйшая и всесторонняя разработка призоваго права какъ въ матеріальномъ, такъ и въ формальномъ отношеніяхъ. Докладчикомъ избранъ *Бульмеринкъ*, который съ рѣдкою энергіею и любовью принялся за свой громадный, но въ высшей степени важный трудъ. Онъ задался мыслію не только составить болѣе или менѣе удачный проектъ новаго призоваго права, но представить сначала полный и всесторонній сводъ стараго, нынѣ дѣйствующаго права, и, на основаніи его недостатковъ, проложить путь новымъ идеямъ, давно требуемымъ многими лучшими умами, но до сихъ поръ не нашедшимъ вполнѣ удачнаго въ научномъ отношеніи выразителя.

По мысли Бульмеринка, трудъ его долженъ распадаться на три отдѣла: 1) изложеніе существующаго призоваго права у различныхъ народовъ; 2) теорія этого права [1]) и 3) критика нынѣ дѣйствующихъ началъ и проектъ новаго международнаго соглашенія относительно призовъ [2]). Печатаніе этого труда только что окончено: въ первой части, посвященной положительному праву, Бульмеринкъ даетъ намъ весьма интересный этюдъ сравнительнаго законодательства о призахъ во всѣхъ странахъ Европы и въ Соединенныхъ Штатахъ; во второй—онъ подробно приводитъ и анализируетъ мнѣнія всѣхъ извѣстныхъ писателей по международному и морскому праву какъ относительно началъ призоваго права, такъ и касательно устройства и функцій призовыхъ инстанцій. По независившимъ отъ него причинамъ, трудъ этотъ не могъ быть отпечатанъ къ слѣдующему съѣзду Института, въ *Парижѣ*, въ 1878 году.

---

[1]) Revue, 1879, p. 152 и сл.; 320 и сл.

[2]) Тамъ же, стр. 561 и сл.—1880, стр. 187.

Но Бульмеринкъ представилъ ему въ 25 положеніяхъ *основныя черты* выработаннаго имъ *проекта реформы призоваго права* [1]). Институтъ выслушалъ съ большимъ интересомъ этотъ проектъ. Вестлекъ нашелъ его прекраснымъ по существу и по формѣ, заявивъ, что онъ съ своей стороны можетъ представить лишь нѣсколько возраженій противъ двухъ спеціальныхъ пунктовъ. По желанію Бульмеринка, Институтъ отложилъ до слѣдующей сессіи обсужденіе его проекта, когда весь его трудъ явится въ печати [2]).

Вотъ главныя мысли этого проекта, по скольку онѣ касаются призоваго судопроизводства.

Вмѣсто существующихъ національныхъ призовыхъ судовъ, учреждаются *суды международные въ двухъ инстанціяхъ* [3]). Они составляются одинаковымъ образомъ и пребываютъ въ одномъ и томъ же городѣ. Членами ихъ должны быть не административные сановники, но исключительно судьи, прошедшіе курсъ юридическихъ наукъ или занимавшіе судебную должность въ гражданскихъ судахъ. Имъ прежде всего надо быть свѣдущими въ международномъ правѣ и процессѣ. Названные суды учреждаются при началѣ войны между морскими державами. Они вѣдаютъ дѣла о призахъ всѣхъ государствъ, какъ нейтральныхъ, такъ и воюющихъ и засѣдаютъ въ странѣ нейтральной. Каждая изъ главныхъ воюющихъ сторонъ назначаетъ въ обѣ инстанціи одного или двухъ судей, а государства нейтральныя выбираютъ третьяго или пятаго въ обѣ инстанціи. Въ дѣлахъ касающихся подданныхъ одного изъ воюющихъ, предсѣдательствуетъ судья, назначенный нейтральными, а въ дѣлахъ, относящихся до гражданъ нейтральныхъ государствъ, предсѣдательство поручается судьѣ того воюющаго, чьи кора-

---

[1]) Principes et traits essentiels d'une réforme du droit des prises. (*Annuaire*, 3 et 4 années; T. I. 1880; p. 99—109).

[2]) Revue, 1878, p. 379.

[3]) Собственно судебному разбирательству предшествуетъ предварительное слѣдствіе которое производитъ судъ государства, корабли котораго взяли призъ.

бли не завладѣли спорнымъ призомъ. Мѣстопребываніе судовъ опредѣляется при началѣ войны воюющими, а въ случаѣ неустановленія согласія между ними—нейтральными. Въ видахъ практическаго осуществленія вышеизложенныхъ правилъ, а также на томъ основаніи, что Бельгія единственное морское государство—нейтрализованное и которое, въ силу международнаго права, не можетъ быть вовлечено въ войну какъ только въ видѣ рѣдкаго исключенія для защиты своей независимости, если бы ей угрожали другія государства; въ виду этихъ соображеній, назначеніе двухъ судей, которое должно зависѣть отъ нейтральныхъ, предоставляется разъ навсегда Бельгіи съ тѣмъ, чтобы нейтральные, насколько возможно, давали свое согласіе относительно лицъ ею избранныхъ, а столица Бельгіи—Брюссель назначается разъ навсегда мѣстопребываніемъ судовъ низшей и высшей инстанцій. Также предсѣдательство могло бы быть предоставлено бельгійскимъ судьямъ во всѣхъ призовыхъ дѣлахъ, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда въ этихъ дѣлахъ были бы заинтересованы бельгійскіе подданные и въ силу должны были бы вступать общія начала, изложенныя выше. Аппелляціонныя жалобы подаются только по желанію сторонъ, а не ex officio. Первое слѣдствіе по призовому дѣлу совершается судомъ того государства, чьи корабли взяли призъ. Въ случаѣ участія въ задержаніи приза кораблей нѣсколькихъ союзныхъ государствъ, это слѣдствіе должно быть сдѣлано судомъ того изъ нихъ, которое находится ближе всѣхъ къ мѣсту задержанія приза, или чей офицеръ командовалъ во время этого дѣла. Аппелляціонный судъ не обязанъ ограничиваться простымъ пересмотромъ рѣшенія низшаго суда: онъ можетъ ex officio или по желанію сторонъ допустить новыя пренія, причемъ принимаются предъявленія новыхъ доказательствъ. Его рѣшенія, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для ихъ государствъ, считаются окончательными и безаппелляціонными [1]).

[1]) Весьма интересны объясненія къ этимъ предложеніямъ, дѣлаемыя Бульмеринкомъ во второй части его труда, а также его замѣчанія на мысли Вестлека въ Revue; 1879; p 187, 188 и сл.

Вопреки ожиданіямъ трудъ Бульмеринка не былъ оконченъ къ съѣзду Института *въ Брюсселѣ* (въ сентябрѣ 1879 г.). Авторъ представилъ ему только начало новаго, вырабатываемаго имъ *устава* или *регламента о морскихъ призахъ* [1]) и начало третьей части своего труда, содержащей въ себѣ какъ бы подробные мотивы и комментаріи къ его уставу. По желанію самого Бульмеринка Институтъ еще разъ отложилъ обсужденіе его важнаго и интереснаго проекта [2]).

Институтъ не занялся призовыми судами также на съѣздѣ въ *Оксфордѣ* (сентябрь 1880 г.). Между тѣмъ Бульмеринкъ окончилъ свой трудъ: большой томъ въ 549 стр. По его желанію назначена коммиссія для просмотра выработаннаго имъ проекта [3]).

Въ пользу международнаго характера призовыхъ судовъ высказывается также *Патернострo*, въ недавно вышедшей монографіи: «О призахъ и репризахъ» [4]).

Мы не знаемъ, къ какимъ окончательнымъ заключеніямъ по этому вопросу придетъ Институтъ. Но уже знаменательно то обстоятельство, что такое серьезное собраніе изъ первокласс-

---

[1]) Projet de règlement international des prises maritimes. Всѣхъ статей въ немъ 131. Онъ напечатанъ въ концѣ труда Бульмеринка.

[2]) Между тѣмъ и въ русской печати явилась вышеупомянутая статья г. *Даневскаго*—о призовомъ судопроизводствѣ. Не указывая на труды Института, онъ однако энергично высказывается въ пользу реформы призовыхъ судовъ. По идеѣ, будучи судами не національными, а строго международнаго характера, они, по мысли автора, не должны состоять изъ представителей одной или другой изъ заинтересованныхъ сторонъ, но быть смѣшанными, т.-е. состоять изъ членовъ по ровну назначенныхъ воюющимъ и нейтральными, причемъ всѣ должны принимать участіе въ разрѣшеніи каждаго отдѣльнаго случая. Онъ находитъ возможнымъ устранить инстанціи для апелляціи и кассаціи, предоставляя это въ крайнемъ случаѣ дипломатическимъ сношеніямъ. Съ этимъ мы не можемъ согласиться: если уже дать призовымъ судамъ юридическую организацію, то ее надо провести вполнѣ до окончанія и не допускать никакихъ позднѣйшихъ обращеній къ дипломатическимъ средствамъ.

[3]) Revue, 1881, p. 77.

[4]) *Paternostro*, Delle prede, delle reprede e dei giudizi relativi (ср. Revue, 1880, p. 674).

сныхъ авторитетовъ по международному праву признало необходимымъ, хотя для одного рода дѣлъ, *учрежденіе международнаго суда,* взамѣнъ существующихъ національныхъ судовъ. Но спрашивается: неужели одни призовыя дѣла требуютъ международной юстиціи? Не есть ли это первый робкій шагъ къ признанію принципа, который долженъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ получить всестороннее развитіе?

ГЛАВА II.

О СМѢШАННЫХЪ СУДАХЪ ВЪ ЕГИПТѢ [1].

Вопросъ о капитуляціяхъ на Востокѣ. Переговоры, приведшіе къ судебной реформѣ.—Ея основныя черты.—Критика.

I.

Вопросъ о капитуляціяхъ на Востокѣ.

Судебная реформа въ Египтѣ составляетъ важный переходъ въ исторіи сношеній народовъ Европы и Америки съ государствами Востока. Вмѣсто многовѣковаго порядка, созданнаго такъ-называемыми капитуляціями, въ силу которыхъ господствовало полное разграниченіе и разъединеніе между христіанскимъ и магометанскимъ міромъ, этой реформой сдѣлана попытка ихъ постепеннаго сближенія и примиренія на почвѣ

---

[1]) Изъ многочисленныхъ статей по этому вопросу укажемъ на самыя интересныя: Des relations judiciaires des étrangers dans le Levant et des projets de réforme de l'Egypte [въ Journal de droit international privé. 1874, стр. 53]. *Renault.* Etude sur le projet de réforme judiciaire en Egypte (въ Bulletin de la Société de Législation comparée. 1875, стр. 255). *Jozon.* Etude sur l'organisation des nouveaux tribunaux égyptiens (Ib. 1877, стр. 468). *Lavollée.* La réforme judiciaire en Egypte (въ Revue des deux Mondes, 1875, 1 февраля, стр. 657). *Bousquet.* Les nouveaux tribunaux égyptiens. (Ib. 1878, 1 марта, стр. 185). *Charmes.* La situation de l'Egypte en 1880. La réforme judiciaire, ses resultats, son avenir (Ib. 1880, 15 ноября, стр. 278). *Berggruen.* Die Justiz-Reform in Egypten (въ Zeitschrift fur das Privat-und Oeffentliche Recht der Gegenwart, 1875. II, стр. 387). *Dutrieux.* La question judiciaire en Egypte (въ Revue de droit international; 1876, стр. 573). *Saripolos.* La réforme judiciaire égyptienne. (Ib. 1877, стр. 558). *Мартенсъ* посвящаетъ въ своемъ сочиненіи: „О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ“ (1873) особую главу: „Судебной реформѣ въ Египтѣ и Турціи“ (стр. 510).

права. Если бы даже эта попытка со временемъ оказалась не практичною и безплодною, во всякомъ случаѣ она сама по себѣ заслуживаетъ полнаго вниманія и изученія.

Капитуляціи, какъ извѣстно, возникли въ тѣ отдаленныя эпохи, когда христіанскіе народы впервые вступили въ сношенія съ магометанами. Онѣ создали важное для христіанъ право, сперва въ Турціи, а потомъ вообще на Востокѣ, судиться не въ мѣстныхъ судахъ, а въ судахъ ихъ отечественныхъ консуловъ и по законамъ ихъ страны. Вслѣдствіе этого на территоріяхъ мусульманскихъ государствъ было столько иностранныхъ юрисдикцій, сколько существовало различныхъ консульствъ [1]).

Такой порядокъ, совершенно анормальный съ точки зрѣнія современнаго государства,—въ которомъ отправленіе правосудія признается однимъ изъ главныхъ аттрибутовъ верховной власти,—вытекалъ однако логически изъ всего міровоззрѣнія магометанъ. Не отдѣляя права отъ религіи и выводя обязательную силу законовъ изъ религіозныхъ предписаній Корана, они естественно не могли распространять авторитетъ послѣдняго на иновѣрныхъ. Отсюда обычай—дозволять христіанамъ жить по ихъ законамъ и судиться ихъ судами, сообразно съ постановленіями ихъ религіи. Впрочемъ слѣдуетъ добавить, что въ тѣ времена, когда возникли и сложились капитуляціи, онѣ соотвѣтствовали вполнѣ строю общественной жизни даже въ Европѣ. Въ большихъ торговыхъ центрахъ Европы—въ Лондонѣ, Марсели, въ городахъ Италіи и Нидерландъ,—мы видимъ, что иностранные купцы составляютъ особыя отъ мѣстнаго населенія колоніи, которыя живутъ подъ охраною своихъ отечественныхъ законовъ, прилагаемыхъ къ нимъ ихъ же отечественными судами. Это явленіе мы встрѣчаемъ и въ древней Россіи: торговые иностранцы или иноземные гости издревле пользовались у насъ самоуправленіемъ, т.-е. имѣли собственный судъ и расправу [2]). Повсемѣстному распростра-

[1]) Обстоятельный историческій очеркъ консульскихъ учрежденій на Востокѣ сдѣлалъ г. Мартенсъ въ назв. соч., стр. 53 и сл.

[2]) *Ивановъ*, Характеристика межд. отношеній, стр. 114.

ненію такихъ порядковъ въ значительной степени содѣйствовали младенческое состояніе самого права, а также рѣдкія, особенно по нашимъ понятіямъ, сношенія между государствами въ тѣ времена. Въ Турціи, напр., до нашего столѣтія европейцевъ, сравнительно говоря, было мало. Французы, желавшіе поселиться въ Ливанѣ, должны были просить разрѣшенія у своего правительства и представлять залогъ отъ какого либо торговаго дома въ Марсели. Отъ этого залога не освобождались даже простые путешественники, и онъ былъ уничтоженъ не ранѣе 1835 г. Еще болѣе интересную картину представляетъ намъ Египетъ: здѣсь всѣ Франки жили въ одномъ общемъ зданіи (Fondique), которое полиція была обязана запирать каждый вечеръ и отпирать каждое утро. Съ туземцами же они могли вступать въ сношенія только по торговымъ дѣламъ [1]).

Но въ наше время зашевелилась новая жизнь и на Востокѣ. Противъ капитуляцій возстала Турція,—государство по своей внутренней отсталости и дикости наименѣе имѣющее на это право. Едва Европа на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г. выразила готовность принять ее въ свой концертъ, какъ представитель ея, Али-паша, завелъ рѣчь о несвоевременности и вредѣ капитуляцій даже для самихъ европейцевъ [2]). Съ бо́льшимъ правомъ потребовалъ пересмотра капитуляцій Египетъ. Съ того времени, какъ Мегметъ-Али открылъ эту страну для Европейцевъ (не безъ мысли чрезъ ихъ посредство освободиться изъ подъ вліянія Турціи), Египетъ вступилъ на путь прогресса и, хотя европейская цивилизація окрасила только верхушки и внѣшнюю сторону египетской жизни, но начало новаго развитія тѣмъ не менѣе было положено. Скоро страну наводнили европейцы, большею частію спекулянты и искатели приключеній: [3]) проведеніе желѣзныхъ дорогъ, а еще болѣе

---

[1]) *Lavollée*, назв. ст.

[2]) Хорошій разборъ этой странной претензіи дѣлаетъ *Мартенсъ* въ назв. соч., стр. 512

[3]) Ихъ было въ 1836 г. 3,000 чел ; въ 1876 болѣе 200,000.

открытіе міроваго пути—Суэзскаго канала, превратили Египетъ въ европейскую колонію. Параллельно съ этимъ быстро расширила свою сферу и консульская юрисдикція: призванные, строго говоря, судить своихъ соотечественниковъ въ ихъ взаимныхъ спорахъ, консулы мало-по-малу присвоили себѣ права, которыя не только не вытекали изъ капитуляцій, но прямо противорѣчили имъ. Они стали судить сперва тяжбы и между иностранцами различной національности (причемъ компетентнымъ признавался консульскій судъ отвѣтчика по правилу: actor sequitur forum rei), а потомъ и споры между иностранцами и туземцами, если первые были отвѣтчики. Вслѣдствіе этого, несмотря на принципъ взаимности, консульскіе суды вытѣснили суды мѣстные, такъ что въ послѣднія 20 лѣтъ до реформы едва-ли не всѣ процессы въ Египтѣ судились ими. Справедливость однако требуетъ замѣтить, что это постепенное уклоненіе отъ капитуляцій, совершавшееся путемъ обычая, въ свое время было поддержано бездѣйствіемъ самого египетскаго правительства. Такимъ образомъ вмѣсто единаго и для всѣхъ равнаго правосудія въ Египтѣ учредилось 17 юрисдикцій или различныхъ, по національности, консульскихъ судовъ. Всѣ они прилагали законы своего отечества, часто расходившіеся между собою по самымъ главнымъ вопросамъ процессуальнаго права. Когда тяжба начиналась противъ лицъ различной національности, ее слѣдовало вести въ столькихъ различныхъ судахъ, сколько было на лицо отвѣтчиковъ изъ разныхъ государствъ. Кромѣ того аппелляціонныя жалобы должны были приноситься даже не въ странѣ, а въ отдаленныя инстанціи во Франціи, въ Италіи и т. д., смотря по національности консульскаго суда, разбиравшаго тяжбу. Можно себѣ представить къ какому юридическому хаосу приводилъ такой порядокъ! Весьма часто, послѣ продолжительной и дорого стоившей тяжбы, въ результатѣ получались по одному и тому же дѣлу рѣшенія противоположныя. Эта анархія усиливалась еще тѣмъ, что консулы, вмѣсто того чтобы быть представителями европейскаго образованія и правосудія, нерѣдко являлись пристрастными сторонниками своихъ соотечествен-

никовъ. Но этотъ порядокъ, столь предосудительный для священныхъ интересовъ правосудія, дѣйствовалъ пагубно и для самихъ европейцевъ: имѣя предъявить жалобу противъ египетскаго правительства, они должны были обращаться къ дипломатическимъ средствамъ, и генеральные консулы искусно пользовались каждымъ обстоятельствомъ для произведенія на хедива нравственнаго давленія, выступавшаго изъ предѣловъ douce violence, и для проведенія притязаній своихъ соотечественниковъ. Это вело на практикѣ то къ одобренію самыхъ дерзкихъ требованій европейскихъ поставщиковъ ко двору хедива, то, со стороны послѣдняго, къ полному отказу въ правосудіи. Могло ли быть иначе, когда чисто юридическіе вопросы переводились на зыбкую почву дипломатіи, т. е. личныхъ интригъ и интересовъ?

Очевидно, оставаться при такомъ положеніи дѣлъ было невозможно, но слѣдовало-ли перейти къ противоположной крайности, какъ того требовала Турція, т. е. уничтожить капитуляціи и подчинить всѣхъ иностранцевъ вѣдѣнію магометанскихъ судовъ? До сихъ поръ еще весь строй магометанскаго государства,—несмотря на нѣкоторый внѣшній лоскъ европеизма,—до того грубъ и несовершененъ, что отдать христіанъ на его правосудіе значитъ отказаться отъ всѣхъ нашихъ понятій о правѣ и справедливости. Смѣшеніе права съ религіею, неограниченный деспотизмъ султана, этого главы не только государства, но и религіи, продажность и произволъ чиновниковъ, правосудіе, сосредоточенное въ рукахъ фанатичнаго и невѣжественнаго духовенства (улемъ [1]) вотъ основныя черты государствъ, живущихъ подъ сѣнью Корана. Какъ далеко ни идутъ симпатіи къ Турціи нѣкоторыхъ ея друзей, но въ цѣломъ нельзя же ожидать, чтобы Европа согласилась на отмѣну капитуляцій. Между тѣмъ энергичный и изворотливый министръ иностранныхъ дѣлъ хедива, Нубаръ-паша, задался этою мыслію, но не прямо, а тайно. Подъ маскою уваженія

---

[1]) Этимъ словомъ, по замѣчанію Мартенса, равно обозначаются какъ священники, такъ и учителя, юристы и судьи.

къ капитуляціямъ, онъ сдѣлалъ первый рѣшительную попытку къ ихъ измѣненію и къ введенію въ Египтѣ единой, національной юрисдикціи и надъ всѣми иностранцами.

Но къ этой цѣли онъ приступилъ не вдругъ, а нашелъ нужнымъ пойти съ европейскими элементами на извѣстныя сдѣлки.

II.

Переговоры, приведшіе къ судебной реформѣ.

Точкою отправленія всей судебной реформы въ Египтѣ слѣдуетъ считать интересный докладъ, представленный Нубаръ-пашей хедиву (въ 1867 г.) о необходимости и основаніяхъ задуманной имъ реформы [1]). Отъ капитуляцій, говорится въ этомъ докладѣ, теперь существуетъ только одно названіе: онѣ уступили мѣсто обычаямъ, произвольнымъ и основаннымъ на антецедентахъ весьма сомнительныхъ, лишающихъ правительство силы, а населеніе—правосудія въ ихъ сношеніяхъ съ европейцами. Этотъ порядокъ вещей пагубенъ для всѣхъ, какъ для общихъ интересовъ державъ, такъ и для честнаго населенія страны, туземнаго и иностраннаго; только одни спекулянты извлекаютъ изъ него выгоду. Необходимость реформы живо чувствуется всѣми, и единственный къ тому способъ—устройство хорошей системы правосудія, способной дать Европѣ всѣ гарантіи, которыя она въ правѣ требовать. Надо, чтобы Египетъ, по отношенію къ юстиціи, сдѣлалъ тоже самое, что онъ уже совершилъ въ своемъ войскѣ, администраціи желѣзныхъ дорогъ, по части инженернаго дѣла, общественной гигіены и т. д. Элементъ компетентный, иностранцы были приняты: они послужили къ образованію элемента туземнаго. Этотъ способъ дѣйствія должно повторить и въ нравственномъ мірѣ, по отношенію къ правосудію. Египетскіе сановники знали хорошо гражданскіе и религіозные законы страны, которые были вполнѣ достаточны до тѣхъ поръ, пока они были призваны управлять населеніемъ однороднымъ по своимъ пра-

[1]) Archives diplomatiques, 1870, V. I, p. 60.

вамъ и потребностямъ. Но для новыхъ нуждъ требуются и новые законы. Европейцы, поселившись въ Египтѣ, принесли съ собою новые обычаи и новыя отношенія. Система смѣшанная стала прокладывать себѣ путь въ египетскіе законы и кодексы; слѣдовательно для приложенія этой новой системы необходимы и новые люди.

Послѣ этихъ общихъ соображеній докладъ приступаетъ къ самой реформѣ, въ основаніе которой кладетъ слѣдующіе три важные принципа. Во 1-хъ, полное отдѣленіе юстиціи отъ администраціи. Юстиція должна истекать отъ правительства, но не зависѣть отъ него. Она остается независимою какъ отъ правительства, такъ и отъ консуловъ. Для этого нужно создать особое сословіе сановниковъ. Во 2-хъ, введеніе новыхъ смѣшанныхъ судовъ [1]). Для *торговыхъ дѣлъ* сохранить оба существующіе коммерческіе суда въ Каирѣ и Александріи, но измѣнивъ ихъ составъ такъ, чтобы въ нихъ засѣдали 4 члена: двое, избираемые консулами изъ купцовъ наиболѣе зажиточныхъ и солидныхъ, и двое, назначаемые правительствомъ изъ туземцевъ особенно близкихъ по своимъ сношеніямъ къ европейцамъ. Эти члены засѣдаютъ по очереди. Предсѣдательство принадлежитъ египтянину, но вице-предсѣдатель берется изъ лицъ выбранныхъ въ Европѣ и, для бо̀льшей гарантіи, по рекомендаціи министра юстиціи. Должность эта будетъ постоянная. Надъ этими двумя судами слѣдуетъ учредить аппеляціонную инстанцію въ Александріи, въ составъ которой входятъ трое изъ египетскихъ молодыхъ людей, окончившихъ свое юридическое образованіе во Франціи, и три компетентныхъ сановника, которыхъ слѣдуетъ выписать изъ Европы по выбору ихъ правительствъ. И здѣсь предсѣдаетъ египтянинъ. Въ эту палату поступаютъ также аппелляціонные отзывы на рѣшенія двухъ гражданскихъ судовъ первой инстанціи по числу членовъ и составу однородныхъ съ судами коммерческими. Иски о недвижимыхъ имѣніяхъ разбираются по ста-

[1]) Подобно существующимъ уже судамъ въ Турціи по дѣламъ торговымъ.

рому исключительно мѣстными судами. Члены судовъ не пользуются правомъ несмѣняемости, но въ видѣ опыта назначаются на 5 лѣтъ. Наконецъ *дѣла уголовныя* вѣдаетъ также судъ смѣшанный, состоящій на половину изъ европейцевъ и туземцевъ. Аппелляціи и тутъ поступаютъ въ Александрійскую палату. Присяжные берутся также на половину изъ европейцевъ. Наказаніе отбывается въ Египтѣ, но приговоренные къ тюремному заключенію могутъ, по требованію консула, содержаться въ консульствѣ. Отсюда видны улучшенія, предлагаемыя реформою; она стремится окружить европейца, заподозрѣннаго въ преступленіи, такими гарантіями, которыхъ ему не давали капитуляціи: вмѣсто драгомана, этого нѣмаго свидѣтеля, она даетъ ему судей, взятыхъ изъ Европы, и половину изъ числа присяжныхъ. Но если потребуютъ еще бо́льшія гарантіи, правительство дастъ ихъ.

Наконецъ, въ 3-хъ, преобразованіе законодательства, обусловливаемое судебною реформою. Докладъ предлагаетъ созвать особую коммиссію изъ иностранныхъ юристовъ, которые, вмѣстѣ съ египетскими законовѣдами, должны привести въ согласіе египетскіе законы съ принципами французскихъ кодексовъ, гражданскаго и уголовнаго [1]).

Всѣ эти нововведенія представляются въ докладѣ какъ возвращеніе къ капитуляціямъ. но не простымъ, а дающимъ европейцамъ, сравнительно со старыми порядками, гораздо болѣе гарантій.

Проектъ Нубаръ-паши вызвалъ въ дипломатическомъ мірѣ много толковъ и длинную переписку. Лишь 8 лѣтъ спустя онъ былъ принятъ, но въ видѣ опыта на время и со многими существенными измѣненіями.

Еще въ томъ же 1867 году во Франціи была созвана коммиссія подъ предсѣдательствомъ Дювержье для изученія этого проекта. Въ запискѣ отъ 3-го декабря [2]), весьма простран-

---

[1]) Французскій торговый кодексъ еще до этого былъ принятъ въ Турціи и въ Египтѣ.

[2]) Archives diplom. 1870, t. I, p. 67.

ной и дѣльной, коммиссія указываетъ сперва на нынѣ существующее положеніе иностранцевъ въ Турціи, говоритъ о необходимости сохраненія принциповъ капитуляцій и совѣтуетъ принять египетскій проектъ въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ.

«Почти всѣ, читаемъ мы въ этой запискѣ, знакомые съ Востокомъ и Египтомъ, жившіе тамъ при разныхъ условіяхъ и видѣвшіе управляющія ими учрежденія на дѣлѣ, почти всѣ эти лица противопоставляютъ всякому измѣненію капитуляцій и обычаевъ абсолютное veto; даже наиболѣе умѣренные совѣтуютъ величайшую недовѣрчивость и сдержанность. Какъ только пошли первые слухи о проектахъ реформы, сильное безпокойство овладѣло всею европейскою колоніею въ Египтѣ и, говоря языкомъ полученныхъ отіуда депешъ, между европейцами распространилась настоящая паника, превратившаяся скоро въ общій страхъ».

Записка отвергаетъ фактъ нарушенія капитуляцій: онѣ остаются въ силѣ по буквѣ и по духу. Возникшіе рядомъ съ ними обычаи не могутъ быть названы произвольными нововведеніями со стороны того или другаго консульства; напротивъ, они носятъ характеръ древнихъ, общихъ и постоянныхъ правилъ, которыя получили признаніе отъ самого египетскаго правительства на практикѣ и въ различныхъ оффиціальныхъ документахъ.

Впрочемъ коммиссія согласна съ тѣмъ, что отправленіе правосудія въ Египтѣ во многихъ отношеніяхъ недостаточно: но она полагаетъ, что источникъ этого зла скрывается во всемъ политическомъ строѣ и въ нравахъ страны, а вовсе не въ консульской юрисдикціи и что поэтому судебною реформою дѣлу не поможешь: «въ Египтѣ по сію пору цивилизація очень груба, различныя племена перемѣшаны между собою, нравы, религіозныя вѣрованія и общественныя противоположности дѣлаютъ неосуществимымъ единообразіе въ законахъ и судахъ. Отдѣленіе судебной власти отъ административной не существуетъ и, если его вписать въ законы, оно не перейдетъ въ жизнь. Хорошее устройство правосудія немыслимо безъ пра-

вильно и мудро устроенной системы управленія. Между тѣмъ, что мы видимъ? Власть хедива неограниченна. Онъ не знаетъ другаго правила, кромѣ своей личной воли, а эта воля не встрѣчаетъ препятствій. Все гнется и ломается передъ нею. Возможно-ли при такихъ условіяхъ настоящее правосудіе? Кромѣ того въ качествѣ частнаго лица вице-король участвуетъ въ разнообразныхъ отрасляхъ общественнаго хозяйства. Онъ владѣетъ значительною частію поземельной собственности на той территоріи, которая принадлежитъ ему какъ государю. Онъ въ одно и то же время сельскій хозяинъ, промышленникъ, купецъ и т. д., и по всѣмъ сторонамъ этой его дѣятельности частнымъ лицамъ приходится имѣть его своимъ противникомъ то явнымъ, то скрытымъ. Не меньше препятствій правильному ходу правосудія представляетъ и то обстоятельство, что высшіе сановники также прямо или косвенно участвуютъ въ большинствѣ этихъ предпріятій, которыя питаютъ земледѣліе и торговлю страны. Въ Египтѣ нѣтъ ни правильной администраціи, ни твердыхъ законовъ. Впродолженіе послѣднихъ лѣтъ мы видимъ тамъ цѣлый рядъ законовъ и распоряженій, быстро смѣняющихся, но все менѣе и менѣе исполняемыхъ, потому что само правительство не имѣетъ никакой послѣдовательности, такъ что нѣтъ возможности ни на существующемъ порядкѣ, ни на предполагаемомъ, основывать надежды, которыя позволи-ли бы отказаться отъ пріобрѣтенныхъ правъ».

По отношенію собственно къ судебной реформѣ коммиссія высказалась за сохраненіе консульской юрисдикціи въ тяжбахъ между иностранцами одной и той же національности и между лицами различной національности, причемъ нашла желательнымъ, чтобы правительства, путемъ особаго соглашенія (clause compromissoire), напередъ опредѣляли компетентность суда и вообще устраняли недостатки, указанные въ существующемъ судопроизводствѣ. Только въ процессахъ смѣшанныхъ, т.-е. между иностранцами и туземцами, коммиссія согласилась допустить предлагаемые суды, но съ оговорками, чтобы въ нихъ большинство принадлежало европейцамъ, назначаемымъ хедивомъ по рекомендаціи ихъ правительствъ, и чтобы въ ихъ

составъ входили: туземные судьи, постоянные члены суда изъ европейцевъ и члены выборные также изъ иностранцевъ по существующему порядку. Тяжущіеся должны имѣть право, являясь въ судъ, приводить съ собою драгомана изъ своего консульства. По всѣмъ рѣшеніямъ противъ европейцевъ консулы призваны оказывать содѣйствіе ихъ исполненію. Наконецъ коммиссія совершенно отвергла компетентность смѣшанныхъ судовъ въ процессахъ уголовныхъ.

Какъ ни справедлива строгая критика политическаго положенія Египта, дѣлаемая французскою коммиссіею въ ея докладѣ, мы можемъ однако сказать, что коммиссія, согласившись хотя отчасти на предложенія Нубаръ-паши, поступала непослѣдовательно: если, какъ она утверждаетъ, старый порядокъ, созданный капитуляціями былъ такъ хорошъ, ей слѣдовало цѣликомъ отвергнуть судебную реформу. Поступивъ иначе, она одобрила дальнѣйшее обсужденіе этой реформы. Кромѣ того, улучшить общественное положеніе Египта могла именно хорошо задуманная и проведенная система правосудія, построеннаго на вполнѣ самостоятельныхъ началахъ. Это обуздало бы абсолютизмъ хедива, воспитало въ народѣ уваженіе къ закону и лучше всего обезпечило бы права европейцевъ. Нубаръ-паша съ энергіею продолжалъ начатое имъ дѣло. Англія высказалась также за обычаи, утвердившіеся въ Египтѣ наравнѣ съ капитуляціями, и хотя не желала коренной реформы по судебной части, но согласилась на созваніе международной коммиссіи для изученія этого дѣла. Какъ и слѣдовало ожидать, противъ желаній Египта высказалась Турція на томъ основаніи, что введеніе новыхъ порядковъ въ подвластной ей странѣ повлечетъ къ необходимости распространить эту реформу и на ея территорію. А она, какъ извѣстно, болѣе всего добивалась отмѣны капитуляцій въ цѣломъ. Англія и Франція поспѣшили ее успокоить заявленіемъ, что онѣ никогда и не думали «о видоизмѣненіи капитуляцій», что имѣется въ виду, напротивъ, «возвращеніе къ ихъ первоначальному тексту» чрезъ пересмотръ нѣкоторыхъ обычаевъ полезныхъ для европейцевъ, но, по утвержденію египетскаго

правительства, препятствующихъ правильному ходу правосудія [1]).

Международная коммиссія собралась въ Каирѣ 28 октября 1869 г. На ней участвовали представители шести великихъ европейскихъ державъ и Соединенныхъ Штатовъ. Предсѣдательствовалъ Нубаръ-паша. Коммиссія должна была заняться не столько законодательною, сколько подготовительною работою: изучивъ положеніе консульской юрисдикціи въ Египтѣ, высказать свое мнѣніе о предложеніяхъ Нубаръ-паши. Ей данъ былъ лишь совѣщательный голосъ [2]). Послѣ почти 3-хъ мѣсячныхъ занятій, она въ докладѣ отъ 17 января 1870 г. высказалась еще болѣе французской коммиссіи въ пользу идей египетскаго правительства [3]). Она указала на капитальные недостатки существующей системы: a) многочисленность юрисдикцій; b) отсутствіе на египетской территоріи аппелляціонной инстанціи и c) подчиненіе суда произволу администраціи. Свой взглядъ на дѣло она выразила въ цѣломъ рядѣ положеній, о которыхъ мы упомянемъ, когда будемъ говорить о новомъ уставѣ судоустройства въ Египтѣ. Во всякомъ случаѣ, одобривъ принципъ смѣшанныхъ судовъ, коммиссія предложила окружить ихъ многими для европейцевъ важными гарантіями. Франко-германская война отвлекла общее вниманіе отъ этого дѣла и затянула его выполненіе. Между тѣмъ египетское правительство, по желанію Европы, выработало для предполагаемыхъ имъ судовъ проекты новыхъ кодексовъ на европейскій образецъ и добилось, не безъ подкуповъ, согласія Турціи на реформу. Оставался еще вопросъ объ уголовной юрисдикціи новыхъ судовъ. По мнѣнію египетскаго правительства это требовалось для сохраненія независимости и достоинства послѣднихъ: развѣ можно было предоставить пре-

---

[1]) Archives diplom., тамъ же, стр. 120.

[2]) Тамъ же, стр. 122.

[3]) Хорошій анализъ этого доклада сдѣлали *Asser* «Administration de la justice en Egypte» (въ Revue de droit intern 1870, p. 564) и г. *Мартенсъ*, назв. соч., стр 528

слѣдованіе совершенныхъ противъ нихъ проступковъ какимъ-либо другимъ судамъ? При обычной своей энергіи оно отчасти добилось и этого. Въ началѣ 1873 г. собралась въ Константинополѣ вторая международная коммиссія изъ генеральныхъ консуловъ и консуловъ, назначенныхъ дипломатическими представителями державъ въ Турціи. Нельзя не замѣтить, что въ ней засѣдали не только какъ въ Каирѣ уполномоченные шести великихъ европейскихъ державъ и С. Штатовъ, но и делегаты нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствъ, а именно: Бельгіи, Голландіи, Швеціи и Испаніи [1]). Эта коммиссія подъ предсѣдательствомъ генеральнаго консула Англіи (Philip Francis) изучила очень подробно два слѣдующіе вопроса: 1) какіе преступленія и проступки должны быть подсудны новымъ судамъ и 2) какія гарантіи слѣдуетъ отъ нихъ потребовать по дѣламъ уголовнымъ. Коммиссія работала усердно съ 11 января по 16 февраля. Нубаръ-паша принималъ въ ея занятіяхъ дѣятельное участіе.

Въ результатѣ она постановила: 1) что обыкновенные преступленія и проступки вѣдаются попрежнему консульскими судами; 2) что новымъ судамъ подлежатъ преступленія и проступки, совершенные противъ членовъ этихъ судовъ во время или по поводу исполненія ими ихъ обязанностей, а также преступленія и проступки, совершенные по службѣ лицами судебнаго вѣдомства [2]).

III.

Основныя черты реформы.

На основаніи работъ этихъ двухъ коммиссій, Каирской и Константинопольской, Нубаръ-паша представилъ державамъ

[1]) Вопросъ о судебной реформѣ важенъ и интересенъ для всѣхъ христіанскихъ государствъ, а потому всѣ они имѣютъ относительно его право голоса. Особенно несправедливо было исключеніе делегатовъ Греціи, которая по величинѣ населенія и капиталовъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ на Востокѣ (*Saripolos*, въ Revue, 1877, p. 570).

[2]) Протоколы засѣданій и докладъ этой коммиссіи см. въ Archives diplom. 1875, t. I, p. 38 и 111. Краткій отчетъ объ ея работахъ помѣстилъ г Мартенсъ въ нѣмецкомъ изданіи своего сочиненія о консулахъ (Das Consularwesen und die Consularjurisdiction im Orient. 1874. S. 528).

въ 1873 г. окончательный *уставъ судоустройства для смѣшанныхъ процессовъ въ Египтѣ* [1]). Въ немъ всего 80 статей; въ первомъ отдѣлѣ говорится объ юрисдикціи гражданской и торговой; во второмъ о юрисдикціи уголовной новыхъ судовъ. Къ этому присоединены въ третьемъ отдѣлѣ нѣкоторыя спеціальныя постановленія.

Мы приведемъ главныя мысли этого устава: учреждаются три суда первой инстанціи: въ Александріи, Каирѣ и Загазигѣ (послѣдній былъ перенесенъ потомъ въ Измаилію). Каждый изъ нихъ составляется изъ 7-ми судей: 4-хъ иностранцевъ и 3-хъ туземцевъ. Рѣшенія постановляются 5-ю судьями (3 иностранцами и 2 египтянами).

Предсѣдаетъ одинъ изъ иностранцевъ въ качествѣ вице-президента. Онъ избирается абсолютнымъ большинствомъ всѣми членами суда.

Въ дѣлахъ торговыхъ къ суду присоединяются два купца: одинъ иностранецъ, другой туземецъ съ совѣщательнымъ голосомъ.

Въ Александріи учреждается аппелляціонный судъ изъ 11 членовъ: 7 иностранцевъ и 4 туземцевъ. Въ рѣшеніи участвуютъ 8 членовъ (5 иностранцевъ и 3 туземца). О предсѣдателѣ то же правило, какъ и для судовъ первой инстанціи.

Въ случаѣ надобности число судей можетъ быть увеличено, но съ сохраненіемъ указаннаго соотношенія между иностраннымъ и туземнымъ элементами.

Судьи избираются и утверждаются египетскимъ правительствомъ, но относительно иностранцевъ оно обращается оффиціозно къ ихъ министрамъ юстиціи и назначаетъ лишь тѣхъ, которые получатъ разрѣшеніе отъ своего правительства.

Сравнивая эти постановленія съ проектомъ, выработаннымъ Каирскою коммиссіею, мы видимъ, что число судей въ нихъ увеличено (въ первыхъ инстанціяхъ 7 человѣкъ вмѣсто 5, а во второй 11 вмѣсто 7) и европейскому элементу данъ болѣе

---

[1]) Réglement d'organisation judiciaire pour les procès mixtes en Egypte (Archives diplom. 1875. T. I, p. 136).

значительный перевѣсъ (особенно въ аппелляціонномъ судѣ: 7 на 4, вмѣсто 4 на 3). Но съ другой стороны уставъ допускаетъ важное уклоненіе отъ Каирскаго проекта: онъ не призналъ необходимости еще верховнаго кассаціоннаго суда въ Каирѣ.

Компетентность новыхъ судовъ распространяется исключительно на всѣ иски по гражданскимъ и торговымъ дѣламъ между иностранцами и туземцами и между иностранцами различныхъ подданствъ, а также на всѣ иски о недвижимыхъ имѣніяхъ, даже между лицами одной и той же національности. Затѣмъ этимъ судамъ подсудны: правительство, члены администраціи, управленія частнымъ имуществомъ хедива (daïras), и члены его семейства въ ихъ тяжбахъ съ иностранцами.

Но вѣдѣнію ихъ не подлежатъ: все что касается вопросовъ о личномъ статутѣ иностранцевъ; всѣ иски между иностранцами одной и той же національности (они остаются по-прежнему подсудны отечественнымъ судамъ ихъ консуловъ); тяжбы относительно такъ-называемыхъ вакуфовъ (недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ мечетямъ и разнаго рода богоугоднымъ заведеніямъ). Судамъ также не дозволено давать рѣшенія о государственномъ имуществѣ (propriété du domaine public), а Франція выговорила неподсудность имъ католическихъ, религіозныхъ и учебныхъ заведеній, стоящихъ подъ ея охраною. Въ особой статьѣ кромѣ того она потребовала, чтобы генеральные консулы, консулы и т. д. съ ихъ семействами и всѣми лицами при нихъ служащими были изъяты отъ вѣдѣнія этихъ судовъ.

Засѣданія публичны, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда, въ видахъ общественной нравственности и охраненія публичнаго порядка, судъ самъ распорядится иначе.

Защита свободна, но предъ аппелляціонною палатою представителями и защитниками сторонъ могутъ быть лишь лица, имѣющія дипломъ адвоката.

Кромѣ языка мѣстнаго въ судѣ допускается еще итальянскій и французскій.

Исполненіе судебныхъ рѣшеній совершается по одному

приказанію суда внѣ всякаго воздѣйствія со стороны администраціи и консуловъ. Послѣдніе извѣщаются только о днѣ и часѣ исполненія.

Судьи не смѣняемы, пока на 5 лѣтъ, но, по истеченіи сего срока, это будетъ возведено въ общее правило. Ихъ повышеніе и перемѣщеніе совершается съ ихъ согласія и по выслушаніи мнѣнія аппелляціонной палаты, которая сносится объ этомъ съ заинтересованнымъ судомъ. Египетское правительство не имѣетъ права давать имъ никакихъ отличій, почетныхъ или матеріальныхъ. Всякое принятіе ими сверхъ жалованія какихъ бы то ни было вознагражденій, цѣнныхъ подарковъ и т. п., влечетъ за собою лишеніе ихъ мѣста и жалованія безъ всякаго права вознагражденія за это.

Дисциплинарная власть надъ членами суда принадлежитъ аппелляціонной палатѣ. Ей же приносятся жалобы на нихъ по дисциплинарной части со стороны дипломатическаго корпуса.

Суды прилагаютъ новые кодексы, представленные Египтомъ на усмотрѣніе державъ. Въ случаѣ молчанія, недостаточности или темноты закона они руководствуются принципами естественнаго права и справедливости (équité).

Въ составъ уголовныхъ судовъ входятъ члены гражданскихъ судовъ: полицейскія нарушенія (contraventions) иностранцевъ судитъ одинъ изъ иностранныхъ членовъ суда. Исправительный судъ (tribunal correctionnel) и окружной (chambre de conseil) состоятъ каждый изъ трехъ судей (двухъ иностранцевъ и одного туземца) и изъ 4 иностранныхъ ассессоровъ. Въ ассизной палатѣ (cour d'assises) засѣдаютъ три совѣтника (два иностранца и одинъ туземецъ). Всѣ 12 присяжныхъ избираются изъ иностранцевъ. По желанію обвиняемаго половина ассессоровъ и присяжныхъ должны принадлежать къ той же національности, какъ и онъ, а за недостаткомъ такихъ лицъ къ той національности, на которую онъ укажетъ.

Уголовные суды вѣдаютъ: 1) полицейскія нарушенія; 2) проступки и преступленія, совершенные прямо противъ лицъ судебнаго вѣдомства и присяжныхъ во время или по поводу

исполненія ими ихъ обязанностей; 3) а также совершенные противъ исполненія судебныхъ приговоровъ и 4) проступки и преступленія самихъ лицъ судебнаго вѣдомства и присяжныхъ по службѣ или вслѣдствіе злоупотребленія ими ихъ власти.

Наконецъ вся эта реформа въ видѣ опыта вводится на 5 лѣтъ, впродолженіе которыхъ не должно дѣлать никакихъ измѣненій. По истеченіи же этого срока, если она не окажется полезною на практикѣ, державы могутъ либо возвратиться къ старому порядку, либо, вмѣстѣ съ Египтомъ, принять новыя мѣры. Послѣ новыхъ переговоровъ этотъ проектъ принятъ державами [1]). Онъ получилъ силу закона 15 ноября 1875 г., а открыты новые суды 15 февраля 1876 г. [2]).

По послѣднимъ извѣстіямъ срокъ ихъ дѣятельности продленъ до 1 февраля 1882 г.

IV.

Критика реформы.

Ознакомившись съ ихъ происхожденіемъ и характеромъ, мы должны естественно предложить себѣ еще слѣдующіе вопросы: какъ оказались эти суды на практикѣ? желательно-ли, по истеченіи срока искуса, удержать ихъ и на будущее время и даже ввести въ иныхъ странахъ Востока? наконецъ, какія реформы относительно ихъ слѣдовало бы принять?

При новизнѣ и трудности этого дѣла, неудивительно, что новые суды наткнулись на множество препятствій: задѣвая безчисленные интересы, они должны были вызвать много тол-

---

[1]) Протоколъ соглашенія Франціи съ Египтомъ по этому поводу отъ 10-го ноября 1874 г. см. Annuaire de l'Institut de dr. intern. 1877, p. 337; протоколъ соглашенія Германіи тамъ же; конвенція Англіи съ Египтомъ о томъ-же отъ 31 іюля 1875 (Ib. 1878, p. 273).

[2]) О составѣ ихъ при первомъ устройствѣ и обширный обзоръ ихъ дѣятельности за первый годъ см. *Pommeraye*, Bulletin de la jurisprudence Egyptienne, 1-ère année judiciaire въ Journal de dr. intern. privé. 1876, p. 382 et 491.—Недавно вышло стараніями гр. Маронья оффиціальное собраніе рѣшеній этихъ судовъ: Jurisprudence des Tribunaux de la Réforme en Egypte (87).

ковъ, часто для себя не благопріятныхъ. Были конечно ошибки и съ ихъ стороны. Наконецъ ихъ устройство не достигло предѣла возможнаго и даже желательнаго совершенства. Все это надо имѣть въ виду при ихъ обсужденіи. Не имѣя возможности изучить ихъ на самомъ мѣстѣ ихъ дѣятельности, мы должны поневолѣ удовольствоваться отзывами писателей о нихъ. Но эти отзывы далеко между собою расходятся и приходятъ къ выводамъ діаметрально противоположнымъ. Впрочемъ это понятно: судебная реформа въ Египтѣ—дѣло еще очень новое и, кромѣ того, національныя симпатіи и антипатіи авторовъ къ Турціи препятствуютъ безпристрастію ихъ научныхъ выводовъ.

Какъ бы то ни было, но по занимающему насъ вопросу писатели распадаются на три различныя группы. Одни (Мартенсъ, Сариполосъ) считаютъ сохраненіе консульской юрисдикціи на Востокѣ необходимымъ еще на долгое время и требуютъ только нѣкоторыхъ улучшеній въ ея устройствѣ, а новые суды представляются имъ излишними. Слишкомъ велика, по ихъ мнѣнію, пропасть между кораномъ и христіанствомъ и слишкомъ грубъ весь политическій и общественный строй магометанскихъ странъ, чтобы можно было говорить въ настоящее время не только объ отмѣнѣ, но даже о какихъ-либо существенныхъ измѣненіяхъ капитуляцій. Въ сущности эти писатели повторяютъ выше-приведенные нами доводы французской коммиссіи 1867 г.

Другіе (Jozon, Lavollée), напротивъ, видятъ въ этой судебной реформѣ дѣло прогресса, которое должно въ будущемъ поддержать и укрѣпить. Отъ критическихъ замѣчаній они почти воздерживаются. «Идея справедливости, какъ мы ее понимаемъ, говоритъ *Жозонъ*, была неизвѣстна жителямъ Египта. Новые суды раскрыли ее для нихъ и это вызвало всеобщее удивленіе и довольство. Зрѣлище этихъ судовъ, отправляющихъ правосудіе одинаково для магометанина, христіанина и еврея, для богатаго и бѣднаго, сильнаго и слабаго, и руководимыхъ при этомъ лишь добросовѣстнымъ и глубокимъ изученіемъ каждаго отдѣльнаго дѣла—такое зрѣлище

измѣняетъ всѣ принятыя въ Египтѣ понятія и естественно производитъ въ умахъ настоящую революцію. Смѣшанные суды достигли быстро такой популярности, что даже туземцы въ своихъ тяжбахъ все чаще и чаще обращаются къ нимъ. Но такъ какъ по уставу суды не компетентны въ этого рода дѣлахъ, то одна изъ тяжущихся сторонъ избираетъ себѣ въ представителя европейца, уступая ему свое спорное право, и этотъ обманъ практикуется теперь открыто». Благодаря прекрасному выбору судей, они поставили себя независимо отъ египетскаго правительства; можетъ быть даже они идутъ въ этомъ отношеніи слишкомъ далеко.

Бускé такъ резюмируетъ результаты, достигнутые уже судебною реформою: «Она насадила на египетскую почву уваженіе къ праву, независимость совѣсти, безопасность тяжущихся, публичность юстиціи и ипотечную систему и, удаливъ отъ суда подкупы и произволъ, доказала свое внутреннее значеніе, подавъ хедиву такой примѣръ, которымъ онъ, какъ искусный политикъ, съумѣетъ воспользоваться».

Наконецъ третью группу писателей составляютъ тѣ, которые, относясь въ цѣломъ сочувственно къ судебной реформѣ, подвергаютъ ее однако критической оцѣнкѣ. *Бергруенъ* указываетъ на недостаточность европейскаго элемента въ судахъ. При ихъ теперешнемъ составѣ судьба рѣшеній будетъ часто зависѣть отъ голоса одного европейскаго судьи, что при условіяхъ восточной жизни и обстановки можетъ весьма пагубно отразиться на ходѣ правосудія. Новые кодексы, выработанные египетскимъ правительствомъ, столь неудовлетворительны, что грозятъ подорвать всю реформу. Это въ сущности компиляція изъ французскихъ законовъ, сдѣланная въ нѣсколько мѣсяцевъ лицомъ, совершенно незнакомымъ съ мусульманскимъ правомъ. Въ особенности же плохъ гражданскій кодексъ. Вообще было бы гораздо цѣлесообразнѣе, если-бы державы предоставили судамъ на первыхъ порахъ руководствоваться однимъ неписаннымъ правомъ (обычаями и справедливостью), къ которому имъ и безъ того, въ виду недостатковъ писаннаго права, придется прибѣгать безпрестанно, и затѣмъ позд-

нѣе, на основаніи уже опыта, добытаго новыми судами, созвали бы международную коммиссію, на которую и возложили бы составленіе новыхъ законовъ для этихъ судовъ. Какой важный шагъ былъ-бы сдѣланъ чрезъ это на пути международныхъ сношеній и цивилизаціи вообще! На исторической почвѣ Египта сходятся европейцы всѣхъ національностей: они вмѣстѣ съ жителями Востока судились бы тогда по общему, дѣйствительно международному, праву, возникшему изъ общихъ потребностей и соглашенія народовъ, которе прилагалось бы и судами международными, составленными изъ судей европейскихъ всѣхъ національностей и изъ юристовъ Востока. Это само-собою съ теченіемъ времени повлечетъ къ сближенію и объединенію Запада съ Востокомъ и во всѣхъ остальныхъ областяхъ права,—чѣмъ въ свою очередь болѣе всего укрѣпляются сношенія и миръ между народами.

Не меньшаго вниманія заслуживаютъ замѣчанія и *Дютріё*. Изучая, говоритъ онъ, судебную реформу въ Египтѣ, мы легко открываемъ слѣдующія ея особенности: 1) эта реформа не полна, временна и отмѣнима; 2) консульская юрисдикція остается въ силѣ въ тяжбахъ иностранцевъ одной и той же національности; 3) консульскіе суды продолжаютъ существовать также по дѣламъ уголовнымъ, когда обвиненіе возбуждается противъ ихъ соотечественниковъ либо туземцами, либо иностранцами другой національности; 4) наконецъ мѣстные суды вѣдаютъ уголовныя преслѣдованія противъ туземцевъ, возбуждаемыя иностранцами. Они сохраняютъ вполнѣ и юрисдикцію надъ туземцами въ ихъ взаимныхъ спорахъ. Что же получаемъ мы отсюда въ результатѣ? И послѣ введенія новыхъ судовъ въ Египтѣ продолжаютъ существовать не менѣе 19 юрисдикцій, различныхъ по своему устройству и законамъ, которые они прилагаютъ: 17 консульскихъ, мѣстная и смѣшанная. Тѣмъ не менѣе одинъ капитальный пунктъ достигнутъ реформою: приложеніе единообразныхъ законовъ ко всѣмъ торговымъ и гражданскимъ дѣламъ судами, въ которыхъ большинство состоитъ изъ европейцевъ. Благодаря этому обстоятельству иностранецъ-истецъ не долженъ теперь обращаться

въ дѣлахъ этого рода ни къ прежнимъ смѣшаннымъ судамъ, въ которыхъ преобладалъ элементъ туземный, ни къ консульскому суду отвѣтчика, а это подвергало его въ первомъ случаѣ опасности получить отказъ въ правосудіи и необходимости защищать свое право дипломатическими средствами чрезъ ходатайство консула; во второмъ—вступать въ долгій и тяжелый процессъ въ Египтѣ, чтобы потомъ, по его окончаніи, переносить съ большими издержками аппелляцію въ какую-либо инстанцію въ Европѣ. Относительно личнаго состава судовъ принято правило, чтобы въ аппелляціонной палатѣ засѣдали лишь члены, назначенные великими державами, а въ низшія инстанціи допущены также представителями второклассныхъ государствъ. По этому поводу Дютріе дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе, что нѣтъ основанія требовать, чтобы число иностранныхъ судей стояло въ соотношеніи съ ихъ соотечественниками, живущими въ Египтѣ. Новые суды призваны хорошимъ отправленіемъ правосудія оберегать права туземцевъ и иностранцевъ, а не служить проводниками политическихъ интересовъ той или иной державы. Поэтому, независимо отъ всякой пропорціональности, въ судьи должны избираться лишь лица свѣдующія и неподкупныя.

Дютріе порицаетъ отсутствіе кассаціонной инстанціи въ родѣ той, какую предлагала Каирская коммиссія. Теперешняя аппелляціонная палата, говоритъ онъ, будучи единою, пользуется излишними полномочіями [1]): она не находитъ себѣ ни противовѣса въ рѣшеніяхъ другой такой же палаты, ни нѣкотораго ограниченія въ самомъ законодательствѣ, часто темномъ и несовершенномъ; власть, единственно ее сдерживающая, это—дипломатическое дѣйствіе державъ. Онъ находитъ, что она похожа на международный совѣтъ, какъ будто по

---

[1]) По словамъ *Шарма* она присвоила себѣ не только судебную, но и дисциплинарную и административную власть надъ лицами судебнаго вѣдомства. Она захватила въ руки даже политическую власть, парализуя дѣйствіе египетскихъ законовъ. Все это ей удалось благодаря искусству и энергіи ея вице-предсѣдателя, представителя Австріи (г. Лапенна).

мысли нѣкоторыхъ державъ, она должна была служить не только правосудію, но и какой-то затаенной политической мысли дипломатіи. Рядомъ съ высшею кассаціонною инстанціею необходимо учредить и вторую аппелляціонную палату [1]). Во Франціи и въ Бельгіи, какъ извѣстно, кассаціонный судъ отсылаетъ рѣшенія, подвергнувшіяся его кассаціи, въ другую аппелляціонную палату, но это, при теперешнихъ порядкахъ, было бы невозможно въ Египтѣ. Въ толкованіе и дополненіе кодексовъ прибѣгать къ принципамъ естественнаго права и справедливости кажется для Дютріе опаснымъ: онъ находитъ цѣлесообразнѣе въ этихъ случаяхъ обращаться просто къ какому-либо опредѣленному тексту или извѣстному кодексу въ родѣ, напр., французскаго.

Наконецъ Дютріе настаиваетъ на расширеніи компетенціи новыхъ судовъ и на дѣла уголовныя. Это возможно какъ въ виду того большаго нравственнаго вліянія, которое они успѣли уже пріобрѣсти, такъ и плохой организаціи въ большинствѣ случаевъ консульскихъ судовъ. Консулы слишкомъ часто склонны видѣть въ соотечественникахъ своихъ кліентовъ, а при избраніи себѣ ассессоровъ или товарищей по судебной должности они нерѣдко руководятся болѣе чувствомъ личной симпатіи, чѣмъ достоинствомъ избираемыхъ ими лицъ. Помимо всего этого консулы часто не обладаютъ нужною подготовкою къ судебному званію. Много преступленій, совершенныхъ иностранцами, остаются безнаказанными, или виновные судятся и отбываютъ наказаніе не въ Египтѣ, а гдѣ-либо далеко въ чужихъ краяхъ.

Но если державы полагаютъ все еще опаснымъ расширить вѣдомство смѣшанныхъ судовъ, онѣ могли бы теперь же, по мнѣнію Дютріе, осуществить иную, менѣе радикальную, но практически не менѣе важную реформу: вмѣсто многочислен-

---

[1]) Шарм высказывается кромѣ того за учрежденіе суда о прекаціяхъ (tribunal des conflits) въ дѣлахъ: 1) административныхъ; 2) рѣшенныхъ туземными или 3) консульскими судами и вызвавшихъ споры между ними и аппелляціонною палатою.

ныхъ консульскихъ судовъ установить *одинъ международный судъ*, который сосредоточилъ бы въ своихъ рукахъ всю судебную власть этихъ судовъ по дѣламъ уголовнымъ и прилагалъ бы, съ согласія державъ, одни общіе для всѣхъ законы. Отношенія его къ территоріальной власти, которой было бы поручено матеріальное обезпеченіе его приговоровъ, оставались бы тѣ же самыя, какъ и отношенія этой власти къ отдѣльнымъ консульскимъ судамъ. На время можно было бы оставить за каждымъ консуломъ полную юрисдикцію надъ его соотечественниками. Этимъ былъ бы сдѣланъ важный шагъ впередъ въ правосудіи по всѣмъ дѣламъ: торговымъ, гражданскимъ и уголовнымъ.

Изъ приведенныхъ нами мнѣній видно, что большинство писателей одобряетъ въ принципѣ судебную реформу въ Египтѣ, находя систему консульскихъ судовъ устарѣвшею, нелогичною и не соотвѣтствующею требованіямъ хорошаго правосудія. Съ тѣмъ вмѣстѣ они высказываются и за продленіе существованія этихъ судовъ по истеченіи пробнаго пятилѣтняго срока, конечно подъ условіемъ введенія тѣхъ улучшеній, которыя, по указанію опыта, необходимы. Это приводитъ насъ къ новому, не лишенному интереса вопросу: можно-ли и при какихъ условіяхъ распространить систему смѣшанныхъ судовъ, подобныхъ египетскимъ, на остальныя страны Востока?

Безъименный авторъ одной статьи въ Journal de droit international privé [1]) разсматриваетъ этотъ вопросъ по отношенію къ Японіи. Онъ начинаетъ съ того, что подвергаетъ эти суды сильной критикѣ. Смѣшанные суды, говоритъ онъ, неизбѣжно приводятъ насъ къ слѣдующей дилеммѣ: или они зависятъ отъ мѣстнаго правительства и тогда не даютъ иностранцамъ тѣхъ гарантій, которыя мы отъ нихъ ищемъ, или, наоборотъ, они получаютъ независимый характеръ и тогда становятся государствомъ въ государствѣ. Судебное сословіе дѣлается могущественнѣе правительства. Это мы видимъ въ

[1]) L'exterritorialité et les tribunaux mixtes dans l'extrême Orient et particuliairement au Japon; 1875, p 169 et 249.

Египтѣ. Смѣшанные суды образуютъ тамъ свой особый независимый міръ. Они, можетъ быть, хорошо отправляютъ правосудіе, но никакія узы не соединяютъ ихъ ни съ правительствомъ, ни съ народомъ. Ревниво оберегая лишь свою самостоятельность, эти суды заботятся о торжествѣ Запада, а не о благоденствіи Египта. Силою вещей превосходство въ нихъ будетъ принадлежать элементу европейскому, т.-е. для страны чуждому [1]).

Относительно Японіи, продолжаетъ авторъ, должно замѣтить, что учрежденіе такихъ судовъ приведетъ ее неминуемо къ иностранному протекторату, и съ нею повторится то, что было съ Египтомъ: вмѣсто подчиненія иностранцевъ мѣстнымъ судамъ, туземцы будутъ подчинены судамъ иностраннымъ.

Вотъ почему принципъ капитуляцій менѣе опасенъ для ея верховенства, чѣмъ смѣшанные суды.

Однако, несмотря на все это, авторъ допускаетъ послѣдніе и для Японіи, но лишь по однимъ торговымъ дѣламъ, для которыхъ слѣдуетъ выработать международный кодексъ. Чисто гражданскіе иски возникаютъ пока еще рѣдко, а уголовная юрисдикція должна исключительно остаться въ рукахъ консуловъ, ибо нѣтъ возможности примирить два діаметрально-противоположныя воззрѣнія на обвиняемаго: наше, по которому онъ до приговора суда считается невиннымъ, и японское—въ силу коего каждый обвиненный виноватъ.

Такимъ образомъ, замѣчаетъ авторъ, каждый долженъ оставаться при своемъ и, не поступаясь самостоятельностію, встрѣчаться другъ съ другомъ лишь на нейтральной для обѣихъ сторонъ почвѣ: европейцы—при своихъ консулахъ; японцы при своихъ судьяхъ, и только торговыя дѣла будутъ подлежать вѣдѣнію смѣшанныхъ судовъ.

---

[1]) Этотъ упрекъ повторяетъ имъ и Шармъ. Аппелляціонная палата всемогуща. Это не судъ а политическое и законодательное собраніе, чрезъ посредство котораго 14 государствъ принявшихъ эту реформу вмѣшиваются во всѣ внутреннія дѣла Египта. Мы полагаемъ что авторъ преувеличиваетъ особенно въ виду его досады на то, что Германіи и Австріи удалось совершенно оттѣснить тамъ вліяніе Франціи и Англіи.

Мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ: во 1-хъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ европейцевъ живетъ мало и гдѣ образованность стоитъ на низкой элементарной степени,—сохраненіе капитуляцій необходимо, и консулы должны исключительно судить своихъ соотечественниковъ. Во 2-хъ, смѣшанные суды, подобные египетскимъ, представляютъ, сравнительно съ капитуляціями, второй важный шагъ въ дѣлѣ сближенія между народами, стоящими хотя на различныхъ ступеняхъ культуры, но поддерживающими оживленныя сношенія и желающими вступить въ экономическое и юридическое общеніе. Въ 3-хъ, для того, чтобы смѣшанные суды въ Египтѣ обратились изъ временныхъ въ постоянные и даже послужили образцами для подобныхъ же судовъ въ другихъ странахъ Востока, необходимы, по нашему мнѣнію, нѣкоторыя существенныя улучшенія въ ихъ устройствѣ и составѣ: они должны сдѣлаться вполнѣ международными въ томъ смыслѣ, что иностранные судьи должны не только оффиціозно представляться, но и прямо назначаться своимъ правительствомъ. Территоріальная же власть имѣетъ по отношенію къ нимъ только право на exequatur, т. е. соглашеніе въ той формѣ, которая донынѣ практикуется относительно консуловъ. Египетъ, какъ извѣстно, сильно противился введенію именно этого принципа, но онъ необходимъ въ видахъ полной независимости этихъ судей отъ территоріальныхъ властей.

Въ самомъ назначеніи судей участвуютъ въ равной степени всѣ цивилизованные народы, желающіе или заинтересованные въ этомъ. Нечего дѣлать различія между большими и малыми государствами или установлять пропорціональность между числомъ судей и подданныхъ извѣстнаго государства въ данной странѣ. Элементъ европейскій долженъ быть усиленъ въ смѣшанныхъ судахъ хотя на время, пока туземцы не достигнутъ болѣе серьезнаго знакомства съ правомъ въ теоріи и на практикѣ. По идеѣ смѣшанные суды должны быть въ равной степени независимы отъ происковъ иностранной дипломатіи и отъ давленія мѣстнаго правительства, только подъ этимъ условіемъ они будутъ проводниками европейской цивилизаціи на

Востокѣ, лучшимъ органомъ правосудія и сильнымъ средствомъ нравственнаго и юридическаго перевоспитанія мусульманскихъ и языческихъ народовъ.

Въ 4-хъ, въ руководство этимъ судамъ необходимо дать твердые, тщательно выработанные законы, начиная съ торговаго и гражданскаго и кончая уголовнымъ уложеніемъ. Лучше всего это важное дѣло поручить международной коммиссіи, составленной изъ опытнѣйшихъ законовѣдовъ Европы и Востока. Оставляя неприкосновенными великіе гуманные принципы, выработанные современнымъ правосудіемъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ, надо однако, на сколько возможно, поставить ихъ въ согласіе съ правосознаніемъ и житейскими потребностями восточныхъ народовъ. Задача—трудная, многосложная, но не невозможная—здѣсь состоитъ въ постепенномъ повышеніи нравственнаго міровоззрѣнія этихъ народовъ до уровня христіанско-европейской цивилизаціи.

Въ 5-хъ, юрисдикція этихъ судовъ должна идти все расширяясь, начиная съ самыхъ простыхъ торговыхъ сдѣлокъ обыденной жизни и кончая наиболѣе важными уголовными преступленіями. Подсудны имъ должны быть не только туземцы въ своихъ сношеніяхъ съ иностранцами, но и иностранцы одной или даже различной національности. Исключаются лишь дѣла между одними туземцами. Отправляется правосудіе отъ имени территоріальнаго правительства и тѣхъ союзныхъ державъ, которыя подписали съ нимъ договоръ о введеніи смѣшанныхъ судовъ. Рѣшенія и приговоры ихъ приводятся въ исполненіе особыми чиновниками, назначаемыми исключительно по усмотрѣнію судовъ.

Въ 6-хъ, мы вполнѣ согласны съ Дютріе въ томъ, что до введенія смѣшанныхъ судовъ желательно, чтобы цивилизованныя государства отказались на Востокѣ отъ особенныхъ, національныхъ консульскихъ судовъ и замѣнили ихъ общими, международными судами, въ которые по очереди и по ровну назначали-бы опытныхъ юристовъ (а не простыхъ чиновниковъ, какими являются большинство консуловъ), знакомыхъ кромѣ того съ своеобразною жизнью и цивилизаціею Востока.

Наконецъ. въ 7-хъ, со временемъ, хотя и въ отдаленномъ будущемъ, смѣшанные суды должны уступить мѣсто судамъ обыкновеннымъ, когда они совершатъ свою миссію,—водворятъ на почвѣ Востока уваженіе къ человѣческой личности и къ закону и выработаютъ въ области права сродство между всѣми народами земнаго шара.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Формы третейскаго разбирательства

ГЛАВА III.

О СМѢШАННЫХЪ КОММИССІЯХЪ.

Ихъ предметы, способъ учрежденія и составъ.—Порядокъ дѣлопроизводства.—Рѣшеніе.

Мы обращаемся къ учрежденію, которое во многихъ отношеніяхъ, стоитъ на рубежѣ между органами дипломатіи и судебными установленіями; мы говоримъ *о смѣшанныхъ коммиссіяхъ*. До сихъ поръ дипломатическій элементъ въ нихъ преобладаетъ, но мы думаемъ, что, въ виду ихъ чисто судебнаго назначенія, юридическій элементъ долженъ со временемъ получить въ нихъ первенствующее мѣсто. Во всякомъ случаѣ намъ слѣдуетъ ближе ознакомиться съ ихъ устройствомъ и дѣятельностью, потому что, подобно смѣшаннымъ судамъ въ Египтѣ, онѣ даютъ намъ много указаній и намековъ по главному занимающему насъ вопросу—о международномъ судѣ. Смѣшанныя коммиссіи не составляютъ исключительно явленія новаго времени: мы встрѣчаемъ ихъ уже въ нѣкоторыхъ актахъ XIV стол. [1]). Въ эти отдаленныя эпохи онѣ выступаютъ съ характеромъ, отчасти присущимъ имъ и въ наше время: какъ нѣкоторая инстанція по дѣламъ о призахъ, когда противозаконная конфискація кораблей во время перемирія вызывала споры между сторонами. Однако въ слѣдующій періодъ ожесточенныхъ меркантильныхъ войнъ онѣ исчезаютъ и по-

---

[1]) Напр., въ трактатѣ 1310 г. между Германскою имперіею и Франціею.

являются вновь съ половины XVIII стол., когда сношенія между государствами получаютъ болѣе постоянный и мирный характеръ. Еще болѣе употребительными становятся онѣ въ нашемъ столѣтіи, но въ Европѣ онѣ носятъ характеръ вполнѣ административный, и задачи имъ поставляемыя суть техническія, спеціальныя, при рѣшеніи которыхъ праву почти нѣтъ дѣла [1]). Сколько такихъ смѣшанныхъ или международныхъ коммиссій учреждено въ силу Берлинскаго конгресса 1878 г.!

Двумъ смѣшаннымъ же коммиссіямъ—одной изъ представителей великихъ державъ и Турціи, другой изъ делегатовъ придунайскихъ государствъ — порученъ въ силу парижскаго трактата [2]) надзоръ за свободой судоходства по Дунаю.

Намъ нечего останавливаться на такого рода коммиссіяхъ: насъ интересуютъ тѣ изъ нихъ. которыя отличались своимъ болѣе или менѣе *судебнымъ характеромъ*. Здѣсь для насъ важны *коммиссіи американскія*, т.-е. тѣ, которыя учреждались Соединенными Штатами въ ихъ договорахъ почти со всѣми американскими государствами и съ нѣкоторыми странами Европы, чаще всего съ Англіею.

Трактаты эти проходятъ чрезъ всю исторію Штатовъ, но наиболѣе важные изъ нихъ тѣ, которые заключены въ послѣднее двадцатилѣтіе. Вмѣсто прежнихъ самыхъ общихъ и краткихъ указаній на смѣшанныя коммиссіи, мы находимъ въ нихъ все болѣе и болѣе точныя и полныя свѣдѣнія объ устройствѣ и дѣятельности этихъ коммиссій, причемъ нельзя не замѣтить усовершенствованія всего этого учрежденія.

---

[1]) Судебною инстанціею, конечно весьма несовершенною, является смѣшанная, центральная коммиссія въ Маннгеймѣ, въ которую, по договору 17 окт. 1868 г. между Голландіею, Пруссіею, Гессеномъ, Баваріею, Баденомъ и Франціею, сторона, проигравшая свое дѣло въ первой инстанціи судовъ (оберегающихъ судоходство по Рейну), можетъ, по своему усмотрѣнію, перенести аппелляцію вмѣсто внесенія ея во вторую инстанцію. Критику этихъ порядковъ см. у *Godefroi* «Les tribunaux pour la navigation du Rhein» въ «*Revue de droit intern.*» 1869, p. 494. О коммиссіяхъ созванныхъ въ силу акта Вѣнскаго конгресса упоминаетъ *Martens*. Précis du dr. des Gens; L. VI, § 176.

[2]) Ст. 16 и 17.

Таковы конвенціи Соединенныхъ Штатовъ съ Новою Гренадой 10 сент. 1857 г., продолженная потомъ съ Колумбіею (10 февр. 1864 г.) [1];—съ Парагваемъ 4 февр. 1859 [2];—съ Коста-Рикой 2 іюля 1860 [3]; — съ Экуадоромъ 25 ноября 1862 [4];—съ Перу 12 янв. 1863 [5] и 4 дек. 1868 [6];—съ Венецуэлой 25 апр. 1866 [7];—съ Мексикой 4 іюля 1868 [8];—съ Испаніею 12 февр. 1871 [9] и знаменитый Вашингтонскій договоръ съ Англіею 8 мая 1871 г. [10].

По мысли этихъ трактатовъ, смѣшанныя коммиссіи являются до нѣкоторой степени дополнительною юридическою инстанціею то къ обыкновеннымъ судамъ, то къ дипломатіи. Къ судамъ—въ томъ отношеніи, если дѣло идетъ просто о жалобахъ частныхъ лицъ; къ дипломатіи скорѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда споры касаются болѣе непосредственно самихъ государствъ. Юридическою же инстанціею онѣ представляются намъ главнымъ образомъ потому, что въ нихъ допускается нейтральный элементъ, который долженъ, на подобіе третейскаго судьи, уравновѣшивать и примирять воззрѣнія заинтересованныхъ сторонъ, если онѣ сами не могутъ достигнуть соглашенія, и при этомъ руководствоваться даже принципами права, хотя болѣе неписаннаго и естественнаго, чѣмъ положительнаго. На

---

[1]) Мы пользовались превосходнымъ изданіемъ трактатовъ Соединенныхъ Штатовъ, сдѣланнымъ *Банкрофтомъ Девисомъ* (Bancroft Davis): Treaties and conventions concluded between the United States of America and other Powers since July 4. 1776 г. Второе, просмотрѣнное изд. 1873. Для краткости мы будемъ обозначать его просто *Davis*. Назв. конв. стр. 193 и 195.

[2]) Тамъ-же, стр. 653.

[3]) Тамъ-же, стр. 202.

[4]) Стр. 238.

[5]) Стр. 693

[6]) Стр 695.

[7]) Стр. 895.

[8]) Стр 581.

[9]) Стр. 921.

[10]) Стр. 413.

этомъ основаніи мы видимъ въ смѣшанныхъ коммиссіяхъ, такъ устроенныхъ, своеобразную, но очень еще несовершенную, форму третейскаго суда. Очевидно, она можетъ получить въ будущемъ значительныя усовершенствованія относительно устройства и особенно тѣхъ принциповъ, которые должны ею управлять. Тогда, преобразившись вполнѣ въ юридическую инстанцію, смѣшанныя коммиссіи могутъ оказать для охраненія мира самыя благодѣтельныя услуги.

Постараемся-же, на основаніи вышеуказанныхъ трактатовъ, дать себѣ отчетъ объ ихъ современной дѣятельности.

I.

Поводы созванія смѣшанныхъ коммиссій могутъ быть подведены подъ двѣ главныя категоріи: споры о границахъ и жалобы (claims) частныхъ лицъ или компаній одного государства противъ частныхъ же лицъ, компаній или даже противъ правительства другаго, вызванныя незаконными дѣяніями противъ ихъ лицъ или имущества. Эти поводы не имѣютъ большаго политическаго значенія, но они все-таки важны для поддержанія добрыхъ сношеній между государствами и особенно жалобы втораго рода препятствуютъ правильному развитію гражданскаго оборота. Поводы къ учрежденію.

Подъ *спорами о границахъ* слѣдуетъ разумѣть не споры о цѣлыхъ областяхъ, а о тѣхъ или иныхъ пограничныхъ линіяхъ и небольшихъ участкахъ, которые вслѣдствіе неясности трактатовъ приписываются себѣ обѣими сторонами. Такъ въ силу договора 1794 г. (такъ называемаго договора Джея) между С. Штатами и Англіею коммиссіи было поручено опредѣлить, что такое рѣка Сен-Круа, образующая въ силу Версальскаго мира 1783 г. сѣверо-восточную границу между Штатами и англійскими колоніями [1]).

Но этимъ споры о пограничной линіи между обѣими сторонами не прекратились. Въ Гентскомъ договорѣ (24 дек.

[1]) *Davis*, p. 321 и 334.

1814 г.) говорится снова о созваніи трехъ смѣшанныхъ коммиссій для этого дѣла. Изъ нихъ одна [1]) не могла придти ни къ какому результату. Коммиссары подали своимъ правительствамъ отдѣльныя мнѣнія. Вопросъ этотъ, получившій потомъ извѣстность подъ именемъ «вопроса о сѣверо-восточной границѣ» (the Northeastern-Boundary-Question), былъ предложенъ въ 1827 г. на третейское разбирательство нидерландскаго короля и вполнѣ разрѣшенъ только въ договорѣ 1842 г., установившемъ современную пограничную линію.

Примѣръ этой коммиссіи, засѣдавшей въ St. Andrews, показываетъ наглядно всю недостаточность назначенія коммиссаровъ однѣми заинтересованными сторонами. Присутствіе въ нихъ нейтральныхъ представителей дѣлаетъ ихъ обсужденія болѣе безпристрастными и скорѣе обезпечиваетъ хорошій исходъ дѣла. Смѣшанной же коммиссіи поручено С. Штатами и Англіею по договору 1 іюля 1863 г. разсмотрѣть ихъ споръ о территоріи, окружающей заливъ Puget. Эта коммиссія постановила 10 сент. 1869 г. свое рѣшеніе, не прибѣгнувъ даже къ общему посреднику [2]). Одинъ изъ новѣйшихъ примѣровъ въ Европѣ созванія смѣшанной коммиссіи для окончанія пограничныхъ споровъ представляютъ намъ Италія и Швейцарія, заключившія въ Бернѣ 31 дек. 1873 г. компромиссъ о томъ, чтобы такая коммиссія, собравшись въ Миланѣ, опредѣлила окончательно границу между италіянскою и швейцарскою территоріею, въ кантонѣ Тессинѣ, въ такъ наз. Краваирольскихъ Альпахъ (Alpi di Cravairola). Препирательства объ этомъ шли нѣсколько столѣтій. Споръ рѣшенъ 23 сент. 1874 г. въ пользу Италіи [3]).

Что касается до *жалобъ* второй категоріи, *приносимыхъ частными лицами*, то онѣ встрѣчаются весьма часто и до-

---

[1]) Она должна была, въ силу 5-й ст. Гентскаго договора, опредѣлить и провести пограничную линію отъ истока рѣки Сен-Круа до св. Лаврентія по 45°. Подробности объ этомъ спорѣ см. *Davis*, p. 1022.

[2]) *Calvo*, II, 557.

[3]) «Revue»; 1875, p 134.

стигаютъ иногда почтенныхъ суммъ. Справедливое рѣшеніе ихъ очень важно въ виду громаднаго развитія въ наше время торговыхъ сношеній разнаго рода. Коммиссія, созванная въ Вашингтонѣ по конвенціи С. Штатовъ съ Мексикой 4 іюля 1868 г., должна была разобрать жалобы, возникшія со времени Гваделупъ-Гидальгскаго мира 1848 г.: американскія— до 1017 на громадную сумму 500 милл. долларовъ, и мексиканскія—958—на 83,972,819 [1]).

По конвенціи С. Штатовъ съ Испаніею 12 февраля 1871 г. была созвана коммиссія также въ Вашингтонѣ для разсмотрѣнія жалобъ, возникшихъ со времени послѣдняго возстанія на островѣ Кубѣ, т.-е. съ 1 окт. 1868 г. По поводу ихъ между сторонами велась продолжительная переписка, вызвавшая не малое раздраженіе. Предъявленныя жалобы (числомъ 365) достигали 31,813,053 долларовъ [2]).

Но особенную знаменитость и въ Европѣ пріобрѣла коммиссія, которая засѣдала въ Вашингтонѣ въ силу 12 ст. Вашингтонскаго договора 8 мая 1871 г. Она должна была разобрать жалобы англійскихъ подданныхъ на правительство С. Штатовъ и, наоборотъ, жалобы американскихъ гражданъ на англійское правительство, за противозаконныя дѣйствія противъ ихъ лицъ и имуществъ, совершенныя отъ 13 апрѣля 1861 до 9 апрѣля 1865 г. [3]). Она открыла свои засѣданія по рѣшеніи алабамскаго спора женевскимъ судомъ. Ей было предъявлено со стороны Англіи 478 жалобъ, а со стороны С. Штатовъ 19 [4]). Она окончила свои дѣла 25 сент. 1873 г. [5]), присудивъ послѣдніе къ уплатѣ 1.929,819 долл. золотомъ за несправедливыя рѣшенія американскихъ судовъ относительно

---

[1]) *Davis*, p. 581. Ср. „Archives de dr. international“, 1874; p. 109.

[2]) Объ этой коммиссіи ср. ст. Matile et Montluc въ „Revue de dr. intern.“ 1875; p. 57. Она выработала для себя особый уставъ о порядкѣ дѣлопроизводства, напечатанный въ „Archives de dr. intern.“ ib. p 114.

[3]) Вашингтонскій договоръ, ст. XII—XVII.

[4]) Подробный списокъ этихъ жалобъ см. въ Papers relating to the treaty of Washington. VI, 180—217.

[5]) Ея рѣшеніе—тамъ-же, стр. 229.

призовъ отнятыхъ у Англичанъ. Этотъ примѣръ самъ по себѣ заслуживаетъ полнаго вниманія: служа лучшею критикою неудовлетворительнаго состоянія призоваго судоустройства, онъ, по мнѣнію Геснера, показываетъ, что «осуществленіе научныхъ принциповъ въ постепенномъ введеніи международныхъ призовыхъ совѣтовъ есть дѣло возможное» [1]). Но къ сожалѣнію эта коммиссія на практикѣ оказалась гораздо ниже своего призванія. Она подтвердила большинство рѣшеній американскихъ судовъ и между ними даже такія, которыя были вопіющимъ нарушеніемъ международнаго права [2]). Болѣе всего обезславила она себя приговоромъ по дѣлу англійскаго корабля Спрингбока и этимъ какъ бы дала санкцію несправедливой теоріи англо-американскихъ публицистовъ о «непрерывности путешествія» (the doctrine of continuous voyage) въ вопросахъ о нарушеніи блокады—теоріи, получившей особое широкое примѣненіе во время послѣдней междуусобной войны въ Америкѣ [3]).

По конвенціи 15 января 1880 г. между Франціею и С. Штатами, смѣшанной же коммиссіи (всего изъ 3 членовъ) поручено разсмотрѣніе жалобъ и претензій какъ французскихъ подданныхъ, потерпѣвшихъ во время американской междуусобной войны, такъ и американскихъ гражданъ, потерпѣвшихъ отъ франко-прусской войны, дѣйствій парижской коммуны, а также отъ войны между Франціею и Мексикою [4]).

---

[1]) Ср. его статью: Les grandes puissances et la réforme du droit international maritime въ „Revue"; 1878 г., p. 489.

[2]) *Gessner*. Kriegführende und neutrale Mächte. 1877, S. 56.

[3]) Дѣло о Спрингбокѣ весьма подробно и хорошо со стороны фактовъ и права изложено *Геснеромъ* въ его монографіи „Zur Reform des Kriegs-Seerechts" 1875, стр. 20 и 30 (напечатанной также въ извлеченіи въ „Revue", 1875; p. 236). „Дѣло о Спрингбокѣ, заключаетъ авторъ, до очевидности показываетъ, что въ морской войнѣ господствуетъ даже въ наше время, по отношенію къ нейтральнымъ, не право, а безграничный произволъ".

[4]) См. подробности у *Рено* въ „Revue de droit intern." 1880, p. 457. Эта конвенція почти во всемъ воспроизводитъ постановленія выше названныхъ нами конвенцій англо-американскихъ.

II.

Способъ учрежденія и составъ.

Коммиссіи учреждаются не иначе, какъ по добровольному соглашенію сторонъ, причемъ въ предварительной конвенціи стороны опредѣляютъ какъ предметъ спора, такъ и порядокъ дѣлопроизводства и рѣшенія. Жалобы частныхъ лицъ могутъ поступать на разсмотрѣніе смѣшанныхъ коммиссій лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда истцы напрасно истощили всѣ законныя средства предъ отечественными судами отвѣтчиковъ [1]).

Члены коммиссій, коммиссары (commissioners) назначаются верховною властью: въ С. Штатахъ президентомъ съ вѣдома и согласія сената. Назначаютъ ихъ обыкновенно въ нечетномъ числѣ: чаще всего 3, иногда 5 [2]). Каждая сторона выбираетъ одинаковое ихъ число: по одному или по два [3]).

Эти коммиссары выбираютъ затѣмъ одного общаго посредника (sur—arbitre, umpire), причемъ практика указываетъ на различные пріемы: рѣдко конвенціи умалчиваютъ совершенно о способѣ его избранія [4]); иногда, если коммиссары не согласятся между собою въ выборѣ, они назначаютъ (каждая сторона) по одному лицу и затѣмъ жребій рѣшаетъ либо кому изъ нихъ быть посредникомъ вообще, либо же по каждому отдѣльному случаю, который вызоветъ несогласіе между коммиссарами [5]). Обыкновенно посредникъ обозначается просто какъ «третье лицо» [6]), но иногда говорится прямо, чтобъ онъ

---

[1]) Это было признано лондонскою коммиссіею, засѣдавшею въ силу 7 ст. договора 1794, и Вашингтонскою, учрежденною трактатомъ 1871 г.

[2]) Договоръ 1794; Англія—С. Шт. (ст. 6 и 7) и конв. 1863.—Конвенціи С. Шт. съ Мексикой, 1839 и съ Экуадоромъ, 1862.

[3]) Въ Бернской конв. между Ит. и Швейцар. 1873 г. сказано: каждая сторона назначаетъ по одному коммиссару съ *одобренія* другой (Qui devra être agrée par l'autre partie, ст. 3).

[4]) Конв. 1863, С. Штаты—Перу (ст. 2).—1871, С. Шт.—Испанія.

[5]) Конв. С. Шт. съ Англіею 1853; съ Перу 1868 и того же года съ Мексикой.

[6]) Въ Вашингтонской коммиссіи по конв. 1868 г. между С. Шт. и Мексикой общій посредникъ былъ Либеръ, а по его смерти Thornton.

былъ выбранъ изъ гражданъ третьяго нейтральнаго государства [1]), и это болѣе соотвѣтствуетъ идеѣ третейскаго разбирательства. Въ новѣйшихъ конвенціяхъ выборъ общаго посредника предоставляется нейтральному государю или его дипломатическому агенту, аккредитованному при одной изъ договаривающихся сторонъ [2]). Этотъ путь намъ кажется самый вѣрный, съ оговоркою только, чтобы выборъ, какъ мы сейчасъ замѣтили, падалъ на подданнаго третьей страны.

При коммиссіяхъ правительства назначаютъ своихъ спеціальныхъ *агентовъ* (counsel or agent), обыкновенно по одному съ каждой стороны [3]). Они обязаны «содѣйствовать коммиссарамъ, представлять и поддерживать претензіи своего правительства, возражать на жалобы противника и вообще являться представителями своего государства по изслѣдованію и рѣшенію всѣхъ предлежащихъ споровъ» [4]).

---

[1]) The commissioners shall name some third person of some third nation to act as an Arbitrator or Umpire. Конв 1868. С. Шт.—Перу. Въ коммиссіи созванной по 12 ст Вашингтонскаго дог. 1871 г общимъ посредникомъ былъ гр. Кортн, италіянскій посланникъ въ Вашингтонѣ, весьма мало свѣдущій, какъ говорили, по вопросамъ морскаго права. По Бернской конв. Ит.—Швейц. общій посредникъ избирается коммиссарами, но съ прямою оговоркою, чтобы онъ не былъ ни италіянскій, ни швейцарскій гражданинъ. Вслѣдствіе этого былъ выбранъ Perkins Marsh,—представитель С. Шт. при итальянскомъ дворѣ.

[2]) Напр., королю Италіи по конв. 1863, С. Шт.—Англія;—королю Пруссіи, а въ случаѣ его отказа королю Англіи, а если и онъ откажетъ отъ себя это—королю Нидерландъ по конв. 1839, С. Шт.—Мексика; дипломатическимъ представителямъ Россіи и Пруссіи въ Вашингтонѣ по конв. 1859 С. Шт.—Парагвай; Англіи въ Кито или другому какому-либо дипломатическому лицу, котораго стороны пожелаютъ пригласить; конв. 1862 С. Шт —Экуадоръ;—Бельгіи въ Вашингтонѣ съ тою же оговоркою, конв. 1860. С. Шт.—Коста-Рика;—Пруссіи въ Вашингтонѣ же конв. 1857. С. Шт.—Новая Гранада;—Испаніи тамъ-же по Вашингтонскому дог. 8 мая 1871; Бразиліи по конв. 1880 между Франціею и С. Штатами и т. д.

[3]) Иногда кромѣ агентовъ правительства назначаютъ еще совѣтниковъ.

[4]) Конв. 1853 С. Шт.—Англія. Въ конв. 1871 С. Шт.—Испанія эти агенты называются адвокатами.

Комиссары избираютъ себѣ секретаря (clerk) или другихъ лицъ въ видахъ облегченія дѣлопроизводства. Секретари ведутъ протоколы всѣмъ засѣданіямъ.

III.

Порядокъ дѣлопроизводства.

О порядкѣ дѣлопроизводства мы находимъ правила болѣе подробныя и точныя по мѣрѣ того, какъ приближаемся къ нашему времени.

Прежніе договоры едва упоминаютъ о нихъ, но особенно интересны въ этомъ отношеніи конвенціи С. Штатовъ съ Перу (1868), Мексикой (1868) и Испаніей (1871). Государства въ этихъ договорахъ начинаютъ съ того, что опредѣляютъ городъ, въ которомъ, и срокъ когда коммиссія должна собраться [1]). До приступленія къ какому бы то ни было дѣлу, коммиссары въ общемъ собраніи приносятъ присягу или дѣлаютъ и подписываютъ заявленіе (declaration), что они обязываются: «по своему крайнему разумѣнію разбирать и рѣшать всѣ предъявляемые имъ споры, тщательно и безпристрастно, согласно съ публичнымъ правомъ (public law), внутреннею справедливостію (equity). безъ страха, благопріятства или расположенія къ собственной странѣ» [2]). Эта клятва произносится предъ верховнымъ судомъ, или вообще предъ какимъ-либо судьей, или же предъ иною компетентною властью [3]). Слова присяги или декларації заносятся въ протоколъ.

---

[1]) Чаще всего въ теченіи 3 мѣсяцевъ со дня утвержденія конвенціи. Но встрѣчаются и иные сроки: 4 мѣсяца по конвенціи С. Штатовъ съ Венецуэлой 1866; 6 мѣс. по конв. 1868 съ Мексикой; даже одинъ мѣсяцъ со времени назначенія коммиссіи по конв. 1871 съ Испаніею и 1 годъ по конв. 1863 съ Англіею.

[2]) Конв. С. Шт. съ Мексикой 1868.—Въ договорѣ Джея 1794 мы находимъ подлинныя слова присяги для коммиссаровъ въ 6 ст.

[3]) Before the most Excellent Supreme Court въ конв. 1863 С. Шт. съ Перу;—before some judge of the U. S. въ конв. 1859 съ Парагваемъ; before a competent authority въ конв. 1860 съ Коста-Рикой.

Затѣмъ коммиссары приступаютъ немедленно къ избранію общаго посредника, который также приводится къ присягѣ, записываемой въ протоколъ.

Выше мы замѣтили, что компромиссъ (конвенція, учреждающая коммиссію) опредѣляетъ городъ, въ которомъ коммиссары должны собраться. Съ американской стороны для этого чаще всего избирали Вашингтонъ. Но это правило не абсолютно: въ нѣкоторыхъ прежнихъ конвенціяхъ (С Штатовъ съ Англіею) мы находимъ весьма рацiональную оговорку, что «коммиссарамъ, по ихъ благоусмотрѣнію. предоставляется возможность перенести свое пребываніе въ другое или другія мѣста» [1]). Эта оговорка необходима въ виду непредвидѣнныхъ обстоятельствъ: эпидеміи, возстанія и т. д. Коммиссіямъ указываютъ не только мѣсто, но и срокъ ихъ дѣйствій. При общей медленности третейскаго разбирательства и массѣ накопляющихся иногда жалобъ, опредѣленіе срока нельзя не признать цѣлесообразнымъ, лишь бы это не дѣлалось въ ущербъ правосудію. Мы находимъ сроки въ 18 мѣсяцевъ, 12, 9 и 6. Это обыкновенные. Наименьшій срокъ 3 мѣсяца [2]), а наибольшій $2^1/_2$ года [3]). Но если по истеченіи срока, предоставленнаго коммиссіи, нѣкоторыя дѣла останутся еще нерѣшенными предъ общимъ посредникомъ, для окончанія ихъ ему дается иногда дополнительный, 30-дневный срокъ [4]). Всѣ эти различія въ срокахъ легко объясняются, конечно, множествомъ или важностію дѣлъ, подлежащихъ разбирательству.

Вакансія, могущая открыться во время засѣданій, по отно-

---

[1]) Договоръ Джея 1794 (ст 5 и 6). Договоръ 1814: The commissioners shall have power to adjourn to such other place, or places as they shall think fit.

[2]) Конв. 1859 между С. Шт. и Парагваемъ. Послѣ этого срока коммиссія должна была избрать общаго посредника

[3]) Конв. 1868 С. Шт. съ Мексикой. Но потомъ въ 1871 этотъ срокъ былъ увеличенъ на 1 годъ, а въ 1872 еще на два.

[4]) Это опредѣленіе встрѣчается далеко не вездѣ· одинъ разъ (по конв. С Шт. съ Коста-Рикой 1860) общему посреднику данъ 60-ти-дневный, добавочный срокъ.

шенію-ли къ коммиссарамъ, или по отношенію къ общему посреднику, восполняется немедленно тѣмъ же способомъ, какимъ было назначено лицо выбывшее. Случаи вакансій по конвенціямъ суть [1]): смерть, отсутствіе, неспособность, уклоненіе отъ принятой на себя обязанности или совершенное неисполненіе ея. Въ послѣднихъ случаяхъ произвольнаго невыполненія (omitting, declining и ceasing), мы не видимъ, чтобы конвенціи назначали для виновныхъ какое-либо наказаніе или пеню. Это желательно однако въ видахъ устраненія произвола какъ коммиссаровъ, такъ и посредниковъ: разъ обязавшись предъ сторонами рѣшить ихъ споръ, они очевидно, даже въ юридическомъ отношеніи, не должны уклоняться отъ своего дѣла, и развѣ болѣзни и самыя серьезныя обстоятельства могутъ быть приняты уважительными для этого причинами. Но говоря объ отвѣтственности, мы само собою разумѣемъ отвѣтственность гражданскую.

Коммиссіямъ предоставляется довольно широкая внутренняя автономія. Коммиссары обязаны разсматривать дѣла вмѣстѣ, но «въ такомъ порядкѣ и такимъ образомъ, какъ они считаютъ это цѣлесообразнымъ». Основаніемъ для ихъ сужденія служатъ различные документы, акты, сдѣлки и т. п., которые представляются сторонами не иначе, какъ чрезъ посредство ихъ правительства. О времени и способѣ предъявленія этихъ доказательствъ коммиссіи сами публикуютъ во всеобщее свѣдѣніе, причемъ однако требуется, чтобы сторонамъ данъ былъ достаточный срокъ [2]). Правительства обязаны, по требованію кого-либо изъ коммиссаровъ, доставлять документы, находящіеся въ ихъ рукахъ и необходимые для вѣрной оцѣнки разбираемыхъ дѣлъ [3]). Впрочемъ коммиссіи пользуются не одними письменными документами, но и могутъ, если нуж-

---

[1]) Мы встрѣчаемъ въ нихъ постоянно стереотипную фразу: «In the event of the death, absence, or incapacity of such persons or of their omitting or declining, or ceasing to act as such...» и т. п.

[2]) См. въ особенности конв. С. Шт. съ Испаніею 1871.

[3]) Конв. С Шт. съ Перу 1863.

но, выслушивать по одному свидѣтелю [1]) съ каждой стороны по каждому отдѣльному дѣлу. Онѣ рѣшаютъ какъ вопросъ о правѣ, такъ и вопросъ о фактѣ, т. е. признаютъ справедливость жалобъ и сумму слѣдуемыхъ отсюда вознагражденій [2]). Заслуживаютъ вниманія постановленія конвенціи 1871 г. между С. Штатами и Испаніею. Коммиссіи предоставляется право пересмотра (review) такихъ рѣшеній судовъ острова Кубы, касательно гражданъ С. Штатовъ, которыя приняты въ отсутствіе заинтересованныхъ сторонъ, или вопреки международному праву или же гарантій и формъ (судопроизводства), установленныхъ между Штатами и Испаніею въ договорѣ 27 окт. 1795 г. «Коммиссія не только пересматриваетъ такія рѣшенія, но и дѣлаетъ свои постановленія, по скольку они кажутся ей справедливыми».

Наименѣе удовлетворительными слѣдуетъ признать постановленія трактатовъ о тѣхъ *принципахъ*, которыми коммиссіи должны руководиться при разбирательствѣ дѣлъ и постановкѣ рѣшеній. Эти принципы обозначаются очень широкими и неопредѣленными терминами и, кромѣ того, перечисляются далеко не одинаково въ различныхъ трактатахъ. Послѣ общихъ предписаній, чтобы коммиссары относились къ своему дѣлу «со тщаніемъ и безпристрастіемъ», не поддаваясь какимъ-либо чувствамъ «страха, пріязни къ лицамъ или даже къ отечеству» (въ чемъ они, какъ мы видѣли, обязываются клятвенно), конвенціи чаще всего требуютъ, чтобы коммиссары разбирали «по справедливости и внутренней правдѣ» (according to justice and equity). Въ новѣйшее время къ этимъ понятіямъ прибавляютъ то «публичное право» вообще [3]), то «право международное» [4]), въ совокупности «съ трактатами, суще-

[1]) Въ качествѣ Counsel or Agent своего правительства.

[2]) Конв. 1839 С. Шт.—Мексика.

[3]) According to public law, justice and equity (конв. 1868. С. Шт.—Мексика).

[4]) According to the principles of justice, the law of nations and the stipulations of the treaty of amity and commerce between the United States and Mexico of the 5 April 1831 (конв 1839. С. Шт.—Мексика). Laws of nations упоминаются еще въ 7 ст. договора Джея 1794. Въ конв. съ Перу 1863 говорится о «principles of international law», и т. д.

ствующими между сторонами вообще» [1]), или только вмѣстѣ съ «извѣстнымъ, опредѣленнымъ трактатомъ», на который въ такихъ случаяхъ и указывается. Обязанность коммиссаровъ сообразоваться съ этими началами заносится въ декларацію, которая подписывается ими при вступленіи въ должность. Въ 6 ст. договора Джея мы находимъ еще одну, весьма разумную оговорку: коммиссары обязуются клятвенно воздержаться отъ выполненія своихъ обязанностей во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они будутъ лично заинтересованы.

Для каждаго ясно, какъ недостаточно указанное перечисленіе началъ, которыми должны руководиться коммиссары. Понятія о справедливости, объ aequitas, бываютъ не одинаковы не только у различныхъ народовъ, но и у отдѣльныхъ лицъ одного и того же народа. Смотря по своей внутренней природѣ, или иногда по степени своего развитія, при обсужденіи одного и того же дѣла, люди даютъ перевѣсъ то строгому, формальному праву, то внутренней правдѣ. Согласить возникающія отсюда противорѣчія — весьма трудно. Столь же недостаточны ссылки на «публичное право», «международное» или «договорныя обязательства» (treaty stipulations). По неопредѣленному характеру и широкому объему этихъ понятій, — для толкованія открывается громадный просторъ и произволъ.

Сила нашихъ замѣчаній не ослабляется тѣмъ, что коммиссары должны руководиться не только этими началами, но (можно сказать главнымъ образомъ) условіями компромисса, заключеннаго между сторонами. Это ограничиваетъ, но не уничтожаетъ, возможность произвола съ ихъ стороны. Вотъ почему намъ кажется весьма раціональнымъ само по себѣ предписаніе знаменитой 6 ст. Вашингтонскаго договора 1871 г., чтобы третейскіе судьи руководились напередъ опредѣленными принципами. Вообще развитіе судебной практики въ

---

[1]) Въ конв. съ Перу 1863: and treaty stipulations; въ конв. съ Испаніею 1871: according public law and the treaties in force between the two countries and these present stipulations.

международныхъ дѣлахъ должно идти объ руку съ законодательною дѣятельностью государствъ въ этой области.

Всѣмъ своимъ засѣданіямъ коммиссары ведутъ подробные и точные протоколы, которые они потомъ представляютъ правительствамъ вмѣстѣ съ своими рѣшеніями.

IV.

Рѣшеніе

Разбирая дѣла вмѣстѣ, коммиссары обязаны и вмѣстѣ постановлять рѣшенія либо единогласно, либо большинствомъ (напр., 3 голосовъ изъ 5). Во всѣхъ разногласіяхъ они обращаются къ общему посреднику, который, разсмотрѣвъ доказательства, приводимыя въ пользу и противъ спорнаго дѣла, и выслушавъ, если нужно, по одному свидѣтелю съ каждой стороны, кладетъ рѣшеніе окончательное и безаппелляціонное [1]). Эти рѣшенія какъ коммиссаровъ, такъ и посредниковъ излагаются письменно по каждому дѣлу и скрѣпляются подписью всѣхъ членовъ. Они признаются правительствами вообще окончательными [2]); на нихъ не только нѣтъ аппелляціи, но и во многихъ конвенціяхъ прямо говорится, что коммиссіи призываются для рѣшенія всѣхъ существующихъ ко времени ихъ открытія споровъ между сторонами. Затѣмъ жалобы, не предъявленныя въ назначенный для коммиссіи срокъ, считаются правительствами недѣйствительными [3]). Государства, учреждая коммиссіи, обыкновенно «торжественно и искренно» обязываются привести ихъ въ исполненіе. Въ нѣ-

---

[1]) Роль общаго посредника, какъ дополнительная къ дѣятельности коммиссаровъ, ясно очерчена въ Бернской конв. Ит.—Швейц.: «онъ приметъ участіе въ совѣщаніяхъ коммиссаровъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они формально выразятъ невозможность придти по извѣстному вопросу къ соглашенію и необходимость обратиться къ его содѣйствію (ст. 4).

[2]) From the decision of the commissioners there shall be no appeal, говоритъ конв. С. Шт. съ Перу, 1863.

[3]) Конв. С. Шт. съ Венецуэлой. 1866; съ Англіею 1853.

которыхъ новѣйшихъ конвенціяхъ [1]) мы находимъ объ этомъ слишкомъ абсолютныя выраженія: правительства обѣщаютъ исполнить эти рѣшенія «безъ какого бы то ни было возраженія, уклоненія или отсрочки» [2]). Очевидно, государства не могутъ лишить себя верховнаго права просмотра этихъ рѣшеній. хотя бы съ тою единственною цѣлію, чтобы убѣдиться на сколько коммиссары, постановляя свое рѣшеніе, дѣйствовали сообразно съ условіями компромисса, съ юридическою очевидностію представленныхъ имъ документовъ и общими началами международнаго права. А въ силу этихъ соображеній приведенныя нами выраженія излишне безусловны. Поэтому мы предпочитаемъ редакцію конвенціи 1871 г. (между С. Шт. и Испаніею), гдѣ просто говорится, что государства исполнятъ рѣшенія коммиссіи вполнѣ «добросовѣстно и такъ скоро, какъ только можно».

Но критикуя слова нѣкоторыхъ договоровъ относительно исполненія третейскихъ рѣшеній, мы не признаемъ необходимости подобнаго обязательства въ этихъ договорахъ. Если государства прибѣгаютъ къ третейскому разбирательству своихъ споровъ, они, очевидно, не только нравственно, но и юридически, обязаны подчиняться приговору ими самими выбранныхъ судей, по скольку конечно эти судьи оставались въ предѣлахъ своего полномочія. Пересмотръ же ихъ рѣшеній, о которомъ мы сейчасъ упоминали, самъ по себѣ не обозначаетъ ни аппелляціи, ни кассаціи.

Конвенціи содержатъ въ себѣ подробности и относительно *содержанія* коммиссаровъ. Общій принципъ здѣсь состоитъ въ томъ, что каждое правительство платитъ своимъ коммиссарамъ и секретарямъ [3]), а содержаніе общаго посредника и всѣ случайныя издержки падаютъ поровну на обѣ стороны.

---

[1]) С. Шт. съ Англіею 1853, съ Перу 1868 и т. д.

[2]) To give full effect to such decisions without any objection, evasion, or delay whatsoever. Сами эти рѣшенія признаются: «as absolutely final and conclusive».

[3]) Иногда эта сумма точно опредѣляется: коммиссарамъ 3,000 или 4,500 долларовъ въ годъ, а секретарямъ 1,500. Коммиссары нерѣдко сами опре-

Таковы главныя черты, характеризующія смѣшанныя коммиссіи. Изучая ихъ дѣятельность по трактатамъ, мы видимъ, что съ теченіемъ времени онѣ все чаще и чаще учреждаются государствами, и правила, опредѣляющія кругъ ихъ дѣятельности, получаютъ болѣе полную и юридическую выработку. Это для насъ важно и указываетъ на то, что названныя коммиссіи вызываются дѣйствительными потребностями современной жизни. Онѣ не ограничиваются разбирательствомъ претензій частныхъ лицъ различныхъ государствъ, но имъ нерѣдко приходится высказываться и о незаконныхъ дѣйствіяхъ одного правительства противъ гражданъ другаго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ возникающіе споры не могутъ быть ни оставляемы безъ разрѣшенія, ни разбираемы внутренне-государственными судами, потому что въ первомъ случаѣ немыслимъ широкій и обезпеченный оборотъ въ гражданскихъ дѣлахъ, а во второмъ самая компетентность судовъ сомнительна: помимо вопроса объ ихъ безпристрастіи, національные законы государства бываютъ большею частію недостаточны для обсужденія дѣлъ и отношеній, которыя возникли и сложились не подъ ихъ вліяніемъ, а подъ дѣйствіемъ законовъ иностранныхъ. Кромѣ того, правонарушенія, совершаемыя государствами, по природѣ своей должны быть обсуждаемы по началамъ не внутреннихъ законовъ этихъ государствъ, а международнаго права. Геснеръ полагаетъ, что смѣшанныя коммиссіи могли бы служить аппелляціонною инстанціею для нейтральныхъ, недовольныхъ рѣшеніями призовыхъ судовъ. Онъ говоритъ: «былъ бы сдѣланъ большой шагъ впередъ, соотвѣтствующій практическимъ потребностямъ, если бы, удерживая юрисдикцію воюющаго, нейтральнымъ было бы предоставлено право, въ случаяхъ, когда они чувствуютъ себя оскорбленными рѣшеніемъ призоваго

дѣляютъ содержаніе общаго посредника и секретарей, причемъ это содержаніе вычитается изъ суммъ, имѣющихъ быть присужденными коммиссіею въ извѣстной пропорціи (5% со 100). Въ случаѣ недостатка оно возмѣщается поровну обоими правительствами. Бываетъ и такъ, что содержаніе общихъ посредниковъ опредѣляется правительствами на основаніи полюбовнаго соглашенія.

суда, подавать аппелляцію въ смѣшанную коммиссію, которая созывалась бы для этого по заключеніи мира» [1]).

Мы не раздѣляемъ этого воззрѣнія уже потому, что весьма неудобно такое смѣшеніе судебныхъ инстанцій съ дипломатическими учрежденіями: цѣли тѣхъ и другихъ, пріемы ихъ занятій, самые принципы, имп руководящіе, такъ различны, что установленіе между ними соотношенія и связи можетъ только пагубно отразиться на значеніи и существованіи права, которому служить призваны суды.

Самъ Геснеръ немного позднѣе видоизмѣнилъ свой взглядъ: онъ пришелъ къ той мысли, что «международный, а не національный характеръ призовыхъ судовъ вытекаетъ какъ изъ юридическихъ началъ, такъ и изъ соображеній политики» [2]), что поэтому «учрежденіе международныхъ призовыхъ судовъ является ceterum censeo всякой реформы, преслѣдующей какую-либо серьезную цѣль въ области морскаго права» [3]), и что наконецъ «важный шагъ впередъ будетъ сдѣланъ, когда воюющіе перестанутъ быть, по отношенію къ нейтральнымъ, судьями въ собственномъ дѣлѣ, но когда международный судъ, составленный изъ свѣдущихъ людей и облеченный судебною властью, будетъ постановлять окончательныя рѣшенія» [4]). А въ такомъ случаѣ всякая аппелляціонная инстанція съ дипломатическимъ характеромъ совершенно излишня.

Повторяемъ, смѣшанныя коммиссіи, несмотря на преобладаніе въ нихъ дипломатическаго элемента, представляютъ особую форму третейскаго суда. Какъ и призовыя инстанціи, онѣ нуждаются въ преобразованіи ихъ въ *международныя учрежденія съ строго судебнымъ характеромъ*. Между тѣмъ на практикѣ начала, ихъ характеризующія, получили дальнѣйшее развитіе въ женевскомъ третейскомъ судѣ 1872 г., рѣшившемъ знаменитый алабамскій споръ.

---

[1]) Le droit des neutres sur mer. 2 édit. 1876; p. 393.
[2]) Zur Reform des Kriegs-Seerechts. S. 47.
[3]) Kriegfuhrende und neutrale Mächte. S. 53.
[4]) Reform, S. 50.

ГЛАВА IV.

ВАЖНѢЙШІЯ ТРЕТЕЙСКІЯ РѢШЕНІЯ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ.

1) Задержаніе подданныхъ иностраннаго государства.—2) Споры объ убыткахъ.—3) Нарушенія нейтралитета.—4) Территоріальные споры.—5) Общіе выводы.

Третейскія рѣшенія, постановляемыя часто, какъ мы видѣли въ средніе вѣка, исчезаютъ почти совсѣмъ въ тотъ періодъ новой исторіи, который извѣстенъ подъ именемъ абсолютизма и династической политики. Иначе и не могло быть въ эти печальныя эпохи непрерывныхъ войнъ, нескончаемыхъ споровъ о престолонаслѣдіяхъ и самыхъ фантастичныхъ проектовъ раздѣловъ разныхъ государствъ. Право, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней жизни народовъ, существовало гораздо болѣе на бумагѣ нежели въ дѣйствительности. Вотъ почему въ большомъ собраніи трактатовъ Дюмона мы встрѣчаемъ очень немного компромиссовъ и то по вопросамъ весьма второстепеннымъ [1]). «Въ продолженіи многихъ вѣковъ, гово-

---

[1]) Напомнимъ нѣкоторые изъ нихъ: когда, при заключеніи между Франціею и Испаніею въ 1678 г. Нимвегенскаго мира возникли между уполномоченными обѣихъ странъ споры о нѣкоторыхъ территоріальныхъ участкахъ, въ третейскіе судьи избраны Генеральные Штаты (*Dumont.* Corps universel diplomatique. 1731. Vol. VII, p. 365).

Курфюрстъ Бранденбургскій, Фридрихъ Вильгельмъ и Генеральные Штаты Голландіи заключили въ 1665 г. компромиссъ о предоставленіи спора о такъ назыв. Гофизерскомъ долгѣ (la dette de Hofyser), кредиторами котораго были послѣдніе, на третейское рѣшеніе великаго совѣта города Мехельна (Ib. Vol. VI. P. 3; pag 41).

Въ спорѣ курфюрста Палатинскаго Іоанна Вильгельма съ герцогинеи

ритъ Клюберъ, третейскія рѣшенія почти совсѣмъ вышли изъ употребленія. Читая манифесты и прокламаціи государей можно пожалуй подумать, что они никогда не предпринимали войны иначе какъ противъ своей воли и истощивъ всѣ средства для ея избѣжанія. Отчего же они никогда не обращаются къ третейскимъ судьямъ? Лишь иногда принимаютъ они посредничество нейтральной державы, которое однако почти всегда остается безуспѣшнымъ. И такъ, строго говоря, только одна война можетъ обезпечить неприкосновенность правъ» [1]).

На постановленный вопросъ Клюберъ не даетъ отвѣта; но онъ ясенъ для каждаго. При отсутствіи права, война дѣлается дѣйствительно единственнымъ способомъ — правда весьма грубымъ — охраны общежитія. Въ эпохи, о которыхъ упоминаетъ Клюберъ, она была почти нормальнымъ явленіемъ, потому что находила самую благопріятную для себя почву въ повсюду господствовавшей неограниченной монархіи. Это явленіе давно уже мѣтко подмѣчено Руссо: «можно-ли, говоритъ онъ, подчинить суду людей, которые кичатся тѣмъ, что власть ихъ основана исключительно на мечѣ и которые упоминаютъ о Богѣ развѣ только потому, что Онъ на небѣ?» [2]) Но послѣ

Елизаветой о правахъ наслѣдства, въ третейскіе судьи по Рисвикскому дог. 1697 г. были избраны германскій императоръ Леопольдъ I и французскій король Людовикъ XIV. Но представители обоихъ государей дали два разногласныя рѣшенія. Тогда папа Климентъ XI, въ качествѣ super-arbiter, рѣшилъ это дѣло въ 1701 г. (Ib. V. VIII. P. 1; pag 98).

Графы Бентгеймскіе (Arnauld Maurice Guillaume и Ernest Statius Philips) обратились за третейскимъ рѣшеніемъ къ королю Англійскому, который и постановилъ его въ Гагѣ, въ 1701 г. (Ib. ib. pag. 93).

По Вестминстерскому дог. 1655 г. между Франціею и Англіею между прочимъ постановлено, что убытки, понесенные сторонами опредѣляются въ теченіе $6^1/_2$ мѣс. шестью комиссарами (3 съ каждой стороны), которые, въ случаѣ несогласія, обращаются за рѣшеніемъ къ республикѣ Гамбурга, назначающей новыхъ комиссаровъ, которые и должны класть окончательное рѣшеніе. (*Flassan,* Hist. de la diplom. française. 2 édit. III, p. 200).

[1]) *Kluber,* Droit des Gens moderne de l'Europe. 2-е изд. *Otma.* 1874, стр. 456.

[2]) Jugement sur le projet de paix perpétuelle de l'abbé de Saint-Pierre.

великихъ переворотовъ, вызванныхъ войнами революціи и Наполеона I, усиливается движеніе въ пользу мира. Въ нашемъ столѣтіи третейское разбирательство начинаетъ встрѣчаться все чаще и чаще и оно вызываетъ даже особую литературу.

По *предметамъ* третейскія рѣшенія могутъ быть удобно подведены подъ слѣдующія четыре главныя группы: нарушенія правъ личности иностранныхъ подданныхъ; споры объ убыткахъ; нарушенія нейтралитета и споры о территоріи въ колоніяхъ.

I.

Задержаніе подданныхъ иностраннаго государства.

Задержаніе англійскихъ офицеровъ съ корабля Лафортъ 1863 г

7-го іюня 1862 г. три англійскіе офицера съ корабля La Forte были арестованы въ Ріо-Жанейро бразильскою полиціею за драку съ полицейскими агентами. Ихъ отвели въ темницу. Но когда англійскій консулъ заявилъ объ ихъ національности и общественномъ положеніи, ихъ освободили немедленно. Дѣло могло бы этимъ кончиться, тѣмъ болѣе, что, по словамъ бразильскихъ чиновниковъ, Англичане были выпивши и первые начали ссору. Но англійское правительство увидѣло въ этомъ тяжкое нарушеніе чести англійскаго флота и потребовало отъ Бразиліи удовлетворенія. Въ третейскіе судьи избранъ король Бельгіи. Онъ постановилъ рѣшеніе въ пользу Бразиліи, на томъ основаніи, что не ея власти были зачинщицами ссоры, а въ приложеніи къ англійскимъ офицерамъ бразильскихъ законовъ нельзя усмотрѣть преднамѣреннаго оскорбленія ни ихъ личности, ни чести британскаго флота. тѣмъ болѣе, что эти офицеры, во время ихъ задержанія, даже не носили знаковъ своего чина [1]).

Дѣло капитана Вайта 1864 г

23-го марта 1861 г. англійскій капитанъ Вайтъ былъ задержанъ въ городѣ Каллао по подозрѣнію въ убійствѣ президента Перуанской республики донъ Рамонъ Кастилья, павшаго отъ

[1]) Calvo; II, 556.

руки убійцы вечеромъ 24-го іюня 1860 г. Изъ Каллао Вайта отвезли въ Лиму, гдѣ его продержали въ темницѣ до 9-го января 1862 г. Въ этотъ день его освободили послѣ суда. по недостаточности уликъ, но съ оговоркою, чтобы онъ немедленно выѣхалъ изъ Перу. Англійское правительство вступилось за него и вслѣдствіе потерпѣннаго Вайтомъ оскорбленія и убытковъ отъ поздняго привлеченія къ суду и изгнанія,— потребовало въ его пользу отъ Перу 4,500 ф. стерл. Въ третейскіе судьи избранъ сенатъ Гамбурга. Онъ призналъ 12-го апрѣля 1864 г. жалобу англійскаго правительства совершенно неосновательною и недопустимою въ виду того, что власти Перу дѣйствовали въ данномъ случаѣ вполнѣ согласно съ законами страны и что обвинительный противъ нихъ актъ, представленный Англіею, былъ написанъ съ крайнимъ пристрастіемъ и съ такими преувеличеніями, которыя бросались въ глаза. Издержки по этому процессу раздѣлены по ровну между сторонами [1]).

Убійство Японца китайскими подданными 1875 г.

Недавно (1875 г.) къ третейскому разбирательству прибѣгли даже обѣ главныя державы крайняго востока—Китай и Японія. У нихъ возникъ споръ по поводу убійства подданными перваго одного Японца на островѣ Формозѣ. Споръ принялъ острый характеръ, но по совѣту кабинетовъ Вашингтонскаго и Лондонскаго стороны избрали въ третейскіе судьи г. Ведъ, представителя Англіи въ Пекинѣ. Онъ присудилъ Китай къ уплатѣ японскому правительству денежнаго вознагражденія [2]).

II.

Споры объ убыткахъ.

Споры объ убыткахъ возникаютъ вообще по каждому процессу, но иногда они имѣютъ и самостоятельное значеніе, ка-

---

[1]) *Calvo*. Ib.

[2]) Bulletin de la société des amis de la paix. № 12. (Fevrier, 1876). p. 289. *Calvo*; II, 557.

саясь то имущественныхъ правъ частныхъ лицъ, то правительствъ.

Споръ о невольникахъ 1822 г.

Первая статья Гентскаго договора 1814 г. между С. Штатами и Англіею повела между ними къ слѣдующимъ разногласіямъ: этою статьею опредѣляется, что стороны взаимно возвращаютъ всю, занятую ими во время войны или послѣ подписанія Гентскаго трактата, территорію съ принадлежащею къ ней публичною и частною собственностію, въ томъ числѣ и невольниками. Въ силу этого С. Штаты потребовали потомъ отъ Англіи, для своихъ гражданъ, какъ ихъ частную собственность, возвращеніе невольниковъ, или же полное вознагражденіе за тѣхъ изъ нихъ, которые находились ко дню обмѣна ратификацій Гентскаго договора на какомъ либо пунктѣ территоріи, указанной въ этомъ договорѣ, но тогда еще занятой британскими войсками. При этомъ не было допущено различія между невольниками, находившимися на сушѣ или на англійскихъ корабляхъ, стоявшихъ въ предѣлахъ территоріи или юрисдикціи Штатовъ.

По лондонской конвенціи 20-го октября 1818 г. стороны согласились «передать этотъ споръ на рѣшеніе какого либо дружественнаго государя или государства, обязываясь съ тѣмъ вмѣстѣ считать его рѣшеніе окончательнымъ по всѣмъ возбужденнымъ вопросамъ». Въ третейскіе судьи избранъ Русскій Императоръ Александръ I, который издалъ свое рѣшеніе 22-го апрѣля 1822 г. по желанію сторонъ на основаніи буквальнаго и грамматическаго смысла первой статьи Гентскаго договора и лишь на второмъ планѣ, сообразуясь съ общими началами международнаго и морскаго права. Англія была приговорена къ уплатѣ вознагражденій за невольниковъ, увезенныхъ ею изъ предѣловъ территоріи, обозначенной Гентскимъ договоромъ. Для опредѣленія стоимости этихъ невольниковъ стороны заключили при посредствѣ Императора Александра, въ Петербургѣ 12 іюля 1822 г. новую конвенцію, въ силу которой онѣ обязались учредить смѣшанную коммиссію изъ 4 членовъ (каждая избираетъ по одному коммиссару и одному посреднику). Въ случаѣ разногласія члены эти прибѣгаютъ

къ третейскому разбирательству посланника или другаго агента державы — посредницы, аккредитованнаго при правительствѣ С. Штатовъ. Впрочемъ по нѣкоторымъ вопросамъ это несогласіе устраняется самою комиссіею: комиссары выбираютъ по жребію одного изъ двухъ посредниковъ, который вмѣстѣ съ ними и оканчиваетъ дѣло. Коммиссія эта, собравшись въ Вашингтонѣ, не достигла благопріятнаго результата: члены ея разошлись по несогласію. Наконецъ этотъ споръ былъ оконченъ лондонскою конвенціею 1826 г., по которой Англія обязалась выплатить Штатамъ за увезенныхъ ею невольниковъ сумму въ 1.240,960 долларовъ [1]).

Дѣло о невольникахъ съ корабля Креоль. 1853 г.

Другой подобный же споръ о невольникахъ возникъ какъ и предъидущій случай между Англіею и С. Штатами въ 1841 г. Во время пути американскаго корабля Creole изъ Ричмонда въ Новый Орлеанъ нѣкоторые изъ находившихся на немъ невольниковъ возмутились, убили одного пассажира, тяжело ранили капитана и нѣсколькихъ матросовъ и завладѣли кораблемъ. Помощникъ капитана, уступая ихъ угрозамъ направилъ корабль въ Нассау, гдѣ по его прибытіи американскій консулъ задержалъ 19 изъ наиболѣе провинившихся. Что касается до остальныхъ (всѣхъ было до 135 чел.), то нельзя было констатировать какимъ способомъ они вышли на берегъ. Вашингтонскій кабинетъ потребовалъ отъ Англіи выдачи всѣхъ этихъ невольниковъ. Но Англія формально въ этомъ отказала, ссылаясь на то, что отъ одного факта вступленія на англійскую почву всѣ названные невольники сдѣлались свободными.

Назначенная для рѣшенія этого спора 8-го февраля 1853 г. смѣшанная коммиссія не могла придти къ соглашенію. Въ общіе посредники избранъ тогда одинъ изъ извѣстныхъ англійскихъ юристовъ Bates, который призналъ Англію обязанною возвратить невольниковъ или уплатить вознагражденіе за нихъ

---

[1]) Все это дѣло см. у *Elliot*, The American Diplomatic Code, I. p. 280—308 и въ «A historic survey of international arbitration», p. 13—16, брошюрѣ изъ журнала The North American Review, безъ обозначенія года, но можно предположить, что она относится къ 1872 г.

на томъ основаніи, что во 1-хъ англійскія власти не имѣютъ никакого права надъ американскими невольниками, находящимися на американскомъ кораблѣ въ портахъ Англіи и во 2-хъ англійскіе законы не дозволяютъ никакому сановнику вопреки международному праву вторгаться силою на корабль дружественнаго государства, не совершившаго никакого предосудительнаго поступка и чрезъ это попирать ногами дисциплину, которую командиръ судна обязанъ поддерживать на палубѣ по своимъ отечественнымъ законамъ [1]).

Дѣло о кули на кораблѣ Марія Люцъ 1875 г.

Перуанскій корабль, Maria-Luz, отплылъ 28-го мая 1872 г. изъ Макао въ Каллао съ 225 кули на бортѣ. Дурная погода заставила его зайти, 10-го іюля, въ японскій портъ Канагава. Вслѣдствіе жалобы представителя Англіи японскія власти задержали этотъ корабль съ цѣлію удостовѣриться въ живомъ товарѣ, который онъ везъ. Кули свели на берегъ въ качествѣ свидѣтелей и такъ какъ они не пожелали возвратиться на корабль, японскія власти не нашли нужнымъ принудить ихъ къ этому. Дѣло дошло до суда и онъ объявилъ контрактъ, заключенный Китайцами недѣйствительнымъ. Правительство Перу увидѣло въ этомъ актѣ оскорбленіе своихъ подданныхъ и нарушеніе принциповъ международнаго права. Послѣ двухъ конференцій въ іюнѣ 1873 г. между представителями Японіи и Перу оба государства избрали въ третейскіе судьи Императора Всероссійскаго Александра II. Въ своемъ рѣшеніи, изданномъ въ Эмсѣ $^{17}/_{29}$ мая 1875 г., Императоръ призналъ Японское правительство не отвѣтственнымъ за задержаніе Маріи Люцъ въ Канагавѣ, такъ какъ «оно дѣйствовало bona fide, въ силу собственныхъ законовъ и обычаевъ, не нарушило ни общіе принципы международнаго права, ни особенныя обязанности трактатовъ и не можетъ быть обвиняемо въ недостаткѣ уваженія или въ недоброжелательствѣ по отношенію къ правительству или къ гражданамъ Перу» [2]).

---

[1]) *Calvo*, II, 550, 269—270.

[2]) Archives diplom. 1874, p. 117 и Annuaire de l'Institut de droit international; 1877, p. 353.—Жалоба С. Шт. противъ Колумбіи по поводу

Споръ объ убыткахъ между Франціею и Мексикою послѣ Веракрузскаго мира 1844 г.

При заключеніи мира въ Веракрузѣ между Франціею и Мексикою 9-го марта 1839 г. возникъ между ними споръ о слѣдующихъ двухъ вопросахъ: во 1-хъ имѣетъ ли Мексика право требовать отъ Франціи возвращенія военныхъ кораблей, захваченныхъ послѣднею послѣ сдачи крѣпости Сен-Жан-д'Уллоа или суммы равной ихъ стоимости и во 2-хъ слѣдуетъ ли назначить вознагражденіе съ одной стороны Французамъ, потерпѣвшимъ вслѣдствіе закона изданнаго Мексикою объ ихъ изгнаніи, а съ другой Мексиканцамъ, пострадавшимъ отъ враждебныхъ дѣйствій, совершенныхъ послѣ 26-го ноября 1838 г. Споръ этотъ переданъ на рѣшеніе англійской королевы, которая въ своемъ приговорѣ, отъ 9-го авг. 1844 г., дала на оба вопроса отрицательный отвѣтъ, на томъ основаніи, что между обѣими сторонами существовала тогда война, которая оправдывала дѣйствія совершенныя обоими правительствами и подавшія поводъ къ жалобамъ [1]).

Требованія вознагражденія за призы: Дѣло о кораблякъ Велоцъ-Маріаны, Виктории и Ла-Вижи 1852 г.

Во время войны между Франціею и Испаніею въ 1823—24 г. та и другая сторона взяли нѣсколько призовъ. Для рѣшенія вопроса объ ихъ законности онѣ заключили потомъ особую конвенцію (5 янв. 1824 г.).

Но относительно трехъ судовъ стороны не могли придти къ соглашенію: Испанія требовала вознагражденія за двое изъ нихъ: Veloz-Mariana, взятое Французами за шесть недѣль до начала войны и Victoria, захваченное уже во время враж-

---

задержанія парохода Монтійо на территоріи и гражданами Колумбіи въ апрѣлѣ 1871 г. передана, по конв. 17 авг. 1874 г. на трет. разбирательство смѣшанной коммиссіи (въ общіе посредники избранъ Бенчъ, представитель Англіи въ Боготѣ). Annuaire 1877, p. 212 —Г. Логанъ, посланникъ С. Шт. въ Вальпарайзо, избранный въ трет. судьи между Чили и Перу для ликвидаціи счетовъ между флотами этихъ двухъ союзниковъ, присудилъ 7 апр. 1875 г. въ пользу Чили 1.130,000 долл. за вычетомъ 654,000 долл. израсходованныхъ до этого Перу (Ib. p. 245).— Смѣшанной же коммиссіи поручено 5 янв. 1875 г. разсмотрѣніе иска объ убыткахъ лондонской фирмы Cotesworth and Powell противъ правительства Колумбіи. (Ib. p. 227).

[1]) *Calvo*; II, 550, Также *Clercq*, Recueil des Traités de la France. IV, p. 446 и 448 и V, 193.

дебныхъ дѣйствій. Франція добровольно выдала Испаніи какъ самую Викторію, такъ и часть груза, оставшагося нетронутымъ, но Испанія добивалась вознагражденія и за остальную утраченную часть груза. Напротивъ, съ своей стороны Испанія отказывалась вознаградить Французовъ, потерпѣвшихъ отъ захвата испанскимъ каперомъ французскаго фрегата La Vigie три мѣсяца спустя по окончаніи войны. Впрочемъ Испанія отказывалась не абсолютно, но объусловливала свое согласіе тѣмъ, чтобы Франція съ своей стороны удовлетворила Испанцевъ, потерпѣвшихъ отъ взятія Велоцъ-Маріаны. Между тѣмъ, когда былъ задержанъ французскій фрегатъ, призовой судъ въ Арекипѣ призналъ съ самаго начала полную незаконность этого приза. Но колоніальныя власти, несмотря на это, воспользовались его грузомъ, а корабль обратили въ каперъ.

Споръ этотъ оставался нерѣшеннымъ до 1851 г. когда, въ силу мадридской декларации 15-го февраля [1]), стороны прибѣгли къ третейскому разбирательству Нидерландскаго короля. Въ своемъ рѣшеніи (13-го апрѣля 1852 г.) [2]) онъ призналъ Францію отвѣтственною касательно Велоцъ-Маріаны, но не относительно Викторіи, а Испанію присудилъ къ удовлетворенію лицъ, потерпѣвшихъ отъ взятія Ла-Вижи, безъ всякаго требованія взаимности со стороны Франціи [3]).

Десять лѣтъ спустя, въ новой конвенціи, 15-го февраля 1862 г., Франція, регулируя свои финансовыя дѣла съ Испаніею, передала ей обязанность удовлетворить арматоровъ и кредиторовъ Велоцъ-Маріаны, а также французскихъ судохозяевъ, потерпѣвшихъ во время войны 1823 г., но не получившихъ еще вознагражденія. Конвенція 5-го янв. 1824 г. отмѣнена [4]).

Споръ о призахъ Лицци-

По конвенціи 20-го дек. 1862 г. С. Штаты согласились съ Перу избрать въ третейскіе судьи короля Бельгіи для разсмо-

---

[1]) *Clercq*, VI, 81.
[2]) Тамъ-же, стр. 170
[3]) *Calvo*: II, p. 551.
[4]) *Clercq*; VIII, 390

трѣнія жалобъ гражданъ С. Штатовъ на перуанское правительство по поводу захвата имъ и конфискаціи двухъ американскихъ кораблей Lizzie Thompson и Georgiana. Судья долженъ былъ разсмотрѣть всѣ не только фактическіе, но и юридическіе вопросы, связанные съ этимъ споромъ [1]). Однако король Бельгійскій отклонилъ отъ себя третейское разбирательство [2]) и стороны въ двухъ послѣдующихъ конвенціяхъ (1863 и 68 г. [3]) предоставили рѣшеніе всѣхъ существовавшихъ тогда между ними несогласій смѣшаннымъ коммиссіямъ.

Томсонъ и Джорджіана 1863—68 г.

9-го мая 1821 г. вице-адмиралъ чилійской эскадры, лордъ Кохранъ, завладѣлъ насильственно въ долинѣ Ситана, на территоріи бывшаго вице-королевства Перу, суммою денегъ (70,400 піастровъ), которую онъ получилъ отъ продажи груза сѣверо-американскаго торговаго судна Macedonian. Возникшія отъ сюда препирательства между правительствами Штатовъ и Чили едва не повели къ войнѣ и лишь въ 1858 г. дѣло это рѣшили передать на разсмотрѣніе бельгійскаго короля. Онъ долженъ былъ, въ качествѣ третейскаго судьи, ex bono et aequo разобрать и рѣшить три слѣдующіе пункта: во 1-хъ, справедлива ли въ цѣломъ или отчасти жалоба С. Штатовъ, на захватъ денегъ, сдѣланный Кохраномъ; во 2-хъ, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, на какую сумму Штаты имѣли право требовать вознагражденія отъ Чили и въ 3-хъ, кромѣ самой суммы не обязано ли Чили уплатить проценты и съ какого срока и въ какомъ размѣрѣ? Бельгійскій король присудилъ 15-го мая 1863 г. Чили къ уплатѣ $^3/_5$ вышеназванной суммы (т. е. 42,240 піастровъ) [4]) и процентовъ (по 6 со 100) съ 19 марта 1841 г.—дня заявленія Штатами формальной жалобы чилійскому правительству—по 26-е декабря 1848 г.—день,

Дѣло о бригѣ Македонянъ 1863 г.

---

[1]) *Davis*, p. 691.

[2]) *Lawrence*, Note pour servir à l'histoire des arbitrages internationaux въ Revue, 1874, p 126.

[3]) Davis, p. 693 и 695.

[4]) Остальныя $^2/_5$ принадлежали не гражданамъ Штатовъ, а одному жупцу въ Лимѣ.

когда обѣ стороны согласились прибѣгнуть къ третейскому разбирательству [1]).

Жалоба Дундональда 1873 г.

Англійскій подданный гр. Дундональдъ потребовалъ чрезъ свое правительство отъ Бразиліи вознагражденія за понесенные имъ убытки. Представители С. Штатовъ и Италіи избраны въ третейскіе судьи съ правомъ назначить, въ случаѣ ихъ несогласія, общаго посредника. Они присудили 6-го октября 1873 г. Дундональду 38,675 ф. стерл. [2]).

Споры о конфискованномъ оружіи.

Между Франціею и Никарагуей возникъ споръ по поводу оружія, конфискованнаго въ предѣлахъ территоріи послѣдней въ ноябрѣ 1874 г. однимъ изъ ея чиновниковъ на французскомъ купеческомъ кораблѣ Le Phare. Этотъ захватъ былъ утвержденъ судебными властями Никарагуи, но Франція не переставала протестовать противъ него дипломатическимъ путемъ. Правительство Никарагуи предложило Франціи предоставить это дѣло на окончательное третейское рѣшеніе кассаціоннаго суда послѣдней, на что Франція согласилась и 29-го апрѣля 1879 г. судъ этотъ принялъ возложенную на него такимъ образомъ обязанность. Примѣръ не имѣющій себѣ подобнаго въ судебной лѣтописи, замѣчаетъ Рено. Наши древніе парламенты избирались не разъ иностранными правительствами въ третейскіе судьи, но по дѣламъ, въ которыхъ собственно наше правительство не бывало заинтересовано [3]).

Другой подобный же споръ завязался между Голландіею и Сан-Домингскою республикою вслѣдствіе захвата, въ авг. 1877 г., властями послѣдней голландскаго корабля Havana Packer. Власти эти поступили на основаніи мѣстнаго закона, который воспрещаетъ подвозъ оружія и военной аммуниціи. Конфискація названнаго корабля признана законною судами какъ первой, такъ и второй инстанціи по аппелляціи. Но нидерландское правительство не переставало протестовать противъ этого захвата, находя его противнымъ международному праву и

---

[1]) *Calvo;* II 553. *Davis*, p. 129.

[2]) Archives de droit international. 1874 p. 118.

[3]) Revue; 1879, p. 445.—*Calvo;* II, 569.

требуя вознагражденія судохозяину. Стороны, не достигнувъ улаженія этого дѣла дипломатическимъ путемъ, обратились къ третейскому суду президента французской республики. Гревп согласился на это, но не постановилъ еще рѣшенія [1]).

III.

Нарушенія нейтралитета.

Дѣло о каперѣ Генералъ-Армстронгъ. (Нарушеніе нейтральной территоріи)1852г.

Во время войны Англіи съ С. Штатами 26-го сент. 1814 г. произошло враждебное столкновеніе между матросами американскаго капера General Armstrong и англійскими матросами, которые были на шлюпкахъ при англійской эскадрѣ въ Файялѣ на одномъ изъ Азорскихъ острововъ. На другое утро англійская эскадра открыла огонь по каперу, что заставило капитана потопить судно. Такъ какъ это столкновеніе произошло во владѣніяхъ Португалліи, то С. Штаты потребовали отъ нея удовлетворенія за то, что ея власти не воспрепятствовали этому столкновенію. Эта жалоба оставалась нерѣшенною до 1851 г. Португаллія отказывалась признать себя отвѣтственною на томъ между прочимъ основаніи, что команда Генерала Армстронга первая совершила враждебныя дѣйствія. Она предложила передать это дѣло на рѣшеніе Шведскаго короля, но тогдашній американскій посланникъ г. Клай (Clay)-не только не согласился на это, но, видя упорство Португалліи, потребовалъ даже свои паспорты. Они были ему доставлены съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Ни одно правительство не можетъ считать себя непогрѣшимымъ въ своихъ мнѣніяхъ и, если между двумя дружественными странами возникаетъ какое либо разногласіе о вопросахъ факта или права, то слѣдуетъ признать, что непринятіе въ такомъ спорѣ третейскаго разбирательства, предлагаемаго болѣе слабою стороною, вызываетъ лишь сомнѣніе въ справедливости жалобъ, заявляемыхъ стороною болѣе сильною». Но послѣ перемѣны президента, при

---

[1]) *Calvo*; II, 560.

Фильмо̀рѣ, С. Штаты приняли предложеніе Португаллiи и по Вашингтонской конвенціи 26-го февр. 1851 г. въ третейскіе судьи выбранъ бывшій тогда президентъ Французской республики Людовикъ Наполеонъ. Въ своемъ рѣшеніи 30-го ноября 1852 г. [1]) онъ не призналъ Португаллію отвѣтственною на томъ основаніи, что «Американцы первые открыли огонь, а къ защитѣ португалльскаго губернатора обратились лишь послѣ того, какъ была пролита кровь. Мѣстныя власти сдѣлали все возможное для прекращенія этого столкновенія, прямо нарушавшаго верховенство нейтральнаго государства, но вооруженное вмѣшательство, при слабости гарнизона и плохомъ состояніи укрѣпленій, было для нихъ невозможно. Такимъ образомъ Американцы сами, не прибѣгнувъ въ началѣ къ защитѣ нейтральнаго правительства, но употребивъ оружіе, нарушили его нейтралитетъ и тѣмъ освободили его отъ обязанности дать имъ какую либо иную защиту кромѣ мирнаго содѣйствія».

По поводу этого дѣла возникъ еще одинъ интересный вопросъ: отвѣтственно ли правительство предъ своими гражданами по тѣмъ искамъ, которые оно передаетъ на третейское разбирательство? Собственники и другіе истцы по дѣлу Армстронга потребовали тогда отъ С. Штатовъ уплаты тѣхъ убытковъ, которые Американское правительство взыскивало съ Португаллiи. Сенатъ и палата депутатовъ высказались въ пользу частныхъ лицъ, но верховный судъ большинствомъ голосовъ постановилъ, что каждое правительство само опредѣляетъ способъ, какимъ оно хочетъ поддерживать жалобы своихъ гражданъ и что это опредѣленіе для нихъ всегда обязательно. Если оно передаетъ ихъ жалобы на третейское рѣшеніе, оно этимъ самымъ вполнѣ слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность и никакимъ образомъ не обязано вознаграждать своихъ гражданъ за убытки, могущіе для нихъ возникнуть изъ неблагопріятнаго для ихъ правительства третей-

---

[1]) *Clercq;* VI, p. 237.

скаго рѣшенія. Хотя съ этимъ мнѣніемъ не согласился верховный судья Джилькристъ, но нельзя не сказать, что оно юридически вѣрно [1]).

Портендикское дѣло. (Отвѣтственность нейтральнаго за необъявленіе блокады). 1843 г.

Во время войны противъ жителей Портендикскаго берега (въ Сенегалѣ, въ Африкѣ) Франція держала его въ блокадѣ въ 1834—35 г. Это причинило много убытковъ англійскимъ купцамъ, которые, не зная о блокадѣ, вели тамъ торговлю. Ихъ правительство потребовало отъ Франціи вознагражденія для потерпѣвшихъ. Споры объ этомъ продолжались долго и не могли быть улажены посредствомъ дипломатической переписки, которая велась между Англіею и Франціею въ 1836—40 г. Въ 1840 г. была учреждена смѣшанная коммиссія, но и она не достигла рѣшенія. Тогда Англія предложила обратиться къ третейскому суду короля Прусскаго, который долженъ былъ разсмотрѣть: было ли нанесено дѣйствительно какое либо оскорбленіе тѣмъ британскимъ подданнымъ, которые вели тамъ правильную и дозволенную торговлю и могла ли быть Франція приговорена къ уплатѣ вознагражденій этимъ пострадавшимъ лицамъ [2])? Франція согласилась на это предложеніе, но подъ условіемъ, чтобы рѣшеніе прусскаго короля никоимъ образомъ не противорѣчило принципамъ слѣдуемымъ ею по вопросамъ о блокадѣ и вообще о морскомъ правѣ, а также ея верховнымъ правамъ, которыя она всегда поддерживала на основаніи трактатовъ о Портендикскомъ берегѣ. Англія, съ своей стороны, поставила на видъ, что рѣшеніе не должно коснуться правъ и принциповъ, поддерживаемыхъ обоими правительствами въ настоящемъ дѣлѣ. Стороны обязались далѣе представить третейскому судьѣ всѣ необходимые документы и всѣ вообще свѣдѣнія, которыя онъ пожелаетъ. Въ заключеніе онѣ обѣщаются подчиниться его рѣшенію, а если одной изъ сторонъ будетъ присуждено вознагражденіе— назначить смѣшанную коммиссію (изъ одного Француза, одного

---

[1]) Historic survey; p 23—25.— *Calvo*, II, p. 552.

[2]) Hist. survey; p 30.

Англичанина и общаго посредника Пруссака) для ликвидации денежныхъ дѣлъ [1]).

Король Прусскій постановилъ рѣшеніе 30-го ноября 1843 г. [2]). Въ немъ признается законность блокады, но Франція присуждается къ вознагражденію всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя пострадали вслѣдствіе необъявленія ею этой блокады. Затѣмъ предоставлено смѣшанной коммиссіи опредѣлить въ точности сумму вознагражденія и способъ его уплаты. Она назначила въ пользу англійскихъ купцовъ 41,770 фр. вмѣсто требованныхъ ими 2.183,621 фр. [3]).

IV.

Территоріальные споры.

Споръ о сѣверо-восточной границѣ въ Америкѣ между Англіею и С. Штатами. 1831 г.

Споръ о сѣверо-восточной границѣ между англійскими владѣніями въ Америкѣ и С. Штатами получилъ особую извѣстность вслѣдствіе непринятія сторонами третейскаго рѣшенія Голландскаго короля. Выше мы видѣли, что одна изъ трехъ смѣшанныхъ коммиссій, созванныхъ на основаніи Гентскаго договора 1814 г. (именно 5-ой ст.) не могла опредѣлить въ точности эту сѣверо-восточную границу. Тогда же было условлено, что коммиссары въ такомъ случаѣ представятъ отдѣльно свои доклады съ указаніемъ пунктовъ, въ которыхъ они расходятся. Затѣмъ все это дѣло должно было поступить на третейское разбирательство какого-либо дружественнаго государя или государства. 29-го сент. 1827 г. С. Штаты заключили съ Англіею новую конвенцію объ этомъ съ подробными указаніями относительно доказательствъ и порядка дѣлопроизводства предъ третейскимъ судьей. Вслѣдъ за этимъ въ третейскіе судьи избранъ король Голландіи. Онъ постановилъ 10-го

---

[1]) Декларація между Франціею и Англіею 14-го ноября 1842 г. *Clercq*, IV, p. 658

[2]) *Clercq*, V, p 131.

[3]) *Calvo*, II, 550

янв. 1831 г. весьма странное по своему неопредѣленному характеру рѣшеніе. Указавъ, что по его мнѣнію должно считаться пунктомъ наиболѣе сѣверо-западнымъ рѣки Коннектикутъ, онъ ссылается на недостаточность доказательствъ, приводимыхъ тою и другою стороною въ пользу спорныхъ возвышенностей, говоритъ, что опредѣленія трактата 1783 г. объ этомъ, равно какъ и позднѣйшія топографическія съемки не даютъ возможности распознать спорную пограничную линію, а поэтому онъ предлагаетъ провести ее такъ, какъ она кажется ему вѣрною и кромѣ того произвести новыя изслѣдованія для того, чтобы опредѣлить 45° сѣв. шир. и границу, долженствующую идти линіею этого градуса отъ рѣки Коннектикутъ до Св. Лаврентія [1]).

Этотъ приговоръ, замѣчаетъ Кальво [2]), оставляетъ юридическій вопросъ нерѣшеннымъ и предлагаетъ сторонамъ соглашеніе на совершенно новомъ и условномъ основаніи. Стороны и отвергли его, но едва-ли по причинѣ указываемой Кальво, а вѣроятно въ силу мотивовъ, сообщаемыхъ намъ другимъ американскимъ публицистомъ [3]). Англія была согласна принять это рѣшеніе, но американскій посланникъ въ Гагѣ, г. Preble, уже 12-го янв. подалъ противъ него протестъ, на томъ основаніи, что оно оставило безъ вниманія вполнѣ ясно и точно обозначенную въ трактатѣ линію границы и замѣнило ее другою, отъ нея совершенно отличною. Преблъ былъ уроженецъ штата Мэнъ. Поэтому рѣшеніе Голландскаго короля было подвергнуто обсужденію и осужденію въ тайномъ засѣданіи палаты этого штата, даже до полученія самого рѣшенія въ Вашингтонѣ. Непринятіе мотивировалось слѣдующими соображеніями: центральное правительство Штатовъ не имѣло само по себѣ права опредѣлять границы Мэна; третейскій судья не былъ уже королемъ Голландіи въ моментъ постановки рѣшенія, такъ какъ онъ потерялъ тогда часть своихъ владѣній

[1]) Elliot; I, p 315—329
[2]) II, стр. 575
[3]) Hist survey, p. 18.

(вслѣдствіе отдѣленія Бельгіи) и наконецъ онъ далъ простой совѣтъ, а не опредѣлилъ съ точностію настоящую линію границы.

Нечего говорить о несостоятельности двухъ первыхъ возраженій; одно послѣднее заслуживаетъ вниманія. Другой штатъ, Массачузетсъ, въ составъ котораго входилъ прежде Мэнъ, высказался также противъ принятія. Президентъ передалъ все дѣло на разсмотрѣніе сената, совѣтуя не принимать. Между тѣмъ агенты Мэна употребили всѣ средства, чтобы заставить сенатъ отвергнуть мнѣніе комитета иностранныхъ дѣлъ, поданнаго въ пользу рѣшенія. Это имъ и удалось: сенатъ отвергнулъ его также на томъ основаніи, что какъ совѣтъ, оно было лишено обязательной силы. Разсказывая это событіе, американскій публицистъ замѣчаетъ, что еслибы рѣшеніе носило подобающій ему характеръ, согласіе сената на его принятіе было бы излишне: оно въ сущности было уже дано въ моментъ ратификаціи самой конвенціи о компромиссѣ. Мысль Штатовъ о созваніи новой коммиссіи для рѣшенія этого спора не получила осуществленія и дѣло окончилось трактатомъ 9-го авг. 1842 г., въ которомъ стороны согласились признать между собою иную пограничную линію, чѣмъ какую предлагалъ король Нидерландскій и составляющую современную сѣверо-восточную границу С. Штатовъ [1]).

Споръ объ островѣ Буламѣ. 1870 г.

Въ спорѣ между Англіею и Португаліею относительно острова *Буламы* на западномъ берегу Африки, близъ устья рѣки Рio-Гранде въ Сенегамбіи, въ третейскіе судьи избранъ въ 1869 г. президентъ С. Штатовъ. Онъ присудилъ этотъ островъ въ 1870 г. Португаліи и Англія, хотя и стремилась имъ обладать, не сдѣлала оппозиціи этому рѣшенію [2]).

Сен-Жуанскій вопросъ 1872 г.

Извѣстный *Сен-Жуанскій* вопросъ около четверти столѣтія вызывалъ препирательства между Англіею и С. Штатами и иногда, хотя отдаленно, угрожалъ даже войною. Онъ оконченъ третейскимъ рѣшеніемъ въ силу Вашингтонскаго договора

---

[1]) *Davis*, p. 369 (1-е изд. 1871 г.).

[2]) *Laurence*, Note въ Revue; 1874, p 127.—*Calvo*, II, 537.

1871 г., не смотря на то, что Штаты шесть разъ отклоняли предложеніе рѣшить его этимъ способомъ, такъ какъ они придавали ему большое значеніе и были убѣждены въ правотѣ своего дѣла.

Это былъ также споръ о границахъ. Онъ возникъ изъ различнаго толкованія Вашингтонскаго договора 15-го іюня 1846 г., первая статья котораго говоритъ, что «граница между С. Штатами и владѣніями Англіи идетъ по 49° сѣв. шир. на западъ до середины канала, отдѣляющаго континентъ отъ острова Ванкувера, а оттуда на югъ по этому каналу и проливу Фука до Тихаго Океана». Англія утверждала, что, указанная въ послѣднихъ словахъ водяная линія должна идти по каналу Розарію, а Штаты хотѣли провести ее по каналу Гаро.

По Вашингтонскому договору 8-го мая 1871 г. [1]) этотъ споръ былъ предоставленъ на «окончательное и безапелляціонное рѣшеніе» Германскаго Императора. Рѣшеніе это и состоялось въ Берлинѣ 21 го окт. 1872 г. [2]), въ пользу С. Штатовъ, на томъ основаніи, что ихъ воззрѣніе найдено «наиболѣе согласнымъ съ вѣрнымъ толкованіемъ Вашингтонскаго договора 1846 г.» [3]).

Такимъ образомъ Англія почти въ одно время проиграла въ Женевѣ и въ Берлинѣ два важные процесса: Алабамскій и Сен-Жуанскій. Къ этому скоро присоединилась новая неудача такого же рода, понесенная въ Парижѣ.

Споръ о бухтѣ Делагоа и прилежащихъ къ ней территоріяхъ 1875 г.

Еще въ 1823 г. возникъ между Англіею и Португаліею споръ о территоріяхъ Тембе и Мапуто и островахъ лежащихъ въ бухтѣ *Делагоа* (или Lourenço-Marquez) на восточномъ берегу Африки и лишь 15-го сент. 1872 г. дѣло это предоставлено на обсужденіе и рѣшеніе президента Французской респуб-

---

[1]) Ст. 34—43.

[2]) По порученію Императора Сан-Жуанское дѣло было изучено тремя извѣстными учеными: Кипертомъ, Гольдшмидтомъ и Гриммомъ

[3]) Документы относящіеся до этого дѣла помѣщены въ 5 т. Papers relating to the treaty of Washington. Текстъ самого рѣшенія см. на стр. 266. Въ извлеченіи они напечатаны также въ *Staatsarchiv*. B XXV, № 5035—5038.

лики. 24-го іюля 1875 г. въ Версали Мак-Магонъ присудилъ всѣ эти спорные пункты Португаліи, потому что доказательства, на которыя она опиралась «были вполнѣ основательны» [1]).

V.

Общіе выводы.

Изъ приведенныхъ нами примѣровъ третейскихъ рѣшеній мы видимъ, что въ нашемъ столѣтіи государства опять начали прибѣгать къ нимъ довольно часто. Они дѣйствительно удобны во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по извѣстному вопросу не можетъ быть достигнуто соглашеніе, а между тѣмъ не стоитъ прибѣгать къ войнѣ. По внѣшней формѣ они бываютъ двухъ родовъ: эти рѣшенія постановляются либо смѣшанными коммиссіями, либо единичными лицами и чаще всего государями или правителями дружественныхъ народовъ. Между этими обѣими формами существуетъ тѣсная связь, такъ что одна нерѣдко переходитъ въ другую: третейскій судья, въ лицѣ общаго посредника, вводится въ составъ смѣшанныхъ коммиссій и не мало содѣйствуетъ успѣшному ходу ихъ работъ. Или, когда онѣ не придутъ къ соглашенію, дѣло препровождается сторонами къ иностранному правителю, обозначенному ими какъ третейскій судья. Иногда, но гораздо рѣже, бываетъ обратное движеніе дѣлъ. Чаще коммиссіи назначаются послѣ третейскаго рѣшенія иностраннаго правителя для выработки подробностей (особенно денежнаго характера) вытекающихъ изъ такого рѣшенія.

Обычай избирать въ третейскіе судьи иностранныхъ правителей во многихъ отношеніяхъ не можетъ быть одобренъ. «Не говоря о трудности для обѣихъ сторонъ остановиться на одномъ и томъ же выборѣ, замѣчаетъ Либеръ, таковой не пред-

---

[1]) Annuaire de l'Institut de Dr. intern 1878 г. p. 270. Подробнѣе у *Calvo;* II, 557.

ставляетъ достаточнаго ручательства вполнѣ безпристрастнаго и серьезнаго изученія дѣла.

Правитель, будучи избранъ въ третейскіе судьи, одинъ извѣстенъ публикѣ въ этомъ качествѣ, а между тѣмъ, самъ онъ лично, при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, не занимается предметомъ спора, да и никто не ожидаетъ отъ него этого. Все происходитъ обыкновенно такъ: государь или президентъ республики отсылаетъ, полученное имъ на третейское рѣшеніе дѣло, къ министру юстиціи или къ иному высокому сановнику, который, въ свою очередь, назначаетъ для этого совѣтника или даже коммиссію съ тѣмъ, чтобы представленный ему докладъ онъ могъ препроводить къ номинальному судьѣ. Такимъ образомъ лица, дѣйствительно рѣшающія дѣло, остаются неизвѣстными или по крайней мѣрѣ не чувствуютъ и не несутъ никакой публичной и конечной отвѣтственности. Непослѣдовательно и опасно довѣрять рѣшеніе высшихъ вопросовъ права и справедливости исполнительной власти, а не лицамъ, извѣстнымъ своими юридическими познаніями и дѣйствительно отвѣтственнымъ. Но съ другой стороны трудно предположить, чтобы частное лице легко согласилось принять должность третейскаго судьи, еслибъ даже стороны пришли на этотъ счетъ къ соглашенію. Несравненно достойнѣе цивилизованныхъ государствъ былъ бы судъ, составленный изъ опытныхъ юристовъ; онъ пользовался бы большимъ авторитетомъ и его рѣшенія скорѣе принимались бы сторонами. Для этого можно было бы обращаться къ юридическимъ факультетамъ иностранныхъ университетовъ. Члены этихъ факультетовъ суть обыкновенно лица, составившія себѣ имя въ наукѣ и въ юридической литературѣ и которыя надѣются, что это имя перейдетъ къ потомству. Они понимаютъ значеніе и вѣсъ серьезнаго рѣшенія вопросовъ относящихся къ высшимъ областямъ права и проникнутся мыслію, что такое рѣшеніе, если будетъ одобрено общественною совѣстію передовыхъ народовъ, войдетъ въ составъ того закона, который управляетъ ихъ взаимными отношеніями».

Юридическій факультетъ какого либо знаменитаго универ-

ситета въ второклассномъ государствѣ представляется Либеру лучше всякой иной коллегіи тѣмъ судомъ, который призванъ рѣшать многіе, можетъ быть даже почти всѣ, великіе международные вопросы. Онъ указываетъ на то, что въ прежнія времена обращались къ извѣстнымъ университетамъ за совѣтомъ по спорнымъ богословскимъ вопросамъ и что недавно еще въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ-то во Франціи и въ Германіи, университеты приглашались высказать свое мнѣніе по вопросамъ гражданскаго и уголовнаго права. Отчего же не перенести это и въ область международныхъ отношеній? Либеръ желаетъ, чтобы два великіе народа, достигнувшіе наибольшей политической свободы, С. Штаты и Англія, приняли на себя починъ въ этомъ новомъ и столь благотворномъ дѣлѣ [1]).

Воззрѣнія Либера кажутся для Кальво [2]) наиболѣе удобопріемлемыми и въ значительной степени раздѣляются и Блюнчли. Во многихъ случаяхъ, говоритъ онъ, не цѣлесообразно избирать въ третейскіе судьи державныхъ лицъ. Если споръ имѣетъ политическую сторону или если политическіе интересы судящаго государства переплетаются съ общественнымъ мнѣніемъ и настроеніемъ одной изъ сторонъ, то раждается опасность, чтобы политическіе мотивы не воздѣйствовали на разбирательство и рѣшеніе дѣла державнымъ судьей. Въ случаѣ же отсутствія политическихъ интересовъ и когда нѣтъ повода сомнѣваться въ безпристрастіи правителя избраннаго въ третейскіе судьи, стороны не имѣютъ гарантіи относительно тѣхъ, быть можетъ совершенно неизвѣстныхъ лицъ, которыя въ качествѣ тайныхъ совѣтниковъ судьи, разберутъ дѣло и приготовятъ его рѣшеніе.

Но съ другой стороны и предложеніе Либера не совсѣмъ улыбается Блюнчли. Какъ бы ни были развиты, замѣчаетъ онъ, въ членахъ юридическихъ факультетовъ научное пониманіе и сознаніе чести, но имъ часто недостаетъ знанія соб-

---

[1]) Письмо о третейскомъ судѣ, отъ 17-го сент. 1865 г къ государственному секретарю Сюарду въ Revue. 1870, p. 480.

[2]) II, 568.

ственно государственныхъ предметовъ. Обыкновенные суды, къ которымъ также можно было бы обратиться, большею частію не отличаются свѣдѣніями по международному праву и знакомствомъ съ широкою государственною практикою. На этомъ основаніи онъ дѣлаетъ предложеніе, чтобы государства соглашались напередъ по рекомендаціи своихъ министровъ юстиціи и юридическихъ факультетовъ составлять списки изъ лицъ хорошо знакомыхъ съ теоріею и практикою международныхъ отношеній. Изъ нихъ выбирались бы потомъ, при возникновеніи несогласій, третейскіе судьи, подъ руководствомъ нейтральнаго государя или президента. Каждое признанное государство имѣло бы право, смотря по величинѣ своего населенія, заносить въ этотъ списокъ извѣстное число лицъ [1]).

Мысль Блюнчли намъ кажется вполнѣ разумною, только при назначеніи судей надо руководиться не величиною государствъ и густотою ихъ населенія, а основнымъ принципомъ равенства: всѣ государства признанныя членами международнаго союза должны имѣть право назначать судей въ равномъ числѣ. Затѣмъ, когда будетъ введенъ международный судъ, можно будетъ изъ его среды выбирать и третейскихъ судей.

Мы впрочемъ имѣемъ и въ новѣйшее время нѣсколько интересныхъ примѣровъ избранія въ третейскіе судьи частныхъ лицъ: Либеръ, а потомъ Thornton были таковыми между С. Штатами и Мексикой; бар. Ледереръ, австрійскій посланникъ въ Вашингтонѣ былъ третейскимъ судьей между С. Штатами и Испаніею; въ самый разгаръ Алабамскаго спора С. Штаты избрали англійскаго посланника Bruce въ судьи между собою и Колумбіею. Въ то же время Англія назначила Curtis изъ Массачузетса въ судьи по дѣлу компаніи Гудзонскаго залива противъ С. Штатовъ. По одному спору С. Штатовъ съ Парагваемъ въ третейскіе судьи избранъ американецъ Cave Johnson изъ Теннеси, постановившій свой приговоръ противъ С. Штатовъ [2]).

---

[1]) Bluntschli, Volkerrecht. 3 изд. 1878, S. 34 и ст. 489.

[2]) *Cushing,* Le traité de Washington, p. 270—272.

Что касается *до предметовъ* третейскаго разбирательства, то они отличаются вообще незначительностію своего политическаго характера и тѣмъ, что представляютъ главнымъ образомъ интересъ имущественный. Но иначе едва ли и можетъ быть въ виду внутреннихъ недостатковъ, присущихъ, какъ увидимъ далѣе, этому способу рѣшенія споровъ между государствами. Все относительно его держится еще на субъективныхъ соображеніяхъ, а не на твердыхъ объективныхъ началахъ права Стороны вольны обращаться къ этому способу, когда имъ заблагоразсудится [1]) и избирать въ третейскіе судьи кого захотятъ. Лице, обозначенное въ этомъ качествѣ, также вольно принять или отклонить эту обязанность.

Столь же неопредѣленны и правила относительно судопроизводства: веденіе дѣлъ, ихъ рѣшеніе—зависятъ отъ благоусмотрѣнія третейскаго судьи. Эта неопредѣленность заставила Институтъ международнаго права выработать проектъ устава для международныхъ третейскихъ судовъ съ которымъ мы познакомимся ниже.

Изъ Вашингтонскаго договора 1871 г. мы можемъ извлечь по Сан-Жуанскому вопросу лишь слѣдующія правила: стороны въ извѣстный срокъ препровождаютъ къ третейскому судьѣ свои мемуары съ дополнительными документами. Число ихъ не должно превышать двухъ: изложеніе собственныхъ воззрѣній и возраженіе на изложеніе противника. Всѣ документы сообщаются сторонами другъ другу. Третейскій судья волент, если находитъ нужнымъ, требовать дальнѣйшихъ поясненій и доказательствъ по тѣмъ пунктамъ, которые ему представляются не достаточно выясненными. Онъ вполнѣ свободенъ разбирать дѣло когда и какъ онъ это находитъ цѣлесообразнымъ и при этомъ либо лично, либо чрезъ посредство одного или нѣсколькихъ лицъ имъ назначенныхъ, въ присутствіи или

---

[1]) Бульмеринкъ (ст Schiedsspruch въ Rechtslexikon Гольцендорфа) говоритъ объ обязанности государствъ обращаться къ третейскому суду, но эта обязанность, при современныхъ условіяхъ, имѣетъ нравственный, а не юридическій характеръ.

отсутствіи агента той или другой стороны; словесно, письменно или инымъ способомъ. Представители сторонъ въ Берлинѣ считаются агентами своихъ правительствъ. Они защищаютъ дѣло послѣднихъ предъ третейскимъ судьей, который обязанъ препровождать къ нимъ всѣ свои сообщенія и мнѣнія.

Рѣшеніе должно состояться какъ можно скорѣе по изложеніи дѣла предъ судьей, быть письменнымъ и считаться сторонами: «совершенно окончательнымъ, подлежащимъ исполненію безъ какого бы то ни было возраженія, уклоненія или отсрочки».

Въ заключеніе замѣтимъ, что кромѣ третейскаго суда съ *репрессивнымъ* характеромъ, т. е. возникающимъ a posteriori, когда несогласія между сторонами уже дѣйствительно существуютъ, въ наше время раздаются все болѣе и болѣе голоса въ пользу *предупредительнаго* третейскаго суда, т. е. такого, который учреждался бы сторонами a priori или въ виду возможныхъ когда либо въ будущемъ между ними столкновеній [1]). Судъ предупредительный имѣетъ за себя два важныя преимущества: соглашеніе о немъ создаетъ юридическую обязанность для государствъ обращаться къ нему въ своихъ распряхъ и достигнуть этого соглашенія практически несравненно легче, когда несогласія еще не существуютъ. Въ пользу такого суда ратуютъ не только писатели, но и палаты нѣкоторыхъ передовыхъ государствъ и высказываются даже немногіе трактаты [2]). Особенно заслуживаетъ вниманія 21-ая ст. Гваделупъ—Гидальгскаго договора 2-го февр. 1848 г. между С. Штатами и Мексикой, по которой стороны обязываются на случай могущихъ возникнуть между ними несогласій, относительно толкованія этого договора или какого бы то ни было вопроса по торговымъ или политическимъ сношеніямъ—употребить всѣ

---

[1]) *Marcoartu.* Internationalism; p 30.

[2]) Уже въ 1796 г., по дог. 4-го ноября С. Штатовъ съ Триполи, стороны обязались (ст. 12) въ случаѣ спора обращаться къ добрымъ услугамъ Алжирскаго бея, который также подписалъ этотъ договоръ. Но это не помѣшало войнѣ скоро вспыхнуть между ними (*Davis.* p. 838).

усилія для мирнаго ихъ устраненія посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ. Но если таковые не увѣнчались бы успѣхомъ, стороны обѣщаютъ другъ другу не прибѣгать къ репрессаліямъ или инымъ враждебнымъ и наступательнымъ дѣйствіямъ, а обращаться къ третейскому разбирательству смѣшанныхъ коммиссій или дружественнаго народа. Предложеніе, сдѣланное одною стороною въ этомъ духѣ, должно быть принято другою по скольку это совмѣстимо съ обстоятельствами дѣла [1]).

Въ 16-ой ст. договора 9-го окт. 1874 г., установившаго Всеобщій Почтовый Союзъ, мы читаемъ: «Въ случаѣ разногласія между двумя или многими членами Союза, относительно толкованія настоящаго договора, спорный вопросъ долженъ быть рѣшенъ третейскимъ судомъ. Для сей цѣли обѣ спорящія администраціи назначаютъ другаго члена Союза, не заинтересованнаго въ дѣлѣ. Рѣшеніе судей постановляется абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Въ случаѣ же раздѣленія голосовъ, судьи избираютъ для окончанія спора другую также не заинтересованную администрацію [2])».

[1]) *Davis*, ib. 571.

[2]) Annuaire de l'Institut de Dr. intern. 1877, p. 316

ГЛАВА V.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРЕТЕЙСКІЙ СУДЪ ВЪ ЖЕНЕВѢ 1871—72 Г.

Алабамскій споръ.

Очеркъ переговоровъ приведшихъ къ Вашингтонскому договору 1871 г.—Его содержаніе.—Личный составъ Женевскаго суда.—Воззрѣнія сторонъ на Алабамское дѣло.—Споръ о косвенныхъ убыткахъ.—Возраженія сторонъ другъ другу —Очеркъ занятій суда —Его рѣшеніе.—Мнѣнія отдѣльныхъ судей.—Заключеніе.

Споръ, возникшій между Англіею и Соединенными Штатами во время междуусобной войны 1861—65 г. въ послѣдствіяхъ и получившій громкую извѣстность подъ именемъ *Алабамскаго* (Alabama-Claims), принадлежитъ къ важнѣйшимъ, интереснѣйшимъ, но и запутаннѣйшимъ вопросамъ въ области современнаго международнаго права. Онъ поднялъ едва ли не всѣ споры и противорѣчія, которые до сихъ поръ существуютъ и въ жизни, и въ наукѣ относительно правъ и обязанностей государствъ нейтральныхъ и послѣ того, какъ дипломатія, послѣ многолѣтнихъ переговоровъ, оказалась безсильною для его окончанія онъ былъ, наконецъ рѣшенъ настоящимъ *международнымъ третейскимъ судомъ* и при томъ составленнымъ такъ, что изъ пяти его членовъ, меньшинство (2 члена) принадлежало самимъ заинтересованнымъ государствамъ, а большинство (3 члена) было назначено нейтральными, конечно по желанію первыхъ. Такимъ образомъ, являясь расширеніемъ и усовершенствованіемъ началъ, характеризующихъ смѣшанныя коммиссіи, женевскій судъ есть первая, хотя слабая, но весьма интересная попытка, организаціи международнаго суда въ собственномъ смыслѣ этого слова. Эта попытка интересна для насъ

еще въ другомъ отношеніи: она увѣнчалась успѣхомъ, несмотря на то, что судъ былъ призванъ разсмотрѣть и рѣшить дѣло, которое касалось не однихъ убытковъ частныхъ лицъ, но и чести двухъ великихъ, передовыхъ державъ, давно раздѣленныхъ національными предразсудками и интересами. Дѣло столь трудное по своей новизнѣ и важности, осложнялось еще возбужденіемъ національныхъ страстей по сю и по ту сторону океана, недовѣрчивымъ отношеніемъ къ нему печати и большинства образованныхъ людей, нехотѣвшихъ отрѣшиться отъ вѣковой рутины. Но правда восторжествовала и это есть одна изъ немногихъ свѣтлыхъ страницъ въ печальной лѣтописи нашего времени [1]).

Въ виду такой важности Алабамскаго дѣла мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе и постараемся, хотя въ сжатомъ очеркѣ, воспроизвести всѣ его главныя черты [2]).

---

[1]) Мы не согласны съ *Гефкеномъ* въ томъ, что война по Алабамскому дѣлу была невозможна, такъ какъ С. Штаты были еще крайне истощены только что окончившеюся междуусобною войною, а Англія находилась на пути преобразованія своего флота и войска (Alabama-Frage, стр. 2). Справедливо, что стороны *серьезно* желали мира, но это желаніе, въ настоящее время, всеобщее у народовъ и между тѣмъ сколько войнъ было вызвано несравненно меньшими разногласіями между государствами. Нерѣшеніе Алабамскаго спора поставило бы вѣроятно отношенія между Англіею и С. Штатами на ту же ногу скрытой, но сильной вражды, на какой находятся отношенія между Франціею и Германіею со времени Франкфуртскаго мира.

[2]) Объ Алабамскомъ вопросѣ существуетъ цѣлая литература объ немъ писали почти всѣ извѣстные публицисты нашего времени. Главнымъ источникомъ для насъ послужили. Papers relating to the treaty of Washington, изд. правительства С. Шт 1872—74. 6 томовъ.

Montague Bernard A historical account of the Neutrality of Great Britain during the American civil war. 1870. (Съ англійской точки зрѣнія)

Caleb Cushing. Le traité de Washington 1874. (Съ американской точки зрѣнія. Авторъ былъ совѣтникомъ С Штатовъ при Женевскомъ судѣ).

Calvo. Examen des trois règles de droit international proposées dans le traité de Washington. (Изслѣдованіе представленное авторомъ Институту международнаго права на Женевскомъ съѣздѣ въ 1874 г., въ качествѣ

I.

Очеркъ переговоровъ приведшихъ къ Вашингтонскому договору. 1871 г.

Броснмъ сперва общій взглядъ на ходъ дипломатическихъ переговоровъ по Алабамскому дѣлу [1]). Они начались депешею Адамса, посланника Штатовъ къ Россслю 20-го ноября 1862 г. т. е. 4 мѣсяца спустя послѣ выхода въ море Алабамы. Указывая на факты, относящіеся до этого капера. онъ проснть «удовлетворенія за оскорбленія, причиненныя такимъ образомъ народу и частнымъ лицамъ С. Штатовъ». Но Россель (19-го дек. 1862 г.) отвергнулъ категорическн всякую отвѣтственность Англіи за дѣйствія Алабамы.

23-го окт. 1863 г. Адамсъ дѣлаетъ ему новое предложеніе: покончить это дѣло какою либо удобопріемлемою формою третейскаго разбирательства. Въ 1865 г. (7-го апр.) Адамсъ во-

---

чіена коммиссіи, учрсжденной Институтомъ для изученія трехъ правилъ Вашингтонскаго договора).

Rolin-Jaequetyns. Цѣлый рядъ замѣтокъ и далѣе статей въ издаваемой имъ Revue:

1869, p. 153 и 449 (отклоненіе Американскимъ сенатомъ дог. Кларендона-Джонсона).

1870, p 142 (о книгѣ Есперсона).

1871, p. 113 (дѣльный разборъ книги Бернарда) и

1872, p. 127 (о косвенныхъ убыткахъ).

Geffcken. Die Alabama-Frage. 1872

Bluntschli. Opinion impartiale sur la question de l'Alabama et sur la manière de la résoudre, въ Revue. 1870. p. 452.

Pradier-Fodéré. La question de l'Alabama et le droit des Gens. 1872.

Rivier. L'affaire de l'Alabama et le tribunal arbitral de Genève въ Bibliothèque universelle et Revue Suisse. 1872 Décembre p. 577.

Esperson. La questione Anglo-Americana dell'Alabama dopo il discorso del senatore Sumner al senato di Washington. 1869.

Pierantoni La questione Anglo-Americana dell'Alabama 1870.

Его-же. Gli arbitrati internazionali e il trattato di Washington. 1872.

Paretti. Degli arbitrati internazionali. 1875. p. 128.

[1]) Очеркъ ихъ сдѣланъ въ Argument of the United States delivered to the tribunal of arbitration at Geneva, June 15, 1872 въ Papers, Vol. III, p. 189—200.

зобновляетъ свои жалобы. Упомянувъ о паденіи торговли Штатовъ и о переходѣ ея къ Англіи, благодаря ея содѣйствію агентамъ Южанъ, онъ дѣлитъ уже въ маѣ этого года убытки, понесенные его отечествомъ, на прямые и косвенные и возлагаетъ на Англію отвѣтственность за тѣ и другіе. Россель нашелъ это мнѣніе, объ отвѣтственности Англіи за національные убытки Штатовъ, весьма опаснымъ для морскихъ державъ и отклонилъ какъ обращеніе къ третейскому суду, такъ и дарованіе какого либо вознагражденія или удовлетворенія за призы, взятые Алабамою. Въ этихъ депешахъ Росселя мы впервые встрѣчаемъ общее обозначеніе этихъ пререканій словомъ: Алабамскихъ (Alabama—Claims). Такъ кончился первый періодъ переговоровъ: полною ихъ неудачею.

Затѣмъ они продолжаются въ 1866 г. и 67 г. Джонсону, замѣнившему Адамса, удалось подписать съ Станлеемъ (англійскимъ секретаремъ иностранныхъ дѣлъ) конвенцію 10-го ноября 1868 г [1]). Сюардъ предложилъ однако нѣкоторыя измѣненія въ этой конвенціи [2]) и когда Кларендонъ, заявшій между тѣмъ мѣсто Станлея, въ цѣломъ согласился на эти измѣненія, Джонсонъ подписалъ съ нимъ въ Лондонѣ извѣстную конвенцію 14-го янв. 1869 г. [3]). Но и ея участь сдѣлалась не лучше участи ея предшественницы: едва стала она извѣстна, какъ въ Америкѣ раздались сильные голоса противъ нея. Въ американскій сенатъ поступила даже петиція нѣкоего Уптона, требовавшая прямо, чтобы «конвенція о жалобахъ» (Claims-Convention, какъ называли договоръ 14-го янв.) была отверг-

---

[1]) *Staatsarchiv*. B. XXI; № 4464.

[2]) Напр., чтобы она держалась какъ можно ближе къ тексту заключенной между С Шт. и Англіею конвенціи 1853 г. и чтобы она не дѣлала различія между общими жалобами и собственно такъ называемыми алабамскими. (Ib. № 4467, 4466 и особенно 4469).

[3]) Тамъ-же, № 4172 Она отличается отъ конв 10-го ноября главнымъ образомъ тѣмъ, что всѣ жалобы между обѣими странами, и въ томъ числѣ и алабамскія, обсуждаются и рѣшаются одинаково (смѣшанною коммиссіею изъ 4 коммиссаровъ, выбирающихъ общаго посредника) и для послѣднихъ въ общіе посредники не избирается глава какого либо государства.

нута [1]). Общественное мнѣніе въ Штатахъ все рѣзче и рѣзче стало высказываться въ этомъ смыслѣ. Комитетъ иностранныхъ дѣлъ при сенатѣ подъ предсѣдательствомъ Семнера (Sumner) высказался 18-го февр. 1869 г. противъ принятія этой конвенціи [2]). Послѣ этого Джонсону ничего не осталось дѣлать, какъ извѣстить англійское правительство [3]) о недоумѣніяхъ, вызванныхъ заключенною имъ конвенціею въ Америкѣ. Онъ указываетъ, что главный ея недостатокъ усмотрѣнъ въ томъ, что предоставляя третейскому суду жалобы частныхъ лицъ, она ничего не говоритъ о жалобахъ одного правительства противъ другаго. Для удовлетворенія послѣдняго требованія онъ предложилъ небольшое добавленіе къ первой статьѣ конвенціи. Но Кларендонъ не согласился на это добавленіе, потому что увидѣлъ въ немъ значительное уклоненіе отъ словъ и смысла конвенціи 1853 г.

Между тѣмъ американскій сенатъ въ засѣданіи 13-го апр. 1869 г. отвергъ 54 голосами противъ 1, конвенцію 14-го янв. Пр этомъ Сѐмнеръ произнесъ краснорѣчивую рѣчь, надѣлавшую въ свое время много шума [4]). Этимъ кончается второй

---

[1]) На слѣдующихъ основаніяхъ: во 1-хъ въ виду продолжительности сроковъ, установляемыхъ въ ней для удовлетворенія жалобъ и во 2-хъ особенно потому, что она ставитъ на одну ногу жалобы Англичанъ и Американцевъ, между тѣмъ какъ послѣдніе несравненно болѣе важны и требуютъ совершенно спеціальнаго разсмотрѣнія. (Ib. № 4475).

[2]) Тоже сдѣлала легислатура штата Массачузетса (Тамъ-же, № 4476).

[3]) Въ депешѣ 25-го марта 1869 г. (Ib. № 4477).

[4]) Въ ней онъ особенно горько жалуется на то, что конв. 14-го янв. будучи сколкомъ съ конв. 1853 г. говоритъ о какихъ-то жалобахъ частныхъ лицъ и умалчиваетъ о самой существенной, обще-государственной сторонѣ дѣла. Она какъ бы капитулируетъ предъ непріятелемъ и, вмѣсто дѣйствительнаго возстановленія мира, оставляетъ въ глубинѣ народнаго сердца Американцевъ чувство великой несправедливости. Англія — эта страна Вильберфорса, истратившая милліоны на освобожденіе негровъ и повсюду провозгласившая свободу, во время междуусобной брани въ Америкѣ, бросила свой мечъ на вѣсы въ пользу рабства. Когда сооружитель Алабамы, членъ палаты общинъ, защищалъ свое дѣло противъ Брайта, палата отвѣчала ему рукоплесканіями. *Rolin—Jaequemyns* въ Revue, 1869, p. 449—456. Анализъ этой рѣчи англійскимъ посланникомъ Thorn-

періодъ переговоровъ, приведшихъ къ соглашенію между дипломатами, но отвергнутому правительствами.

Затѣмъ слѣдуетъ перерывъ почти на два года. Можно было опасаться, чтобы взаимное ожесточеніе сторонъ не вызвало войны, но послѣдовалъ еще третій и послѣдній періодъ переговоровъ, приведшій къ Вашингтонскому договору, но не къ окончанію еще всѣхъ споровъ. Онъ начинается 26-го янв. 1871 г., съ предложенія англійскаго посланника Торнтона американскому правительству [1]) созвать въ Вашингтонѣ «соединенную высокую коммиссію (Joint High Commission) для разсмотрѣнія споровъ о рыболовствѣ и вообще тѣхъ недоразумѣній, которыя касались отношеній С. Штатовъ къ англійскимъ колоніямъ въ сѣверной Америкѣ» [2]). Фишъ, съ американской стороны, согласился на это подъ условіемъ, чтобъ «эта коммиссія разсмотрѣла также тѣ несогласія, которыя возникли во время послѣдней междуусобной войны въ Америкѣ изъ дѣйствій нѣкоторыхъ кораблей и получили извѣстность подъ именемъ Алабамскаго дѣла. Рѣшеніе названнаго дѣла весьма важно для возстановленія искреннихъ и дружественныхъ отношеній между обоими правительствами» [3]).

Англія не замедлила дать свое согласіе на это предложеніе Фиша и уже 27-го февр. 1871 г. соединенная коммиссія открыла свои засѣданія въ Вашингтонѣ [4]). Она имѣла до 6-го

---

ton въ Вашингтонѣ см. Staatsarchiv, № 4481. Ею между прочимъ вызваны монографіи Есперсона и Блюнчли объ Алабамѣ.

[1]) На эту податливость Англіи имѣло сильное вліяніе тогдашнее положеніе политическихъ дѣлъ и войны между Франціею и Германіею. Ср. *Cushing*. Traité de Washington, p. 21.

[2]) Staatsarchiv; № 4489.

[3]) Тамъ-же, № 4490.

[4]) С. Штаты назначили: Hamilton *Fish*, государственнаго секретаря; генерала Robert *Schenck*, новаго посланника въ Лондонѣ; Samuel *Nelson*, члена верховнаго суда; Ebenezer Rockwell *Hoar*, бывшаго attorney-general и George *Williams*, члена сената.

Представителями Англіи были: Earl de *Grey* and of *Ripon*, президентъ Тайнаго Совѣта; Sir Stafford Henry *Northcote*, членъ парламента; Edward *Thornton*, посланникъ въ Вашингтонѣ; John *Macdonald*, ми-

мая 37 засѣданій, на которыхъ обсуждала не только Алабамское дѣло, но и другіе различные споры между Штатами и англійскими колоніями въ Америкѣ. Результатомъ ея занятій былъ знаменитый договоръ 8-го мая 1871 г., получившій названіе *Вашингтонскаго*. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя онъ былъ утвержденъ американскимъ сенатомъ большинствомъ 50 голосовъ противъ 12 и одобренъ англійскимъ парламентомъ, хотя и вызвалъ въ немъ оживленныя пренія [1]).

II.

Содержаніе Вашингтонскаго договора.

Изъ 43 статей Вашингтонскаго договора [2]) собственно Алабамскому дѣлу посвящены первыя 11. Вотъ ихъ содержаніе:

Такъ какъ между правительствами С. Штатовъ и Великобританіи возникли и до сихъ поръ существуютъ разногласія, благодаря дѣйствіямъ нѣкоторыхъ кораблей,—давшія поводъ къ жалобамъ, извѣстнымъ подъ общимъ именемъ «Алабамскихъ» и такъ какъ англійское правительство уполномочило своихъ представителей выразить въ дружественномъ тонѣ сожалѣніе, чувствуемое имъ по поводу выхода—при какихъ бы то ни было

нистръ юстиціи и attorney-general въ Канадѣ и Montague *Bernard*, проф. межд. права въ Оксфордѣ. Интересна инструкція англійскимъ уполномоченнымъ (тамъ-же, № 4494). Американскую инструкцію, съ присоединеніемъ къ ней конфиденціальной записки см. въ *Papers;* VI, 273 и 277. Важный послѣдній протоколъ въ *Staatsarchiv*, № 4496 и *Papers*, VI, 395—406.

Нельзя не согласиться съ Гефкеномъ, который порицаетъ дѣйствія англійскаго правительства и дипломатіи въ это время: „Податливость Англіи, говоритъ онъ, естественно должна была усилить требовательность Америки. Особенно было неблагоразумно вести переговоры среди такой торжественной обстановки, обратившей на себя всеобщее вниманіе, безъ всякой пользы для дѣла. Опытный юристъ, въ качествѣ совѣтника англійскаго посланника, вѣроятно сдѣлалъ бы болѣе, чѣмъ эти знатные дилеттанты, назначенные въ англійскіе комиссары". (Стр. 43).

[1]) Hansard's Parliamentary Debates. Third series. Vol. CCVIII; 1871, p. 861—925.

[2]) *Papers;* VI, 409—424. *Staatsarchiv*, № 4497.

обстоятельствахъ, изъ британскихъ портовъ Алабамы и другихъ кораблей и по поводу опустошеній, совершенныхъ послѣдними; то для разсмотрѣнія и рѣшенія этихъ Алабамскихъ жалобъ, стороны согласились предоставить ихъ на третейскій судъ, составленный изъ пяти лицъ, такимъ образомъ, что каждая изъ нихъ назначаетъ по одному судьѣ, а остальные трое выбираются Италіею, Швейцаріею и Бразиліею.

Въ случаѣ смерти одного изъ судей или пренебреженія имъ своихъ обязанностей, государство, назначившее его, дѣлаетъ новый выборъ, а если таковой не послѣдуетъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, просьба о немъ обращается къ королю Швеціи (ст. 1).

Уже эта первая статья не можетъ не произвести страннаго впечатлѣнія: «Англійское правительство, говоритъ Гефкенъ, выразило публично свое сожалѣніе о дѣйствіяхъ, которыя оно до сихъ поръ юридически оправдываетъ въ принципѣ!»

Третейскіе судьи собираются въ Женевѣ, въ Швейцаріи, въ срокъ возможно краткій по своемъ назначеніи и приступаютъ къ безпристрастному и тщательному разсмотрѣнію всѣхъ вопросовъ, которые имъ будутъ представлены со стороны обоихъ правительствъ. Всѣ рѣшенія, не исключая и окончательнаго, принимаются большинствомъ голосовъ.

Оба правительства назначаютъ при судѣ по одному агенту, который обязанъ присутствовать на засѣданіяхъ и быть вообще по всѣмъ дѣламъ представителемъ своего правительства (ст. 2).

Стороны вручаютъ судьямъ и агентамъ противника въ двойномъ экземплярѣ письменное или печатанное изложеніе (case) дѣла, со всѣми документами, на которые онѣ ссылаются. Передача эта дѣлается возможно скоро и не позднѣе 6 мѣсяцевъ по обмѣнѣ ратификацій настоящаго договора (ст. 3).

Въ слѣдующіе за симъ 4 мѣсяца (но судьи могутъ, если нужно, продлить этотъ срокъ) стороны имѣютъ право представить возраженіе (counter — case) на изложеніе противника, также съ дополнительными документами. Документы, упоминаемые въ этихъ актахъ и находящіеся въ исключительномъ обладаніи одной стороны, могутъ быть чрезъ посредство суда вытребо-

ваны другою въ оригиналѣ или же въ удостовѣренной копіи (ст. 4).

Въ теченіе 2 мѣсяцевъ по предъявленіи возраженій агенты передаютъ каждому изъ судей и другъ другу, также въ двойномъ экземплярѣ, защитительный актъ (argument), въ которомъ излагаются мнѣнія и доказательства его правительства. Но по всѣмъ спорнымъ пунктамъ судьи вольны требовать дальнѣйшихъ разъясненій, чрезъ письменное ли изложеніе или устное, на что противникъ можетъ отвѣчать такимъ же образомъ (ст. 5).

При разбирательствѣ судьи должны руководиться слѣдующими тремя правилами, спеціально принятыми сторонами для настоящаго случая, а также тѣми принципами международнаго права, которые, по ихъ мнѣнію, не противорѣчатъ этимъ правиламъ и приложимы къ каждому данному случаю.

ПРАВИЛА:

Нейтральное правительство обязано:

Во 1-хъ употреблять все должное стараніе (to use due diligence) для того, чтобы, въ предѣлахъ своей юрисдикціи, предупреждать снаряженіе и вооруженіе всякихъ кораблей, назначаемыхъ, по его мнѣнію, къ крейсированію или враждебнымъ дѣйствіямъ противъ государства, съ которымъ оно само находится въ мирѣ; а равно прилагать подобное же стараніе къ тому, чтобы не допускать, въ предѣлахъ своей юрисдикціи, выхода такихъ кораблей, которые были въ цѣломъ или въ частяхъ, спеціально приспособлены къ военнымъ цѣлямъ.

Во 2-хъ, ни дозволять, ни терпѣть, чтобы какая либо изъ воюющихъ сторонъ обращала его воды или порты въ базисъ своихъ военно-морскихъ операцій противъ врага или пользовалась ими для снабженія себя оружіемъ, боевыми запасами или для вербованія людей.

Въ 3-хъ, зорко слѣдить въ своихъ водахъ и портахъ за

всѣми лицами для того, чтобы предупреждать всякое нарушеніе этихъ правилъ.

Англія кромѣ того поручила своимъ представителямъ заявить, что она эти правила не можетъ считать выраженіемъ принциповъ международнаго права существовавшихъ во время возникновенія Алабамскаго дѣла; но съ другой стороны, желая доказать свое стремленіе къ укрѣпленію дружественныхъ сношеній между обѣими странами и издать правила, полезныя для будущаго, она выразила согласіе на то, чтобы судьи, при рѣшеніи представленныхъ имъ вопросовъ, исходили изъ той мысли, будто Англія не имѣла намѣренія уклоняться отъ принциповъ, высказанныхъ въ этихъ правилахъ [1]).

Наконецъ, стороны обязуются соблюдать ихъ между собою и въ будущемъ и довести ихъ до свѣдѣнія другихъ морскихъ державъ съ цѣлію пригласить ихъ приступить къ нимъ. (Ст. 6).

Рѣшеніе суда должно состояться, если возможно, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ по представленіи сторонами всѣхъ документовъ. Оно должно быть письменное съ обозначеніемъ числа и подписи тѣхъ судей, которые съ нимъ согласны.

По отношенію къ каждому кораблю отдѣльно, судъ обязанъ опредѣлить: нарушила ли Великобританія дѣйствіемъ или опущеніемъ (by any act or omission) обязанности, возлагаемыя на нее вышеназванными тремя правилами и не противорѣчащими имъ принципами международнаго права и затѣмъ удостовѣрить этотъ фактъ также по отношенію къ каждому кораблю. Если судъ усмотритъ вину Великобританіи онъ можетъ, если найдетъ удобнымъ, приговорить ее къ уплатѣ одной общей суммы С. Штатамъ за всѣ дѣлаемыя ими жалобы и уплата эта должна воспослѣдовать въ Вашингтонѣ металлическими деньгами въ 12 мѣсячный срокъ со дня самого рѣшенія (Ст. 7).

Каждое правительство выдаетъ содержаніе своему агенту,

---

[1]) Какое странное признаніе за ними обратной силы и въ то же время, какое явное доказательство недостаточности *положительнаго* международнаго права!

совѣтнику, назначенному имъ судьѣ и несетъ издержки по составленію и докладу своего дѣла. Затѣмъ всѣ остальные расходы падаютъ по-ровну на оба правительства (Ст. 8).

Всѣмъ своимъ засѣданіямъ судъ ведетъ аккуратный протоколъ и назначаетъ для дѣлопроизводства нужное число чиновниковъ (Ст. 9).

Въ случаѣ, если бы онъ не присудилъ одной общей суммы, стороны назначаютъ смѣшанную коммиссію изъ трехъ лицъ; каждая выбираетъ по одному, а третье назначается представителемъ Италіи въ Вашингтонѣ. Она собирается въ Вашингтонѣ, Нью-Іоркѣ или Бостонѣ и обязана удостовѣрить и опредѣлить какія жалобы дѣйствительны и что должна уплатить Англія Штатамъ по отношенію къ каждому кораблю, въ предѣлахъ признанной судомъ отвѣтственности (Ст. 10).

Рѣшенія суда и этой коммиссіи признаются сторонами окончательными по всѣмъ Алабамскимъ жалобамъ, а если нѣкоторыя изъ нихъ не были предъявлены суду, онѣ, по окончанію его засѣданій, считаются также рѣшенными и не допускаемыми ни до какого дальнѣйшаго разсмотрѣнія (Ст. 11).

III.

Личный составъ суда.

Въ силу Вашингтонскаго трактата въ члены *Женевскаго суда* [1]) избрали: С. Штаты: *Адамса;* Англія: *Кокборна;* Италія—Гр. *Склописа;* Швейцарія—*Стемпфли* и Бразилія—барона *Итаюба* [2]). Кромѣ того агентъ С. Штатовъ при судѣ

---

[1]) Собственно Женевскому суду посвященъ 4-й томъ *Papers*. Но протоколы его засѣданій даютъ намъ весьма краткія о нихъ свѣдѣнія.

[2]) Интересныя біографическія свѣдѣнія о нихъ сообщаетъ *Кёшингъ*: (Назв. соч. стр. 103 сл.). Charles Francis *Adams* былъ посланникомъ въ Лондонѣ во время междуусобной войны; Графъ Frédéric *Sclopis* de Salerano, государственный министръ и сенаторъ, пользовался извѣстностью и своими учеными трудами (въ особенности „Исторіею италіанскаго законодательства“); Jacob *Staempfli* былъ избираемъ три раза въ президенты Швейцарской республики; баронъ (возведенный въ это время въ виконты) *d'Itajuba* въ молодости занималъ одну изъ каѳедръ по правовѣдѣнію въ

былъ Банкрофтъ *Дэвисъ*, а Англіи лордъ *Тентерденъ*. С. Штаты назначили трехъ совѣтниковъ [1]), а Англія одного [2]).

Относительно состава Женевскаго суда можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній: *Бульмеринкъ* [3]) видитъ ошибку въ томъ, что спорящія стороны назначали также по одному судьѣ. Это было даже и излишне, такъ какъ онѣ уже имѣли при судѣ по оффиціальному представителю, каждая въ лицѣ своего агента.

Мы полагаемъ, что государства не скоро еще согласятся предоставлять рѣшеніе своихъ споровъ суду, въ которомъ не будутъ засѣдать спеціально и члены отъ нихъ. Но съ юридической стороны его замѣчаніе совершенно вѣрно: чѣмъ важнѣе споръ, тѣмъ труднѣе строго-объективное отношеніе къ нему гражданъ заинтересованной стороны и поведеніе Кокборна скорѣе повредило, чѣмъ оказало пользу праву и интересамъ Англіи. Между тѣмъ хорошо выбранные агенты болѣе всего способны отстоять дѣло своего правительства на сколько оно правое. Это подтверждаетъ намъ личность Пальмера.

Пернамбукскомъ университетѣ, а потомъ около 40 лѣтъ съ отличіемъ проходилъ дипломатическое поприще въ качествѣ представителя своего отечества въ Гамбургѣ, Ганноверѣ, Копенгагенѣ, Берлинѣ и наконецъ въ Парижѣ. Sir Alexander *Cockburn* былъ Lord Chief Justice сперва суда Common Pleas, а потомъ „Королевской Скамьи“. По мнѣнію Кѣшинга онъ былъ призванъ занять мѣсто въ Женевскомъ судѣ по своему высокому посту въ качествѣ президента одного изъ наиболѣе уважаемыхъ судовъ въ Европѣ, но по своему характеру онъ оказался рѣшительно неспособнымъ къ „спокойному, безпристрастному и юридическому разсмотрѣнію великихъ вопросовъ публичнаго права“. Къ сожалѣнію Кокборнъ держалъ себя дѣйствительно не какъ судья, а „какъ до нѣкоторой степени представитель Великобританіи“, но страстность, съ которою Кѣшингъ говоритъ о немъ неоднократно значительно портитъ его интересную книгу о Вашингтонскомъ договорѣ.

[1]) Caleb *Cushing*, William *Evarts* и Morrisen *Waite*.

[2]) Sir Roundell *Palmer*. Но ему содѣйствовали кромѣ того Montague *Bernard* и *Cohen*. Другихъ второстепенныхъ чиновниковъ перечисляетъ Кѣшингъ; Тамъ-же стр. 131.

[3]) Art. Schiedsspruch въ Holtzendorff's Rechtslexikon.

Другой недостатокъ въ Женевскомъ судѣ видитъ *Филлиморъ*: «устройство его, говоритъ онъ, не было таково, чтобы придать его мнѣніямъ силу того авторитета, который необходимъ для созданія новыхъ, обязательныхъ для государствъ принциповъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ. Не только Австрія, Россія, Пруссія, Испанія въ немъ не имѣли представителей, но и многія другія государства, хотя меньшія въ территоріальномъ отношеніи, но равныя имъ по своему нравственному авторитету, между которыми на первомъ планѣ стоитъ Голландія, болѣе всѣхъ сдѣлавшая для развитія международнаго права». Очевидно, въ этихъ словахъ Филлиморъ жалуется на то, что Женевскій судъ не былъ облеченъ бо́льшимъ международнымъ характеромъ. Въ этомъ онъ совершенно правъ и мы полагаемъ, что будущее именно призвано рѣшить эту проблемму [1])».

Съ нашей стороны мы сдѣлаемъ еще небольшое замѣчаніе: въ выборахъ членовъ этого суда перевѣсъ данъ политическому элементу надъ юридическимъ.

Очевидно оба они должны быть уравнены или же послѣднему подобаетъ преимущество, понимая его конечно не въ гражданскомъ, а въ международномъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ вліяніе дипломатовъ должно быть второстепенное и держаться строго въ предѣлахъ служебнаго характера.

Судъ открылъ свои засѣданія 15-го декабря 1871 г. и имѣлъ всего до 14-го сентября 1872 г. 32 засѣданія. Они происходили въ зданіи ратуши въ Женевѣ [2]). По предложенію Адамса въ предсѣдатели избранъ гр. Склопись, потому что Италія въ Вашингтонскомъ договорѣ названа первою послѣ договаривающихся сторонъ. Въ секретари суда, по мысли Склописа, на-

---

[1]) Мы также вполнѣ согласны съ другимъ мнѣніемъ Филлимора, что „собраніе, составленное изъ лицъ столь извѣстныхъ своими познаніями, умомъ, честностью и занимавшихъ высокіе посты въ жизни, должно оказать значительное вліяніе на теоретическое и практическое развитіе тѣхъ началъ международнаго права, въ пользу которыхъ оно высказалось, выслушавъ мнѣнія адвокатовъ наиболѣе компетентныхъ“.

[2]) Въ такъ называемой Salle des Conférences.

значенъ Фавро (Alexandre Favrot). Протоколы велись на двухъ языкахъ, на англійскомъ и французскомъ. Не смотря на то, что судьи всѣ были различной національности и ни одинъ изъ нихъ не принадлежалъ къ французской, но въ частныхъ и оффиціальныхъ сношеніяхъ они употребляли языкъ французскій. «Такимъ образомъ, замѣчаетъ Кешингъ, они по текущимъ дѣламъ не говорили на своихъ родныхъ языкахъ, но встрѣчались всѣ на нейтральной почвѣ языка по преимуществу дипломатическаго въ Европѣ [1]).»

Получивъ отъ обоихъ правительствъ ихъ изложенія Алабамскаго дѣла судъ рѣшилъ на другой же день отсрочить свои засѣданія до 15-го іюня 1872 г.

Мы должны теперь, хотя въ общихъ чертахъ, познакомиться съ обоими документами.

IV.

Воззрѣнія сторонъ на Алабамское дѣло.

Американское изложеніе [2]) написано весьма логично и отличается обиліемъ фактовъ и научнаго матеріала, но съ другой стороны оно очевидно растянуто и проникнуто тѣмъ духомъ «нерасположенія», въ которомъ упрекаетъ Англію. Многіе пункты въ немъ вовсе не могли быть подвергнуты судебному разбирательству и оно не безъ явнаго преувеличенія формулируетъ всѣ національныя антипатіи и требованія Американцевъ противъ Англіи.

Во главѣ мемуара, послѣ введенія, стоитъ первый, обширный отдѣлъ—словно ключъ «о недружелюбіи или враждебности Великобританіи». Цѣль его доказать, что во все это время Англія питала къ Сѣверу: «постоянное и расчитанное нерасположеніе, которое являлось настоящимъ мотивомъ всѣхъ ея опущеній и дѣйствій, столь несовмѣстимыхъ съ обязанностями нейтралитета и вызвавшихъ наконецъ жалобы С. Штатовъ».

---

[1]) Назв. соч. стр. 35.

[2]) The case of the United States laid before the Tribunal of Arbitration, convened at Geneva. *Papers.* Vol I, p. 1—204. Въ извлеченіи: *Staatsarchiv*, № 4625.

О существованіи этой враждебности Англіи нельзя спорить. Если англійское правительство въ своемъ возраженіи говоритъ, что «предметъ спора между обѣими сторонами составляютъ дѣйствія, а не мотивы», и что «весь вопросъ объ этомъ не подлежитъ обсужденію», то мы должны согласиться съ Гефкеномъ [1]), что «однако мотивы составляютъ волю, которая поднимаетъ руку на дѣйствія. Безъ политическихъ симпатій англійскихъ правительственныхъ сферъ къ Югу, едва ли возникнулъ бы самый Алабамскій вопросъ». Мы знаемъ, что на сторонѣ Сѣвера стояли тогда въ Англіи только рабочіе классы и Брайтъ съ своею партіею, между тѣмъ какъ аристократія склонялась къ Югу и оказывала сильное давленіе и на правительство.

Враждебность Англіи мемуаръ доказываетъ двумя фактами: признаніемъ южанъ воюющею стороною въ прокламаціи королевы отъ 13-го мая 1861 г. и переговорами, которые вела Англія одновременно въ Вашингтонѣ и въ Ричмондѣ съ цѣлію добиться присоединенія Штатовъ къ парижской декларациі 1856 г. Мемуаръ не отвергаетъ верховнаго права Англіи издавать такія прокламаціи, но говоритъ, что акъ 13-го мая 1861 г. былъ преждевременный и недружелюбный. Онъ ссылается на слова о немъ Роленъ—Жекмена: «Англія очевидно поспѣшила воспользоваться своимъ строгимъ правомъ, торжественно засвидѣтельствовавъ, что Союзъ былъ потрясенъ и оказавъ чрезъ это возстанцамъ въ глазахъ всего свѣта поддержку. Прокламація 13-го мая явилась наканунѣ того дня, когда новый посланникъ Штатовъ, Адамсъ, долженъ былъ явиться въ Лондонъ и въ эпоху, когда южные Штаты не существовали еще въ качествѣ морской державы [2]), имѣя флотъ и призовые суды лишь на бумагѣ» [3]).

---

[1]) Alabama-Frage. S. 4—5.

[2]) Какъ извѣстно въ февралѣ 1861 г. 7 Штатовъ отдѣлились отъ Союза, а въ апрѣлѣ примѣру ихъ послѣдовали еще 4.

[3]) Revue; 1871, p. 123. Этотъ вопросъ о признаніи возставшихъ воюющею стороною вызвалъ много споровъ въ литературѣ. Блюнчли между

Гораздо предосудительнѣе являются дѣйствія англійскихъ дипломатовъ въ переговорахъ о парижской декларації. Въ апрѣлѣ 1861 г. Сюардъ поручилъ Адамсу заявить Англіи о готовности Штатовъ принять безъ измѣненій четыре постановленія декларації. Не смотря на то, что эти постановленія составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, Англія открыла въ тоже время, чрезъ своего консула въ Чарльстонѣ, переговоры съ Ричмондскимъ правительствомъ, предлагая ему принять три пункта парижской декларації, не отказываясь отъ каперства, которое было для него могущественнымъ оружіемъ для борьбы съ Сѣверомъ.

Когда Вашингтонское правительство поняло эти интриги, оно отказалось отъ принятія парижской декларації, но въ своемъ мемуарѣ заявляетъ, что подобное злоупотребленіе Англіею дипломатическихъ привилегій уже само по себѣ составляетъ достаточный поводъ къ войнѣ и что, поступая такъ, Англія «стремилась къ уничтоженію американской торговли (или къ привлеченію ея подъ британскій флагъ) и хотѣла лишить С. Штаты ихъ главнаго оружія. Получивъ признаніе отъ Южанъ втораго и третьяго пункта парижской декларації она обезпечивала свободу своей торговли, какъ нейтральной и давала узаконеніе каперству, въ прямой ущербъ Штатамъ» [1]).

прочимъ въ своей статьѣ объ Алабамѣ доказываетъ, что Англія, признавая южные Штаты воюющею стороною, быть можетъ совершила политическую ошибку, но что она была несомнѣнно въ правѣ дать это признаніе когда хотѣла. При этомъ онъ указываетъ на тѣ условія, которыя сами по себѣ узаконяютъ такое признаніе.

[1]) Впрочемъ замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что С. Штаты сами много содѣйствовали этимъ замѣшательствамъ: они, какъ извѣстно, не приняли въ свое время парижской декларації и не отказались отъ каперства, но въ началѣ междуусобной войны объявили, что не будутъ выдавать каперскихъ свидѣтельствъ, а всѣхъ каперовъ Южанъ будутъ считать пиратами. Не желая признавать возстанцевъ воюющею стороною, они ссылались при этомъ и на международное право, которое считаетъ законными каперами лишь тѣ, которые получили разрѣшеніе (патентъ) отъ законнаго правительства, и на конституцію С. Штатовъ, запрещающую отдѣльнымъ штатамъ имѣть свои войска и флотъ, или воевать другъ противъ друга.

Американскій мемуаръ упрекаетъ въ недружелюбіи не только англійское правительство въ цѣломъ, но и отдѣльныхъ членовъ англійскаго кабинета. Онъ подробно приводитъ слова Пальмерстона, Росселя, Гладстона въ парламентѣ и на митингахъ, гдѣ ясно проглядываетъ ихъ сочувствіе къ «мятежникамъ». Онъ съ горечью напоминаетъ, что одинъ изъ соорудителей Алабамы [1]) дерзкою рѣчью вызвалъ одобренія палаты общинъ, которой онъ состоялъ членомъ и противопоставляетъ всему этому строгія, но справедливыя изобличенія Брайта [2]).

Но намъ весь этотъ отдѣлъ кажется излишнимъ и недостойнымъ такого политически-свободнаго народа, каковъ американскій. Само собою разумѣется, что лица облеченныя властію должны съ большою осторожностію говорить публично о событіяхъ, совершающихся въ другихъ государствахъ, особенно въ періоды войнъ или революцій. Но граждане нейтральныхъ государствъ имѣютъ несомнѣнное право на свободное выраженіе своихъ мнѣній въ рѣчахъ и въ печати по всѣмъ событіямъ, относящимся къ воюющимъ. Возбужденныя страсти послѣднихъ обыкновенно ожесточаются даже косвенными неодобреніями, но нейтральные въ правѣ пользоваться своею свободою въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, лишь бы они фактически не поддерживали войны.

Слѣдующая третья часть мемуара излагаетъ подробно обязанности Англіи какъ нейтральной державы, на основаніи ея же законовъ и декларацiи 1861 г. [3]), а также

Но на это Южане отвѣчали съ полнымъ основаніемъ, что если С. Штаты въ цѣломъ имѣли право сохранить каперство въ 1856 г., то они удерживали это право и теперь, распавшись на двѣ части и что, выдавая каперскія свидѣтельства, Южане только слѣдовали примѣру самой федеральной власти.

[1]) Laird изъ Birkenhaed.

[2]) Въ засѣданіи 27-го марта 1863 г.

[3]) А именно Foreign Enlistmen Act 1819, дополненнаго, послѣ долгихъ колебаній, по настоянію С. Штатовъ въ 1870 г., декларацiи королевы 1861 г., инструкцій британскимъ властямъ во время возстанія; дипломатической переписки между обоими правительствами въ 1793 и 94 г.; трактата 19-го ноября 1794 и наконецъ самого Вашингтонскаго договора.

по ученію лучшихъ авторитетовъ по международному праву [1]).

Не вдаваясь въ подробности, мы приведемъ только толкованіе термина «должное стараніе, due diligence», даваемое американскимъ мемуаромъ. Слово «diligence» противоположно термину «negligence». Присутствіе одного понятія исключаетъ другое. «Nigligence вызываетъ достойную порицанія вину (fault), извѣстную въ римскомъ правѣ подъ понятіемъ culpa, съ отвѣтственностію за ея послѣдствія. «Что дѣлаетъ diligence «due», на это указываютъ «характеръ и особенности субъекта, а также условія каждаго отдѣльнаго случая. Словамъ due diligence соотвѣтствуетъ латинское «exacta diligentia». Поэтому diligence должна «соразмѣряться съ обстоятельствами или съ значеніемъ тѣхъ результатовъ, которые возникнутъ изъ небрежности [2]).»

Въ заключеніе этого отдѣла мемуаръ выставляетъ слѣдующіе общіе принципы объ обязанностяхъ нейтральнаго государства: 1. Оно обязано соблюдать нейтралитетъ строго и безпристрастно по отношенію къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ. 2. Эта обязанность независима отъ его внутренняго законодательства [3]). 3. Въ случаѣ недостаточности послѣдняго, нейтральное государство должно его исправить и усилить средства его практической дѣйствительности. Воюющій въ правѣ это требовать. Далѣе слѣдуютъ два первыя правила Вашингтонскаго договора. 4. Государство, нарушившее ихъ, обязано дать вознагражденіе за убытки имъ причиненные. Эта обязанность не уничтожается и въ тѣхъ случаяхъ, когда корабль, вызвавшій противъ себя

---

[1]) Готфёля, Ортолана, Блюнчли, Роленъ-Жекмена, Пьерантони, Гефтера, Кальво и нѣк. др.

[2]) Commensurate with the emergency, or with the magnitude of the results of negligence.

[3]) Оно, говоритъ мемуаръ, можетъ и должно признавать эту обязанность, но оно не властно ни создать, ни уничтожить ея, потому что она прямо вытекаетъ изъ международнаго права, воспрещающаго нейтральнымъ всякое приспособленіе ихъ территоріи къ враждебнымъ дѣйствіямъ.

преслѣдованіе (offending vessel) обратится потомъ въ правительственный, военный корабль или когда ему удастся обманомъ обойти мѣстные законы.

Послѣ этого общаго и теоретическаго изложенія обязанностей Англіи, какъ нейтральной державы, мемуаръ въ двухъ слѣдующихъ частяхъ говоритъ объ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ англійскаго правительства въ прямое нарушеніе нейтралитета. Политика Англіи состояла въ томъ, что содѣйствуя Южанамъ въ прорваніи блокады посредствомъ особо-приспособленныхъ къ тому судовъ (blockade-runners), дозволяя имъ вербовать у себя людей, строить корабли, закупать уголь, оружіе и всякіе боевые припасы; Англія de facto обратила свою территорію «въ базисъ военно-морскихъ операцій мятежниковъ» и протянула на долгое время борьбу послѣднихъ съ законною властію Союза. Съ самаго начала междуусобной войны, Южане открыли въ Англіи какъ бы департаменты своихъ военнаго, морскаго и финансоваго министерствъ. Нѣкоему Беллоку было ими поручено наблюдать за постройкой для нихъ въ Англіи военныхъ кораблей; Юзъ долженъ былъ закупать оружіе и боевые запасы въ Лондонѣ. Но преимущественно въ Ливерпулѣ они устроили особое агентсво для этихъ цѣлей и фирма извѣстныхъ Fraser, Trenholm and C° изъ Чарльстона—представитель коихъ принялъ англійское подданство—служила главною конторою для ихъ финансовыхъ оборотовъ. Всѣ эти лица, хорошо извѣстныя, дѣйствовали открыто, съ большою энергіею и по хитрообдуманному плану. Общими усиліями они снаряжали вполнѣ корабль для войны, но не давая ему экипажа въ полномъ составѣ и оружія отправляли изъ Ливерпуля или Глазго, для того, чтобы онъ въ какой либо гавани Великобританіи или ея колоній принималъ къ себѣ людей, оружіе и все необходимое для войны. Эти же люди и оружіе высылались къ нему также изъ Ливерпуля въ одно время съ его выходомъ на другихъ судахъ. Такимъ образомъ, вполнѣ вооруженный, корабль обращался въ сильнаго капера, который по всѣмъ морямъ преслѣдовалъ и уничтожалъ торговыя суда Союза. Во время своихъ походовъ, корабли этого рода могли свободно

заходить въ англійскіе порты въ разныхъ частяхъ свѣта, покупать тамъ уголь, продовольствія и исправлять понесенныя ими поврежденія. Территорія Великобританіи, говоритъ мемуаръ, служила возстанцамъ арсеналомъ, который снабжалъ ихъ оружіемъ и всякими военными принадлежностями. Трудно опредѣлить границу, до которой дозволена нейтральнымъ торговля оружіемъ и прочими военными запасами, но, безъ систематическихъ дѣйствій агентовъ Южанъ въ Ливерпулѣ, Нассау и Бермудѣ, войска инсургентовъ давно бы положили оружіе [1]). Прокламація королевы запрещаетъ прорваніе блокады, а англійскія власти содѣйствовали этому прорванію, допуская перегрузку предметовъ контрабанды въ англійскихъ колоніальныхъ портахъ, открывая доступъ къ послѣднимъ каперамъ Южанъ и т. д.—Foreign Enlistmen Act 1819 г. не дозволяетъ англійскимъ судамъ служить къ качествѣ транспортныхъ, но многіе корабли, принадлежа возстанцамъ и везя для нихъ военные снаряды, имѣли британскій флагъ и были привѣтствуемы въ англійскихъ гаваняхъ. Одинъ и тотъ же корабль являлся сегодня прорвателемъ блокады, а завтра—военнымъ судномъ и въ обоихъ качествахъ пользовался одинаковымъ гостепріимствомъ.

По инструкціи 31-го янв. 1862 г. входъ въ Нассаускую гавань для обоихъ воюющихъ дозволенъ не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора или въ избѣжаніе отъ бурь. Но это

---

[1]) Гефкенъ находитъ эту жалобу С. Штатовъ совершенно неосновательною, особенно послѣ того, какъ они сами снабжали Французовъ оружіемъ въ войну 1870—71 г. Нейтральное правительство, говоритъ онъ, не можетъ доставлять воюющимъ оружіе, но подданные его могутъ это дѣлать, не навлекая на него никакой отвѣтственности. Вообще имъ не возбраняется доставлять воюющимъ всякіе предметы при чемъ разумѣется контрабанда подлежитъ конфискаціи. Должно предоставить на усмотрѣніе нейтральныхъ правительствъ когда и въ какихъ размѣрахъ запрещать вывозъ оружія. Едва ли слѣдуетъ принядь въ такомъ широкомъ смыслѣ постановленія Вашингтонскаго договора.—Другіе писатели, особенно Кальво и Куссеро (Les devoirs d'un gouvernement neutre, въ Revue, 1874, стр. 59) выражаются совершенно въ противоположномъ смыслѣ. Ср. также *Trendelenburg*. Lücken im Völkerrecht. S. 36.

разрѣшеніе давалось расточительно всѣмъ каперамъ Южанъ и крайне скупо кораблямъ Союза. Въ силу этой же инструкціи военные корабли воюющихъ могли снабжаться въ британскихъ портахъ углемъ лишь въ такомъ количествѣ, которое для нихъ необходимо для достиженія ближайшаго отечественнаго порта или гавани еще болѣе близкой. Это правило, прилагавшееся къ судамъ Союза во всей строгости, по отношенію къ каперамъ Южанъ поддерживалось опять весьма слабо. Также нарушалось другое предписаніе этой инструкціи о томъ, чтобъ уголь не выдавался кораблю, который запасся уже имъ въ британскомъ портѣ въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ.

Особенно подробно мемуаръ останавливается на нарушеніи Южанами блокады и на сооруженіи и дѣйствіяхъ ихъ каперовъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ содѣйствіе Англіи было значительно. Относительно блокады слѣдуетъ замѣтить, что она главнымъ образомъ ограничивалась тремя портами Южанъ (Wilmington, Charleston и Savannah), доступными лишь для большихъ кораблей. Но южные штаты, не имѣвшіе у себя фабрикъ, естественно должны были привозить изъ-за границы всѣ продукты. Для этого они обращались къ Англіи, но не прямо, а косвенно: товары, тамъ купленные, перегружались въ близъ лежащихъ отъ Юга англійскихъ гаваняхъ на Багамскихъ островахъ [1]). Мемуаръ и жалуется на дозволеніе Ан-

---

[1]) Сперва Нассау, близъ Флориды, на островѣ New-Providence, а потомъ Бермуда были центрами этихъ операцій. Это была, говоритъ Роленъ-Жекменъ, въ 1863 и 64 г. весьма любимая спекуляція англійскихъ судохозяевъ и капитановъ — отправляться съ товаромъ въ блокированные порты Юга Громадныя преміи, которыя имъ были обѣщаны на случай успѣха, вознаграждали ихъ за рискъ, соединенный съ такими предпріятіями. Суда, которыя отправлялись на прорваніе блокады, особенно приспособлялись къ этому: они были длинны, очень низки, не глубоко сидѣли въ водѣ, быстры на ходу и окрашивались обыкновенно сѣрымъ цвѣтомъ. Имъ неоднократно удавалось обмануть бдительность федеральныхъ властей и доставить грузъ къ мѣсту его назначенія. (Revue; 1871; p. 127).

гліею въ ея гаваняхъ перегрузки этихъ товаровъ, которые завѣдомо предназначались для инсургентовъ [1]).

Намъ нечего останавливаться на фактахъ относящихся до отдѣльныхъ каперовъ. Упомянемъ только о наиболѣе знаменитомъ изъ нихъ, который далъ свое имя всему этому дѣлу— объ *Алабамѣ* [2]). Этотъ корабль строился еще по заказу и подъ надзоромъ капитана Беллока, въ Ливерпулѣ на верфи гг. Laird изъ Birkenhead, когда американскій консулъ этого города, Dudley, обратилъ на него вниманіе посланника Союза Адамса. 23-го іюня 1862 г. Адамсъ доноситъ Росселю, что въ Ливерпулѣ сооружается большой корабль, очевидно предназначаемый для крейсированія. Лица, завѣдующія этимъ дѣломъ, состоятъ на службѣ южныхъ штатовъ. Адамсъ проситъ англійское правительство о задержаніи этого корабля—тогда извѣстнаго еще подъ № 290—или о доставленіи ему доказательствъ, что сооруженіе его не имѣетъ враждебнаго для Союза характера. Таможенное начальство въ Ливерпулѣ на запросъ объ этомъ

---

[1]) Здѣсь опять замѣтимъ, что не только Бернардъ, но и Гефкенъ становятся на сторону Англіи: не дѣло нейтральнаго государства, говоритъ послѣдній, слѣдить за тѣмъ на сколько его подданные уважаютъ блокаду. Воюющій, объявивъ ее, долженъ самъ заботиться объ ея дѣйствительности на практикѣ Возлагать же на нейтральныхъ обязанность въ свою очередь наказывать своихъ гражданъ, провинившихся въ нарушеніи блокады, значитъ возлагать на нихъ бремя, нести которое должны одни воюющіе

Къ совершенно иному выводу приходитъ Роленъ-Жекменъ: отвѣтъ лорда Росселя—что англійское правительство не обязано исполнять дѣло американскихъ крейсеровъ и вмѣшиваться въ торговые обороты своихъ купцовъ—представляется ему въ сущности софизмомъ, хотя и оправдываемымъ современнымъ пониманіемъ нейтралитета. Въ дѣйствительности отъ англійскаго правительства гребовали одного, что могло сдѣлать только оно, какъ единый хозяинъ своей территоріи: не допускать полной систематической организаціи тѣхъ торговыхъ оборотовъ, которые, подъ наблюденіемъ агентовъ Юга, должны были увеличивать силы одного изъ воюющихъ и до чрезвычайности затруднить дѣло крейсеровъ и судовъ Союза. (Тамъ же, стр. 129).

[2]) Интересныя подробности объ Алабамѣ, Орето, Джорджіи и Шенандоѣ см. у Гефкена, стр. 27, слѣд.

заявило, что указанный корабль, по всѣмъ признакамъ, обѣщаетъ быть военнымъ. Лердъ съ своей стороны не отрицали, что онъ строился для иностраннаго правительства, но прибавили, что не считаютъ нужнымъ распространяться объ его будущемъ назначеніи. Потребовали отъ Адамса доказательствъ, что № 290 дѣйствительно строится для южныхъ штатовъ. Энергичный Дедлей не замедлилъ ихъ представить въ формѣ показаній свидѣтелей, спрошенныхъ подъ присягою. Изъ этихъ показаній [1]) выяснилось, что корабль, № 290,—военный (fighting vessel), предназначаемый для правительства южныхъ штатовъ, которое имѣетъ намѣреніе послать его на крейсированія и враждебныя дѣйствія противъ Союза, что лица, для него вербованныя, служили прежде на военныхъ судахъ и что британское правительство должно немедленно вступиться въ это дѣло, если хочетъ предупредить нарушеніе его нейтралитета. 22-го іюля Адамсъ препроводилъ въ англійское министерство иностранныхъ дѣлъ эти показанія. Къ нимъ было присоединено мнѣніе извѣстнаго въ Англіи юриста Collier (позднѣйшаго Solicitor General of the Crown) о томъ, что трудно представить себѣ бо́льшее нарушеніе Foreign Enlistmen Act, который, если не будетъ приложенъ въ данномъ случаѣ, обратится просто въ мертвую букву. Слѣдуетъ подумать о томъ, добавилъ онъ, что если этому кораблю дозволятъ выйти, не будетъ ли правительство Союза въ правѣ сдѣлать серьезныя представленія. Онъ полагалъ, что таможенное правительство имѣло обязанность задержать № 290. Корабль былъ тогда уже почти готовъ къ выходу и надо было поспѣшать. Но англійское правительство продолжало упорствовать въ своей косности. 28-го іюля [2]) оно представило всѣ документы короннымъ юристамъ (Law Officers), по заключенію которыхъ Россель на

[1]) Было допрошено 8 лицъ, изъ нихъ 3 моряка, взятыхъ на службу на Алабамѣ. Технически эти показанія называются affidavits. Они приведены цѣликомъ въ англійскомъ мемуарѣ.

[2]) Эта пятидневная просрочка, говоритъ Ривье, менѣе понятна всѣхъ остальныхъ. Въ ея объясненіе приводили внезапную болѣзнь одного изъ юристовъ (Harding).

другой день отправилъ телеграмму въ Ливерпуль о немедленномъ задержаніи корабля. Но въ ночь съ 28-го на 29-е № 290 ушелъ изъ Ливерпуля [1]). За этимъ промахомъ, едва ли случайнымъ, послѣдовали другіе, болѣе грубые. Выйдя изъ Ливерпуля № 290 пробылъ у̀ острова Anglesey (въ Moelfray-Bay) двѣ ночи и день, но и тутъ никто не подумалъ о его задержаніи Между тѣмъ небольшое судно Геркулесъ доставило ему изъ Ливерпуля до 30 человѣкъ экипажа [2]). Выйдя 31-го іюля изъ британскихъ водъ, онъ направился къ Азорскимъ островамъ, гдѣ недалеко отъ Терсейры его догнали еще два судна: Агриппина изъ Лондона и Багама изъ Ливерпуля. Первое доставило ему 6 пушекъ, аммуницію, угля и т. п., второе—часть экипажа, оружіе и капитана Семмеса, который принялъ надъ нимъ командованіе. 24-го августа корабль — извѣстный отнынѣ подъ именемъ Алабамы—поднялъ флагъ южныхъ штатовъ и съ 26-ю офицерами и 85 человѣкъ команды началъ свою истребительную войну противъ торговаго флота Сѣвера. Намъ нечего слѣдовать за печальными подвигами его хищническаго похода. Замѣтимъ только, что въ январѣ слѣдующаго года онъ прибылъ въ Ямайку, гдѣ стояли 3 военные англійскіе корабля. Вопреки обѣщанію. лордъ Россель не далъ туда знать объ его задержаніи. Напротивъ, говоритъ американскій мемуаръ. «самыя дружественныя отношенія не замедлили установиться между командой этихъ кораблей и экипажемъ Алабамы и губернаторъ острова съ поспѣшностію согласился на желаніе Семмеса починить ее въ Кингтонѣ». Такимъ же гостепріимствомъ продолжала она пользоваться и въ дальнѣйшихъ походахъ, пока не была затоплена кораблемъ Союза Kearsarge,

---

[1]) Четырьмя днями ранѣе, чѣмъ предполагалось, замѣчаетъ Роленъ. (Revue; 1871, p 134). Онъ порицаетъ „патріотическую снисходительность“, съ которою Бернардъ утверждаетъ, что „легкомысленно и неблагоразумно“ винить англійское правительство въ ловкомъ выходѣ Алабамы.

[2]) Съ своей стороны Дедлей 28-го предупредилъ таможенныхъ властей Ливерпуля о предстоящемъ отплытіи Алабамы, а 30-го объ отъѣздѣ на Геркулесѣ лицъ, имѣвшихъ поступить на Алабаму, но и ихъ не задержали.

въ виду Шербурга, 19-го іюня 1864 г. [1]). Будучи построена, вооружена и снабжена командой, благодаря англійскимъ подданнымъ, Алабама, говоритъ въ заключеніе американскій мемуаръ, является ничѣмъ инымъ, какъ враждебнымъ нападеніемъ, сдѣланнымъ на С. Штаты изъ британскихъ портовъ.

Изъ этого краткаго перечня видно, что дѣло, подобное Алабамскому, могло кончиться съ такимъ успѣхомъ не только благодаря недостаточности англійскихъ законовъ [2]), но и главнымъ образомъ благодаря преднамѣренной медлительности англійскихъ властей въ приложеніи этихъ законовъ. Но подобная медлительность можетъ обратить самые совершенные законы въ мертвую букву.

Этотъ отдѣлъ мемуара оканчивается указаніемъ на другія державы, которыя, въ противоположность Англіи, соблюдали дѣйствительный, а не фиктивный нейтралитетъ [3]).

---

[1]) Ривье говоритъ, что Алабама потопила и сожгла по крайней мѣрѣ около 60 торговыхъ судовъ и 1 военный пароходъ.

[2]) Foreign Enlistmen Act 1819 г. запрещалъ вооруженіе корабля (to equip, furnish, fit out or arm), но не постройку его (to build) Неужели однако это постановленіе, замѣчаетъ Гефкенъ, слѣдовало понимать въ томъ смыслѣ, что законъ дозволялъ воюющимъ строить въ британскихъ гаваняхъ военные корабли и запрещалъ только вооружать ихъ? Правда, англійскіе публицисты и даже суды держались такого толкованія его буквы. Но съ этимъ онъ не согласенъ, также какъ и съ мнѣніемъ Бернарда, утверждающаго, что въ случаяхъ подобныхъ Алабамскому, нейтралитетъ бываетъ нарушенъ лишь при наличности трехъ слѣдующихъ условій: a) корабля, могущаго быть приспособленнымъ къ военной цѣли; b) вооруженія, болѣе или менѣе значительнаго и c) яснаго намѣренія употребить этотъ корабль и вооруженіе для войны. Пока эти условія не соединены, не можетъ быть и рѣчи о враждебномъ предпріятіи, въ своей же разрозненности они составляютъ не болѣе, какъ отдѣльные элементы или матеріалы, такого предпріятія. „Подобные софизмы, говоритъ Гефкенъ, не стоютъ опроверженія, обращая самую прокламацію о нейтралитетѣ въ пустое слово“. (Назв. соч. стр. 29). Какъ извѣстно, законъ 1819 г. значительно дополненъ въ 1870 г. (*Calvo*, въ Revue, 1874; p. 462).

[3]) Напр. Россія запретила даже салютовать военнымъ кораблямъ отдѣлившихся штатовъ. Но особенно заслуживаетъ вниманія образъ дѣйствія Франціи. Въ 1863 г. Беллокъ заключилъ съ судостроителемъ Армандомъ

Въ послѣдней, шестой части американскій мемуаръ подводитъ всѣ жалобы Штатовъ подъ слѣдующія рубрики: 1) убытки, причиненные истребленіемъ кораблей и ихъ грузовъ крейсерами Южанъ; 2) издержки, вызванныя преслѣдованіемъ этихъ крейсеровъ; 3) потери, понесенныя американскою морскою торговлею отъ перехода американскихъ торговыхъ судовъ подъ британскій флагъ; 4) возвышенія страховыхъ премій и 5) расходы, происшедшіе отъ продолженія войны вслѣдствіе поддержанія Англіею возстанія.

Первый отдѣлъ этихъ жалобъ составляетъ *прямые убытки* [1]); остальные получили извѣстность подъ именемъ *косвенныхъ убытковъ*. Они на первый же взглядъ поражаютъ своимъ неопредѣленнымъ характеромъ и громадностію тѣхъ требованій, которыя изъ нихъ можно выводить. Поэтому неудивительно, что они, какъ увидимъ, вызвали долгіе и жаркіе споры. Впрочемъ Штаты тутъ же оговорились, что они не прочь отъ того, чтобы судъ приговорилъ имъ общую круглую сумму, по справедливой оцѣнкѣ всѣхъ понесенныхъ ими убытковъ.

въ Бордо договоръ о построеніи и вооруженіи послѣднимъ 4 большихъ пароходовъ. Для полученія разрѣшенія на это, французскому правительству было представлено, что эти корабли предназначаются для совершенія рейсовъ между Штатами, Іеддо и Сан-Франциско, или для того, чтобы, при удобномъ случаѣ, быть проданными въ Китаѣ или Японіи Но когда американскій посланникъ указалъ французскому правительству на дѣйствительное назначеніе строившихся судовъ, оно, вопреки всѣмъ завѣреніямъ судостроителей, немедленно объявило, что не дозволяетъ этимъ судамъ выйти изъ французскихъ портовъ до тѣхъ поръ, пока оно положительно не удостовѣрится въ томъ, что ихъ назначеніе не противорѣчитъ нейтралитету, котораго Франція держится строго по отношенію къ воюющимъ. И это заявленіе было такъ исполнено, что Южанамъ достался только одинъ корабль и то обманомъ, а остальные были проданы потомъ различнымъ нейтральнымъ правительствамъ.—Бразилія отказала Алабамѣ и ея тендеру войти въ ея гавани для возобновленія своего запаса угля.

[1]) Они въ свою очередь дѣлятся въ мемуарѣ на три группы: а) жалобы на истребленіе кораблей и имущества принадлежавшихъ правительству С. Штатовъ; b) жалобы на истребленіе тѣхъ-же предметовъ вообще подъ флагомъ Штатовъ и с) жалобы на убытки и вредъ причиненные частнымъ лицамъ вслѣдствіе истребленія судовъ государственныхъ и частныхъ.

Совершенно въ иномъ свѣтѣ является Алабамское дѣло въ *англійскомъ мемуарѣ* [1]). Читая его, мы приходимъ къ слѣдующимъ тремъ главнымъ результатамъ: 1) Такъ называемый Алабамскій споръ получаетъ въ немъ самые ограниченные размѣры. 2) Англія расходится со Штатами въ пониманіи и толкованіи самихъ обязанностей нейтральнаго государства и 3) Она отвергаетъ всякую отвѣтственность за нарушеніе этихъ обязанностей на основаніи международнаго права и практики, собственныхъ законовъ и тѣхъ мѣръ, которыя были приняты ея правительствомъ въ предупрежденіе какого бы то ни было нарушенія ея нейтралитета.

Бросимъ взглядъ на каждое изъ этихъ утвержденій.

I. Алабамское дѣло съ точки зрѣнія Англіи, обозначаетъ не болѣе, какъ «жалобы, вызванныя дѣйствіями 4 кораблей, вмѣстѣ взятыхъ или же нѣкоторыхъ и даже быть можетъ одного изъ нихъ». Корабли эти суть: Алабама, Флорида, Джорджіа и Шенандоа. Какъ во время междуусобной войны, такъ и въ слѣдующія за нею 6 лѣтъ правительство С. Штатовъ жаловалось на дѣйствія только этихъ 4 судовъ, вышедшихъ изъ британскихъ портовъ и потомъ пріобрѣтенныхъ правительствомъ южныхъ Штатовъ.

II. Существо и объемъ обязанностей нейтральнаго государства англійскій мемуаръ выражаетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Нейтральное правительство должно зорко слѣдить за тѣмъ, чтобъ его территорія не была обращаема ни однимъ изъ воюющихъ въ базисъ военныхъ операцій или какихъ либо враждебныхъ дѣйствій на сушѣ или на морѣ.

2. Но ни это, ни другое какое либо правило не обязываютъ его предупреждать или стѣснять на своей территоріи воюю-

---

[1]) Case presented on the part of the Government of the Britannic Majesty to the tribunal of Arbitration. *Papers*, Vol. I, p. 205—413.—Staatsarchiv. B. XXV, № 5021. — Онъ дѣлятся на 10 частей, которыя по содержанію удобно могутъ быть сведены къ двумъ: къ общей и спеціальной (посвященной собственно отдѣльнымъ крейсерамъ).

щаго въ закупкѣ предметовъ контрабанды и не запрещаютъ ему производить на его территоріи эти предметы для воюющаго. Предметы эти также свободно передаются воюющимъ, какъ свободно и вывозятся для нихъ,—для ихъ ли употребленія или просто какъ статья торговли.

3. Нейтральное правительство не обязано препятствовать военнымъ кораблямъ воюющихъ входить въ его порты и воды, пребывать въ нихъ, закупать продовольствія, уголь и т. п. и исправлять понесенныя ими поврежденія, лишь бы все это было предоставляемо обоимъ воюющимъ въ равной степени и ихъ военнымъ кораблямъ не была дана возможность увеличить, въ предѣлахъ нейтральной территоріи, свою боевую силу, возобновить или усилить свой запасъ оружіемъ и людьми.

4. Всякое усиленіе воюющаго въ предѣлахъ нейтральнаго государства составляетъ для послѣдняго оскорбленіе (offense). Оно въ правѣ отпускать на волю призы захваченные воюющими, чтобы предотвратить незаконное ихъ усиленіе, когда эти призы будутъ въ предѣлахъ его юрисдикціи.

5. Въ силу практики морскихъ державъ контрабандою признаются корабли, спеціально приспособленные къ военнымъ цѣлямъ и захваченные въ открытомъ морѣ подъ нейтральнымъ флагомъ. Они обращаются въ призъ, если можетъ быть доказано, что ихъ назначеніе былъ портъ непріятеля (принадлежащій ему, или имъ занятый) или что они назначались къ продажѣ для непріятеля

6. Военные корабли воюющихъ, входя въ порты и воды нейтральнаго государства изъяты отъ юрисдикціи послѣдняго.

7. Корабль становится военнымъ и правительственнымъ когда онъ вооруженъ и зачисленъ въ списки флота извѣстной страны. Не существуетъ общихъ правилъ относительно этого зачисленія и обращенія корабля въ правительственный и военный. Существеннымъ представляется одно, чтобы правительство назначило офицера для командованія кораблемъ и чтобы послѣдній вступилъ въ отправленіе своей должности. Нейтральное правительство вольно отказать въ доступѣ къ своимъ портамъ и гаванямъ такимъ кораблямъ воюющихъ, ко-

торые не зачислены въ ихъ флотъ въ извѣстной формѣ или при извѣстныхъ условіяхъ, лишь бы этотъ отказъ былъ данъ обоимъ воюющимъ и на основаніи уважительныхъ причинъ.

8. Актъ зачисленія считается дѣйствительнымъ, хотя бы корабль значился, въ моментъ зачисленія въ спискахъ кораблей другаго государства или подлежалъ бы, по иностраннымъ законамъ, задержанію или судебному разбирательству. Чрезъ зачисленіе правительство принимаетъ его въ составъ своихъ морскихъ силъ и чрезъ это становится отвѣтственнымъ за всѣ предъявленныя на этотъ корабль жалобы, которыя въ противномъ случаѣ пали бы на него одного.

9. Подъ «должнымъ стараніемъ» (due diligence) слѣдуетъ разумѣть заботливость, съ которою правительство, въ силу своихъ международныхъ обязательствъ, стремится къ извѣстной цѣли. Если она не опредѣлена международнымъ соглашеніемъ или обычаемъ, она выводится изъ природы самого обязательства и изъ соображеній справедливости, внутренней правды (equity) и общей цѣлесообразности (expediency), на которыхъ покоится международное право.

10. Мѣры, предписываемыя правительству этою заботливостію въ видахъ предупрежденія, въ предѣлахъ его юрисдикціи, извѣстныхъ дѣяній, могущихъ причинить вредъ иностранному государству или его гражданамъ, эти мѣры (за отсутствіемъ международнаго соглашенія или обычая) должны всегда зависѣть отъ существующихъ обстоятельствъ и не поддаются точному опредѣленію въ видѣ общаго правила. Было бы вообще неблагоразумно и невозможно требовать, чтобъ онѣ превосходили то, что дѣлается правительствами цивилизованныхъ странъ для охраненія собственной безопасности и безопасности ихъ гражданъ.

Практика показываетъ намъ, что даже большія и цивилизованныя государства не съ такою бдительностію и энергіею подавляютъ дѣйствія, совершенныя на ихъ территоріи противъ безопасности иностраннаго государства, какъ дѣйствія пагубныя для нихъ самихъ.

11. Во всѣхъ странахъ, гдѣ исполнительная власть подчи-

нена законамъ, иностранное государство въ правѣ ожидать: а) чтобы законы, по обыкновенному человѣческому предвѣдѣнію, были достаточны для подавленія всѣхъ дѣйствій, которыя не должны быть терпимы въ силу международныхъ обязательствъ и б) чтобы законы, на сколько это нужно, дѣйствительно приводились властями въ исполненіе. Но иностранныя государства не въ правѣ требовать, чтобы ради предотвращенія отъ нихъ или отъ ихъ гражданъ вреда, мѣстныя власти, для даннаго случая, превысили принадлежащія имъ полномочія, или чтобъ онѣ дѣйствовали не на основаніи тѣхъ доказательствъ, которыя требуются, когда нарушаются интересы ихъ государства или же его гражданъ Законы и способы административнаго и судебнаго дѣлопроизводства въ разныхъ странахъ различны и каждая изъ нихъ по своимъ правиламъ прилагаетъ существующіе въ ней законы, если только это не противорѣчитъ внутренней справедливости или, другими словами, тѣмъ принципамъ, которые вообще признаются образованными народами, какъ всемірныя обязанности (to be of universal obligation).

III. Англія отклоняетъ отъ себя, даже по 4 выше-названнымъ кораблямъ, всякую отвѣтственность: двое изъ нихъ—Джорджіа и Шенандоа—никогда не были ни въ какой степени вооружены или спеціально приспособлены къ войнѣ въ предѣлахъ ея владѣній. Ихъ строили и снаряжали какъ обыкновенныя торговыя суда. Другіе два корабля—Алабама и Флорида,—хотя и обличали по постройкѣ своей военный характеръ, но были вооружены лишь послѣ того, какъ они вышли изъ территоріальныхъ морей Великобританіи. Только по отношенію къ одной Алабамѣ, говоритъ англійскій мемуаръ, правительству были доставлены до ея отплытія доказательства о ея незаконномъ назначеніи, которыя могли быть приняты къ свѣдѣнію. Но и они доставлялись очень постепенно, а послѣднія получены за четыре дня до ея отплытія. Вотъ какъ мемуаръ резюмируетъ факты, относящіеся къ Алабамѣ: она строилась въ Birkenhead фирмою гг. Laird, которая давно уже занимается строеніемъ судовъ торговыхъ и военныхъ. Не

вѣрно, чтобъ одинъ изъ ея построителей былъ членомъ палаты Общинъ: онъ еще до этого пересталъ быть имъ. Характеръ сооружавшейся Алабамы указывалъ на ея военное, а не торговое назначеніе Заявленія объ этомъ Адамса немедленно препровождались къ корониымъ юристамъ. Показанія свидѣтелей о назначеніи Алабамы, которыя добылъ Адамсъ были недостаточны, основываясь большею частію на слухахъ: они возбуждали подозрѣніе, а не увѣренность. Лишь одно изъ нихъ могло считаться юридически дѣйствительнымъ (material to the question and legally admissible). Но и тутъ правительство не могло дѣйствовать безъ предватительныхъ переговоровъ съ юристами. Болѣзнь одного изъ нихъ, потомъ умершаго, причинила нѣкоторую невольную задержку. Когда юристы рѣшили, что полученныхъ доказательствъ достаточно, чтобы оправдать задержаніе Алабамы,—въ этотъ самый день (29-го іюля) и ранѣе того, какъ это было сообщено въ министерство иностранныхъ дѣлъ, она вышла въ море. Это сдѣлано посредствомъ обмана. Подъ предлогомъ пробной поѣздки, она вышла изъ Ливерпуля, не будучи внесена въ списки англійскихъ кораблей и не получивъ таможеннаго разрѣшенія (clearance) обязательнаго для отплывающихъ кораблей. Цѣль и направленіе ея плаванія не были никому извѣстны, за исключеніемъ лицъ непосредственно занятыхъ ея отправкой. Однако приказанія объ ея задержаніи были посланы въ разныя мѣста. Алабама оставила Англію, не имѣя никакого оружія. Послѣднее ей было доставлено на 1000 милль разстоянія отъ англійскихъ береговъ и вооруженіе ея совершилось либо въ открытомъ морѣ, либо въ территоріальныхъ водахъ Португаліи. Орудія и аммуниціи, полученныя ею были вывезены изъ Англіи на обыкновенномъ торговомъ кораблѣ, который везъ ихъ какъ правильный грузъ въ Нассау. Впослѣдствіе Алабама зачислена въ составъ флота южныхъ штатовъ. Ея капитанъ и офицеры были американскіе граждане; между нижней командой находилось много британскихъ подданныхъ, которые уступили въ Терсейрѣ увѣщаніямъ южно-американскихъ агентовъ и приняли эту службу. Послѣ же вооруженія и зачисленія, Алабама

допускалась въ британскія гавани какъ и въ другихъ нейтральныхъ государствахъ безъ всякаго лицепріятія и потворства.

Нечего и говорить, какъ послѣднее обстоятельство само по себѣ достойно осужденія если извѣстное правительство, подобно южнымъ штатамъ, позволяетъ себѣ, по отношенію къ нейтральному, цѣлую систему расчитаннаго обмана и постоянной лжи, то нейтральный въ свою очередь обязанъ не только закрыть свои порты для его кораблей, но и преслѣдовать тѣхъ изъ нихъ, которые вышли изъ его территоріи такимъ образомъ какъ Алабама. Въ противномъ случаѣ его нейтралитетъ обращается въ такъ называемый «благосклонный», или вѣрнѣе пристрастный. Ниже увидимъ мнѣніе С. Штатовъ и судей объ этомъ.

Англійскій мемуаръ ставитъ далѣе на видъ, что судостроеніе составляетъ въ Англіи большую и весьма важную отрасль промышленности. Главныя фирмы ея судостроителей издавна привыкли строить, сооружать и продавать военные корабли иностраннымъ правительствамъ всѣхъ странъ міра. Это предметъ ихъ частныхъ оборотовъ, вмѣшиваться въ которые или контролировать ихъ англійское правительство не имѣетъ никакой возможности, да и законы его на это не уполномочиваютъ и никакія международныя обязательства ему сіе не предписываютъ. Корабли, о которыхъ рѣчь, куплены агентами южныхъ штатовъ въ британскихъ портахъ или отъ британскихъ собственниковъ. Лишь послѣ этого пріобрѣтенія, они получили свое вооруженіе. Англія принимала ихъ затѣмъ въ своихъ портахъ какъ корабли военные, дозволлла имъ чиниться и снабжаться всѣмъ необходимымъ на равнѣ съ военными судами С. Штатовъ. Правительство послѣднихъ во все время крейсированія этихъ кораблей не дѣлало повидимому никакихъ серьозныхъ попытокъ для ихъ захвата и убытки, понесенные имъ, были бы, вѣроятно, въ значительной степены предотвращены, если бы оно и его моряки дѣйствовали съ разумною предусмотрительностію и энергіею.

Что же касается до англійскаго правительства, то оно во

всѣхъ случаяхъ безъ исключенія обращало скоро и тщательно вниманіе на всѣ представленія Адамса. Въ большинствѣ случаевъ послѣдній ошибался и указывалъ на обыкновенныя торговыя суда, какъ на предполагаемыя военныя. Но когда можно было добыть достаточныя доказательства, подозрѣваемые корабли задерживались и присуждались кому слѣдуетъ. Въ постоянной заботливости о выполненіи лежащихъ на немъ международныхъ обязательствъ, англійское правительство нерѣдко переходило потребныя для того границы и совершало извѣстныя дѣйствія, сопряженныя съ большими расходами. На основаніи всего этого оно согласно только на одно: «выразить правительству С. Штатовъ откровенно и публично свое сожалѣніе» о дѣйствіяхъ извѣстныхъ кораблей, которыя вызываютъ и въ немъ «чувство неудовольствія и сожалѣнія» и это заявленіе включить въ текстъ договора, подписаннаго обѣими сторонами. Но если бы судъ разошелся въ своихъ воззрѣніяхъ съ Англіею, онъ обязанъ установить существо и справедливые предѣлы отвѣтственности, которая, по его мнѣнію должна пасть на Англію. «Великобританія готова принять его приговоръ, будетъ ли онъ для нея благопріятенъ, или нѣтъ. Она желаетъ только, чтобъ онъ былъ справедливъ и основанъ на вѣрномъ пониманіи международнаго права и тѣхъ принциповъ, которые она и другія державы, въ качествѣ ли нейтральныхъ, или воюющихъ, могутъ признать охотно и руководиться ими на будущія времена».

Таковы заключительные выводы англійскаго мемуара. Изложенные весьма логично и искусно, они глубоко и принципіально расходятся съ воззрѣніями С. Штатовъ и примирить оба направленія посредствомъ сдѣлокъ едва ли возможно на практикѣ. Англія стоитъ, въ качествѣ нейтральнаго государства, за принципъ свободы торговли нейтральныхъ подданныхъ съ воюющими. Корабли составляютъ лишь предметъ контрабанды. Воюющіе могутъ закупать ихъ, какъ и все остальное, въ нейтральныхъ странахъ съ полною свободою. Только сами правительства должны оставаться въ сторонѣ отъ этихъ оборотовъ. Затѣмъ требуется, чтобы эта свобода торговли была предоставлена одинаково обѣимъ воюющимъ сторонамъ.

С. Штаты наоборотъ настаиваютъ на томъ, чтобы нейтральныя государства. даже на своей территоріи, ограничили торговлю предметами контрабанды своихъ подданныхъ съ воюющими на томъ основаніи, что она питаетъ войну и фактически обращаетъ самый нейтралитетъ въ пустое слово. Предполагаемое же равенство обоихъ воюющихъ по отношенію къ этой торговлѣ лишено основанія, ибо никогда обѣ стороны не нуждаются въ ней въ равной степени. Какое изъ этихъ двухъ направленій призвано одержать верхъ? Это вопросъ будущаго. Писатели въ рѣшеніи его расходятся между собою. Мы склоняемся къ американскому воззрѣнію, потому что оно болѣе соотвѣтствуетъ юридической идеѣ и природѣ нейтралитета.

V.

Споръ о косвенныхъ убыткахъ.

Но едва устроившись, судъ попалъ въ опасность совершенно недостичь своей цѣли, т. е. не привести къ окончанію Алабамскаго спора. Это произошло благодаря выставленнымъ въ Американскомъ мемуарѣ требованіямъ о вознагражденіи за *косвенные убытки*. Кешингъ находитъ это ихъ обозначеніе неточнымъ, предлагая называть ихъ убытками *національными*, такъ какъ они въ сущности указываютъ на вредъ, причиненный не отдѣльнымъ лицамъ, но правительству и народу С. Штатовъ. Вопросъ о нихъ могъ быть возбужденъ, благодаря оплошности англійской дипломатіи, чѣмъ воспользовались американцы не особенно честнымъ образомъ. Американскій мемуаръ былъ представленъ оффиціально 25-го дек., но лишь шесть недѣль спустя, въ началѣ февраля 1872 г., въ Англіи ударили въ тревогу, ради косвенныхъ убытковъ, благодаря сигналу данному передовыми органами лондонской печати. Это мы узнаемъ изъ телеграммы американскаго посланника въ Англіи, Шенка къ Фишу: «Всѣ лондонскія газеты требуютъ, чтобы С. Штаты взяли назадъ свое предъявленіе косвенныхъ убытковъ, противорѣчащихъ духу Вашингтонскаго договора. Министерство въ тревогѣ». На это Фишъ отвѣчалъ также по телеграфу, что Америка не отступится отъ своихъ требованій

и спокойно ждетъ рѣшенія суда, не допуская возможности нарушенія договора тою или другою стороною [1]). Англія имѣла впрочемъ полное основаніе встревожиться этимъ вопросомъ. Помимо его громадной принципіальной важности для нейтральныхъ государствъ вообще, Америка хотѣла посредствомъ его, косвенно вмѣнить Англіи извѣстное участіе въ ея междуусобной войнѣ и вслѣдствіе этого потребовать отъ нея тѣхъ суммъ, которыя по винѣ Англіи были затрачены на эту затянувшуюся войну. То было какъ разъ время, когда Германія наложила на Францію страшную контрибуцію въ 5 милліардовъ и въ Англіи возбужденнымъ умамъ представился призракъ такой же, или еще большей контрибуціи, которую будто бы помышляли взять С. Штаты. Между обоими правительствами завязалась долгая и оживленная переписка, въ подробности которой намъ нечего входить [2]). Замѣтимъ только, что самъ Вашингтонскій договоръ не установляетъ никакого раздѣленія убытковъ на прямые и косвенные, но эластичность его постановленій [3]) открывала самое широкое поле для всякаго рода воззрѣній и толкованій. Однако, если обратить вниманіе на всѣ предшествующіе этому трактату переговоры и особенно на протоколы смѣшанной коммиссіи, выработавшій Вашингтонскій договоръ, мы должны сознаться, что съ формальной стороны Американцы были правы [4]). Но со стороны матеріальной, ихъ требованія представляются вполнѣ несправедливыми и должны быть отвергнуты въ силу слѣдующихъ соображеній: 1) невозможно требовать отъ нейтральнаго государства вознагражденія за косвенные убытки, которые, по своему неопредѣленному характеру, не подлежатъ никакой, хотя приблизительно вѣрной, оцѣнкѣ. Допущеніе же таковыхъ сдѣлало бы для нейтральнаго участіе въ войнѣ несравненно болѣе выгод-

---

[1]) Кешингъ, стр. 55.

[2]) Papers; II, 423—588. Staatsarchiv, XXV, № 5001—5019

[3]) „*All claims* growing out of the acts committed by the several vessels“.

[4]) Вопросъ объ этомъ обработанъ весьма обстоятельно и дѣльно у *Гефкена* стр. 41, сл. и 62 сл.

нымъ соблюденія нейтралитета; 2) вслѣдствіе своей неопредѣленности косвенные убытки не могутъ составлять предметъ и судебнаго разбирательства: элементы, ихъ составляющіе, весьма сложнаго характера и могутъ быть приписаны дѣйствію то той, то иной причины; и 3) Американцы знали, что, по мысли Англіи, вопросъ о косвенныхъ убыткахъ былъ устраненъ, но тѣмъ не менѣе они молчали объ этомъ пять мѣсяцевъ, до обнародованія своего мемуара. Въ какомъ неблагопріятномъ свѣтѣ показываетъ намъ этотъ эпизодъ дипломатію, которой ввѣрены самые священные интересы народовъ!

По поводу этого спора возникъ весьма интересный вопросъ: кому предоставить автентическое толкованіе Вашингтонскаго договора; самимъ ли сторонамъ и ихъ дипломатическимъ органамъ или суду? Англія сначала отвергала въ принципѣ даже существованіе косвенныхъ убытковъ, но Америка была не прочь предоставить суду рѣшеніе вопроса: предлежатъ ли и въ какой степени требованія о вознагражденіи его компетенціи? Въ литературѣ мы встрѣчаемъ два совершенно противоположныя мнѣнія объ этомъ. Гефкенъ находитъ опаснымъ предоставить третейскому суду автентическое толкованіе договора, въ силу котораго онъ созданъ. Въ виду того, что надъ нимъ нѣтъ аппелляціонной инстанціи, судъ можетъ дать этому толкованію самое обширное значеніе. Въ данномъ же случаѣ споръ о компетенціи возникъ ранѣе созванія суда и договоръ умалчиваетъ о разногласіи сторонъ по отношенію къ его пониманію. На этомъ основаніи Гефкенъ полагаетъ, что единственно вѣрный путь состоялъ бы въ пересмотрѣ и исправленіи договора самими сторонами [1]).

Напротивъ Роленъ-Жекменъ, посвятившій спору о косвенныхъ убыткахъ особую статью [2]), думаетъ, что Англія должна была представить свое возраженіе о неподсудности ихъ самому суду. И въ международномъ правѣ, говоритъ онъ, слѣдуетъ принять основное правило процедуры: что лица, облекаемыя

---

[1]) Назв соч стр 60

[2]) Revue. 1872; p 127—140

закономъ или волею сторонъ въ званіе судей, предполагаются сами способными опредѣлить сущность и предѣлы ввѣряемыхъ имъ полномочій. Если предоставить отвѣтчику возможность, на основаніи возраженія о неподсудности, или въ случаяхъ третейскаго разбирательства—на основаніи заявленія, что извѣстное требованіе не входитъ въ условія компромисса, парализовать дѣйствія судовъ—обыкновенныхъ или третейскихъ,—то мы создали бы чрезъ это для недобросовѣстности слишкомъ удобное средство обходить правосудіе. Само собою ясно съ другой стороны, что все совершаемое третейскими судьями внѣ предѣловъ компромисса—абсолютно недѣйствительно.

Нельзя не согласиться съ этимъ мнѣніемъ, юридически вполнѣ обоснованнымъ. Въ такомъ же духѣ выражается и Прадье-Фодере: «текстъ договора не дѣлаетъ различія между требованіями о вознагражденіи убытковъ: онъ предоставляетъ *всѣ* эти требованія на разбирательство и рѣшеніе суда» [1]).

Споръ этотъ и былъ рѣшенъ судомъ, но послѣ того, какъ дипломатіи не удалось достигнуть соглашенія сторонъ. Во время этихъ долгихъ переговоровъ общественное мнѣніе въ Англіи сильно роптало на недальновидность и нерѣшительность правительства. Лордъ Россель, послѣ многократныхъ отсрочекъ, внесъ въ палату лордовъ резолюцію, приглашающую правительство не допускать дальнѣйшаго разбирательства дѣла судомъ, пока Штаты не возьмутъ назадъ предъявленныхъ ими косвенныхъ убытковъ. Эта резолюція не осталась безъ отрезвляющаго дѣйствія на Америку. Комитетъ для иностранныхъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ Бенкса заявилъ, что «вопроса объ этихъ убыткахъ не слѣдовало вносить въ американскій мемуаръ и что въ этомъ нельзя не видѣть серьезной ошибки».

Между тѣмъ дипломатія напрягала всѣ свои силы, чтобы найти исходъ изъ этого тяжелаго положенія. Англійское правительство предложило Америкѣ добавочную статью къ дого-

---

[1]) La question de l'Alabama; p. 52.

вору, въ которой признается, что «національные убытки, на которые жалуются Штаты, фактически не заключаются въ Вашингтонскомъ трактатѣ и что они не должны считаться въ принципѣ послѣдствіями дѣйствій, совершенныхъ нѣкоторыми частными судами». Англія прибавляла, что вторымъ изъ этихъ соображеній она готова руководиться и сама, а Штаты, не отказываясь отъ своего воззрѣнія, соглашались не предъявлять предъ судомъ косвенныхъ убытковъ [1]). Президентъ, не желая дѣйствовать на свой страхъ, препроводилъ этотъ проектъ въ сенатъ, который потребовалъ категорическаго заявленія, что «оба правительства признаютъ въ будущемъ принципъ, въ силу котораго отдаленные или косвенные убытки не считаются послѣдствіями нарушенія нейтралитета» [2]). Это заявленіе было слишкомъ ясно по содержанію, чтобы понравиться Англіи и она его отклонила. Она желала устраненія въ будущемъ не всѣхъ вообще споровъ о косвенныхъ убыткахъ, но лишь о такихъ, какіе предъявляла Америка. Но вслѣдствіе этого запутанность положенія увеличилась чрезвычайно. Вмѣсто ожидаемаго примиренія, стороны могли разойтись еще съ большимъ ожесточеніемъ другъ противъ друга, чѣмъ прежде.

Къ счастію судъ своею энергіею и смѣлостію предотвратилъ эту опасность. Согласно своему постановленію, онъ открылъ снова свои засѣданія 15-го іюня 1872 г. Америка представила свой защитительный актъ (argument), а лордъ Тентерденъ заявилъ, что его правительство, желая заключить съ Штатами по вопросу о косвенныхъ убыткахъ дополнительную конвенцію, предлагаетъ суду отсрочить его засѣданія еще на 8 мѣсяцевъ. Тогда судъ, въ засѣданіи 19-го іюня пришелъ къ слѣдующему важному рѣшенію.

Предложеніе Англіи объ отсрочкѣ судебнаго разбирательства вызвано ея пререканіями съ С. Штатами относительно компетентности суда, по Вашингтонскому договору, разбирать вопросъ о косвенныхъ убыткахъ. Не высказывая мнѣнія о

---

[1]) Staatsarchiv. № 5008.

[2]) Тамъ-же, № 5009.

толкованіи и обязательной силѣ этого договора, судьи убѣждены, что главная цѣль отсрочки та, чтобы даровать обоимъ правительствамъ возможность согласиться по вопросу: должны ли косвенные убытки подлежать разсмотрѣнію суда, или нѣтъ? Но очевидно, всякое несогласіе по этому пункту можетъ лишить отсрочку желаемой пользы и даже привести, послѣ потери нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ оба народа пребывали бы въ напряженномъ состояніи, къ результату для обѣихъ сторонъ равно печальному, а именно къ полной неудачѣ третейскаго разбирательства. Въ виду этого, судьи считаютъ себя въ правѣ заявить, что послѣ самаго тщательнаго изученія всего, представленнаго С. Штатами въ подкрѣпленіе ихъ воззрѣнія на косвенные убытки, они индивидуально и коллективно, пришли къ тому заключенію, что эти жалобы не представляютъ, въ силу принциповъ международнаго права, прилагаемыхъ къ подобнымъ случаямъ, достаточнаго основанія для оцѣнки убытковъ и опредѣленія вознагражденій между народами и поэтому вовсе не должны подлежать обсужденію суда, даже въ томъ случаѣ, если бы между обоими правительствами не существовало никакого разногласія о компетентности суда, по отношенію къ этимъ убыткамъ [1]).

Это рѣшеніе, сообщенное сначала обоимъ правительствамъ какъ конфиденціальное, было принято ими безъ оговорокъ.

Помимо своей принципіальной важности, оно дало суду возможность немедленно приступить къ его высокой задачѣ и кромѣ того показало съ полною очевидностію, что многіе споры между государствами могли бы быть справедливѣе и скорѣе рѣшаемы судомъ, нежели изворотливыми тонкостями дипломатовъ.

Въ засѣданіи 27-го іюня гр. Склопись произнесъ рѣчь, изъ которой мы не можемъ не привести нѣсколько мыслей:

«Созваніе настоящаго суда само по себѣ уже указываетъ на новое направленіе идей, управляющихъ политикой народовъ, наиболѣе подвинувшихся на пути цивилизаціи.

---

[1]) Тамъ-же, № 5029.

«Мы живемъ въ эпоху, когда въ высшихъ сферахъ политики духъ умѣренности и чувство справедливости начинаютъ вездѣ преобладать надъ стремленіями старой рутины, проявлявшейся то въ надменномъ произволѣ, то въ преступной безучастности. Уменьшать поводы къ войнамъ, смягчать соединенныя съ ними бѣдствія, ставить интересы человѣчества выше расчетовъ политики—вотъ цѣль, къ которой стремятся всѣ великіе умы и благородныя сердца.

«Мы присутствуемъ предъ великимъ опытомъ приложенія строгихъ и безстрастныхъ принциповъ права къ жгучимъ вопросамъ политики.

«Мы слышали страшный возгласъ: «сила преобладаетъ надъ правомъ»! Онъ уничтожаетъ въ основаніи цивилизацію. Теперь мы видимъ, что политика обращается къ справедливости, чтобы не злоупотребить силой. Цивилизація должна гордиться этимъ знакомъ уваженія къ ней.

«На международное право смотрятъ слишкомъ часто какъ на зыбкую почву, въ которую нога уходитъ въ ту минуту, когда мы думаемъ сдѣлать шагъ впередъ. Будетъ ли нескромно съ нашей стороны высказать надежду, что наши усилія призваны содѣйствовать укрѣпленію этой почвы?

«Предметъ нашихъ занятій требуетъ свѣдѣній столь же серьозныхъ, какъ и многостороннихъ. Мы должны изучить его съ широкой точки зрѣнія государственнаго человѣка и смотрѣть на него проницательнымъ окомъ предсѣдателя ассизнаго суда, но всегда относиться къ нему съ глубокимъ чувствомъ справедливости и съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ» [1]).

Этимъ окончился эпизодъ о косвенныхъ убыткахъ, не разъ угрожавшій принять острый характеръ. Прежде чѣмъ изложить занятія самого суда, мы должны остановиться немного на возраженіяхъ, которыми обмѣнялись стороны.

---

[1]) Тамъ-же, № 5031.

VI.

Возраженіе С. Штатовъ [1]) на англійскій мемуаръ почти не сообщаетъ новыхъ фактовъ и не выставляетъ новыхъ принциповъ или претензій, но ограничивается главнымъ образомъ тѣмъ, что указываетъ на ошибки или одностороннія заявленія послѣдняго. Упомянемъ о наиболѣе интересныхъ изъ нихъ. 1. Кромѣ дѣйствій 4 называемыхъ англійскимъ мемуаромъ кораблей, дѣйствія другихъ, вызвавшихъ жалобу С. Штатовъ, были описаны и документы о нихъ появились въ Лондонѣ до полученія англійскими коммиссарами ихъ инструкцій и находились во время обсужденія Вашингтонскаго договора на столѣ коммиссіи. 2. Штаты не принимаютъ ограничительнаго толкованія англійскимъ мемуаромъ словъ «due diligence», въ смыслѣ: «бдительности, которую правительство обыкновенно проявляетъ по своимъ внутреннимъ дѣламъ». Это толкованіе противорѣчитъ обще-признаннымъ принципамъ права. 3. Они также несогласны съ тѣмъ, будто международныя обязанности государства измѣряются существующими въ немъ внутренними законами. Послѣдніе должны быть исправлены, если они на практикѣ не даютъ правительству возможности исполнять лежащія на немъ международныя обязанности. 4. С. Штаты категорически отвергаютъ заявленіе Англіи, что ихъ корабли пользовались чаще, чѣмъ корабли Южанъ, или даже въ равной степени съ ними, ея гостепріимствомъ. 5. Акты парламента предоставляютъ таможеннымъ властямъ въ Англіи болѣе обширныя полномочія, чѣмъ о какихъ упоминаетъ ея мемуаръ. 6. Зачисленіе корабля воюющимъ въ составъ флота не лишаетъ нейтральнаго права искать удовлетворенія за беззаконныя дѣйствія этого корабля, совершенныя до его зачисленія въ предѣлахъ территоріи сего ней-

Возраженія сторонъ другъ другу.

---

[1]) The Counter—Case of the United States въ Papers; I, 416—442. Къ нему присоединены многочисленныя извлеченія изъ дипломатической переписки.—Ср. *Staatsarchiv*, № 5025.

тральнаго государства. 7. Напрасно англійскій мемуаръ ставитъ на видъ, что многія дѣйствія, на которыя жалуются С. Штаты, были совершены «американскими гражданами». Это были, по американскимъ законамъ, преступники, поступки коихъ не могутъ оправдать небрежности англійскихъ властей. 8. Большая часть англійскихъ матросовъ на Алабамѣ знала прекрасно куда они направляли свое плаваніе.

Весьма интересно и обильно фактами *возраженіе Англіи* [1]) на американскій мемуаръ. Критикуя и опровергая шагъ за шагомъ его теоретическія положенія или фактическія данныя, возраженіе не покидаетъ точки зрѣнія высказанной Англіею въ ея первомъ мемуарѣ: мѣстами оно ее развиваетъ далѣе или подкрѣпляетъ новыми фактами и соображеніями. Поэтому оно во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія, давая намъ возможность, съ гораздо бо̀льшею ясностію, опредѣлить расходящіяся воззрѣнія обоихъ правительствъ на права и обязанности нейтральныхъ державъ.

Возраженіе начинается съ заявленія о томъ, что Англія не входитъ въ разсмотрѣніе косвенныхъ убытковъ, о которыхъ она вела тогда со Штатами оживленную переписку и что она отклоняетъ всякія объясненія по поводу того, что ея нейтралитетъ былъ будто бы неискренній и даже враждебный. Правительство само себя уважающее не можетъ вступить въ препирательства объ этомъ. Разбирая общіе принципы о нейтралитетѣ, выставленные С. Штатами, Англія дѣлаетъ нѣсколько оговорокъ: она принимаетъ три Вашингтонскія правила; хотя они, въ ея глазахъ, существенно усиливаютъ обязанности нейтральнаго по отношенію къ воюющимъ, но она протестуетъ противъ всякаго уклоненія отъ нихъ или ихъ расширенія.

---

[1]) Counter-Case presented on the part of the Gouvernment of Her Britannic Majesty въ *Papers;* II, 197—410.—*Staatsarchiv*, № 5023.—Онъ также раздѣленъ на 10 частей, которыя однако могутъ быть удобно сведены къ четыремъ: 1) общія жалобы Штатовъ по поводу несоблюденія Англіею нейтралитета; 2) историческіе прецеденты, приводимые въ ихъ мемуарѣ; 3) дѣйствія отдѣльныхъ крейсеровъ и 4) критика вознагражденій, требуемыхъ Штатами за понесенные ими убытки.

Такое расширеніе есть мнѣніе американскаго правительства, что нейтральный обязанъ предупреждать, въ предѣлахъ своей юрисдикціи, даже постройку кораблей, предназначаемыхъ для крейсированія противъ одного изъ воюющихъ. Англія отвергаетъ также мнѣніе будто воюющій имѣетъ право требовать отъ нейтральнаго, чтобы онъ въ угоду ему измѣнилъ свои внутренніе законы и чтобы послѣдніе обязывали государство и въ международномъ отношеніи. При рѣшеніи настоящаго спора, говоритъ англійское возраженіе, Штаты не довольствуются тѣмъ, чтобы поведеніе Англіи обсуждалось судомъ на основаніи трехъ извѣстныхъ правилъ, въ связи съ общими принципами международнаго права имъ не противорѣчащими, но они требуютъ еще, чтобы къ этому поведенію прилагались внутренніе законы Великобританіи, административные акты ея правительства и декларації ея государственныхъ людей. Воззрѣніе весьма странное и невѣрное! Внутренніе законы и дѣйствія правительства, совпадаютъ ли они съ международнымъ правомъ или нѣтъ, всегда произвольны и свободны. Государство издаетъ и совершаетъ ихъ въ силу своего права, а не по какой либо обязанности. Поэтому его внутренніе законы въ иныхъ случаяхъ не идутъ такъ далеко, какъ требованія международнаго права, въ другихъ переходятъ за ихъ предѣлы.

На это мы замѣтимъ, что С. Штаты, увлекаясь подробностями, высказали однако въ принципѣ вполнѣ вѣрную мысль, состоящую въ томъ, что во 1-хъ, внутренними законами государства не исчерпываются его международныя обязанности; въ случаѣ ихъ недостаточности они должны быть дополнены и исправлены [1]) и во 2-хъ, что эти законы, поскольку они касаются международныхъ вопросовъ, могутъ служить мѣриломъ для оцѣнки дѣйствій государства, ихъ издавшаго. Значеніе ихъ—въ сравненіи съ общими принципами международнаго

[1]) Съ этимъ въ сущности согласилась и Англія, утверждавшая, что ея Foreign Enlistmen Act вполнѣ достаточенъ и удовлетворителенъ, а потомъ измѣнившая его въ 1870 г.

права—второстепенное, но тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать, что во внутреннихъ законахъ и дѣйствіяхъ правительства лучше всего высказываются его дѣйствительныя отношенія къ другимъ народамъ [1]).

Англія указываетъ далѣе въ чемъ она расходится со Штатами относительно толкованія Вашингтонскихъ правилъ: до ихъ изданія ничто не возбраняло нейтральнымъ гражданамъ снабжать воюющихъ судами приспособленными къ войнѣ. Послѣдніе подходятъ вполнѣ подъ понятіе контрабанды. Запрещается только устройство враждебнаго нападенія въ предѣлахъ нейтральной страны противъ одного изъ воюющихъ.

Нейтральное правительство вольно допускать въ свои гавани военные корабли воюющихъ и оказывать имъ полное гостепріимство, или совершенно не допускать ихъ, лишь бы это дѣлалось съ полнымъ безпристрастіемъ по отношенію къ обѣимъ сторонамъ. Такіе военные корабли, разъ допущенные, могутъ безпрепятственно снабжаться углемъ, провизіею и чиниться,—все съ признаннымъ намѣреніемъ продолжать свое крейсированіе. Они не должны только на нейтральной территоріи увеличивать свою боевую силу. возобновлять или умножать свою артиллерію, военные запасы и т. д. Имъ въ равной степени можетъ быть дозволено или возбранено приводить призы и продавать ихъ. но нейтральные суды не компетентны для присужденія имъ этихъ призовъ.

Все это зависитъ отъ одного усмотрѣнія нейтральнаго государства и не даетъ никакихъ правъ воюющему. Напротивъ Штаты пытаются подорвать эти элементарныя и обще-извѣстныя правила: они утверждаютъ, что государство нарушаетъ свой нейтралитетъ, если дозволяетъ крейсерамъ воюющихъ чиниться или закупать уголь и провизію въ предѣлахъ превосходящихъ «абсолютную необходимость для достиженія ихъ

---

[1]) Международныя обязанности государства, говоритъ Гефкенъ, независимы отъ его внутреннихъ законовъ, но другіе народы всегда въ правѣ жаловаться, если таковые не достигаютъ требованій международнаго права (Назв соч стр. 24)

ближайшаго отечественнаго порта». Мнѣніе тѣмъ болѣе странное, говоритъ англійское возраженіе, что ихъ собственные крейсеры неоднократно запасались въ британскихъ гаваняхъ углемъ, вовсе не съ цѣлію обратнаго плаванія домой, а для того, чтобы продолжать свое крейсированіе.

Но Штаты требуютъ еще одного ограниченія вышеизложенныхъ общихъ правилъ: чтобы корабли съ самаго начала, въ цѣломъ или въ частяхъ, приспособленные къ войнѣ въ предѣлахъ нейтральнаго государства, потомъ вовсе не допускались въ гавани сего послѣдняго. Государство это обязано ихъ захватывать, гдѣ бы они ни вошли въ его порты. Въ противномъ же случаѣ оно дѣлается предъ воюющимъ отвѣтственнымъ въ тѣхъ убыткахъ, которые ему причинятъ эти корабли.

И это мнѣніе кажется Англіи новостью, неизвѣстною ни теоріи, ни практикѣ международнаго права. Коль скоро корабль, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, зачисленъ въ составъ военныхъ кораблей, онъ не можетъ подлежать юрисдикціи нейтральной страны. На этомъ основаніи «Англія была обязана, подобно и остальнымъ нейтральнымъ державамъ, обращаться съ Алабамой совершенно также, какъ, при одинаковыхъ условіяхъ, она обращалась съ прочими кораблями, вооруженными и причисленными ко флоту признаннаго ею и независимаго государства».

С. Штаты жалуются на торговлю, которую вели Южане съ Англіею. На это послѣдняя возражаетъ, что для нейтральнаго не существуетъ никакой обязанности предупреждать съ своей стороны нарушеніе блокады или вывозъ контрабанды. Въ качествѣ нейтральнаго, государство не призвано мѣшать своимъ гражданамъ извлекать всевозможныя выгоды изъ торговыхъ оборотовъ съ воюющими, которые, въ свою очередь, достаточно ограждаются исключительными, имъ предоставленными, правами осмотра, обыска и даже захвата судовъ, провинившихся въ подвозѣ контрабанды или въ нарушеніи блокады. Для того, чтобы съ бо́льшими удобствами захватывать суда́ нейтральныхъ въ открытомъ морѣ, С. Штаты употребляли мѣры строгости въ такихъ размѣрахъ, которые были дотолѣ неиз-

вѣстны международному праву. До этой междуусобной войны, по общему мнѣнію, въ тѣхъ случаяхъ, когда нейтральный корабль направлялся изъ одной нейтральной гавани въ другую, призовый судъ не считался компетентнымъ для разслѣдованія вопроса о назначеніи груза. Американскіе же суды ввели принципъ, что если есть на лице достаточное доказательство (а часто таковое считалось достаточнымъ въ силу весьма шаткихъ основаній!) въ пользу того мнѣнія, что грузъ окончательно направляется въ портъ воюющаго. то не только этотъ грузъ, но, въ извѣстныхъ случаяхъ, и корабль, подлежатъ присужденію. Такимъ образомъ товары, которые перевозились изъ британскаго порта въ Нассау захватывались наравнѣ съ товарами, шедшими прямо изъ Ливерпуля или Нассау въ какой либо портъ Юга, если только призовый судъ имѣлъ основаніе предполагать, что ихъ конечное назначеніе былъ такой портъ, а не нассаускій рынокъ для добросовѣстнаго тамъ сбыта. Корабль же раздѣлялъ участь груза, если не было причины думать, что его собственники не знали о конечной цѣли груза и не зафрахтовали его, корабль, въ портъ воюющаго.

Намъ нечего и говорить какъ несправедлива и стѣснительна для нейтральныхъ эта новая теорія блокады, получившая извѣстность подъ именемъ «непрерывнаго или единаго пути» (continuous voyage) [1]). Но справедливость требуетъ замѣтить, что Англія первая изобрѣла это расширеніе блокады, а когда С. Штаты стали прилагать это ученіе въ большихъ размѣрахъ, Англія не нашла нужнымъ протестовать и противодѣйствовать, хотя отъ этого пострадало не мало ея гражданъ. Правительство Сѣвера, продолжаетъ англійское возраженіе, также усердно какъ и правительство Юга, закупало въ Англіи оружіе и боевые запасы, такъ что «въ томъ самомъ смыслѣ въ какомъ оно называетъ Великобританію арсеналомъ и казной отдѣлившихся Штатовъ, послѣдняя была и для него

---

[1]) *Гефкенъ*, Назв соч. стр. 12 —*Gessner*, Kriegfuhrende und neutrale Mächte. S. 41.—*Twiss*. La théorie de la continuité du voyage. 1877.

арсеналомъ и казной». Но оно не сочло нужнымъ ознакомить третейскихъ судей съ именами и дѣлами своихъ тогдашнихъ агентовъ въ Англіи.

Настоящій мотивъ жалобъ С. Штатовъ, Англія видитъ въ томъ, что имъ была предоставлена свобода въ такой же степени, какъ и отдѣлившимся штатамъ. Она напоминаетъ, что ни одинъ вооруженный корабль не вышелъ изъ британскихъ портовъ съ цѣлію поднять флагъ Юга. Съ іюня 1862 г. до окончанія междуусобной войны изъ нихъ не отплылъ также въ южные штаты ни одинъ корабль по постройкѣ, сооруженію или инымъ способомъ приспособленный къ войнѣ. Но этимъ Англія не довольствуется: она возвращаетъ Штатамъ упрекъ дѣлаемый ей послѣдними: сколько разъ, говоритъ она, даже въ послѣднее время, на нейтральной территоріи Штатовъ устраивались почти открыто враждебныя экспедиціи противъ дружественныхъ имъ народовъ. Довольно вспомнить походы Лопеца противъ Кубы съ цѣлію оторвать ее отъ Испаніи (1850—51 г.); Валькера противъ Мексики и центральной Америки (1853—60 г.); и наконецъ набѣги Феніанъ противъ Канады (1866—71 г.). Изъ этихъ и другихъ примѣровъ мы видимъ, что С. Штаты сами никогда не поддерживали свой нейтралитетъ съ тою энергичною и неусыпною бдительностію, которую они требуютъ теперь отъ другихъ, что они никогда не платили за убытки, причиненные ими другимъ странамъ отъ послабленія этой бдительности. Они выплачивали только стоимость кораблей и грузовъ, которые захватывались судами незаконно построенными и вооруженными, да и то лишь въ случаяхъ, когда такіе призы приводились въ нейтральныя воды.

Весьма интересна критика англійскимъ возраженіемъ тѣхъ убытковъ, которые съ такою щедростію перечисляются въ американскомъ мемуарѣ. Не вдаваясь въ нее, замѣтимъ только, что Англія ловко пытается отвергнуть американскую оцѣнку въ принципѣ. Прежде всего она приписываетъ, какъ мы уже видѣли, значительную сумму убытковъ, понесенныхъ Штатами, небрежности и недостатку энергіи ихъ властей. Затѣмъ она

утверждаетъ, что настоящій и главный виновникъ этихъ убытковъ—бывшіе отдѣлившіеся штаты. «Дѣйствія, причинившія эти убытки, совершены послѣдними внѣ сферы юрисдикціи и контроля Великобританіи. Мало того. южные штаты нанесли и ей оскорбленіе, нарушивъ ея законы тѣми поступками, которые служатъ основаніемъ всему настоящему дѣлу. И что-же? Эти главные зачинщики снова допущены ко всѣмъ правамъ и привилегіямъ американскихъ гражданъ. Съ нихъ не взыскиваютъ никакихъ убытковъ ими причиненныхъ, а вся отвѣтственность за нихъ возлагается на тѣхъ, которые были только развѣ пассивные зрители!»

Самое исчисленіе этихъ убытковъ Англія находитъ столь неудовлетворительнымъ и преувеличеннымъ, что оно не можетъ быть принято даже какъ элементарное основаніе для дѣйствительной оцѣнки

Въ заключеніе англійское возраженіе указываетъ на важное значеніе Алабамскаго дѣла вообще. Оно затрогиваетъ не только фактическіе, но и принципіальные вопросы вращающіеся около тяжелой проблеммы· какъ опредѣлить обязанности и отвѣтственность нейтральныхъ? Основныя положенія въ этой области должны отличаться своею простотою и немногочисленностію. Но по американскому мемуару положеніе нейтральной державы въ морской войнѣ будетъ самое тяжелое и тревожное. Какъ бы ни было бдительно ея правительство въ исполненіи своихъ обязанностей по нейтралитету, но малѣйшая небрежность даже со стороны какого нибудь подчиненнаго чиновника навлечетъ на нее тяжелую отвѣтственность. Торговые обороты сдѣлаются предметомъ надзора непрестаннаго и до мелочей строгаго. Частныя лица, по подозрѣнію, что они агенты одного изъ воюющихъ, будутъ подвергаться даже на нейтральной территоріи преслѣдованію шпіоновъ и доносчиковъ. Вообще торговля съ воюющими будетъ стѣснена самыми разнообразными ограниченіями; гостепріимство, оказываемое въ нейтральныхъ портахъ кораблямъ воюющихъ. сдѣлается опаснымъ и даже законы и распоряженія, издаваемые нейтральнымъ правительствомъ для собственной безопасности, псведутъ къ противопо-

ложному результату, сдѣлавшись для него новымъ источникомъ опасности, если воюющему будетъ дана возможность выводить изъ нихъ, по отношенію къ нейтральному, ихъ издавшему, особую категорію обязательствъ. Въ результатѣ всего этого явится то, что нейтральныя державы найдутъ себя вынужденными не издавать никакихъ законовъ, могущихъ быть обращенными противъ нихъ, не дозволять кораблямъ воюющихъ входить въ ихъ гавани и прекратить съ послѣдними всякую торговлю. А такъ какъ абсолютная изолированность для государствъ невозможна, то, особенно слабыя между ними, будутъ предпочитать столь тяжкому нейтралитету даже бѣдствія войны и прямо становиться на сторону одного изъ воюющихъ. Вотъ почему, по мнѣнію Англіи, приложеніе Вашингтонскихъ правилъ къ жизни уничтожитъ самое понятіе нейтралитета и въ результатѣ приведетъ къ войнѣ.

Изъ нашего краткаго очерка подлинныхъ документовъ обоихъ правительствъ по Алабамскому дѣлу видно, какъ неполны и недостаточны постановленія международнаго права о нейтралитетѣ, представляющемъ для всѣхъ государствъ такой жизненный вопросъ. Кромѣ того мы видимъ какъ сильно расходятся по этому вопросу даже до нашего времени воззрѣнія отдѣльныхъ правительствъ. Совершенно съ противоположной точки зрѣнія смотрятъ Англія и Америка на внутренній смыслъ и объемъ Вашигтонскихъ правилъ. Что для первой есть опасное нововведеніе, угрожающее въ будущемъ уничтожить въ основаніи всякія торговыя сношенія нейтральныхъ съ воюющими и даже сдѣлать войны болѣе частыми, является для Америки на оборотъ попыткою болѣе точнаго опредѣленія началъ, которыя давно сознавались въ жизни и въ наукѣ и которыя призваны въ своемъ поступательномъ развитіи обезпечить между народами миръ.

Ознакомившись съ расходящимися воззрѣніями сторонъ на Алабамское дѣло, мы можемъ теперь обратиться къ занятіямъ и рѣшенію самого суда.

VII.

Очеркъ занятій суда.

Не смотра на споръ о косвенныхъ убыткахъ, стороны, согласно съ Вашингтонскимъ договоромъ, представили въ срокъ свои возраженія (15-го апрѣля) и защитительные акты (15-го іюня). По рѣшеніи этого спора, судъ долженъ былъ разсмотрѣть предложеніе лорда Тентердена, 27-го іюня, о дозволеніи Англіи представить новый защитительный актъ. Это противорѣчило договору, который точно опредѣливъ число и характеръ документовъ, которыми стороны могли обмѣняться. допускаетъ всякія дальнѣйшія между ними пренія лишь по требованію судей. Кромѣ того это оттянуло бы самое разбирательство, и безъ того продолжительное, еще на 6 недѣль, такъ что судъ, по окончаніи преній, приступилъ бы къ разсмотрѣнію дѣла около 1-го сентября. Американскіе уполномоченные сильно воспротивились этой попыткѣ и судъ отклонилъ ее.

Съ 15-го іюля его засѣданія получаютъ правильный характеръ. По общему правилу агентамъ и совѣтникамъ обоихъ правительствъ дозволено присутствовать на нихъ, но судъ выговорилъ себѣ право по своему усмотрѣнію назначить и засѣданія тайныя. Затѣмъ ни публика, ни представители печати, въ большомъ числѣ съѣхавшіеся тогда въ Женеву, особенно изъ Лондона и Нью-Іорка, не были допущены въ залу засѣданій и въ этомъ нельзя не видѣть весьма благоразумной мѣры. Присутствіе постороннихъ лицъ могло оказать нѣкоторое, хотя нравственное, давленіе на судей и, съ другой стороны, задѣть чувствительность того или другаго изъ заинтересованныхъ государствъ. Послѣднимъ судъ сообщалъ аккуратно о ходѣ своихъ работъ.

Но, чтобы эти работы шли быстро и успѣшно надо было составить для нихъ предварительный планъ. Увлекаясь односторонними воззрѣніями, оба правительства внесли въ свои документы много лишняго, совершенно не относившагося соб-

ственно къ Алабамскому дѣлу. Суду надлежало опредѣлить прежде всего область своей дѣятельности и потомъ изучить извѣстные факты въ свѣтѣ опредѣленныхъ принциповъ для того, чтобы придти къ вѣрному рѣшенію. Такую программу и далъ ему Стемфли. Въ своей запискѣ онъ указываетъ на факты, которые не подлежали разбирательству суда: 1) признаніе Англіею южныхъ штатовъ воюющею стороною; 2) выраженія англичанами во время войны въ Америкѣ симпатіи или антипатіи на собраніяхъ, въ печати и т. п. 3) допущеніе торговли оружіемъ и выходъ кораблей предназначавшихся къ прорванію блокады, на сколько оба эти дѣйствія не противорѣчатъ запрещенію снаряжать и вооружать военные корабли и крейсеры и 4) историческіе прецеденты нарушенія обязанностей нейтралитета или неравнаго ихъ соблюденія, а также рѣшенія судовъ, по скольку всѣ они относятся до принциповъ международнаго права, составляющихъ предметъ спора предъ женевскимъ судомъ. На этомъ основаніи послѣднему оставалось *обсудить дѣйствія нѣкоторыхъ кораблей, но не* только *тѣхъ четырехъ*, о которыхъ говоритъ англійскій мемуаръ, а *тѣхъ десяти*, о коихъ упоминаютъ С. Штаты: Sumter, Nashville, Florida съ тендерами, Alabama съ тендеромъ, Retribution, Georgia, Talahassee, Chickamauga и Shenandoha. Что касается до общихъ, юридическихъ принциповъ, которыми судъ долженъ руководиться, то они выражены прежде всего въ *трехъ извѣстныхъ правилахъ 6-й статьи* поставленныхъ выше *общихъ началъ*, вытекающихъ изъ исторіи, практики и науки международнаго права. Эти же начала, какъ право дополнительное, составляютъ для суда вторую группу руководящихъ принциповъ, поскольку они имъ не противорѣчатъ и получили общее признаніе. Наконецъ *законы извѣстнаго государства* о нейтралитетѣ не составляютъ элементъ международнаго права въ томъ смыслѣ, что для измѣненія ихъ не требуется согласія другихъ государствъ. Право международное существуетъ совершенно независимо отъ мѣстныхъ законовъ различныхъ государствъ, такъ что отсутствіе ихъ или пробѣлы въ нихъ не измѣняютъ характера лежащихъ на го-

сударствахъ международныхъ правъ и обязанностей. Но съ другой стороны очевидно, что гдѣ эти законы существуютъ, тамъ воюющіе въ правѣ требовать ихъ честнаго приложенія.

Такимъ образомъ Стемфли предлагалъ суду, по установленіи общихъ принциповъ, подвергать оцѣнкѣ всѣ факты относившіеся до каждаго корабля въ отдѣльности, при чемъ каждый судья подавалъ письменно свое мнѣніе, которое онъ могъ и измѣнить до постановленія окончательнаго рѣшенія. Послѣ изложенія фактовъ, на основаніи выше-изложенныхъ началъ, клалось рѣшеніе подкрѣпленное мотивами. Покончивъ съ кораблями, судъ переходилъ къ опредѣленію общей суммы, къ которой виновное государство имѣло быть присуждено.

По этой системѣ судъ и разобралъ споры о главныхъ корабляхъ: Флоридѣ, Алабамѣ, и Шенандоа. 25-го іюля, по предложенію бар. Итаюбы, судъ потребовалъ отъ Англійскаго совѣтника Пальмера уясненія трехъ слѣдующихъ вопросовъ: общаго значенія требуемой отъ нейтральнаго бдительности; дѣйствія зачисленія извѣстныхъ кораблей, входившихъ въ англійскіе порты, во флотъ Южанъ и дозволенія послѣднимъ снабжать себя углемъ въ англійскихъ портахъ. Обширная записка Пальмера вызвала спеціальные отвѣты Эвартса, Кешинга и Вэта [1]).

Съ 26-го августа, вопреки протесту Кокборна судъ имѣлъ, до окончанія своихъ занятій, тайныя засѣданія, на которыя не были допущены агенты и совѣтники. 9-го сентября онъ установилъ окончательную редакцію своего рѣшенія, которое было подписано на послѣднемъ его засѣданіи 14-го сентября 1872 г.

VIII.

Рѣшеніе суда. Это послѣднее засѣданіе отличалось особенною торжественностію и было публичное. Но и оно, благодаря Кокборну, не прошло безъ эпизода. Всѣ замѣтили его позднее появленіе на

[1]) *Papers;* III, 385—519.

засѣданіе. Онъ одинъ, изъ 5 судей, не подписалъ рѣшеніе суда, но представилъ въ послѣднюю минуту обширную записку о причинахъ своего разногласія съ рѣшеніемъ, которую судъ, не имѣя возможности прочесть и разобрать, приказалъ только пріобщить къ дѣлу. Гр. Склопись обратился къ своимъ товарищамъ съ задушевными словами, въ которыхъ между прочимъ выразилъ «свое искреннее желаніе, чтобы Богъ внушилъ всѣмъ правительствамъ мысль постоянно и дѣйствительно заботиться о томъ, что составляетъ неизмѣнное желаніе всѣхъ образованныхъ народовъ, что представляется какъ для нравственныхъ, такъ и для матеріальныхъ интересовъ общества наивысшимъ изъ всѣхъ благъ—о мирѣ» [1]).

Пушечные салюты съ древней La Treille привѣтствовали эти слова и окончаніе многотруднаго дѣла женевскаго суда. Въ эту минуту Кокборнъ встаетъ и, ни съ кѣмъ не простившись, исчезаетъ также странно, какъ и держалъ себя во время засѣданій.

Въ *рѣшеніи* женевскаго суда [2]) мы можемъ различить двѣ стороны: принципіальное изложеніе мотивовъ и спеціальное рѣшеніе спорныхъ пунктовъ по тремъ группамъ кораблей.

Само собою разумѣется, первая часть наиболѣе важна и интересна. Принимая въ основаніе три правила 6-й ст. Вашингтонскаго договора и общіе, имъ не противорѣчащіе принципы международнаго права, судъ высказалъ слѣдующія соображенія:

1. Опредѣленіе «*должнаго стараніе*» (due diligence) упоминаемаго въ 1-мъ и 3-мъ изъ этихъ правилъ. «Нейтральныя правительства обязаны проявлять это стараніе въ точномъ соотношеніи къ опасностямъ, которыя могутъ возникнуть для воюющихъ изъ нарушенія ими нейтралитета. Но обстоятельства, при которыхъ сложились факты, вызвавшіе настоящій споръ, были таковы, что должны были возбудить всевозможное стараніе англійскаго правительства для поддержанія его правъ

---

[1]) Staatsarchiv; № 5034.

[2]) *Papers;* IV, 49—54 —Staatsarchiv; № 5033.

и обязанностей согласно съ королевскою прокламаціею о нейтралитетѣ отъ 13-го мая 1861 г.»

2. Значеніе акта *зачисленія кораблей.*

Послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ нарушенія нейтралитета чрезъ сооруженіе или вооруженіе кораблей, не уничтожаются тѣмъ, что воюющій, въ пользу котораго совершено нарушеніе нейтралитета, зачислитъ потомъ эти корабли въ свой флотъ. Это зачисленіе, вѣнчающее правонарушеніе, не можетъ считаться поводомъ къ оправданію виновнаго и полный успѣхъ его обмана не долженъ вести къ признанію его невиновности. Внѣземельность, предоставляемая международнымъ правомъ военнымъ кораблямъ, не есть абсолютное право, а привилегія, основанная на соображеніяхъ взаимной вѣжливости и любезности между народами и поэтому никогда не могущая прикрывать дѣйствія совершенныя въ нарушеніе нейтралитета. Наконецъ отсутствіе въ этихъ случаяхъ предварительнаго извѣщенія не есть нарушеніе международнаго права, когда съ кораблемъ неразрывно связано его осужденіе.

3. *Снабженіе корабля углемъ* является дѣйствіемъ несогласнымъ съ вторымъ правиломъ 6-й ст. лишь въ силу особыхъ обстоятельствъ, соединенныхъ съ временемъ, мѣстомъ и лицами.

Во второй части рѣшеніе установляетъ различіе между *тремя группами кораблей:* a) пять изъ нихъ [1]), за недостаткомъ доказательствъ, признаны единогласно не подлежащими судебному разбирательству; b) по отношенію къ другимъ шести [2]) судъ постановилъ также единогласно (лишь по отношенію къ Retribution большинствомъ 3-хъ голосовъ противъ 2-хъ), что Великобританія не совершила никакого правонарушенія; c) наконецъ, по отношенію къ тремъ судамъ—Алабамѣ, Флоридѣ и Шенандоа,—она признана виновною. Изъ всѣхъ фактовъ, относящихся до сооруженія въ Ливерпулѣ корабля, обозна-

---

[1]) Sallie, Jefferson Davis, Music, Boston и Ioy.

[2]) Retribution, Georgia, Sumter, Nashville, Tallahassee и Chickamauga.

чавшагося № 290, а потомъ извѣстнаго подъ именемъ *Алабамы* и до его вооруженія въ окресностяхъ Терсейры, чрезъ посредство кораблей «Агриппины» и «Багамы», высланныхъ съ этою цѣлію изъ Великобританіи,—изъ всѣхъ этихъ фактовъ ясно, что англійское правительство исполняло безъ должнаго старанія обязанности нейтральной державы и что оно въ особенности, вопреки предостереженіямъ и оффиціальнымъ представленіямъ со стороны дипломатическихъ агентовъ С. Штатовъ во время сооруженія названнаго корабря, не приняло въ должное время никакихъ энергическихъ мѣръ предупрежденія, а когда наконецъ прибѣгло къ онымъ, съ цѣлію задержанія этого корабля,—то сдѣлало это такъ поздно, что успѣхъ былъ невозможенъ. Затѣмъ дальнѣйшія попытки по его выходѣ въ море, преслѣдовать его и задержать, были столь неудовлетворительны, что также не могли повести ни къ какому результату и снять съ Англіи отвѣтственность за ея предшествовавшія дѣйствія. Несмотря на всѣ эти нарушенія Англіею нейтралитета, Алабама допускалась и впослѣдствіи въ гавани англійскихъ колоній, не вызывая противъ себя тѣхъ дѣйствій, которыя должны были бы воспослѣдовать въ каждой гавани на британской территоріи. Наконецъ эту небрежность англійское правительство не можетъ оправдать недостаточностію тѣхъ законныхъ средствъ къ дѣйствію, которыми оно располагало. Въ силу этихъ соображеній, судъ, большинствомъ 4-хъ голосовъ противъ 1, пришелъ къ тому заключенію, что по отношенію къ Алабамѣ, Англія нарушила, по опущенію или небрежности, обязанности возложенныя на нее первымъ и третьимъ правиломъ 6-й ст.

То же самое постановилъ судъ касательно *Флориды* (носившей прежде имя Орето). Онъ призналъ также 4 голосами Англію виновною въ небрежности противъ всѣхъ трехъ правилъ названной статьи. Замѣтимъ кромѣ того, что онъ заявилъ, что даже: «судебное оправданіе Орето въ Нассау и входъ Флориды въ портъ Южанъ Мобиль и стоянка ея въ послѣднемъ въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ не могутъ освободить Великобританію отъ отвѣтственности за нарушеніе принциповъ

международнаго права и за ея дѣйствія, совершенныя до этого событія».

Нѣсколько иначе является рѣшеніе относительно *Шенандоа*. Судъ призналъ единогласно Англію невиновною въ выходѣ этого корабля изъ Лондона (подъ именемъ Sea-King и въ качествѣ торговаго судна) и въ преобразованіи его въ каперы Южанъ близъ Мадеры. Но за позднѣйшія его дѣйствія, со времени захода въ Мельбурнъ и за признаваемое даже англійскимъ правительствомъ тайное снабженіе его въ этомъ портѣ людьми, судъ призналъ, 3 голосами противъ 2, Англію виновною также по опущенію противъ втораго и третьяго правила 6-й статьи и вслѣдствіе этого отвѣтственною за всѣ дѣйствія, совершенныя этимъ каперомъ со дня вступленія его въ Hobson's Bay или съ 18-го февраля 1865 г.

Относительно *тендеровъ* [1]) судъ постановилъ единогласно, что они, какъ предметъ добавочный, должны раздѣлять участь главнаго и подлежать одному общему съ послѣднимъ приговору.

Напротивъ онъ отвергнулъ тремя голосами требованіе С. Штатовъ о вознагражденіи за преслѣдованіе каперовъ Южанъ, не находя возможнымъ отличить эти издержки отъ общихъ расходовъ на войну, и единогласно не допустилъ вознагражденія за случайные или возможные барыши, зависящіе отъ будущихъ и неопредѣленныхъ обстоятельствъ. Съ цѣлію придти къ справедливой оцѣнкѣ заявленныхъ убытковъ, судъ отдѣлилъ вездѣ двойныя требованія по одному и тому же вопросу, удалилъ валовую цифру фрахтовыхъ денегъ, на сколько послѣднія превышали чистую прибыль и, расчитывая проценты по благоразумной мѣркѣ, приговорилъ большинствомъ 4-хъ голосовъ Англію къ уплатѣ С. Штатамъ общей круглой суммы 15.500,000 долларовъ золотомъ.

---

[1]) Tuscaloosa у Алабамы и Clarence, Tacony и Archer у Флориды.

IX.

Для полнаго знакомства съ Алабамскимъ дѣломъ не лишены интереса и мнѣнія о немъ отдѣльныхъ судей. Хотя, какъ мы могли замѣтить изъ самаго рѣшенія женевскаго суда, далеко не по всѣмъ пунктамъ судьи были согласны между собою (бар. Итаюба не признавалъ отвѣтственною Англію въ дѣлѣ о Шенандоа, въ двухъ другихъ обстоятельствахъ съ большинствомъ не были согласны Адамсъ и Стемфли), но всѣ они подписали это рѣшеніе за исключеніемъ одного *Кокборна*. Послѣдній представилъ обширную и ученую записку [1]), въ которой, на основаніи многочисленныхъ ссылокъ на писателей, законы различныхъ государствъ и историческіе прецеденты, изложилъ свою теорію о нейтралитетѣ. Помимо способа представленія этой записки, крайне предосудительнаго, она была, строго говоря, излишнею. Въ ней проводится англійская точка зрѣнія, съ которою судьи успѣли уже достаточно ознакомиться. Поэтому мы остановимся здѣсь только на нѣкоторыхъ общихъ заключеніяхъ. Кокборнъ порицаетъ изданіе Вашингтонскихъ правилъ, которыя стѣснили судъ въ его свободной функціи; но при неполнотѣ положительнаго международнаго права, государствамъ часто еще придется прибѣгать къ изданію такихъ спеціальныхъ нормъ, въ виду конкретныхъ случаевъ. Конечно подобныя нормы никогда не могутъ замѣнить твердыя и общепризнанныя начала или законы, но, за отсутствіемъ оныхъ, онѣ призваны проложить имъ путь. Излагая подробно теорію нейтралитета, Кокборнъ говоритъ, что торговля нейтральныхъ гражданъ на ихъ отечественной территоріи (такъ называемая пассивная торговля) должна быть совершенно свободна. Ней-

Мнѣнія отдѣльныхъ судей.

---

[1]) *Papers;* IV, 230—544. — Въ извлеченіи въ Staatsarchiv; XXV, S. 152—174.—Желчно и поверхностно говоритъ о ней *Кешингъ* въ назв. соч. стр. 174 сл., но обстоятельный ея обзоръ находимъ у *Кальво*, Revue; 1874, p. 479, сл

тральнымъ правительствамъ нечего препятствовать своимъ подданнымъ нарушать блокаду или подвозить контрабанду. Это дѣло лишь воюющаго, который, преслѣдуя свои исключительные интересы, также не заботится о вредѣ, который онъ причиняетъ нейтральнымъ. Въ заключеніе Кокборнъ, не одобряя мотивовъ рѣшенія по отношенію къ Алабамѣ, считаетъ однако Англію отвѣтственною касательно этого корабля Въ дѣлѣ Флориды онъ оправдываетъ Англію, а по отношенію къ Шенандоа замѣчаетъ, что не можетъ выразить съ достаточною силою свое разногласіе съ большинствомъ суда. Поэтому сумма, къ которой присуждена Англія, ему кажется слишкомъ высокою, даже если отвергнуть его воззрѣнія [1]). Уплату процентовъ онъ находитъ несправедливою и неумѣстною. Не смотря на всѣ эти возраженія онъ однако кончаетъ такъ: «хотя рѣшенія суда подлежатъ указанной мною критикѣ, но я надѣюсь, что англійскій народъ подчинится ему съ тѣмъ уваженіемъ, которое должно оказывать суду, добровольно нами избранному» [2]).

Что касается до мнѣній остальныхъ судей [3]), то самое краткое изъ нихъ принадлежитъ бар. Итаюбѣ. Весьма полны и интересны въ юридическомъ отношеніи мнѣнія Стемфли и гр. Склописа.

Мы коснемся здѣсь трехъ пунктовъ: бдительности, которую обязанъ имѣть нейтральный; значенія зачисленія кораблей и вопроса о снабженіи воюющаго углемъ.

Первый пунктъ о *бдительности* разработанъ весьма тщательно у гр. Склописа. «Обязанности нейтральныхъ, говоритъ онъ, быть бдительными обозначаетъ то, чтобъ они дѣйствовали по отношенію къ воюющему совершенно также, какъ поступаютъ въ аналогичныхъ случаяхъ для охраны собствен-

---

[1]) Онъ предлагаетъ присудить Англію къ 10.121,044 долл. Стемфли стоялъ за 20 милл.

[2]) Записку эту справедливо критикуетъ Фишъ въ своей депешѣ къ Дэвису отъ 22-го окт. 1872 г., называя ее: „an extraordinary document".

[3]) *Papers;* IV, 55—230.

ныхъ интересовъ». При этомъ для опредѣленія степени ихъ дѣятельности онъ предлагаетъ такую формулу: «дѣятельность эта должна быть прямо пропорціональна тѣмъ дѣйствительнымъ опасностямъ, которыя могутъ возникнуть для воюющаго изъ дѣйствій или небрежности нейтральнаго и обратно пропорціональна тѣмъ дѣйствительнымъ средствамъ, которыми воюющій обладаетъ для предотвращенія этихъ опасностей». Отсюда: «чѣмъ болѣе вреда для воюющаго можетъ возникнуть на территоріи нейтральнаго, тѣмъ болѣе послѣдній обязанъ строго охранять свой нейтралитетъ, подавляя всякое его нарушеніе».

Говоря о способахъ сооруженія и вооруженія южныхъ крейсеровъ, Склописъ совершенно вѣрно замѣчаетъ: «эти выходы ихъ (изъ англійскихъ портовъ) какъ бы по частямъ, это сплетеніе различныхъ способовъ дѣйствія въ виду одной и той же цѣли не должны сбивать съ толку судью. Одинъ корабль, вполнѣ подготовленный къ войнѣ, но безъ вооруженія, оставляетъ верфь, на которой онъ строился. Другой, совершенно торговый, берется перевезти оружіе. Мѣсто ихъ встрѣчи опредѣлено напередъ. На этомъ пунктѣ и доканчивается сооруженіе перваго корабля. Штука сыграна. Но разумъ и совѣсть не позволяютъ судьѣ поддаваться на такіе обманы. Напротивъ эти уловки выставляютъ для него въ тѣмъ болѣе яркомъ свѣтѣ вину обоихъ кораблей».

Въ вопросѣ о *зачисленіи кораблей* всѣ четыре судьи, кромѣ Кокборна, высказались противъ англійской теоріи. «Корабль, замѣчаетъ Итаюба, построенный на деньги воюющаго на территоріи нейтральнаго государства посредствомъ разныхъ уловокъ и обмана и потомъ вновь вступающій въ предѣлы юрисдикціи этого государства, долженъ быть задержанъ: ему невозможно предоставить тѣ же права внѣземельности, которыми обыкновенно пользуются военные корабли воюющихъ, построенные правильно и безъ нарушенія нейтралитета. Позднѣйшее зачисленіе такого корабля во флотъ воюющаго не покрываетъ его предъ государствомъ чей нейтралитетъ онъ нарушилъ». Этотъ пунктъ развитъ весьма хорошо и обстоятельно у Склописа.

О *снабженіи воюющаго углемъ* подробно говоритъ Адамсъ. Онъ замѣчаетъ, что прежніе писатели мало обращали вниманія на этотъ вопросъ, получившій громадное значеніе со времени приложенія пара къ судоходству. Можетъ быть путь наиболѣе безопасный для нейтральныхъ состоялъ бы въ томъ, чтобъ они вовсе не снабжали воюющихъ углемъ, развѣ за исключеніемъ понесенныхъ послѣдними бѣдствій въ морѣ. Но подобная эгоистичная и нелиберальная политика вызвала бы жалобы со всѣхъ сторонъ и была бы на практикѣ невозможна. Вся трудность въ данномъ случаѣ заключается въ томъ: какъ отличить снабженіе воюющаго углемъ для доставленія ему просто возможности достигнуть извѣстныя гавани, отъ такого снабженія, цѣль котораго создать для воюющаго базисъ для его операцій? Въ первомъ случаѣ нейтральное государство не подвергается никакой отвѣтственности, во второмъ, когда снабженіе, въ силу молчаливаго или выраженнаго согласія, получаетъ характеръ вспомоществованія—отвѣтственность неизбѣжна. И такъ степень послѣдней опредѣляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ намѣреніемъ, съ которымъ дѣлается снабженіе. Даже равнодушіе или косность въ этихъ случаяхъ можетъ перейти въ преднамѣренную небрежность, въ которой государству придется оправдываться, если оно захочетъ снять съ себя всякую отвѣтственность.

Напротивъ Итаюба заявилъ, что, по его мнѣнію, «каждое правительство вольно снабжать воюющихъ углемъ болѣе или менѣе».

X.

Заключеніе. Англія, къ своей чести, исполнила въ точности постановленія Женевскаго суда. Но недовольство Вашингтонскимъ договоромъ, по весьма понятной причинѣ, не исчезло и въ значительной степени помѣшало исполненію другаго важнаго обязательства, принятаго на себя сторонами въ той же знаменитой его шестой статьѣ: «не только соблюдать въ будущемъ три правила этой статьи, но и довести ихъ до свѣдѣнія дру-

гихъ морскихъ державъ, съ цѣлію пригласить и ихъ принять сіи правила». Конечно и внутренняя недостаточность послѣднихъ помѣшала ихъ распространенію.

Изъ интересной статьи *Куссеро* [1]) мы узнаемъ, что, когда въ 1872 г. лордъ Гренвиль поставилъ на видъ Германіи нотификацію Вашингтонскихъ правилъ, кн. Бисмаркъ отнесся къ этому весьма неблагосклонно, замѣтивъ, что на принятіе ихъ нельзя расчитывать до тѣхъ поръ, пока принципы, высказываемые ими относительно сооруженія и вооруженія кораблей, не будутъ также распространены на вывозъ оружія и другихъ военныхъ принадлежностей (et autres munitions de guerre). Гренвиль возразилъ на это, что указываемое расширеніе этихъ правилъ не можетъ быть принято, потому что необходимый для этого контроль со стороны нейтральнаго правительства создастъ послѣднему слишкомъ много препятствій.

Самъ Куссеро желаетъ, чтобы въ будущемъ нейтральнымъ была равно запрещена торговля какъ кораблями, такъ и оружіемъ. Различія между этими двумя предметами, по его мнѣнію, не существуетъ и оба они относятся къ контрабандѣ. Не менѣе энергично высказался въ этомъ смыслѣ еще ранѣе Тренделенбургъ [2]) и состоявшійся въ 1871 г. въ Неаполѣ международный морской конгресъ [3]).

Но мысль о недозволеніи нейтральнымъ торговли оружіемъ—вполнѣ вѣрная сама по себѣ—далеко не принята еще всѣми какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ. Во время войны 1870—71 г. Англія и С. Штаты доставляли оружіе Франціи въ огромныхъ размѣрахъ, а 2-го іюля 1871 г. лордъ канцлеръ заявилъ въ палатѣ лордовъ, что обѣ эти страны «остаются вѣрными практическому принципу, въ силу котораго нейтралитетъ не нарушается вывозомъ оружія къ воюющимъ».

Рѣшеніе Женевскаго суда его не коснулось и Гефкенъ на-

---

[1]) Les devoirs d'un gouvernement neutre, въ Revue; 1874; p. 59, сл.
[2]) Lucken im Volkerrecht; S. 34
[3]) *Kusserow* L. c. p. 82.

ходитъ невозможнымъ ограничить свободу нейтральной торговли по отношенію къ оружію [1]).

Но не одна неполнота Вашингтонскихъ правилъ, хотя бы въ указанномъ направленіи, вызвала недовольство ими. Въ Англіи они отвергаются многими въ самомъ основаніи. Это высказалось въ оживленныхъ преніяхъ, которыя возникли по ихъ поводу въ палатѣ общинъ 21-го марта 1873 г. [2]), когда Гарди внесъ предложеніе, чтобы Англія, при сообщеніи Вашингтонскихъ правилъ другимъ державамъ, поставила на видъ свое несогласіе съ тѣми принципами, которыми женевскій судъ мотивировалъ свое рѣшеніе. При этомъ онъ нашелъ, что эти принципы «излишне расширяютъ права воюющихъ въ ущербъ нейтральнымъ и въ будущемъ сдѣлаютъ, для государства желающаго оставаться въ мирѣ, соблюденіе нейтралитета болѣе тягостнымъ, чѣмъ теперь». На это Гладстонъ отвѣчалъ, что, если Англія представитъ другимъ государствамъ эти правила, она выскажетъ свое несогласіе съ мотивами самого рѣшенія. Всѣ остались довольны этимъ заявленіемъ и выше-нозванное предложеніе было взято обратно.

Недостаточность Вашингтонскихъ правилъ заставила только что тогда возникшій Институтъ международнаго права серьезно заняться ими. Въ его средѣ два наиболѣе крайнія мнѣнія высказали Кальво и Лоримеръ. Первый находилъ, что нейтральные обязаны не допускать на своей территоріи вербовки людей, производства и продажи всѣхъ предметовъ контрабанды (какъ-то: кораблей, оружія и т. д.). Напротивъ Лоримеръ требовалъ для подданныхъ (но не правительствъ) нейтральныхъ государствъ полной свободы торговли и чтобъ имъ не запрещали даже поступать на службу къ воюющимъ. Онъ въ принципѣ отвергнулъ Вашингтонскія правила и Foreign

---

[1]) Alabama-Frage, S. 15; а подробнѣе въ ст. Die Lieferung von Contrebande seitens Neutraler (въ Zeitschr. f. die gesam. Staatsw. 1881. H. 1; S. 81 flg.).

[2]) *Hansard's* Parliamentary Debates. (Third series). Vol. CCXIV, p. 1963—2055.

Enlistmen Acts, говоря, что они логически приводятъ къ запрещенію торговли нейтральнымъ. Самъ онъ требуетъ свободы торговли даже между воюющими [1]).

Вслѣдъ за изученіемъ Вашингтонскихъ правилъ Институтъ, по внутренней необходимости, перешелъ къ разработкѣ другихъ важнѣйшихъ вопросовъ нейтралитета, съ ними тѣсно связанныхъ и со времени парижскаго конгресса 1856 г. неотложно требующихъ разрѣшенія, каковы: признаніе частной собственности неприкосновенною и во время морскихъ войнъ, опредѣленіе контрабанды и условій блокады, наконецъ преобразованіе призовыхъ судовъ.

Надо желать, чтобы достигнутые имъ результаты получили въ ближайшемъ будущемъ признаніе со стороны государствъ. Ученіе о нейтралитетѣ, какъ и военное право, представляетъ еще множество недостатковъ и противорѣчій, которые служатъ обильнымъ источникомъ пререканій между государствами. Новая морская война вѣроятно поставитъ опять на очереди какъ начала, высказанныя въ Вашингтонскихъ правилахъ, такъ и многіе другіе съ ними тѣсно связанные вопросы по нейтралитету, но государства много выиграютъ, если займутся ими сообща среди мира, когда возможно ихъ изучить серьезно и со всѣхъ сторонъ.

Но никакая критическая оцѣнка, какъ Вашингтонскихъ правилъ, такъ и самого рѣшенія Женевскаго суда, не можетъ ослабить громаднаго значенія послѣдняго. Онъ открываетъ новую эру не только въ развитіи международнаго третейскаго суда, но и международныхъ сношеній вообще. Вліяніе его на литературу было весьма значительно. Мы видимъ въ немъ первые зачатки учрежденія, которому желаемъ всесторонняго усовершенствованія и распространенія въ будущемъ для блага человѣчества.

1) Моя брошюра. Первое трехлѣтіе Института международнаго права; стр. 26—47.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

РАЗВИТІЕ ИДЕИ МЕЖДУНАРОДНАГО СУДА ВЪ ТЕОРІИ.

ГЛАВА I.

Объ идеѣ мира между народами вообще.

Для того чтобы получить, по возможности, вѣрное и полное представленіе объ идеѣ международнаго суда, мы должны отыскать ея первое проявленіе и затѣмъ прослѣдить тѣ фазисы, чрезъ которые она прошла послѣдовательно въ теоріи. Это дастъ намъ возможность опредѣлить ея современное значеніе и укажетъ намъ на ея связь съ потребностями дѣйствительной жизни.

Идея международнаго суда съ теченіемъ вѣковъ отдѣлилась отъ другой гораздо болѣе древней и болѣе широкой идеи мира. Призванная служить ей, она однако существенно отличается отъ нея своимъ юридическимъ основаніемъ и практическими выводами. Ее никакъ нельзя считать только однимъ изъ видоизмѣненій проектовъ вѣчнаго мира, хотя весьма многіе писатели впадаютъ въ эту немаловажную ошибку. Въ этихъ проектахъ она беретъ свое начало, но по своей внутренней природѣ, въ силу присущаго ей юридическаго принципа и по всему своему дальнѣйшему направленію она принимаетъ самостоятельный характеръ. *Не миръ самъ по себѣ или во что бы то ни стало, но миръ юридически—организованный и обезпеченный—ея идеалъ.* Только по своей конечной цѣли, какъ и въ началѣ, обѣ эти идеи, можно допустить, призваны слиться въ одну—высшаго и гармоническаго порядка человѣ-

ческой жизни на всѣхъ ея ступеняхъ,—но это не лишаетъ идею международнаго суда ея самостоятельности.

I.

Бросимъ сперва общій взглядъ на идею мира, съ точки зрѣнія *внѣшнихъ сношеній* между государствами. Въ самыя отдаленныя времена, когда эти сношенія были крайне рѣдки и случайны, когда они не покоились на какихъ либо юридическихъ началахъ, мы встрѣчаемъ людей, которые осуждаютъ насилія и войну при рѣшеніи распрей между государствами, вздыхаютъ о мирѣ и мечтаютъ о такомъ блаженномъ состояніи, когда этотъ миръ упрочится вполнѣ на землѣ. Какъ бы ни были эти мечты и звуки, доходящіе до насъ отъ глубокой древности, отрывочны и смутны, они показываютъ намъ, что человѣку прирождена потребность гармоніи, справедливости и мира. Если съ одной стороны дикари упиваются кровью своихъ враговъ и видятъ въ грабежѣ и насиліяхъ главный источникъ существованія и наживы, а съ другой если страсти людей не перестаютъ дѣйствовать и въ наиболѣе цивилизованныхъ обществахъ съ самою разрушительною силою, мы не можемъ однако совершенно истребить въ насъ таящуюся въ глубинѣ нашей души потребность жить съ существами намъ подобными въ мирѣ и добромъ согласіи. Въ насиліяхъ всякаго рода и войнахъ просвѣщенная совѣсть человѣка видитъ нѣчто временное и болѣзненное и сознаетъ, хотя большею частію смутно, что люди призваны не къ истребленію другъ друга, а къ безконечному и всестороннему совершенствованію чрезъ соревнованіе и мирное состязаніе во всѣхъ областяхъ жизни и мысли.

Въ древнемъ, до-христіанскомъ мірѣ, когда война составляла нормальное явленіе въ жизни государствъ и когда послѣднія вели существованіе почти въ полной изолированности другъ отъ друга, мы видимъ уже первые намеки и указанія на иной, высшій порядокъ человѣческаго общежитія, характеризуемый состояніемъ мира, но въ то же время представляющійся какъ отдаленный, недосягаемый идеалъ. Всѣ эти указанія носятъ от-

печатокъ поэтическій. Иначе и не могло быть въ тѣ эпохи, когда всѣ условія реальной жизни шли съ ними въ разрѣзъ.

Слѣды наиболѣе древнихъ указаній на мирное и идеальное существованіе людей мы находимъ въ *религіи*, этой первой и главной наставницѣ человѣчества. Въ религіозныхъ сказаніяхъ древняго Востока, у Индѣйцевъ, Зендовъ, Евреевъ и др. сохранились преданія о первоначальной чистотѣ людей, когда они жили въ полной гармоніи съ Богомъ и природой, не зная ни болѣзней и смерти, ни вражды между собою [1]). Эти преданія перешли и къ Грекамъ и къ Римлянамъ, сложившись у нихъ въ извѣстный миѳъ о золотомъ вѣкѣ Сатурна [2]). Но между тѣмъ какъ древне-языческія религіи Востока относили сказанія о блаженномъ замиренномъ состояніи человѣчества въ далекое прошлое, къ эпохамъ его младенчества,—*Евреи* видѣли въ вѣчномъ мирѣ, хотя также отдаленную, но конечную цѣль въ будущемъ, къ которой Провидѣніе направляетъ человѣчество. Это величавое чаяніе встрѣчается въ весьма опредѣленныхъ чертахъ у пророковъ. Достойно вниманія, что осуществленіе его ставится въ зависимость отъ другаго великаго событія—обращенія всѣхъ народовъ къ одной религіи, что наступить должно «въ послѣдніе дни» [3]). Можно однако подумать, что миръ, о которомъ говорятъ пророки, водворится не на землѣ, а въ будущей жизни. На это указываетъ самая ихъ аллегорическая рѣчь: миръ, по ихъ мнѣнію, распространится не только на человѣческій родъ, но и на все животное царство [4]). Такое толкованіе конечно допустимо, но оно нисколько не противорѣчитъ стремленіямъ народовъ укрѣпить миръ уже здѣсь на землѣ. Указывая на то, что чело-

---

[1]) *Sartorius*. Organon des vollkommenen Friedens. S. 174—178.

[2]) Овидій, въ началѣ Метаморфозъ, говоритъ, что человѣчество жило въ первомъ золотомъ періодѣ полнаго мира.

[3]) Подробнѣе всѣхъ *Исаія* (II, 2—4). Еще опредѣленнѣе въ другомъ мѣстѣ (XI; 1, 2 и 10). Тѣ же мысли встрѣчаются у *Михея* (IV, 1—4). Ср. еще *Осію* (II, 18 и 19).

[4]) *Исаія*; (XI, 6—9).

вѣчество лишь въ будущей жизни достигнетъ полноты предназначеннаго ему совершенства и счастья, это воззрѣніе все таки видитъ въ мирѣ одно изъ главныхъ условій и доказательствъ совершеннаго блаженства для человѣка. Кромѣ того можно полагать, что слова Исаіи о томъ, что нѣкогда «судъ водворится въ пустынѣ» его отечества, что тогда «дѣломъ правды будетъ миръ и плодомъ правосудія—спокойствіе и безопасность во вѣки» [1]), призваны осуществиться по отношенію всего человѣчества, такъ какъ сами пророки не однократно указываютъ на духовное общеніе и сліяніе въ будущемъ Евреевъ съ язычниками.

Переходя къ *классическому міру*, мы также встрѣчаемъ отъ времени до времени, въ лучшихъ умахъ, чаянія подобныя тѣмъ, которыя нашли подъ религіознымъ покровомъ на Востокѣ. Чаянія эти относятся главнымъ образомъ къ области *философіи* и *поэзіи* и только подъ конецъ древней исторіи получаютъ нѣсколько опредѣленный характеръ. Въ одномъ изъ своихъ діалоговъ (въ Критіасѣ) *Платонъ* говоритъ намъ о существованіи на островѣ Атлантидѣ идеальной федераціи между царями, въ силу которой они рѣшаютъ свои споры мирно и не ведутъ между собою войны [2]). Въ этихъ мысляхъ [3]) содержится, на сколько намъ извѣстно, древнѣйшій намекъ на то, что внѣшній миръ между государствами нуждается въ извѣстной организаціи и что таковая должна приближаться къ федеративному характеру. Впрочемъ еще Ѳалесъ, говорятъ, мечталъ о федераціи для всей Іоніи [4]), и чрезъ эту форму правленія пытался воззвать къ новой жизни Грецію Аратъ [5]). До

---

[1]) XXXII, 16—17.

[2]) *Laurent*, Etudes sur l'histoire de l'humanité. 2 édit. II, 406.

[3]) Мы знаемъ, что онѣ стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ основнымъ взглядомъ Платона на войну, но тѣмъ онѣ для насъ примѣчательнѣе: логика теоріи никогда не убиваетъ совершенно въ человѣкѣ сознанія высшей, ему прирожденной правды.

[4]) *Laurent*, ib. 373.

[5]) Ib. 296.

насъ дошли также мысли одного киника *Кратеса*, описавшаго воображаемый городъ Безасъ Жители его никогда не воюютъ между собою ни ради честолюбія, ни изъ корысти. «Греческій компиляторъ (Діогенъ), говоритъ Лоранъ [1]), сохранившій намъ стихи объ этомъ, называетъ ихъ забавными, но мы видимъ въ нихъ примѣчательное проявленіе стремленій человѣчества. Въ нихъ выступаетъ одна главная черта: между людьми царствуетъ миръ. Философы и поэты, высказывая эту мысль, являлись пророками будущаго». Если Кратесъ намъ представляетъ первый примѣръ философской утопіи вѣчнаго мира, то образецъ комической утопіи такого же рода находимъ у *Аристофана* въ его извѣстной пьесѣ «Птичья республика». Ученые различно опредѣляютъ ея цѣль, но какъ бы то ни было, хоръ подъ конецъ пьесы обращается съ просьбой къ богамъ «объ изъятіи изъ употребленія смертоноснаго желѣза» [2]).

Даже войнолюбивые *Римляне*, уничтоживъ своихъ главныхъ враговъ и въ продолжительныхъ междуусобныхъ войнахъ истощивъ свои лучшія силы, почувствовали жажду мира. Всѣ поэты, современники Августа, привѣтствуютъ его, какъ основателя царства мира на землѣ, мечтаютъ о закрытіи на вѣкъ дверей храма Януса и о наступленіи наконецъ для человѣчества мирнаго и всесторонняго развитія подъ желѣзнымъ скипетромъ Рима [3]). Одинъ изъ Цезарей,—если вѣрить его біографу,—Пробъ, помышлялъ будто бы даже о разоруженіи. Онъ имѣлъ неосторожность сказать публично, что войска будутъ излишни, если ему удастся сдѣлать имперію столь счастливою, какъ онъ желаетъ. Эти слова стоили ему жизни [4]).

Всѣ эти и подобныя имъ желанія мира, дошедшія до насъ отъ древности, носятъ, какъ мы замѣтили, характеръ субъективный, случайный и отрывочный. Тѣмъ не менѣе они инте-

---

[1]) Іѣ. 433.
[2]) *Laurent;* II, 493.
[3]) Мысли ихъ собраны у *Лорана*, III, 377, сл.
[4]) *Laurent;* III, 411.

ресны и поучительны, особенно въ томъ отношеніи, что возникли въ обществахъ, которыя на практикѣ не знали мира. но жили въ вѣчныхъ, непрерывныхъ войнахъ. Послѣднія вытекали изъ всего строя древнихъ государствъ, какъ восточныхъ, такъ и классическихъ. Восточныя теократіи и деспотіи. въ силу религіозныхъ воззрѣній, а Греція и Римъ по политическимъ причинамъ, чуждались сношеній съ иностранцами и возводили изолированность въ основное правило своей внѣшней политики. Но государства, подобно отдѣльнымъ лицамъ и семьямъ, никогда не могутъ жить обособленно. Не зная въ древности мирныхъ, юридическихъ сношеній, они приходили въ соприкосновеніе другъ съ другомъ либо насильственно чрезъ войны, либо ради матеріальныхъ интересовъ, вызывавшихъ торговлю. Поэтому о древнихъ войнахъ мы можемъ сказать совершенно въ иномъ смыслѣ, чѣмъ о современныхъ, что онѣ имѣли, не смотря на свой истребительный характеръ, нѣкоторое цивилизующее значеніе. Какъ бы то ни было, но даже въ древности, когда народы жили обособленно и каждый въ свое время достигалъ извѣстнаго, рѣзко очерченнаго его національнымъ духомъ могущества и развитія, мы въ состояніи прослѣдить воздѣйствіе одной цивилизаціи на другую. Всѣ онѣ для глубокаго взора историка стоятъ въ извѣстномъ духовномъ сродствѣ между собою [1]).

Изъ особенностей внутренняго и внѣшняго быта древнихъ государствъ объясняется другое важное явленіе: не зная права въ сношеніяхъ между собою и видя въ силѣ единственную рѣшительницу своихъ судебъ и споровъ, они всѣ пытаются поработить другъ друга. Отсюда стремленіе къ всемірной монархіи — зловѣщая идея, завѣщанная намъ древними и къ которой мы роковымъ образомъ приближаемся въ той степени, въ какой проникаемся и порабощаемся ихъ политическими идеями. Древнее человѣчество печально окончило свое су-

---

[1]) Блестящимъ образомъ эти мысли развиты у *Лорана*, особенно въ первомъ томѣ его назв. соч.

ществованіе на кладбищѣ римской имперіи. Послѣдняя въ яркихъ чертахъ доказываетъ намъ всю несостоятельность всемірной монархіи, даже съ точки зрѣнія государства отдѣльно взятаго.

II.

Перевести постепенно идею мира, какъ и другую великую идею, до которой возвысилась древняя философія — единства человѣческаго рода, изъ области абстрактнаго мышленія въ дѣйствительную жизнь, было призвано христіанство. Какъ извѣстно, первые христіане, полные еще духа своего божественнаго Учителя, въ самый разгаръ неумолимыхъ преслѣдованій, которымъ они подвергнулись со стороны язычниковъ, выступили противниками войны и той замкнутости, въ которой жили древнія общества. Они не переставали заступаться за побѣжденныхъ и заботиться о сближеніи и примиреніи народовъ. Уже св. Кипріанъ называетъ «землю общимъ домомъ, открытымъ всѣмъ вѣрующимъ». Августинъ и Тертулліанъ смотрятъ на цѣлый міръ какъ на одно государство и требуютъ свободы сношеній между христіанами независимо отъ ихъ національности или общественнаго положенія. «Равноправный союзъ между народами, говоритъ Каченовскій, церковь признаетъ желаннымъ и полезнымъ для себя самой. Замѣчательно, что отцы церкви не проповѣдуютъ ни всемірной диктатуры, ни вооруженной теократіи, а вѣрятъ, что христіанство положитъ основаніе новому, естественному порядку на землѣ. Евангеліе, учатъ они, есть самый вѣрный путь къ миру и сближенію рода человѣческаго. Всѣ племена должны составить одну семью, въ которой не будетъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ ученіе объ исторіи Августина. Оно глубоко проникнуто духомъ христіанскаго космополитизма. Новая религія наводитъ его на мысль о международномъ прогрессѣ; онъ сознаетъ, что весь духовный или нравственный міръ движется къ совершенству. Этому за-

кону подчинены и люди, и общества. Человѣчество, по его словамъ, непрерывно обновляется и достигнетъ совершенства только при концѣ жизни. Вѣчный миръ Августинъ считаетъ политическимъ идеаломъ христіанства и твердо надѣется, что оно соединитъ всѣ народы тѣсными и неразрывными узами братства» [1]). Но этотъ идеалъ, подобно всякому другому, отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью померкнулъ и исказился въ значительной степени. Сдѣлавшись господствующею въ римской имперіи, обращая въ новую религію грубые племена средней и сѣверной Европы, западная церковь далеко удалилась отъ принциповъ и преданій первоначальной церкви. Она преобразовалась до нѣкоторой степени въ свѣтское общество съ воинствующимъ характеромъ. Но и въ періодъ среднихъ вѣковъ она старалась о водвореніи и укрѣпленіи мира среди людей, которые въ военныхъ подвигахъ видѣли почти единственное почетное занятіе и мало заботились объ общественномъ порядкѣ, находившемся въ самомъ грубомъ, несовершенномъ состояніи.

Эти заботы церкви выразились въ цѣломъ рядѣ постановленій и мѣръ. Сперва она помышляла о водвореніи между христіанами общаго, вѣчнаго, или, какъ тогда выражались, *Божьяго мира*, но, когда это оказалось невозможнымъ, она стала настаивать на соблюденіи по крайней мѣрѣ *Божьяго перемирія*. Было запрещено воевать въ извѣстные дни, освященные церковью и нападать на лица и предметы, поставленные подъ ея охрану [2]). Слѣды Божьяго перемирія находятъ и въ нашей древней исторіи; такъ Мономахъ уговариваетъ князей Русскихъ не проливать христіанской крови *въ великій постъ* [3]).

Съ особенною строгостью и послѣдовательностью церковь предписала соблюденіе мира духовенству. Членамъ его запрещено абсолютно даже и при самооборонѣ употребленіе оружія.

---

[1]) *Каченовскій.* Курсъ международнаго права, II; 217, 219—222.

[2]) *Каченовскій.* II, 268—270.

[3]) *Лешковъ,* О древней русской дипломатіи. Москва, 1847; стр. 42.

Въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ мы находимъ осужденіе турнировъ и объявленіе военнаго званія грѣховнымъ [1]). Лоранъ приводитъ примѣчательныя слова о мирѣ папы Каликста [2]) и указываетъ на одно анонимное сочиненіе, вышедшее вѣкъ спустя послѣ этого папы, въ которомъ мы находимъ прославленіе мира и осужденіе всякой войны, предпринятой не въ видахъ возстановленія права [3]).

Впрочемъ постановленія о Божьемъ перемиріи касались однѣхъ частныхъ войнъ (федъ), а не публичныхъ, и преслѣдовали варварское самоуправство феодаловъ не вообще, а лишь какъ сказано по отношенію къ опредѣленнымъ днямъ. Въ средніе же вѣка мы находимъ и *первыя общества друзей мира*. возникнувшія на христіанской почвѣ. Лоранъ указываетъ на одного плотника Дюрана (Durant), который въ 1182 г. основалъ во Франціи братство мира, привлекшее къ себѣ скоро лицъ изъ всѣхъ сословій. Но, возставая противъ насилій феодаловъ, это общество вызвало сильную оппозицію со стороны высшаго духовенства и аристократіи. Также доминиканцы и миноріты проповѣдуютъ миръ въ Италіи въ XIII стол. [4]).

Къ сожалѣнію церковь въ средніе вѣка не могла дать людямъ прочнаго мира. Совершенно иныя причины, чѣмъ въ древности, но также вызванныя тогдашнимъ строемъ обществъ, дѣлали войну ежедневнымъ явленіемъ, а миръ — прекрасною. но неосуществимою мечтою. При отсутствіи государствъ. въ смыслѣ политически-организованныхъ народовъ, вѣчныя войны вели между собою феодалы съ своими вассалами и долгое время частныя лица не видѣли инаго способа охраны своихъ правъ, кромѣ самоуправства. Тогда возникло столь дикое для насъ, но вызванное необходимостію, понятіе кулачнаго права. Сама церковь, среди общества войнолюбиваго и насильственнаго,

---

[1]) *Laurent;* VII, 233 сл.
[2]) Ib. 235.
[3]) Ib. 237.
[4]) Ib. 239.

заразилась духомъ матеріальнаго стяжанія и завоеванія. Чисто духовныя и высоко-нравственныя заповѣди Христа и первыхъ Его послѣдователей получили теперь грубое, на внѣшней силѣ основанное, значеніе и толкованіе. Западная церковь не побоялась обнажить мечъ не только противъ иновѣрныхъ, преслѣдуя всячески сношенія христіанъ съ ними [1]), но и противъ собственныхъ сыновъ, уклонившихся отъ чистоты проповѣдываемаго ею ученія. Отсюда монашескіе военные ордена и жестокія съ неумолимымъ фанатизмомъ веденныя войны, извѣстныя подъ именемъ религіозныхъ, проходящія чрезъ средніе вѣка до 30-лѣтней войны включительно. Но не смотря на это, Лоранъ ошибается, когда подтверждаетъ, что «въ основаніи *христіанскаго міра* скрывается война неумолимая и безконечная противъ всѣхъ нехристіанъ» [2]). Онъ очевидно смѣшиваетъ ученія средневѣковой католической церкви и ихъ практическія примѣненія съ сущностью и духомъ христіанства, забывая, что мечъ принесенный Христомъ, какъ чисто-духовный, призванъ карать всѣ нравственныя заблужденія человѣчества, но, по природѣ своей, чуждъ всякаго насилія.

Какъ бы то ни было, но благодаря церкви, въ средніе вѣка сдѣланъ важный шагъ впередъ къ сближенію европейскихъ народовъ. Ихъ политическій бытъ и рѣдкія между собою сношенія не дали еще возможности развиться общему для нихъ праву—международному. Желанною для нихъ формою объединенія является опять всемірная монархія, но въ формѣ теократической, причемъ сообразно съ ходомъ тогдашней политической жизни преимущество дается то папѣ, то императору. Идеею всемірной монархіи въ свѣтской формѣ увлекался и Данте. Но борьба между папствомъ и имперіею фактически уничтожила политическое могущество обоихъ и содѣйствовала къ образованію новыхъ, національныхъ государствъ, сперва подъ крѣпкою эгидою неограниченныхъ владыкъ, насильственныхъ, но дальновидныхъ и энергичныхъ, собирателей земель.

---

[1]) *Качеповскій* стр. 271—72. Исключеніе конечно составляли: сношенія ради пропаганды, выкупа и обмѣна плѣнныхъ и т. п.

[2]) Ib. 243.

III.

Въ періодъ отъ Вестфальскаго мира до первой французской революціи отношенія между государствами становятся частыми, правильными и мало по малу болѣе правомѣрными. Хотя международное право зарождается сначала въ наукѣ, но въ дѣйствительной жизни мы видимъ все большее и большее подготовленіе для него почвы. За *духовнымъ родствомъ*, которое установило между народами въ средніе вѣка христіанство, слѣдуетъ теперь сближеніе между ними въ области *политической* и *экономической*. Мы видимъ наконецъ въ нашъ 19 вѣкъ параллельное развитіе двухъ равно великихъ идей: народы европейскіе приходятъ къ сознанію своей самостоятельной, національной личности и общія имъ всѣмъ юридическія начала возводятся на степень особаго и высшаго права—международнаго. Но это движеніе стоило много жертвъ и далеко не достигло еще всей желательной законченности. Отъ Вестфальскаго мира до Вѣнскаго конгресса самыя кровопролитныя и продолжительныя войны не перестаютъ опустошать Европу. Всѣ онѣ, безконечно разнообразныя по внѣшнимъ, вызывавшимъ ихъ поводамъ, имѣли одну логическую причину, которая скрывалась въ самомъ строѣ европейскихъ государствъ. За немногими исключеніями эти государства вышли изъ средневѣковаго порядка въ формѣ неограниченныхъ монархій. Если государствамъ вообще, какъ всѣмъ живымъ организмамъ, присущъ законъ роста и расширенія, то неограниченныя монархіи въ особенности были всегда завоевательны. Подъ маскою славы онѣ предпринимали, ради порабощенія сосѣдей, безконечныя войны, которыя, въ справедливое возмездіе, истощали ихъ самихъ и дѣлали ихъ подданныхъ только еще болѣе безправными.

Вотъ почему съ 16-го по 19-е стол. мы видимъ со стороны наиболѣе могущественныхъ государствъ попытки установить надъ Европой свою гегемонію, сдѣлать изъ нея родъ всемірной монархіи. Карлъ V и Филиппъ II, Людовикъ XIV и На-

полеонъ I потратили на это всѣ свои силы [1]). Но всѣ эти попытки разбились о любовь къ независимости и свободѣ европейскихъ народовъ. «Публичное право Европы. замѣчаетъ Гизо, подвергнувшись за это время три раза самымъ грубымъ нарушеніямъ. оказалось однако болѣе могущественнымъ, чѣмъ слава и геній. Всякій разъ оно пробуждалось къ новой жизни» [2]). Стремленіямъ къ всемірной монархіи была противопоставлена система политическаго равновѣсія. первая очень несовершенная попытка къ организаціи Европы. Не покоясь ни на какихъ юридическихъ началахъ и преслѣдуя невозможное равновѣсіе между политическими силами народовъ, вѣчно колеблющимися и измѣняющимися. эта система не дала Европѣ ни мира, ни организаціи.

Кромѣ этихъ монархическихъ попытокъ къ объединенію Европы, мы видимъ со времени вѣнскаго конгресса установленіе надъ нею нѣкоторой аристократіи. Это выразилось въ преобладаніи пентархіи (пятидержавія), которая на частыхъ конгрессахъ думала рѣшать не только международные, но и внутренне-государственные вопросы. Менѣе притѣснительная единоличной диктатуры, пентархія однако оказалась также несостоятельною. Съ одной стороны и въ ея средѣ согласіе между членами рѣдко существовало; съ другой—великія державы относились большею частью къ правамъ второстепенныхъ государствъ съ пренебреженіемъ и полнымъ равнодушіемъ. Очевидно въ дѣлахъ международныхъ право на голосъ имѣютъ всѣ государства и всякій ареопагъ привилегированныхъ будетъ пристрастенъ и вреденъ.

По мѣрѣ укрѣпленія сношеній между народами идея мира. никогда не покидавшая человѣчество, стала снова завладѣвать умами. Съ 17-го. а еще болѣе съ 18-го столѣтія она начи-

---

[1]) О значеніи абсолютизма для международныхъ сношеній и о характерѣ этихъ царствованій подробно говоритъ *Лоранъ* въ 10, 11 и 15 томахъ своихъ Etudes.

[2]) *Mémoires*. t. I, ch. 17.

наетъ получать опредѣленный образъ и чрезъ длинный рядъ самыхъ несбыточныхъ утопій, извѣстныхъ подъ именемъ *проектовъ вѣчнаго мира*, возвышается до совершенно вѣрнаго представленія о необходимости *организаціи, на юридическихъ началахъ, международнаго союза*.

Къ сожалѣнію писатели и особенно юристы относятся большею частію къ этимъ проектамъ съ самымъ ненаучнымъ высокомѣріемъ. Они либо совершенно ихъ не знаютъ, либо рѣзко осуждаютъ огуломъ, не давъ себѣ даже труда выяснить ихъ основную мысль [1]). Мы не отрицаемъ, что такое отношеніе было вызвано отчасти ошибками и увлеченіями самихъ авторовъ этихъ проектовъ, но спѣшимъ прибавить, что кромѣ *личной* и большею частью весьма *фантастической* части, — въ этихъ проектахъ скрывается и *элементъ критическій*, выражающійся въ анализѣ условій существующей государственной жизни и онъ-то во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія.

Обозрѣвая названные проекты въ цѣломъ, мы должны поставить имъ въ вину слѣдующіе общіе недостатки: авторы ихъ обнаруживаютъ большею частію недостаточное знакомство съ исторіею и реальными условіями политической жизни народовъ и кромѣ того они мало обращаютъ вниманія на труды своихъ прямыхъ предшественниковъ. Отсюда: безбрежная ширь ихъ фантазіи и утомительное однообразіе многихъ ихъ основныхъ положеній. Они выступаютъ съ готовыми планами и проектами устройства Европы, которые отличаются величайшею субъективностью и искусственностью и поэтому не могли оказать серьезнаго и плодотворнаго воздѣйствія на жизнь.

Послѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ монографій въ 16 ст. рядъ проектовъ вѣчнаго мира начинается съ великаго *плана* французскаго короля *Генриха IV* или его перваго министра

---

[1]) Напр. для *Моля* „все это, съ виду столь величественное движеніе въ пользу мира, представляется только доказательствомъ тупоумнаго добродушія“ и онъ жалѣетъ слезъ на это потраченныхъ. Gesch. u. Lit. der Staatsw. I, 441.

Сюлли [1]). Достойно вниманія, что при первомъ же возникновеніи международнаго союза, даже ранѣе вестфальскаго мира, ставится вопросъ объ его политическомъ устройствѣ. Писатели, смотря по своимъ убѣжденіямъ, то видятъ въ этомъ планѣ высшую славу Генриха, то говорятъ, что онъ не достоинъ великаго короля и напрасно приписанъ ему впослѣдствіи. Нельзя однако не видѣть въ этомъ планѣ произведеніе высокаго ума и для того времени пророческаго. Послѣдняя черта сказывается въ политическихъ стремленіяхъ Генриха добиться признанія равенства между тремя главными христіанскими вѣроисповѣданіями западной Европы и ослабленія могущества Габсбургскаго дома.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Генриха другой французъ *Emery de la Croix* въ своемъ сочиненіи Nouveau Cynée (1623) высказывается также въ пользу постояннаго конгресса (изъ представителей всѣхъ государей), рѣшающаго споры между послѣдними и силою приводящаго свои рѣшенія въ исполненіе [2]).

Ту же мысль выражаетъ и *Гроцій*, находя «полезнымъ и даже необходимымъ между христіанскими державами нѣкоторыя собранія, на которыхъ споры между ними рѣшались бы третьими безпристрастными государствами, а также принимались бы мѣры для принужденія сторонъ къ миру на справедливыхъ основаніяхъ» [3]). Этою мыслью великій основатель нашей науки далеко опережалъ своихъ современниковъ.

Къ сожалѣнію послѣдующіе за нимъ писатели либо не останавливались на этой идеѣ, либо уносились въ область утопіи, мечтая о непосредственномъ установленіи вѣчнаго мира. Имѣя предъ собою только цѣль, безспорно великую, они совершенно не обращали вниманія на почву, на которой хотѣли воздвигнуть свое зданіе.

---

[1]) Проектъ Генриха IV излагается Сюлли въ послѣдней (30) книгѣ его мемуаровъ.

[2]) *Larroque.* De la guerre et des armées permanentes. 2 édit 1864. P 360, сл.

[3]) De jure belli ac pacis. L. II, c. 23; § 8—4.

Въ самый разгаръ династическихъ войнъ, когда Европа едва освободилась отъ угрожавшей ей со стороны Людовика XIV диктатуры, явился проектъ вѣчнаго мира *аббата Сен-Пьера* [1]). одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ, но и наименѣе удачныхъ. Онъ предлагаетъ государствамъ въ особомъ основномъ трактатѣ заключить между собою вѣчный союзъ (alliance perpetuelle), въ силу котораго какъ территоріальныя, такъ и договорныя отношенія признаются въ томъ видѣ, какъ они опредѣлены послѣдними трактатами (Мюнстерскимъ и Утрехтскимъ), разъ навсегда неизмѣнными. Этимъ договоромъ династіи тогда царствовавшія должны были застраховать другъ друга не только отъ войнъ, но и отъ революцій и внутреннихъ переворотовъ всякаго рода. Онѣ взаимно гарантируютъ другъ другу неприкосновенность своихъ владѣній и отказываются для себя и для своихъ наслѣдниковъ отъ употребленія оружія при рѣшеніи споровъ. Противъ каждаго непокорнаго члена союзъ, ограничивающійся Европою, имѣетъ право войны.

Нѣкоторое время *Ж. Ж. Руссо* былъ занятъ мыслію о томъ. чтобы сдѣлать сочиненія Сен-Пьера. который нисколько не обладалъ даромъ изложенія, болѣе доступными для читателей. сокративъ ихъ и измѣнивъ ихъ форму. Онъ однако обработалъ такимъ образомъ только два изъ его сочиненій: проектъ вѣчнаго мира и Polysynodie. Кромѣ того, не одобряя всѣхъ воззрѣній аббата, онъ написалъ еще критику (Jugement) на его проектъ, въ которой говоритъ, что мысли его о вѣчномъ мирѣ, хотя и прекрасны и полезны сами по себѣ, соотвѣтствуя дѣйствительнымъ интересамъ государствъ, но что онъ разсуждаетъ о средствахъ ихъ приложенія какъ ребенокъ. Главная заслуга Руссо состоитъ въ томъ, что онъ указалъ на капитальное препятствіе, существовавшее въ 18 ст. для укрѣпленія мира между государствами: на абсолютизмъ, который хотя и

---

[1]) Мы имѣемъ двѣ редакціи этого проекта: одну полную, вышедшую въ 1712 г. въ Парижѣ, въ 2 том., другую сокращенную, подъ заглавіемъ Abrégé du projet de paix perpétuelle 1729 (изд. Beman'a въ Роттердамѣ). По содержанію онѣ не вездѣ тождественны между собою.

сдѣлался «просвѣщеннымъ», но поддерживалъ между ними вѣчную, то глухую, то открытую войну. Мы видимъ въ 18 в. нескончаемый рядъ проектовъ раздѣла государствъ и нѣсколько войнъ за престолонаслѣдіе. Это были высшія произведенія тогдашней жалкой дипломатіи.

Тѣмъ большій переворотъ совершается въ этотъ періодъ въ мірѣ идей. Философы (Лейбницъ, Вольней, Кондорсе и др.). экономисты (Тюрго, Смитъ) и поэты (Лессингъ, Гердеръ и др.) [1]), при всемъ разнообразіи своихъ воззрѣній, сходятся въ томъ, что энергично возстаютъ противъ войны и завоевателей и прославляютъ братство между народами, солидарность въ ихъ интересахъ и необходимость мира для всѣхъ.

При этомъ не трудно подмѣтить три направленія въ ихъ идеяхъ: одни выдвигаютъ на первый планъ мысль о *духовномъ единствѣ* всего цивилизованнаго человѣчества. Вопросъ объ его организаціи они оставляютъ въ сторонѣ. Другіе заняты только *солидарностью экономическихъ интересовъ*, связывающихъ народы какъ бы въ одну семью.

Мы съ ними согласны въ томъ, что съ теченіемъ времени усиливается духовное сродство между народами, но полагаемъ, что *это сродство можетъ и должно перейти* также и *на область права и выразиться въ своеобразной организаціи общей и коллективной жизни государствъ*. Тогда дѣло справедливости и мира на землѣ сдѣлаетъ новый, большой шагъ впередъ.

Отъ этой мысли исходятъ собственно писатели третьей группы или авторы проектовъ вѣчнаго мира. Но до конца 18 в. они понимали ее очень своеобразно, узко и произвольно. По основному своему характеру всѣ эти проекты должны быть названы *политическими*. Существо ихъ сводится къ тому, что въ нихъ предлагается *объединеніе государствъ Европы* (а въ далекомъ будущемъ и всего міра) *посредствомъ одной*

---

[1]) Мысли ихъ о политическихъ судьбахъ человѣчества подробно и хорошо излагаются *Лораномъ* въ XI т. стр. 478—613

федерации. Во главѣ ея ставится конгрессъ изъ уполномоченныхъ отдѣльныхъ странъ, распоряжающійся вооруженными силами послѣднихъ. Къ этой формѣ писатели чувствуютъ такое же влеченіе, какое практическіе государственные дѣятели нерѣдко ощущали къ всемірной монархіи.

Въ рукахъ конгресса, по мысли этихъ писателей, сосредоточивается всякая власть: судъ, какъ особый и важный органъ охраны общаго для народовъ права, еще не существуетъ. Нечего и говорить къ какому произволу въ дѣлѣ правосудія и абсолютизму вообще можетъ повести такое слияніе всѣхъ властей въ рукахъ одного собранія. Многіе изъ проектовъ страдаютъ еще болѣе важными недостатками: признавая вѣчный миръ цѣлью, къ которой слѣдуетъ стремиться, они какъ бы парализуютъ въ основаніи всю жизнь внутреннюю и внѣшнюю государствъ. Эти недостатки весьма хорошо раскрыты *Лоримеромъ*. Въ послѣднія два столѣтія, говоритъ онъ, сдѣлано много попытокъ для введенія международной организаціи. Но всѣ эти проекты грѣшатъ въ двухъ отношеніяхъ. Во 1-хъ, они хотятъ сдѣлать извѣстный международный порядокъ *неизмѣнныымъ*, установить между государствами окончательное равновѣсіе. Но неизмѣняемость противорѣчитъ идеѣ жизни вообще и жизни общества въ частности. Уже этой одной ошибки достаточно для объясненія неудачъ всѣхъ такъ называемыхъ проектовъ вѣчнаго мира. Во 2-хъ, они стремятся установить *абсолютное равенство* между всѣми признанными государствами Также большое заблужденіе, ведущее свое начало отъ обѣихъ революцій въ концѣ прошлаго столѣтія— французской и американской. Слѣдуетъ отличать равенство абсолютное отъ относительнаго или соразмѣряемаго съ фактическими особенностями субъектовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Таковы два принципа, которые со времени Вестфальскаго мира, а еще болѣе съ конца 18 ст., искажали всѣ проекты международнаго устройства [1]).

---

[1]) *Lorimer*, Proposition d'un Congrès international basé sur le principe de facto въ Revue, 1871, p. 1 sv.

Этимъ оканчивается первый періодъ проектовъ вѣчнаго мира: основная мысль ставится въ нихъ крайне неопредѣленно. Къ концу 18 в. независимо другъ отъ друга являются два проекта, которые, не смотря на свою краткость, по оригинальности и глубинѣ содержанія, заслуживаютъ полнаго вниманія. Они написаны Кантомъ и Бентамомъ и составляютъ переходъ отъ краткихъ и утопичныхъ воззрѣній на миръ въ 18 в. къ болѣе широкимъ и здравымъ проектамъ 19 столѣтія. Оба эти мыслителя не теряютъ времени на изложеніе идеальной конституціи между государствами, но указываютъ на путь, по которому практически можно достигнуть постепеннаго укрѣпленія между ними мира.

Достойно особеннаго вниманія то обстоятельство, что великій представитель критическаго идеализма въ Германіи и глава утилитаризма въ Англіи сошлись въ этомъ важномъ пунктѣ— осуществимости мира на землѣ.

Сочиненіе *Канта* «къ вопросу о вѣчномъ мирѣ». вышедшее въ 1795 г. [1]), относится къ наиболѣе удавшимся проектамъ вообще. Въ немногихъ статьяхъ онъ резюмируетъ свои мысли, далеко опередившія время, въ которое онъ жилъ, и призванныя сдѣлаться основными началами публичнаго права. «Вѣчный миръ, такова его главная мысль, не есть пустая идея; это цѣль, къ которой мы, хотя постепенно, но все болѣе и болѣе приближаемся». Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ вѣчный миръ «высшимъ политическимъ благомъ».

Короче, но также весьма любопытенъ проектъ *Бентама*, написанный между 1786—89 г., но изданный лишь въ 1843 г. Боурингомъ. Онъ составляетъ четвертую и послѣднюю часть его небольшой монографіи Principles of international law [2]).

---

[1]) Zum ewigen Friede въ Kant's sammtliche Werke, изд. Розенкранца и Шуберта, VII, 1 S. 229—291.

[2]) Полное собраніе соч. Бентама въ изд. *Bowring*. Т. II. Эта четвертая часть называется: A plan for an universal and perpetual peace (стр 546—560).

Въ основаніе своихъ мыслей онъ кладетъ два предложенія: 1) уменьшеніе и опредѣленіе вооруженныхъ силъ всѣхъ государствъ входящихъ въ европейскую систему и 2) освобожденіе всѣхъ колоній и отдаленныхъ зависимыхъ земель (dependencies). Обѣ эти реформы тѣсно между собою связаны.

Почти въ одно время съ проектомъ Канта въ 1797 г. явилось сочиненіе Іоанна Готлиба *Фихте*, Grundlage des Naturrechts nach Principien der Wissenschaftslehre. Въ концѣ второй части онъ видитъ въ вѣчномъ мирѣ «единственно правомѣрный порядокъ между государствами». Для этого они должны войти въ федерацію, которая имѣетъ право лишить непокорнаго члена даже его самостоятельности. Это соотвѣтствуетъ его основному взгляду на войну [1]).

Подобныя же мысли мы встрѣчаемъ и у *Шеллинга*; какъ ни странны его воззрѣнія на три періода исторіи характеризуемые владычествомъ судьбы, природы и Провидѣнія, но онъ также высказывается въ пользу «федераціи всѣхъ государствъ, гарантирующихъ другъ другу свое внутреннее устройство». Но эта гарантія становится возможною лишь тогда, когда начала дѣйствительно правоваго государства (der wahren Rechtsverfassung) получатъ всеобщее распространеніе (къ чему же тогда гарантія?) и когда государства признаютъ надъ собой одинъ общій законъ. Споры между ними рѣшалъ бы тогда международный ареопагъ (Völkerareopag), располагающій силою всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Признавая «единственнымъ объектомъ исторіи постепенное осуществленіе правоваго государства» (der Rechtsverfassung), Шеллингъ продолжаетъ: «по идеямъ философовъ исторія кончается царствомъ разума, т. е. наступленіемъ золотаго вѣка права, когда исчезнетъ съ лица земли произволъ и человѣкъ свободно возвратится къ тому пункту, на который поставила его первоначально при-

---

[1]) Его соч. изд. I. H. Fichte, III, 380—382 и 377.

рода и который онъ покончилъ, когда началась исторія [1]). Около того времени идея вѣчнаго мира проникла и въ Россію. Въ 1803 г. явилось «Разсужденіе о мирѣ и войнѣ» Малиновскаго, небольшое и слабое сочиненіе. Въ немъ лишь оригинальна мысль о совершенномъ уничтоженіи посланниковъ. «Сколько вреда сдѣлали они, спрашиваетъ онъ, своими ложными увеличенными донесеніями по пристрастію, своими вмѣшиваніями во внутреннія дѣла и беззаконными средствами узнавать тайны? Можно считать учащеніе войны отъ содержанія посланниковъ столькожъ, какъ и отъ содержанія непремѣнныхъ армій».

IV.

Не смотря на то, что въ нашъ вѣкъ вооруженія государствъ принимаютъ никогда не бывалые доселѣ размѣры, что съ легкой руки Пруссіи водворяется общая воинская повинность и что войны, хотя краткія по времени, получаютъ національный характеръ, который еще болѣе разжигаетъ недовѣріе и ненависть между народами, не смотря на все это идея мира дѣлаетъ въ 19 ст. не малые шаги впередъ. Послѣ великаго погрома революціонныхъ войнъ, она проникаетъ въ массы; образуются *общества* съ спеціальною цѣлію ей служить [2]); на шумныхъ *конгрессахъ*, составленныхъ изъ частныхъ лицъ главныхъ народовъ Европы, обсуждаются средства о противодѣйствіи войнѣ и укрѣпленіи мира. Особенно *рабочіе классы*, болѣе всего страдающіе отъ войны, хлопочутъ о противодѣйствіи ей. Число проектовъ вѣчнаго мира ростетъ до чрезвычайности, но рядомъ съ этимъ возникаетъ болѣе серьезное и научное сознаніе того, что миръ не можетъ быть навязанъ дѣйствительной жизни въ угоду теоріи и въ формѣ хотя бы самыхъ совершенныхъ, но искусственно измышленныхъ учреж-

---

[1]) *Schelling* System des transscendentalen Idealismus. 1800. S. 439—441. 411, 422 и 416

[2]) Первое такое общество возникло стараніями квакеровъ въ С. Штатахъ въ 1815 г. второе въ Лондонѣ въ 1816, а въ 1830 въ Женевѣ благодаря усиліямъ гр. Сеилона (Sellon).

деній. Миръ долженъ явиться результатомъ жизни, при томъ вслѣдствіе совокупнаго дѣйствія всѣхъ факторовъ и силъ человѣческаго духа; а наука призвана лишь прокладывать для него пути. На этомъ основаніи писатели 19 в. не только предлагаютъ намъ готовыя конституціи для всего международнаго союза, но и изучаютъ причины, вліяющія на взаимное сближеніе, а вслѣдствіе этого и замиреніе народовъ. Вопросъ объ устройствѣ совокупной ихъ жизни, безъ ущерба однако самостоятельности каждаго изъ нихъ, выдвигается самъ собою предъ нами во всемъ его величіи и неотразимости.

Всѣ эти новѣйшіе проекты мы можемъ по ихъ содержанію раздѣлить на двѣ обширныя группы: проектовъ *политическихъ* и *юридическихъ*. Съ направленіемъ первыхъ мы уже знакомы: они даютъ намъ болѣе или менѣе выработанные планы политическаго устройства международнаго союза. Проекты юридическіе не такъ радикальны: они остаются на почвѣ дѣйствительности и хотятъ преобразовать жизнь государствъ чрезъ укрѣпленіе общаго между ними права съ органами, спеціально призванными ему служить. Наконецъ *экономисты* и въ нашъ вѣкъ продолжаютъ составлять небольшую самостоятельную группу лицъ очень расположенныхъ въ пользу мира, но не требующихъ особыхъ для него учрежденій [1]).

---

[1]) Напр. *Молинари* (Molinari, L'abbé de Saint-Pierre, sa vie et ses oeuvres. 1857) говоритъ, что „для того, кто умѣетъ читать въ великой книгѣ законовъ природы и общества, вѣчный миръ является позднимъ, но прекраснымъ плодомъ съ дерева цивилизаціи“. Краеугольный камень въ зданіи мира онъ видитъ въ обмѣнѣ, въ перекрещиваніи интересовъ различныхъ народовъ и прибавляетъ, что все содѣйствующее къ развитію между ними торговли, ведетъ и къ укрѣпленію мира (стр. 65 и 59) *Барбо* въ довольно пустенькой брошюрѣ (Barbault. Du tribunal international. Genève. 1872) высказывается противъ международнаго кодекса и суда, но вѣритъ въ возможность вѣчнаго мира вслѣдствіе главнымъ образомъ развитія торговли долженствующей со временемъ убить войну. Впрочемъ онъ многаго ждетъ также отъ успѣховъ народнаго образованія и въ одномъ мѣстѣ говоритъ, „что вѣчный миръ явится прямымъ результатомъ повсемѣстнаго введенія республики“. Мнѣніе объ установленіи

Проекты политическіе продолжаютъ быть самыми многочисленными; фантастичность, о которой мы упоминали, въ нихъ не исчезаетъ, но въ цѣломъ замѣтны различныя улучшенія. Юридическій элементъ видимо начинаетъ въ нихъ преобладать. Это сказывается въ замѣнѣ идеи вѣчнаго мира—миромъ юридически—обезпеченнымъ и организованнымъ (Лоримеръ, Блюнчли); въ признаніи принципа самостоятельности государствъ, имѣющихъ со временемъ войти въ общую федерацію (начиная съ Канта этого требованія держатся всѣ лучшіе писатели), наконецъ въ стремленіи согласовать международный бытъ съ тѣми политическими началами, на которыхъ зиждется современное государство, представительное и правовое.

Довольно трудно найти для этихъ проектовъ удовлетворительную *классификацію*. Если взглянуть съ точки зрѣнія *внутренняго строя* предлагаемыхъ авторами *федерацій*, то, взамѣнъ прежняго вліянія формъ германской имперіи, на первый планъ теперь видимо выступаетъ подражаніе формамъ новѣйшаго представительнаго государства. Немногіе писатели предлагаютъ устроить международный судъ на началахъ конституціонной монархіи (Сен-Симонъ [1]), Фаллати [2])); большинство же изъ нихъ склоняются на сторону представительной республики, полагая наилучшимъ соединить государства въ одну большую федерацію на подобіе республики С. Штатовъ. При одинаковости основной мысли встрѣчаются конечно большія или меньшія различія въ подробностяхъ, отчасти даже смотря по національнымъ особенностямъ авторовъ. Сюда от-

---

его вслѣдствіе повсемѣстнаго торжества началъ свободной торговли особенно распространено въ Англіи. Односторонность его очевидна· не изъ за однихъ только торговыхъ интересовъ народы воюютъ между собою!

[1]) *Saint-Simon*, De la réorganisation de la société Européenne. 1814.

[2]) *Fallati*. Die Genesis der Volkergesellschaft въ Zeitschr. fur die gesam. Staatsw. 1844; S. 160;—260;—558.—Представляетъ интересную попытку дополненія и дальнѣйшаго развитія, по отношенію къ международному порядку, основныхъ началъ философіи Гегеля.

носятся: Гондонъ [1]), Липсъ [2]), Сарторій [3]), Пеккеръ [4]), Лоримеръ [5]), Блюнчли [6]).

---

[1]) Проектъ *Гондона* излагается въ послѣднемъ, третьемъ томѣ его сочиненія: Du droit public et du droit des gens ou principes d'association civile et politique, suivis d'un projet de paix générale et perpétuelle. Paris. 1807. Годонъ первый говоритъ обстоятельно о *международномъ судѣ*.

[2]) *Lrps.* Der allgemeine Friede. Erlangen. 1814. Брошюрка въ 16 стр., но въ ней есть нѣкоторыя дѣльныя мысли.

[3]) *Sartorius.* Organon des vollkommenen Friedens. Zurich. 1837. Одно изъ самыхъ обстоятельныхъ, обширныхъ и серьезныхъ изслѣдованій о мирѣ вообще. Авторъ былъ профессоромъ государственныхъ наукъ въ Цюрихѣ. Читателя привлекаетъ въ его сочиненіи богатство научнаго матеріала, оригинальность мысли и строго выдержанная система. Сочиненіе это распадается на двѣ главныя части: въ 1-й, критической, Сарторій старается доказать, что война есть зло и корень зла; во 2-й или догматической части, онъ подробно излагаетъ свои мысли о мирѣ, который долженъ быть не только вѣченъ, но и совершененъ. Здѣсь онъ указываетъ на несостоятельность въ дѣлѣ объединенія и замиренія народовъ: всемірной монархіи, конституціонной, гегемоніи и протекторатовъ, политическаго равновѣсія и чистой демократіи. Сущность его воззрѣнія состоитъ въ томъ, что народы достигнутъ мира и совершенства, когда соединятся въ одно государство, которое получитъ само высшую форму правленія—представительной республики

[4]) *Pecqueur.* De la paix, de son principe et de sa réalisation. Paris. 1842. Страдаетъ многими важными недостатками, характеризующими политическое направленіе. Можетъ ли намъ улыбаться миръ, достигнутый цѣною уничтоженія государствъ? Сперва онъ говоритъ о *косвенныхъ средствахъ* призванныхъ приготовить путь къ вѣчному миру чрезъ установленіе гармоніи (но не тождества) въ идеяхъ, чувствахъ и интересахъ людей. Затѣмъ обращается къ средствамъ прямымъ, подъ которыми разумѣетъ общую организацію политической жизни всего человѣчества. Три идеи въ будущемъ представляются ему цѣлію человѣческой жизни: устройство одного государства, уничтоженіе войны и эксплуатація всего земнаго шара (socialisation du globe). Нельзя не видѣть грубаго заблужденія въ томъ, что раздѣленіе человѣчества на народы онъ считаетъ остаткомъ варварства и сильно осуждаетъ патріотизмъ.

[5]) *Lorimer* Proposition d'un congrès international basé sur le principe de facto, въ Revue; 1871, p. 1—11, и Le problème final du droit international, Ib 1877, p. 161—206.—Обѣ эти статьи покоятся на одной и той же основной мысли, что организація международнаго союза необходима для поддержанія мира и успѣховъ цивилизаціи, но различіе между ними состоитъ въ томъ, что въ первой онъ ограничивается предложеніемъ обще-европейскаго конгресса или парламента (по мысли Канта), а во второй статьѣ, гораздо болѣе обширной, онъ выставляетъ предъ нами дѣльный проектъ международной конституціи (близко подходящей къ образцу англійской) съ самостоятельными органами для каждой стороны государственной дѣятельности, т. е. для законодательной, судебной и исполнительной власти.

[6]) *Bluntschli.* Die Organisation des europaischen Staatenvereins въ Gegenwart, 1878, № 6, 8 и 9. Въ сокращеніи главныя мысли помѣщены въ его Volkerrecht, 3 изд. примѣч. къ ст. 108. Предлагаемый имъ планъ

Съ точки же зрѣнія *внѣшнихъ отношеній* государствъ имѣющихъ войти въ общую федерацію писатели опять представляютъ два лагеря: одни беззастѣнчиво и широко хотѣли бы перекроить всю карту Европы (Маршанъ, [1]) де-Боомъ [2]), другіе на оборотъ требуютъ возведенія всѣхъ фактическихъ отношеній на степень юридическихъ, говоря, что новое международное устройство должно прежде всего закрѣпить то, что въ данную минуту существуетъ de facto (Лоримеръ).

Проекты юридическіе отличаются многими существенными чертами отъ политическихъ. Идея вѣчнаго мира въ нихъ отступаетъ на задній планъ, но они говорятъ подробно о средствахъ укрѣпленія мира вообще между народами. Это направленіе возникло лишь въ наше время. Труды Лоримера и Блюнчли стоятъ какъ бы на рубежѣ этихъ двухъ классовъ писателей. Далѣе мы замѣчаемъ, что авторы юридическихъ проектовъ либо совершенно умалчиваютъ о международной конституціи, либо упоминаютъ о ней вскользь, какъ о цѣли, хотя желанной, но еще весьма для насъ отдаленной. Главное ихъ вниманіе обращается на укрѣпленіе и развитіе въ народахъ сознанія общаго между ними права. Находя существующіе органы международныхъ сношеній недостаточными, они стремятся къ обезпеченію мира то чрезъ постепенное преобразованіе внутренняго, политическаго строя государствъ и развитіе ихъ дѣятельности въ международной области (Лоранъ, Фіоре, [3]) Бергбоомъ [4]), то рекомендуя кодификацію международнаго права и введеніе международныхъ судовъ. Мысли

устройства международнаго союза отличается чрезвычайною простотою и практичностью. Высказываясь за принципъ независимости государствъ, онъ желаетъ однако объединить ихъ, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, въ формѣ союзнаго государства (Staatenbund); кодификацію международнаго права онъ признаетъ необходимою.

[1]) *Marchand,* Nouveau projet de traité de paix perpétuelle 1842

[2]) *Cornelius de Boom,* Une solution politique et sociale; 1864.

[3]) *Fiore,* Sul problema internazionale della società giuridica degli stati. 1878.

[4]) *Bergbohm,* Staatsvertrage und Gesetze als Quellen des Volkerrechts. 1877.

ихъ не отличаются тою широтою и радикальностью, которая часто характеризуетъ авторовъ политическихъ проектовъ, за то онѣ гораздо болѣе практичны и соотвѣтствуютъ природѣ права и государства вообще.

Съ писателями этого направленія нельзя не согласиться въ томъ отношеніи, что обѣ предлагаемыя ими реформы (кодификаціи и суда) дѣйствительно стоятъ на ближайшей очереди въ международномъ правѣ и съ ихъ постепеннаго осуществленія должно начать. Но, само собою разумѣется, ими не исчерпывается вопросъ о международномъ устройствѣ и мирѣ.

Писатели, о которыхъ мы говоримъ, распадаются въ свою очередь на двѣ большія группы: одни желали бы лишь распространить практику существующихъ третейскихъ судовъ, другіе, на оборотъ, ставятъ на видъ необходимость учрежденія постоянныхъ международныхъ судовъ.

ГЛАВА II.

О ТРЕТЕЙСКОМЪ СУДѢ МЕЖДУ НАРОДАМИ.

I.

Агитація въ пользу его.

Вопросъ о рѣшеніи третейскимъ судомъ международныхъ распрей получаетъ въ нашемъ столѣтіи новый, прежде неизвѣстный, интересъ въ глазахъ не только ученыхъ, но и практическихъ людей. Въ двѣ различныя эпохи въ нашемъ столѣтіи сказалось особое оживленіе въ его пользу. Сперва, послѣ Вѣнскаго конгресса, когда Европа, выйдя изъ кровавыхъ войнъ революціи и имперіи, болѣе чѣмъ когда либо жаждала покоя и когда въ различныхъ странахъ начали быстро возникать одно за другимъ различныя общества мира; затѣмъ, послѣ удачнаго рѣшенія щекотливаго алабамскаго вопроса женевскимъ судомъ. Послѣднее обстоятельство знаменуетъ даже новый фазисъ во всемъ движеніе въ пользу третейскаго суда. До этого времени указываемое движеніи, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, ограничивалось обществами мира, которыя на своихъ частныхъ собраніяхъ, громко величаемыхъ конгрессами, принимали заключенія и высказывали желанія въ пользу упроченія и развитія въ международной области третейской практики. Нельзя сказать, чтобы такого рода агитація была совершенно безплодна: она подготовляла умы и распространяла въ массахъ идею, которая, хотя и ставилась въ очень широкой, неопредѣленной формѣ, но сама по себѣ заслуживала полнаго вниманія и сочувствія. Съ 1872 г. друзья мира дѣлаютъ

новый и весьма практическій шагъ: они переносятъ пренія о третейскомъ судѣ на почву законодательныхъ собраній, чрезъ это весь вопросъ переходитъ разомъ изъ туманныхъ отвлеченностей теоріи въ практическую область государственной жизни. Починъ въ этомъ принадлежитъ членамъ англійской палаты общинъ *Кобдену* и *Генри Ричарду*, такъ много и славно потрудившимся для дѣла мира. Сперва ихъ попытки не удавались, но потомъ палаты многихъ, хотя еще, какъ увидимъ, далеко не всѣхъ государствъ, приняли резолюціи благопріятныя для третейскаго суда.

Мы еще находимся въ самомъ разгарѣ этого движенія и поэтому не можемъ опредѣлить съ полною точностію ни времени его исхода, ни результатовъ, къ которымъ оно приведетъ. Но уже теперь достаточно ясно намѣчается послѣдующій, третій и самый главный фазисъ въ занимающемъ насъ здѣсь вопросѣ. Государства стали вносить въ заключаемые ими договоры такъ называемыя оговорки о компромиссѣ (clause compromissoire) т. е. обѣщанія, въ случаѣ разногласій, обращаться прямо къ третейскому суду. Это начало признано въ 16 ст. Берлинскаго договора 1874 г. объ установленіи Всеобщаго Почтоваго союза. Болѣе частое обращеніе къ третейскому суду въ свою очередь вызоветъ необходимость опредѣлить съ бо́льшею точностію и полнотою, нежели какъ это дѣлалось доселѣ, его характеръ, существо принадлежащихъ ему полномочій и юридическое значеніе его рѣшеній съ точки зрѣнія международныхъ отношеній. Этимъ дѣломъ, какъ извѣстно, прежде всего занялся Институтъ международнаго права при посредствѣ столь опытнаго юриста, какъ Гольдшмидтъ. Но чѣмъ болѣе третейскій судъ, въ международной области, получитъ правильный характеръ и подчинится юридическимъ началамъ, тѣмъ скорѣе мы, хотя и незамѣтно, подойдемъ къ настоящему международному суду.

Уже на первомъ съѣздѣ англійскихъ и американскихъ друзей мира въ Лондонѣ (22 іюня 1843 г.) подъ предсѣдательствомъ Чарльсъ Гиндлея (Charles Hindley) было рѣшено составить адресъ ко всѣмъ цивилизованнымъ правительствамъ съ просьбою,

чтобы они обязались въ договорахъ обращаться, въ случаѣ несогласій, къ посредничеству дружественныхъ державъ. Этотъ адресъ былъ препровожденъ къ 54 правительствамъ обоихъ полушарій и принятъ нѣкоторыми изъ нихъ весьма благосклонно [1]). Заслуживаетъ вниманія, что эта резолюція сдѣлалась извѣстнымъ желаніемъ (voeu), которое высказали державы въ 23 протоколѣ парижскаго конгресса (14 апрѣля 1856 г.).

На слѣдующихъ конгрессахъ мира въ Брюсселѣ (20, 21 и 22 сент. 1848 г.) [2]), въ Парижѣ (22, 23 и 24 авг. 1849 г.) [3]), во Франкфуртѣ на Майнѣ (въ тѣ-же дни авг. 1850 г.) [4]), и въ Лондонѣ (22, 23 и 24 іюля 1851 г.) [5]), приняты почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ резолюціи въ пользу третейскихъ судовъ между народами. Всего вѣрнѣе редактирована резолюція франкфуртскаго конгресса, въ которой говорится «о третейскомъ рѣшеніи всѣхъ тѣхъ несогласій между правительствами, кои не подлежатъ иному полюбовному окончанію» [6]). На это указывается, какъ «на одинъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ способовъ охраненія мира,» въ чемъ нельзя не видѣть нѣкотораго увлеченія. Къ этому прибавлено въ заключеніяхъ брюссельскаго съѣзда, чтобы правительства не только оканчивали свои распри «по началамъ справедливости,» но

---

[1]) Congrès des amis de la paix universelle, réuni à Bruxelles en 1848, p. 4.

[2]) Онъ состоялся благодаря стараніямъ ревностнаго поборника мира *Elihu Burrit*, первоначально кузнеца, а потомъ делегата америк. общ. мира, отъ имени котораго онъ пріѣхалъ въ Европу (ум. 1879 г.) Президентомъ въ Брюсселѣ былъ Visschers

[3]) Созванъ какъ и слѣдующіе по почину лондонскаго общ. мира стараніями того же Беррита и Генри Ричарда. Предсѣдалъ Викторъ Гюго

[4]) Въ предсѣтатели былъ выбранъ Jaupp, бывшій первымъ министромъ Гессенъ-Дармштадта.

[5]) Президентомъ былъ докторъ Brewster

Хотя на всѣхъ этихъ съѣздахъ преобладалъ англо-американскій элементъ, однако на нихъ присутствовали делегаты отъ Германіи, отъ Франціи, Бельгіи и Голландіи. Въ числѣ участниковъ главными были: Elihu Burrit, Richard Cobden, Joseph Sturge, Henry Richard, Charles Hindley, Visschers, Joseph Garnier, Emile de Girardin, Victor Hugo и мн. др.

[6]) Proceedings of the third general congress, p. 10.

чтобы они высказывали въ своихъ договорахъ тѣ принципы, которыми должны руководиться третейскіе судьи въ качествѣ ли спеціальныхъ уполномоченныхъ или членовъ «верховнаго международнаго суда.» (Cour suprême internationale) [1]).

Но проведеніемъ этой идеи конгрессы не удовольствовались. Они въ то же время взялись за другую, несравненно болѣе важную, но и трудную реформу: созваніе конгресса народовъ изъ представителей отъ каждаго изъ нихъ (Congrès des nations) въ видахъ выработки кодекса международнаго права и учрежденія верховнаго суда, имѣющаго рѣшать всѣ вопросы, касающіеся взаимныхъ правъ и обязанностей народовъ [2]).

Въ свое время эти съѣзды вызвали много шума и много злыхъ насмѣшекъ не безъ ихъ вины. Идеи ими выставленныя безспорно заслуживали вниманія, но къ сожалѣнію засѣданія этихъ конгрессовъ весьма многочисленныя, самыя разнообразныя по составу входившихъ въ нихъ лицъ и публичныя, страдали почти всѣ обиліемъ рѣчей длинныхъ, безсодержательныхъ, но крайне напыщенныхъ. Дѣятели прессы преобладали, но отсутствовалъ серьезный элементъ людей науки и въ особенности юристовъ. Къ этому недостатку слѣдуетъ присоединить другой, болѣе важный: эти шумныя сборища не умѣли оставаться въ предѣлахъ опредѣленной программы. Ратуя за первыя начала международной юстиціи въ формѣ третейскихъ судовъ, они въ то же время требуютъ: разоруженія государствъ, запрещенія займовъ для завоевательныхъ войнъ, введенія однообразныхъ монеты, мѣръ и вѣсовъ и т. д., франкфуртскій конгрессъ осудилъ даже дуэли! Такое смѣшеніе предметовъ занятій могло только вредить конгрессамъ въ общественномъ мнѣніи. Постоянно раздавались на нихъ возгласы о вѣчномъ мирѣ, о совершенномъ уничтоженіи войны и т. д., а между тѣмъ ораторы мало заботились объ установ-

---

[1]) Congrès des amis... etc. réuni à Bruxelles, p. 78.

[2]) Въ пользу кодекса высказались всѣ названные конгрессы, за верховный же судъ одинъ парижскій. (Congrès des amis.. etc réuni a Paris, p. 63). Лишь лондонскій, рѣшенія котораго наименѣе оригинальны, хранитъ объ обоихъ вопросахъ молчаніе.

леніи и развитіи между народами права; безъ котораго самый миръ обращается часто въ пустое и опасное понятіе. Наконецъ нельзя также не упрекнуть эти собранія въ неуваженіи къ свободѣ обсужденій. По крайней мѣрѣ на парижскій конгрессъ, по прямому свидѣтельству его программы, «не должны были быть допущены никакія рѣчи въ пользу войны» [1]).

Не одни общества мира проповѣдуютъ о пользѣ третейскихъ судовъ. Въ 1875 г. юридическій факультетъ въ Парижѣ предложилъ вопросъ о немъ на докторскую тему, что вызвало сочиненіе Руаръ-де-Кара, удостоенное преми Стерди (Sturdy) [2]).

Этимъ же, какъ сказано, тщательно занялся Институтъ международнаго права на двухъ своихъ съѣздахъ, въ Женевѣ (1874) и въ Гагѣ (1875). Въ 1877 г. на собраніи въ Цюрихѣ Институтъ одобрилъ единогласно слѣдующую декларацію: «онъ рекомендуетъ правительствамъ настойчиво дѣлать въ своихъ будущихъ трактатахъ условіе о компромиссѣ или обращеніи къ третейскому разбирательству въ спорахъ относительно толкованія и приложенія этихъ трактатовъ. Если бы возникли несогласія касательно дѣлопроизводства третейскаго суда, Институтъ полагаетъ, что правительствамъ слѣдуетъ прилагать уставъ, принятый имъ въ засѣданіи 28 авг. 1875 г. въ Гагѣ» [3]).

Намъ нѣтъ возможности, да и не къ чему, перечислять заявленія всевозможныхъ обществъ и собраній въ пользу занимающаго насъ вопроса. Достаточно если мы укажемъ на нѣкоторые наиболѣе любопытные случаи. Союзъ мира англійскихъ рабочихъ (Workmen's national peace association) на митингѣ 22 февр. 1871 г. рѣшилъ напомнить правительству объ его обязанности взять на себя починъ по введенію верховнаго суда для окончанія споровъ между народами [4]). Тотъ же союзъ

---

[1]) Congrès etc. réuni à Paris, p. 62.

[2]) L'arbitrage international. 1877.—Извѣстный Семнеръ (ум. въ 1877 г.) завѣщалъ коллегіи Harward въ Бостонѣ 1000 долл. на премію за лучшее сочиненіе учениковъ, о способахъ сохраненія между народами мира.

[3]) Revue; 1877, p 318.

[4]) *Laveleye*. Des causes actuelles de guerre en Europe et de l'arbitrage, p 172.

вмѣстѣ съ французскими рабочими на собраніи 6 и 7 сент. 1875 въ Парижѣ высказался «съ энергіею и отъ души въ пользу международнаго третейскаго суда, какъ практическаго способа приложенія къ международной области идей мира и справедливости, составляющихъ необходимое условіе современной цивилизаціи». Рабочіе всѣхъ народовъ приглашаются къ принятію участія въ этомъ движеніи, цѣль котораго установленіе вѣчнаго мира и имъ дается совѣтъ избирать въ палаты лишь лицъ преданныхъ идеѣ третейскаго суда [1]).

Другое англійское же общество для развитія общественныхъ наукъ (National Association for the promotion of social science) еще въ 1866 г. назначило, по предложенію Фильда, коммиссію для обработки кодекса международнаго права, долженствовавшаго потомъ поступить на разсмотрѣніе правительствъ. Это побудило Фильда написать его кодексъ [2]). Этому же обществу испанскій экономистъ Маркоартю предоставилъ въ 1873 г. премію въ 300 ф. стерл. (7.500 фр.), которую оно должно было выдать за лучшее сочиненіе «объ учрежденіи международнаго парламента въ видахъ составленія такого же кодекса для укрѣпленія мира». Двѣ трети этой преміи было выдано Спрегу и 100 ф. стерл. Лакомбу [3]).

По счастливомъ окончаніи алабамскаго спора американское общество мира послало въ 1873 г. одного изъ своихъ секретарей *Майльса* (Miles) изъ Бостона съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ свиданія съ главными поборниками идеи мира въ Европѣ и предложилъ имъ устроить новый большой конгрессъ въ Америкѣ для чествованія женевскаго рѣшенія, назначить въ родѣ се-

---

[1]) Revue; 1875, p 315. Подробности въ Bulletin de la société des amis de la paix № 12 (Février, 1876. p. 275—284) а также *Pierantoni* Storia del diritto internazionale nel secolo XIX. 1876 p. 643. Мы не упоминаемъ о шумныхъ безплодныхъ преніяхъ женевской лиги мира и свободы (Revue, ib. p, 310 сл.).

[2]) Outlines of an international Code. 1872.—2-oe изд. 1876.

[3]) Ихъ сочиненія вмѣстѣ съ статьею Маркоартю объ интернаціонализмѣ напечатаны въ 1876 г.: Internationalism and prize essays on international law.

ната изъ публицистовъ въ числѣ 50 приблизительно лицъ всѣхъ народностей, которыя должны были бы составить кодексъ для руководства международныхъ третейскихъ судовъ и затѣмъ предоставить его на одобреніе международнаго такъ сказать митинга, имѣющаго собраться гдѣ нибудь въ центрѣ Европы.

Майльсъ объѣхалъ главные города нашей части свѣта и, хотя его мысли не получили практическаго осуществленія, но большинство изъ авторитетовъ по международному праву одобрили въ принципѣ составленіе кодекса международнаго права [1]). Благодаря главнымъ образомъ его стараніямъ возникло въ 1873 г. Общество для преобразованія и кодификаціи международнаго права [2]), имѣющее свое пребываніе въ Лондонѣ, но ежегодно устраивающее съѣзды своихъ членовъ въ различныхъ городахъ Европы.

На нихъ, какъ и слѣдовало ожидать, оно неоднократно поднимало рѣчь о занимающемъ насъ и столь важномъ для международнаго права вопросѣ. На съѣздѣ въ Женевѣ 1874 г. оно высказало надежду, что государства, палаты коихъ высказались за третейскую практику, не замѣдлятъ въ будущихъ своихъ договорахъ согласиться между собою относительно составленія третейскихъ судовъ, правилъ производства и способовъ исполненія ихъ рѣшеній. Собраніе высказало еще и другую надежду, что эти государства постараются привлечь и остальныя правительства къ принятому ими началу для того, чтобы сдѣлать третейскій судъ болѣе общимъ способомъ рѣшенія международныхъ распрей [3]).

На собраніи въ Гагѣ 1875 г. оно повторило эти заключенія, прибавивъ къ нимъ, что было бы весьма цѣлесообразнымъ, если бы государства принялись за кодификацію тѣхъ началъ ка-

---

[1]) Напр Кальво, считавшій прежде эту идею утопіею, Манчини, Пьерантони, Гефгеръ, Гольцендорфъ и др. Послѣдніе оба сдѣлали оговорку, чтобы на предлагаемомъ конгрессѣ не было и рѣчи о вѣчномъ мирѣ и объ абсолютномъ уничтоженіи войны. Ср. издаваемый франц. общ. мира Bulletin de la société des amis de la paix (№ 6 и 7, févr. mars, avr. 1873)

[2]) Association for the Reform and Codification of the Law of Nations.

[3]) Этотъ съѣздъ окончился 11 сент большимъ митингомъ въ которомъ Пьерантони видитъ манифестацію въ пользу межд. трет. суда (ib p. 601).

сательно третейскихъ судовъ, которыя уже на практикѣ приняты ими либо въ договорахъ, либо въ состоявшихся рѣшеніяхъ этихъ судовъ, а также чтобы они выяснили способъ ихъ составленія и кругъ ихъ дѣйствія.—Общество поставило далѣе на видъ необходимость для государствъ приготовить пути къ взаимному разоруженію, столь требоемому интересами человѣколюбія, цивилизаціи и благосостоянія ихъ собственныхъ гражданъ. Громадныя же ихъ вооруженія не обезпечиваютъ миръ, а содержатъ вѣчную угрозу войны. На этомъ же собраніи Ричардъ прочелъ записку о третейскомъ судѣ въ международной области. Изъ его недостатковъ онъ вывелъ заключеніе «о настоятельности правильнаго суда, облеченнаго правами и властью настоящаго судебнаго учрежденія». Въ этомъ же смыслѣ говоритъ Майльсъ, а одинъ членъ изъ Ливерпуля, Снепъ, возсталъ противъ обще-распространеннаго заблужденія будто суду долженъ предшествовать международный кодексъ, между тѣмъ какъ судъ своими прецедентами создаетъ законъ. Намъ кажется эта мысль особенно вѣрною по отношенію къ международной области. Іенкенъ прочелъ записку Блюнчли о разоруженіи. При современныхъ условіяхъ политической жизни авторъ считаетъ его абсолютно невозможнымъ, но онъ признаетъ желательность разоруженія, которое должно являться результатомъ общаго соглашенія между государствами. Наконецъ обществу были доложены письма Лабуле и Франка. Первый говоритъ, что «до тѣхъ поръ пока въ международной области не будутъ признаны права ея членовъ и не будетъ созданъ судъ, міръ будетъ по прежнему игралищемъ безумій народовъ и честолюбія царей». Франкъ видитъ «въ преобразованіи международнаго права чрезъ кодификацію самую полезную и возвышенную цѣль, къ которой только могутъ стремиться публицисты, юристы и философы въ наше время» [1]).

Наконецъ на антверпенскомъ съѣздѣ въ 1877 г. по предложенію Ричарда общество приняло тоже заключеніе какъ и

---

[1]) Revue; 1875, p. 307, а болѣе подробное назв. Bulletin. № 12 (février, 1876), p. 261—273.—Также, Пьерантони, op. c. p. 640 sq.

Институтъ въ Цюрихѣ о важности условій о компромиссѣ въ будущихъ трактатахъ. [1])

Во время послѣдней всемірной выставки въ Парижѣ, въ 1878 г. 15 обществъ мира различныхъ странъ собрались (съ 26 сент. по 1 окт.) на конгрессъ, результатомъ котораго были образованіе всеобщаго союза мира (Fédération universelle de la Paix) и принятіе декларации изъ 18 статей. Въ ней между прочимъ говорится объ обязанности цивилизованныхъ государствъ при рѣшеніи своихъ споровъ обращаться, послѣ дипломатическихъ переговоровъ, къ третейскому суду. Способъ наиболѣе практическій для проложенія ему пути въ жизнь заключается въ принятіи его принципа палатами и въ введеніи его въ будущіе трактаты. Декларація высказывается въ пользу ежегодно избираемаго третейскаго суда (cour arbitrale), составляемаго изъ двухъ делегатовъ отъ каждаго государства по назначенію исполнительной власти. но въ силу представленія палатъ. [2])

Возникшее 1 іюня 1880 г. *общество международнаго права въ Россіи* поставило себѣ между прочимъ задачею «покровительствовать всѣмъ попыткамъ кодификаціи принциповъ этого права и содѣйствовать установленію и укрѣпленію дружелюбныхъ международныхъ отношеній и *миролюбивыхъ воззрѣній*». Но миролюбивыя воззрѣнія обусловливаются признаніемъ права между народами и мы рады, что и Россія не осталась въ сторонѣ отъ этой обширной, охватывающей весь цивилизованный міръ, агитаціи въ пользу справедливости и мира.

II.

Пренія въ палатахъ.

Изъ частныхъ собраній друзей мира вопросъ о третейскомъ судѣ или, говоря шире, объ устройствѣ международной юстиціи былъ перенесенъ въ палаты различныхъ государствъ.

---

[1]) Bull. de la soc. de legisl. comp 1878; Mai, p. 377.—Calvo II, 591—93.

[2]) Текстъ этой декларації я сообщилъ въ Юрид. Вѣстн. 1878 г., Дек, стр: 788—791.

Это движеніе началось ранѣе всего, въ 30 годахъ нашего столѣтія. въ С. Штатахъ, перешло потомъ въ Англію, но на континентѣ Европы получило болѣе широкое политическое значеніе лишь въ 70 годахъ, вслѣдствіе, какъ мы говорили, удачнаго исхода Алабамскаго спора.

Пренія о третейскомъ судѣ въ палатахъ отличались и оживленностью и продолжительностью. Мы считаемъ не лишнимъ остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе, не смотря на то, что они, согласно съ характеромъ собраній въ которыхъ велись, отличаются не столько научнымъ, сколько практическимъ характеромъ. И практическіе доводы въ дѣлѣ сравнительно новомъ и къ жизни еще мало привившемся— какъ правильный третейскій судъ въ международныхъ распряхъ—не лишены вѣса и интереса, особенно если они исходятъ отъ такихъ политически-вліятельныхъ органовъ, каковы законодательныя палаты. Важность привлеченія послѣднихъ къ занимающей насъ реформѣ очевидна сама собою: пока палаты, какъ лучшія выразители общественнаго мнѣнія, не выскажутся дружно и настойчиво за введеніе международной юстиціи, правительства останутся къ ней и холодны и безъучастны. Хотя эта идея начинаетъ еще едва пробиваться въ жизни, но надо лелѣять и оберегать первыя ея проблески для того, чтобы дать ей возможность со временемъ проявиться во всей ея благотворной силѣ.

1. Еще въ 1835 г. 6 февраля [1]), по иниціативѣ американскаго общества мира, была подана первая петиція въ легислатуру Массачузетса о замѣнѣ войны международною юстиціею. Она была подписана Леддомъ, генеральнымъ агентомъ этого общества, и Томсономъ. Сущность ея сводилась къ тому, что она предлагаетъ «вмѣсто обращенія къ оружію найти какой либо способъ дружественнаго и окончательнаго рѣшенія всѣхъ международныхъ несогласій» и указываетъ, какъ на таковой, на «международный судъ (Court of

[1]) Маркоартю (Internationalism, p. 32) по ошибкѣ относитъ эту петицію къ 1832 г

Nations) либо постоянный, либо устроенный инымъ способомъ, по мудрому совѣту и рѣшенію народовъ». Не смотря на ея весьма неопредѣленный смыслъ, сенатъ препроводилъ ее въ коммиссію, которая ее одобрила и добавила, чтобъ она и вызванный ею докладъ были сообщены исполнительной власти каждаго штата съ препровожденіемъ ихъ потомъ въ палаты. Сенатъ большинствомъ 19 голосовъ противъ 5, принялъ оба эти документа, но, по причинѣ окончанія сессіи, они не попали въ нижнюю палату [1]).

Въ 1837 г. отъ Томсона и массачузетскаго общества мира поступила другая подобная же петиція. Разсмотрѣнная смѣшаннымъ комитетомъ изъ обѣихъ палатъ того же штата, она вызвала благопріятныя резолюціи послѣднихъ [2]), съ замѣчаніемъ, чтобы эти документы были сообщены исполнительной власти Союза. Въ названныхъ резолюціяхъ уничтоженіе войны ставится даже въ обязанность всѣмъ цивилизованнымъ государствамъ, а наиболѣе практичнымъ къ этому средствомъ признается учрежденіе конгресса или суда народовъ [3]).

Мы умалчиваемъ о подобныхъ же петиціяхъ внесенныхъ въ палаты Мена и Вермонта и не имѣвшихъ успѣха вслѣдствіе происковъ партій [4]), и переходимъ прямо къ той, которая первая поступила отъ американскаго, нью-іоркскаго и вермонтскаго общества мира въ конгрессъ въ началѣ декабря 1837 г. [5]).

Въ краснорѣчивыхъ словахъ она предлагаетъ обратить третейское разбирательство изъ случайнаго явленія въ общее

---

[1]) Исторія этого первоначальнаго движенія въ пользу междун. суда въ Америкѣ, съ документами къ нему относящимися, изложена весьма обстоятельно самимъ Леддомъ. *Ladd.* Prize Essays on a Congress of Nations Boston. 1840. Кромѣ его статьи въ этомъ сборникѣ помѣщены еще пять монографій Bolles, Hamilton, Upham и двухъ неизвѣстныхъ. Петиція 1835, стр. 590 и 641—645.

[2]) Въ сенатѣ большинствомъ 35 голосовъ противъ 5, а въ нижней палатѣ даже единогласно.

[3]) Ladd, p. 591 и 645—659.

[4]) О резолюціи палатъ Массачузетса въ 1838 г. см. Ladd, p. 660.

[5]) Текстъ ея ib. 661.

неизмѣнное учрежденіе и ставитъ на видъ необходимость выработать съ общаго согласія народовъ кодексъ международнаго права. Нечего доказывать истину, что споры лучше и справедливѣе рѣшаются третьими, безпристрастными лицами, нежели самими заинтересованными сторонами. Но третейское разбирательство много выиграетъ въ силѣ, если для него будетъ учрежденъ особый судъ [1]), который, состоя изъ представителей различныхъ государствъ, будетъ своимъ дѣйствіемъ нейтрализовать ихъ противоположные интересы и поэтому окажется болѣе способнымъ къ принятію безпристрастныхъ рѣшеній, чѣмъ какое бы то ни было правительство. Для успѣшности же его дѣйствій, его не слѣдуетъ облекать принудительною властію. Если обратить вниманіе на то, съ какимъ упорствомъ народы отстаиваютъ свою честь и что они никогда не предпринимаютъ войны безъ достаточнаго основанія, то можно придти къ заключенію, что рѣшеніе международной распри, согласное съ правомъ (righteous), исходящее отъ авторитетнаго, международнаго суда, основанное на постановленіяхъ такого же кодекса, подкрѣпленное мотивами и обращающееся лишь къ чувству народной чести и справедливости—будетъ принято благопріятно обѣими сторонами. Утверждать противоположное значитъ приписывать народамъ въ вопросахъ чести гораздо худшія свойства и намѣренія, чѣмъ даже отдѣльнымъ лицамъ.

Петиція эта была разсмотрѣна комитетомъ иностранныхъ дѣлъ, отъ имени котораго Легаре представилъ отзывъ неблагопріятный ей [2]). Воздавая должное уваженіе ея принципамъ, комитетъ находитъ ее въ практическомъ отношеніи не только безполезною, но даже вредною. При существующихъ политическихъ условіяхъ немыслимо добиться согласія великихъ державъ на предлагаемыя ею реформы. «Федеральныя отношенія Европы (ибо въ дѣйствительности Европа есть конфедерація!) по строгой теоріи не допускаютъ иного способа рѣшенія спо-

[1]) A great international Board of Arbitration or a Congress of Nations.
[2]) Тамъ же, 666—678.

ровъ, какъ посредствомъ меча, и большинство государствъ охраняютъ свою независимость на счетъ свободы народовъ.» Международный кодексъ вполнѣ излишенъ. Писанные законы и конституціи ни къ чему не ведутъ, если народы для нихъ не созрѣли. Всѣ извѣстныя намъ системы законодательствъ были постепенно дѣломъ времени. И въ международной области требуется не кодексъ, или собраніе извѣстныхъ правилъ, управляющихъ отношеніями народовъ, а власть необходимая для поддержанія этихъ сношеній или духъ способный руководить практикой: а это не дается никакимъ кодексомъ.— Введеніе же третейскаго суда между народами можетъ принести положительный вредъ. Онъ не обезоружитъ силу (mighty), какъ думаютъ, а скорѣе самъ въ ея рукахъ обратится въ орудіе деспотизма и насилія. Мы знаемъ изъ исторіи, что самые большіе перевороты въ обществѣ совершались чрезъ посредство судебной власти. Въ древней Греціи амфиктіоніи, пораженныя политическимъ безсиліемъ, были игралищами въ рукахъ сильныхъ честолюбцевъ. Во Франціи феодальныя отношенія были постепенно расшатаны короной, опиравшейся на номинальную палату перовъ. Верховные суды въ прежней германской имперіи не давали защиты слабымъ. До такой степени трудно достигнуть мирнаго рѣшенія споровъ между государствами, интересы коихъ матеріально противоположны, что когда для этого учреждались суды, ихъ злоупотребленія умножали только и усиливали то зло, противъ котораго они были предназначены бороться. Опытъ научаетъ насъ также, что возникавшія отсюда войны были самыя упорныя и ужасныя. Комитетъ согласенъ, что идея мира видимо все болѣе и болѣе выигрываетъ почвы, но полагаетъ, что все надо предоставить времени, «лучшему преобразователю въ такихъ дѣлахъ,» видитъ въ мечѣ самую надежную гарантію мира и въ заключеніе рекомендуетъ лишь болѣе частое обращеніе къ посредничеству.

Этотъ документъ доказываетъ, говоритъ Леддъ, какъ наши лучшіе люди въ то время мало понимали весь вопросъ, о которомъ шелъ споръ. Въ качествѣ уже президента амери-

канскаго общества мира онъ внесъ, отъ его имени на конгресъ 1838—39 г. вторую петицію, въ которой подвергнулъ разбору доводы комитета [1]). Неудавшіяся попытки прежняго времени устроить судъ между государствами—насъ не должны смущать, такъ же какъ и то, что всякое хорошее учрежденіе можетъ повести къ тому или иному злоупотребленію. Иначе намъ пришлось бы отказаться отъ всякихъ усовершенствованій, какъ въ области физическаго, такъ и нравственнаго міра. Комитетъ рекомендуетъ обращеніе къ посредничеству. Но если такое случайное обращеніе полезно, то во сколько разъ лучше правильная и юридически—выработанная практика въ этомъ дѣлѣ. Когда будетъ введенъ постоянный судъ, правительства будутъ побуждаемы какъ своими гражданами, такъ и общественнымъ мнѣніемъ всѣхъ странъ, искать рѣшенія своихъ споровъ скорѣе предъ этимъ судомъ, нежели полагаться на варварское, неопредѣленное и дорогое рѣшеніе меча. Сторона, которая не захочетъ явиться на этотъ судъ, вызоветъ мало къ себѣ сочувствія, когда на нее обрушатся бѣдствія войны. Что же касается до международнаго кодекса, то онъ призванъ руководить судьями въ разбирательствѣ этихъ трудныхъ и запутанныхъ дѣлъ. Онъ дастъ имъ ясные, опредѣленные принципы, признанные сторонами и избавитъ ихъ отъ необходимости выслушивать лишь собственныя и непосредственныя представленія послѣднихъ. Наконецъ неужели современная практика третейскаго разбирательства заслуживаетъ предпочтенія сравнительно съ судомъ, который составлялся бы изъ лицъ наиболѣе способныхъ по своему характеру и познанію въ правѣ, свободныхъ отъ заботъ правленія и интригъ дворовъ и по этому призванныхъ стать выше претензій спорящихъ сторонъ? Теперешніе же главы правительствъ избираются въ третейскіе судьи скорѣе ради ихъ высокаго положенія, чѣмъ личныхъ способностей, и сколько разныхъ посторонніихъ обстоятельствъ могутъ вліять на ихъ рѣшенія?

---

[1]) Ib. 679—685.

Въ этой петиціи предлагаются тѣ обѣ реформы, за которыя стоитъ Леддъ въ своихъ сочиненіяхъ: конгресъ изъ дипломатовъ, періодически собирающійся и постоянный судъ изъ выдающихся юристовъ. Обѣ эти реформы могутъ быть осуществлены независимо другъ отъ друга. но соединеніе ихъ поведетъ къ большей практической пользѣ.—Участь и этого ходатайства была не лучше перваго: по краткости сессіи оно даже не вызвало обсужденія комитета, куда также было передано.

Такъ полной неудачей окончился этотъ первый періодъ изучаемаго нами движенія въ Америкѣ. Очевидно друзья мира потребовали для начала слишкомъ многаго: кодификаціи международнаго права, почти полнаго уничтоженія войны и замѣны ея правильною системою юстиціи. Умы въ то время были еще гораздо менѣе чѣмъ теперь приготовлены къ принятію этихъ идей.

Движеніе, какъ и слѣдовало ожидать, не прекратилось, но приняло болѣе скромные и практическіе размѣры. Тотъ же самый комитетъ иностранныхъ дѣлъ, который въ 1837 г. устами Легаре провозгласилъ мечъ чуть не единственнымъ рѣшителемъ споровъ между европейскими народами и самою надежною гарантіею мира, единогласно высказался, подъ предсѣдательствомъ Фута, въ 1851 г., за то, «чтобы С. Штаты дѣлали въ заключаемыхъ ими договорахъ условія о рѣшеніи всѣхъ споровъ—(которые не поддадутся дипломатическому улаженію)—третейскими судьями въ качествѣ первой инстанціи до открытія враждебныхъ дѣйствій.» Въ февралѣ 1853 г. сенатъ, по докладу предсѣдателя того же комитета Ундервуда, обратился къ президенту Штатовъ съ такимъ же мнѣніемъ. Онъ рекомендуетъ вводить «условіе о компромиссѣ во всѣ будущіе договоры, когда это только окажется возможнымъ.» Совершенно въ этомъ духѣ высказался и самъ комитетъ [1]). Лица, имѣющія избираться въ третейскіе судьи, должны быть, по его мнѣнію, «выдающіеся юристы, мало или совсѣмъ не связанные съ по-

[1]) That all differences which may arise shall be referred to arbitrators for adjustment.

литическими дѣлами» [1]). Очевидно, съ этого слѣдуетъ начать международную реформу.

1-го декабря 1873 г. сенаторъ Семнеръ внесъ въ сенатъ С. Штатовъ проектъ резолюцій, въ которыхъ между прочимъ говорится, что «третейскому суду слѣдуетъ по имени и въ дѣйствительности замѣнить войну, такъ чтобы на его разсмотрѣніе поступали всякій вопросъ или недоразумѣніе способные вызвать войну или охлажденіе между народами». Въ виду этого «третейскій судъ называется справедливымъ и практическимъ» способомъ рѣшенія распрей между государствами [2]).

Но лишь въ слѣдующемъ году эта идея получила признаніе со стороны обѣихъ палатъ конгресса. По предложенію Бордменъ Смита изъ Нью-Іорка нижняя палата приняла 17-го іюня 1874 г. единогласно и безъ преній резолюцію, въ которой читаемъ: «въ виду того, что война разрушаетъ матеріальное благосостояніе народа, оказываетъ по своему направленію безнравственное вліяніе и стоитъ въ противорѣчіи съ просвѣщеннымъ общественнымъ мнѣніемъ, народъ С. Штатовъ, въ лицѣ своихъ представителей на конгрессѣ, рекомендуетъ замѣнить ее третейскимъ судомъ и, насколько возможно, дѣлать въ будущихъ договорахъ съ иностранными правительствами условіе о томъ, чтобы ни одна сторона не объявляла войны другой до тѣхъ поръ, пока не было сдѣлано усилій устранить всѣ приводимые поводы къ жалобамъ чрезъ безпристрастное третейское разбирательство». Въ этомъ же смыслѣ высказался въ тотъ же день и сенатъ, такъ-что обѣ палаты уполномочили президента вести переговоры съ цѣлію установленія «международной системы рѣшенія споровъ и, насколько возможно, безъ обращенія къ войнѣ» [3]).

2. Въ то время, когда конгрессъ С. Штатовъ дѣлалъ этотъ первый, но важный шагъ на пути учрежденія международной

---

[1]) A historic survey of international arbitration; p. 6.

[2]) Revue; 1874; p. 130.

[3]) „Resolved by the Senate and House of Representatives, that the President of the United States is hereby authorised and requested to negotiate with all civilised Powers who may be willing to enter into such negotiation

юстиціи, англійскій парламентъ предупредилъ его въ этомъ дѣлѣ, первый изъ европейскихъ палатъ одобривъ ея принципъ.

Но къ этому результату онъ также пришелъ не вдругъ. Еще въ 1849 г. въ засѣданіи 12 іюня *Кобденъ* [1]) представилъ въ палату общинъ ходатайство о томъ, чтобы англійское правительство заключало съ другими государствами договоры объ обращеніи къ третейскому разбирательству въ тѣхъ случаяхъ, когда возникшія между ними несогласія не удастся устранить посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ [2]).

Въ обширной рѣчи, произнесенной въ пользу своего предложенія, Кобденъ указалъ на своевременность этой реформы. Вооруженія все усиливаются и надо какъ нибудь положить имъ предѣлъ. Кобденъ не поклонникъ идеи верховнаго суда между народами, опирающагося на сильное войско, потому что это создало бы еще худшую систему вмѣшательствъ, сравнительно съ нынѣ существующею. Онъ рекомендуетъ только новую инстанцію въ пользу мира въ тѣхъ случаяхъ, когда дипломатія не достигнетъ благопріятнаго результата. Народы вслѣдствіе этого не откажутся абсолютно отъ войны (когда она категорически потребуется для защиты чести или справедливыхъ интересовъ страны), но она сдѣлается болѣе рѣдкою и правомѣрною. «Во всякомъ случаѣ третейское разбирательство болѣе разумно, справедливо и человѣчно, чѣмъ обраще-

---

for the establishment of an international system whereby matters in dispute between different Governments agreeing there to may be adjusted by arbitration, and, if possible, without recourse to war.“ Internationalism, p. 38.

[1]) Въ томъ же году 16 янв. *Букингемъ* внесъ петицію подобную той, которую представилъ Кобденъ (о принятіи въ будущихъ трактатахъ условія о компромиссѣ).

[2]) Вотъ текстъ его ходатайства: That an humble address be presented to Her Majesty, praying that She will be graciously pleased to direct Her principal Secretary of State for Foreign Affairs to enter into communication with Foreign Powers, inviting them to concur in Treaties, binding the respective parties in the event of any future misunderstanding, which cannot be arranged by amicable negotiation, to refer the matter in dispute to the decision of Arbitrators.—*Hansard's* Parliamentary Debates. Vol. CVI, p. 53—121.

ніе къ оружію». Ораторъ, отвѣчая на нѣкоторыя возраженія, часто дѣлаемыя противъ защищаемой имъ мысли, говоритъ, что, если будутъ существовать договоры обязывающіе стороны предоставлять всѣ ихъ споры на рѣшеніе третейскому судьѣ, то войны сдѣлаются болѣе рѣдкими уже потому, что государство, рѣшившееся нарушить такое обязательство и самовольно вступившее въ войну, навлечетъ на себя осужденіе всего міра и докажетъ всѣмъ, что предпринятая имъ война не была вызвана необходимостью или справедливостью.—Другое возраженіе состоитъ въ томъ, будто нельзя довѣрять великіе интересы страны частнымъ лицамъ или коммиссарамъ. Но, во 1-хъ, споры съ иностранными державами часто не затрогиваютъ этихъ великихъ интересовъ, а вращаются около весьма второстепенныхъ и пустыхъ вопросовъ; и во 2-хъ, мы поручаемъ же нашимъ дипломатамъ самые живые и священные интересы нашей страны, когда даемъ имъ полномочія подписывать мирные трактаты и иные договоры. Кобденъ полагаетъ далѣе, что не слѣдуетъ всегда избирать въ третейскіе судьи коронованныхъ особъ или нейтральныхъ державъ. И частныя лица могутъ весьма удобно исполнять эту обязанность. Ему нравятся особенно условія договора 1794 г. между Англіею и С. Штатами. Каждой сторонѣ было предоставлено назначить по два коммиссара, которые были обязаны выбрать единогласно общаго посредника. Въ случаѣ же разногласія они клали въ урну имена нѣкоторыхъ лицъ, изъ которыхъ желали его выбрать и затѣмъ тотъ, чье имя выпадало жребіемъ, становился общимъ посредникомъ. Онъ рѣшалъ споры съ остальными четырьмя коммиссарами по большинству голосовъ.

Предложеніе Кобдена вызвало въ парламентѣ горячія прения. Одинъ изъ членовъ (Cochrane) назвалъ это предложеніе несвоевременнымъ, оспариваемымъ и смѣшнымъ; другой (Urquhart) увидѣлъ въ немъ уничтоженіе независимости и національности государствъ и самого международнаго права [1]). Но

[1]) Онъ внесъ такого рода поправку. that to settle differences by any extranational judicatory, would, if practicable, be the subversion of the independence of each State, and the extinction of the law of nations.

абсолютно отвергая предложенную Кобденомъ реформу, эти господа, надо сознаться, ничѣмъ не подкрѣпили свое голословное отрицаніе. Напротивъ, сторонники Кобдена привели новые доводы въ пользу *справедливости* и практичности его мысли. Такъ Mackinnon въ интересной рѣчи указалъ на то, что со времени открытія пороха при равныхъ условіяхъ всего выгоднѣе воевать могутъ только наиболѣе богатые, а слѣдовательно и просвѣщенные народы, но съ другой стороны управляемые представительными собраніями, они наименѣе способны бросаться опрометчиво въ войну, которая, при страшныхъ жертвахъ, требуемыхъ ею въ наше время, поглощаетъ несравненно болѣе, чѣмъ она въ состояніи дать. «Взгляните, говоритъ ораторъ, на Францію. Она за послѣднія триста лѣтъ болѣе всѣхъ воевала. Сколько жизней и богатствъ потратила она на эти войны! И что-же? Ея границы остались почти безъ измѣненій и никакой иной пользы она не извлекла изъ нихъ. А всѣ походы въ прежнее время англичанъ на европейскій континентъ; что удержали они отъ нихъ?»

Другой членъ Hobhouse, поддерживая Кобдена, пошелъ даже далѣе его. Онъ не боится прослыть за утописта: «есть нѣчто худшее, чѣмъ стремленіе къ утопіи—это желаніе поддержать всѣ тѣ вопіющія злоупотребленія и тягости, подъ бременемъ которыхъ мы живемъ.» Онъ убѣжденъ, что третейскій судъ сдѣлаетъ для народовъ излишнимъ обращеніе къ оружію ради защиты ихъ народной чести и желаетъ даже осуществленія мудраго и миролюбиваго проекта Генриха Великаго, короля Франціи, относительно учрежденія конгресса народовъ, который поддерживалъ бы для каждаго изъ нихъ право и справедливость, въ пользу котораго всѣ государства согласились бы поступиться нѣкоторою частью своей независимости, занявъ по отношенію къ Европѣ мѣсто какъ бы провинцій и который имѣлъ бы возможность не только рекомендовать, но и дѣйствительно оберегать миръ. Ораторъ вполнѣ сознаетъ невозможность исполненія этого проекта въ наше время, но это не мѣшаетъ ему дать свое согласіе на первое возможное улучшеніе въ духѣ мира. Онъ желаетъ, чтобы

парламентъ далъ новый толчекъ защищаемой Кобденомъ идеѣ и не предоставилъ бы ее одному шаткому благоусмотрѣнію исполнительной власти.

Послѣ этихъ ораторовъ говорилъ секретарь иностранныхъ дѣлъ *Пальмерстонъ*. Въ обширной рѣчи, часто отмѣченной остроуміемъ, онъ высказался рѣшительно противъ предложенія Кобдена, не потому чтобы онъ осуждалъ самый принципъ онаго [1]) и не цѣнилъ бы благодѣяній мира въ противоположность войнѣ — къ которой онъ во всякой формѣ чувствуетъ «величайшее отвращеніе и даже ужасъ,» — но собственно потому, что считаетъ его для Англіи практически — вреднымъ, а для остальныхъ государствъ невозможнымъ. Доводы его, какъ одного изъ опытныхъ государственныхъ людей нашего времени, представляютъ особый интересъ и мы передадимъ основныя высказанныя имъ воззрѣнія.

Пальмерстонъ въ началѣ указываетъ на коренное различіе существующее между третейскимъ разбирательствомъ въ частной и въ международной жизни. Въ первой рѣшенія третейскаго судьи поддерживаются высшею, правительственною властію, если стороны не подчиняются его приговору. Эта-то высшая, надъ сторонами стоящая власть, и придаетъ значеніе и дѣйствительность послѣднему. Въ международномъ быту такой власти не существуетъ и если не имѣть въ виду постоянный судъ съ достаточною военною силою, третейскій судъ Кобдена въ дѣйствительности обратится въ посредничество между государствами. — Его предложеніе не вѣрно еще съ другой стороны: никогда въ третейскіе судьи между государствами не были избираемы частныя лица. Кобденъ говоритъ и комиссарахъ, которымъ можно было бы поручить эту должность. Но эта система была бы несравненно хуже существующей практики: правительства дѣйствуютъ открыто предъ цѣлымъ міромъ; они привыкли заниматься вопросами, которые

---

[1]) Это вытекаетъ изъ всего содержанія и особенно изъ конца его рѣчи, а въ началѣ ея онъ высказываетъ противоположную мысль: the proposal of my hon. Friend (Cobden) is founded on an erroneous principle.

могутъ быть представлены на ихъ рѣшеніе. Напротивъ частныя лица въ этихъ дѣлахъ совершенно некомпетентны: ихъ занятія и привычки не даютъ имъ никакой опытности для правильнаго сужденія о международныхъ событіяхъ. Кобденъ желалъ бы въ будущемъ предоставить коммиссарамъ такую же власть, какъ дипломатическимъ агентамъ. Но не слѣдуетъ забывать, что полномочія послѣднихъ никогда не бываютъ неограниченны: они связываются инструкціями и кромѣ того правительства всегда могутъ отвергнуть все ими сдѣланное, если почтутъ это за нужное. Какъ бы то ни было, но при существующей взаимной завистн между народами и постоянной борьбѣ ихъ интересовъ, почти не возможно найти такое нейтральное государство, рѣшеніе котораго было бы принято съ одинаковымъ довѣріемъ обѣими сторонами. Ни одно правительство никогда не рѣшится довѣрить разъ на всегда свои права и интересы какой либо третьей сторонѣ, будетъ ли то публичная власть или частныя лица. Но болѣе всѣхъ другихъ странъ Англія, по своему политическому и торговому положенію, по своимъ морскимъ интересамъ и колоніальнымъ владѣніямъ, вызываетъ зависть другихъ народовъ; поэтому ей всего труднѣе будетъ найти дѣйствительно безпристрастныхъ третейскихъ судей, но и она же болѣе всего потерпитъ, если, въ своихъ спорахъ съ другими государствами, обратится къ содѣйствію лицъ пристрастныхъ, заинтересованныхъ и дѣйствующихъ безъ сознанія лежащей на нихъ отвѣтственности. Въ силу этихъ соображеній ораторъ считаетъ, при современномъ положеніи Европы, принципъ третейскаго суда неприложимымъ, но одобряетъ посредничество, которому желаетъ самое широкое примѣненіе.

Нельзя не видѣть въ этой рѣчи много послѣдовательности и ловкости. Но съ другой стороны ея погрѣшности бросаются въ глаза: посредничество никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ третейскимъ судомъ, который и безъ принудительной власти можетъ содѣйствовать охранѣ мира. Частныя лица не рѣдко бывали третейскими судьями даже въ древности и средніе вѣка. Они, строго говоря, большею частью и приготовляютъ

рѣшеніе, когда оно исходитъ отъ коронованныхъ лицъ. Будучи замѣшанными въ политическіе интересы дня, правительства на этомъ основаніи и бываютъ неспособны къ вполнѣ безпристрастному исполненію должности третейскаго суда. Развитіе же международной юстиціи создастъ и классъ людей свѣдущихъ въ теоріи и на практикѣ по международнымъ дѣламъ.

Пальмерстону отвѣчалъ Milner-Gibson. Онъ замѣтилъ, что доводы его сводятся въ сущности къ тому, что ясно для каждаго, именно, что и третейскому суду присущи нѣкоторые недостатки. Вѣрно. Но неужели война лучше? Развѣ предполагаемыя заблужденія третейскихъ судей не заслуживаютъ предпочтенія сравнительно съ войною, которая не рѣшаетъ никакой споръ? Пальмерстонъ говоритъ, что третейскія рѣшенія не будутъ поддерживаемы никакою силою. Но вѣдь то же самое можно сказать о всѣхъ вообще международныхъ договорахъ и соглашеніяхъ, которые, не смотря на то, уважаются однако и соблюдаются. Пальмерстонъ опасается предложенія Кобдена еще потому, что оно возложило бы на правительство обязательства на будущее время (a prospective engagement). Но это новая заслуга Кобдена; онъ желаетъ обращенія къ третейскому суду до возбужденія народныхъ страстей какимъ либо споромъ, когда враждебная дипломатическая переписка между сторонами не успѣла еще ихъ ожесточить и онѣ могутъ спокойно и безпристрастно отнестись къ занимающему ихъ дѣлу. Ораторъ не понимаетъ, что есть непрактичнаго въ предложеніи Кобдена. Онъ проситъ парламентъ высказаться только въ пользу того общаго принципа, что отношенія между народами должны покоиться на началахъ справедливости. Но разъ допустивъ это, нельзя ничего сказать противъ ситемы третейскаго суда. Конечно если народы хотятъ стремиться къ расширенію своихъ территорій и къ завоеваніямъ, ничего не имѣющимъ общаго съ правомъ, разумомъ и справедливостью,—въ такомъ случаѣ этому суду между ними нѣтъ мѣста. Ораторъ понимаетъ оппозицію своею благороднаго друга: онъ полагаетъ, что могутъ возникнуть вопросы, которые не будутъ рѣшены, если обратиться къ справедливости. И

смотря на войны, которыя вела Англія въ прежнія времена, мы должны сознаться, что такого рода опасенія не лишены основанія. Въ заключеніе ораторъ предлагаетъ двѣ мѣры по его мнѣнію необходимыя для уменьшенія побужденій къ войнѣ: отмѣну каперства [1]) и призовыхъ денегъ (prize-money).

Рѣчи послѣдующихъ ораторовъ не предоставляютъ интереса. Лордъ Россель старался доказать, что дипломатическіе переговоры лучше третейскаго суда обезпечиваютъ миръ между государствами и что успѣхи цивилизаціи сами по себѣ дѣлаютъ войны болѣе рѣдкими.

Всѣмъ имъ отвѣчалъ Кобденъ. Поддерживая свое предложеніе, онъ поставилъ на видъ, что современное положеніе государствъ не можетъ быть названо миромъ, а лишь вооруженнымъ перемиріемъ, если вспомнить, что 2 милліона солдатъ содержатся подъ ружьемъ и что около 200 милл. ф. стерл. тратится ежегодно европейскою промышленностью на этотъ непроизводительный классъ людей.

Послѣ этихъ преній палатѣ былъ предложенъ вопросъ объ ихъ отсрочкѣ. При голосованіи значительное большинство 97 членовъ (176 противъ 97) отклонило предложеніе Кобдена.

Но продолжателемъ его дѣла выступилъ *Генри Ричардъ*, мужественный поборникъ мира. 8 іюля 1873 г. онъ внесъ въ парламентъ предложеніе «объ адресѣ къ королевѣ съ просьбою вступить въ переговоры съ иностранными державами въ видахъ содѣйствія дальнѣйшимъ успѣхамъ международнаго права и установленія общаго и постояннаго третейскаго суда для рѣшенія международныхъ несогласій» [2]).

---

[1]) Каперство онъ осуждаетъ въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ, видя въ немъ причину дѣлающую войну для многихъ партій популярною и не обинуясь называетъ его морскимъ разбоемъ самаго дурнаго свойства. Никакіе преступники, говоритъ онъ, приговариваемые за грабежъ къ висѣлицѣ, не превосходятъ своею жестокостію эти шайки разбойниковъ, именуемыхъ каперами

[2]) That an humble address be presented to Her Majesty, praying that She will be graciously pleased to instruct Her Principal Secretary of State of Foreign Affairs, to enter into communication with Foreign Powers with

Въ поддержаніе этого предложенія Ричардъ произнесъ большую и блестящую рѣчь, главныя мысли которой заслуживаютъ быть приведенными. Онъ началъ съ того, что указалъ на большое сочувствіе которымъ пользуется предметъ его петиціи не только въ Англіи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Особенную поддержку нашелъ онъ въ средѣ англійскаго духовенства и рабочаго класса. Число рабочихъ, прямо или косвенно заявившихъ ему свое сочувствіе, доходитъ до 1.038,000. Затѣмъ ораторъ рисуетъ мрачными, но вѣрными красками печальное состояніе того вооруженнаго мира, въ которомъ живетъ современное человѣчество [1]). Но не одни капиталы, а и сколько жизней человѣческихъ поглащаются этою пропастью. именуемою войною! Принудительная для всѣхъ воинская повинность представляется Ричарду тяжелылъ деспотизмомъ (a so terrible tyranny). «Народъ, восклицаетъ онъ, проситъ хлѣба, а правительство даетъ ему пули; онъ ищетъ полезнаго образованія, а его ведутъ на военное ученіе; онъ желаетъ имѣть лучшія жилища, чтобы жить въ нихъ приличною семейною жизнью, а его помѣщаютъ въ казармахъ и крѣпостяхъ». Но это положеніе становится еще печальнѣе отъ того, что оно силою вещей должно со временемъ увеличиваться прогрессивно, если не встрѣтитъ рѣшительнаго отпора. Безъ преувеличенія можно сказать, что военныя издержки Европы за послѣднія 30 лѣтъ удвоились и нѣтъ никакого основанія предполагать. при господствѣ нынѣшней системы, чтобы онѣ чрезъ 30 лѣтъ опять не удвоились и т, д. до безконечности. Неужели нѣтъ исхода изъ такого положенія? Сколько времени, денегъ и искусства тратятъ правительства на то, чтобы организовать войну, но неужели не стоитъ, хотя немного, поразмыслить и

---

a view to the further improvement of international Law, and the establishment of a general and permanent system of International Arbitration. *Hansard's* Parliamentary Debates. Vol. CCXVII, p. 52—90. Всѣ пренія 8 іюля приведены также въ назв. *Bulletin*, № 9 (Août 1873).

[1]) Опираясь на изслѣдованія Ларрока (De la guerre et des armées permanentes. 2 édit. 1864), онъ показываетъ, что войско стоитъ европейскимъ народамъ 400 милл. ф. стерл.

потрудиться надъ дѣломъ водворенія мира? Къ сожалѣнію человѣку свойственно оправдывать всѣ свои поступки, даже наименѣе благовидные. Такъ и для этого вооруженнаго мира находятъ оправданіе въ древней латинской поговоркѣ: Si vis pacem para bellum. «Но я позволяю себѣ утверждать, продолжаетъ Ричардъ, что никогда еще легковѣрной толпѣ не высказывали правила столь противорѣчащаго здравому разсудку, нашему знанію человѣческой природы и свидѣтельствамъ исторіи. Мы могли бы, по этой аналогіи, съ такимъ же совершеннымъ правомъ сказать, что, если мы хотимъ предохранить наши жилища отъ огня, мы лучше всего поступимъ, если наполнимъ наши погреба порохомъ, петролеумомъ и спичками и дозволимъ затѣмъ какимъ либо шалунамъ играть у насъ въ жмурки. Развѣ съ этими шалунами нельзя сравнить государей и дипломатовъ Европы, которые ведутъ свою странную игру среди всѣхъ воспламенимыхъ веществъ собранныхъ ими въ одно цѣлое и между тѣмъ увѣряютъ, что они одни составляютъ надежную стражу противъ пожара».

Но недостаточно знать зло и указывать на него; надобно по мѣрѣ силъ, серьезно заняться его врачеваніемъ. «Современный порядокъ вещей, въ силу котораго такъ называемые цивилизованные и христіанскіе народы, едва возникаютъ между ними споры, часто даже маловажные, устремляются къ убійствамъ и грабежу—такой порядокъ является поруганіемъ надъ разумомъ, справедливостью, цивилизаціею и особенно надъ этою религіею любви и мира, которую они, по ихъ словамъ, приняли и восхваляютъ.» Надо найти нѣкоторыя мѣры предосторожности для противодѣйствія случайностямъ, неизбѣжно возникающимъ изъ отношеній между государствами. Разногласія между народами происходятъ, какъ и между отдѣльными лицами часто безо всякой преднамѣренной несправедливости съ той или другой стороны, а изъ недостаточнаго знакомства съ фактами, изъ недомолвокъ или различнаго взгляда на значеніе и объемъ международныхъ обязательствъ и все это осложняется еще односторонностью и невѣрностью воззрѣній всегда возникающими, когда дѣло идетъ о затронутыхъ интересахъ.

Между тѣмъ до сихъ поръ не существуетъ для мирнаго и почетнаго рѣшенія такихъ споровъ правильнаго, всѣми признаннаго и постояннаго суда (stated tribunal). Въ послѣдней инстанціи рѣшаются они все еще мечемъ Но вѣчно такъ быть не можетъ. Народы въ наше время пресыщены войною. Они стонутъ подъ тяжестью военныхъ бюджетовъ и стремятся освободиться отъ нихъ. На этомъ основаніи Ричардъ желаетъ, чтобы *великія державы рѣшились наконецъ сдѣлать нѣкоторые шаги для введенія правильной и постоянной системы международной юрисдикціи* [1]). Нынѣ преобладающая практика обращаться къ третейскому разбирательству послѣ возникновенія несогласій представляетъ много неудобствъ, первоначальный споръ осложняется и обостряется вслѣдствіе взаимныхъ обвиненій дипломатовъ и разгара народныхъ страстей. Иное бы дѣло. если бы третейское разбирательство было облечено въ твердыя правила; оно предупреждало бы тогда множество несогласій въ самомъ зародышѣ. Великая задача закона состоитъ не въ рѣшеніи споровъ, но въ ихъ предупрежденіи. Но международная юрисдикція не мыслима безъ серьознаго улучшенія самого международнаго права. Самое слово «право», говоритъ Ричардъ, въ его строгомъ значеніи, едва ли можетъ быть прилагаемо къ такъ называемому международному праву. Въ самомъ дѣлѣ то, что мы подразумѣваемъ подъ послѣднимъ, есть совокупность обычаевъ и соглашеній, постановленій трактатовъ и рѣшеній призовыхъ судовъ, наконецъ, мнѣній замѣчательныхъ юристовъ, начиная отъ Гроція. Все это, не смотря на свою недостаточную форму, неоспоримо принесло много пользы въ дѣлѣ правильнаго установленія сношеній между государствами, а также уменьшенія и смягченія войнъ. Но всего этого для нашего времени недостаточно, въ чемъ сознаются даже государственные люди, какъ видно изъ предисловія къ парижской декларации 1856 г. «Вся система между-

[1]) What is wanted is that the great Powers of the world should take some steps towards the establishment of something like a regular and permanent system of international jurisdiction.

народнаго права должна быть просмотрѣна, приведена въ порядокъ и внутренюю гармонію» [1]). Для этого ораторъ предлагаетъ, чтобы Англія вступила съ другими державами въ переговоры относительно «созванія международной коммиссіи, которая изучила бы современное положеніе международнаго права и свела бы его къ нѣкоторой цѣльной и ясной системѣ. Въ этомъ настоятельная потребность цивилизаціи.»

Таковы главныя мысли этой рѣчи Ричарда. Онъ очевидно сторонникъ обѣихъ реформъ, столь необходимыхъ въ области международнаго права: постояннаго суда и кодификаціи [2]). Онъ взываетъ въ концѣ своей рѣчи къ Англіи, чтобы «она взяла въ свои руки дѣло упроченія мира на землѣ на твердыхъ

---

[1]) The whole system of International Law requires to be revised and digested and brought into something like consistency and harmony

[2]) Упомянемъ еще о двухъ мѣстахъ его рѣчи Останавливаясь на возраженіи, что примѣры удачнаго третейскаго разбирательства относятся къ маловажнымъ спорамъ, онъ говоритъ, что въ прошлыя времена споры не болѣе важные вели къ продолжительнымъ и кровавымъ войнамъ. Ричардъ осуждаетъ и другой ходячій предразсудокъ будто кажущіяся и признаваемыя причины войны часто не суть настоящія, но что тайныя силы неудержимо влекутъ народы другъ противъ друга. Въ этомъ воззрѣніи онъ видитъ пустой фатализмъ измышленный людьми для прикрытія ихъ собственныхъ дурныхъ страстей либо дѣйствіемъ естественныхъ законовъ, либо волею Провидѣнія. „Человѣкъ, говоритъ онъ, вообще полагаетъ, что его увлекаетъ къ злымъ дѣяніямъ необходимость. Но я не вѣрю въ необходимость дѣлать зло, совершать преступленія. Это грубое, безнравственное и безбожное ученіе“. По отношенію къ новѣйшимъ войнамъ онъ ссылается на авторитетъ столь опытнаго государственнаго человѣка, какъ лордъ Россель, который не могъ найти въ послѣднемъ столѣтіи ни одного спорнаго вопроса, который нельзя было бы рѣшить безъ оружія, если бы стороны обладали достаточною умѣренностію Затѣмъ, говоря о женевскомъ судѣ, Ричардъ высказываетъ даже радость, что его приговоръ состоялся не въ пользу Англіи. „Въ каждомъ процессѣ, замѣчаетъ онъ, рѣшеніе должно быть направлено противъ одной изъ сторонъ. Неблагопріятный же для нашего отечества приговоръ женевскаго суда далъ его гражданамъ превосходный случай показать міру ихъ уваженіе къ закону и готовность повиноваться рѣшенію суда, даже противорѣчащему ихъ собственнымъ интересамъ.“

основахъ закона и справедливости [1]). Не въ кровавыхъ дѣяніяхъ слава христіанскаго народа. Даже допуская это, слѣдуетъ сознаться, что Англія въ прошломъ такъ богата ими, что можетъ удовлетворить вкусу наиболѣе прихотливому по отношенію къ военной славѣ. Настоящая честь Англіи въ томъ, что она произвела и укрѣпила въ политической области свободу и порядокъ. Она расторгла цѣпи невольниковъ, даровала освобожденіе порабощеннымъ и стремится принести благословенія цивилизаціи и христіанства всѣмъ народамъ до отдаленнѣйшихъ предѣловъ земли» [2]).

Ричарду отвѣчалъ въ качествѣ перваго министра *Гладстонъ*. Подобно Пальмерстону, онъ нашелъ его предложеніе преждевременнымъ и для дѣла скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ, Мысль, защищаемая Ричардомъ, по его мнѣнію, принадлежитъ небольшому кружку людей и не достаточно проникла еще въ общественное мнѣніе и въ европейскіе кабинеты. Поэтому народамъ слѣдуетъ лишь рекомендовать пока оканчивать свои несогласія вообще мирными способами. За примѣрами, продолжалъ онъ, нечего ходить далеко. Что вызвало непосредственно войну 1870 г? Кандидатура Гогенцолерна на испанскій престолъ въ связи съ господствовавшимъ тогда во Франціи убѣжденіемъ о нанесеніи ея представителю личнаго оскорбленія. Говоря отвлеченно едва ли можно было найти другой вопросъ болѣе подходившій къ разрѣшенію третейскимъ судомъ. Эту точку зрѣнія и заняло Великобританское правительство въ своихъ тогдашнихъ переговорахъ съ Германіею и Франціею. Не смотря на спѣшность минуты, оно напомнило обѣимъ державамъ о парижскомъ трактатѣ и о томъ, что онѣ одобрили въ принципѣ третейское разбирательство, которое такъ удобно могло быть приложено къ ихъ тогдашнему спору [3]).

[1]) To take the first steps towards establishing peace on sure and firm foundations—foundations of law and jurisprudence.

[2]) Конечно съ этимъ утвержденіемъ далеко нельзя согласиться, если вспомнить Ирландію, Славянъ, Китай и т. д.

[3]) Ораторъ смѣшиваетъ тутъ третейское разбирательство съ посредничествомъ.

Но всѣ мы знаемъ результатъ этихъ переговоровъ. Другой примѣръ: принятіемъ трехъ правилъ Вашингтонскаго договора мы сдѣлали бы шагъ впередъ по пути, указываемому Ричардомъ. Но при ихъ толкованіи возникли разногласія, и излишняя поспѣшность въ этомъ дѣлѣ легко можетъ повести къ взаимной зависти и реакціи. Гладстонъ полагаетъ, что палатѣ слѣдуетъ отклонить предложеніе Ричарда.

Ему отвѣчалъ *Лаусонъ* (Lawson). Выразивъ свое удивленіе, что Гладстонъ, прославляя идею Ричарда, высказался въ то же время противъ нея, онъ замѣтилъ, что существующія международныя сношенія могутъ быть по справедливости названы международною анархіею. Каждый народъ слѣдуетъ своему закону. Нѣтъ высшаго закона, который опредѣлялъ бы кто правъ и кто виноватъ, а мы знаемъ изъ частной жизни, что сдѣлалось бы, если бы каждый изъ насъ, въ дѣлахъ до него касающихся былъ бы въ одно и то же время судьей, присяжнымъ и судебнымъ приставомъ. Великое, даже единственно-серьезное возраженіе противъ международнаго третейскаго суда заключается въ вопросѣ о силѣ долженствующей приводить въ исполненіе рѣшенія этого суда. Но и въ этомъ дѣлѣ, какъ во всякомъ другомъ вопросѣ публичной жизни, необходимо создать въ пользу его общественное мнѣніе, которое есть главный двигатель событій. Принятіе же парламентомъ предложенія Ричарда повело бы именно къ выясненію и развитію общественнаго мнѣнія на счетъ этого вопроса. На возраженіе, что иностранные дворы вѣроятно не приняли бы предложенія Англіи въ этомъ смыслѣ, Лаусонъ говоритъ, что лучше сдѣлать попытку даже неудачную, нежели вовсе не дѣлать ея. Отвѣтственность падаетъ на того, кто не принимаетъ разумнаго предложенія, а никакъ не на того, кто его дѣлаетъ. Въ заключеніе онъ высказался за опущеніе послѣднихъ словъ въ предложенномъ адресѣ.

Лордъ *Энфильдъ* послѣ этихъ рѣчей предложилъ отсрочить пренія, но нижняя палата большинствомъ 10 голосовъ (98 противъ 88) приняла адресъ Ричарда.

На него отъ 17 іюля послѣдовалъ отвѣтъ королевы, въ

которомъ она говоритъ, что цѣнитъ вызвавшія его побужденія человѣколюбія и что она всегда старалась своимъ словомъ и примѣромъ содѣйствовать окончанію споровъ между народами безпристрастнымъ рѣшеніемъ дружественныхъ державъ, равно какъ и проведенію въ международную жизнь правилъ согласныхъ съ пользою всѣхъ. По этому пути она готова слѣдовать и впредь на сколько ей дозволятъ каждый разъ время и обстоятельства.

Нельзя не видѣть въ этомъ весьма эластичномъ отвѣтѣ скорѣе уклоненіе отъ поставленнаго вопроса, нежели его рѣшеніе. Даже вмѣсто третейскаго разбирательства упоминается просто о посредничествѣ.

Тѣмъ не менѣе примѣръ поданный англійскимъ парламентомъ оказалъ дѣйствіе и на континентѣ Европы.

3. Ранѣе всѣхъ послѣдовала ему Италія [1]). Въ томъ же 1873 г., 24 ноября, *Манчини* сдѣлалъ нижней палатѣ слѣдующее предложеніе: «Палата выражаетъ желаніе, чтобы правительство короля, въ своихъ сношеніяхъ съ другими народами, стремилось сдѣлать третейское разбирательство общепризнаннымъ и обыкновеннымъ средствомъ для рѣшенія, согласно съ справедливостью, международныхъ споровъ, способныхъ для такого рѣшенія;—чтобы оно далѣе предложило, при удобныхъ случаяхъ, вводить въ договоры условіе о томъ, чтобы разногласія относительно ихъ толкованія и исполненія рѣшались третейскими судьями;—и чтобъ оно продолжало идти по пути, на который такъ хорошо вступило нѣсколько лѣтъ тому назадъ и заключало договоры съ другими народами для сообщенія, въ интересахъ договаривающихся сторонъ, единства и обязательной силы основнымъ принципамъ частнаго международнаго права» [2]).

---

[1]) Еще въ 1871 г. *Морелли* предложилъ итальянскому парламенту высказаться въ пользу созданія международнаго, амфиктіоннаго суда. (Revue, 1873, p. 474 ср. *Prerantoni* Н. с. стр. 555).

[2]) La Camera esprime il voto che il Governo del Re nelle relazioni straniere si adoperi a rendere l'Arbitrato mezzo accettato e frequente per

Сравнивая это предложеніе съ адресомъ Ричарда, мы видимъ, что оно строго держится предѣловъ существующей практики и, не высказывая никакихъ новыхъ желаній, имѣетъ лишь въ виду болѣе частое обращеніе въ международныхъ распряхъ къ третейскому суду, впрочемъ не стѣсняя свободы дѣйствій правительства. Послѣдняя часть этого предложенія касается совершенно самостоятельнаго вопроса кодификаціи частнаго международнаго права. Для поддержанія своего проекта Манчини произнесъ рѣчь [1]), въ которой указалъ сперва на древнее происхожденіе третейскаго разбирательства въ публичной области и на событія, выдвинувшія вопросъ о немъ въ наше время на первый планъ. Затѣмъ онъ старался выяснить практическій характеръ защищаемой имъ реформы. Принятіе государствами условія о компромиссѣ вовсе не обозначаетъ абсолютнаго уничтоженія войны и водворенія вѣчнаго мира. Какъ ни желательно уничтоженіе этого бича, называемаго войною, но онъ полагаетъ, что этого нельзя достигнуть разсужденіями юристовъ или постановленіями палатъ. Можно только надѣяться, что медленные, но постоянные успѣхи идей и нравовъ въ современномъ обществѣ, сдѣлаютъ со временемъ войну также невозможною какъ пытку или рабство. Впрочемъ Манчини не осуждаетъ безразлично всякую войну. Онъ признаетъ законность и даже святость войны оборонительной, т. е. такой, въ которой народъ напрягаетъ всѣ свои силы для отстоянія своей независимости и для отраженія чужеземнаго нашествія и ига. Онъ не полагаетъ, чтобы третейскому

---

risolvere, secondo giustizia, le controversie internazionali nelle materie suscettive d'arbitramento;—proponga, nelle occasioni opportune, d'introdurre nella stipulazione dei Trattati la clausola di deferire ad Arbitri le questioni che sorgessero nella interpretazione ed esecuzione dei medesimi;—e voglia perseverare nella benemerita iniziativa, da più anni da esso assunta, di promuovere convenzioni tra l'Italia e le altre nazioni civili per rendere uniformi ed obbligatorie, nell'interesse dei popoli rispettivi, le regole essenziali del Diritto Internazionale Privato.— Rendiconti del Parlamento italiano. Sessione del 1873—74 2 edizione. Discussioni della camera dei deputati Vol. I, p 27—36.

[1]) Она хорошо резюмирована въ Revue; 1874, p. 172.

суду подлежало рѣшеніе всѣхъ споровъ между государствами и даже такихъ, въ которыхъ замѣшаны ихъ основныя или, какъ онъ выражается, абсолютныя права на существованіе, независимость и національную неприкосновенность. Манчини не безъ намѣренія говоритъ только о вопросахъ способныхъ быть рѣшенными третейскимъ судомъ. Сюда онъ относитъ: споры объ истолкованіи и примѣненіи договоровъ, о границахъ, въ коихъ они были нарушены, о нанесеніи оскорбленій и слѣдуемыхъ за это вознагражденій и т. д. Большая часть споровъ между государствами вращается около этихъ пунктовъ. Словомъ Манчини считаетъ возможнымъ условіе о компромиссѣ въ конвенціяхъ торговыхъ, консульскихъ, почтовыхъ, о выдачѣ преступниковъ и т. п.

Ему отвѣчалъ министръ иностранныхъ дѣлъ *Висконти—Венеста*. Онъ отозвался объ его предложеніи лестно назвавъ его самою практическою формулою изъ всѣхъ предложеній подобнаго рода, сдѣланныхъ до сихъ поръ предъ какимъ либо конгрессомъ или политическимъ собраніемъ. Сдѣлавъ оговорку съ цѣлію сохранить за правительствомъ свободу обсужденія и дѣйствія, онъ вполнѣ одобрилъ основной принципъ рѣчи Манчини и выразилъ надежду, что развитіе либеральныхъ учрежденій создастъ между народами новую гарантію мира, потому что эти учрежденія воспитываютъ въ людяхъ чувство справедливости.

Послѣ немногихъ также сочувственныхъ словъ Бозелли, дальнѣйшихъ преній не было и приступлено къ голосованію. Оказалось, что палата приняла предложеніе Манчини *единогласно*.

4. Общество друзей мира въ Голландіи обратилось въ 1873 г. къ министру иностранныхъ дѣлъ съ просьбою, чтобы онъ, въ виду успѣха предложенія Ричарда въ англійскомъ парламентѣ, также поддержалъ бы идею третейскаго суда. Министръ отвѣчалъ на это, что онъ считаетъ указанный шагъ англійской палаты общинъ весьма важнымъ и что если какое либо подобное приглашеніе будетъ сдѣлано правительству короля,— напр. со стороны Англіи о совмѣстномъ съ нею дѣйствіи въ видахъ упроченія мира—оно серьезно займется имъ.

Этотъ отвѣтъ вызвалъ объясненія въ палатѣ 19 ноября 1873. Два члена названнаго общества, Van Eck и Bredius, заявили, что, по ихъ мнѣнію, правительство должно само, не ожидая приглашенія Англіи, взять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ. На это возразили два другіе члена, что они не видятъ особой пользы въ такомъ шагѣ, а министръ остался при своемъ прежнемъ мнѣніи [1]).

Но дѣло этимъ не кончилось. По предложенію тѣхъ же лицъ палата, 27 ноября 1874 г., приняла, 35 голосами противъ 30, рѣшеніе весьма близко подходящее къ резолюціи итальянскаго парламента [2]). При обсужденіи бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ, 5 декабря 1878 г.. тотъ же самый Ван-Эккъ выразилъ сожалѣніе, что, не смотря на желаніе палаты, правительство, при заключеніи многихъ новыхъ договоровъ, совершенно не обратило на него вниманія и дѣйствовало какъ будто здѣсь ничего не было сказано. Чѣмъ это объяснить? Нельзя считать принципъ третейскаго суда неосуществимымъ. Достаточно прислушаться къ общественному мнѣнію за эти послѣдніе годы; ученыя корпораціи и съѣзды, извѣстные дипломаты—всѣ убѣждены въ истинѣ этого принципа и говорятъ: дѣло возможно, лишь бы оно было начато. Или мы хотимъ укрыться за постыдный предлогъ, что въ качествѣ небольшаго народа насъ никто не захочетъ слушать? Но именно небольшіе народы болѣе всѣхъ заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. Они должны по своему безсилію особенно опасаться войны и на нихъ падаетъ прямая обязанность взяться за дѣло укрѣпленія мира. Ораторъ полагаетъ, что его слова будутъ

---

[1]) Revue, 1874, p. 129.

[2]) La Chambre exprime le voeu que le Gouvernement négocie avec les Puissances étrangères en vue d'obtenir que l'arbitrage devienne le moyen reçu pour le réglement de tous les différends internationaux entre nations civilisées relatifs à des matières susceptibles d'arbitrage; et que, en attendant l'accomplissement de cet objet, le Gouvernement s'efforce, dans toutes les conventions à conclure avec d'autres Etats, de stipuler que tous les differends capables d'une pareille solution seront soumis à l'arbitrage. (Revue, 1875; p. 80).

наконецъ уважены правительствомъ, которое остается либеральнымъ въ той мѣрѣ, въ какой оно дѣлаетъ своимъ верховнымъ желаніемъ благосостояніе управляемаго имъ народа.

На эту рѣчь министръ иностранныхъ дѣлъ (van Heeckeren van Kell) подтвердилъ, что правительство вовсе не отказалось отъ рѣшенія вопроса поднятаго Ван-Эккомъ, но приступитъ къ этому при первой возможности [1]).

5. Въ 1874 г., 21 марта, нижняя палата въ Швеціи по иниціативѣ Jonas Jonassen приняла 71 голосомъ противъ 64 адресъ къ королю съ просьбою, чтобы «онъ оказалъ свое содѣйствіе всякимъ попыткамъ къ учрежденію постояннаго третейскаго суда для улаженія международныхъ распрей» [2]).

6. Не много позднѣе въ этомъ же смыслѣ высказались обѣ палаты въ Бельгіи. Нижняя палата по иниціативѣ Куврера и Тониссена приняла 20 января 1875 г. 81 голосомъ резолюцію, въ которой рекомендуетъ не только распространеніе третейской практики, но и принятіе нѣкоторыхъ опредѣленныхъ правилъ относительно устройства и дѣйствія третейскихъ судовъ [3]). 17-го февраля по предложенію M.'t Kint de Roodenbeke сенатъ высказался за эту резолюцію единогласно.

---

[1]) Revue, 1878; p 661.

[2]) That the Diet is desirous of presenting a humble address to His Majesty to pray that on all occasions when foreign Powers either with Sweden or amongst themselves, shall open negotiations concerning the establishment of Permanent Courts of Arbitration with a view to conciliate international differences, His Majesty would be pleased to give the same his support. *Marcoartu*, Internationalism, p. 38.

[3]) La Chambre exprime le voeu de voir étendre la pratique de l'arbitrage entre les peuples civilisés à tous les différends susceptibles d'un jugement arbitral.

Elle invite le gouvernement à concourir, à l'occasion, à l'établissement des règles de la procédure à suivre pour la constitution et le fonctionnement des arbitres internationaux.

Le gouvernement, chaque fois qu' il jugera pouvoir le faire sans inconvénient, s'efforcera, en négociant des traités, de faire admettre que les différends qui pourraient surgir quant à leur exécution seront soumis à une décision d'arbitres. (Revue, 1875, p. 80, сл.).

Противъ 81 голоса только двое воздержались отъ мнѣнія. Это согласіе, замѣчаетъ Пьерантони, заслуживаетъ тѣмъ большее уваженіе, что въ Бельгіи политическія партіи, другъ къ другу весьма враждебны и уравновѣшены въ численномъ отношеніи (тамъ же, стр. 606).

Роленъ-Жекменъ считаетъ ее наиболѣе практичною между всѣми подобными предложеніями. Она опредѣляетъ характеръ третейскаго суда, говоря, что онъ долженъ быть учреждаемъ между образованными народами и разбирать лишь такіе споры. которые подлаются (sont susceptibles) его рѣшенію. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ видѣть въ немъ какое-то универсальное средство противъ всѣхъ недуговъ международнаго быта. Есть вопросы по своему характеру совершенно не поддающіеся его рѣшенію; таковы всѣ споры связанные съ національною честью и независимостью народовъ. На это указалъ уже Манчини въ итальянскомъ парламентѣ.Кромѣ того бельгійская резолюція выдается еще тѣмъ, что она ставитъ на видъ необходимость признанія нѣкоторыхъ правилъ судопроизводства для этихъ судовъ. Кувреръ обратилъ вниманіе палаты на труды въ этомъ отношеніи Института и особенно на проектъ составленный Гольдшмидтомъ. «Не безъ причины, сказалъ онъ, Институтъ. въ обширной области кодификаціи международнаго права, началъ съ правилъ судопроизводства въ третейскихъ судахъ».

Пренія въ бельгійской палатѣ вращались главнымъ образомъ около вопроса о практическомъ значеніи компромисса между государствами: кого избирать въ третейскіе судьи? по какимъ правиламъ они будутъ судить? Желая ослабить возраженія нѣкоторыхъ противниковъ, Тониссенъ высказалъ самыя странныя и невѣрныя мысли о юридическомъ значеніи третейскаго разбирательства. Въ международномъ быту оно, по его словамъ, въ противуположность тому, что мы видимъ въ гражданскомъ обществѣ, носитъ характеръ простой попытки примиренія народовъ въ ихъ взаимныхъ спорахъ. Послѣдніе всегда могутъ по своему усмотрѣнію принять или отвергнуть третейское рѣшеніе. Роленъ-Жекменъ указываетъ на несостоятельность этого мнѣнія. «Конечно, говоритъ онъ, государства, обратившіяся къ третейскому суду, имѣютъ полное право, послѣ его рѣшенія, изслѣдовать на сколько это рѣшеніе юридически дѣйствительно, т. е. было ли разбирательство правильно, оставались ли судьи въ границахъ компромисса и т. п. и вотъ почему, для доставленія сторонамъ возможности

удостовѣриться по всѣмъ этимъ вопросамъ и исправить могущія возникнуть тутъ ошибки,—необходимо установить для третейскихъ судовъ извѣстныя правила производства. Но затѣмъ рѣшеніе ихъ правильно состоявшееся должно считаться окончательнымъ и не подлежащимъ никакому дальнѣйшему пересмотру. Это стоитъ въ международномъ правѣ, также какъ и въ гражданскомъ, внѣ всякаго сомнѣнія. Воззрѣніе же подобное тому, которое высказалъ Тониссенъ, смѣшиваетъ право съ силою и обращаетъ третейскій судъ въ простое посредничество, что онъ и сдѣлалъ въ своей рѣчи.»

Свою теорію Тониссенъ старался оправдать ссылками на дѣйствительную жизнь. За послѣднія 13 лѣтъ, сказалъ онъ, мы видимъ много примѣровъ третейскаго разбирательства международныхъ несогласій. Онъ насчитываетъ ихъ до 22 и въ 21 случаѣ стороны предоставили себѣ право свободнаго обсужденія состоявшихся рѣшеній и лишь послѣ этого онѣ приняли оныя къ исполненію. Рѣшеніе женевскаго суда въ алабамскомъ дѣлѣ, по мнѣнію оратора, не имѣло само по себѣ обязательной силы. Америка и Англія подвергли его свободнѣйшему обсужденію и лишь послѣ точно выраженнаго согласія обѣими сторонами оно могло вступить въ законную силу. И теорія и практика, говоритъ Роленъ-Жекменъ, свидѣтельствуютъ противъ этого ученія тѣмъ болѣе страннаго, что оно принадлежитъ извѣстному публицисту и профессору въ Лувенскомъ университетѣ. Спеціально по отношенію къ алабамскому дѣлу мы не видимъ, чтобы стороны приписали себѣ право свободнаго обсужденія самого рѣшенія, т. е. даже произвольнаго его непринятія. Напротивъ палата общинъ утвердила единогласно уплату Англіею присужденной суммы въ 3.200,000 ф. стерл. сперва въ коммиссіи 24 мая 1873, а потомъ два дня спустя въ полномъ засѣданіи. Многіе ораторы осуждали 26 мая въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ дѣйствія правительства и условія компромисса, которыя могли повести къ такой отвѣтственности. Но къ чести Англіи слѣдуетъ сказать, что ни одинъ изъ нихъ не высказалъ даже мысли объ уклоненіи отъ самой отвѣтственности. Никто не поднялъ вопроса о томъ были ли

судьи въ правѣ, какъ съ юридической, такъ и съ фактической стороны. На самомъ дѣлѣ рѣшеніе третейскаго суда въ этомъ случаѣ не подверглось обсужденію. Критика же была направлена противъ правительственной дипломатіи, сдѣлавшей такой результатъ возможнымъ. И это обстоятельство тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что извѣстное мнѣніе Александра Кокборна въ сущности выражало только чувство, одушевлявшее большинство англійскаго парламента и народа. При закрытіи сессіи 5 августа 1873 г. англійская королева между прочимъ выразила свою благодарность палатѣ общинъ за то, что она «дала ей возможность исполнить обязательства возложенныя на нее рѣшеніемъ женевскаго суда.»

Изъ этого очерка мы видимъ, что до сихъ поръ въ пользу третейскихъ судовъ высказались палаты двухъ въ политическомъ отношеніи передовыхъ странъ, С. Штатовъ и Англіи и нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствъ (а также и Италіи). Напротивъ объ этомъ хранятъ молчаніе законодательныя собранія тѣхъ великихъ державъ, которыя именно болѣе всего угрожаютъ обще-европейскому миру: Германіи, Франціи и Австріи. Это легко объясняется современнымъ положеніемъ ихъ политическихъ дѣлъ. Въ палатахъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ (напр. Саксоніи, Вюртембергѣ и т. д.), въ рейхстагѣ бывшаго сѣверогерманскаго союза были дѣлаемы въ 1870 г. предложенія о разоруженіи [1]). Они повторяются на нашихъ глазахъ и въ рейхстагѣ германской имперіи. Но въ сущности они остаются одними теоретическими протестами противъ удручающихъ народъ финансовыхъ тягостей безъ всякаго практическаго послѣдствія [2]). Изъ одного частнаго письма, члена германскаго рейхстага г. Дуккера, мы узнаемъ, что онъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Циммерма-

---

[1]) Revue; 1870, p. 324.

[2]) Предложенія *Бюлера* о необходимости приступить къ разоруженію $\frac{27\text{ февраля}}{11\text{ марта}}$ 1879 г. и 10 апрѣля 1880 г. отвергнуты рейхстагомъ безъ преній. Также поступилъ австрійскій рейхсратъ 23 марта 1870 г. съ подобнымъ ходатайствомъ Майргофера.

номъ, говорилъ въ рейхстагѣ 2 и 13 апрѣля 1878 г. о необходимости международныхъ судовъ. Онъ высказываетъ при этомъ намѣреніе вступить въ сношенія съ членами другихъ палатъ, потому что именно «эти собранія призваны осуществить столь великія идеи» [1]).

Во Франціи мы также встрѣчаемъ однѣ неудачныя попытки. Еще въ 1849 г., 12 января, Буве (Bouvet) просилъ національное собраніе, чтобъ оно позаботилось о созваніи конгресса въ видахъ разоруженія и учрежденія третейскихъ судовъ долженствующихъ замѣнить войну. Назначенная для разсмотрѣнія этого проекта коммиссія, хотя и нашла, что обѣ указанныя въ немъ реформы «соотвѣтствуютъ требованіямъ здраваго смысла», но высказалась противъ инціативы Франціи «въ виду тогдашняго тревожнаго положенія Европы». [2]) Въ 1879 г. въ палату депутатовъ поступила петиція отъ большинства населенія Ронскаго департамента, въ которой они просятъ, чтобы палаты пригласили правительство открыть переговоры съ иностранными государствами объ учрежденіи международнаго третейскаго суда (pour l'etablissement d'un tribunal international d'arbitres). Коммиссія петицій, одобривъ чувства выраженныя въ этомъ ходатайствѣ, отклонила его на томъ основаніи, что нашла его еще преждевременнымъ. «Идея эта проникаетъ въ умы. Печать, съѣзды и общества призваны распространять ее все болѣе и болѣе». Таковъ общій выводъ коммиссіи [3]).

---

[1]) Bulletin de la Soc. franç. des amis de la Paix. 2 série; T. II, № 3, p 101.

[2]) Report of the proceedings of the second general peace congress held in Paris. London, 1850, p. 2.—Въ своемъ сочиненіи La guerre et la Civilisation Буве высказывается также въ пользу международной юрисдикціи.

[3]) Revue; 1880, p. 127.—Мы должны отмѣтить еще такую же неудачную попытку въ Даніи. 18 марта 1875 г три члена фолькстинга внесли въ риксдагъ предложеніе о томъ, „чтобы правительство позаботилось объ открытіи европейскаго третейскаго суда для рѣшенія споровъ между народами.“ Коммиссія, изучившая эту петицію, видоизмѣнила ее въ томъ смыслѣ, что палата надѣется, что правительство, если представится удобный случай для введенія такого суда, присоединится къ усиліямъ

Какъ ни натянуты политическія отношенія Европы въ наши дни, но мы твердо убѣждены, что и великія военныя державы въ близкомъ будущемъ присоединятся къ этому постоянно возрастающему движенію въ пользу права и мира. Не согласятся же европейскіе народы жить вѣчно въ лагерѣ.

III.

Современная теорія.

1. Понятіе — 2. Заключеніе компромисса: его предметъ — 3. Составъ третейскаго суда.— 4. Порядокъ судопроизводства.— 5. Рѣшеніе.— 6. Обжалованіе рѣшенія.— 7. Общія замѣчанія

Ученіе о третейскомъ судѣ перенесено въ международное право изъ области права гражданскаго. Еще римскіе юристы, въ періодъ классической юриспруденціи, дали ему ту законченную и стройную разработку, въ которой оно достигло до насъ. Третейскіе суды, какъ *частные*, получили самостоятельную организацію и дѣятельность въ отличіе отъ судовъ *государственныхъ* [1]). Чрезъ римское право это ученіе перешло затѣмъ съ бо́льшими или меньшими уклоненіями и въ новѣйшія законодательства [2]).

необходимымъ для сей цѣли. Но и эти заключенія по причинѣ закрытія сессіи не подверглись обсужденію. Петерсенъ, авторъ монографіи о третейскомъ судѣ на датскомъ языкѣ, говоритъ, что публика въ Даніи считаетъ эту идею утопіею, смѣшивая ее съ мечтой о вѣчномъ мирѣ Такъ еще сильны предразсудки на ея счетъ! (Revue; 1876, p. 167).

[1]) Дѣльную, по источникамъ, монографію объ этомъ написалъ *Weizsacker:* Das Romische Schiedsrichteramt unter Vergleichung mit dem officium judicis. 1879.

[2]) Code de proc. civ Art 1003—1028.—Италіянскій уставъ гражд. судопр. ст. 1103—1135.— Civilprocessordnung fur das Deutsche Reich, Art. 851—872.—Св. Зак. (изд. 1857) Т X, ч. II; ст. 1138—1215 — Уставъ гражд. судопр. ст. 1367—1400. Русское право и вслѣдъ за нимъ русскіе юристы называютъ членовъ третейскаго суда—*частными посредниками,* а не *судьями.* Мы не слѣдуемъ этой терминологіи, потому что

Въ международной области доселѣ нѣтъ организованной юстиціи; третейскіе суды призваны положить ей первое прочное основаніе. Но съ другой стороны, очевидно, невозможно строить ихъ исключительно на началахъ гражданскаго процесса: этому противорѣчатъ всѣ условія международнаго быта. Здѣсь не удалось пока поставить третейское разбирательство на почву положительнаго законодательства и установить внутреннюю связь между нимъ и остальными способами рѣшенія споровъ между народами.

Писатели по международному праву, [1]) со временъ Гроція [2]) и Ваттеля, хотя и говорятъ о третейскомъ судѣ, но какъ бы мимоходомъ и весьма коротко. Не только Мартенсъ и Клюберъ, но и большинство изъ новѣйшихъ авторитетовъ посвящаютъ ему очень мало вниманія. Иначе и не могло быть, покуда жизнь давала для его изученія и разработки самый скудный матеріалъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря друзьямъ мира, въ пользу его возникло и стало расти движеніе въ

она ведетъ, въ области международнаго права, къ смѣшенію двухъ различныхъ понятій: посредничества (médiation) и третейскаго разбирательства (arbitrage). Впрочемъ и по отношенію къ гражданскому праву указанная терминологія не точна.

[1]) Они перечисляются у *Кальво*, назв. соч. II, 594—Къ этому прибавимъ русскихъ: *Стоянова*, н. с. стр. 562—582, *Иванова*, н. с. стр. 24—29 и *Храбро-Василевскаго*, о международномъ третейскомъ судѣ (въ протоколахъ Петерб. Юрид. Общ. за 1880 г. въ Журн. гражд. и угол. права, 1881 г. кн. 2; стр. 1—40).—Съ точки зрѣнія гражданскаго права: *Вицынъ*, Третейскій судъ по русскому праву. Москва. 1856 г.

[2]) Гроцій упоминаетъ о третейскомъ судѣ въ двухъ главахъ своего сочиненія: De jure belli ac pacis. Въ одной изъ нихъ (Lib. II, c. 23; § 6—9) онъ видитъ въ немъ одинъ изъ трехъ способовъ для *предотвращенія* войны (Tres autem, говоритъ онъ, sunt modi, quibus vitari potest, ne controversiae in bellum erumpant. Primum est colloquium... Alterum est inter eos, qui communem judicem nullum habent, compromissum.. Tertia ratio est per sortem). При этомъ онъ добавляетъ, что сей способъ особенно приличествуетъ христіанскимъ государствамъ (maxime autem Christiani reges et civitates tenentur hanc inire viam ad arma vitanda).— Въ другомъ мѣстѣ (L III, c. 20; § 46) онъ говоритъ о третейскомъ судѣ какъ о способѣ *окончанія* войны. (*Храбро-Василевскій*, назв. ст.).

различныхъ обществахъ и даже палатахъ, съ тѣхъ поръ какъ признана польза условій о компромиссѣ въ трактатахъ—наука, въ свою очередь, не могла не откликнуться на это движеніе. Не только такіе писатели какъ Гефтеръ, Блюнчли и Кальво [1]) пытаются выяснить сущность и объемъ третейскихъ судовъ въ международной области, но и множество монографій почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ явилось о нихъ [2]). Онѣ были вызваны главнымъ образомъ счастливымъ рѣшеніемъ алабамскаго дѣла женевскимъ судомъ. Въ наше время замѣчается не только большая склонность между государствами заключать компромиссы, но и подводить ихъ подъ извѣстныя юридическія начала, отчасти взятыя изъ гражданскаго права, отчасти согласованныя съ природою вещей и характеромъ политическихъ отношеній. Практика третейскаго разбирательства не можетъ установиться, если съ общаго согласія не будутъ выработаны основныя, руководящія для нея начала. Это вѣрно подмѣтилъ, какъ указано выше, Институтъ международнаго права, начавъ свою дѣятельность съ выработки проекта *устава для международныхъ третейскихъ судовъ*. Въ основаніе этого

---

[1]) Эти писатели заслуживаютъ особеннаго вниманія въ теоретическомъ отношеніи. Кальво въ 3-мъ изд. своего сочиненія переработалъ совершенно и очень расширилъ отдѣлъ относящійся къ третейскому суду, присоединивъ къ нему подробный историческій очеркъ, особенно для новаго времени, и богатыя указанія на литературу. Вмѣсто *семи* страницъ втораго изданія (1870; I, 790—797) онъ отводитъ въ третьемъ *пятьдесятъ* страницъ (1880; II, 545—595). Такъ увеличился матеріалъ научный и положительный за послѣднее десятилѣтіе!

[2]) Наиболѣе важны: *Bulmerincq,* Schiedsspruch въ Rechtslexikon Гольцендорфа, 3-е изд. 1881; Liefer. 31 und 32, S. 554—556.—*Pierantoni,* Gli arbitrati internazionali e il trattato di Washington. Napoli. 1872 (весьма хорошая монографія; лучшій историческій очеркъ, стр. 52—85).—*Paretti,* Degli arbitrati internazionali Torino. 1875 —*Lucas,* De la substitution de l'arbitrage à la voie des armes pour le règlement des conflits internationaux (въ Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. 1873; septembre—octobre; p. 415—478.—*Rouard de Card,* L'arbitrage international dans le passé, le présent et l'avenir 1877. Собственно теоретическая часть (стр. 49—56) поверхностна и коротка

устава легъ *трудъ Гольдшмидта* [1]), представляющій безспорно лучшій и самый полный сводъ всего, что до сихъ поръ сдѣлано жизнію и наукою по этому важному вопросу.

Проектъ Гольдшмидта распадается на пять частей, излагаемыхъ въ 34 статьяхъ: 1. заключеніе компромисса (ст. 1—4); 2. образованіе третейскаго суда (ст. 5—15); 3. порядокъ дѣлопроизводства (ст. 16—21); 4. постановленіе рѣшенія (ст. 22—31) и 5. обжалованіе его (ст. 32—34).

Не менѣе самихъ статей интересны замѣчанія къ нимъ, представляющія намъ какъ-бы мотивы. Вездѣ высказывается глубокое знакомство автора съ сравнительнымъ положительнымъ правомъ и его практическій умъ. Руководящими началами для него послужили: практика международнаго права, доселѣ не особенно обильная, и юридическіе принципы, управляющіе третейскимъ судомъ въ различныхъ цивилизованныхъ странахъ. Но послѣдними, замѣчаетъ, онъ, слѣдуетъ пользоваться осмотрительно: они не во всѣхъ государствахъ одинаковы и кромѣ того компромиссъ въ международномъ правѣ нуждается въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ нормахъ, такъ какъ надъ выполненіемъ его не надзираетъ никакая высшая власть, стоящая, какъ въ гражданскомъ обществѣ, надъ сторонами и судьями. Предъ различными системами гражданскихъ законовъ, Гольдшмидтъ даетъ предпочтеніе римскому праву, особенно въ періодѣ его классическаго развитія, находя его начала наиболѣе соотвѣтствующими самой природѣ третейскаго суда вообще.

I.

Понятіе.

Международный третейскій судъ возникаетъ, какъ и гражданскій, по добровольному соглашенію сторонъ, называемому *компромиссомъ*, въ которомъ онѣ предоставляютъ разсмотрѣть и рѣшить ихъ несогласія, возникшія или могущія возникнуть, третьему безпристрастному государству, лицу или учрежденію.

---

[1]) Projet de règlement pour tribunaux arbitraux internationaux. Revue; 1874, p. 421—452.

Писатели единогласно видятъ въ третейскомъ разбирательствѣ не посредничество или попытку примиренія, а *юридическій способъ* рѣшенія несогласій *между сторонами* [1]. Если это вѣрно по отношенію къ гражданскому праву, то нѣтъ никакого основанія въ международномъ не признавать этого положенія. «Третейскій судья по римскому праву, говоритъ Вейцсекеръ, получалъ свои полномочія отъ сторонъ, но въ качествѣ *судьи* онъ былъ независимъ отъ ихъ воли, стоялъ надъ ними и имѣлъ право имъ приказывать. Не подвластный сановнику, какъ judex, онъ былъ безотвѣтственъ. Стороны отдавали себя въ его руки, независимо отъ того будетъ ли его рѣшеніе справедливымъ или нѣтъ» [2]. Третейское разбирательство, читаемъ мы у Далло, есть юрисдикція, а подъ этимъ словомъ мы разумѣемъ двоякое право: вѣдать тяжбы и оканчивать ихъ судебнымъ рѣшеніемъ [3].

Съ этимъ же воззрѣніемъ встрѣчаемся мы и у писателей по международному праву: еще Мартенсъ замѣтилъ, что третейское рѣшеніе «est puisée dans les principes du droit et est obligatoire pour les deux parties» [4], а Клюберъ называетъ этотъ способъ рѣшенія споровъ юридическимъ (voie de justice) [5]. Третейскій судъ въ международной области, читаемъ мы у Роленъ-Жекмена, возникаетъ совершенно такъ же какъ и въ гражданской, въ силу *договора* между сторонами, который обращается для нихъ въ *законъ*. Въ компромиссѣ онѣ передаютъ сообща одному, или нѣсколькимъ лицамъ, называемымъ третейскими судьями, порученіе и власть рѣшить извѣстные

---

[1]) Исключеніе составляетъ развѣ нашъ Уст. Гражд Суд. Предоставивъ „третейскому суду постановлять рѣшеніе по совѣсти“ (ст. 1387) и устранивъ „рѣшенія по закону,“ (Т. X, ч II, ст. 1140 сл.) онъ въ сущности обратилъ этотъ институтъ въ посредничество.

[2]) Н. с. стр. 6—7.

[3]) *Dalloz*. Сл. Arbitrage-Arbitre, въ Répertoire méth. et alphab. de législation, de doctrine et de jurisprudence. 1846. T. IV, Ch. 2, § 45. et 55

[4]) Précis du dr. des Gens. 2 édit. par Vergé. 1864. II, 20.

[5]) Droit des Gens moderne de l'Europe. 2. édit. par Ott. (1874); p. 455.

между ними споры, существующіе уже или имѣющіе еще возникнуть. Юридически все равно — идетъ ли дѣло о двухъ крестьянахъ, спорящихъ объ овцѣ, которая забрела на лугъ одного изъ нихъ и поѣла на немъ траву, или о могущественныхъ государствахъ, отыскивающихъ другъ на другѣ убытки въ сотни миллионовъ [1]). Тѣмъ страннѣе противорѣчія, въ которыя впадаетъ Кальво: онъ признаетъ за третейскимъ рѣшеніемъ «нѣкоторый *судебный* характеръ» и въ то же время говоритъ, что «государства, въ силу своего верховенства, *только нравственно* обязаны ему подчиниться.» Въ такомъ случаѣ юридическій его характеръ совершенно изчезаетъ и оно превращается въ посредничество. Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается такъ: «Третейскіе судьи, хотя и получаютъ власть отъ сторонъ, но образуютъ независимую инстанцію, настоящій судъ» [2]). Но какой же это, въ юридическомъ смыслѣ, судъ (veritable tribunal judiciaire, какъ онъ говоритъ), когда его рѣшенія имѣютъ одну нравственную силу?

И такъ юридическій характеръ третейскаго суда обусловливается двумя признаками: во 1-хъ, компромиссомъ и въ 2-хъ, принципами права, которые онъ призванъ прилагать. Болѣе свободный государственнаго суда по условіямъ, въ которыя онъ поставленъ, онъ, по характеру своей дѣятельности и по результатамъ, къ которымъ стремится, заслуживаетъ однако названіе настоящаго суда Особенно это вѣрно по отношенію къ международной области, гдѣ онъ призванъ болѣе и болѣе преобразоваться въ судебный институтъ.

Писатели, по примѣру романистовъ, признаютъ два вида третейскаго разбирательства: arbitrium и arbitratio. Первое, говорятъ они, [3]) имѣетъ своимъ предметомъ рѣшеніе спора о самомъ правѣ; второе возникаетъ тогда, когда споръ идетъ не о принципахъ права, а о тѣхъ фактахъ, къ которымъ они должны

---

[1]) Revue; 1875, p. 82.

[2]) II, 563 и 571.

[3]) Блюнчли, Гефтеръ, Ивановъ и др.—Ср. также мнѣніе Мартенса въ Сборникѣ госуд знаній; II, 112.

быть приложены. Бульмеринкъ находитъ, что это различіе, важное въ процессуальномъ отношеніи, не имѣетъ для международнаго права практическаго значенія. Arbitrator долженъ будто-бы исправить извѣстныя фактическія заблужденія, но это допустимо въ каждомъ третейскомъ разбирательствѣ, будетъ ли оно подходить ближе къ той или иной изъ указанныхъ формъ. Однако Гольдшмидтъ настаиваетъ на этомъ различіи, говоря, что для него слѣдуетъ только установить болѣе точные признаки. Arbiter долженъ рѣшить между сторонами споръ [1]); напр., онѣ не отвергаютъ факта заключенія между собою договора, но расходятся въ толкованіи и значеніи его содержанія. Напротивъ, arbitrator призванъ въ духѣ сторонъ и какъ бы на мѣсто ихъ опредѣлить конкретный пунктъ, оставленный сторонами открытымъ въ моментъ заключенія или же исполненія договора и оставленный съ намѣреніемъ передать его позднѣе на рѣшеніе третьяго лица [2]) (напр. опредѣленіе суммы убытковъ, качества и количества доставляемаго товара и т. п.). Въ иныхъ случаяхъ рѣшеніе arbitrator'a, по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, приблизится къ рѣшенію третейскаго судьи въ собственномъ смыслѣ, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что онъ не рѣшаетъ спора, а дополняетъ извѣстный договоръ, заключенный между сторонами.

Не смотря на эту аргументацію, мы въ результатѣ согласны съ Кальво, что въ международной области нѣтъ основанія держаться этого дѣленія, особенно въ виду того, что дѣло компромисса опредѣлить почву, границы и способъ дѣйствія третейскаго суда и установить обязанности сторонъ къ нему обращающихся.

---

[1]) И при томъ такъ, какъ рѣшилъ бы судья, т. е. на основаніи существующихъ или сторонами признаваемыхъ юридическихъ нормъ. Кромѣ того рѣшеніе arbiter'a считается окончательнымъ и не подлежащимъ апелляціи (за исключеніемъ exceptio doli), а послѣ рѣшенія arbitrator'a возможна еще reductio ad arbitrium boni viri. *(André,* Gemeinrechtliche Grundzuge der Schiedsgerichte 1860 S. 40.).

[2]) Это лице, по словамъ Андре, судитъ просто какъ всякій здравомыслящій и справедливый человѣкъ.

II.

Заключеніе компромисса: его предметъ

Исходною точкою и главною руководящею нормою для третейскаго суда является, какъ мы сказали, компромиссъ.

Объ немъ говоритъ ст. 2. проекта Гольдшмидта:

Международный третейскій судъ учреждается дѣйствительнымъ соглашеніемъ между сторонами (compromissum) и таковымъ же между ими и третейскимъ судьею (receptum arbitri), который обязывается рѣшить ихъ споръ. Если третейскихъ судей нѣсколько, то столько же требуется и конвенцій.

Въ этой статьѣ Гольдшмидтъ взялъ изъ римскаго права оба главныя условія, создавшія въ Римѣ третейскій судъ, какъ добровольный [1]). Въ международной области всѣ эти переговоры между самими сторонами, а потомъ между ними и третейскими судьями совершаются посредствомъ дипломатическихъ соглашеній, которыя и составляютъ одинъ актъ учредительный—*компромиссъ*. Чѣмъ онъ подробнѣе и тщательнѣе составленъ, тѣмъ лучше для судей и для сторонъ. Въ немъ по существу должны находиться соглашенія сторонъ относительно: личности судей, предмета спора, времени и мѣста разбирательства, порядка производства, а также выражено обязательство подчиниться рѣшенію избранныхъ ими судей. Подробныя условія компромисса освобождаютъ судей отъ необходимости обращаться къ постороннимъ дополнительнымъ правиламъ, которыя могутъ имѣть характеръ лишь молчаливыхъ предположеній неполнаго договора.

Такой дополнительный характеръ Гольдшмидтъ придаетъ и своему проекту, который, наравнѣ со всякими другими правилами, никогда не можетъ имѣть абсолютнаго значенія вопреки компромиссу. Принципъ: jus publicum privatorum pactis mutari non potest, говоритъ онъ, не приложимъ къ международнымъ договорамъ.

---

[1]) По русскому праву компромиссу соотвѣтствуетъ третейская или формальная запись, а receptum—отзывъ лица, согласнаго быть третейскимъ судьей.

Мы позволимъ себѣ однако не согласиться въ этомъ пунктѣ съ авторомъ: договоры и компромиссы, нарушающіе основныя начала международнаго права, юридически недѣйствительны [1]).

Условія дѣйствительности компромиссовъ, какъ съ матеріальной, такъ и съ формальной стороны, тѣ же самыя какъ и для договоровъ вообще. Они опредѣляются частію международнымъ правомъ, частію положительными законами самихъ договаривающихся сторонъ.

Гольдшмидтъ ставитъ еще вопросъ: можетъ ли имѣть обязательную силу обѣщаніе сторонъ прибѣгать къ третейскому суду въ будущихъ спорахъ (pactum de compromittendo, clause compromissoire)? Римское право, въ противоположность нѣкоторымъ новѣйшимъ законодательствамъ [2]), давало утвердительный отвѣтъ, подъ условіемъ, чтобы юридическое отношеніе, изъ котораго могъ возникнуть споръ, было съ ясностію опредѣлено. Мы не колеблемся, говоритъ авторъ, признать за международнымъ компромиссомъ самое широкое значеніе и считать его обязательнымъ, даже если онъ заключенъ для рѣшенія всѣхъ, въ будущемъ возможныхъ споровъ. Если онъ и стѣсняетъ въ значительной степени свободу государствъ, то это дѣлается не на счетъ правильной юрисдикціи, а въ видахъ ея замѣны.

Одинъ изъ наиболѣе трудныхъ вопросовъ при изученіи третейскаго суда состоитъ въ томъ: какіе споры между государствами можетъ онъ вѣдать?

На это Гольдшмидтъ даетъ слѣдующій общій отвѣтъ: *споры о правѣ или юридическіе* (ст. 1), подъ которыми слѣдуетъ разумѣть споры по своему характеру, поддающіеся рѣшенію въ силу принциповъ права. Онъ повторяетъ замѣчаніе Трен-

---

[1]) Vertrage, говоритъ Блюнчли, deren Inhalt das allgemein anerkannte Menschenrecht oder die bindenden Gesetze des Volkerrechts verletzen sind deshalb ungültig. Ст. 410.

[2]) Напр. по англо-американскому праву дѣйствительными признаются лишь компромиссы, заключаемые по поводу уже возникшихъ споровъ.

деленбурга о томъ, что «третейскому рѣшенію подлежатъ лишь юридическія стороны въ распряхъ между народами» [1]).

Сложные политическіе вопросы, продолжаетъ Гольдшмидтъ, въ которыхъ замѣшаны интересы національные, пререканія о равенствѣ правъ или о превосходствѣ, такіе вопросы, лежащіе въ основаніи или же составляющіе хотя скрытую, но дѣйствительную причину столкновеній между государствами,— не могутъ быть рѣшаемы судомъ. Это вопросы не права, а могущества. Государства, обладающія хотя нѣкоторою силою сопротивленія, никогда не преклонятся предъ судомъ, коль скоро рѣчь зайдетъ о ихъ высшихъ интересахъ, хотя бы только предполагаемыхъ. Бывшіе случаи третейскихъ рѣшеній убѣждаютъ насъ, что они состоялись по такимъ несогласіямъ, которыя были удобны для судебнаго разбирательства по опредѣленному характеру спорнаго вопроса. То же самое можно сказать и о случаяхъ Алабамскомъ и Сан-Жуанскомъ: въ нихъ жизненные интересы не были затронуты.

На эти мысли слѣдуетъ замѣтить, что, руководясь одними примѣрами прошлаго, едва ли удастся осуществить реформу третейскаго суда, къ которой стремится и самъ Гольдшмидтъ, т. е. дать ему вполнѣ юридическую организацію, какъ наиболѣе простой инстанціи для международнаго правосудія. Надо замѣтить, что авторъ, вслѣдъ за приведенными нами словами, дѣлаетъ оговорку, которая показываетъ все дѣло въ болѣе вѣрномъ свѣтѣ: «впрочемъ великія столкновенія между народами рѣдко выступаютъ сразу во всей своей силѣ, сна-

---

[1]) Nur was im Völkerconflict juristischer Natur ist, wird überhaupt einen Schiedsspruch zulassen. Все же, выходящее за эти предѣлы, продолжаетъ онъ, какъ то: развитіе народовъ, ихъ національныя чувства—не подлежатъ никакому судебному рѣшенію. То къ чему примѣшивается что либо національное, дѣлается до такой степени индивидуальнымъ, что каждый народъ отказываетъ другому даже въ способности понять это (Lucken im Volkerrecht, S. 21).

Подъ международнымъ юридическимъ споромъ Храбро-Васильевскій разумѣетъ „споръ, который касается взаимныхъ правовыхъ отношеній государствъ“.

чала они имѣютъ мало значенія и лишь съ теченіемъ времени постепенно наростаютъ до того, что становятся угрожающими для мира. На этомъ основаніи посредничество или третейское рѣшеніе, во-время состоявшееся, можетъ воспрепятствовать спору обостриться».

Задача третейскаго и постояннаго суда въ международной области въ томъ и состоитъ, чтобы постепенно вселить и воспитать въ народахъ сознаніе о необходимости обращаться къ праву для рѣшенія возникающихъ между ними несогласій. Это дѣло трудное, требующее долгаго времени и много самообладанія отъ правителей и народовъ, но отнюдь не невозможное. Когда разъ создастся международная юрисдикція, она силою вещей будетъ втягивать въ свой кругъ все большее число даже политическихъ споровъ, потому что окрѣпнувшее чрезъ нее право дастъ общія начала для ихъ всесторонняго и безпристрастнаго обсужденія. А съ перенесеніемъ какого бы то ни было спора, частнаго или политическаго, на почву права, онъ уменьшается въ объемѣ и теряетъ въ силѣ, такъ какъ чрезмѣрно—субъективныя воззрѣнія и претензіи сторонъ не выдерживаютъ юридической, на строгой справедливости основанной критики, но разсѣеваются какъ туманъ предъ солнцемъ.

Различно указываютъ писатели на тѣ *частные случаи,* къ которымъ приложимо третейское разбирательство. По мнѣнію однихъ всякое подобное исчисленіе излишне: третейскій судъ по своей природѣ добровольный, а потому стороны обращаются къ нему, когда имъ заблагоразсудится [1]). По словамъ Функъ-Брентано и Сореля для третейскаго рѣшенія приспособлены споры, «предметъ которыхъ реально и точно опредѣленъ» [2]). Мы не можемъ согласиться съ этими мнѣніями, но полагаемъ, что государства, ради собственныхъ интересовъ должны: во 1-хъ, опредѣлить сферу дѣйствія третейскаго суда и во 2-хъ, признать его для себя юридически-обязательнымъ при неудачѣ

---

[1]) *Lorimer,* въ Revue; 1874, p. 171.—

[2]) Н. с. стр. 461.—

дипломатическихъ переговоровъ и до начала войны, о чемъ мы уже говорили въ первой книгѣ. Для плодотворнаго дѣйствія третейскаго суда, замѣчаетъ Бульмеринкъ. необходимо съ точностію опредѣлить случаи, подлежащіе его вѣдѣнію. Не слѣдуетъ предоставлять ихъ исключительному усмотрѣнію спорящихъ государствъ. Онъ думаетъ, что изъ вѣдѣнія этого суда должны быть изъяты лишь самые рѣдкіе случаи столкновеній и желаетъ, чтобы государства, сперва въ спеціальныхъ, а потомъ въ общихъ договорахъ признали себя обязанными, до начала войны, обращаться къ юридическимъ способамъ (Rechtsmittel) для рѣшенія своихъ споровъ.

Бернеръ [1]) рекомендуетъ государствамъ дѣлать оговорки въ заключаемыхъ ими договорахъ о мирномъ рѣшеніи столкновеній могущихъ возникнуть изъ послѣднихъ. Можетъ быть одному изъ будущихъ конгрессовъ, пишетъ Блюнчли, удастся высказать обязанность для государствъ, хотя по нѣкоторымъ спорнымъ пунктамъ, прибѣгать къ третейскому суду и въ то же время выработать для онаго основныя начала [2]). Еще ранѣе этихъ писателей Люка, говоря о необходимости кодификаціи международнаго права, выразилъ желаніе, чтобы цивилизованныя государства обращались къ третейскому суду для предупрежденія войны, а когда она уже началась, для установленія условій мира [3]).

Опредѣленіемъ случаевъ, подлежащихъ третейскому суду, будетъ сдѣланъ первый шагъ къ возведенію его въ правильный судебный институтъ. Это не лишитъ государства свободы выбора между нимъ и иными способами окончанія ихъ несогласій, но создастъ поощреніе въ пользу собственно юридическаго способа. Выше мы видѣли отвѣтъ практики на этотъ вопросъ; теперь насъ интересуетъ отвѣтъ даваемый теоріею.

---

[1]) Ст. Krieg въ Bluntschli's Staats—Wörterb. VI, 104.—

[2]) Volkerrecht, S. 33.

[3]) *Lucas*, Le droit de légitime défense dans la pénalité et la guerre. 1873, p. 108.—

Къ вопросамъ, удобнымъ для третейскаго разбирательства, *Блюнчли* относитъ: споры о вознагражденіи убытковъ, церемоніальные и вообще всѣ такіе вопросы, которые не касаются существованія и развитія государства [1]). Въ другомъ мѣстѣ [2]) онъ желаетъ распространенія этого разбирательства и на пререканія относительно національности извѣстныхъ лицъ. Когда, говоритъ онъ, между двумя государствами возникаетъ споръ о національности лица, отечество котораго неизвѣстно, вопросъ этотъ долженъ бы поступать на разсмотрѣніе и окончательное рѣшеніе третейскаго суда. Каждое изъ государствъ пусть назначитъ по одному или по два судьи, если послѣдніе не придутъ къ соглашенію относительно выбора общаго судьи, послѣдній да назначится верховнымъ судомъ государства—отвѣтчика.

Кальво полагаетъ, что третейскія рѣшенія могутъ распространяться на всякаго рода несогласія и споры между государствами за исключеніемъ однако таковыхъ, въ которыхъ непосредственно задѣваются ихъ честь и національное достоинство; эти пункты для каждаго слишкомъ важны и, такъ сказать, личны, чтобы ихъ можно было предоставить на обсужденіе третьяго государства [3]).

Бульмеринкъ высказывается противъ этого исключенія, дѣлаемаго Кальво. Онъ приводитъ слова Стаффорда Нордкота [4]), что именно споры о національной чести удобны для рѣшенія третейскимъ судомъ. Мы, съ своей стороны, вполнѣ раздѣляемъ это воззрѣніе.

---

[1]) Ст. 498

[2]) Въ статьѣ: De la qualité de citoyen d'un Etat au point de vue des relations internationales въ Revue; 1870, p. 120.

[3]) § 1511.

[4]) Одного изъ представителей Англіи при составленіи Вашингтонскаго договора. Большинство войнъ, сказалъ онъ, возникали изъ дурно-понятаго чувства народнаго достоинства. Вотъ категорія войнъ, которыя удалимы третейскимъ судомъ. Честь народа состоитъ не въ томъ, чтобы онъ никогда не считалъ себя неправымъ, а въ томъ, чтобъ онъ во всемъ искалъ справедливости, признавалъ право ближняго и по отношенію къ себѣ и

Руаръ-дѣ-Каръ видитъ въ третейскомъ судѣ прекрасный способъ окончанія споровъ между государствами по вопросамъ, въ которыхъ замѣшаны значительные интересы. Таковы споры: о проведеніи границъ; о столкновеніи гражданскихъ и уголовныхъ законовъ; о полученномъ оскорбленіи; о нарушеніи какой либо обязанности, всѣми признанной по международному праву. Но, добавляетъ онъ, всякая надежда на мирное рѣшеніе излишня, коль скоро споръ вращается около вопросовъ независимости и самостоятельности страны [1]).

Весьма близко къ этому перечисленію подходятъ мысли *Кента*. Онъ указываетъ на слѣдующіе пункты, «преимущественно способные для третейскаго разбирательства: споры о границахъ, жалобы (claims) подданныхъ одного государства на убытки причиненные имъ неправильными дѣйствіями или небрежностью другаго и жалобы на нарушеніе нейтралитета» [2]).

Что касается до *Гольдшмидта*, то онъ относитъ сюда всѣ споры преюдиціальные, которые не вызываютъ осужденія, но признаніе извѣстной претензіи или простую декларацію, напр. о пространствѣ спорной территоріи, о толкованіи трактата. Онъ не устраняетъ споры поссессорнаго характера, т. е. о правѣ владѣнія, какъ того требуютъ Гроцій и Кальво.

Моль, въ своей извѣстной статьѣ о правѣ убѣжища, полагаетъ, что введеніе международнаго третейскаго суда для рѣшенія споровъ, столь обыкновенныхъ между государствами— относительно выдачи преступниковъ, «фактически возможно и полезно для юридическаго опредѣленія многихъ относящихся сюда вопросовъ. Это вызвало бы, особенно на первое время, установленіе обычнаго права» [3]).

даже въ случаяхъ сомнѣнія, шелъ далѣе строгой справедливости, рѣшая скорѣе противъ себя, нежели въ свою пользу (*Laveleye*, Des causes de guerre, p. 191).

[1]) Стр. 55—56.

[2]) Commentary on international law; edit. by Abdy 1866, p. 178.

[3]) Die volkerrechtliche Lehre vom Asyle, въ Staatsrecht, Volkerrecht und Politik, I, 764.

Гольцендорфъ считаетъ необходимымъ признать за общее начало въ международномъ правѣ. чтобы «всѣ споры между нейтрализованными государствами (въ родѣ Швейцаріи и Бельгіи) съ ихъ сосѣдями рѣшались третейскимъ судомъ. Въ особенности же, по его мнѣнію, вопросы касающіеся правъ нейтральныхъ требуютъ принятія постоянной и опредѣленной третейской практики" (un réglement arbitral) [1]).

Приведенныя нами перечисленія писателями случаевъ. удобныхъ для третейскаго рѣшенія. весьма полезны въ томъ отношеніи, что, восполняя другъ друга, они даютъ намъ указанія на то, что можно сдѣлать уже въ наше время, не покидая почвы практической, государственной жизни. Должно только помнить, что число такихъ случаевъ, какъ мы замѣтили уже выше. будетъ расти съ успѣхами международнаго оборота и права.

Затѣмъ остается еще обширная область споровъ, къ которымъ третейскій судъ не приложимъ. Сюда относятся: 1. споры между образованными и полудикими народами, вслѣдствіе отсутствія между ними общаго правосознанія: 2. между цивилизованнымъ государствомъ и внутренними его варварами (въ родѣ коммунаровъ) и 3. споры изъ за существованія и положенія государства въ средѣ другихъ [2]).

---

[1]) Les questions controversées du droit des Gens actuel, въ Revue, 1876, p. 32.

[2]) *Lorimer,* The three rules of Washington viewed in their relation to international arbitration (Revue; 1874; p. 712).

Сюда же относятъ. Храбро-Василевскій—существенныя права (droits essentiels) государствъ, т. е. такія, которыя составляютъ ихъ необходимый аттрибутъ, какъ независимыхъ субъектовъ международнаго права, а Функъ-Брентано и Сорель всѣ „споры относящіеся до общей политики".

Укажемъ еще, что на съѣздѣ Института въ Брюсселѣ (1879 г.) самыя живыя и продолжительныя пренія вызвало предложеніе *Муанье* объ учрежденіи международнаго третейскаго суда для рѣшенія столкновеній въ области процессуальнаго права, между высшими судебными установленіями различныхъ государствъ (pour les conflits de procédure).

Къ рѣшеніямъ, принятымъ Институтомъ въ Парижѣ (1878), относительно улаженія споровъ между государствами по гражданскому судопро-

Обѣ первыя статьи проекта Гольдшмидта опущены въ уставѣ Института по ихъ преимущественно теоретическому характеру, съ чѣмъ согласился и самъ Гольдшмидтъ,—и занѣнены, по предложенію Муанье, краткою рекомендаціею самого устава государствамъ [1]).

изводству, Муанье счелъ полезнымъ добавить слѣдующую статью: „пререканія, могущія возникнуть при приложеніи процессуальныхъ правилъ, внесенныхъ въ международные договоры, имѣютъ быть окончательно рѣшаемы третейскимъ судомъ, составъ и способъ дѣйствія котораго опредѣляются этими же трактатами.“ (Annuaire de l'Institut. de dr. inter. 1880. T. I, p. 98, 174—190).

Клюне, Вестлекъ и Броше внесли свои поправки Всего энергичнѣе возсталъ противъ этой мысли Ассеръ, находя предлагаемый судъ излишнимъ и нежелательнымъ. Онъ сказалъ, что понимаетъ еще рѣшеніе третейскимъ судомъ споровъ между государствами, но отвергаетъ цѣлесообразность онаго въ тяжбахъ между частными лицами, либо подданными различныхъ государствъ, либо одной и той же національности Самая мысль о столкновеніи между судами, въ области гражданскаго права, должна быть устранена. Столкновеніе возникаетъ въ сущности между тяжущимися, которыхъ современные законы снабжаютъ, для избѣжанія этого, особыми процессуальными средствами: exceptiones rei judicatæ, litispendentiæ и connexitatis.

Въ защиту мысли Муанье выступилъ не менѣе энергично Клюне. Въ предлагаемомъ судѣ онъ не видѣлъ чего либо ограничивающаго взаимную независимость государствъ, но мѣру болѣе всего требуемую практическими соображеніями современнаго гражданскаго оборота. Принятіе международныхъ нормъ въ области процесса, сказалъ онъ, не уничтожитъ разномыслія относительно ихъ толкованія и въ такихъ случаяхъ какой интерпретаціи дать преимущество?

Коммиссія, составленная для разсмотрѣнія этого вопроса (изъ г.г. Арнтца, Ассера, Бара, Блюнчли, Броше, Клюне и Вестлека) высказалась большинствомъ противъ проекта Муанье (Annuaire, p. 186), но Клюне отъ имени меньшинства поддерживалъ его цѣлесообразность. По предложенію президента Института, Роленъ-Жекмена, вопросъ этотъ отложенъ въ виду того, что для рѣшенія его не настало еще время. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, потому что мысль Муанье справедлива и практична.

[1]) Проектъ Гольдшмидта обсуждался Институтомъ въ Женевѣ (1874) въ засѣданіяхъ 31 авг., 1 и 2 сент. при чемъ въ преніяхъ участвовали: Манчини, Пьерантони, Ассеръ, Гольдшмидтъ, Есперсонъ, Парье, Гольцендорфъ, Бульмерингъ, Мартенсъ, Вестлекъ и Фильдъ (Revue; 1874,

Институтъ, желая, чтобы обращеніе къ третейскому суду, для рѣшенія международныхъ споровъ, получало все большее примѣненіе среди образованныхъ народовъ, надѣется содѣйствовать осуществленію этой реформы предложеніемъ слѣдующаго проекта судопроизводства для такихъ третейскихъ судовъ. Онъ рекомендуетъ его въ цѣломъ или въ частяхъ государствамъ, заключающимъ компромиссъ.

Ст. 1 [1]*). Компромиссъ устанавливается всякимъ дѣйствительнымъ международнымъ договоромъ, а именно:*

a) **напередъ** *либо для всѣхъ споровъ вообще, либо для опредѣленнаго ихъ рода, могущихъ возникнуть между договаривающимися государствами и подлежащихъ опредѣленію;*

b) *для рѣшенія одного или нѣсколькихъ споровъ* **уже существующихъ** *между сторонами* [2]*).*

III.

Составъ третейскаго суда.

Назначеніе и составъ третейскаго суда зависитъ главнымъ образомъ отъ воли сторонъ. По римскому праву требовалось, чтобы судья пользовался довѣріемъ обѣихъ сторонъ, поэтому былъ бы всегда лично обозначенъ въ ихъ соглашеніи [3]).

Онъ не имѣлъ права назначить себѣ замѣстителя, призвать какого либо помощника и со смертію его терялъ свою силу компромиссъ. Въ случаѣ составленія суда изъ нѣсколькихъ

р. 587—596). По предложенію Парье окончательная редакція была отложена до слѣдующей сессіи и коммиссія, занимавшаяся этимъ вопросомъ, увеличена новыми членами (Annuaire; 1877, p. 45) По болѣзни Гольдшмидтъ не былъ на слѣдующемъ съѣздѣ въ Гагѣ (1875), гдѣ на засѣданіи 28 авг. Институтъ принялъ окончательную редакцію устава. Онъ напечатанъ въ Revue; 1875, p. 277 sv; въ приложеніяхъ къ 3-му изд Блюнчли, Volkerrecht, стр. 522—527 и у Кальво, II, 588—591. Мы въ свое время напечатали его переводъ въ нашей брошюрѣ: Первое трехлѣтіе Института международнаго права. 1877, стр. 20, сл.

[1]) Воспроизводитъ почти безъ измѣненій ст. 3 проекта Гольдшмидта.

[2]) Ст. 4 опущена въ виду того, что содержаніе ея понятно само собою.

[3]) Compromittere in aliquem, по техническому выраженію, можно было только въ виду опредѣленнаго лица.

лицъ и разногласія между ними, они не имѣли права избирать общаго посредника. Онъ предлагался имъ преторомъ, но не въ качествѣ президента, а самостоятельнаго и единственнаго судьи [1]).

Что касается до состава международнаго третейскаго суда. то слѣдуетъ обращать вниманіе на *число* и на *свойства* или характеръ избираемыхъ въ третейскіе судьи лицъ.

Въ первомъ отношеніи стороны могутъ выбрать либо *одно* лице, либо *многихъ*.

Выборъ одного дѣлается ими съ общаго согласія; выборъ многихъ, какъ мы видѣли выше, говоря о смѣшанныхъ коммиссіяхъ, происходитъ такъ, что стороны назначаютъ ровное число лицъ (коммиссаровъ), которымъ предоставляется право избирать общаго посредника [2]). Въ случаѣ ихъ разногласія по послѣднему пункту мыслимы три исхода: 1. либо каждая сторона избираетъ своего общаго посредника и затѣмъ жребій рѣшаетъ кому изъ нихъ быть таковымъ вообще, или въ каждомъ случаѣ раздѣленія голосовъ (если разсматривается нѣсколько спорныхъ дѣлъ); 2. либо назначеніе дѣлается представителемъ нейтральнаго правительства; 3. либо самъ судъ чрезъ кооптацію назначаетъ общаго посредника или указываетъ на лице, имѣющее произвести выборъ. Трудно a priori дать преимущество которому либо изъ этихъ способовъ: это дѣло опыта. Первый способъ намъ кажется наименѣе удобнымъ.

Какъ бы то ни было, но необходимо съ самаго начала опредѣлить способъ избранія общаго посредника. Это даетъ всему

---

[1]) *Weizsacker*, S. 11, flg.

[2]) Точнѣе было бы его называть *общимъ судьею*.—Въ виду того, что третейскіе судьи должны пользоваться довѣріемъ обѣихъ сторонъ существуетъ и иной порядокъ, принятый почти во всѣхъ современныхъ кодексахъ гражданскаго судопроизводства: судьи назначаются не отъ каждой стороны особо, а по взаимному согласію всѣхъ тяжущихся отъ всѣхъ вообще и въ нечетномъ числѣ. Это дѣлаетъ излишнимъ избраніе общаго посредника, но за то этимъ путемъ труднѣе достигнуть соглашенія.

третейскому разбирательству больше безпристрастія и предохраняетъ его отъ неудачи въ случаѣ равенства голосовъ.

Хотя на практикѣ преобладаетъ назначеніе въ третейскіе судьи одного лица (исключеніе составляетъ только женевскій судъ), но мы стоимъ за коллегіальное начало, какъ болѣе соотвѣтствующее природѣ суда.

Гольдшмидтъ дѣлаетъ еще одинъ шагъ впередъ и говоритъ: «ничто не препятствуетъ тому, чтобы назначеніе третейскаго суда—будетъ ли оный состоять изъ одного или нѣсколькихъ лицъ,—равно какъ и избраніе общаго посредника было предоставлено всецѣло третьему безпристрастному лицу. Обозначеніе таковаго, имѣющаго полномочіе, независимо отъ воли сторонъ, составить по опредѣленнымъ правиламъ третейскій судъ,—должно быть признано достаточнымъ для дѣйствительности компромисса.»

Ст. 2 [1]*). Компромиссъ даетъ право каждой изъ договаривающихся сторонъ обращаться къ третейскому суду, назначаемому ими для рѣшенія спора. Если число и имена третейскихъ судей не будутъ обозначены въ компромиссѣ, третейскій судъ составляется изъ* **трехъ членовъ** [2]*) тѣмъ способомъ, который указывается въ компромиссѣ или въ какой либо иной конвенціи.*

При отсутствіи опредѣленій подобнаго рода, каждая изъ договаривающихся сторонъ выбираетъ одного судью и оба такимъ образомъ назначенные судьи избираютъ общаго посредника или то третье лице, которое имѣетъ его назначить.

Если оба эти судьи, выбранные сторонами, не могутъ согласиться между собою на счетъ общаго посредника, или если одна изъ сторонъ откажется содѣйствовать, какъ она обязалась по компромиссу, образованію третейскаго суда, или если выбранное лице уклонится отъ назначенія общаго посредника,—компромиссъ теряетъ свою силу.

---

[1]) Ст. 2 и 3 передаютъ съ небольшими измѣненіями ст. 5 и 6 проекта Гольдшмидта.

[2]) Предложено Ассеромъ и поддержано Блюнчли.

Ст. 3. Если стороны съ самаго начала или потому, что онѣ не могли придти къ соглашенію относительно выбора судей, постановили, что образованіе третейскаго суда будетъ предоставлено третьему, указанному ими лицу, и если послѣднее возьметъ на себя образованіе такого суда, способъ его дѣйствія опредѣляется прежде всего правилами предусмотрѣнными въ компромиссѣ. За отсутствіемъ же оныхъ, означенное третье лице можетъ ими само выбрать судей или предложить сторонамъ извѣстное число лицъ [1]*, изъ которыхъ онѣ имѣютъ произвести свой выборъ.*

Переходя затѣмъ къ *характеру* избираемыхъ лицъ Гольдшмидтъ останавливается въ ст. 7 подробно на тѣхъ, которые *не способны* быть третейскими судьями. Въ большинствѣ гражданскихъ кодексовъ, говоритъ онъ, мотивы неспособности и отвода либо не опредѣляются достаточно ясно, либо далеко расходятся между собою. Также колеблятся по этому вопросу практика и теорія.

Онъ установляетъ двоякое различіе: несовершеннолѣтніе (т. е. лица не достигнувшія 14 лѣтъ) [2] и безумные должны быть признаны абсолютно неспособными; другія же лица, со стороны которыхъ нельзя ожидать рѣшенія вполнѣ справедливаго и разумнаго, могутъ быть отведены каждою изъ сторонъ, но это не обязательно. Мотивы отвода для третейскихъ судей, по нѣкоторымъ законодательствамъ тѣже самые, какъ и для отвода государственныхъ судей. Это начало вѣрное само по себѣ, къ международному праву непримѣнимо уже потому, что положительныя законодательства перечисляютъ ихъ не одинаково

---

[1]) Гольдшмидтъ говоритъ, что число это должно быть не менѣе 9 каждая сторона отводитъ 3; если на спискѣ останется болѣе 3, назначенное третье лице выбираетъ это число по жребію.

[2]) Очевидно онъ опредѣляетъ слишкомъ рано наступленіе совершеннолѣтія Есперсонъ предложилъ назначить 21 годъ. По римскому праву этотъ срокъ опредѣлялся 20 годами, но до 25 оказывалась помощь тому, кто необдуманно (temere) бралъ на себя должность третейскаго судьи *(Weizsacker,* S. 18).

По мысли Гольдшмидта отведены могутъ быть: 1, лица не достигнувшія 21 года; 2, женщины [1]); 3, нѣмые, глухіе и глухонѣмые; 4, лица лишенныя по своимъ отечественнымъ законамъ пользованія гражданскими правами; 5, всѣ прямо и непосредственно заинтересованные въ исходѣ дѣла и 6, подданные одного изъ спорящихъ государствъ [2]). На эти мотивы отвода сторона не можетъ уже ссылаться, если она, зная о нихъ, избрала извѣстное лицо или если она не сообщила письменно противной сторонѣ о своемъ отводѣ въ 30 дневный срокъ, съ того момента какъ узнала о существованіи этого мотива.

Пьерантони замѣтилъ по поводу этого перечисленія, что опредѣленіе способности третейскихъ судей—дѣло внутреннихъ законовъ отдѣльныхъ государствъ и что, по его мнѣнію, достаточно если отводъ будетъ допущенъ по отношенію къ лицамъ заинтересованнымъ въ спорѣ и къ подданнымъ одного изъ тяжущихся государствъ. Поддерживаемый Манчини и Парье, онъ представилъ новую редакцію этой 7-й статьи, принятой единогласно, за исключеніемъ Гольдшмидта, Институтомъ.

Ст. 4. Лица, способныя быть избранными въ третейскіе судьи суть: государи и вообще правители государствъ безъ всякаго ограниченія [3]), *а также всѣ тѣ, которые признаются способными отправлять должность трѣтейскаго судьи по законамъ ихъ отечества.*

По своему *характеру* въ третейскіе судьи могутъ быть избраны: a) государства или вѣрнѣе говоря: государи и некоронованные представители государствъ вообще; b) частныя лица и c) различныя учрежденія и ученыя корпораціи.

---

[1]) Юстиніанъ въ одномъ законѣ 530 г. исключилъ женщинъ вообще изъ „omne judiciale agmen“. Женщины не допускаются также по французскому и германскому праву. „Унасъ же, говоритъ г. *Вицынъ*, хотя обычаемъ онѣ устранены отъ званія судей, но нѣтъ имъ препятствія принять на себя это званіе въ третейскомъ судѣ“. (Н. с. стр. 31—32).

[2]) Впрочемъ *Кальво* и *Храбро-Василевскій* держатся противоположнаго мнѣнія, которое мы находимъ не вѣрнымъ.

[3]) Т. е. независимо отъ ихъ пола и возраста.—Мы по общему правилу не считаемъ несовершеннолѣтнихъ государей и коронованныхъ женщинъ способными третейскими судьями

Выше мы говорили о серьезныхъ соображеніяхъ, въ силу которыхъ не желательно избраніе въ третейскіе судьи лицъ первой категоріи, т. е. *государей* и *правителей*. Это даетъ третейскому суду вмѣсто юридическаго—политическій характеръ или оттѣнокъ, наводитъ на него подозрѣніе въ пристрастіи (либо къ одной изъ сторонъ, либо къ собственнымъ интересамъ судящаго государства) и дѣлаетъ его непригоднымъ для болѣе серьезныхъ и сложныхъ споровъ.

Нельзя не пожалѣть, что Институтъ видимо склонился на сторону существующей практики.

На оборотъ *частныя лица* признаются не способными со стороны дипломатовъ и государственныхъ людей. Въ этомъ смыслѣ высказался и Пальмерстонъ Кобдену.

При существующихъ условіяхъ избраніе частныхъ лицъ въ третейскіе судьи можетъ быть часто соединено съ рискомъ и нельзя не согласиться съ *Бульмеринкомъ*, что «третейскій судъ долженъ быть поручаемъ хорошимъ знатокамъ международнаго права, а не тѣмъ, которые для этого лишь впервые знакомятся съ этимъ предметомъ. Государи выбираются по своему выдающемуся положенію (Machtstellung), но третейскій судъ требуетъ юридическихъ познаній, которыми обладаютъ далеко не всѣ дипломаты, а по отношенію къ международному праву не всѣ судьи и юристы».

Частныя лица, чтобы быть третейскими судьями, должны соединять въ себѣ слѣдующія условія: 1, быть хорошо знакомыми съ теоріею и практикою международнаго права; 2. не состоять гражданами спорящихъ государствъ и 3, не быть вообще заинтересованными въ исходѣ дѣла.

Что же касается до *юридическихъ лицъ*, избираемыхъ въ третейскіе судьи, какъ-то: различныя корпораціи, свѣтскія или духовныя, ученыя общества и т. п., то они разсматриваются и дѣйствуютъ какъ одно лице. Способы веденія ими дѣла и постановки рѣшенія опредѣляются ихъ собственными уставами. И здѣсь преимущество должно отдавать учрежденіямъ служащимъ разработкѣ права.

Особенно достоинъ рекомендаціи Институтъ международнаго

права, но выборъ можетъ пасть, съ пользою для дѣла, и на такія учрежденія, какъ Французская Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ, юридическіе факультеты, верховные суды и т. д.

Ст. 5 [1]). *Если стороны съ точностью указали въ компромиссѣ лица, которыя должны быть третейскими судьями, то неправоспособность или законный отводъ, хотя бы одного изъ нихъ, лишаетъ силы весь компромиссъ до тѣхъ поръ, пока стороны не согласятся относительно выбора другаго правоспособнаго судьи.*

Если напротивъ компромиссъ не обозначаетъ лично этого судьи, то, въ случаѣ его неправоспособности или законнаго отвода, выборы на мѣсто его другаго происходятъ въ томъ же порядкѣ, какъ первоначальные выборы (ст. 2 и 3).

Это приложеніе только общаго правила, что вакансія, образовавшаяся въ составѣ третейскаго суда замѣщается тѣмъ же способомъ, какимъ было сдѣлано первоначальное назначеніе,

Ст. 6 [2]). *Объявленіе о принятіи должности третейскаго судьи дѣлается письменно.*

По прежнимъ трактатамъ частныя лица, принимая на себя должность коммиссаровъ, приносили присягу или дѣлали торжественное обѣщаніе добросовѣстно и безпристрастно исполнять свои обязанности. Новѣйшіе трактаты объ этомъ умалчиваютъ.

Совершенно опущена ст. 10·

«Третейскій судья, который, принявъ на себя эту должность чрезъ письменное заявленіе или фактически, потомъ, безъ согласія сторонъ и достаточнаго основанія, уклонится отъ нея, привлекается къ законной отвѣтственности предъ своимъ обыкновеннымъ судьей каждою изъ сторонъ, имѣющей право требовать вознагражденія за причиненные ей чрезъ это убытки».

---

[1]) Не отступаетъ отъ ст. 8 проекта.

[2]) Сокращаетъ ст. 9, въ которой добавлено· „при чемъ достаточно извѣстить одну изъ сторонъ, или фактически—приступленіемъ къ дѣйствію“.

Статья эта взята изъ римскаго права, по которому третейскій судья, хотя добровольно принималъ на себя обязательство предъ сторонами (receptum arbitri) рѣшить ихъ споръ, но затѣмъ, въ случаѣ неисполненія онаго, подвергался по ихъ жалобѣ отвѣтственности предъ преторомъ. Послѣдній понуждалъ его къ этому путемъ различныхъ пеней.

Это начало отвергнуто новѣйшими кодексами, хотя съ юридической точки зрѣнія противъ него ничего нельзя сказать. Оно отвергнуто и Институтомъ на томъ практическомъ основаніи, что весьма трудно найти этому требованію о вознагражденіи убытковъ удовлетворительную форму и санкцію въ особенности же по отношенію къ царственнымъ особамъ и юридическимъ лицамъ [1]),

Ст. 7 [2]). *Если третейскій судья откажется вступить въ свою должность, или, принявъ ее, сложитъ съ себя, или если онъ умретъ или впадетъ въ безуміе, или будетъ на законномъ основаніи отведенъ за неправоспособность—въ силу ст. 4—то является возможность примѣненія ст. 5.*

Ст. 8. Въ случаѣ неопредѣленія мѣстопребыванія третейскаго суда ни въ компромиссѣ, ни въ позднѣйшей конвенціи между сторонами, судъ избираетъ свое пребываніе по рѣшенію самого судьи или большинства судей.

Онъ можетъ измѣнить это пребываніе только въ томъ случаѣ, если исполненіе его обязанностей въ установленномъ мѣстѣ сдѣлается для него невозможнымъ или очевидно опаснымъ.

Послѣднее условіе имѣетъ въ виду препятствія въ родѣ эпидеміи, возстанія, войны и т. п. Вообще вопросъ о *мѣстопребываніи* суда весьма важенъ въ практическомъ отношеніи, въ видахъ изъятія его отъ всякаго посторонняго вліянія или давленія.

Ст. 9. Третейскій судъ выбираетъ изъ среды своей, если онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ членовъ, предсѣдателя и на-

---

[1]) На это еще ранѣе указалъ г. Стояновъ.

[2]) Ст. 7—11 воспроизводятъ съ легкими измѣненіями ст. 11—15 проекта.

значаетъ одного или нѣсколькихъ секретарей. Онъ также опредѣляетъ на какомъ языкѣ или на какихъ языкахъ должны происходить разбирательство и пренія сторонъ, а также быть представлены письменные документы и прочія доказательства. Всѣмъ засѣданіямъ ведется протоколъ.

Ст. 10. Засѣданія третейскаго суда происходятъ въ присутствіи всѣхъ его членовъ. Но онъ можетъ отряжать одного или нѣсколькихъ своихъ членовъ, а также постороннихъ лицъ для производства слѣдствія.

Если въ третейскіе судьи избраны государство или его глава, община, корпорація, какая либо власть (autorité), юридическій факультетъ, ученое общество или временный представитель оныхъ,—всѣ пренія могутъ, съ согласія сторонъ, происходить предъ коммиссаромъ, назначеннымъ для этого третейскимъ судьей.

Если третейскій судъ состоитъ изъ нѣсколькихъ членовъ, присутствіе всѣхъ во время разбирательства необходимо: иногда мнѣніе одного члена можетъ оказать вліяніе на самое рѣшеніе. Каноническое право дозволяетъ отступленіе отъ этого правила, но оно, высказанное еще римскимъ правомъ, усвоено и новѣйшею практикою.

Ст. 11. Ни одинъ третейскій судья не въ правѣ, безъ согласія сторонъ, назначить для себя замѣстителя (substitut) [1].

IV.

Порядокъ судопроизводства.

Ст. 12 [2]*. Если компромиссъ или позднѣйшая конвенція между сторонами предписываютъ третейскому суду извѣстныя нормы производства, или указываютъ на опредѣленный, положительный законъ судопроизводства, судъ обязанъ слѣ-*

---

[1]) Когда же таковой назначенъ онъ замѣняетъ вполнѣ первоначальнаго судью.

[2]) Повторяетъ ст. 16 проекта, опуская добавленіе, которое понятно само по себѣ: «во всякомъ случаѣ третейскій судъ обязанъ выслушать обѣ стороны и снабдить себя доказательствами, которыя необходимы для выясненія спорныхъ пунктовъ».

довать этимъ указаніямъ. За отсутствіемъ же ихъ порядокъ дѣлопроизводства опредѣляется самостоятельно судомъ, при чемъ послѣдній обязанъ только сообразоваться съ принципами, которыхъ онъ обѣщалъ сторонамъ держаться.

Руководство преніями принадлежитъ предсѣдателю третейскаго суда.

Къ международному третейскому суду неприложимо правило нѣкоторыхъ новыхъ законодательствъ (напр. французскаго и баварскаго), чтобы третейскій судъ держался тѣхъ началъ процесса, которыя приняты для государственныхъ судовъ въ сторонѣ его учрежденія. Въ средніе вѣка третейскіе судьи не были стѣсняемы никакими процессуальными законами. Такъ смотритъ на это и наше право [1]).

Международному третейскому суду должна быть предоставлена, относительно формальностей пропзводства, полная свобода подъ условіемъ только соблюденія коренныхъ началъ современнаго процесса.

Ст. 13 [2]) *Каждая сторона можетъ назначить предъ судомъ одного или нѣсколькихъ представителей.*

Это зависитъ отъ важности дѣла. Чрезъ этихъ лицъ происходятъ сношенія между судьями и сторонами во всемъ, что относится до разбирательства.

Ст. 18 проекта касается вызвавшаго много споровъ во время засѣданій Женевскаго суда вопроса о предѣлахъ компетенціи третейскаго суда. Она высказываетъ общее начало, что, «третейскій судъ самъ опредѣляетъ свою компетенцію» и добавляетъ: «если отводъ на основаніи неподсудности не предъявленъ сторонами въ самомъ началѣ, или если онъ, заявленный въ должное время, былъ отвергнутъ судомъ и стороны противъ этого не протестовали,—всякія дальнѣйшія препирательства о подсудности не допустимы.»

---

[1]) Посредники не обязываются къ соблюденію формальностей производства, но подчиняются въ семъ отношеніи постановленнымъ въ записи условіямъ (Уст. гр. суд. ст. 1378).

[2]) Почти не уклоняется отъ ст. 17 проекта.

Напрасно, говоритъ Гольдшмидтъ, въ области гражданскаго права, излагаемое нами начало оспаривается. Опасеніе относительно расширенія подсудности не есть еще достаточное основаніе для преюдиціальнаго вмѣшательства со стороны государственнаго суда. Тѣмъ болѣе это приложимо къ международной области. Если тутъ допустить отводъ по неподсудности, можно парализовать совершенно дѣйствіе третейскаго суда. Само собою разумѣется, эта жалоба на превышеніе послѣднимъ своихъ полномочій должна быть допущена.

Къ этому же склоняются и большинство современныхъ писателей. *Пьерантони*, подробно разсматривающій этотъ вопросъ, замѣчаетъ, что не слѣдуетъ допускать отводъ на основаніи некомпетентности, равно какъ и предварительные вопросы о предѣлахъ полномочій третейскаго суда [1]). Не менѣе ясно выражается и *Блюнчли*: третейскій судья рѣшаетъ вопросъ объ истолкованіи компромисса, а слѣдовательно и о своей компетенціи [2]).

---

[1]) Н. с. стр. 112 и 98 сл.

[2]) Ст. 492, а.—*Davis* въ его Treaties and conventions говоритъ: A mixed commission is competent to decide upon the extent of its jurisdiction.

Ролянъ-Жекменъ, спеціально изучившій этотъ вопросъ, по отношенію къ косвеннымъ убыткамъ въ Алабамскомъ дѣлѣ, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1. если государства согласились установить третейскій судъ и между ними возникаетъ сомнѣніе на счетъ предѣловъ компромисса—слѣдуетъ держаться наиболѣе широкаго толкованія.—2. На этомъ основаніи сторона утверждающая, что будто бы другая, до заключенія компромисса, отказалась отъ части своихъ претензій, должна представить тому доказательства.—3. Если одна изъ сторонъ будетъ утверждать, что притязанія другой, въ цѣломъ или въ частяхъ, не входятъ въ условія компромисса, она обязана заявить это требованіе съ самаго начала процесса предъ третейскимъ судомъ, какъ отводъ неподсудности и ему надлежитъ рѣшить этотъ споръ.—4. Сторона, дѣлающая это заявленіе, можетъ присоединить къ нему формальную оговорку, что она, въ цѣломъ или въ частяхъ, объявитъ рѣшеніе суда недѣйствительнымъ, если онъ отвергнетъ ея отводъ. Въ противномъ случаѣ предполагается, что она напередъ и безаппеляціонно приняла рѣшеніе имѣющее состояться. (Revue; 1872, p. 139).

Съ послѣднимъ положеніемъ мы не можемъ согласиться: такого рода

Въ средѣ Института ст. 18 вызвала пренія. Спрашивали до какой степени можно предоставить третейскому суду абсолютное рѣшеніе вопроса объ его компетентности; слѣдуетъ-ли и въ международной области, какъ въ гражданской, различать между видами неподсудности; наконецъ допускать ли, и въ какихъ предѣлахъ, жалобы на предварительныя рѣшенія этого вопроса. Результатомъ этихъ преній явилась:

Ст. 14. Отводъ третейскаго судьи, на основаніи неподсудности, долженъ быть сдѣланъ ранѣе другихъ. Въ случаѣ незаявленія спора въ началѣ, всякія возраженія по сему предмету не допускаются за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда неподсудность откроется впослѣдствіи.

Третейскіе судьи рѣшаютъ споры относительно компетентности суда, кромѣ случая, о которомъ говорится въ ст. 24, пунктъ 2, и согласно съ условіями компромисса.

Жалобы на постановленія третейскаго суда по вопросу о подсудности отдѣльно отъ жалобы по существу не допускаются.

Въ случаѣ, если сомнѣнія о подсудности возникаютъ изъ толкованія какой либо статьи компромисса, предполагается, что стороны предоставили самимъ судьямъ рѣшить эти сомнѣнія, если только нѣтъ оговорки въ противоположномъ смыслѣ.

Ст. 15 [1]*). Если въ компромиссѣ не содержатся противоположныя постановленія, третейскій судъ имѣетъ право:*

1. опредѣлять формы и сроки, въ которые стороны должны чрезъ своихъ законно-уполномоченныхъ представлять суду доказательства и объясненія, основанныя на фактахъ и на правѣ, сообщать ихъ противной сторонѣ и предъявлять тѣ документы, которые требуетъ противникъ;

оговорка, въ сущности, равносильна совершенному необращенію къ суду. Если уже предоставить ему власть обсуждать свою компетенцію, то нечего обставлять ее такими, уничтожающими ее вполнѣ, условіями.

[1]) Цѣликомъ передаетъ ст. 19 проекта; лишь заключительная фраза, постѣ 5 пункта, прибавлена по предложенію Манчини.

2. признавать доказанными тѣ требованія, которыя противная сторона прямо не отрицаетъ, а равно считать документы безспорными, если противная сторона, безъ достаточнаго основанія, не требуетъ ихъ предъявленія;

3. назначать новыя объясненія сторонамъ и требовать отъ нихъ разъясненія сомнительныхъ обстоятельствъ;

4. установлять порядокъ производства дѣлъ, способы изслѣдованія доказательствъ и требовать, въ случаѣ надобности, содѣйствія компетентнаго суда на такіе юридическіе акты, на которые третейскіе суды не уполномочены, какъ напр., приведенія къ присягѣ экспертовъ и свидѣтелей;

5. опредѣлять, по своему усмотрѣнію, смыслъ представленныхъ документовъ и вообще значеніе доказательствъ, на которыя опираются стороны.

Формы и сроки, о которыхъ упоминается въ 1 и 2 пунктѣ настоящей статьи, опредѣляются судомъ въ предварительномъ распоряженіи.

Ст. 16 [1]). *Ни стороны, ни третейскіе судьи не могутъ привлечь къ дѣлу посторонних государствъ или какихъ бы то ни было третьихъ лицъ, безъ спеціальнаго на то полномочія, выраженнаго въ компромиссѣ и безъ предварительнаго на то согласія со стороны этихъ третьихъ.*

Самовольное же вступленіе въ дѣло третьихъ допускается только съ согласія сторонъ заключившихъ компромиссъ.

Ст. 17 [2]). *Встрѣчные иски допускаются предъ третейскимъ судомъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они разрѣшены въ компромиссѣ или когда стороны и судъ согласны ихъ допустить.*

---

[1]) Ст 20 проекта, которой она соотвѣтствуетъ, исключая добровольное вступленіе третьихъ лицъ въ дѣло, предоставляла сторонамъ право, въ интересахъ раскрытія истины, привлекать ихъ подъ условіемъ, чтобы приглашеніе исходило отъ суда и эти посторонніе лица выслушивались имъ наравнѣ съ сторонами.—Фильдъ и Пьерантони предложили совершенно опустить эту статью, но другіе члены дали ей иную редакцію, которую одобрилъ и Гольдшмидтъ.

[2]) Не измѣнялетъ ст. 21 проекта.

V.

Обращаясь къ вопросу о *рѣшеніи* третейскаго суда, мы прежде всего должны спросить себя: *какими нормами* слѣдуетъ ему руководиться при постановленіи рѣшенія? Рѣшеніе.

Въ литературѣ не мало спорятъ объ этомъ: одни даютъ предпочтеніе строгому праву (law), другіе — справедливости (equity). Но, по вѣрному замѣчанію Гольдшмидта, споръ этотъ имѣетъ смыслъ лишь въ странахъ англо-американскаго права, гдѣ существуетъ двойная система положительнаго законодательства: строгаго law и болѣе свободной equity. На этомъ основаніи третейскому судьѣ дозволяется, въ случаѣ сомнѣнія, рѣшать ex aequo et bono. Но на европейскомъ континентѣ этой двойной системы не существуетъ и вопросъ сводится къ тому: долженъ ли третейскій судъ прилагать только существующее право, не обращая вниманія на сколько оно само по себѣ справедливо или нѣтъ, или же онъ можетъ, отступая отъ нормъ положительнаго закона, отыскивать, такъ сказать, то новое право, которое, по его мнѣнію, примѣнимо къ данному случаю и вслѣдствіе этого создавать, на мѣсто сторонъ, новое для нихъ юридическое положеніе? Гольдшмидтъ полагаетъ, что ему нельзя предоставлять столь обширныя полномочія и что третейскій судъ обязанъ прилагать существующее положительное право, которое онъ можетъ, какъ и оффиціальный судья, толковать въ духѣ справедливости [1]).

При рѣшеніи этого вопроса надо избѣгать двухъ равноопасныхъ крайностей: въ виду того, что третейскій судъ есть прежде всего органъ права, ему нельзя предоставить рѣшать дѣла ни по соображеніямъ политики, ни на основаніи внутренней правды (ex aequo et bono), какъ она субъективно понимается судьями [2]).

---

[1]) Такъ постановляетъ и французскій законъ: Les arbitres et tiers-arbitres décideront d'après *les règles de droit* à moins que le compromis ne leur donne pouvoir de prononcer comme amiables compositeurs (Code de proc. civ. Art. 1019).

[2]) Il faut, говоритъ Люкà, que l'arbitrage soit soumis à son tour à la

Въ первомъ отношеніи третейскій судъ существенно отличается отъ дипломатическихъ средствъ окончанія споровъ, второе правило не уничтожаетъ самодѣятельности судей въ отысканіи права, но признаетъ рядомъ съ нею необходимыми извѣстныя объективныя нормы для ея руководства.

Храбро-Василевскій принимаетъ три категоріи такихъ нормъ: 1. международные трактаты; 2. международные обычаи и 3. мнѣнія юристовъ. Первыя двѣ группы составляютъ какъ бы *положительное*, послѣдняя—*научное* право. Ученый авторитетъ юристовъ, въ международныхъ дѣлахъ, признаютъ сами государства, которыя не рѣдко на него ссылаются. Къ этимъ группамъ онъ присоединяетъ еще четвертую: собственное сознаніе справедливости третейскихъ судей. «Это, говоритъ онъ, тотъ факторъ при разрѣшеніи юридическаго спора, безъ котораго не можетъ обойтись ни одинъ судья и который возводитъ его рѣшеніе на высоту современнаго ему правосознанія. Въ силу собственнаго сознанія справедливости, третейскіе судьи, съ одной стороны, находятъ степень примѣненія юридическихъ нормъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, съ другой измѣняютъ и вновь создаютъ ихъ въ случаѣ ихъ несоотвѣтствія правосознанію эпохи или даже полнаго отсутствія.»

Мы согласны съ авторомъ, что въ международной области, при недостаточности положительнаго права, третейскимъ судьямъ должно предоставить нѣкоторую творческую роль, но чѣмъ болѣе это творчество стоитъ на почвѣ положительнаго права и юридическаго сознанія эпохи, чѣмъ оно менѣе субъективно, тѣмъ болѣе оно будетъ плодотворно и служить идеѣ справедливости. Дѣлаемыя г. Храбро-Василевскимъ перечисленія не исчерпываютъ нормъ, которыми судьи могутъ руководиться. Сюда слѣдуетъ присоединить еще вмѣстѣ съ Гольд-

---

loi du juste et qu'il ne puisse en transgresser les principes fondamentaux. Третейскій судъ, замѣчаетъ Бульмеринкъ, призванъ судить по началамъ права и справедливости. Онъ совѣтуетъ государствамъ обращаться къ нему, не дожидаясь даже кодификаціи международнаго права.

шмидтомъ [1]): а) начала того національнаго, публичнаго или частнаго права, которое по характеру дѣла къ нему приложимо въ силу права международнаго и b) тѣ нормы, на которыя стороны указываютъ въ компромиссѣ третейскимъ судьямъ для руководства ими при рѣшеніи (напр. въ Вашингтонскомъ договорѣ 1871 г.). Это не есть, замѣчаетъ Гольдшмидтъ, нарушенія правила, что нельзя навязывать третейскому судьѣ рѣшеніе, которое онъ долженъ постановить, такъ какъ въ подобныхъ нормахъ не содержится окончанія самого спора. Въ этомъ смыслѣ выражается и Кальво. Нельзя не признать, при современныхъ условіяхъ, практической пользы отъ изданія государствами правилъ подобныхъ Вашингтонскимъ; не предрѣшая самого спора, они указываютъ извѣстныя рамки для третейскаго производства и приготовляютъ матеріалъ для кодификаціи международнаго права.

Ст. 18 [2]). *Третейскій судъ постановляетъ рѣшенія согласно съ принципами международнаго права, если впрочемъ компромиссъ не предписываетъ ему иныя правила или не предоставляетъ рѣшеніе на усмотрѣніе самихъ судей.*

Ст. 19 [3]). *Третейскій судъ не можетъ уклониться отъ рѣшенія подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ будто не составилъ себѣ достаточно яснаго понятія о фактической сторонѣ дѣла или о юридическихъ началахъ, которыя онъ долженъ прилагать.*

Онъ обязанъ рѣшать окончательно всѣ спорные пункты. Впрочемъ, если компромиссъ не предписываетъ одновременнаго окончательнаго рѣшенія всѣхъ пунктовъ, судъ можетъ, рѣшая совершенно одни вопросы, отложить рѣшеніе другихъ на будущее время.

---

[1]) Онъ говоритъ, что третейскій судъ обязанъ судить по принципамъ международнаго права, прежде всего признаваемымъ самими сторонами, въ силу трактатовъ или обычаевъ, а затѣмъ уже по общимъ началамъ этого права.

[2]) Хотя сокращаетъ, но передаетъ по существу ст. 22 проекта.

[3]) Ст. 19 и 20 соотвѣтствуютъ вполнѣ ст. 23 и 24 проекта Заключительные пункты въ нихъ добавлены по мысли Ассера и Манчини.

Третейскій судъ можетъ постановлять и частныя опредѣленія (jugements interlocutoires).

Ст. 20. Окончательное рѣшеніе должно быть постановлено въ срокъ, опредѣленный компромиссомъ или позднѣйшею конвенціею. За отсутствіемъ такого опредѣленія принимается двухлѣтній срокъ со времени заключенія компромисса Въ этотъ счетъ не входитъ самый день заключенія послѣдняго, а также время, въ продолженіе котораго непреодолимыя обстоятельства препятствовали одному или нѣсколькимъ судьямъ исполнять лежавшія на нихъ обязанности.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ, въ силу частнаго опредѣленія, наряжаетъ особое слѣдствіе, этотъ срокъ увеличивается на одинъ годъ.

Положительныя законодательства предписываютъ третейскому судьѣ соблюдать срокъ указанный въ компромиссѣ, а въ случаѣ неупоминанія о немъ держаться срока узаконеннаго. Послѣдній, по французскому праву — трехмѣсячный, со дня заключенія соглашенія; у насъ—четырехмѣсячный, со дня явки записи у нотаріуса или мироваго судьи. Стороны вольны продлить назначенный ими срокъ. Новѣйшіе трактаты, какъ мы видѣли во главѣ о смѣшанныхъ коммиссіяхъ, опредѣляютъ различно его продолжительность. Теченіе его обыкновенно начинаютъ считать со дня заключенія компромисса, но оно пріостанавливается, если хотя бы одинъ изъ третейскихъ судей, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, не могъ исполнить своей обязанности.

Ст. 21 [1]*). Всякое окончательное или частное рѣшеніе постановляется большинствомъ всѣхъ назначенныхъ судей, даже въ томъ случаѣ, если одинъ или нѣсколько изъ нихъ откажутъ принять въ этомъ участіе.*

---

[1]) Значительно сокращаетъ ст. 25 проекта. Опущено упоминаніе о томъ, что „обсужденіе дѣла и рѣшенія должны происходить сообща, даже если былъ назначенъ общій посредникъ (§ 5). Если и съ участіемъ послѣдняго не образуется абсолютнаго большинства, компромиссъ считается прекратившимся и судъ извѣщаетъ объ этомъ стороны".

Гольдшмидтъ ставитъ на видъ, что для полученія рѣшенія недостаточно относительнаго большинства, необходимо абсолютное. Пьерантони и Кальво высказываютъ противоположное мнѣніе. Затѣмъ онъ прибавляетъ, что голосъ общаго посредника имѣетъ рѣшающее значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда онъ содѣйствуетъ образованію абсолютнаго большинства, ибо, даже при разногласіи, онъ не призванъ судить какъ единственный судья. Выше мы упомянули, что римское право держалось противоположнаго начала. Намъ кажется, что достаточно относительнаго большинства, если оно образовалось при содѣйствіи общаго посредника.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что, до постановленія рѣшенія, третейскій судъ можетъ дѣлать сторонамъ предложенія о примиреніи. Это признается Гольдшмидтомъ, Блюнчли, Кальво и, въ средѣ Института. на это указалъ Есперсонъ. Но для сего требуется большая осмотрительность: «поступая такъ, замѣчаетъ первый изъ названныхъ писателей, третейскій судъ не нарушаетъ своей компетенціи, но дѣйствуетъ внѣ своихъ функцій, что можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ подорвать довѣріе сторонъ къ его безпристрастію и справедливости».

Ст. 22 [1]). *Если третейскій судъ найдетъ неосновательными притязанія обѣихъ сторонъ, онъ долженъ заявить объ этомъ и, если тому не препятствуютъ условія компромисса, удостовѣрить настоящее юридическое положеніе сторонъ по спорному дѣлу.*

Этотъ случай чаще всего можетъ представиться при спорѣ о пограничной линіи. Каждая сторона проводитъ свою линію, между тѣмъ какъ настоящая, быть можетъ, должна находиться въ срединѣ между обѣими. Иногда же, какъ въ Сан-Жуанскомъ дѣлѣ, третейскій судъ призванъ рѣшать только которая изъ двухъ линій относительно вѣрна.

Ст. 23 [2]). *Рѣшеніе должно быть изложено письменно,*

---

[1]) Не отступаетъ отъ ст. 26

[2]) Слита изъ ст. 27 и 28 безъ существенныхъ измѣненій.

съ указаніемъ подтверждающихъ его мотивовъ, если это не оговорено въ компромиссѣ. Оно подписывается каждымъ изъ третейскихъ судей. Въ случаѣ отказа въ подписи меньшинствомъ, достаточно одной подписи большинства, но съ письменнымъ заявленіемъ объ отказѣ въ подписи меньшинства.

Ст. 24 [1]). *Рѣшеніе съ мотивами, если они изложены, сообщается сторонамъ. Это дѣлается препровожденіемъ копіи съ него къ представителю или уполномоченному каждой стороны.*

Даже въ томъ случаѣ, если сообщеніе сдѣлано представителю одной лишь стороны, рѣшеніе суда не можетъ быть измѣнено.

Тѣмъ не менѣе суду предоставлено право, пока не миновалъ срокъ, указанный въ компромиссѣ, исправлять простыя ошибки правописанія или вычисленія, даже безъ просьбы о томъ какой либо стороны, а также дополнять свое рѣшеніе разбирательствомъ спорныхъ еще пунктовъ, по желанію одной стороны и по выслушанію другой. Толкованіе же сообщеннаго уже рѣшенія допускается лишь по требованію обѣихъ сторонъ.

Послѣ сообщенія рѣшенія, хотя бы одной сторонѣ, говоритъ Гольдшмидтъ, судъ не властенъ уже его измѣнить произвольно, какъ полагаетъ Бульмеринкъ. Но послѣдній и не говоритъ этого, а замѣчаетъ: «утверждать, что третейскій судъ не властенъ измѣнить свое рѣшеніе, въ случаѣ заблужденія,—противорѣчитъ общимъ принципамъ права.» Мы съ этимъ согласны и думаемъ, что и послѣ нотификаціи судъ можетъ измѣнить свое рѣшеніе пока не истекъ срокъ, данный въ компромиссѣ, и въ случаѣ заблужденія относительно права. Дозволеніе же исправлять ошибки правописанія и исчисленія понятно само собою [2]).

Ст. 25 [3]). *Рѣшеніе законно-состоявшееся оканчиваетъ въ предѣлахъ своего дѣйствія споръ между сторонами.*

---

[1]) Передаетъ ст. 29, съ прибавленіемъ, по предложенію Манчини, словъ: „пока не миновалъ срокъ, указанный въ компромиссѣ“.

[2]) Въ римскомъ правѣ съ постановленіемъ рѣшенія должность третейскаго судьи прекращалась немедленно и никакое позднѣйшее исправленіе онаго не допускалось.

[3]) Не измѣняетъ ст. 30 проекта.

Съ постановленіемъ рѣшенія достигается цѣль третейскаго суда. Заботиться о томъ, на сколько стороны выполнятъ это рѣшеніе, не его дѣло. Въ гражданскомъ быту послѣднее совершается чрезъ распоряженія государственныхъ судовъ и ихъ исполнительныхъ органовъ [1]). Въ международномъ-стороны сами должны добросовѣстно стараться о томъ, чтобы третейскія рѣшенія не остались мертвою буквою. Дѣлаемыя часто въ трактатахъ особыя оговорки объ обязательной силѣ для сторонъ третейскаго рѣшенія, говоритъ Гольдшмидтъ, излишни и юридически никакого значенія не имѣютъ. Если стороны ранѣе этого не вышли изъ компромисса, онѣ не въ правѣ отвергнуть состоявшееся рѣшеніе, даже въ случаѣ уплаты условленной суммы въ видѣ пени.

Стороны, повторяемъ мы, не только нравственно, но и юридически обязаны подчиниться третейскому рѣшенію. Это вытекаетъ, во 1-хъ, изъ основнаго начала международнаго общежитія,—вѣрности къ данному слову и къ трактатамъ, отъ которыхъ компромиссъ ни въ чемъ не отличается, и во 2-хъ. изъ уваженія къ праву вообще, какъ объективному порядку жизни, органомъ котораго является третейскій судъ.

Юридическій характеръ третейскихъ рѣшеній въ гражданскомъ обществѣ давно признанъ законами [2]) и того же требуютъ писатели (Блюнчли, [3]) Бульмеринкъ, [4]) Пьерантони [5]) и др.) и для международнаго третейскаго суда.

---

[1]) Суды, въ которыхъ являются третейскіе записи, выдаютъ и исполнительные листы. По германскому праву Vollstreckungsurtheil даются судомъ безъ пересмотра рѣшенія. (Civilproc. Art. 661).

[2]) Еще римское право постановило: Stari autem debet sententiae arbitri, quam dixerit, sive aequa sit, sive iniqua et sibi imputet qui compromisit. (*Weizsacker*, S. 87—89; 93). Въ герм. кодексѣ гражд. суд. читаемъ: Der Schiedsspruch hat unter den Parteien die Wirkungen eines *rechtskraftigen gerichtlichen Urtheils*. (Art. 866).

[3]) Дѣятельность третейскаго судьи, говоритъ онъ, хотя и беретъ свои полномочія только отъ сторонъ, носитъ *судебный* характеръ. Вслѣдствіе этого онъ стоитъ надъ сторонами и возлагаетъ на нихъ *обязательства*. (Ст. 491 прим.).

[4]) Der Schiedsspruch ist ein *Rechtsspruch*.

[5]) La decisione dell'arbitrato ha un carattere *essenzialmente giudiziario*

Третейское рѣшеніе можетъ быть, со стороны заинтересованныхъ государствъ, предметомъ разсмотрѣнія (не ратификаціи) и быть даже отвергнуто ими, но только на *основаніи юридическихъ мотивовъ*, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить. Поступая иначе, они подорвали бы общее къ себѣ уваженіе и узаконили бы, смотря по обстоятельствамъ, противъ себя болѣе или менѣе строгія, репрессивныя мѣры. Филлиморъ оправдываетъ даже въ этихъ случаяхъ войну со стороны государства выигравшаго дѣло, оговариваясь только, что не слѣдуетъ втягивать въ нее то государство, которое постановило рѣшеніе. Едва-ли однако возможно и желательно созданіе подобной санкціи для третейскаго суда, по существу добровольнаго и обращеннаго къ чувству чести и справедливости сторонъ. Да и споры, которые онъ можетъ вѣдать, не настолько важны, чтобы вызывать войну въ случаяхъ невыполненія его рѣшеній.

Ст. 26 [1]). *Каждая сторона несетъ свои издержки и половину расходовъ по содержанію третейскаго суда, независимо отъ той суммы вознагражденія, къ уплатѣ которой та или другая сторона можетъ быть приговорена судомъ.*

VI.

Обжалованіе рѣшенія

Ни въ одномъ пунктѣ ученіе о международномъ третейскомъ судѣ не нуждается до такой степени въ преобразованіи сравнительно съ гражданскимъ, какъ въ вопросѣ объ *оспариваемости* и *недѣйствительности третейскаго рѣшенія*.

По римскому праву, начала котораго перешли и въ новѣйшіе кодексы, рѣшеніе третейскаго судьи считалось неизмѣннымъ. Это была первая и послѣдняя инстанція. Аппелляція не

---

e perciò deve essere eseguita (н. с стр 90).

En règle générale, говоритъ *Роленъ-Жекменъ*, les arbitres ne font pas de simples proposition, n'emettent pas un avis, mais prononcent un *véritable jugement souverain* (Revue; 1875, p 82).

[1]) Почти не отступаетъ отъ ст. 31 проекта

допускалась. Споры же о дѣйствительности рѣшенія не имѣли значенія, потому что недѣйствительныя рѣшенія могли быть безнаказанно нарушаемы сторонами.

Эти начала римскаго права, говоритъ Гольдшмидтъ, подверглись въ средніе вѣка совершенному преобразованію въ законахъ и въ юридической практикѣ. Была допущена аппелляція, какъ будто третейское разбирательство соотвѣтствовало суду первой инстанціи и это допущеніе имѣло либо абсолютный характеръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда аппелляція прямо не запрещалась въ компромиссѣ, либо дозволительный, въ предѣлахъ указываемыхъ послѣднимъ. Кромѣ того допущены иски о недѣйствительности рѣшеній для противодѣйствія явнымъ нарушеніямъ закона. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда аппелляція возбранялась, было дозволено оспаривать рѣшеніе ради грубой несправедливости, что указывало на смѣшеніе arbiter съ arbitrator.

Но новѣйшіе кодексы возвратились къ прежнимъ вѣрнымъ воззрѣніямъ и запретили въ принципѣ аппелляцію, а кассаціонныя категоріи ограничили [1]).

Въ международной области также возникаетъ вопросъ объ оспариваемости и даже отмѣнѣ третейскихъ рѣшеній въ случаѣ ихъ явной несправедливости. Правда, при сравнительно небольшой практикѣ третейскаго суда, до нашего времени извѣстенъ лишъ одинъ случай непризнанія сторонами третейскаго рѣшенія (постановленнаго нидерландскимъ королемъ въ 1831 г.) Но болѣе широкое его приложеніе неизбѣжно поведетъ къ указанному нами вопросу.

Для того, чтобы не предоставлять все на исключительный произволъ сторонъ, здѣсь необходимо стремиться къ двумъ реформамъ: къ возможно точному опредѣленію *юридическихъ*

---

[1]) Аппелляція на рѣшеніе третейскаго суда не допускается, говоритъ ст. 1393 Уст. гр. суд. Объ уничтоженіи трет. рѣшеній ст. 1396 сл. Ср. Civilproc. ст. 867. Исключеніе составляетъ французскій кодексъ ст 1023. Стороны могутъ отказаться отъ аппелляціи (ст. 1010), но, въ случаѣ сомнѣнія, право это всегда предполагается. (Dalloz, ib. Ch. 12, § 1254—70)

поводовъ оспариваемости рѣшеній и создать *особыя инстанціи* для ихъ кассаціи и разсмотрѣнія въ аппелляціонномъ порядкѣ. Одна реформа безъ другой мало окажетъ пользы на практикѣ. Отмѣняя рѣшенія по своему *одностороннему* толкованію, государства вновь выступаютъ судьями въ своемъ дѣлѣ и легко могутъ разстроить все, до чего добился ими же созданный судъ.

Къ сожалѣнію, писатели не согласны относительно опредѣленія случаевъ оспариваемости третейскихъ рѣшеній: *Вattель* упоминаетъ объ одномъ поводѣ непринятія оныхъ: если они очевидно несправедливы, противны разуму. Но, добавляетъ онъ, если несправедливость невелика (de petite conséquence), надо ее терпѣть изъ-за любви къ миру [1]).

Современные писатели останавливаются на этомъ щекотливомъ вопросѣ гораздо подробнѣе. По *Гефтеру* третейское рѣшеніе можетъ быть оспариваемо: 1. вслѣдствіе недѣйствительности самого компромисса; 2. абсолютной неспособности третейскаго судьи; 3. безчестности его или противной стороны; 4. недостаточнаго выслушанія сторонъ или совершеннаго въ немъ отказа; 5. нарушенія границъ компромисса и 6. полной неправомѣрности сдѣланныхъ въ рѣшеніи распоряженій, недопускающей считать эти распоряженія дозволеннымъ предметомъ (causa) какого либо договора, при чемъ однако простыя ошибки (Verstösse) при обсужденіи конкретнаго случая—если таковыя не происходятъ отъ лицепріятія—не даютъ повода къ оспариваемости [2]).

Случаи, въ которыхъ государства имѣютъ полное право по Кальво не принять и не исполнить третейское рѣшеніе, весьма близко подходятъ къ классификаціи Гефтера. Ихъ также 6; опущенъ первый пунктъ, впрочемъ понятный самъ по себѣ. вновь выставленъ случай «когда рѣшеніе касается вопросовъ. не относящихся къ дѣлу.» Но очевидно это не есть самостоятельный пунктъ: онъ подходитъ подъ первый случай, гдѣ

[1]) Le droit des Gens. Liv. II, ch 18; § 329.

[2]) Das europaische Völkerrecht; § 109

упоминается о рѣшеніи «принятомъ за предѣлами или совершенно внѣ компромисса» (en dehors ou au delà des termes du compromis). Опредѣленіе неспособности судей у Кальво точнѣе: онъ говоритъ «о неспособности законной или нравственной, абсолютной или относительной, напр., когда они были связаны предъидущими обязательствами или имѣли при постановкѣ своихъ заключеній непосредственный интересъ неизвѣстный сторонамъ, которыя ихъ выбрали.» Говоря о подкупѣ судей, Кальво замѣчаетъ, что съ начала нынѣшняго столѣтія состоялось по крайней мѣрѣ до 40 третейскихъ рѣшеній и ни одно не вызвало малѣйшаго заподозрѣнія честности судей. Примѣры ихъ подкуповъ и обмана встрѣчаются только въ средніе вѣка. Пуфендорфъ, упоминая объ обращеніи императора Максимилана и дожа Венеціи къ третейскому суду папы Льва X говоритъ, что обѣ стороны вели тайную интригу для привлеченія папы на свою сторону. Рѣшеніе наконецъ по Кальво не дѣйствительно, если противорѣчитъ «началамъ справедливости и въ силу этого неспособно по своему характеру сдѣлаться предметомъ юридической сдѣлки [1]).»

Блюнчли допускаетъ лишь 4 повода, которые онъ такъ формулируетъ: 1. нарушеніе третейскимъ судомъ его полномочій; 2. безчестность съ его стороны; 3. невыслушаніе сторонъ или нарушеніе основныхъ началъ всякаго судопроизводства и 4. несовмѣстимость содержанія рѣшенія съ требованіями международнаго и общечеловѣческаго права. Но, прибавляетъ онъ, нельзя оспаривать рѣшеніе на томъ основаніи, что оно ошибочно или для одной изъ сторонъ несправедливо (unbillig) [2]). Безспорно эти категоріи въ существѣ вѣрны; слѣдуетъ только упомянуть о неспособности судей, наступившей послѣ ихъ избранія. Общечеловѣческое право, входя въ составъ международнаго, не требуетъ особаго упоминанія.

Фіоре говоритъ также о 6 поводахъ къ непринятію рѣшенія, при чемъ онъ не отступаетъ отъ Гефтера и Кальво. Онъ ука-

---

[1]) Le droit international; II, 1532.

[2]) Das moderne Volkerrecht, ст. 495:

зываетъ только на одинъ оригинальный случай: когда рѣшеніе отличается двусмысленнымъ характеромъ (équivoque). Это весьма эластичное и неюридическое основаніе. Рѣшеніе неточное, разумѣется. не можетъ быть принято [1])

Пьерантони, приводя классификаціи Гефтера, Кальво и Блюнчли, находитъ, что онѣ слишкомъ обширны: «предоставляя государствамъ излишне много путей для уклоненія отъ обязанности повиноваться рѣшенію». По его мнѣнію, государствамъ нечего заниматься вопросомъ о способности судей—это дѣло внутренняго законодательства каждаго изъ нихъ, они пользуются правомъ отвода и если разъ приняли судъ въ извѣстномъ составѣ, то развѣ безуміе, смерть или иная физическая неспособность одного изъ его членовъ лишаютъ судъ его законнаго состава. Далѣе ему кажутся недопустимыми слѣдующіе два повода: недостаточное выслушаніе сторонъ и нарушеніе основныхъ принциповъ процесса.—Онъ признаетъ лишь 4 случая оспариваемости третейскаго рѣшенія: 1. доказанный подкупъ одного изъ судей, повлявшій на самое рѣшеніе; 2. выступленіе за предѣлы компромисса; 3. несоблюденіе условій специально предписанныхъ послѣднимъ и 4. если рѣшеніе касается пункта неспособнаго быть предметомъ договора [2]).

Мы, съ своей стороны, находимъ эту классификацію недостаточною: пункты 2-ой и 3-ій могутъ быть слиты въ одинъ—нарушеніе компромисса.

Самыя подробныя перечисленія поводовъ къ оспариваемости третейскихъ рѣшеній сдѣлали *Бульмеринкъ*, допускающій 10 случаевъ, которые однако могутъ быть сведены къ болѣе простой и краткой классификаціи и *Гольдшмидтъ*, выставляющій 11 категорій для кассаціи съ мелкими еще подраздѣленіями.

Между случаями, приводимыми Бульмеринкомъ, кромѣ уже извѣстныхъ намъ, упоминаются: 1. фактическая неточность или заблужденіе вызванное по винѣ одной изъ сторонъ или третейскаго суда; 2. предосудительныя дѣйствія судьи по от-

---

[1]) Nouveau droit international, въ перев. Pradier-Fodéré; II, 207.

[2]) Gli arbitrati internazionali, p 91—97

ношенію къ сторонамъ куда онъ относитъ не только пристрастіе, безчестность, но и хитрость и возложеніе на нихъ чего либо неподобающаго, напр. такого, что несовмѣстимо съ честью и независимостью государства; 3. предосудительныя же дѣйствія самихъ сторонъ, какъ-то подкупъ судей и даже хитрость по отношенію къ противнику. — Неспособность судей принимается въ соображеніе лишь въ томъ случаѣ. если она наступила послѣ заключенія компромисса.

Наконецъ, Гольдшмидтъ говоритъ въ 32 статьѣ своего проекта. «Третейское рѣшеніе, правильно постановленное, можетъ быть оспариваемо и уничтожено: 1. если самъ компромиссъ не былъ правильно заключенъ (ст. 2, 3, 4. 7, 8 его проекта). Но на этотъ мотивъ сторона не можетъ уже ссылаться послѣ того, какъ она участвовала въ производствѣ дѣла предъ судомъ и не представила возраженія о недѣйствительности компромисса.

2. Если компромиссъ правильно заключенный прекратился вслѣдствіе: а) новой конвенціи между сторонами, заключенной до постановленія рѣшенія [1]): b) невозможности образовать третейскій судъ или позднѣйшаго его распаденія (ст. 5—8, 11. 25); с) истеченія установленнаго для рѣшенія срока.

3. Если третейскій судъ разсматривалъ и рѣшалъ дѣла не въ присутствіи всѣхъ своихъ членовъ или безъ ихъ участія (ст. 14, 25).

4. Въ случаѣ постановленія рѣшенія, вопреки компромиссу, безъ мотивовъ (ст. 28).

5. Если судомъ не выслушаны жалобы одной изъ сторонъ (ст. 16). Къ этому случаю подходитъ тотъ, когда лицо, выступившее въ качествѣ представителя одной изъ сторонъ не получило отъ оной ни молчаливаго, ни письменнаго на то полномочія или когда его дѣйствія потомъ не были ею такъ или иначе ратифицированы.

---

[1]) Писатели согласны въ томъ, что во все время третейскаго производства стороны вольны прекратить его новымъ между собою соглашеніемъ и либо отказаться отъ спорнаго права, либо совершить извѣстное требуемое дѣйствіе.

6. Вслѣдствіе выступленія суда изъ за-границъ компетенціи, указанныхъ въ компромиссѣ (ст. 3, 4, 18).

7. Если онъ въ своемъ рѣшеніи даруетъ противнику болѣе того, чего онъ требуетъ.

8. Въ случаѣ нарушенія имъ тѣхъ процессуальныхъ нормъ или принциповъ права, которые ему были спеціально предписаны въ компромиссѣ или иной конвенціи между сторонами или которые онъ себѣ избралъ и сообщилъ ихъ послѣднимъ. (ст. 16, 22).

9. Если третейское рѣшеніе предписываетъ какое либо дѣйствіе, которое признается вообще безнравственнымъ и запрещеннымъ.

10. Вслѣдствіе полученія кѣмъ либо изъ судей, безъ вѣдома одной стороны и до постановленія рѣшенія, извѣстной выгоды отъ другой или обѣщанія таковой.

11. Если будетъ доказано, что судъ былъ введенъ въ заблужденіе одною изъ сторонъ посредствомъ напр. подложныхъ или невѣрныхъ документовъ или подкупленныхъ свидѣтелей.

Нельзя не согласиться съ основною мыслію Гольдшмидта, руководившею его въ этой статьѣ: «необходимо, говоритъ онъ, съ точностію опредѣлить существо и границы поводовъ къ недѣйствительности третейскихъ рѣшеній, если мы хотимъ извлечь ихъ изъ того первобытнаго состоянія, въ которомъ они доселѣ находятся, какъ сомнѣнія совѣсти, не подлежащія никакому контролю, и возвысить ихъ на степень юридическихъ мотивовъ, допускающихъ оспаривать рѣшеніе правильнымъ судебнымъ порядкомъ.»

Перечисленія мотивовъ кассаціи, нами приведенныя, исчерпываютъ вполнѣ дѣло. Въ результатѣ мы можемъ ихъ для краткости свести къ тремъ основнымъ пунктамъ: 1. нарушеніе судомъ въ какомъ бы то ни было отношеніи компромисса; 2. несоблюденіе имъ общихъ и основныхъ началъ процесса вообще; 3. противорѣчіе рѣшенія принципамъ международнаго права.

Но на изложенныхъ соображеніяхъ Гольдшмидтъ не остановился: онъ понялъ, что для успѣха третейскаго суда въ

международной жизни, необходимо *довести до конца его юридическую организацію*. Для этого требуется не только установить мотивы кассаціи, но создать, какъ мы уже сказали, новую высшую судебную инстанцію, призванную ихъ разбирать и давать уже окончательныя рѣшенія. Чрезъ это произволъ сторонъ при интерпретаціи былъ бы въ значительной степени уменьшенъ, а дѣло правосудія получило бы весьма важныя и плодотворныя гарантіи прочности. Послушаемъ его самого: «для большей дѣйствительности третейскихъ рѣшеній необходимо учредить высшую инстанцію. О ней и о производствѣ ею дѣлъ говорятъ 33 и 34 статьи нашего проекта. *Всего лучше для этого было бы создать международный судъ либо постоянный, либо созываемый въ виду конкретнаго случая*. Возраженія дѣлаемыя обыкновенно противъ подобнаго учрежденія не имѣютъ большой силы, когда рѣчь идетъ о разсмотрѣніи не спора по существу, но тѣхъ строго-очерченныхъ мотивовъ, которые дозволяютъ оспаривать рѣшеніе. Если бы стороны не могли придти къ соглашенію относительно образованія подобнаго суда (Cour Internationale) или другаго, новаго третейскаго суда, долженствующаго заниматься однимъ разсмотрѣніемъ кассаціонныхъ жалобъ, или если стороны для этого не укажутъ ни на одинъ изъ существующихъ верховныхъ судовъ, то не представляется препятствій поручить это разсмотрѣніе высшему судилищу того государства или той территоріи, гдѣ засѣдалъ первый третейскій судъ. Это возвысило бы значеніе мѣстопребыванія послѣдняго. Но стороны вольны выбирать мѣсто засѣданій суда, а также назначать для указываемаго рѣшенія и иной судъ. Можетъ быть намъ возразятъ, что не всѣ верховныя судилища способны рѣшать международные вопросы. На это мы отвѣтимъ повтореніемъ только что сдѣланнаго нами замѣчанія и кромѣ того напомнимъ, что самый вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь:—существуетъ ли дѣйствительно приводимый сторонами мотивъ? — будетъ весьма рѣдко касаться трудныхъ пунктовъ международнаго и публичнаго права. Наконецъ, можно безъ колебанія высказать убѣжденіе, что, въ виду общаго интереса народовъ въ томъ, чтобы

были произносимы справедливыя рѣшенія и въ области международной жизни, избранный для этого національный или компетентный судъ не уклонится отъ требуемаго отъ него рѣшенія.»

Раздѣляя въ цѣломъ эти мысли Гольдшмидта, съ поправками Пьерантони и Манчини, о которыхъ мы говоримъ ниже, мы считаемъ однако возможнымъ и даже болѣе правильнымъ иной путь: когда возникнетъ постоянный международный судъ, предоставлять ему, какъ высшей инстанціи, разсмотрѣніе кассаціонныхъ жалобъ. Это скорѣе всего поведетъ къ выработкѣ единообразной и раціональной судебной практики и въ области международнаго правовѣдѣнія. Въ видѣ исключенія стороны могли бы обращаться и къ инымъ учрежденіямъ.

Возвращаемся къ двумъ послѣднимъ статьямъ разбираемаго нами проекта.

Ст. 33. Жалоба на рѣшеніе приносится въ судъ или въ третейскій судъ, указанный для этого въ компромиссѣ или въ послѣдующей конвенціи между сторонами. За недостаткомъ такого указанія или въ случаяхъ, если стороны не сговорятся относительно образованія новаго третейскаго суда, или если послѣдній по образованіи распадется, или если указанный судъ не приметъ на себя рѣшеніе—жалоба вносится въ верховный судъ государства или территоріи, гдѣ имѣлъ свои засѣданія первый третейскій судъ (ст. 12).

Ст. 34. Эта жалоба вносится въ 90 дневный срокъ, считая со дня сообщенія третейскаго рѣшенія уполномоченному недовольной стороны.

Для открытія кассаціоннаго производства достаточно письменной жалобы на рѣшеніе третейскаго суда съ одновременнымъ внесеніемъ извѣстной суммы (1,000 фр.) въ видѣ залога.

По истеченіи указаннаго срока, такія жалобы болѣе не принимаются за исключеніемъ развѣ того случая, когда недовольная сторона докажетъ, что она лишь позднѣе узнала о мотивѣ кассаціи.

Предполагается, что сторона отказалась отъ кассаціоннаго производства и потеряла свой залогъ, если она въ новый 90

дневный срокъ, по истеченіи перваго. не представитъ суду записку съ подробнымъ изложеніемъ мотивовъ. въ силу которыхъ она оспариваетъ рѣшеніе. Эти соображенія не могутъ быть дополнены по истеченіи втораго срока назначеннаго для обжалованія. Все это производство можетъ быть начато и ведено лишь лицами, законно уполномоченными отъ сторонъ.

Какъ кассаціонная жалоба, такъ и оправдательная записка должны быть сообщены противной сторонѣ, которая обязана на нихъ отвѣчать въ продолженіи 90 дней со времени полученія послѣдней. Приводимые въ ней факты, не вызвавшіе точнаго опроверженія противника, считаются доказанными.

Судъ можетъ выслушивать представителей сторонъ и требовать предъявленія доказательствъ.

Судъ высказывается только о мотивахъ обжалованія, приводимыхъ въ оправдательной запискѣ. Если онъ найдетъ одинъ изъ нихъ обоснованнымъ, онъ кассируетъ третейское рѣшеніе. Но если послѣднее простирается на нѣсколько между собою независимыхъ частей, то лишь тѣ изъ нихъ, которыя были законно оспариваемы, отмѣняются.

Если судъ отвергнетъ жалобу о кассаціи, сторона теряетъ внесенный ею залогъ.

Издержки этого производства падаютъ на сторону, которая потеряла дѣло.

Рѣшеніе суда окончательное.

Поступленіе спора на новое разбирательство къ прежнему третейскому суду, или къ другому, можетъ имѣть мѣсто не иначе. какъ съ согласія сторонъ.

Эта послѣдняя часть проекта вызвала, какъ и слѣдовало ожидать, оживленныя препія въ средѣ Института. Фильдъ, Бульмеринкъ и Вестлекъ предложили совершенно ее отвергнуть. Парье выразилъ сомнѣніе относительно возможности организовать обжалованіе. По его мнѣнію путь предлагаемый проектомъ отвратитъ государства отъ третейскаго суда. Можно только лишь косвенно предлагать имъ нѣкоторыя реформы въ этомъ направленіи. Напротивъ Пьерантони защищалъ идеи Гольдшмидта.

Кромѣ упоминаемыхъ послѣднимъ верховныхъ судовъ, онъ желалъ бы видѣть кассаціонными инстанціями и юридическіе факультеты, какъ это бывало прежде. А Манчини предложилъ вообще присоединить къ нимъ ученыя корпораціи.

Вслѣдствіе этихъ преній Институтъ въ послѣдней статьѣ устава упоминаетъ только о главныхъ мотивахъ недѣйствительности третейскаго рѣшенія и оставляетъ совершенно въ сторонѣ важные вопросы объ устройствѣ кассаціоннаго и апелляціоннаго производства.

Ст. 27. Рѣшеніе третейскаго суда недѣйствительно, если недѣйствителенъ самый компромиссъ, если судьи превысили свои полномочія, или одинъ изъ нихъ дозволилъ себя подкупить и это будетъ доказано, или если они впали въ существенное заблужденіе.

Нельзя не пожалѣть, что Институтъ опустилъ въ своемъ уставѣ послѣднюю, быть можетъ самую примѣчательную, часть проекта Гольдшмидта. Онъ поступилъ такъ, руководясь практическими соображеніями. Но рано или поздно ему придется довершить неконченное дѣло. «Мы согласны съ тѣмъ, говоритъ Гольдшмидтъ, что можно привести много практическихъ возраженій противъ важнаго и радикальнаго нововведенія нашего проекта. Но достойно сожалѣнія, что совершенно отклонена попытка, которая къ тому и стремилась, чтобы возвести международный третейскій судъ на высоту дѣйствительнаго юридическаго института» [1]).

Еще гораздо ранѣе этого Роленъ-Жекменъ указалъ на необходимость связать третейское разбирательство съ правильною юрисдикціею. Только она способна поставить вопросъ объ отмѣнѣ третейскихъ рѣшеній на юридическую почву. «Желательно, говоритъ онъ, чтобы международные компромиссы, учреждая третейскій судъ для разбирательства дѣла по существу, указывали на способы образованія другаго суда, который былъ бы призванъ разсматривать мотивы обжалованія

---

[1]) Revue, 1875; p. 425.

главнаго рѣшенія. Можетъ быть это содѣйствовало бы установленію международнаго обычая и проложило бы практически путь къ введенію постояннаго суда съ такимъ назначеніемъ» [1]).

Изученіе третейскаго суда само собою приводитъ лучшихъ знатоковъ его къ необходимости требовать другой, органически съ нимъ связанной реформы — постояннаго международнаго суда. Такъ выражаются, кромѣ Гольдшмидта, Ролена, еще Ричардъ [2]), Фильдъ и многіе другіе.

Это заставляетъ насъ остановиться на разсмотрѣніи внутренняго существа третейскаго суда.

VII.

Общія замѣчанія

Третейскій судъ составляетъ самую древнюю форму юрисдикціи. Начала его восходятъ къ тѣмъ отдаленнымъ эпохамъ, когда не существовало еще государства и когда человѣкъ почувствовалъ первыя въ себѣ потребности къ общежитію. Мы встрѣчаемъ его въ болѣе или менѣе развитомъ состояніи у всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ и это указываетъ намъ на то, что не случайныя обстоятельства, а внутреннія, присущія этому институту свойства вызвали его къ жизни и поддерживали его существованіе въ продолженіи тысячелѣтій.

Значеніе его, въ общемъ историческомъ развитіи процесса, намъ представляется двоякое: онъ является съ одной стороны переходною формою охраненія права отъ самоуправства къ государственнымъ судамъ. Въ этомъ отношеніи онъ проложилъ послѣднимъ дорогу и впервые юридически нѣсколько ограничилъ произволъ личности, не знавшей до него иного способа отыскиванія своихъ правъ или скорѣе претензій, кромѣ силы.

Съ другой стороны и послѣ введенія государственнаго суда во всѣхъ его формахъ, судъ третейскій продолжаетъ существовать какъ дополненіе къ нему и по самому своему характеру какъ исправленіе многихъ, часто его искажающихъ, недостат-

---

[1]) Revue, 1872; p. 139.

[2]) Calvo, II, 581.

ковъ. Вотъ почему въ гражданскомъ быту обѣ эти формы юрисдикціи существуютъ совмѣстно, не доходя до совершеннаго сліянія или вытѣсненія одной другою.

Правда, цивилисты давно уже укызываютъ на все большее и большее исчезновеніе третейской практики въ гражданскихъ тяжбахъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія во Франціи, среди разгрома революціи господствовало противоположное этому явленіе: хотѣли третейскимъ разбирательствомъ замѣнить государственные суды, такъ что самое названіе судей было уничтожено и ихъ назвали государственными посредниками. Реакція противъ этого не замедлила наступить.

Понятно, что съ усовершенствованіемъ государственнаго суда область третейскаго призвана съуживаться, но полное ея уничтоженіе едва ли желательно въ общихъ интересахъ правосудія. Какъ судъ добровольный, создаваемый волею сторонъ, въ виду опредѣленнаго спорнаго вопроса, третейскій судъ отличается многими хорошими, но и темными сторонами. Онъ стоитъ близко къ той почвѣ народной жизни. которая вызываетъ его къ бытію, отличается простотою и скоростію производства, наконецъ, онъ даетъ судьѣ значительный просторъ при обсужденіи дѣла и постановкѣ рѣшенія. Судья не связывается строгими, формальными предписаніями закона; его разбирательство будетъ часто, выражаясь языкомъ нашего права, судомъ по совѣсти. Поэтому третейскій судъ, вѣрно понимаемый, призванъ быть непосредственнымъ проводникомъ правосознанія общества, и, въ предѣлахъ очерченныхъ ему компромиссомъ, онъ можетъ дѣйствовать довольно свободно и оказывать творческое вліяніе на развитіе юридическихъ идей.

Съ этими хорошими свойствами связаны и темныя стороны разсматриваемаго нами института. Главный его недостатокъ сводится къ тому, что онъ есть по преимуществу судъ субъективный, въ которомъ человѣческой личности дается много простора. Личность сторонъ высказывается въ избраніи судей, а личность послѣднихъ въ разсмотрѣніи дѣлъ. Отсюда крайняя шаткость и частая неопредѣленность всего третейскаго производства. Въ гражданскомъ быту эти недостатки уменьшаются

вслѣдствіе связи устанавливаемой между нимъ и государственными судами. Третейскій судъ остается добровольнымъ, но законъ создаетъ для него извѣстныя объективныя рамки съ характеромъ юридическихъ нормъ и надзираетъ за исполненіемъ третейскихъ рѣшеній.

Переходя къ международному порядку, мы встрѣчаемъ третейскія рѣшенія также во всѣ эпохи, но, пока не существовало общаго между государствами права, эти рѣшенія отличались самымъ случайнымъ и неопредѣленнымъ характеромъ. Ихъ трудно отличить отъ простаго посредничества. Лишь въ наше время третейская практика въ этой области не только оживляется, но и возникаетъ стремленіе облечь ее въ юридическія нормы. Это вызывается настоятельными практическими потребностями, а съ другой стороны подъемомъ правосознанія въ современныхъ народахъ вообще.

Но едва явилась эта потребность, какъ поняли внутреннюю недостаточность третейскаго суда, предоставленнаго себѣ самому и необходимость поэтому опереть его на правильно-организованную юрисдикцію. Это, въ самомъ дѣлѣ, неотложная задача для нашего времени. Принимая болѣе опредѣленный юридическій характеръ и проникая въ практическую жизнь, по выраженію Роленъ-Жекмена, «какъ обыкновенный и правильный способъ рѣшенія споровъ между государствами» [1]). третейскій судъ призванъ проложить путь международному суду, который въ свою очередь укрѣпитъ и расширитъ область его дѣйствія, но не уничтожитъ ея.

Писатели указываютъ на различные недостатки третейскаго института. *Бара* ставитъ на видъ, что самое возникновеніе его невозможно, безъ искренняго желанія сторонъ избѣжать войны, а что успѣхъ его зависитъ отъ ихъ же расположенія уважать или нѣтъ состоявшееся рѣшеніе. Но и при наличности этихъ, хотя и предварительныхъ, но основныхъ условій, третейскій судъ въ международной области представляется ему

---

[1]) Revue, 1872; p. 139

безъ почвы, какъ бы чѣмъ то висящимъ на воздухѣ. Онъ лишенъ опоры организованной юстиціи и для приведенія въ дѣйствіе его рѣшеній не существуетъ силы, «на которую, какъ Ѳемида на мечъ, должна опираться юстиція, для вынужденія уваженія къ своимъ приговорамъ. Безъ исполнительной власти не мыслима совершенная юстиція.» Бара не забываетъ еще внутренній недостатокъ третейскаго разбирательства. Руководящею нормою въ немъ признаютъ справедливость, «самое неопредѣленное изъ всѣхъ понятій. На основаніи ея возможны едва-ль не столько различныхъ рѣшеній, сколько будетъ головъ. Это происходитъ отъ того, что подъ справедливостію (equité) слѣдуетъ разумѣть юстицію, какъ она представляется отдѣльному человѣку въ извѣстный моментъ его жизни. Между тѣмъ юстиція едина, какъ и истина, изъ которой она истекаетъ.» На основаніи этихъ доводовъ онъ считаетъ третейскій судъ приложимымъ къ весьма ограниченному числу споровъ и вообще плохимъ органомъ правосудія [1]).

Возраженія *Сибоома* вращаются около того положенія, что третейскій судъ не въ силахъ замѣнить международное право. Во 1-хъ, какъ система онъ не достигнетъ цѣли, которую имѣютъ въ виду вслѣдствіе того, что онъ не можетъ, на подобіе закона предупреждать споры, а призванъ рѣшать тѣ, которые уже возникли. Во 2-хъ, онъ вообще не замѣняетъ законы справедливые, точно и ясно выработанные, подъ вліяніемъ которыхъ только и возможенъ правильный и широкій гражданскій оборотъ. Въ 3-хъ, онъ не представляетъ ручательства безпристрастнаго рѣшенія, отличаясь всѣми недостатками присущими закону, который изданъ по поводу извѣстнаго спеціальнаго случая и послѣ его наступленія. Словомъ третейское разбирательство напоминаетъ, по его картинному выраженію, доску, за которую хватается утопающій мореплаватель, но въ немъ нельзя видѣть правильный способъ судоходства [2]).

---

[1]) *Bara.* La science de la paix Изд. Potvin, 1872, p. 152 sv. et 221.

[2]) *Seebohm.* De la réforme du droit des Gens, trad. par Farjasse; 1873; p 148 et 179.

Критика *Гольцендорфа* носитъ болѣе практическій характеръ. «Два важныя препятствія существуютъ, говоритъ онъ, для всеобщей приложимости третейскаго суда Съ одной стороны начала международнаго права большею частію слишкомъ еще неопредѣленны, ихъ трудно распознать и установить. Съ другой, мнѣнія народовъ, въ вопросахъ, касающихся претензій иностранныхъ государствъ, находятся еще слишкомъ подъ вліяніемъ ихъ односторонннихъ интересовъ и симпатій. Въ нашъ вѣкъ, все большаго переплетенія политическихъ и экономическихъ интересовъ между народами, невозможно ожидать отъ нихъ равнодушія ни къ одному вопросу общей политики, а вслѣдствіе этого какая страна способна, въ качествѣ третейскаго судьи, изрекать рѣшенія равно чуждыя пріязни или ненависти?» [1]).

Никогда, говоритъ *Гобле д'Альвіелла,* третейскій судъ не замѣнитъ законъ. Одно изъ двухъ: или онъ будетъ призванъ прилагать извѣстныя нормы, напередъ установленныя сторонами, въ виду спеціальнаго случая (напр. въ Алабамскомъ дѣлѣ). Но, независимо отъ того, что эти обратные законы, случайно изданные, никогда не представятъ столько гарантій, какъ законы общіе и постоянные, самое установленіе принциповъ для третейскаго суда часто бываетъ связано съ сущностью спора и можетъ вызвать большія несогласія между противниками. Или же третейскимъ судьямъ будетъ дарована свобода рѣшать вопросы фактическіе и юридическіе исключительно по внушеніямъ ихъ совѣсти. Въ такомъ случаѣ, какъ бы велики ни были ихъ разумѣніе и честность, ихъ рѣшенія никогда не представятъ тѣхъ ручательствъ безпристрастія, которыя можно найти въ сейчасъ упомянутыхъ нами, спеціально изданныхъ нормахъ или еще болѣе въ общихъ законахъ, установленныхъ безъ отношенія къ лицамъ противниковъ или подробностямъ ихъ спора. Optima lex quae judici minimum relinquit.

Не смотря на эту критику, авторъ признаетъ однако за третейскимъ судомъ двѣ важныя заслуги: онъ не рѣдко былъ

[1]) Revue; 1876; p. 31

удаченъ и всегда протягиваетъ время, которое въ международныхъ распряхъ иной разъ, можно сказать, отождествляется съ миромъ [1]).

Можно видѣть много справедливаго въ этихъ замѣчаніяхъ и тѣмъ не менѣе рекомендовать распространеніе третейской практики въ международной области. Согласіе сторонъ, о которомъ говоритъ Бара, необходимо для успѣшнаго ея дѣйствія, но можно. и не будучи идеалистомъ, ожидать въ будущемъ большаго ея развитія, какъ вслѣдствіе усовершенствованія самого третейскаго производства,—и въ этомъ направленіи серьезно трудится современная наука,—такъ и въ силу практическихъ потребностей, настоятельно требующихъ, какъ увидимъ ниже, установленія международной юстиціи. И въ гражданскомъ, и въ международномъ быту третейскіе суды, по своей природѣ, неспособны вѣдать всякаго рода тяжбы и споры. Кругъ ихъ вѣдомства въ послѣдней области, съ успѣхами нравственнаго и юридическаго сознанія въ народахъ, призванъ постепенно расширяться, но на основаніи добытыхъ уже опытомъ указаній, слѣдуетъ признать двоякаго рода дѣла, особенно подходящими для третейскаго разбирательства: пререканія о толкованіи трактатовъ и всѣ споры объ убыткахъ, частныхъ или правительственныхъ. Третейскіе суды вообще должны бы дѣйствовать въ тѣхъ случаяхъ, когда дипломатіи не удалось уладить извѣстный споръ между народами.

Съ другой стороны не существуетъ препятствій для того. чтобы не замѣнить со временемъ справедливость, какъ руководящую норму этихъ судовъ, началами положительнаго международнаго права. Въ этомъ состояло бы большое улучшеніе и этого требуютъ, какъ мы видѣли, многіе изъ лучшихъ писателей нашихъ дней. Возникая сперва изъ соглашенія сторонъ, заключающихъ компромиссъ, нормы эти съ теченіемъ времени могли бы окрѣпнуть до общихъ юридическихъ началъ и перейти въ положительное право народовъ. Такъ, по указаніямъ бы самой жизни, это право подвигалось бы на пути кодификаціи.

---

[1]) *Goblet d' Alviella,* Désarmer ou déchoir, (1872), p 163—165.

Сибоомъ и Гобле д'Альвіелла жалуются на то, что третейскій судъ не въ силахъ замѣнить ни международное право, ни общіе законы; что онъ не можетъ предупреждать споры. Странное мнѣніе! Да это и не составляетъ задачу судовъ вообще. Хорошимъ отправленіемъ правосудія они косвенно, пожалуй, предупреждаютъ споры и преступленія въ томъ смыслѣ, что предостерегаютъ злую волю нарушать законъ, но ихъ прямая задача состоитъ въ возстановленіи нарушеннаго права. Это же по силамъ и международнымъ третейскимъ судамъ.

Возраженія Гольцендорфа доказываютъ только необходимость дать этимъ судамъ не политическую, а юридическую организацію, т. е. въ третейскіе судьи слѣдуетъ избирать, по причинамъ именно имъ указываемымъ и достаточно объясненнымъ нами выше, не государства и ихъ правителей, не дипломатовъ, а тѣ физическія или юридическія лица, которыя выдаются своимъ основательнымъ знакомствомъ съ публичнымъ правомъ. Стороны, относительно этихъ выборовъ конечно должны удержать за собою полную свободу, потому что иначе третейскій судъ пересталъ бы быть добровольнымъ, но однако слѣдующія общія начала можно рекомендовать государствамъ по ихъ цѣлесообразности: 1. заключать компромиссы скорѣе въ виду возможныхъ, нежели возникшихъ уже несогласій и именно при самомъ установленіи извѣстнаго юридическаго отношенія; 2. предоставлять выборъ судей третьимъ, незаинтересованнымъ въ спорѣ государствамъ или лицамъ, при чемъ каждая однако сторона пользуется въ извѣстныхъ предѣлахъ правомъ отвода и 3. составлять судъ, по всѣмъ нѣсколько важнымъ дѣламъ, не изъ одного, а изъ многихъ лицъ (лучше всего изъ трехъ), принадлежащихъ не спорящимъ, а нейтральнымъ государствамъ. Существованіе правильной юстиціи отниметъ у международнаго права много той шаткости и неопредѣленности, на которую справедливо указываетъ Гольцендорфъ, но которая поддерживается главнымъ образомъ благодаря дипломатіи.

Остается еще во всей силѣ недостатокъ санкціи, отсутствіе той принудительной силы, безъ которой нѣтъ, говорятъ, со-

вершенной юстиціи. Мы разсмотримъ ниже это возраженіе, а здѣсь замѣтимъ только, что охранителями третейскаго суда, какъ добровольнаго, могутъ являться только стороны къ нему обратившіяся. Трудно между цивилизованными государствами предположить вѣроломное отступленіе отъ рѣшенія, которое съ самаго начала должно было быть предусмотрѣно и во всѣхъ отношеніяхъ несравненно предпочтительнѣе войны или охлажденія между сторонами.

Мы приходимъ въ заключеніе къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Усиленіе сношеній между народами и легко возникающія отсюда столкновенія вызываютъ потребность болѣе частаго обращенія къ третейскому суду.

2. Но при современныхъ условіяхъ область его дѣйствія можетъ быть лишь самая ограниченная. Для успѣшности этого суда необходимо сдѣлать его изъ учрежденія случайнаго, крайне-субъективнаго, съ политическимъ характеромъ—институтомъ вполнѣ судебнымъ.

3. Цѣль эта достигается двумя способами: во первыхъ тѣмъ, что въ наукѣ, а потомъ и государствами въ заключаемыхъ ими трактатахъ, будутъ приняты, относительно устройства и дѣйствія третейскихъ судовъ, опредѣленныя юридическія начала, взятыя отчасти изъ природы этого института, какъ онъ вѣками слагался въ гражданскомъ обществѣ, отчасти приспособленныя къ сложности и важности собственно международныхъ споровъ.

4. Кромѣ того требуется установленіе правильной связи между третейскимъ судомъ, какъ добровольнымъ, и настоящею международною инстанціею. Безъ этого немыслимо его серьезное улучшеніе. Онъ не призванъ замѣнить эту юстицію, но проложить ей путь и дѣйствовать съ нею совмѣстно, не утрачивая присущихъ ему особенностей.

ГЛАВА III.

О ПОСТОЯННОМЪ СУДѢ МЕЖДУ НАРОДАМИ.

Въ первой главѣ настоящаго отдѣла, мы указали на то, что идея постояннаго суда между народами получила свое начало въ проектахъ вѣчнаго мира. Но много потребовалось времени и много проектовъ смѣнило другъ друга до той поры, когда она выступила болѣе или менѣе въ самостоятельной формѣ и съ тѣми признаками, которые позволяютъ надѣяться на скорое переведеніе ея изъ области теоріи въ дѣйствительную жизнь

Въ наше время о ней пишутъ такъ много, что едва-ли возможно обозрѣть все, относящееся до нея.

Но къ сожалѣнію, это обиліе писаннаго матеріала, какъ намъ кажется, принесло самой идеѣ гораздо болѣе вреда чѣмъ пользы. Онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ разныхъ брошюръ, въ которыхъ авторы совершенно случайно и поверхностно говорятъ объ идеѣ крайне-важной, весьма еще новой и затрогивающей множество трудныхъ вопросовъ жизни. Такія брошюры приносятъ нѣкоторую пользу въ дѣлѣ распространенія въ народныхъ массахъ извѣстныхъ идей, но онѣ мало способствуютъ научной разработкѣ послѣднихъ. Это мы видимъ и по отношенію къ занимающему насъ вопросу. Въ брошюрахъ, статьяхъ и рѣчахъ, посвященныхъ международному суду, можно встрѣчать на каждомъ шагу разсужденія о посторонникъ предметахъ:—въ родѣ вѣчнаго мира, разоруженія государствъ, лучшей формы правленія и т. п.,—а главный предметъ изслѣдуется мало и съ теоретическій, и съ практической стороны.

Но прежде чѣмъ мы изложимъ наши мысли о немъ, мы должны постараться дать себѣ отчетъ о современномъ его положеніи въ *литературѣ*.

Въ пользу международнаго суда писатели начинаютъ высказываться съ 18 стол. Мы находимъ первые, но интересные намеки на него въ проектахъ Руссо, Канта и Бентама. Первый прославляя устройство тогдашней Германской имперіи, служившей противовѣсомъ остальнымъ великимъ державамъ. рекомендуетъ введеніе въ Европѣ одной большой федераціи, въ которой между прочимъ долженъ существовать и постоянный судъ (tribunal judiciaire).

Кантъ. въ одной изъ статей своего проекта, говоритъ: «международное право должно покоиться на федераціи свободныхъ государствъ» Въ этомъ заключается глубокая мысль, что между государствами должна существовать постоянная и правильная связь, не уничтожающая однако ихъ самостоятельности [1])

Вѣчный миръ, по словамъ *Бентама*, будетъ значительно обезпеченъ вслѣдствіе учрежденія между народами общаго суда (a common court of judicature), для рѣшенія возникающихъ между ними споровъ, хотя бы этотъ судъ и не имѣлъ въ своемъ распоряженіи принудительной власти. Но немного далѣе онъ называетъ этотъ судъ конгрессомъ или сеймомъ (Congress or Diet) и, хотя въ крайнихъ случаяхъ, но находитъ нужнымъ употребленіе и принудительной власти, которая поручается союзной арміи, составленной изъ контингентовъ отдѣльныхъ государствъ. Большею же частію объ исполненіи рѣшеній суда должна заботиться пресса, которая признается свободною. Судъ состоитъ изъ двухъ депутатовъ отъ каждаго государства. Онъ призванъ высказывать свои мнѣнія, заботиться объ ихъ повсемѣстномъ распространеніи и объявлять, по истеченіи извѣстнаго срока, государство непокорное его рѣшеніямъ, внѣ законовъ Европы.

---

[1]) Онъ требуетъ Volkerbund, а не Volkerstaat, основаннаго на федерализмѣ т. е. идеѣ федераціи (Foderalitat)

Въ нашемъ столѣтіи мысль о международномъ судѣ получаетъ, можно сказать, всѣвозможныя выраженія. Вслѣдствіе этого весьма трудно подвести писателей подъ опредѣленныя категоріи. нерѣдко одного и того же автора приходится, смотря по различнымъ признакамъ, помѣщать то въ одну, то въ иную группу. Однако для оріентированія необходимъ извѣстный порядокъ и намъ кажется наиболѣе удобнымъ всѣхъ писателей раздѣлить на два класса,—тѣхъ, которые требуютъ введенія *общаго* международнаго суда, для самыхъ разнообразныхъ споровъ, и такихъ, которые. отказываясь отъ этой идеи, считаютъ полезнымъ учреждать *спеціальные* суды лишь для извѣстнаго рода дѣлъ. Нѣкоторые думаютъ начать съ послѣдней реформы и дойти постепенно до первой.

I.

Общій международный судъ.

Между писателячи, которые держатся идеи общаго международнаго суда — единаго или распадающагося на нѣсколько отдѣленій,—можно въ свою очередь подмѣтить нѣсколько направленій. Одни сознаютъ всю необходимость международной юстиціи, но предлагаютъ для нея не собственно судъ, а извѣстные суррогаты, то въ видѣ ученой корпораціи, то съ характеромъ дипломатическаго собранія.

Другіе, въ рѣзкой съ ними противоположности, не только требуютъ международнаго суда, но и чрезмѣрно расширяютъ его подсудность, даже на дѣла внутренне-государственныя, что на практикѣ должно вести къ отрицанію самостоятельности собственно идеи такого суда.

Третьи, наиболѣе многочисленные, видятъ въ судѣ одинъ изъ органовъ общеевропейской федераціи, связывающей всѣ народы Европы въ одно цѣлое. Для руководства суду даются положительные и опредѣленные законы; его рѣшенія получаютъ матеріальную санкцію, благодаря особымъ органамъ ис-

полнительной власти и посредствомъ вооруженной коллективной силы, которая слагается изъ контингентовъ отдѣльныхъ членовъ федераціи, но находится въ распоряженіи центральнаго правительства.

Очевидно, писатели этого направленія переносятъ на международный бытъ основныя черты современнаго федеративнаго государства. Болѣе всѣхъ на нихъ оказала вліяніе конституція С. Штатовъ. Дѣйствительно новѣйшія федераціи, С. Штаты. Швейцарія и отчасти Германія [1]), представляютъ примѣчательные образцы *верховныхъ судовъ*, которые вѣдаютъ споры не только *между гражданами* различныхъ ихъ членовъ, но и *между государствами*, входящими въ ихъ составъ. Значеніе ихъ велико не только въ политической области, гдѣ они охраняютъ миръ, но и въ юридической, въ видахъ объединенія національнаго законодательства и установленія большаго единообразія въ судебной практикѣ. Нельзя не видѣть въ такихъ верховныхъ судахъ федерацій, рѣшающихъ даже политическіе споры между ихъ членами, высшія формы для охраны права, которыя безспорно призваны послужить въ будущемъ во многихъ отношеніяхъ образцами при организаціи международнаго суда. Но *Миллъ* идетъ слишкомъ далеко, когда утверждаетъ о верховномъ судѣ въ С. Штатахъ, что «онъ прилагаетъ международное право и представляетъ первый великій примѣръ настоящей международной юрисдикціи, въ которой такъ нуждаются современныя цивилизованныя общества» [2]).

Можно только развѣ допустить, что подобные федеративные суды стоятъ на рубежѣ государственныхъ и международныхъ судовъ, склоняясь однако болѣе на сторону первыхъ.

Наконецъ четвертая группа писателей считаетъ возможнымъ немедленно установить международный судъ, безъ введенія общей федераціи и поэтому не создавая особой принудительной власти для исполненія рѣшеній этого суда.

---

[1]) См. прибавленіе въ концѣ этой главы.

[2]) Le Gouvernement représentatif trad. par Dupont—White. 3 édit. p. 407.

§ 1

Кауфманнъ.—Тренделенбургъ —Сибоомъ

Нѣкоторые писатели сознаютъ необходимость международной юстиціи, но по странной непослѣдовательности предлагаютъ не судебные органы для ея выраженія и охраны. а учрежденія, покоющіяся на иныхъ совсѣмъ началахъ.

Сюда относится прежде всего небольшая, но довольно оригинальная брошюра *Кауфманна,* бывшаго профессора политической экономіи въ Боннѣ [1]). Для упроченія мира на землѣ онъ предлагаетъ учредить *всемірную академію* или общество людей по своему положенію и состоянію вполнѣ независимыхъ отъ всякой политической силы и внѣшняго вліянія. Она должна пользоваться самою широкою автономіею и составляться изъ лицъ наиболѣе свѣдущихъ по международному праву. Это не международный конгрессъ или судъ (Staaten-Tribunal oder Volkergericht), а какъ бы палата или совѣтъ для консультацій (Spruch-Collegium). «Познаніе и провозглашеніе права, говоритъ Кауфманнъ, имѣетъ уже само по себѣ громадное значеніе. Если право будетъ постановлено предъ народами выше всякихъ сомнѣній и если у христіанскихъ правительствъ будутъ сняты всякіе поводы и причины къ войнѣ, то всеобщій и постоянный миръ наступитъ съ абсолютною необходимостію [2]). Впрочемъ онъ оговаривается, что въ иныхъ случаяхъ война является для народовъ необходимою обороною. отказъ отъ которой обозначалъ бы отреченіе отъ нравственной природы [3]).

Задачи академіи состоятъ въ слѣдующемъ: 1. въ случаѣ столкновеній между пятью великими державами Европы и С. Штатами, угрожающихъ общему миру, она должна, сообразно на-

---

[1]) *Kaufmann;* Die Idee und der praktische Nutzen einer Weltakademie des Volkerrechts. 1855.

[2]) Стр. 8

[3]) Война, замѣчаетъ онъ, страшное бѣдствіе, но не величайшая безнравственность на землѣ (стр. 15—16).

чаламъ науки, отыскать, опредѣлить и публично высказать право для того, чтобы оно, опираясь на общественное мнѣніе, могло восторжествовать; 2. составить кодексъ международнаго права на основаніи началъ, принятыхъ христіанскими народами въ ихъ договорахъ и высказанныхъ наукою и 3. заботиться вообще о развитіи и распространеніи науки международнаго права. Напротивъ вѣдѣнію ея не подлежатъ: внутреннія дѣла государствъ и такіе международные вопросы, которые не угрожаютъ всеобщему миру. Ея высшую цѣль онъ видитъ въ томъ, чтобы возвести отношенія между независимыми и могущественными государствами на степень нравственныхъ т. е. обусловленныхъ господствомъ права и чрезъ это уничтожить на вѣки владычество грубой силы, проявленіемъ коей является война осуждаемая нравственнымъ закономъ. Не обладая никакимъ земнымъ могуществомъ, академія и не ограничиваетъ матеріальной силы государствъ. Свое мнѣніе она высказываетъ либо по собственной иниціативѣ, либо по приглашенію правительствъ. Рѣшенія ея, которыя вмѣстѣ съ мотивами печатаются во всеобщее свѣдѣніе, исполняются заинтересованными государствами по ихъ усмотрѣнію. Къ условіямъ ея успѣховъ Кауфманнъ относитъ то, чтобы въ ея составъ входили первоклассные таланты по международному праву, чтобы они обладали въ высшей степени безпристрастіемъ и самою строгою честностью, были вполнѣ независимы отъ всѣхъ правительствъ и всякаго внѣшняго вліянія и съумѣли бы возбудить къ себѣ всеобщее сочувствіе и интересъ. Мѣстопребываніемъ ея избирается одинъ изъ большихъ городовъ Бельгіи: Брюссель, Гентъ или Антверпенъ, а языкомъ ея назначается французскій, какъ наиболѣе распространенный въ средѣ образованнаго общества. Члены ея назначаются по-ровну Англіею, Франціею и Германіею (каждая посылаетъ по 12 человѣкъ). Со временемъ допустимы и представители другихъ народовъ. Первое назначеніе этихъ членовъ исходитъ отъ высшихъ ученыхъ корпорацій (напр. во Франціи отъ Института), а впослѣдствіе академія получаетъ право самовосполненія, ученыя же корпораціи удерживаютъ право рекомендаціи. Ей необходимо имѣть и свой

капиталъ, съ процентовъ котораго она содержала бы своихъ членовъ, принадлежащія ей зданія, библіотеки, архивы и т. д. Принимая въ соображеніе расходы на нѣмецкій университетъ, Кауфманнъ считаетъ достаточною сумму въ 4 милл. талеровъ, которую не трудно собрать чрезъ пожертвованія отъ правительствъ и частныхъ лицъ. Содержаніе членовъ академіи должно быть большое: не менѣе 20,000 франк. т. е, приблизительно вдвое болѣе того, на какое они могли бы, по своей спеціальности, расчитывать въ отечествѣ. Эти оклады обезпечиваются имъ, не смотря на болѣзнь или старость, до смерти, но за то имъ строго воспрещается получать отъ правительствъ какія бы то ни было награды, денежныя или почетныя.

Очевидно назначеніе этой академіи чисто научное и нравственное. Тѣмъ не менѣе и такому учрежденію нельзя отказать въ практической пользѣ. «Мирное рѣшеніе, говоритъ Кауфманнъ, международныхъ распрей, по началамъ признаннаго права, есть въ то же время шагъ къ мирному окончанію въ будущемъ и внутреннихъ споровъ и междуусобій въ отдѣльныхъ государствахъ. Чѣмъ болѣе идея права прокладываетъ себѣ путь въ обществѣ, тѣмъ лучше крѣпнутъ въ немъ всѣ нравственные элементы и силы, наиболѣе способные установить между людьми согласіе и миръ» [1]).

Эти идеи Кауфманна получаютъ въ нашихъ глазахъ особенный интересъ съ тѣхъ поръ, какъ ихъ, въ значительной степени, осуществилъ основанный въ 1873 г. Институтъ международнаго права. Но мы это находимъ недостаточнымъ. Научные органы, въ области международной какъ и государственной, не могутъ замѣнить органы юридическіе: они призваны дѣйствовать совмѣстно, но независимо другъ отъ друга: первые въ сферѣ идей, вторые въ кругу практической жизни.

Гораздо болѣе юридическимъ характеромъ проникнута также маленькая но прекрасная брошюра извѣстнаго философа-юриста *Тренделенбурга:* О пробѣлахъ или недостаткахъ международ-

---

[1]) Стр. 13.

наго права, вызванная франко-прусскою войною [1]). Обильная мыслями она вызываетъ на размышленія, но, по характеру ея конечныхъ выводовъ, не знаешь къ какой категоріи писателей отнести ея автора. Нѣкоторыя его заключенія даютъ возможность присоединить его къ тѣмъ изъ нихъ, которые требуютъ специальныхъ международныхъ судовъ. Мы относимъ его однако къ настоящей группѣ, потому что, повидимому, онъ склоняется болѣе всего къ ней.

Вѣрно подмѣтилъ онъ одну изъ наиболѣе слабыхъ сторонъ международнаго права: «хотя оно и называется правомъ, но не существуетъ судьи, который рѣшалъ бы по немъ. Суды призовые судятъ по своимъ національнымъ законамъ, а не по международному праву, если же отъ нихъ требуютъ согласованія первыхъ съ послѣднимъ, то эта двусмысленная задача рѣшается всегда въ ущербъ праву международному. Вмѣсто того, чтобы находиться въ рукахъ судовъ, это право зависитъ отъ дипломатовъ, которые, смотря по обстоятельствамъ, извращаютъ и примѣняютъ его произвольно. *Право и судъ составляютъ одно неразрывно-цѣлое.* Право которое не прилагается безпристрастнымъ судомъ погибаетъ неизбѣжно. Для его процвѣтанія необходимо воздѣйствіе, оказываемое справедливымъ приговоромъ суда на пониманіе и авторитетъ закона» [2]).

Для прочности всякаго юридическаго порядка, говоритъ онъ далѣе, требуются главнымъ образомъ два условія: существованіе точнаго и справедливаго закона и внушающій довѣріе юридическій способъ (Rechtsgang) рѣшенія возникающихъ споровъ [3]). Сообразно съ этимъ онъ требуетъ кодификаціи международнаго права, и въ особенности права войны, и учрежденія постоянныхъ органовъ для международныхъ интересовъ, «которые одни могутъ возвысить уваженіе народовъ къ этому праву, сдѣлать его точнымъ и способнымъ дѣйствительно оберегать миръ.» Никакія практическія затрудненія не должны насъ останавливать на пути къ этой возвышенной цѣли.

---

[1]) *Trendelenburg* Lucken im Volkerrecht 1870
[2]) Стр 49—50.
[3]) Стр 42.

Послѣ этихъ общихъ положеній ему слѣдовало бы, казалось, логически придти къ международному суду. Но дальнѣйшій ходъ его мыслей довольно своеобразенъ. Онъ, какъ мы видѣли выше, осуждаетъ призовые суды и говоритъ, что «болѣе строгое правосознаніе будетъ со временемъ стыдиться ихъ». Подобно Лавеле онъ высказывается въ пользу того, чтобы государства признали для себя обязанность до начала войны обращаться къ посредничеству дружественной державы. Онъ отклоняетъ въ подобныхъ случаяхъ третейскій судъ, а предлагаетъ нѣчто въ родѣ *конференціи изъ делегатовъ отдѣльныхъ правительствъ* (volkerrechtlicher Ausschuss), взятыхъ между людьми достойными и уважаемыми. Въ вопросахъ, касающихся принятія извѣстныхъ юридическихъ нормъ, обязательныхъ для государствъ, члены этой конференціи могутъ дѣйствовать только отъ имени и по порученію своего правительства, но при улаженіи возникнувшихъ столкновеній они должны пользоваться болѣе самостоятельнымъ положеніемъ и не связываться инструкціями.

Самъ Тренделенбургъ называетъ эту идею нѣкоторымъ расширеніемъ мысли Канта о постоянномъ международномъ конгрессѣ [1]).

Однако, съ другой стороны, критикуя современное право войны и нейтралитета, онъ между прочими реформами предлагаетъ, чтобы всѣ жалобы, вызываемыя задержаніемъ государственными кораблями контрабанды, подлежали немедленному разсмотрѣнію и рѣшенію какого либо существующаго независимаго суда, по обоюдному соглашенію сторонъ или по опредѣленію вышеназванной нами конференціи, состоявшемуся въ мирное время. При этомъ авторъ допускаетъ и возможность установленія *специально для этого предназначеннаго суда* [2]).

Очевидно эти послѣдніе выводы шатки и неопредѣленны: они стоятъ въ противорѣчіи съ выше-приведенными разсужденіями автора. Онъ жалуется на то, что международное право

---

[1]) Стр. 32—33 и 60—61.

[2]) Стр. 49.

есть игралище въ рукахъ дипломатовъ и подъ конецъ оставляетъ почти все по старому.

Такую же шаткость замѣчаемъ мы и у другаго англійскаго писателя *Сибоома,* автора сочиненія «О международной реформѣ» [1]). Будучи экономистомъ. онъ кладетъ въ основаніе своего сочиненія тотъ экономическій законъ, что съ развитіемъ народовъ. усиливается ихъ зависимость другъ отъ друга. Силою вещей для нихъ является необходимость сообразно съ этимъ вступить въ правильно-организованное общество и отказаться отъ первобытнаго состоянія, въ которомъ господствуетъ законъ Линча. Международный порядокъ до сихъ поръ стоитъ еще на уровнѣ этого закона, въ силу котораго каждый членъ общества самъ возстановляетъ и оберегаетъ свое право Характеристическая черта такого порядка есть самоуправство. Международное право при его теперешней организаціи представляется автору скорѣе совокупностью правилъ всемирной морали нежели законовъ въ юридическомъ смыслѣ.

Изъ потребностей жизни возникаетъ и будетъ все усиливаться необходимость въ радикальномъ преобразованіи международнаго права, въ смыслѣ возведенія его на степень права положительнаго. Только такое право способно замѣнить широко развитой еще въ международномъ быту законъ Линча. Для этого необходимы три основныя условія: изданіе закона, его интерпретація и санкція. Подъ закономъ Сибоомъ разумѣетъ кодификацію Она должна быть дѣломъ добровольнаго и постепеннаго соглашенія между народами. Чѣмъ законъ проще и яснѣе, тѣмъ онъ рѣже вызываетъ столкновенія, но для его толкованія необходимъ органъ Мнѣнія автора объ этомъ органѣ довольно смутны. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «это не долженъ быть постоянный судъ. а такая юридическая инстанція [2]), которой поручается толковать международное право, давать, на счетъ истиннаго смысла закона. рѣшенія

---

[1]) *Serbohm,* De la réforme du Droit des gens, trad. par Farjasse. 1873

[2]) Une espèce de mecanisme juridique international.

на столь безпристрастныя и авторитетныя, что народы, подчиняясь имъ, не чувствовали бы умаленія своей чести». Но немного далѣе, критикуя третейскій судъ, «учреждаемый самими сторонами въ виду спеціальнаго несогласія или болѣе или менѣе стоящій въ подозрѣніи пристрастія,» онъ говоритъ, что наше время нуждается не въ *посредникѣ*, но въ *судьѣ*, который, отъ имени всего международнаго союза, рѣшалъ бы сомнительные вопросы права безъотносительно къ сторонамъ. Намъ нуженъ, заключаетъ онъ, не третейскій судъ, но нѣчто въ принципѣ равное международному суду (cour judiciaire internationale). Толкованіе суда имѣетъ своимъ предметомъ одни существующіе положительные законы. Наконецъ въ силѣ авторъ видитъ послѣднюю санкцію международнаго права, какъ и всякаго права вообще. Въ юридическомъ быту она, въ отличіе отъ системы Линча, не остается въ рукахъ заинтересованныхъ сторонъ, но переходитъ къ стоящему надъ всѣми закону. Это выражается въ такой ея организаціи, что она прилагается либо отъ имени всѣхъ народовъ, принявшихъ этотъ законъ, либо отъ имени спеціально для сего назначенной делегаціи. Указанныя мѣры въ свою очередь имѣли бы послѣдствіемъ не уничтоженіе войны, но постепенное и даже, быть можетъ, совершенное разоруженіе народовъ, онѣ внушили бы имъ бо́льшее уваженіе къ закону и суду, принятымъ ими и сдѣлали бы самое употребленіе физической силы несравненно болѣе рѣдкимъ, а главное болѣе справедливымъ [1]).

Такимъ образомъ Сибоомъ начавъ съ экономическихъ идей приходитъ къ необходимости юридической организаціи международнаго союза. Собственно о судѣ онъ также говоритъ не много и ограничиваетъ довольно произвольно дѣятельность его толкованіемъ существующаго закона. Мы полагаемъ, что судъ призванъ осуществлять право и, съ этой точки зрѣнія, толкованіе есть одинъ изъ моментовъ такой дѣятельности.

---

[1]) Стр. 113 сл.

§ 2.

Сиго.—Феррерь —Дюпаскье —Адлеръ

Въ противоположность только что разсмотрѣнной нами группѣ писателей, которые, какъ бы съ колебаніемъ, допускаютъ принципъ международнаго суда, другіе желали бы на практикѣ до чрезвычайности расширить кругъ его вѣдомства. Сюда относятся авторы многихъ пустыхъ брошюръ. Изъ нихъ назовемъ *Сиго* [1]) и *Феррера* [2]). Оба они не имѣютъ даже понятія о трудности введенія международной юстиціи. Первый изъ нихъ на двухъ страницахъ набрасываетъ проектъ конституціи изъ 14 статей, съ принятіемъ которой уничтожилась бы въ Европѣ война и установился бы вѣчный миръ! Оба эти автора полагаютъ, что судъ долженъ разсматривать не только споры между народами, но и между государями и ихъ подданными. Ферреръ не считаетъ даже нужнымъ признать судей несмѣняемыми, но назначать на 5- 10 лѣтъ по опредѣленію кодекса, который, по его словамъ, долженъ предшествовать суду. Рѣшенія послѣдняго поддерживаются силою союзныхъ государствъ, которую, по мнѣнію Феррера, можно прилагать даже къ народамъ, не принявшимъ международный кодексъ и судъ. Не знаемъ на какомъ основаніи онъ уполномочиваетъ судъ созывать войска и собирать налоги со всѣхъ государствъ пропорціонально ихъ средствамъ для того, чтобы приводить въ исполненіе свои рѣшенія.

Безъ этихъ послѣднихъ крайностей, но отъ тѣхъ же соображеній, исходитъ *Дюпаскье* [3]). Онъ считаетъ реформу международнаго права наиболѣе настоятельною потребностью нашего времени и, отвергая толки о федераціи, сводитъ ее къ двумъ главнымъ условіямъ къ кодексу и суду. Это онъ называетъ репрессивными мѣрами противъ «преступленія вой-

---

[1]) *Sigaud*, Confédération européene. 1859

[2]) *Ferrer*, L'ère nouvelle. Nécessité d'un code international et d'un tribunal arbitral des nations. 1863

[3]) *Dupasquier*, Le crime de la guerre denoncé à l'humanité 1873.

ны [1])». Относительно суда онъ говоритъ, что «не существуетъ никакого разумнаго возраженія противъ его установленія» и расширяетъ его подсудность подобно Сиго и Ферреру.

Гораздо интереснѣе небольшая, но живо написанная брошюра *Моритца Адлера* [2]), въ которой онъ возстаетъ противъ главной язвы современнаго международнаго быта—милитаризма. Осуждая войну, онъ высказывается и противъ общей воинской повинности. До нашихъ еще дней, говоритъ онъ, война есть основа всего государственнаго строя. Миръ между народами только кажущійся. Вслѣдствіе этого пауперизмъ и революціи все усиливаются. Государства доселѣ фактически живутъ другъ подлѣ друга, но не признали еще юридической связи между собою и не установили союза. Результатомъ послѣдняго явится столь необходимый для всѣхъ миръ (Weltfrieden) [3]).

Основную причину войны онъ видитъ въ присущемъ человѣческой природѣ законѣ измѣняемости и усовершимости всего человѣческаго. Но для того, чтобы перевороты въ жизни государствъ совершались не насильственно (путемъ революцій и войнъ), а мирно и правомѣрно, надо создать такую, надъ ними стоящую, постоянную инстанцію, которая вѣдала бы всякія, иначе неразрѣшимыя столкновенія между народами и ихъ правительствами съ одной стороны, съ другой—между самими государствами. Эту инстанцію онъ называетъ то конгрессомъ, то судомъ (europäisches Tribunal). *Устройство* его состоитъ въ слѣдующемъ: каждое государство посылаетъ въ него по одному члену, но однако такъ, что имѣетъ на каждый милліонъ населенія по одному голосу. Государства, имѣющія населеніе менѣе милліона, посылаютъ одного общаго депутата

---

[1]) Стр. 218, сл. Кромѣ нихъ онъ предлагаетъ еще противъ войны мѣры ограничительныя (установленіе новаго, болѣе гуманнаго права войны) и предупредительныя (замѣна постояннаго войска милиціею, предоставленіе объявленія войны палатамъ и усовершенствованіе средствъ истребленія на войнѣ).

[2]) Такъ назвали мнѣ безъимяннаго автора брошюры. Der Krieg, die Congressidee und die allgemeine Wehrpflicht. Prag. 1868

[3]) стр. 28 сл.

по тому же расчету. Въ странахъ съ представительнымъ порядкомъ это назначеніе дѣлается исполнительною властью вмѣстѣ съ законодательною. Судъ пребываетъ въ какомъ либо нейтрализованномъ городкѣ центральной Европы и окружается территоріею, также нейтрализованною и вольною. Его *компетенція* опредѣляется самою цѣлью, которая состоитъ въ уничтоженіи революцій и войнъ. Поэтому ему подлежатъ: а) тѣ столкновенія между народомъ и исполнительною властью государства, которыя обыкновенно оканчиваются либо наверху—государственнымъ переворотомъ,—либо внизу—возстаніемъ и в) такіе споры между государствами, которые ведутъ къ войнѣ.

Изъ этой компетенціи вытекаютъ слѣдующія полномочія суда: 1. право установлять на извѣстные сроки численность войска въ каждой странѣ, принимая въ соображеніе потребности ея внутренней безопасности; 2. право объявлять экзекуціонную войну противъ мятежнаго государства, не подчиняющагося его рѣшенію или произвольно увеличивающаго свои вооруженія, при чемъ онъ освобождаетъ подданныхъ такого государства отъ присяги правительству и 3. онъ поддерживаетъ сношенія съ нехристіанскими полуобразованными государствами. Собственно его власть простирается надъ Европой и Америкой, а все остальное человѣчество онъ руководитъ и воспитываетъ въ духѣ христіанства, человѣколюбія и прогресса. Для сей цѣли должно отказаться отъ принципа невмѣшательства и завести повсюду постоянныя станціи (permanente Culturstationen), призванныя служить центрами для христіанскихъ миссій, ученыхъ экспедицій и наблюденія за этими племенами. Авторъ, какъ уже можно было замѣтить, высказывается за союзное войско, которое исполняетъ рѣшенія суда. Оно должно быть на столько значительно, чтобы имѣть всегда возможность сломить противодѣйствіе не только одного государства, но и многихъ вмѣстѣ соединенныхъ [1]).

Предоставленіе суду такой страшной силы ему не кажется опасностію «въ виду его чисто судебнаго характера и устрой-

[1]) Стр. 15, сл

ства, лишающаго его всякой инициативы. Между тѣмъ современная неограниченная инициатива государствъ въ дѣлахъ войны и мира, не оспариваемая даже въ представительныхъ монархіяхъ и республикахъ, какъ бы наталкиваетъ ихъ правителей на всякія злоупотребленія» [1]).

Мы видимъ въ сочиненіи Адлера странное смѣшеніе вѣрныхъ мыслей съ чисто-фантастическими. Нельзя не согласиться съ нимъ, когда онъ указываетъ на необходимость для государствъ вступить въ юридическій союзъ (Rechtsverein), но большинство его замѣчаній о судѣ не выдерживаютъ критики.

Если прежніе писатели о вѣчномъ мирѣ предоставляли всѣ власти, и въ томъ числѣ судебную, политическому собранію, то Адлеръ наоборотъ расширяетъ полномочія суда на дѣла, которыя по природѣ ему не подвѣдомственны. Вопреки его словамъ, судъ его далеко не имѣетъ чисто-судебную организацію, а по этому вручать ему одному такую власть надъ міромъ и неблагоразумно, и опасно. Наконецъ, никакому международному суду не должны быть подсудны дѣла, совершающіяся внутри государствъ. Словомъ, много сказано лишняго, еще больше недосказаннаго.

§ 3.

Гондонъ.—Сарторій.—Пеккеръ.—Маршанъ.—Бара —Виньоме.—Гобіе д'Альвіелла.—Ларрокъ.—Лоримеръ.—Блюнчли.

Направленіе, къ которому принадлежатъ писатели настоящей группы, возникло ранѣе остальныхъ и представляетъ наибольшее число сторонниковъ.

Первый изъ публицистовъ, подробно останавливающійся на международномъ судѣ, какъ вполнѣ самостоятельномъ органѣ международной жизни, это, какъ мы видѣли—*Гондонъ*. Описывая устройство федераціи государствъ, онъ приходитъ къ необходимости рѣзко отличать законодательную власть отъ судебной. Соединеніе обѣихъ ведетъ къ произволу. Но онъ

[1]) Стр 38

допускаетъ участіе суда въ редактированіи законовъ, говоря, что «предлагаемая система представитъ то преимущество, что законы будутъ толковаться и прилагаться тѣми же лицами, которыя ихъ и составили» [1]).

При устройствѣ суда онъ отправляется отъ принципа равенства государствъ, а не пропорціональности населенія. Каждое государство назначаетъ одного судью, а не двухъ, потому что чѣмъ болѣе будетъ членовъ, тѣмъ менѣе будетъ согласія и гармоніи. Впрочемъ къ каждому изъ нихъ присоединяются по два замѣстителя (vice-juges ou suppleans). Эти судьи избираются правительствами изъ самыхъ искусныхъ юристовъ по указанію общественнаго мнѣнія,—слишкомъ эластичный критерій, хотя Гондонъ его и называетъ «судьей строгимъ и непогрѣшимымъ.» Они должны прилагать законы къ случаямъ предусмотрѣннымъ, а въ случаяхъ не предусмотрѣнныхъ искать духъ этихъ законовъ согласно съ внутреннею правдою.

Судъ вѣдаетъ всѣ споры между государствами, причемъ дѣла общія, касающіяся ихъ всѣхъ, разбираетъ въ полномъ составѣ, а дѣла частныя разсматриваются отдѣленіемъ (comite) суда, въ которомъ засѣдаютъ лишь члены незаинтересованныхъ государствъ.

Въ случаяхъ, закономъ непредусмотрѣнныхъ, судьи должны предварительно строго испытать свою совѣсть и постановлять рѣшенія, сообразуясь съ природою каждаго отдѣльнаго случая. Судъ можетъ брать на себя полюбовное разбирательство или же разсматривать дѣло судебнымъ порядкомъ. Мнѣнія свои судьи подаютъ тайно, но рѣшенія ихъ, на латинскомъ языкѣ, публикуются во всеобщее свѣдѣніе и составляютъ рядъ документовъ по публичному праву Европы. Судъ признается постояннымъ, а члены его пользуются правомъ несмѣняемости, пока они конечно не совершили ничего противозаконнаго.

Гондонъ не видитъ причины, почему такой судъ былъ бы невозможенъ. Государство, говоритъ онъ, вступая въ войну, можетъ быть либо право, либо нѣтъ. Въ первомъ случаѣ оно

---

[1]) Назв. соч. III, 91.

совершаетъ тяжкое посягательство на чужую собственность; во второмъ, для него предпочтительнѣе рѣшеніе просвѣщеннаго и справедливаго суда, нежели обращеніе къ жребію оружія, уничтожающаго столько жизней и капиталовъ.

Рѣшенія суда утверждаются конгрессомъ и приводятся въ исполненіе протекторатомъ [1]).

Мысли Гондона, отличаясь вообще дѣльностію и практичностію, обратили на себя мало вниманія послѣдующихъ писателей.

Въ проектѣ *Сарторія* упоминается о постоянномъ судѣ (ein eigenes standiges Gericht, Völketribunal) совершенно мимоходомъ. Онъ составляется изъ делегатовъ отдѣльныхъ государствъ безъ обозначенія подробностей относительно способа его образованія. Ему подчинены нѣсколько низшихъ судебныхъ инстанцій (смотря по потребностямъ, напр., пять по числу частей свѣта). Онъ судитъ по твердымъ положительнымъ нормамъ. Для этого издается общій международный кодексъ (Code international), обнимающій четыре отдѣла (гражданскаго и уголовнаго права, гражданскаго и уголовнаго процесса).

Вотъ все, что мы находимъ у Сарторія о международномъ судѣ. Для насъ важно то, что и онъ сознавалъ тѣсную, внутреннюю связь, существующую между судомъ и закономъ. Одно не мыслимо безъ другаго въ международной области, также какъ и во всякой другой области права. Не менѣе вѣрно опредѣляетъ онъ и задачу законодателя [2]).

Довольно неясно говоритъ о занимающемъ насъ вопросѣ *Пекке́ръ*, предлагающій, чтобы споры между государствами рѣшались сперва третейскими судьями добровольно избранными, а потомъ и постоянными международными судами. Но съ другой стороны онъ допускаетъ, чтобы государства обращались прямо и къ конгрессу, который, сосредоточивая въ себѣ всѣ власти, долженъ постановлять окончательныя рѣшенія.

---

[1]) Тамъ же; III, 185—234.

[2]) Законодатель призванъ не дѣлать и измышлять право, но находить его и высказывать сообразно съ правосознаніемъ своего времени. (Стр. 233).

Очевидно, представленія его о роли и самостоятельности судебной власти весьма смутны. но не лучше и его политическія идеи: въ федераціи народовъ онъ видитъ только временную и переходную ступень къ полной централизаціи мироваго правительства.

Обширный по объему проектъ *Маріана* посвященъ исключительно изложенію политической дѣятельности того конгресса. который, по его мыслямъ, долженъ стоять во главѣ міра. Однако авторъ признаетъ необходимость самостоятельнаго суда, кругъ вѣдомства котораго онъ опредѣляетъ по примѣру верховнаго суда въ С. Штатахъ, прибавляя къ этому: разбирательство споровъ, возникающихъ изъ права свободнаго передвиженія гражданъ, нарушенія свободы совѣсти и общихъ законовъ о печати [1]).

Совершенно противоположнымъ, строго-юридическимъ характеромъ отличается прекрасная книга *Бара* [2]), написанная въ 1849 г., но изданная Потвиномъ (Potvin) лишь въ 1872 г. Одну изъ главныхъ потребностей нашего времени онъ видитъ въ *установленіи международной юстиціи*. «Она одна способна привести государства къ общему разоруженію, но пока она не организуется, народы имѣютъ право и иногда даже обязанность браться за оружіе. Война нерѣдко спасала свободу міра.» Международная юрисдикція сама по себѣ ему кажется дѣломъ второстепеннымъ и даже опаснымъ, пока не будетъ провозглашенъ международный законъ. «Юрисдикція, говоритъ онъ, безъ закона есть не болѣе какъ хромая юстиція. Безъ закона судьи будутъ руководиться своими личными мнѣніями и воззрѣніями. Это произволъ самаго страшнаго рода, болѣе опасный нежели даже война. Юрисдикція явится послѣдствіемъ закона, вошедшаго въ сознаніе народовъ.» Великое поступательное движеніе человѣчества, даетъ ему убѣжденіе въ торжествѣ права надъ силою и въ международной области. «Волны юстиціи, восклицаетъ онъ, идутъ все болѣе и болѣе возвышаясь.

---

[1]) Назв соч. стр 163; 372; 377; 379—80.

[2]) *Bara*—La science de la paix.

Законъ, судъ (третейскій или постоянный) и федеративное единство—вотъ треножникъ международной юстиціи, тѣ три колонны, на которыхъ будетъ покоиться всеобщій миръ. Мнѣ даетъ это рѣшеніе исторія.» Изъ этого видно. что, хотя въ далекомъ будущемъ, но Бара вѣритъ въ возможность сперва большихъ федерацій для различныхъ частей свѣта, а потомъ даже единой, всемірной, которая сдѣлаетъ войну физически и нравственно невозможною и утвердитъ повсюду на землѣ глубокій миръ.

Что касается спеціально до международнаго суда, то онъ осуществимъ лишь по окончаніи кодификаціи международнаго права, которая должна совершиться постепенно, начиная съ простыхъ договоровъ между народами и восходя до вполнѣ выработаннаго кодекса. Онъ полагаетъ, что слѣдуетъ ввести столько судовъ, сколько представляется родовъ столкновеній. Поэтому и въ международной области должны существовать: суды гражданскіе, торговые, исправительные, уголовные и административные [1]). Бара не входитъ ни въ какія подробности; онъ набрасываетъ общія начала съ большою самостоятельностію и глубиною взгляда, что дѣлаетъ его сочиненіе весьма привлекательнымъ.

Въ пользу международнаго суда, смѣшиваемаго впрочемъ съ конгрессомъ. высказывается также *Вильомé* въ своемъ сочиненіи «о духѣ войны,» посвященномъ главнымъ образомъ военной политикѣ, стратегіи и тактикѣ. Судьи назначаются, по его мнѣнію, правительствами, которыя даютъ имъ по усмотрѣнію либо широкія полномочія, либо прямыя инструкціи. Судъ рѣшаетъ окончательно всѣ вопросы международные, но не вмѣшивается во внутреннія дѣла, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ будетъ избранъ самими партіями въ третейскіе судьи. Государство непокорное его рѣшеніямъ принуждается къ этому другими силою. Авторъ предлагаетъ упразднить посольства и удержать однихъ консуловъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ. Ближайшія задачи суда: изгнаніе Турокъ изъ

[1]) Назв. соч. стр. 144 сл.—204; 32—33; 56; 139 и 215.

Европы и опредѣленіе вооруженныхъ силъ государствъ (каждое имѣетъ одного солдата на 400 человѣкъ жителей) [1]).

О преобразованіи международнаго быта въ юридическомъ отношеніи, говоритъ также *Гобле д'Альвіелла*. «Лишь съ установленіемъ положительнаго законодательства, замѣчаетъ онъ, судовъ, призванныхъ его толковать, и публичной силы, обязанной его примѣнять, международный союзъ получитъ вполнѣ юридическую организацію. Всякая другая мѣра недѣйствительна, непрактична и не способна вывести насъ изъ того тяжелаго кризиса, который мы переживаемъ.» По его мыслямъ, международный союзъ долженъ послѣдовательно пройти чрезъ три формы развитія: отдѣльныхъ или частныхъ союзовъ между государствами (alliance), союза государствъ (confédération) и союзнаго государства (federation). Отдѣльные народы никогда не приступятъ къ разоруженію: это было бы для нихъ слишкомъ опасно, но разоруженіе коллективное, общее возможно только какъ слѣдствіе юридическаго устройства ихъ внѣшней жизни на тѣхъ же началахъ, на которыхъ покоится и ихъ внутренній строй. Авторъ не говоритъ ни объ устройствѣ, ни о дѣятельности международныхъ судовъ, полагая только, что они должны войти въ жизнь постепенно, т. е. учреждаться сначала въ виду приложенія извѣстной конвенціи и потомъ распространять свои дѣйствія на случаи подобные тѣмъ, которые ихъ вызвали къ жизни [2]).

Международный судъ, по мысли *Ларрока*, долженъ быть немногочисленъ. Каждое государство избираетъ по одному члену на равныхъ правахъ, потому что всѣ одинаково въ этомъ заинтересованы; даже слабыя государства заинтересованы еще болѣе сильныхъ въ установленіи правосудія. Суду предшествуетъ кодексъ, добровольно принятый народами, вмѣстѣ съ обязательствомъ обращаться въ своихъ спорахъ къ этому суду и подчиняться его рѣшеніямъ. Въ случаяхъ неповиновенія государство будетъ исключено изъ общаго союза, а по исте-

---

[1]) *Villiaumé*, L'esprit de la guerre; 1864; p. 35—37.

[2]) *Goblet d'Alviella*, Désarmer ou déchoir, 1872; p. 185 sv.

ченіи извѣстнаго срока ему объявляется война остальными членами [1]).

Мысли свои о международной организаціи *Лоримеръ* изложилъ въ двухъ, уже названныхъ нами статьяхъ. Въ обѣихъ онъ долженъ былъ коснуться и международнаго суда. Въ первой изъ нихъ онъ говоритъ лишь, что «учреждается судъ, рѣшающій всѣ вопросы, которые, по мнѣнію конгресса, требуютъ юридическаго разсмотрѣнія. Судьи назначаются конгрессомъ пожизненно или пока не совершили ничего предосудительнаго (ad vitam aut culpam). Аппелляціи на рѣшенія суда можно подавать въ конгрессъ подобно тому, какъ въ Англіи аппелляціи на высшіе суды поступаютъ въ палату лордовъ.»

Предлагаемый проектъ неудобенъ тѣмъ, что ставитъ судебную власть въ зависимость отъ конгресса, который вполнѣ съ нею разнороденъ по составу и по нормамъ, долженствующимъ руководить имъ.

Во второй статьѣ Лоримеръ входитъ въ большія подробности. Международный судъ, говоритъ онъ, распадается на двѣ палаты, гражданскую и уголовную. Члены его назначаются бюро (или международнымъ министерствомъ) сперва изъ членовъ верховныхъ судовъ различныхъ государствъ, а впослѣдствіе изъ состава международнаго сословія адвокатовъ, хотя бы послѣдніе и не занимали прежде никакой судебной должности. Всѣхъ судей будетъ 14, при чемъ шесть слѣдуетъ брать отъ великихъ державъ, по одному отъ каждой, и кромѣ того предсѣдающій, голосъ котораго имѣетъ преобладающее значеніе въ случаѣ равнаго раздѣленія мнѣній. Судьи назначаются пожизненно и получаютъ окладъ высшій сравнительно съ членами верховныхъ судовъ въ отдѣльныхъ государствахъ. Они пользуются наслѣдственнымъ титуломъ сенаторовъ и вмѣстѣ съ своею должностью не могутъ заниматься никакою иною законодательною или политическою дѣятельностью въ об-

---

[1]) *Larroque,* De la création d'un code de droit international et de l'institution d'un haut tribunal, juge souverain des différends internationaux; 1875; pp. 127, сл.

ласти ли государственной или международной. По гражданскимъ дѣламъ всѣ судьи составляютъ одну палату, рѣшающую большинствомъ голосовъ. Ей подлежитъ: разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ публичнаго. международнаго права, возникающихъ изъ требованій денежныхъ вознагражденій, исправленія границъ и т. п., поскольку рѣшеніе этихъ вопросовъ зависитъ отъ толкованія существующихъ договоровъ или законовъ. изданныхъ международнымъ правительствомъ. Дѣла эти поступаютъ къ ней на разсмотрѣніе либо по желанію сторонъ. либо по внесенію отъ бюро. Вопросы же частнаго международнаго права судъ этотъ разбираетъ въ качествѣ аппелляціонной инстанціи по жалобѣ на рѣшеніе какого либо національнаго суда и съ разрѣшенія государства, которому принадлежитъ одна изъ сторонъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Лоримеръ установляетъ различіе между спорами собственно юридическими, въ родѣ сейчасъ нами упомянутыхъ, и политическими. Послѣдніе, по его мысли. вѣдаются не судомъ, но международнымъ собраніемъ (состоящимъ изъ двухъ палатъ сената и палаты представителей). Онъ говоритъ: всѣ вопросы чисто національные не подлежатъ обсужденію международнаго собранія, но послѣднее само опредѣляетъ, имѣетъ ли поступившій на его разсмотрѣніе вопросъ національный или международный характеръ. Междуусобныя войны, но не простые мятежи (rébellions), входятъ въ кругъ его вѣдѣнія, при чемъ оно рѣшаетъ, какое движеніе имѣетъ тотъ или иной характеръ. Къ нему далѣе не относятся вопросы о колоніяхъ или о внѣ-европейскихъ государствахъ, за исключеніемъ того случая, когда представители послѣднихъ будутъ допущены въ составъ международнаго собранія на равныхъ съ европейцами правахъ. Наконецъ, требованія объ увеличеніи территоріи или измѣненіи границъ поступаютъ на разсмотрѣніе этого собранія и либо рѣшаются имъ непосредственно, либо отсылаются къ суду.

При судѣ состоитъ генералъ-прокуроръ, назначаемый бюро и имѣющій право начинать гражданскіе иски отъ имени международнаго правительства. Въ уголовныхъ дѣлахъ ему принад-

лежитъ роль публичнаго обвинителя. Всѣ уголовныя преслѣдованія начинаются по его требованію или ведутся при его содѣйствіи. Наконецъ, при судѣ существуетъ сословіе адвокатовъ, въ составъ котораго допускаются, на основаніи условій, опредѣляемыхъ судомъ, адвокаты различныхъ государствъ или лица удостоенныя государственными университетами ученыхъ степеней. Члены этого сословія могутъ безразлично защищать подданныхъ всѣхъ государствъ, а адвокаты отдѣльныхъ странъ только своихъ соотечественниковъ.

Лоримеръ одинъ изъ тѣхъ писателей, который наиболѣе разработалъ въ своемъ проектѣ мысль о международномъ судѣ. Онъ умалчиваетъ о кодификаціи международнаго права, но очевидно имѣлъ ее въ виду, когда между органами своей федераціи на первомъ планѣ ставитъ власть законодательную. Его статьи слѣдуетъ отнести, вмѣстѣ съ проектами Канта. Сарторія и Блюнчли къ наиболѣе примѣчательнымъ изслѣдованіямъ по вопросу объ устройствѣ международнаго союза.

Что касается до *Блюнчли*, то его собственно нельзя причислять къ этой группѣ. Онъ стоитъ какъ бы на рубежѣ между ею и послѣдующею группою. Онъ считаетъ къ международному союзу не приложимыми формы федераціи, въ родѣ американской или швейцарской, а также политическаго строя Германіи, съ однимъ первенствующимъ государствомъ во главѣ (Bundesreich mit einem Hauptstate). Европа, по его мнѣнію, должна сложиться въ союзъ государствъ (Statenbund), удерживающихъ вполнѣ свою самостоятельность и свободу [1]). Для рѣшенія споровъ, возникающихъ изъ маловажныхъ вопросовъ международной юстиціи и администраціи [2]), онъ полагаетъ

---

[1]) Основную задачу международной организаціи онъ устанавливаетъ въ слѣдующихъ словахъ. Es lasst sich auf dem Boden der Freiheit aller Völker und der Selbststandigkeit aller Staten eine Verfassung schaffen, die für kein Mitglied des Bundes bedrohlich und für alle nutzlich ist.

[2]) Сюда онъ относитъ: соглашенія относительно путей сообщенія, почтъ, телеграфовъ, свободы морей и рѣкъ, выдачи преступниковъ, перемѣны національности, опредѣленія границъ, вознагражденія убытковъ, вопросы санитарные, церемоніальные, всего частнаго международнаго права и т. д.

полезнымъ обращеніе либо къ третейскимъ судамъ, либо же къ судамъ постояннымъ, международнымъ (ständige internationale Bundesgerichte). Здѣсь задача состоитъ не въ томъ. прибавляетъ онъ, чтобы создавать новыя учрежденія, а въ томъ, чтобы существующія усовершенствовать и умножать. подчиняя ихъ одному общему надзору и руководству.

Впрочемъ въ только что появившемся новомъ изданіи этой статьи, [1]) онъ говоритъ: «для извѣстныхъ споровъ, смотря по обстоятельствамъ, могутъ быть учреждаемы и постоянные международные суды (feste volkerrechtliche Tribunale). Къ нимъ, напр., ведетъ реформа призовой юрисдикціи и устраненіе недостатковъ консульскихъ судовъ не мыслимо иначе, какъ чрезъ введеніе международныхъ судовъ.» Онъ рекомендуетъ принятіе въ договорахъ условія о компромиссѣ (Schiedsgerichtsklausel) съ обозначеніемъ нормъ и производства третейскаго разбирательства.

Совершенно въ особую рубрику выдѣляетъ онъ вопросы войны и мира или такъ называемые высшей политики (grossen Politik), куда относится все, касающееся самостоятельности и свободы государствъ, самыя основы бытія и развитія народовъ. «Ради этихъ вопросовъ мужественные народы, говоритъ онъ, приносятъ въ жертву всѣ свои силы, не будучи склонны предоставлять ихъ на разсмотрѣніе ни третейскаго, ни инаго какого либо суда, составленнаго изъ юристовъ.» Въ этихъ жгучихъ вопросахъ одинъ обще-европейскій конгрессъ, состоящій, по его мнѣнію, изъ двухъ палатъ (союзнаго совѣта и сената или палаты представителей) могъ бы, какъ органъ общественнаго мнѣнія, высказывать свои совѣты и предложенія. Весьма интересно и оригинально то, что Блюнчли говоритъ объ исполненіи рѣшеній Европы. Международный союзъ не имѣетъ своего войска и особыхъ финансовъ, но высшею его исполнительною властью является коллегія великихъ державъ, которая дѣйствуетъ въ согласіи съ обѣими палатами конгресса. Не входя въ разборъ самого проекта, замѣтимъ, что

---

[1]) Gesammelte Kleine Schriften. 1881. B. II, S. 279—312.

совершенное изъятіе политическихъ дѣлъ изъ вѣдѣнія международнаго суда не желательно. Вліяніе послѣдняго можетъ предотвратить много войнъ и содѣйствовать въ значительной степени укрѣпленію мира между народами.

§ 4.

Леддъ.—Маркоартю.—Лавеле.—Фильдъ.—Стояновъ.

Весьма ограниченно, сравнительно говоря, число писателей, которые отдѣляютъ международный судъ отъ идеи федераціи и считаютъ его осуществимымъ, не смотря на отсутствіе матеріальной санкціи. Въ этомъ духѣ, какъ мы видѣли, высказался уже отчасти Бентамъ, позднѣе Велькеръ [1]) и трудились американскія общества мира, руководимыя Берритомъ [2]), Леддомъ и Майльсомъ [3]).

Леддъ [4]) допускаетъ необходимость для международнаго союза двухъ верховныхъ органовъ: конгресса, вырабатывающаго общія положительныя нормы права и суда. Послѣдній составляется изъ двухъ депутатовъ отъ каждаго государства, которые несмѣняемы и пользуются всѣми правами посланниковъ. Судъ этотъ не опирается ни на какую принудительную власть,

---

[1]) Онъ находитъ страннымъ, что въ наше время, не смотря на развитіе культуры и гуманности, такъ мало сдѣлано еще для обезпеченія права и мирнаго рѣшенія споровъ между государствами и напоминаетъ, что въ средніе вѣка императоры и папы считались естественными третейскими судьями для правителей и народовъ. Дѣло мира, по его словамъ, выиграло бы много, если бы нѣкоторые или всѣ цивилизованные народы согласились представлять, до начала войны, свои пререканія на рѣшеніе общаго международнаго третейскаго суда, хотя бы лишеннаго, въ виду ихъ самостоятельности, всякой высшей принудительной силы (Schiedsgerichte, Austrage и т. д. въ Staats-Lexikon. 1-е изд. 1843.—XIV, 254).

[2]) *Elihu Burrit* представилъ записку A Congress of Nations парижскому конгрессу друзей мира 1849 г. Не приводимъ его мысли, потому что онѣ не отличаются отъ предложеній Ледда.

[3]) *Miles,* Le tribunal international. 1874.

[4]) *Ladd,* Prize Essays on a congress of Nations. Boston. 1840. p. 509—638.

но разбираетъ лишь тѣ дѣла, которыя поступаютъ къ нему по свободному и взаимному согласію сторонъ. Это въ полномъ смыслѣ слова инстанція для охраны мира. При разбирательствѣ судъ руководствуется существующими трактатами и законами, а за отсутствіемъ ихъ внутреннею правдою Свои рѣшенія онъ принимаетъ большинствомъ голосовъ и предаетъ ихъ гласности вмѣстѣ съ мотивами и показаніями сторонъ. Во время войны онъ предлагаетъ сторонамъ свое посредничество и указываетъ конгрессу на desiderata по международному праву на основаніи опытности, почерпнутой имъ изъ практики.

Мысли Ледда безъ измѣненія воспроизводитъ и *Маркоартю* въ своей статьѣ объ «интернаціонализмѣ.» Признавая также два органа международнаго общенія — парламентъ и судъ — онъ предлагаетъ оригинальный способъ составленія перваго [1]).

Относительно суда онъ повторяетъ мысль Гобле-д'Альвіелла о томъ. чтобы чрезъ цѣлый рядъ спеціальныхъ судовъ, постепенно довести народы до сознанія необходимости въ постоянномъ судѣ. Планъ же общей федераціи имъ осуждается: задача цивилизаціи. по его словамъ, требуетъ не подавленія, но напротивъ всесторонняго подъема индивидуальнаго начала, какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ народахъ Пусть. замѣчаетъ онъ, каждый человѣкъ дѣлается все болѣе и болѣе полукоролемъ, а всѣ государства остаются независимы, свободны и автономны во всѣхъ дѣлахъ, по которымъ они не стѣсняютъ свободы и самоуправленія другихъ. Для этого ихъ взаимныя права и обязаности должны быть съ точностію опредѣлены по общему соглашенію въ «кодексѣ международной нравственности и справедливости» [2]).

---

[1]) Въ международномъ парламентѣ должны быть представлены, говоритъ онъ, законодательная, исполнительная и судебная власть каждаго народа Для этого въ немъ засѣдаютъ по 4 представителя отъ государства одинъ делегатъ, назначаемый правительствомъ; два выборныя лица отъ палатъ—одинъ представитель большинства, другой—меньшинства и одинъ сановникъ, по выбору верховнаго суда и университетовъ.

[2]) *Marcoartu*, Internationalism (въ Prize Essays on international law) 1876, p 17, 43 и 12.

Извѣстный экономистъ *Лавеле* задумывается также надъ международною реформою. Исчисливъ причины войнъ въ современномъ обществѣ, онъ останавливается надъ условіями, которыя ведутъ къ упроченію мира. Для послѣдняго необходимы два условія. Во-первыхъ, чтобы народы проникнулись мыслію, что война никогда не можетъ быть имъ выгодна и во-вторыхъ, найти такіе способы прекращенія неизбѣжныхъ между ними столкновеній, которые дозволили бы ихъ національной чести не обращаться къ оружію. Въ первомъ отношеніи современныя войны сами ведутъ дѣятельную противъ себя пропаганду, опытомъ научая народы, что онѣ, даже для побѣдителей, всегда бичъ, уничтожающій болѣе того, что даютъ.—Во-второмъ отношеніи является настоятельная потребность въ двухъ реформахъ: введеніи международнаго кодекса и суда. Авторъ отлично сознаетъ, что эти реформы не уничтожатъ всякія войны, но, добавляетъ онъ, если бы даже суду удалось предупредить изъ двадцати войнъ одну—его слѣдуетъ учредить. Такой судъ вытекаетъ изъ идей и потребностей нашего времени; онъ былъ бы легко принятъ большинствомъ цивилизованныхъ народовъ, потому что ихъ интересы въ сущности тождественны, и доставилъ бы всему человѣчеству неисчислимыя блага.

Лавеле указываетъ сперва на явленія, которыя проложили путь для международнаго суда: онъ упоминаетъ о стараніяхъ друзей мира и о главныхъ третейскихъ рѣшеніяхъ. Этотъ очеркъ написанъ бѣгло и далеко не полонъ. Но авторъ совершенно правъ, видя въ третейскомъ разбирательствѣ ступень къ постоянному международному суду. Объ устройствѣ и дѣятельности послѣдняго онъ впрочемъ говоритъ не много: судъ по составу своему признается постояннымъ, но засѣдаетъ онъ, когда представляются дѣла, въ столицѣ одной изъ нейтральныхъ странъ—въ Швейцаріи или Бельгіи. Въ составъ его входятъ дипломатическіе представители государствъ, которымъ содѣйствуютъ юристы, знакомые съ международнымъ правомъ. Судъ долженъ занимать самое видное и выдающееся мѣсто для того, чтобы общественное мнѣніе производило на государ-

ства давленіе въ томъ направленіи, чтобы они не обходили его въ своихъ спорахъ. Полное невмѣшательство во внутреннія дѣла государствъ—вотъ единственное ограниченіе сферы его дѣятельности. Затѣмъ онъ вѣдаетъ всякія международныя распри и даетъ рѣшенія, смотря по особенностямъ отдѣльныхъ случаевъ. Столь обширная компетенція не можетъ вызвать опасенія, потому что, его рѣшенія не поддерживаются никакою матеріальною силою. На этотъ пунктъ Лавеле напираетъ особенно. «Всякая поддержка рѣшеній суда вооруженною силою, говоритъ онъ, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ лишеніе народовъ ихъ самостоятельности. Это освятило бы право всеобщихъ интервенцій и каждый, даже незначительный споръ, могъ бы воспламенить общую войну. Мы имѣли бы предъ собою новый увеличенный священный союзъ, который содержалъ бы въ себѣ мало ручательства дальнѣйшаго преуспѣянія свободы.» Не смотря однако на эти слова, Лавеле вѣритъ въ то отдаленное время, когда наступитъ федерація народовъ съ верховнымъ судомъ, подобнымъ американскому и рѣшенія котораго будутъ вступать въ законную силу по велѣнію высшей власти.

Ларрокъ критикуетъ эти мысли Лавеле объ излишествѣ принужденія при исполненіи судебныхъ рѣшеній. Это принужденіе, говоритъ онъ, не есть отрицаніе самостоятельности государствъ, а только ея извѣстное ограниченіе, вытекающее изъ принадлежности ихъ къ международному союзу. Юстиція, не поддерживаемая силою, будетъ лишь предметомъ насмѣшекъ для тѣхъ, кто не уважаетъ ея приговоры [1]).

Въ заключеніе Лавеле разбираетъ нѣкоторыя изъ возраженій, подымаемыя обыкновенно противъ международнаго суда. И эта часть написана довольно поверхностно. Главная и вполнѣ вѣрная тутъ мысль состоитъ въ томъ, что государствамъ, при теперешнихъ условіяхъ, стоитъ много труда и времени для передачи своего спора на третейское разбирательство: ихъ легко упрекнуть въ малодушіи и въ неувѣренности въ правотѣ

[1]) Назв. соч. стр. 149, сл.

ихъ дѣла. Но съ учрежденіемъ международнаго суда общественное мнѣніе будетъ все болѣе и болѣе требовать, чтобы государства искали рѣшенія этого суда и уважали его [1]).

Какъ бы на границѣ между писателями двухъ послѣднихъ группъ стоитъ *Филдъ*. Въ своемъ превосходномъ кодексѣ [2]) онъ отводитъ особый отдѣлъ «мѣрамъ охраненія мира» [3]). Здѣсь онъ, не отвергая права государствъ имѣть народныя милиціи, строить крѣпости и военныя суда, предлагаетъ имъ однако, съ общаго согласія, признать извѣстную границу относительно численности ихъ войскъ; именно слѣдуетъ брать съ каждой тысячи населенія по одному солдату или матросу. Для рѣшенія споровъ между государствами Фильдъ установляетъ двѣ судебныя инстанціи, имѣющія дѣйствовать, когда сторонамъ не удастся уладить свое разногласіе дипломатическимъ способомъ. Сперва они обращаются къ *высокой смѣшанной коммиссіи* (Joint High Commission), въ которую назначаютъ по 5 членовъ каждая. Эта коммиссія обязана въ продолженіи 6 мѣсяцевъ обсудить дѣло, найти способъ примиренія и доложить сторонамъ о достигнутыхъ ею результатахъ. Если затѣмъ коммиссія не придетъ ни къ какому рѣшенію, или если стороны откажутъ въ утвержденіи послѣднему, онѣ обязаны въ теченіи 12 мѣсяцевъ со дня избранія коммиссіи извѣстить объ этомъ остальныя государства, принявшія международный кодексъ и тогда созывается *верховный третейскій судъ* (High Tribunal of Arbitration), составленный такимъ образомъ, что каждое изъ оповѣщенныхъ государствъ предлагаетъ въ 3 мѣсячный срокъ спорящимъ сторонамъ четыре лица. Изъ этого списка стороны, въ алфавитномъ порядкѣ своихъ именъ (на французскомъ языкѣ), отводятъ по очереди столько лицъ, чтобы на спискѣ осталось наконецъ 7 человѣкъ, которые и образуютъ судъ. Если одно изъ государствъ не назначитъ 4 человѣка—это дѣлается поровну сторонами. Если ко-

---

[1]) *Laveleye*, Des causes actuelles de guerre en Europe et de l'arbitrage. 1873; p. 149—206.
[2]) *Dudley Field*, Draft outlines of an international Code. 1872.
[3]) Art. 528—538.

торая либо изъ нихъ не воспользуется, въ теченіи мѣсяца со дня извѣщенія другою, правомъ отвода—другая отводитъ за нее. Въ случаѣ необходимости дополнительныхъ выборовъ они производятся тѣмъ же способомъ какъ и первоначальные.

Рѣшенія этого суда признаются окончательными и, въ случаѣ надобности, поддерживаются даже силою со стороны другихъ народовъ, принявшихъ этотъ кодексъ. Кромѣ этихъ двухъ судебныхъ инстанцій Фильдъ высказывается еще въ пользу *дипломатической конференціи* изъ представителей отдѣльныхъ государствъ, которая собиралась бы каждый годъ, въ началѣ января, по очереди въ ихъ различныхъ столицахъ «съ цѣлію обсужденія и исправленія международнаго кодекса, облегченія сношеній между государствами, предупрежденія войны и упроченія мира.»

Другихъ формъ федерацій Фильдъ не рекомендуетъ. Относительно предлагаемыхъ имъ судебныхъ инстанцій мы замѣтимъ, что первая, по нашему мнѣнію, слишкомъ многочисленна и напрасно въ ея составъ не допущены представители нейтральныхъ государствъ. При подобномъ составѣ судьи легко могутъ обратиться въ адвокатовъ своихъ избирателей. За то Фильдъ не дѣлаетъ различія относительно разбирательства между дѣлами политическими и юридическими.

Между русскими писателями въ пользу международнаго суда (скорѣе третейскаго нежели постояннаго) высказался *г. Стояновъ*. Приводя главныя статьи Гольдшмидтовскаго проекта, онъ говоритъ: «обдумать заранѣе и усовершенствовать въ теоріи наилучшую и осуществимую въ данный моментъ форму международнаго суда есть дѣло вполнѣ практическое и достойное занять собою умы лучшихъ публицистовъ въ Европѣ и въ Америкѣ. Если кодификаціи международнаго права суждено осуществиться, то, само собою разумѣется, обѣ реформы сейчасъ же органически сольются между собою и въ результатѣ можетъ получиться разрѣшеніе двухъ коренныхъ вопросовъ для современнаго международнаго союза» [1]).

[1]) Очерки исторіи и догматики межд. права, 1875 г., стр. 567. Ср. стр. 565 и 569

Мы изложили мысли писателей объ устройствѣ и дѣятельности международнаго суда. Всѣ они, сознавая его необходимость, различно мотивируютъ ее: одни исходятъ отъ мысли о *юридической недостаточности* международнаго права и порядка и, желая сдѣлать это право вполнѣ положительнымъ, предлагаютъ для международнаго союза тѣ же начала и формы, въ которыхъ выражается внутренняя жизнь государствъ (Бара, Гобле-д'Альвіелла, Лоримеръ и отчасти Тренделенбургъ). Другіе отправляются отъ явленій *экономической жизни* и въ ея законахъ видятъ требованіе мирнаго существованія и развитія народовъ, не выполнимое безъ организаціи ихъ совокупной жизни. Всего послѣдовательнѣе эта точка зрѣнія развита у Сибоома. Третьи—и это самые многочисленные—кладутъ въ основаніе своихъ разсужденій *разрушительность современныхъ войнъ* и *ихъ преступность*, если онѣ не вызваны требованіями самообороны (Сарторій, Лавеле, Ларрокъ, Дюпаскье).

Хотя всѣ эти писатели и многіе другіе заслуживаютъ вниманія въ томъ отношеніи, что ими отмѣчены различные важные недостаки современной государственной и международной жизни и что они, прокладывая путь идеѣ международнаго суда, стараются удовлетворить серьознымъ потребностямъ жизни, а не одной теоріи,— тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, что въ этомъ направленіи многое остается еще сдѣлать. Можетъ ли и быть иначе въ вопросѣ, сравнительно говоря, столь еще новомъ и трудномъ какъ установленіе международнаго суда? Болѣе всего онъ нуждается, научно говоря, въ серьозной и всесторонней *юридической обработкѣ*, какъ съ точки зрѣнія вызывающихъ его *причинъ*, такъ и по отношенію къ предлежащимъ ему *задачамъ*.

II.

Спеціальные международные суды.

Писатели, къ которымъ мы теперь обращаемся, ставятъ себѣ, сравнительно съ первою группою, болѣе скромную задачу: они полагаютъ, что осуществить международную юстицію можно лишь постепенно и по частямъ. Суды, предлагаемые ими

постоянны. не по отношенію къ времени, но въ смыслѣ непрерывнаго занятія опредѣленнаго рода дѣлами. По различію этихъ дѣлъ и учреждаются спеціальныя для нихъ инстанціи.

Нельзя не видѣть даже въ этомъ направленіи значительнаго шага впередъ къ цѣли осуществленія международнаго права. Оно возникло весьма недавно, находится еще на первой ступени своего проявленія, но успѣло уже привлечь на свою сторону многихъ компетентныхъ юристовъ нашего времени [1]).

Въ силу практическихъ потребностей заявленія о пользѣ международныхъ судовъ слышатся въ области *частнаго международнаго права*, а также *права военнаго* и *морскаго*.

Для разсмотрѣнія столкновеній перваго рода особенно пригоденъ третейскій судъ, и выше мы имѣли случай указать на то, что такіе писатели какъ Гольдшмидтъ, Роленъ-Жекменъ, Блюнчли, Муанье и др. видятъ въ третейскихъ судахъ либо вполнѣ юридическіе органы, либо желаютъ организовать и ихъ въ двухъ инстанціяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ они близко подошли бы къ постояннымъ судамъ. Недавно была высказана и въ Америкѣ мысль о томъ, чтобы жалобы частныхъ лицъ на иностранное правительство разбирались международными судами (private international courts).

Также замѣчается это движеніе въ области военнаго и морскаго права.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на проектъ, съ которымъ выступилъ *Муанье* въ 1872 г. объ учрежденіи международной инстанціи въ видахъ предупрежденія и пресѣченія нарушеній Женевской конвенціи [2]).

---

[1]) Такъ *Гольцендорфъ* напримѣръ говоритъ: „Настало время для введенія постоянныхъ международныхъ судовъ для извѣстныхъ категорій споровъ.“ Выше мы видѣли, какіе вопросы онъ сюда относитъ. (Revue; 1876, p. 32).

[2]) *Moynier*. Note sur la création d'une institution judiciaire internationale propre à prévenir et à réprimer les infractions à la convention de Genève, lue au comité international de secours aux militaires blessés dans sa séance du 3 janvier 1872; въ *Revue*, 1872, p. 325, sv.

Въ *мотивахъ* къ нему авторъ говоритъ, что опытъ войны 1870—71 г. доказалъ всю несостоятельность одной нравственной санкціи для этой конвенціи. Воюющіе постоянно упрекали другъ друга въ ея нарушеніи и эти обвиненія встрѣчали категорическія отрицанія противника, не поясняя дѣла. Для устраненія этихъ явленій необходима международная юрисдикція. Вопросъ состоитъ только въ томъ, какъ устроить ее такъ, чтобы она не задѣвала законной чувствительности правительствъ и представляла бы серьезныя ручательства относительно выполненія ея рѣшеній. Въ данномъ случаѣ юрисдикція можетъ быть введена тѣмъ удобнѣе, что она руководилась бы вполнѣ положительнымъ правомъ, т. е. писаннымъ текстомъ конвенціи. Кромѣ того и дипломатія и общественное мнѣніе съ каждымъ днемъ становятся болѣе расположенными въ пользу международной юрисдикціи: подтвержденіемъ сему служитъ Алабамское дѣло. Кому принадлежало бы право суда? Либо смѣшанной власти, либо нейтральной.

Авторъ высказывается за судъ, составленный, на подобіе Женевскаго, изъ 5 членовъ, при чемъ двое назначались бы самими воюющими, а трое брались бы по жребію отъ нейтральныхъ. Самъ онъ однако склоняется болѣе къ тому, чтобы всѣ члены этого суда принадлежали нейтральнымъ государствамъ. Въ сущности правительства, говоритъ онъ, не привлекались бы къ этому суду, а лишь частныя лица, непосредственно виновныя въ нарушеніи конвенціи. Исключеніе наступало бы въ тѣхъ случаяхъ, когда нарушители ссылались бы на свое незнаніе конвенціи, но это самое побудило бы, наконецъ, правительства распространять въ населеніи ея принципы, что требуется уже давно.

Кромѣ наказаній, судъ имѣлъ бы право, по требованію пострадавшей стороны, приговаривать къ уплатѣ убытковъ, «при чемъ, добавляетъ Муанье, было бы справедливо, чтобы правительство виновнаго отвѣчало за уплату этой суммы, такъ какъ конвенція можетъ нарушаться только его агентами. Кромѣ того можно сказать, что правительства, будучи причиной всѣхъ бѣдствій войны, должны и подвергаться всѣмъ ея послѣд-

ствіямъ. Было бы не справедливо, чтобы потерпѣвшія частныя лица стали жертвою личной несостоятельности прямыхъ виновниковъ. Наконецъ. желательно, чтобы правительства имѣли непосредственный и денежный интересъ въ томъ, чтобы конвенція соблюдалась зависящими отъ нихъ лицами.»

Приступать къ разслѣдованію судъ долженъ былъ бы лишь по требованію потерпѣвшей стороны и послѣ того, какъ всякая жалоба была разсмотрѣна со стороны правительства истца.

Дѣйствія его должны пользоваться наибольшею публичностью, чтобы образовать и руководить общественное мнѣніе, въ которомъ будетъ главная опора новаго учрежденія. Это тѣмъ болѣе важно, что исполнять рѣшенія суда призваны сами государства, и никакая матеріальная сила надъ послѣдними невозможна.

Самый проектъ состоитъ изъ 10 статей.

Ст. 1 Въ видахъ обезпеченія исполненія Женевской конвенціи отъ 22 авг. 1864 г. и дополнительныхъ къ ней статей. учреждается, въ случаѣ войны между двумя или нѣсколькими договаривающимися государствами, международный судъ, къ которому можно обращаться съ жалобами на нарушеніе этой конвенціи.

Ст. 2. Судъ этотъ составляется такимъ образомъ, что въ самомъ началѣ войны президентъ швейцарской республики обозначаетъ по жребію три государства изъ подписавшихъ конвенцію, за исключеніемъ воюющихъ. Правительства указанныхъ государствъ и воюющіе назначаютъ по одному судьѣ. которые собираются вмѣстѣ въ кратчайшій срокъ на томъ пунктѣ, на который имъ временно укажетъ президентъ швейцарской республики.

Если война возгорится между болѣе чѣмъ двумя государствами, союзники вступаютъ въ соглашеніе относительно выбора одного общаго судьи.

Въ случаѣ вступленія одного изъ нейтральныхъ государствъ. давшихъ судей въ войну, обращаются вновь къ жребію для замѣщенія назначеннаго имъ судьи—другимъ.

Ст. 3. Третейскіе судьи соглашаются между собою относительно выбора окончательнаго своего мѣстопребыванія. Имъ

же предоставляется опредѣлить подробности относительно устройства суда и производства дѣлъ. Также указываютъ они на время, когда считаютъ возможнымъ прекратить свою дѣятельность.

Ст. 4. Судъ будетъ разслѣдовать лишь такія нарушенія, по поводу которыхъ ему предъявятъ жалобы заинтересованныя правительства. Послѣднія обязаны обращаться къ нему по всѣмъ дѣламъ, которыя они хотятъ поддержать и въ которыя будутъ замѣшаны иностранцы.

Судъ подвергаетъ эти жалобы всестороннему разсмотрѣнію, для чего ему должны быть доставлены всѣ средства со стороны подписавшихъ конвенцію правительствъ и особенно воюющихъ.

Ст. 5. По каждому отдѣльному дѣлу судъ установляетъ степень виновности или невиновности.

Въ случаяхъ признанія виновности онъ присуждаетъ къ наказанію сообразно съ международнымъ уголовнымъ закономъ, который опредѣляется въ дополнительномъ къ настоящей конвенціи договорѣ.

Ст. 6. Рѣшенія свои судъ сообщаетъ заинтересованнымъ правительствамъ, которыя обязываются привлечь виновныхъ къ присужденному наказанію.

Ст. 7. Если къ жалобѣ присоединяется просьба о вознагражденіи убытковъ, судъ имѣетъ право разсмотрѣть оную и опредѣлить сумму таковаго вознагражденія.

Правительство виновнаго отвѣчаетъ за исполненіе этого рѣшенія.

Ст. 8. Рѣшенія суда сообщаются всѣмъ правительствамъ, подписавшимъ конвенцію, которыя, если нужно, переводятъ ихъ, въ возможно краткій срокъ, на національный языкъ и печатаютъ въ оффиціальныхъ изданіяхъ. Также слѣдуетъ поступать съ мнѣніями, которыя судъ сочтетъ нужнымъ огласить въ интересахъ дѣла и особенно по вопросамъ о налагаемыхъ имъ наказаніяхъ или взысканіи убытковъ.

Ст. 9. Всѣ издержки по суду, въ томъ числѣ содержаніе судей и расходы по ихъ передвиженію, уплачиваются по-ровну

воюющими, которые вообще обязаны доставлять суду необходимыя для него средства.

Счеты эти составятъ предметъ заключительнаго отчета, который. наравнѣ съ рѣшеніемъ, печатается во всеобщее свѣдѣніе.

Ст. 10. Архивы суда хранятся въ Бернѣ вмѣстѣ съ архивами швейцарской республики.

Этотъ проектъ Муанье вызвалъ обсужденія и возраженія со стороны Либера, Вестлека. Гольцендорфа, Морена и Роленъ-Жекмена [1]).

Либеръ, горячо рекомендуя третейскій судъ въ международныхъ распряхъ, считаетъ постоянный судъ вообще неосуществимымъ. «Правительства болѣе или менѣе деспотичныя, говоритъ онъ, поставлены лучше свободныхъ народовъ для веденія интригъ: эти же народы нуждаются особенно въ автономіи и эта потребность, не ведя къ изолированности, будетъ усиливаться съ развитіемъ свободы и самоуправленія. Не ребяческая зависть, но именно потребность автономіи не дозволитъ народу свободному и хотя нѣсколько значительному преклониться предъ приговоромъ постояннаго международнаго суда. Совершенно иное дѣло суды третейскіе: ихъ власть и авторитетъ вытекаютъ изъ взаимнаго соглашенія сторонъ и дѣйствіе ихъ простирается лишь на опредѣленные случаи.»

Очевидно, Либеръ видитъ хорошую сторону третейскихъ судовъ въ томъ, что другіе писатели—и основательно—считаютъ за ихъ главный недостатокъ. Высказываясь за одну третейскую практику, онъ является. въ международной области. сторонникомъ хромой юстиціи. Основное его возраженіе противъ полнаго приложенія послѣдней покоится на невѣрномъ представленіи о суверенитетѣ и свободѣ народовъ.

Затѣмъ онъ критикуетъ 6 статью: кто будетъ шерифомъ, экзекуторомъ надъ государствами? Кто можетъ ихъ обязать наказывать нарушителей женевской конвенціи?

Въ заключеніе онъ высказываетъ мысль весьма справедливую. чтобы въ интересахъ интернаціонализма были созваны въ

---

[1]) Тамъ же стр. 330 сл.

ближайшемъ будущемъ лучшіе знатоки международнаго права, коими обладаетъ цисъ-кавказская раса, по одному отъ каждой страны, которые въ силу личной способности, а не какого либо публичнаго полномочія, взяли бы на себя трудъ опредѣлить нѣкоторые изъ важныхъ, но спорныхъ еще вопросовъ международнаго права, какъ-то нейтралитетъ, права воюющихъ и т. д. Опредѣлить, я разумѣю, прибавляетъ онъ, на основаніи великаго аргумента справедливости. Результатъ совѣщаній подобнаго собранія, будетъ ли онъ называться кодексомъ или прокламаціею, получитъ неоспоримо гораздо бо́льшій авторитетъ въ сравненіи съ отдѣльными сочиненіями, хотя бы лучшихъ юристовъ.»

Въ принципѣ же, но по другимъ соображеніямъ, высказался противъ проекта Муанье *Вестлекъ*. Главное ручательство въ исполненіи женевской конвенціи, по его мнѣнію, должно искать въ характерѣ и дѣйствіяхъ главнокомандующихъ. Если чувство отвѣтственности будетъ до извѣстной степени снято съ послѣднихъ и перенесено на какой то отдаленный судъ,— это ослабитъ скорѣе нежели увеличитъ силу репрессивныхъ мѣръ противъ нарушителей конвенціи. Кромѣ того какъ отвлекать въ военное время отъ ихъ обязанностей тѣхъ лицъ, которые въ качествѣ свидѣтелей должны будутъ являться предъ судомъ для того, чтобы онъ могъ приступать къ дознанію? Если же предположить, что судъ призванъ дѣлать это дознаніе на основаніи письменныхъ документовъ, то все таки придется спросить: какимъ способомъ доставить ему уваженіе необходимое для того, чтобы онъ могъ восторжествовать надъ страстями, возбужденными борьбой, и какъ поступить, чтобы военныя власти обѣихъ сторонъ имѣли достаточно досуга для тщательнаго отобранія свидѣтельствъ?

Эти возраженія стоятъ, очевидно, на практической почвѣ; ихъ можно устранить или по крайней мѣрѣ значительно смягчить, когда допустить вѣрность и пользу самого дѣла въ принципѣ.

Отчасти на этотъ путь вступаютъ другіе критики мысли Муанье. Одобряя ее по существу, *Гольцендорфъ* находитъ недостаточнымъ предложенный способъ ея примѣненія. Съ своей

стороны онъ рекомендуетъ учреждать при каждомъ воюющемъ слѣдственную коммиссію, безъ всякой юрисдикціи, но призванную удостовѣрять непосредственно въ протоколѣ каждый фактъ нарушенія конвенціи, при чемъ должно различать нарушенія случайныя отъ злоумышленныхъ. Въ составъ ея входили бы три члена: отъ каждаго воюющаго по одному и отъ нейтральныхъ одинъ. Государства обязались бы, по требованію этой коммиссіи, уплачивать убытки въ случаяхъ нарушенія конвенціи по ихъ винѣ или по винѣ начальствующихъ лицъ. Въ быстромъ констатированіи фактовъ. напр., сейчасъ, послѣ сраженія, онъ видитъ болѣе прочную нравственную гарантію для женевской конвенціи, нежели въ международно-уголовной процедурѣ. Государства отказываются, прибавляетъ онъ, даже въ мирное время выдавать своихъ подданныхъ судамъ дружественной страны, какъ же они согласятся во время войны предавать своихъ гражданъ въ руки чужой юстиціи?

Морень говоритъ, что учрежденіе международной юрисдикціи явилось бы новымъ прогрессомъ послѣ Женевскаго суда. Онъ не видитъ никакого серьезнаго возраженія противъ нея. поскольку она имѣла бы дисциплинарный характеръ, по отношенію къ нарушителямъ и гражданскій касательно правительствъ, подвергнувшихся отвѣтственности. Но серьезныя затрудненія возникаютъ, на его взглядъ, тогда, когда дѣло будетъ касаться самыхъ тяжкихъ нарушеній, которыя потребуютъ отъ международной юрисдикціи приложенія настоящихъ уголовныхъ наказаній.

Это возраженіе высказывается гораздо яснѣе и обстоятельнѣе *Роленъ-Жекменомъ*. Онъ начинаетъ свои замѣчанія съ того, что не считаетъ недостатокъ исполнительной власти достаточнымъ возраженіемъ противъ учрежденія настоящаго международнаго-уголовнаго суда (cour criminelle internationale). Въ этомъ случаѣ, какъ и въ третейскихъ рѣшеніяхъ. исполнительную власть замѣняютъ общественное мнѣніе и боязнь. которую не можетъ не ощущать даже могущественнѣйшее государство, подорвать свой кредитъ невыполненіемъ принятыхъ на себя обязательствъ. Кромѣ того мы видимъ. что даже

во внутренней жизни государствъ въ гражданскихъ тяжбахъ рѣшеніе суда, утвержденное и обращенное къ исполненію, обрекается остаться безъ дѣйствія въ рукахъ выигрывающей стороны, если другая не окажетъ ему повиновенія и содѣйствія. И такое несовершенное состояніе производства лучше отсутствія всякой судебной защиты. Къ этому, продолжаетъ авторъ, можно прибавить, что принципъ международныхъ судовъ, призванныхъ содѣйствовать приложенію конвенцій, получилъ косвенное признаніе еще на Вѣнскомъ конгрессѣ, когда, въ актѣ о свободѣ рѣчнаго судоходства, установлены были особые суды для охраненія судоходства по Рейну. Эти суды существуютъ. Организованные въ силу Майнцской конвенціи отъ 31 марта 1831 г. они получили болѣе широкую подсудность по Маннгеймскому договору 17 окт. 1868 г. Ихъ юрисдикція имѣетъ гражданскій и уголовный характеръ (нарушенія рѣчной полиціи), а рѣшенія ихъ приводятся въ исполненіе во всѣхъ прирѣчныхъ государствахъ. Но самое ихъ устройство на столько недостаточно, что давно уже вызываетъ жалобы.

Собственно проекту Муанье Роленъ дѣлаетъ два возраженія. Предлагаемый имъ судъ былъ бы несовмѣстимъ съ нѣкоторыми конституціонными началами, усвоенными большинствомъ свободныхъ народовъ. Рѣшенія его имѣли бы своимъ предметомъ ограниченіе личной или имущественной свободы гражданъ заинтересованныхъ государствъ. Между тѣмъ не только государству коллективно, но и каждому его гражданину лично принадлежитъ право, въ силу котораго никто не долженъ быть судимъ иначе какъ своими обыкновенными судьями, судъ же, о которомъ рѣчь, содержа изъ пяти членовъ четырехъ иностранцевъ, находясь по всей вѣроятности на далекомъ разстояніи отъ мѣстожительства или временнаго пребыванія привлекаемаго лица, а также отъ мѣста совершенія незаконнаго дѣйствія—этотъ судъ былъ бы вполнѣ чрезвычайный и стоялъ бы въ противорѣчіи съ правомъ даруемымъ гражданамъ многихъ странъ не быть судимыми по уголовнымъ дѣламъ безъ присяжныхъ. Устройство суда и порядокъ производства, особенно въ дѣлахъ уголовныхъ, составляютъ въ странахъ поли-

тически-развитыхъ цѣлую систему гарантій, между коими особенно выступаютъ національный характеръ судей и мѣстный—суда. Весьма трудно было бы отказаться отъ этихъ гарантій ради новаго учрежденія или приспособить ихъ къ нему.

На это замѣчаніе Ролена можно сказать, что новый судъ конечно потребовалъ бы нѣкоторыхъ измѣненій въ существующихъ конституціяхъ, но что со стороны процессуальной его не трудно обставить такъ, чтобы онъ давалъ подсудимымъ всѣ гарантіи, которыя только въ состояніи дать самыя совершенныя формы правосудія. Отъ государствъ зависитъ указать для этого тѣ практическія условія, которыя требуются для охраны правъ ихъ гражданъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ военныя времена и ихъ внутренніе суды подвергаются часто большимъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ.

Другое возраженіе, по мысли Ролена, вызывается возложеніемъ на государства отвѣтственности за убытки. Утверждать, подобно Муанье, что правительства, будучи причиною всѣхъ бѣдствій войны, должны нести и всѣ ея послѣдствія, значитъ говорить будто каждая война въ равной степени со стороны обоихъ воюющихъ несправедлива. Но это невозможно! Привлеченіе правительствъ къ отвѣтственности имѣется въ виду не ради того, что они начали войну, но за то, что они плохо или вовсе не прилагаютъ женевскую конвенцію. Такимъ образомъ суду предстояло бы разсмотрѣть сперва фактъ матеріальнаго нарушенія, а за тѣмъ опредѣлить степень вмѣняемости, падающей на правительства. Послѣднее затронуло бы массу вопросовъ, касающихся военнаго воспитанія, устройства администраціи и т. д. Едва ли согласились бы высокія стороны на подобныя разслѣдованія! — Другое возраженіе: въ силу новѣйшей практики требуютъ, при заключеніи мира, отъ побѣжденнаго контрибуцій; вслѣдствіе этого присужденіе судомъ извѣстнаго вознагражденія, можетъ оказаться въ дѣйствительности призрачнымъ, если оно сдѣлано въ пользу побѣжденнаго, и излишнимъ для побѣдителя. — Третье возраженіе: многія незаконныя дѣйствія не могутъ быть переведены на деньги для оцѣнки убытковъ; въ другихъ случаяхъ не будетъ соотвѣт-

ствія между важными послѣдствіями самого нарушенія и назначеннаго за него награжденія (укрывательство подъ краснымъ крестомъ вооруженныхъ солдатъ или военной аммуниціи). На основаніи этихъ соображеній, Роленъ говоритъ, что задуманное Муанье учрежденіе должно быть призвано не судить и постановлять уголовные приговоры, а изслѣдовать и констатировать факты. Это дало бы ему характеръ вполнѣ юридическій и практическій. Находясь на какой либо нейтральной территоріи, оно дѣйствовало бы въ качествѣ слѣдственнаго комитета (comite d'instruction), который либо непосредственно, либо чрезъ своихъ делегатовъ, ходатайствовалъ бы предъ правительствами воюющихъ о возстановленіи нарушеннаго права или о наказаніи виновныхъ. Мы приближаемся, говоритъ Роленъ, къ системѣ Гольцендорфа и раздѣляемъ высказанные имъ мотивы, но мы не сторонники предлагаемой имъ двойной слѣдственной коммиссіи, одной на каждаго воюющаго. Заинтересованныя правительства, по его мысли, обращаются сами съ своими жалобами къ комитету, который немедленно отряжаетъ на театръ военныхъ дѣйствій одного или нѣсколькихъ изъ своихъ членовъ, для осмотра мѣстности, собранія свидѣтельскихъ показаній и составленія подробнаго отчета. На основаніи послѣдняго комитетъ рѣшаетъ: было ли или нѣтъ совершено злоумышленное нарушеніе женевской конвенціи. При этомъ не дѣлается различія между дѣйствіями собственно частныхъ лицъ и распоряженіями прямыми или косвенными, властей. Этого мало. Комитетъ получаетъ право, признанное въ трактатахъ и внутреннихъ законахъ договаривающихся сторонъ, обращаться непосредственно къ компетентному суду государства, чьи граждане нарушили конвенцію. Въ случаѣ оправданія виновныхъ судомъ, рѣшенія международнаго комитета могутъ лечь въ основаніе требованія убытковъ со стороны потерпѣвшихъ и оцѣнки ихъ спеціальными третейскими судьями. Въ этомъ новомъ правѣ изслѣдованія нельзя не видѣть нѣкотораго ограниченія внутренняго верховенства государствъ. Но это ограниченіе не было бы тягостнѣе пресловутаго права осмотра, которое морскія государства допускали въ видахъ уничтоженія торговли неграми. Въ

томъ и въ другомъ случаѣ дѣло идетъ о защитѣ обще-человѣческаго принципа, предъ которымъ должно преклониться все несущественно важное. Но какъ ни значительно право производить предварительное слѣдствіе и препровождать его къ суду,—оно все таки далеко не такъ важно какъ само право чинить судъ.

Таковы мысли Ролена. Онѣ заслуживаютъ полнаго вниманія какъ съ юридической стороны, такъ и съ практической. Особенно вѣско его второе возраженіе. Какъ устранить его на практикѣ—это вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго намъ теперь нечего вдаваться. Мы полагаемъ однако, что логика права сама собою приведетъ отъ комитета, предлагаемаго Роленомъ, къ суду, о которомъ хлопочетъ Муанье. Дѣло въ томъ, что это различныя стороны одной и той же реформы. Если уже допустить существованіе нейтральной инстанціи, для охраны Женевской конвенціи съ слѣдственнымъ характеромъ, то нѣтъ рѣшительно юридическаго основанія отвергать судъ, преслѣдующій ту же цѣль. Первая безъ послѣдняго не имѣетъ разумнаго основанія. Роленъ говоритъ, что судъ слишкомъ ограничилъ бы верховенство заинтересованныхъ государствъ. Но мы полагаемъ такое опредѣленіе и ограниченіе верховенства съ точки зрѣнія права давно необходимымъ. Вопросъ сводится только къ тому какъ достигнуть этого наиболѣе цѣлесообразно.

Останавливаясь на мысляхъ Ролена, Гобле д'Альвіелла замѣчаетъ, что онѣ приложимы особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда истцами будутъ выступать граждане иностраннаго государства, но судъ, предлагаемый Муанье, подходитъ лучше къ различнымъ дѣламъ, въ которыхъ обѣ стороны были бы государства, какъ это бываетъ въ большинствѣ международныхъ распрей. Если съ одной стороны государство виновное согласится скорѣе принять рѣшеніе своихъ собственныхъ судовъ, то съ другой, обиженное предпочтетъ юрисдикцію смѣшаннаго или нейтральнаго суда, представляющаго по своей природѣ бо́льшія гарантіи безпристрастія въ обсужденіи международныхъ несогласій [1]).

[1]) Назв. соч стр. 195 и 193.

Мы приходимъ къ слѣдующему результату: всѣ указанные нами писатели, за исключеніемъ Вестлека, согласны между собою относительно той основной мысли, что Женевская конвенція, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ международныхъ актовъ, нуждается въ особомъ международномъ же органѣ, призванномъ давать ему юридическую защиту. Опыты послѣднихъ войнъ, къ сожалѣнію, доказали недостаточность исключительно внутренне-государственной санкціи, за которую стоятъ Вестлекъ и Людеръ, и выражающійся въ томъ, что каждое государство своими законами и уголовными судами преслѣдуетъ нарушителей Женевской конвенціи. Эти писатели расходятся только въ указаніяхъ способовъ устройства юридической защиты. Нечего и говорить, что лучшимъ органомъ для этого долженъ быть признанъ судъ. Нѣтъ препятствія для соединенія его съ слѣдственнымъ комитетомъ, въ родѣ предлагаемаго Роленомъ.

Хотя до сихъ поръ мысли о подобной юрисдикціи не получили никакого практическаго приложенія, но можно надѣятся, что къ осуществленію ихъ будетъ приступлено въ ближайшемъ будущемъ, въ виду того, что вопросъ о пересмотрѣ и исправленіи Женевской конвенціи стоитъ давно уже на очереди. Достойно вниманія одно замѣчаніе Ролена: «на основаніи вполнѣ достовѣрнаго источника, говоритъ онъ, мы знаемъ, что одно изъ главныхъ правительствъ Европы выразило, по зрѣломъ обсужденіи, готовность заключить конвенцію на началахъ, предложенныхъ Муанье. Важность этого факта очевидна для каждаго.»

Вообще вопросъ о международной юстиціи есть вопросъ времени. Не теоретическія только, а гораздо болѣе практическія потребности вынудятъ государства вступить на путь ея осуществленія. Съ принятіемъ проекта Муанье былъ бы сдѣланъ только первый, хотя и весьма важный шагъ. *Преимущественно военное и морское право нуждаются въ хорошо организованной юридической защитѣ* и послѣдняя должна постепенно расширяться по мѣрѣ кодификаціи этихъ отдѣловъ международнаго права. Одна реформа будетъ вызывать другую и обѣ,

взаимно восполняясь, наложатъ на это право печать положительности. «Если народы хотя одинъ разъ согласятся, говоритъ Гобле д'Альвіелла, по отношенію къ Женевской конвенціи. признать надъ собою общую юрисдикцію, они естественно распространятъ со временемъ этотъ способъ рѣшеній своихъ несогласій на парижскую декларацію, Петербургскую конвенцію и на будущія подобныя соглашенія, которыя они должны будутъ заключать въ видахъ постоянно усиливающихся между ними мирныхъ сношеній».

Совершенно независимо отъ этого автора. но въ томъ же порядкѣ идей, высказывается и нашъ соотечественникъ г. *Ваксель* [1]). Отправляясь отъ мысли, что воюющій, занимая страну непріятеля, не имѣетъ надъ ея жителями никакого инаго права кромѣ основаннаго на крайней необходимости и что поэтому военная оккупація есть не болѣе какъ временное держаніе (detentio), основанное на силѣ. онъ говоритъ, что отправленіе правосудія, въ занятыхъ непріятелемъ мѣстностяхъ, должно бы совершаться безпрепятственно и отъ имени территоріальнаго правительства. Его судамъ остаются подсудны всѣ обыкновенныя преступленія. Но въ военное время возникаютъ проступки и преступленія отмѣченныя международнымъ характеромъ. Обыкновенные суды для ихъ рѣшенія не компетентны, а военные удаляются при наступленіи непріятеля. Эти преступныя дѣянія должны бы подлежать вѣдѣнію международнаго суда (tribunal international) и въ этомъ заключается одинъ изъ величайшихъ недостатковъ современной военной практики, что *военные суды побѣжденнаго государства замѣняются не международнымъ судомъ*, а *военными же оккупанта*, который такимъ образомъ привлекаетъ къ нимъ лица вовсе ему не подвластныя. Можно надѣяться, что государства согласятся на учрежденіе такого суда, «который представитъ лучшія гарантіи справедливости и безпристрастія.» Ваксель не видитъ почему былъ бы невозможенъ «международный судъ. который, съ согласія воюющихъ, судилъ бы всѣ преступленія въ странѣ, гдѣ

---

[1]) *Waxel* L'armée d'invasion et la population 1874. p 78—79 et 113

нѣтъ обыкновенныхъ судовъ, а также во время войны всѣ нарушенія международнаго права. Свои приговоры онъ постановлялъ бы отъ имени всѣхъ государствъ, которыя имѣли бы въ немъ своихъ представителей [1]). Что касается до области морскаго международнаго права, то здѣсь на ближайшей очереди стоитъ преобразованіе *призовыхъ судовъ*, надъ чемъ трудится уже нѣсколько лѣтъ *Бульмеринкъ*. Выше мы имѣли случай познакомиться съ основными чертами выработаннаго имъ проекта.

Кромѣ того недавно выступилъ *Твисс* съ предложеніемъ, чтобы вмѣсто существующихъ въ Англіи Naval-Courts, учреждались смѣшанные международные суды для разбирательства дѣлъ о столкновеніи въ открытомъ морѣ кораблей, принадлежащихъ различнымъ государствамъ. Всѣ жалобы о подобныхъ столкновеніяхъ имѣли бы поступать въ консульскій судъ (Consular-Court) государства, которому принадлежитъ отвѣтчикъ. Онъ рѣшаетъ дѣло съ помощію юриста, двухъ моряковъ и консула страны, гражданиномъ которой состоитъ истецъ [2]).

Мы ознакомились съ двумя главными направленіями въ литературѣ идеи постояннаго международнаго суда въ наше время. Которому изъ нихъ дать предпочтеніе или какъ опредѣлить ихъ взаимное отношеніе?

Безспорно, сторонники спеціальныхъ судовъ для международныхъ дѣлъ стоятъ на болѣе практической почвѣ и можно думать, что ихъ планы получатъ въ той или иной формѣ

---

[1]) Въ докладѣ, прочитанномъ г. Вакселемъ на засѣданіи русскаго общества международнаго права, (26-го апрѣля 1881 г.) по вопросу о выдачѣ политическихъ преступниковъ, авторъ выставилъ между прочимъ слѣдующій тезисъ: „Нельзя ли учредить *какой либо международный судъ для политическихъ преступниковъ*, находившихъ убѣжище на иностранной территоріи?“ По отобраніи голосовъ оказалось, что это положеніе не было рѣшено въ смыслѣ отрицательномъ.

Такъ всѣ главныя задачи современнаго международнаго права тѣсно связаны съ основнымъ вопросомъ установленія международной юстиціи!

[2]) *Travers Twiss*, Collisions at sea a scheme of international tribunals въ The Law Magazine and Review. 1878. Nov. p. 1 sq.

осуществленіе. Затѣмъ, съ теченіемъ времени изъ спеціальныхъ судовъ, можно допустить, сложится по указаніямъ жизни одинъ верховный международный судъ. Мы лично однако полагаемъ, что обратный путь, съ точки зрѣнія права и интересовъ народовъ, заслуживаетъ предпочтеніе. Должно начать съ установленія для права единаго главнаго органа и затѣмъ признать въ немъ нѣсколько отдѣленій или департаментовъ, смотря по роду самихъ дѣлъ. Это въ большей степени дастъ возможность правосознанію цивилизованныхъ народовъ собираться и выражаться какъ бы въ одномъ фокусѣ и поставитъ на твердыя ноги самую судебную практику внесеніемъ въ нее большей стройности и единообразія.

Какъ бы то ни было, но на основаніи предъидущаго изложенія мы достигли слѣдующаго общаго результата: международный судъ подготовляется многими явленіями развивающейся практической жизни и все настоятельнѣе требуется юристами и филантропами. Но далеко еще не всѣ недоумѣнія о немъ выяснились. Они понятны въ каждомъ новомъ и трудномъ дѣлѣ и разсѣются, вѣроятно, не ранѣе опроверженія ихъ самою жизнью. Наука обязана съ своей стороны противодѣйствовать имъ и требовать скорѣйшаго введенія того, что по строгомъ обсужденіи признано ею за истину.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О ВЕРХОВНЫХЪ СУДАХЪ ВЪ ФЕДЕРАЦІЯХЪ.

Во всѣ времена въ федераціяхъ дѣлались попытки рѣшать споры между ихъ членами не войною, а различными учрежденіями, которыя съ теченіемъ времени болѣе и болѣе подходятъ къ типу *верховнаго суда*.

Мы можемъ въ этихъ попыткахъ встрѣтить четыре различныя системы; споры рѣшаются· 1 какимъ либо первенствующимъ *членомъ* (въ родѣ Vorort) федераціи; 2. самимъ центральнымъ *собраніемъ* (сеймомъ): 3 *третейскими судьями*, избираемыми сторонами и 4 *настоящимъ судомъ*, либо періодически созываемымъ для каждаго отдѣльнаго случая, либо обладающимъ характеромъ постояннаго учрежденія.

Критику этихъ системъ дѣлаетъ *Моль* въ прекрасной статьѣ Geschichtliche Nachweisungen uber Bundesgerichte въ Tub Zeitschr. 1870; S. 1—56. Онъ даетъ предпочтеніе послѣдней системѣ, которая юридически наиболѣе совершенна и получила примѣненіе въ С. Штатахъ Притомъ онъ замѣчаетъ: „не существуетъ основанія для того, чтобы не найти подходящихъ матеріальныхъ нормъ для рѣшенія споровъ между государствами. Отсутствіе санкціи не есть еще вѣское возраженіе собственно противъ суда.“

О федераціяхъ древней *Греціи* мы знаемъ очень мало. Иногда стороны избирали себѣ въ судьи опредѣленное учрежденіе (напр аѳинскій ареопагъ) или народное собраніе дружественнаго государства, или просто комиссаровъ Писатели спорятъ о томъ, существовалъ ли или нѣтъ особый судъ въ ахайскомъ союзѣ

Въ *Ганзейскомъ союзѣ* признавалось основнымъ правиломъ, чтобы его члены въ своихъ спорахъ не прибѣгали къ территоріальнымъ владѣльцамъ или другимъ государямъ, а либо избирали третейскихъ судей, либо обращались къ Любеку (съ 1418 г), который назначалъ 4 города для рѣшенія спора посредничествомъ или третейскимъ судомъ. Если стороны сами не извѣщали о своихъ пререканіяхъ, эта обязанность падала на ихъ сосѣдей.

Съ превращеніемъ *Германіи* въ федерацію и съ провозглашеніемъ въ 1495 г. вѣчнаго земскаго мира, отнявшаго у свободныхъ людей и непосредственныхъ членовъ имперіи право самоуправства (Recht der Fehde), возникаютъ два верховные имперскіе суда Reichskammergericht (съ 1495 г.:—засѣдавшій съ 1526 г въ Шпейерѣ, а съ 1689—1806 г въ Ветцларѣ) и Reichshofrath (съ 1559 г въ Вѣнѣ) Оба имѣли параллельную компетенцію, такъ что истецъ или апеллировавшій могъ по усмотрѣнію обращаться въ тотъ или иной судъ Другъ отъ друга они ни въ чемъ не зависѣли Дѣла они разбирали то въ первой инстанціи, то въ апелляціонномъ порядкѣ, послѣ аустрегальныхъ судовъ Первый изъ нихъ былъ независимѣе отъ императора по своему составу Императоръ назначалъ только такъ наз. Kammerrichter, двухъ президентовъ и совѣтника. Всѣ остальные члены рекомендовались имперскими чинами и, по строгомъ испытаніи ихъ судомъ, принимались имъ Они были несмѣняемы и пользовались привилегіею непосредственныхъ членовъ имперіи (reichsunmittelbar) По закону ихъ должно было быть 50 человѣкъ, но, по скудности денежныхъ средствъ, это число не превышало 25. Члены Reichshofrath (президентъ, вицеканцлеръ и 18 судей) всѣ назначались императоромъ и при каждой перемѣнѣ правленія этотъ судъ распускался.

Рядомъ съ ними существовали еще аустрегальные суды, которые не зависѣли отъ компромисса сторонъ, но имѣли принудительную юрисдикцію (Iurisdiktionszwang), не въ качествѣ государственнаго суда, а на основаніи общаго состоявшагося соглашенія Они должны были рѣшать споры въ теченіи года, а объ исполненіи этихъ рѣшеній слѣдовало просить высшіе суды. Послѣдніе являлись по отношенію къ аустрегальнымъ и апелляціонною инстанціею, но при нарушеніи мира (bei Landesfriedsbruch) компетентными были одни высшіе суды, которые приступали къ разбирательству вслѣдствіе либо жалобы потерпѣвшаго, либо порученія имперскаго фиска, либо, наконецъ, ex officio

При всѣхъ недостаткахъ этихъ высшихъ судовъ, они въ продолженіи своего 300 лѣтняго существованія принесли Германіи, говоритъ Моль, много пользы и по распаденіи имперіи болѣе всего жалѣли о ихъ незамѣнимой потерѣ.

На Вѣнскомъ конгрессѣ Германія не получила верховнаго суда, благодаря противодѣйствію Баваріи, Вюртемберга и Гессенъ-Дармштадта. Когда былъ созданъ германскій союзъ, членамъ его было воспрещено прибѣгать въ своихъ распряхъ къ самозащитѣ и войнѣ: они должны были обращаться къ сейму и, если ему не удавалось ихъ примирить, сторонамъ указывалась аустрегальная инстанція, которая, по позднѣйшимъ опредѣленіямъ, состояла изъ какого либо высшаго нѣмецкаго суда по выбору спорящихъ. Этотъ судъ держался своего дѣлопроизводства и, за отсутствіемъ другихъ нормъ, прилагалъ обще-германское право

Понятно, что при такомъ „номадномъ характерѣ“ союзной юстиціи (по выраженію Моля) въ 1848—50 г. серьезно помышляли объ учрежденіи постояннаго суда. Но конституція сѣверо-германскаго союза въ этомъ отношеніи сдѣлала даже шагъ назадъ: союзный судъ былъ учрежденъ только для торговыхъ дѣлъ. Въ современной Германской Имперіи, по конституціи 1871 г., споры между ея членами, по скольку они не имѣютъ гражданскаго характера, рѣшаются, по требованію одной изъ сторонъ, союзнымъ совѣтомъ т. е. собраніемъ чисто политическимъ и совершенно неспособнымъ замѣнить верховный судъ. Въ этомъ нельзя не видѣть важнаго уклоненія отъ принциповъ федераціи.

Учрежденный закономъ 11 апр. 1877 г. въ Лейпцигѣ, имперскій судъ (Reichsgericht) имѣетъ гражданскую и уголовную, но не политическую юрисдикцію. Члены его назначаются однимъ императоромъ, по предложенію союзнаго совѣта, изъ лицъ способныхъ быть судьями и достигшихъ 35 лѣтъ.

Много любопытнаго представляютъ намъ кантоны *Швейцаріи*. Здѣсь мы видимъ ясно постепенное восхожденіе идеи суда отъ добровольнаго третейскаго къ постоянному, съ правильно устроенною исполнительною властью.

Въ древнѣйшихъ союзахъ между отдѣльными кантонами въ XIV ст. постановлялось, чтобы споры между ними рѣшали лучшіе и наиболѣе смышленые люди (die besten und witzigsten). Каждая сторона избирала по судьѣ; въ случаѣ раздѣленія ихъ голосовъ, общій посредникъ бралъ изъ кантона отвѣтчика, причемъ онъ приносилъ клятву въ безпристрастіи. Онъ не имѣлъ самостоятельнаго голоса, но долженъ былъ примкнуть къ одному изъ выставленныхъ мнѣній.

Позднѣе третейскіе судьи стали избираться изъ гражданъ третьихъ, нейтральныхъ кантоновъ или покрайней мѣрѣ изъ ихъ среды выходили общіе посредники.

Какъ ни просты и элементарны были эти суды, но они не разъ предупреждали насилія между кантонами, благодаря здравомыслію и честному миролюбію гражданъ того времени. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ этого учрежденія состоялъ въ томъ, что его вѣдѣнію не подлежали споры, вытекавшіе изъ правъ верховенства кантоновъ, и изъ опредѣленій религіозныхъ отношеній—вопросы, очевидно, самые трудные и деликатные. Это поддерживалось между прочимъ отсутствіемъ въ этихъ третейскихъ судахъ какихъ бы то ни было твердыхъ нормъ относительно порядка производства, началъ, которыя ими прилагались, и исполненія ихъ рѣшеній.

Послѣ 1815 г. третейскіе суды между кантонами возстановлены, но члены ихъ должны были выбираться изъ сановниковъ третьихъ кантоновъ. Если имъ не удавалось помирить споривших, они клали рѣшеніе по праву, а объ его исполненіи заботилась федеральная власть.

Только конституція 1848 г. дала, наконецъ, Швейцаріи общій верховный судъ, хотя и организованный весьма недостаточно Онъ признанъ компетентнымъ въ спорахъ между кантонами не государственнаго характера (von nicht staatsrechtlicher Natur). Эти же споры отнесены къ вѣдѣнію союзнаго собранія т. е. инстанціи опять таки политической и управляемой политическими страстями и разсчетами. Будучи постояннымъ; судъ не всегда находился въ сборѣ. Законъ не принялъ также мѣръ для замѣщенія его лицами наиболѣе способными и вполнѣ независимыми, они избирались вновь каждые три года союзнымъ совѣтомъ, что препятствовало установленію твердой практики суда и ставило его въ зависимость отъ политическихъ вѣяній и теченій.

Новый, великій шагъ впередъ въ дѣлѣ развитія юстиціи Швейцарія сдѣлала въ 1874 г По конституціи и по закону 27 іюня этого же года полномочія верховнаго суда, по американскому образцу, значительно расширены и опредѣлены съ точностію

Не поглощая верховенства по судебнымъ дѣламъ отдѣльныхъ кантоновъ, юрисдикція его простирается на дѣла по гражданскому, публичному и уголовному праву

Въ *области гражданскаго права* ему подсудны споры 1. между центральнымъ правительствомъ и отдѣльными кантонами; 2 имъ же и частными лицами или корпораціями, 3. между кантонами; 4. кантонами и корпораціями по желанію одной изъ сторонъ Сюда же относятся прения о лицахъ безродныхъ (heimathlos), или національность которыхъ не опредѣлена; вообще споры между общинами различныхъ кантоновъ о національности извѣстныхъ лицъ, случаи, спеціально предусмотрѣнные федеральными законами, и вообще дѣла о приложеніи послѣднихъ. Кромѣ того стороны имѣютъ право въ каждомъ, нѣсколько важномъ процессѣ (гдѣ цѣна иска достигаетъ 3,000 франковъ) обращаться по добровольному согласію къ союзному суду, какъ къ третейскому.

Въ указанныхъ случаяхъ судъ этотъ дѣйствуетъ независимо и самостоятельно. Но кромѣ того онъ является высшею апелляціонною инстанціею (которая не только кассируетъ рѣшенія, но и сама вновь разбираетъ дѣло по существу) для всей республики по тяжбамъ, цѣнность которыхъ достигаетъ по крайней мѣрѣ 3,000 фр

Въ *области публичнаго права* верховный судъ разбираетъ: 1. препирательства о подсудности между федеральными и кантональными властями; 2. споры между кантонами по вопросамъ публичнаго права; 3. дѣла о выдачѣ преступниковъ, возникающія въ силу договоровъ, приложеніе которыхъ оспаривается; 4. жалобы частныхъ лицъ и корпорацій на нарушеніе правъ, гарантированныхъ имъ конституціею, федеральными законами или конституціями кантоновъ, а также жалобы на нарушеніе международныхъ конвенцій, конкордатовъ и трактатовъ съ иностранными государствами въ тѣхъ случаяхъ, когда эти жалобы вызваны дѣйствіями

кантональныхъ властей Эта послѣдняя статья даетъ гражданамъ Швейцаріи важное право искать защиты отъ мѣстныхъ властей предъ судомъ вполнѣ независимымъ и безпристрастнымъ. Впрочемъ изъ его вѣдѣнія изъяты жалобы на распоряженія собственно административнаго характера.

Въ *области уголовнаго права* съ участіемъ присяжныхъ союзный судъ вѣдаетъ: 1 дѣла объ измѣнѣ республикѣ, возстаніи и насиліи противъ федеральныхъ властей; 2 преступленія и проступки противъ международнаго права; 3. политическія, если они суть причина или слѣдствіе такихъ столкновеній, которыя вызвали вооруженное вмѣшательство союзнаго правительства; 4. незаконныя дѣйствія какого либо сановника, назначеннаго федеральною властію и по жалобѣ послѣдней.

Союзный судъ состоитъ изъ 9 членовъ и столькихъ же замѣстителей (suppléants) по выбору національнаго собранія Каждая изъ трехъ національностей Швейцаріи (нѣм., франц и итальян) должна въ немъ имѣть своего представителя Засѣданія его публичны. Пренія по вопросамъ публичнаго права ведутся письменно. Судъ этотъ находится въ Лозаннѣ. (*Martin* Jurisprudence suisse en matière de dr. intern. public et privé, въ Revue, 1879, p. 393).

Страна, которая лучше всего осуществила величавую идею суда между государствами (правда членами одной федераціи) это безспорно Соединенные Штаты И они прошли чрезъ оба фазиса въ ея примѣненіи какъ и Швейцарія. По конституціи 1778 г. спорящіе штаты должны были посылать своихъ представителей къ конгрессу, который приглашалъ ихъ избрать третейскій судъ Если стороны не приходили по этому поводу къ соглашенію, конгрессъ самъ назначалъ три человѣка для каждаго изъ тогдашнихъ 13 штатовъ. Стороны поочередно (или конгрессъ отъ имени не желавшей это дѣлать) отводили изъ этого списка такое число, что на лицо оставалось 13 человѣкъ. Тогда изъ нихъ по жребію назначались въ судьи 7—9 чел Рѣшеніе ихъ было безапелляціонно и заносилось въ акты конгресса

Нечего и говорить, что вся эта процедура была медленна и непрактична. Созданный судъ колебался между постояннымъ и третейскимъ; начала, направлявшія его дѣятельность не были выяснены, наконецъ, конгрессъ не имѣлъ исполнительной власти.

Вотъ почему уже при пересмотрѣ конституціи въ 1789 г. эти случайные третейскіе суды уступили мѣсто суду постоянному и верховному. Онъ вѣдаетъ въ области права и справедливости по конституціи *С. Штатовъ* дѣла: 1. относящіяся до конституціи; 2 на которыя простирается дѣйствіе законовъ С Штатовъ; 3. возникающія изъ договоровъ, заключенныхъ или имѣющихъ быть заключенными Штатами; 4. касающіяся посланниковъ, вообще дипломатическихъ агентовъ и консуловъ, 5. а также адмиралтейства и морской юрисдикціи; 6 всѣ споры, въ которыхъ Штаты являются стороною; 7. всѣ споры между двумя или нѣсколькими штатами; 8. между

какимъ либо штатомъ и гражданами другаго, 9 между гражданами различныхъ штатовъ; 10. даже споры между гражданами одного и того же штата, когда предметъ ихъ несогласій составляютъ земли, уступленныя различными штатами. 11. наконецъ, споры, возникающіе между какимъ либо штатомъ или гражданами Союза съ одной стороны и иностраннымъ государствомъ или его подданными съ другой.

Съ 1869 г верховный судъ состоитъ изъ предсѣдателя и 8 членовъ назначенныхъ президентомъ съ одобренія сената Дѣла, касающіяся посланниковъ, иностранныхъ представителей или когда одинъ изъ штатовъ выступаетъ стороною, онъ разсматриваетъ въ качествѣ первой инстанціи; во всѣхъ иныхъ спорахъ онъ является аппеляціонною инстанціею Мѣстопребываніе его — Вашингтонъ (Интересныя подробности см. *Matile.* Organisation et juridiction des cours fédérales des Etats-Unis, въ Revue; 1874, p 89)

Критикуя американскіе порядки, Моль говоритъ, что законъ съ мудрою предусмотрительностію позаботился о томъ, чтобы стороны въ своихъ спорахъ не могли укрыться за предлогъ о неподсудности и не дѣлаетъ различія между вопросами права и интереса. Въ случаѣ нужды рѣшенія суда поддерживаются милиціею Союза по распоряженію президента. Но и въ Америкѣ замѣщеніе судей поставлено отчасти въ зависимость отъ преобладающихъ политическихъ партій, что отзывается на ихъ авторитетѣ и свободѣ дѣйствій иногда весьма пагубно.

Во всякомъ случаѣ верховные суды федерацій знаменуютъ громадный шагъ впередъ въ дѣлѣ осуществленія юстиціи. Они наглядно доказываютъ, что и *между государствами мыслимъ постоянный и правильно организованный судъ.* Эта идея проложила себѣ дорогу послѣ долгихъ столѣтій лишь въ наше время Правда, она выросла на почвѣ федерацій, члены которыхъ имѣютъ болѣе или менѣе ограниченный суверенитетъ. Мы должны сдѣлать еще послѣдній шагъ впередъ и установить такой же судъ, но между государствами вполнѣ независимыми. Возможно ли это? Отвѣтъ дастъ намъ будущее, но теорія говоритъ уже теперь, что возможно и полезно, видя въ судахъ федерацій переходную ступень отъ судовъ внутренне-государственныхъ къ международному.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА УСТРОЙСТВА МЕЖДУНАРОДНАГО СУДА.

Со времени своего появленія идея международнаго суда дѣлаетъ довольно быстрые успѣхи въ двоякомъ отношеніи: она утрачиваетъ по немногу тотъ неопредѣленный и утопичный характеръ, которымъ отличалась въ проектахъ вѣчнаго мира, и съ другой она проникаетъ въ все бо́льшія массы населенія. Наука призвана содѣйствовать ей въ обоихъ направленіяхъ. Когда юридическая совѣсть народовъ потребуетъ громко и настоятельно ея осуществленія—вопросъ объ этомъ сдѣлается лишь вопросомъ времени. За наступленіе этой эпохи ручательствомъ намъ служатъ успѣхи современной международной и государственной жизни. Международный судъ представляется завершеніемъ тѣхъ многообразныхъ, въ іерархическомъ порядкѣ построенныхъ учрежденій, которыя слагались вѣками и цѣлію своею имѣютъ: защиту права. Безъ него система существующихъ судовъ — гражданскихъ, уголовныхъ и административныхъ, остается недоконченною, на подобіе зданія лишеннаго купола или крыши.

Какъ высшій органъ человѣческой справедливости на землѣ, международный судъ является ядромъ и первымъ основаніемъ международной организаціи, въ которую призваны вступить государства Европы и Америки, не теряя своей независимости и національности. Только эта реформа способна сдѣлать международное право вполнѣ положительнымъ, ибо каждая сфера права, какъ научаетъ насъ опытъ жизни, нуждается для своей защиты и реализаціи въ особыхъ независимыхъ органахъ т. е. судахъ.

Но разумное само по себѣ можетъ представиться не таковымъ по отношенію къ данной эпохѣ или извѣстной средѣ. Мы должны начать съ изслѣдованія тѣхъ условій современной жизни, которыя пролагаютъ путь къ созданію международнаго суда. По своему характеру эти условія могутъ быть названы или *теоретическими*, поскольку они вытекаютъ изъ основныхъ началъ новѣйшаго политическаго строя. или *практическими*, когда они слагаются подъ вліяніемъ дѣйствительной жизни. Связь между этими условіями обоего рода самая глубокая и внутренняя, но она не уничтожаетъ ихъ относительной самостоятельности. При этомъ каждую изъ группъ названныхъ условій мы должны разсмотрѣть съ точки зрѣнія государственнаго и международнаго права и порядка.

ГЛАВА I.

ТЕОРЕТИЧЕСКІЯ ОСНОВАНІЯ.

Съ конца 18-го, а еще болѣе въ 19 вѣкѣ европейскія государства вступаютъ въ новый періодъ своего развитія. Хотя это движеніе далеко не во всѣхъ странахъ достигло одинаковыхъ результатовъ и вообще не можетъ считаться еще законченнымъ, но уже теперь не трудно подмѣтить нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся черты *современнаго государства*, которыя повсюду проложили, или силятся проложить себѣ дорогу. Само собою разумѣется, дѣйствительность никогда не соотвѣтствуетъ идеалу, но мы имѣемъ въ настоящее время въ виду не то или иное конкретное, политическое устройство западной Европы [1]), а ихъ общій внутренній строй.

Съ этой точки зрѣнія современное государство рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ, исторически предшествовавшихъ ему типовъ политической жизни и характеризуется главнымъ образомъ тѣмъ, что оно государство *правовое* и *національное*.

---

[1]) Мы говоримъ съ намѣреніемъ только о западной Европѣ, а не объ Россіи. Славянофилы, какъ извѣстно, выставляютъ для нея самобытный идеалъ государства (земскаго), существо котораго они видятъ въ томъ, чтобы сила нравственная, свобода жизни, духа и слова принадлежала землѣ (народу), а неограниченное право дѣйствія и закона—правительству. Будущее рѣшитъ на сколько осуществима ихъ теорія, въ которой нельзя не замѣтить идеализаціи нашего прошлаго. Кромѣ того трудно понять, какъ можетъ существовать „свобода духа и слова" тамъ, гдѣ нѣтъ политической свободы.

I.

Въ политической литературѣ ученіе о *правовомъ государствѣ* ведетъ свое начало отъ Гроція и Пуффендорфа.

Получивъ дальнѣйшую обработку у Канта, оно сдѣлалось общимъ достояніемъ собственно германской науки [1]). Въ наше время оно не перестало существовать, какъ думаетъ Моль, но достигло болѣе основательной и всесторонней обработки. Что же обозначаетъ это понятіе? Вѣдь государство никогда не существовало безъ права; установленіе извѣстнаго юридическаго порядка всегда составляло его цѣль и въ этомъ отношеніи всѣ государства, пожалуй, могутъ быть названы правовыми?

Долгое время единственную цѣль государства видѣли въ установленіи права, а призваніе послѣдняго полагали въ обезпеченіи за гражданами внѣшней безопасности и ихъ личной свободы. Это воззрѣніе, сложившееся окончательно въ 18 ст., ограничивало задачи государства отрицательною стороною и въ свое время составляло реакцію противъ господствовавшаго тогда *полицейскаго* государства, которое, въ формѣ неограниченной монархіи, ставило себѣ цѣль—общее благо подданныхъ и подъ этою крайне-эластичною формулою брало подъ свою опеку всю ихъ жизнь и дѣятельность.

Указываемое воззрѣніе принесло свою пользу, но съ успѣхами политической жизни оно оказалось слишкомъ узкимъ и исключительнымъ. Писатели ставятъ на видъ, что право не есть само для себя цѣль, но является главнымъ (внѣшнимъ) условіемъ для осуществленія всѣхъ цѣлей человѣческой жизни

---

[1]) Общую литературу о правовомъ государствѣ дастъ намъ *Моль* въ Gesch. und Lit der Staatsw I, 227—264; историческое его развитіе въ Англіи, Германіи и Франціи, отъ Карла Великаго до нашего времени, находимъ у *Гнейста*, *Der Rechtsstaat.* (2 изд. 1879); наконецъ, теоретическую его обработку представляютъ главнымъ образомъ труды *Моля* (Polizeiwissenschaft и Encyclopadie), *Бера* (*Bahr*, Der Rechtsstaat, 1864), *Штейна* (Die Verwaltungslehre) и *Аренса* (Naturrecht).

Государство. доставляя своимъ гражданамъ юридическую защиту, имѣетъ въ виду содѣйствовать имъ на путяхъ достиженія этихъ цѣлей. по скольку не хватаетъ для этого ихъ личныхъ силъ. Кромѣ того, помимо реализаціи права, существуютъ еще обширныя области политики, хозяйства и культуры, въ которыхъ государство призвано. оставаясь въ предѣлахъ указанныхъ закономъ, дѣйствовать свободно. не прибѣгая къ принужденію. Наконецъ, потребности современной жизни, и особенно въ экономической сферѣ. указываютъ для государственной дѣятельности три предмета: *охраненіе* правъ личности и общества, косвенное *содѣйствіе* дальнѣйшему развитію народной жизни и *починъ* и *положительное осуществленіе* разныхъ задачъ преуспѣянія [1]).

Въ силу этого государство, говорятъ писатели, могло быть названо правовымъ развѣ только въ средніе вѣка: въ наше же время оно получаетъ характеръ *конституціоннаго* [2]) или *культурнаго* [3]). Пониманіе его лишь въ смыслѣ правоваго низводитъ его на степень простаго частнаго сообщества, въ родѣ страховаго, лишаетъ всякой жизненной силы и дѣятельности и порываетъ связь между правомъ и высшими нравственными идеями [4]). Словомъ въ установленіи права и юридическаго порядка слѣдуетъ видѣть одинъ изъ моментовъ въ дѣятельности государства, но никакъ не болѣе [5]).

---

[1]) *Градовскій,* Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ. 1873; стр. 73.

[2]) Verfassungsstaat, по Бюнчли и Шульце

[3]) Cultur—или Humanitäts-Rechtsstaat, по Аренсу.

[4]) *Schulze* Einleitung in das Deutsche Staatsrecht, 1867.

[5]) По *Гольцендорфу* государство преслѣдуетъ три цѣли согласно трояко му направленію своей дѣятельности. Будучи воплощеніемъ народа, какъ одного цѣлаго, оно оберегаетъ свое могущество и положеніе между другими народами (nationaler Machtzweck) опредѣляетъ права и дѣятельность своихъ гражданъ отдѣльно взятыхъ (individueller Freiheits—oder Rechtszweck) и сводитъ къ единству борющіеся между собою интересы въ средѣ гражданскаго общества и всѣхъ существующихъ въ немъ группъ (gesellschaftlicher Culturzweck). *Holtzendorff* Die Principien der Politik. 2 Aufl. 1879; S 231—232.

Вникая ближе въ мысли этихъ писателей, мы не можемъ съ ними во всемъ согласиться. Ихъ замѣчанія вѣрны по скольку они направлены противъ узко-формальнаго и исключительнаго характера прежней правовой теории о государствѣ.

Но съ другой стороны они сами косвенно возстановляютъ ее, не давая точнаго ей опредѣленія. Въ средніе вѣка государство было правовымъ развѣ въ смыслѣ частнаго, а не публичнаго права, которое, съ точки зрѣнія нашихъ понятій, не существовало

Противники правовой теории отводятъ ей однако широкое мѣсто въ своихъ ученіяхъ; по Блюнчли два великіе принципа опредѣляютъ всю форму и содержаніе государства: справедливость (justitia) и общее благо (salus publica). Первый составляетъ предметъ государственнаго права; второй—политики. Шульце видитъ въ установленіи юридическаго порядка первую, специфическую миссію государства [1]). Моль выражается такимъ же образомъ, присоединяя къ этому вторую задачу: содѣйствіе разумнымъ цѣлямъ человѣческой жизни. Наконецъ мы не понимаемъ, почему Гольцендорфъ обусловливаетъ правомъ отношенія государства къ отдѣльнымъ гражданамъ, а не также къ другимъ народамъ и группамъ гражданскаго общества?

Подъ правовымъ государствомъ, какъ оно слагается въ наше время, мы понимаемъ не то, чтобы оно ограничивало свои задачи однимъ осуществленіемъ принциповъ права и безучастно относилось къ богатому содержанію всѣхъ остальныхъ сферъ жизни. Мы разумѣемъ подъ этимъ возведеніе права, какъ самостоятельнаго начала народной жизни, въ основной законъ государства, въ силу котораго личная и общественная жизнь гражданъ получаетъ возможность, каждая въ своей сферѣ развиваться гармонически, на полномъ просторѣ и на незыблемыхъ основахъ права, болѣе и болѣе воплощающагося въ государственные законы.

Въ силу этого воззрѣнія государства не лишаются возможности преслѣдовать различныя національныя и культурныя

---

[1]) Lehrbuch des Deutschen Staatsrechts. 1880.

цѣли, но дѣятельности ихъ указывается твердый, внутренній принципъ, который, выражаясь въ юридическомъ порядкѣ, ставитъ этой дѣятельности, въ интересахъ всѣхъ, опредѣленныя грани. Каждая властная воля, говоритъ Аренсъ, должна сдерживаться и направляться объективнымъ правомъ, которое находитъ въ ней прилагающую его силу, но само есть принципъ не воли, а порядка для ея проявленія. Всѣ члены государства, какъ органы правительства, такъ и отдѣльные граждане, должны чувствовать себя окруженными высшею, нравственно-правовою атмосферою, которая подчиняетъ всю жизнь государства нормамъ права, твердымъ и изъятымъ отъ произвола. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно вѣрно противопоставляетъ правовому государству—деспотичное (Herrschaftsstaat), которое, въ какой бы то ни было формѣ правленія, возводитъ въ свой основной принципъ не *право* и *законы*, а волю *правительственныхъ лицъ* или стоящихъ у власти, вѣчно смѣняющихся *политическихъ партій* [1]).

Повторяемъ, это воззрѣніе не задерживаетъ теченія прогресса, но вводитъ его волны въ опредѣленные берега въ видахъ предупрежденія опустошеній отъ наводненій. Едва люди отказываются отъ права, какъ принципа порядка, они становятся поперемѣнно жертвою то деспотизма, то анархіи. Но абсолютизмъ и революціи составляютъ въ принципѣ отрицаніе правоваго государства.

Переходимъ къ его признакамъ. Главный изъ всѣхъ, по мнѣнію Штейна, состоитъ не въ томъ, что государство осуществляетъ право вообще, а въ томъ, что весь великій и расчлененный организмъ управленія подчиняется праву въ видахъ сохраненія независимости отъ правительственной власти трехъ главныхъ факторовъ политической жизни: закона, самоуправленія и личности. Говоря проще: въ признаніи закона предѣломъ для правтиельственной власти [2]).

---

[1]) *Ahrens*. Naturrecht, 6 Aufl. 1870—71. B. II, S. 350, 353 и 366.

[2]) Такимъ образомъ возникаетъ то, что онъ называетъ verfassungsmassiges Regierungsrecht. (Die Verwaltungslehre, 2 Aufl. 1869, I. 294—297).

Безспорно это опредѣленіе въ цѣломъ вѣрно, но, разлагая его на составные элементы, мы приходимъ къ слѣдующимъ требованіямъ: 1. существованіе въ государствѣ основнаго. писаннаго закона (конституціи), очерчивающаго кругъ правомочій властей и гражданъ; отдѣленіе2. юстиціи отъ остальныхъ сферъ верховной власти и признаніе ее самостоятельною по началамъ ею управляющимъ и личному составу служащихъ ей органовъ; 3. установленіе администраціи независимой отъ политики, но подчиненной юстиціи; 4. дарованіе гражданамъ не только гражданскихъ, но и политическихъ правъ съ двоякимъ назначеніемъ: участія въ законодательствѣ и контроля надъ управленіемъ (первое—чрезъ палаты; второе—чрезъ органы мѣстнаго самоуправленія); 5. уваженіе самостоятельности церкви въ ея внутренней области. Съ нею государство должно жить въ союзѣ, оказывая ей поддержку, а не вражду; 6. признаніе полной свободы человѣческой мысли и науки, особенно въ высшихъ, служащихъ ей органахъ въ академіяхъ и въ университетахъ.

Правовое государство крѣпнетъ и развивается въ той мѣрѣ, въ какой вырабатывается въ немъ самостоятельная и хорошо организованная юридическая защита, не только въ области частнаго, но еще болѣе публичнаго права. Неудовлетворительное состояніе въ этомъ отношеніи послѣдняго составляетъ ахиллесову пяту почти всѣхъ современныхъ государствъ.

Съ одной стороны, по замѣчанію Гнейста, общество не перестаетъ требовать отъ государства признанія извѣстныхъ «основныхъ» правъ личности, упуская изъ виду ихъ безполезность при отсутствіи юридической гарантіи относительно ихъ приложенія. Не смотря на недостаточность гарантій, которыя въ продолженіи двухъ дѣсятилѣтій давали конституціи, оно все хлопотало о новыхъ статьяхъ закона, а не объ органахъ охраны права (Institutionen der Rechtssprechung) [1].

Съ другой стороны, правительственная власть, особенно на

---

[1]) Н. с стр. 237—38.

континентѣ Европы, противится признать компетенцію судовъ въ области публичнаго права. Издавая извѣстныя распоряженія и совершая дѣйствія, она предоставляетъ сужденіе о законности ихъ не судамъ, какъ самостоятельнымъ органамъ права, а ею же созданнымъ и отъ нея вполнѣ зависящимъ учрежденіямъ администраціи [1]). Въ этомъ нельзя не видѣть, вмѣстѣ съ Беромъ, послѣдняго остатка отживающаго полицейскаго государства. Въ области законодательной правовая теорія успѣла уже вполнѣ утвердиться, но въ области административной власть не хочетъ еще поступиться унаслѣдованнымъ ею отъ прежнихъ вѣковъ абсолютизмомъ [2]). Впрочемъ нельзя не привѣтствовать въ этомъ отношеніи введеніе административныхъ судовъ, которые должны все болѣе и болѣе приближаться въ цѣломъ къ типу настоящихъ судовъ [3]).

Правовая теорія въ сущности обобщаетъ и сводитъ въ систему явленія дѣйствительной государственной жизни. Элементы ея слагались постепенно и чище всего проявляются до сихъ поръ въ Англіи, не смотря на многія, встрѣчающіяся тамъ мѣстныя и національныя ея искаженія. Можно надѣяться, и даже слѣдуетъ желать, чтобы она прочно привилась и на всемъ континентѣ Европы.

Правовое государство характеризуется глубокимъ преобразованіемъ всѣхъ сторонъ политическаго строя. Прежде всего почетное и независимое мѣсто получаетъ въ немъ судебная власть. Объективное право и законъ могутъ владычествовать лишь подъ условіемъ принятія извѣстнаго правила англійскаго публичнаго права, въ силу котораго каждое право, будь оно частнымъ или публичнымъ, оберегается юридическою защитою [4]). Послѣдняя же безъ независимаго суда немыслима.

---

[1]) Въ этомъ Беръ видитъ главную причину призрачнаго характера конституціонализма въ Германіи.

[2]) Н. с. стр. 134.

[3]) Объ ихъ устройствѣ въ Германіи по послѣдней реформѣ 1872 г. и дополнительнымъ законамъ 1875—76 г. говоритъ подробно Гнейстъ въ назв соч. стр. 290 сл.

[4]) Where there is a right, there is a remedy.

Только судъ способенъ стать на объективную почву закона и справедливости, въ противоположность цѣлесообразности или односторонней пользы, на которой стоятъ всѣ заинтересованные субъекты, единичные и коллективные. Поэтому рѣшенія его необходимы вездѣ, гдѣ идетъ коллизія между правами и интересами, угрожающая перейти въ насилія. Утверждать же, что правительство, при пользованіи своими верховными правами, не обязано, когда оно нарушаетъ чьи либо права, подчиняться суду, значитъ не признавать публичное право—правомъ.

Не менѣе самостоятельно, хотя въ иномъ направленіи, положеніе администраціи. Въ правовомъ государствѣ она является, по словамъ Гнейста, посредствующею, органическою связью (Zwischenbau) между равноправнымъ и имущественно-свободнымъ обществомъ и представительнымъ государствомъ. Страна сама собою управляетъ чрезъ парламентъ и болѣе или менѣе независимые мѣстные союзы. Рядомъ съ многочисленнымъ классомъ чиновниковъ, оплачиваемыхъ государствомъ, выдвигаются лица съ обезпеченнымъ состояніемъ и образованіемъ, которыя несутъ добровольно и безвозмездно почетныя должности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они живутъ. Это утверждаетъ мѣстное самоуправленіе тѣмъ болѣе на твердыхъ основахъ, чѣмъ болѣе привлекаются къ симъ должностямъ лица знакомыя съ мѣстными условіями и являющіяся естественными и довѣренными представителями всего населенія, и кромѣ того отражается благодѣтельно на составѣ чиновниковъ, которые, сосредоточивая всю правительственную власть въ своихъ рукахъ, естественно обращаются, какъ мы это видимъ во Франціи, въ повелителей или рабовъ общества. По возможности изъятая отъ вліянія смѣняющихся въ государствѣ партій, администрація требуетъ однако гарантій правосудія. Такъ называемая отвѣтственность министровъ представляется въ своей исключительности мѣрою, съ этой точки зрѣнія, грубою и несовершенною [1]).

Словомъ, правовое государство стремится къ наибольшей охранѣ и развитію человѣческой личности во всѣхъ ея про-

[1]) Bahr, O. c 79.

явленіяхъ и къ наиболѣе широкой свободѣ и плодотворной самодѣятельности общества въ разнообразныхъ его союзахъ и группахъ. Чрезъ это оно по природѣ либерально и прогрессивно. Говоря о правовой теоріи, мы должны упомянуть еще объ одномъ весьма важномъ выводѣ, къ которому она приходитъ. Она дѣлаетъ принципіальное различіе между правомъ и государствомъ, не допуская, чтобы первое было только продуктомъ втораго. Обѣ идеи, исходя отъ общаго корня—природы человѣка—ростутъ и совершенствуются другъ чрезъ друга, но не отождествляясь. Источникъ права слѣдуетъ искать въ сознаніи людей, которые соединяются въ различные союзы. Конечно, государство даетъ этому сознанію наиболѣе совершенную форму и положительную санкцію въ издаваемыхъ имъ законахъ и одну изъ главныхъ его задачъ составляетъ именно это возведеніе имъ правосознанія народа на степень положительнаго закона, но рядомъ съ этимъ существуютъ другіе союзы, которые. хотя въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. но *вмѣстѣ* съ государствомъ и *внутри* его являются самостоятельными субъектами права (семейство, община, церковь и т. д.), такъ что одновременно съ положительнымъ закономъ дѣйствуютъ иныя формы проявленія права: обычай, автономія и наука [1]).

Еще два слова о формахъ правленія.

Моль полагаетъ, что правовое государство можетъ ужиться съ каждою формою правленія и что новѣйшіе народы могутъ пожалуй, со временемъ вернуться къ политическому строю античнаго государства. Послѣднее обстоятельство свидѣтельствовало бы объ упадкѣ политической жизни, въ виду того, что современное государство по своимъ основнымъ идеямъ человѣчнѣе и либеральнѣе греко-римскаго. Относительно же перваго вопроса исторія показываетъ намъ, что правовое государство требуетъ для своего приложенія либо конституціонной монархіи, либо представительной республики. Выборъ между этими двумя формами опредѣляется политическими и

[1]) Подробно излагаетъ и мотивируетъ эти мысли *Гирке* въ статьѣ, которую мы приводимъ ниже.

бытовыми условіями, въ которыхъ живутъ отдѣльные народы. При этомъ должно замѣтить, что республики несравненно способнѣе монархій соединяться въ большія федераціи. Что же касается до другихъ типовъ государствъ, то въ теократіяхъ востока право даже не имѣло самостоятельнаго бытія, но составляло часть религіи, а въ патріархіяхъ и вотчинныхъ государствахъ, которыя строились на началахъ семейнаго и частнаго, а не публичнаго права, не могла даже зародиться идея народа, какъ высшей, духовной личности, безъ которой вся правовая теорія представляетъ нѣчто формальное и искусственное.

Въ литературѣ и даже въ нашей періодической печати часто высказывается мнѣніе, что представительные учрежденія уже устарѣли, на практикѣ оказались негодными. Въ этихъ возгласахъ нельзя не видѣть большой незрѣлости политической мысли. Представительныя учрежденія не устарѣли уже потому, что почти нигдѣ еще не успѣли на континентѣ Европы пустить глубокіе корни и достигнуть полнаго всесторонняго развитія. То происки правителей въ духѣ прежняго абсолютизма, то насилія революціонеровъ, не признающихъ ничего священнаго, расшатываютъ ихъ и обращаютъ въ мертвыя формы. Но на основаніи исторіи мы повторяемъ, что правовое государство для своего воплощенія нуждается въ представительныхъ учрежденіяхъ, которыя, однако, въ свою очередь требуютъ многихъ усовершенствованій и дополненій.

II.

Какъ ни важно изученіе правоваго характера государства, оно знакомитъ насъ только съ внѣшнею, формальною стороною его дѣятельности. Право, какъ мы видѣли, даетъ этой дѣятельности принципъ и предѣлы. Чтобы понять ея *содержаніе*, мы должны обратиться къ другой, также основной идеѣ современнаго государства, состоящей въ признаніи его *личностью*. Хотя эта идея стала прокладывать себѣ путь въ науку лишь въ нашемъ столѣтіи [1]) и, хотя далеко еще не достигнуты всѣ

[1]) Прежде о ней высказывались одни смутныя предположенія и гаданія.

результаты, къ которымъ она естественно ведетъ, но уже теперь мы можемъ видѣть въ ея признаніи главный успѣхъ новѣйшаго государствовѣдѣнія [1]). Такъ называемая органическая теорія о государствѣ, по поводу которой идутъ самые оживленные споры [2]), не только содѣйствовала ея появленію, но и получаетъ чрезъ нее новое, болѣе глубокое значеніе и смыслъ.

Все публичное право, какъ и частное, имѣетъ своею исходною точкою ученіе о личности, которое, возникнувъ первоначально въ области послѣдняго—въ мірѣ имущественныхъ отношеній—получило здѣсь иной, своеобразный характеръ. Благодаря трудамъ Штейна [3]), Гербера [4]), Фрикера [5]), Гирке [6]) и др., оно съ тѣми или другими оттѣнками положило печать почти на всѣ новѣйшія опредѣленія государства [7]).

Въ силу ея государство представляется намъ не только совокупностью извѣстныхъ учрежденій и властей, связывающихъ правителей съ управляемыми въ одно цѣлое, или суммою лицъ, обитающихъ извѣстную часть земли, а нѣчто цѣлымъ, живымъ, одареннымъ самостоятельнымъ духомъ. Элементы,

---

[1]) *Schulze* Lehrbuch des Deutschen Staatsrechts. 1880. S. 21.

[2]) Противниками ея выступили *Gerber* (Grundzuge eines Systems des Deutsch. Staatsr. 2. Aufl. 1869) и особенно *Van Krieken* (Ueber die sogenannte organische Staatsstheorie 1873). Доводы послѣдняго разобраны и опровергнуты Гирке въ двухъ весьма серьезныхъ статьяхъ (*Gierke*. Die Grundbegriffe des Staatsrechts und die neuesten Staatsrechtstheorien въ Zeitschr f. die ges. Staatsw 1874; S. 153 flg. u. 265 flg.)

[3]) Die Verwaltungslehre, I.—Handbuch der Verwaltungslehre.

[4]) Н. с.

[5]) *Fricker*. Die Persönlichkeit des Staats (Tüb. Zeitschr. 1869. S. 29).

[6]) Назв. ст.

[7]) По мысли *Блюнчли:* Der Staat ist die politisch organisirte Volksperson eines bestimmten Landes.—Штейнъ говоритъ. Der Staat ist die Erhebung einer Gemeinschaft von Menschen in Land und Volk zum persönlichen Bewusstsein und Willen. Въ *территоріи* онъ видитъ физическій, въ *народѣ* духовный элементъ государства (подобіе тѣла и души).—Опредѣленіе *Гербера:* Der Staat ist die Rechtsform fur das Gessammtleben eines Volkes.—Er ist die hochste *rechtliche Persönlichkeit,* welche die Rechtsordnung kennt.

изъ которыхъ слагается человѣческая личность [1]), входятъ въ составъ и государственной личности, но преобразуютъ ее въ своеобразное цѣлое. Наиболѣе характеризуетъ ее то, что въ составъ ея входятъ индивиды и различные союзы, которые, будучи ея частями и органами, не теряютъ самостоятельнаго существованія и, въ свою очередь, остаются субъектами права. Вотъ почему личность государства представляется сложною и коллективною. Она, какъ и личность въ гражданскомъ правѣ, есть субъектъ права, но коренное различіе ея отъ оной состоитъ въ томъ, что весь процессъ проявленія и дѣйствія ея воли подчиняется нормамъ права.

Въ силу того, какъ мы сказали, что государство слагается изъ самостоятельныхъ частей, возникаетъ необходимость установить рядъ внѣшне-распознаваемыхъ предположеній, которыя облекаютъ извѣстное дѣйствіе его органовъ въ юридическое дѣйствіе самого государства. Говоря проще, при каждомъ столкновеніи его элементовъ право призвано опредѣлять тотъ органическій путь, который ведетъ въ немъ къ единству воли и дѣйствія. Напротивъ въ гражданскомъ правѣ не существуетъ ни потребности, ни возможности регулировать установленіе единства воли въ индивидѣ; физическіе и психологическіе законы констатируютъ намъ въ чемъ состоитъ дѣйствіе послѣдняго; предшествующія этому дѣйствію размышленія, колебанія или борьба, наконецъ рѣшимость суть акты внутренней жизни человѣка, не подлежащіе оцѣнкѣ права. По отношенію къ органамъ государства имъ соотвѣтствуютъ юридически опредѣляемыя совѣщанія, пренія, голосованія.

---

[1]) По Штейну они суть: самостоятельное Я, сознательная воля и дѣйствіе. На этомъ основаніи онъ принимаетъ три органа въ государствѣ: главу или монарха, конституцію и управленіе. Законодательство, говоритъ онъ, выражаетъ волю, управленіе—дѣйствіе государства.

Противъ его системы слѣдуетъ однако замѣтить, что монархъ, какъ органъ государства, не можетъ быть всецѣло и единственно его олицетвореніемъ (Фрикеръ) и что нельзя судебную власть принимать лишь за отрасль управленія. Суды—органы государства, но самостоятельные, какъ выразители права, далеко съ нимъ не тождественнаго.

Это переводитъ насъ къ другому—гражданскому праву. совершенно чуждому понятію объ *органѣ*. Онъ ничего не имѣетъ общаго съ повѣреннымъ, опекуномъ, вообще лицомъ, дѣйствующимъ отъ имени и для другаго лица. Подъ органомъ мы разумѣемъ члена извѣстной коллективной личности. который закономъ уполномоченъ принимать на себя тѣ или иныя ея функціи. Чрезъ него слѣдовательно высказываетъ волю и дѣйствуетъ сама эта личность. Чѣмъ развитѣе и совершеннѣе организмъ, тѣмъ многочисленнѣе его органы, тѣмъ необходимѣе раздѣленіе между ними труда и тѣмъ самостоятельнѣе каждый изъ нихъ въ отведенной ему области дѣйствія. Но всѣ эти органы проникаются и связываются индивидуальностью высшаго цѣлаго т. е. государства. которому они служатъ. Каковы бы ни были ихъ историческія и естественныя происхожденіе и дѣятельность, они, до извѣстной степени, управляются правомъ [1]).

Изложенное нами воззрѣніе на государство, по справедливому замѣчанію Гирке, примиряетъ два основныя и глубокопротивоположныя ученія: абсолютистически - политическое древнихъ, которое приносило въ жертву человѣческую личность—государству, какъ средство—цѣли и не признавало самостоятельности права въ государствѣ, и индивидуалистическое среднихъ вѣковъ, видѣвшее наоборотъ въ государствѣ лишь средство для развитія человѣка и въ окончательномъ результатѣ уничтожавшее самое понятіе о немъ [2]). Современная наука признаетъ одинаково самостоятельность личности, какъ человѣка, такъ и государства. Понятно почему это воззрѣніе не могло возникнуть въ прежнія эпохи, когда на государство смотрѣли то какъ на божественное установленіе, на подобіе церкви, то какъ на громадную, доходную вотчину, которою правители распоряжались на всѣхъ правахъ собственника, то какъ на разросшуюся семью, то, наконецъ, какъ на страну, управляемую исключительно полиціею, чѣмъ характери-

---

[1]) *Gierke*, о. с. p. 328 sq.

[2]) Оба эти направленія проходятъ и чрезъ всю новую политическу философію.

зовался такъ называемый просвѣщенный абсолютизмъ, девизомъ котораго было: «все для народа, но ничего чрезъ народъ».

Государства, сказали мы, суть живыя, самостоятельныя единицы, на которыя распадается человѣчество. Изъ этого слѣдуетъ, что съ одной стороны они не совпадаютъ съ органами, которые для нихъ дѣйствуютъ въ данное время, съ другой, воля ихъ не должна считаться суммою волей наличныхъ ихъ гражданъ; они, какъ лица, имѣютъ независимую отъ своихъ членовъ волю и жизнь, проявляющіяся въ исторіи. Эта точка зрѣнія, даже по замѣчанію Гербера, столь неблагосклоннаго къ органической теоріи, отвергаетъ какъ механическое воззрѣніе на государство абсолютистовъ, такъ и атомистическое демагоговъ. Гирке совершенно правъ, говоря, что органическая теорія въ сущности, съ юридической стороны, представляетъ грандіозную попытку понять и построить личность государства [1]).

Установивъ идею о ней, весьма отличную отъ понятія личности въ гражданскомъ правѣ, мы должны обратить вниманіе на ея внутреннюю сущность. Государства суть не только личности, но личности живущихъ и дѣйствующихъ въ нихъ *народовъ*. Въ этомъ заключается глубокій смыслъ *національной теоріи*, разработанной въ наше время особенно итальянцами. Хотя европейскіе народы начали слагаться въ самостоятельныя культурныя и политическія единицы къ концу среднихъ вѣковъ, но національность дѣлается особымъ принципомъ практической политики лишь послѣ великихъ войнъ Европы за освобожденіе противъ Наполеона I. Съ тѣхъ поръ она быстро охватила умы и является однимъ изъ главныхъ рычаговъ, приводящихъ народы въ дѣйствіе.

Въ сущности вопросъ о національности относится къ области политики гораздо болѣе нежели права, но мы должны остановиться на немъ нѣсколько съ тѣхъ поръ, какъ итальянскіе

---

[1]) Ср. его превосходное объясненіе идеи организма государственнаго въ отличіе отъ естественнаго. Н. ст. стр. 281 сл.

публицисты, съ легкой руки Манчини [1]). увидѣли въ національности юридическій принципъ сосуществованія государствъ въ международномъ союзѣ [2]).

Національность или *народность* составляетъ нѣчто среднее между тѣми великими группами. на которыя распадается человѣчество: въ естественномъ отношеніи (расами и племенами) и политическомъ (государствами). Итальянскіе писатели при ея опредѣленіи даютъ перевѣсъ то физическимъ (естественнымъ) условіямъ, создающимъ народность, то духовнымъ и главнымъ образомъ волѣ и свободной дѣятельности человѣка.

Во главѣ первой изъ этихъ категорій стоитъ собственно основатель всего этого ученія въ международномъ правѣ— *Манчини*. Представителями второй категоріи являются *Амари* и *Фіоре*.

При различіяхъ въ подробностяхъ теорія итальянскихъ публицистовъ является попыткою противопоставить государствамъ искусственнымъ, хотя и сложившимся исторически, путемъ завоеваній, частныхъ сдѣлокъ и обмановъ, государства національныя, т. е. держащіяся не столько на силѣ, сколько на потребностяхъ и внутреннемъ, духовномъ сродствѣ самихъ

---

[1]) Его вступительная лекція 22 янв. 1851 г : Della nazionalità come fondamento del diritto delle genti

[2]) Воззрѣнія итальянскихъ публицистовъ на національность (Манчини, Маміани, Фіоре, Гола, Амари, Пальма и др.) излагаются въ соч *Пьерантони* перев. на нѣм. яз. *Ронкали* (*Ronkali*, Geschichte der italienischen Volkerrechtsliteratur. 1872. Довольно большія извлеченія изъ этой книги даетъ г. *Даневскій* въ „Очеркѣ новѣйшей литературы по межд. праву. 1876, стр. 21, сл.)—До Манчини о національности мимоходомъ писали Росси и Романьози.

Въ Германіи основателемъ теоріи національности слѣдуетъ признать *Фихте* старшаго (въ его „рѣчахъ къ германскому народу," произнесенныхъ въ Берлинѣ зимою 1807—1808 г.), въ Россіи славянофиловъ, особенно *К. С. Аксакова*. О нихъ подробно говоритъ г. *Градовскій* въ соч. Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ. 1873; стр. 142, сл.

Новѣйшую литературу вообще см. у *Градовскаго* (н. с. стр. 1) и у *Гольцендорфа* (Die Principien der Politik; 2 Aufl. 1879, S. 377)

ихъ обитателей. Это воззрѣніе ведетъ къ важному на практикѣ результату, что каждая нація или національность есть государство (но не наоборотъ) или должна организоваться въ таковое, и что націи, а не государства, суть настоящіе субъекты, т.е. лица, дѣйствующія въ международномъ правѣ. Это новѣйшее ученіе о народности отразилось и на нашей отечественной литературѣ. Имъ занялся между прочимъ г. *Градовскій* [1]).

Все это направленіе погрѣшаетъ тѣмъ, что возводитъ національность въ *исключительную* основу государства и смѣшиваетъ ее съ другимъ, изъ нея отчасти вытекающимъ, но съ нею не тождественнымъ понятіемъ о *народѣ*.

Эти и другіе пробѣлы національной теоріи вызвали противъ нея съ различныхъ сторонъ критическія замѣчанія. *Молль* указываетъ на практическія затрудненія, которыя неразрывно связаны съ ея проведеніемъ въ жизнь [2]); *Блюнчли* приводитъ различіе между національностію, какъ понятіемъ культурнымъ (Nation) и народомъ — понятіемъ государственнымъ (Volk [3]). Но однимъ изъ новѣйшихъ ея критиковъ выступаетъ теперь *Фіоре* [4]). Въ противоположность общему направленію итальянской школы, онъ отвергаетъ національность, какъ основу государства и международнаго строя, по тѣмъ соображеніямъ, что мнѣнія о ней писателей весьма неустойчивы и противорѣчивы, разнообразясь по странамъ; что она въ практической политикѣ—опасный принципъ, служа какъ бы научнымъ по-

---

[1]) Назв. соч. и статья—Національный вопросъ въ изд. имъ сборникѣ „Трудные годы“ (1880 г.; стр. 46—96)

Противъ разсматриваемаго нами ученія высказался г. *Капустинъ*, въ рѣчи, произнесенной 12 янв. 1863 г. на актѣ Моск. Университета. Теорія національности въ международномъ правѣ. (Русскій Вѣстникъ, 1863; янв. стр 297—312).

[2]) Die Nationalitätsfrage въ Staatsr. Völkerr. и Politik; II, 333—372.

[3]) Lehre vom modernen Staat; I, 91. flg. Ср. также его статью. Die nationale Staatenbildung und der moderne deutsche Staat (въ Ges. kl. Schr. II, 70—113)

[4]) *Fiore*. Delle aggregazioni legittime secondo il diritto internazionale Esame critico del principio di nazionalità. Torino. 1879. Эта монографія вошла въ составъ перваго тома *втораго* изданія его международнаго права.

крываломъ для происковъ честолюбивыхъ политиковъ и что она стоитъ въ противорѣчіи съ естественнымъ правомъ народовъ, давать себѣ ту или иную организацію. Словомъ, принципъ національности онъ находитъ «всегда туманнымъ и неопредѣленнымъ, могущимъ получать самыя противоположныя примѣненія и вызывающимъ величайшія противорѣчія». Выставляемые писателями, признаки его являются скорѣе результатами прошлой жизни народовъ. Юридическій принципъ всякаго общежитія онъ находитъ въ свободѣ и волѣ человѣка [1]). По степени его примѣненія онъ дѣлитъ лица международнаго союза или государства на три категоріи: 1. организмы естественные или законные, происшедшіе отъ свободнаго соединенія людей, которые либо молчаливо, либо ясно выразили свою волю жить общею жизнью, поселившись на опредѣленной территоріи, установивъ независимое правительство и объединившись въ своихъ правахъ, учрежденіяхъ, культурѣ. 2. Организмы политическіе управляются также самостоятельнымъ правительствомъ, но лишены внутренней однородности (omogeneità) въ своемъ составѣ, въ умственномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ. Наконецъ, 3. организмы анормальные представляютъ смѣсь народовъ, различныхъ по культурѣ, способности и безъ всякаго между собою сродства. Это продукты силы, имѣющія личность не юридическую, а фактическую (la personnalità di fatto), куда авторъ относитъ Турцію [2]). . .

Признаемся, что это послѣднее понятіе для насъ столь же нелогично, какъ и излишне. Международному праву дѣла нѣтъ до однихъ продуктовъ силы и до такихъ личностей, которыя, по собственному сознанію Фіоре, анормальны и съ идеею права не совмѣстимы (situazione anti-giuridica). Очевидно, различіе между этими организмами и такъ называемыми имъ политическими—чисто количественное, а не качественное, не основанное на какомъ либо самостоятельномъ принципѣ.

---

[1]) Nego che si possa trovare un principio giuridico che sia il germe delle associazioni legittime fuori della volontà et della libertà dell' uomo. P. 20.

[2]) Стр. 22. сл.

Мы находимъ теорію Фіоре, отмѣченною многими крайностями и неточностями. Естественно, при новизнѣ національное ученіе выходитъ у писателей недостаточно выясненнымъ. Что касается до практическихъ политиковъ, то какою идеею они не способны злоупотребить? Принципъ національности имѣетъ большое. организующее значеніе какъ для государства, такъ и для международнаго союза, когда его поставятъ въ настоящіе и точные предѣлы.

Въ противоположность расамъ, на которыя дѣлится человѣчество по своимъ естественнымъ особенностямъ, народности являются результатомъ исторіи и культуры. Онѣ безконечно разнообразятся. то сливаясь между собою, то отдѣляясь другъ отъ друга въ теченіи вѣковъ. Но для ихъ распознанія существуютъ вырабатываемые жизнію извѣстные признаки, которые либо вмѣстѣ, либо отдѣльно взятые образуютъ изъ извѣстной массы людей одно духовное цѣлое, называемое *народностью*. Эти признаки распадаются на естественные и духовные. Первые вытекаютъ изъ внѣшней, физической природы. Таковы: общность происхожденія (крови) и территоріи. Къ признакамъ духовнымъ относятся: общность религіи и нравовъ. На рубежѣ между ними стоитъ языкъ, который болѣе всего соединяетъ въ одно цѣлое членовъ извѣстной національности и выражаетъ всѣ характеризующія ее особенности. Но для того, чтобы народность сложилась, необходимо еще одно и самое главное условіе, чтобы между ея членами возникло общее сознаніе о своей національности, т. е., о той единой личности, которую они составляютъ въ духовномъ отношеніи.

Національности, по самой своей природѣ. ни возникаютъ. ни живутъ въ обособленности. Въ ихъ образованіи мы открываемъ двоякій процессъ: то *насильственный* вслѣдствіе завоеваній, передачи по наслѣдству, раздѣловъ и иныхъ способовъ, по которымъ люди были въ прежнія эпохи цѣнимы лишь поголовно, на подобіе стадъ, то мирный и *добровольный*, для нашего времени единственно *правомѣрный* и выражающійся въ ассимиляціи. т. е. въ постепенномъ сближеніи и сліяніи національностей.

Между государствомъ и народностью существуютъ постоянныя и разнообразныя связи и воздѣйствія. Писатели однако равно ошибаются, когда либо утверждаютъ что національность, какъ *политическій* принципъ, дѣйствовала во всѣ времена, либо видятъ въ ней открытіе нашего столѣтія, призванное перестроить насильственно всѣ государства.

Противъ перваго мнѣнія можно сказать, что до 19 стол. національность оказывала вліяніе на людей, но какъ сила темная и смутная, потому что въ нихъ не существовало сознанія о ней. Она прикрывалась иными: религіозными, общественными, экономическими и т. п. началами и воззрѣніями. Въ 19 ст. она выступаетъ самостоятельнымъ политическимъ принципомъ вслѣдствіе того, что человѣческая личность, благодаря первой французской революціи, признана на всѣхъ ступеняхъ общественнаго положенія юридически и политически свободною и равноправною. Въ перенесеніи этого воззрѣнія на государства, какъ на личности коллективныя, лежитъ значеніе національной теоріи.

Когда она возникла, понятно, писатели сначала чрезъ мѣру увлеклись ею. Они увидѣли въ ней не только то, что она въ дѣйствительности и есть—одну изъ главныхъ силъ творящихъ государство, но и его основаніе и цѣль. По ихъ мнѣнію въ ней скрывается зиждительное начало всего не только государственнаго, но и международнаго порядка. Поэтому на основаніи ея пересозданіе этихъ порядковъ правомѣрно. Теорія національности между прочимъ положена въ основаніе монументальнаго труда *Лорана*: «Изслѣдованія объ исторіи человѣчества» [1]). По его воззрѣнію идея національности выше идеи государства и стремится ее пересоздать. До реформаціи государства были чужды этой идеи и поэтому являлись то въ формѣ деспотій, какъ на Востокѣ, то городовыхъ общинъ, какъ въ античномъ и средневѣковомъ мірѣ. Но съ XVI ст., когда реформація разбила двоякое единство, тяготѣвшее надъ

[1]) *Laurent*, Etudes, I, 13—45. X, 7—52 и особенно La philosophie de l'histoire (1870), p. 472—547.

Европою—религіозное католичества и политическое имперіи,—національность выступаетъ на сцену, какъ новая и плодотворная сила политической жизни. Она требуетъ признанія за народами права свободно организоваться по ихъ желаніямъ и потребностямъ. Государства отрѣшенныя отъ этой основы суть не болѣе какъ искусственныя произведенія завоевателей и ловкихъ дипломатовъ. Внѣшнія ихъ отношенія управляются тою же пружиною, которая ихъ создала и держитъ, т. е. силою. Но вслѣдствіе этого международное право въ принципѣ невозможно. Однако современная наука возвысилась до сознанія, что національности суть живые члены человѣчества. Личность ихъ, какъ и личность человѣка, священна и неприкосновенна, потому что исходитъ отъ Бога. Онъ надѣляетъ національности извѣстными способностями, въ развитіи коихъ лежитъ ихъ миссія въ исторіи. Каждой національности выпадаетъ на долю свое особое призваніе. Въ этомъ выражается элементъ разнообразія, составляющій съ элементомъ единства законъ вселенной.

Послѣдній же элементъ Лоранъ усматриваетъ въ единствѣ природы и назначенія человѣчества. Словомъ: онъ считаетъ *національность* фактомъ первичнымъ, творческимъ, подобнымъ факту космогоническому, *государство*—осуществленіемъ національности, а *человѣчество*—живымъ цѣлымъ, составленнымъ изъ живыхъ-же единицъ, народностей, организованныхъ въ государства. Отношеніями этихъ единицъ между собою съ одной стороны и къ цѣлому съ другой и управляетъ международное право [1]).

Разработать въ наукѣ и провести въ жизнь эти начала Лоранъ считаетъ дѣломъ будущаго. Съ торжествомъ національнаго начала утвердится вполнѣ правомѣрное государство,

---

[1]) La nationalité est un fait primitif, de création, analogue à un fait cosmogonique. L'Etat est la réalisation de la nationalité. (La philosophie de l'histoire; p. 483 Ср. стр. 472).

Le droit international est la science des lois qui régissent les nations et l'humanité Il repose sur l'idée den ationalité et sur l'idée d'humanité. (Etudes; I, 31 et 34)

завоеванія потеряютъ свой смыслъ и даже. въ предѣлахъ возможнаго, водворится на землѣ вѣчный миръ [1]).

При всей глубинѣ и оригинальности этой теоріи она страдаетъ многими односторонностями. Лоранъ вездѣ смѣшиваетъ національность съ народомъ и не даетъ опредѣленія тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ первая слагается. Безъ этого же невозможно установить ея отношенія къ государству и вообще ея политическое значеніе

Народность. какъ мы уже достаточно показали, есть нѣчто цѣлое въ духовномъ или культурномъ отношеніи; ей прирождено стремленіе къ государственности, т. е. самостоятельности и въ политической жизни. Безъ этого не мыслима полнота ея существованія. Въ этомъ смыслѣ народности суть своего рода первичные элементы или зародыши, изъ коихъ слагаются государства.

Съ другой стороны послѣднія, какъ доказываетъ исторія, становятся вполнѣ лицами, только опираясь на національность. Лишь какъ воплощеніе живущаго въ нихъ народа, они являются организмами. не въ смыслѣ естественно-научномъ, а какъ единицы коллективной жизни человѣка. основанныя на требованіяхъ его нравственной природы. Безъ этого же живительнаго начала народности государства бываютъ крайне не совершенны, грубы или искусственны и заслуживаютъ названіе механизмовъ, т. е. массъ, которыя соединяются и сдерживаются не внутреннимъ сродствомъ своихъ частей, а внѣшею и случайною силою.

Національность только въ государствѣ становится народомъ. Но народъ есть соединеніе многихъ народностей, пришедшихъ тѣмъ или инымъ историческимъ путемъ къ установленію одного гармоническаго цѣлаго, который сознаетъ себя во всѣхъ отношеніяхъ единымъ и живетъ въ самостоятельномъ государствѣ.

---

[1]) Le principe des nationalités rend seul la paix possible.

L'idéal de la paix perpétuelle se réalisera dans la limite du possible, quand l'humanité sera partagée en nations. (Philosophie de l'hist. p. 486).

Изучая судьбы національностей, мы видимъ, что онѣ въ *чистомъ* видѣ нигдѣ не совпадаютъ съ политическими границами. Это не результатъ только насилій, а мудраго творческаго закона. Національности сами по себѣ большею частію такъ мелки и дробны, что на нихъ невозможно построить государство. Многія не имѣютъ для этого ни физическихъ, ни духовныхъ способностей и силъ. Болѣе даровитыя между ними достигаютъ послѣ упорной борьбы политической организаціи; отъ этого ихъ жизнь получаетъ новое значеніе и развитіе. Но и тутъ онѣ продолжаютъ идти своими особыми путями; между ними происходятъ сближенія, порабощенія, соединенія. Національность становится тѣмъ крѣпче и богаче умственными дарами, чѣмъ болѣе восприметъ въ свой составъ разнородныхъ, національныхъ элементовъ. Конечно и тутъ есть извѣстная граница, такъ сказать, пресыщенія, перейдя которую національность не обогащаетъ, а обезличиваетъ себя. Въ этомъ процессѣ народности то возникаютъ ранѣе государства (напр. древніе Евреи), то переживаютъ его (новѣйшіе Евреи и Поляки), то существуютъ въ самостоятельныхъ небольшихъ государствахъ, но безъ общей политической связи (древіе Греки, Итальянцы въ наше время), то удерживаютъ свои особенности подъ тяжелымъ чужимъ игомъ (Греки и Славяне въ Турціи), то образуютъ либо одно государство (Германцы) либо нѣсколько (Англо-Американцы).

Всѣ эти явленія находятъ себѣ объясненіе въ историческихъ обстоятельствахъ: разселенія человѣческихъ племенъ совершались рѣдко мирно, а большею частію насильственно. Государства при своемъ образованіи не могли и не могутъ руководствоваться однимъ племеннымъ характеромъ своихъ жителей. Для нихъ былй также крайне важны соображенія о густотѣ населенія, о свойствахъ и границахъ территоріи, какъ въ экономическомъ, такъ и стратегическомъ отношеніи, о путяхъ сообщенія, сбытѣ продуктовъ и т. п. Вотъ почему національныя и политическія границы расходятся такъ далеко между собою.

Національная теорія должна принять въ соображеніе всѣ

эти явленія. Вѣрно понимаемая, она не требуетъ насильственнаго пересозданія современныхъ государствъ, но приходитъ къ гораздо болѣе скромнымъ и тѣмъ не менѣе плодотворнымъ выводамъ:

1. Государство національное должно опираться на опредѣленную народность, которая или соединяетъ всѣхъ его гражданъ въ одинъ политическій союзъ или является высшею. другія живущія въ немъ національности объединяющею. духовною силою.

2. Это объединеніе или ассимиляція должна совершаться постепенно и мирно, путемъ не насильственныхъ мѣръ, а ходомъ жизни и притягательною такъ сказать силою высшей культуры надъ низшею.

3. Народности, чуждыя въ извѣстномъ государствѣ, имѣютъ право требовать отъ него уваженія къ ихъ языку, религіи и національнымъ правамъ. Ихъ самобытное существованіе не должно только подрывать жизни и благосостоянія цѣлаго. въ составъ котораго онѣ входятъ.

4. Національная теорія осуждаетъ насильственное соединеніе народностей или отдѣленіе ихъ отъ политическихъ организмовъ. въ которыхъ онѣ живутъ, находя себѣ удовлетвореніе. Тѣмъ болѣе это прилагается къ неединоплеменникамъ.

5. Если въ силу этого государство можетъ слагаться изъ нѣсколькихъ національностей, лишь бы онѣ слились въ народъ. то и наоборотъ нѣтъ препятствій для того, чтобы одна народность не организовалась въ нѣсколькихъ государствахъ подъ тѣмъ же условіемъ.

6. Все это не мѣшаетъ государству быть оживленнымъ однимъ духомъ, представлять *національную личность*. призванную сообразно своимъ способностямъ, къ извѣстной миссіи въ исторіи, которая дается ей Богомъ.

7. Предъ высшею личностію государства должны отступать на второй планъ глубокія различія между людьми, возникающія то изъ ихъ общественнаго положенія (касты, сословія), то въ области ихъ экономическихъ отношеній (имущіе и неимущіе классы).

Изученіе современнаго государства съ его правовой и національной стороны подтверждаетъ внутреннюю, разумную необходимость международнаго права. Въ самомъ дѣлѣ государства, какъ личности, одарены волею, которую они и проявляютъ въ своихъ органахъ: но коль скоро нѣсколько волей стремятся къ осуществленію—юридическій порядокъ становится необходимымъ. Нравственность опредѣляетъ лишь внутреннюю нашу волю: она обращается къ совѣсти человѣка. и, вселяя въ нее представленіе о долгѣ (Sollen), имѣетъ въ виду гармонію его воли съ его духовною природою [1]).

Этого недостаточно для сожитія людей въ обществѣ. Требуется, чтобы и при внѣшнемъ соприкосновеніи волей существовали извѣстныя. ихъ опредѣляющія и сдерживающія нормы; такимъ образомъ рядомъ съ нравственнымъ долгомъ возникаютъ представленія о внѣшней дозволенности и обязанности (Dürfen und Müssen) дѣйствій. т. е. рождается право, цѣль котораго не гармонія воли съ самою собою. но гармонія *всѣхъ волей* между собою [2]).

Въ сферѣ публичныхъ отношеній, въ отличіе отъ отношеній между частными лицами, право. какъ мы видѣли, опредѣляетъ весь процессъ зарожденія, проявленія и дѣйствія воли той сложной личности, которую называютъ государствомъ. Въ этомъ смыслѣ мы понимаемъ правовую теорію. Она исходитъ изъ того основнаго положенія, что государство должно ставить себя *не надъ правомъ*, а *въ предѣлахъ послѣднимъ очерчиваемыхъ*. Вслѣдствіе этого государство. подобно индивидууму, во всей своей положительной дѣятельности свободно. но свободно только въ силу законовъ. т. е. связано принципами права. Въ немъ *все публичное право*, какъ и частное,

---

[1]) Мы даемъ нравственности иное основаніе. обнимающее впрочемъ и это и видимъ въ ней законъ Богоподобія человѣка.

[2]) *Gierke*. O. c p. 309. Das Wesen des Rechts beruht darin, dass es die aussere Willensherrschaft innerhalb der menschlichen Gemeinschaft bejaht und begrenzt.—Въ другомъ мѣстѣ. Die Aufgabe des Rechts ist die Ordnung der durch das Zusammenleben von Personen entstehenden Willensbeziehungen. (p. 297)

должно быть въ полномъ смыслѣ слова *признано правомъ и пользоваться* тѣмъ, въ чемъ ему доселѣ еще отказываютъ—*судебною защитою* [1]).

Съ другой стороны національная теорія выясняетъ намъ существо государства, какъ личности. Но *личность*, по своей природѣ, нуждается въ содѣйствіи и восполненіи со стороны другихъ, подобныхъ же ей личностей. Этотъ законъ прилагается вполнѣ къ народамъ, личностямъ духовнымъ и политическимъ. Они также, подобно отдѣльнымъ лицамъ, не могутъ жить въ одиночествѣ или постоянной взаимной враждѣ. Давая другъ другу и воспринимая взаимно, какъ дары природы, такъ и результаты своей духовной жизни, они достигаютъ совершенства собственнаго бытія. Но всякія отношенія между лицами физическими и коллективными требуютъ права, какъ нормы ихъ совмѣстнаго существованія [2]).

Изъ этого мы видимъ, что идея международнаго права и органа его примѣняющаго и охраняющаго—международнаго суда вытекаетъ логически изъ самой природы современнаго государства, какъ ее понимаютъ въ наукѣ и какъ она постепенно проявляется въ дѣйствительной жизни.

Къ тому же насъ приводитъ и разсмотрѣніе основныхъ началъ международнаго права.

III.

Все международное право, какъ самостоятельная наука, покоится на двухъ основныхъ началахъ, воплощающихъ въ себѣ общія права государствъ, какъ членовъ международнаго союза. Эти начала—*суверенитетъ* и *общеніе*. Лишь при ихъ взаимодѣйствіи и гармоніи установляется правильная и широкая жизнь государствъ, какъ отдѣльныхъ единицъ и какъ членовъ высшаго цѣлаго-человѣчества. Отрицаніе перваго изъ этихъ началъ лишаетъ ихъ самостоятельности и низводитъ на

---

[1]) *Gierke*, S 184.

[2]) Coexistirende Personen stehen zu einander, замѣчаетъ Фрикеръ, im Verhältnisse des Rechtes.

степень провинцій; непризнаніе втораго ведетъ къ уничтоженію въ принципѣ международнаго права и порядка.

Кальтенборну принадлежитъ заслуга введенія и разъясненія этихъ обоихъ началъ въ наукѣ [1]). До него писатели либо дѣлили всѣ права государствъ, въ ихъ внѣшнихъ сношеніяхъ. на абсолютныя и относительныя,—классификація не вѣрная уже потому, что абсолютныхъ правъ государства не имѣютъ,—либо смѣшивали произвольно права собственно государственныя (на территорію, законодательство и т. п.) съ международными.

Противъ предложенной Кальтенборномъ классификаціи между прочимъ возстаетъ *Пюттеръ*. Каждая наука, говоритъ онъ, и каждая система права должны имѣть въ своемъ основаніи одинъ, а не два принципа. Иначе мы получимъ нѣчто похожее на человѣка о двухъ головахъ [2]).

Продолжатель критическихъ трудовъ Кальтенборна, *Бульмеринкъ* желаетъ свести оба его начала къ единству при посредствѣ «международно-правоваго принципа» (das internationale Rechtsprincip) [3]).

Съ этими критиками нельзя согласиться на томъ основаніи, что дуализмъ. ставимый въ вину Кальтенборну, болѣе кажущійся нежели дѣйствительный. Онъ признаетъ превосходство общенія надъ суверенитетомъ и если допускаетъ два начала. то именно въ виду двухъ различныхъ сторонъ жизни государствъ—національной и международной, которыя сводятся къ единству ихъ живою природою, какъ личностей. Кромѣ того оба принципа равно юридическіе и поэтому въ посредствѣ еще третьяго не нуждаются. Подъ *суверенитетомъ* (самодержавіемъ или верховенствомъ) разумѣютъ право каждаго государства на свободное, безпрепятственное существованіе во внутренней и въ внѣшней жизни. То, что для человѣческой личности есть свобода—коренной принципъ ея разумнаго бытія.

---

[1]) *Kaltenborn* Kritik des Volkerrechts 1847.

[2]) *Putter*. Ueber das Princip des praktischen europaischen Volkerrechts, въ Tubinger Zeitschr. 1847; S 549.

[3]) *Bulmerincq*. Die Systematik des Volkerrechts. 1858. S. 348.

то по отношенію къ государствамъ есть суверенитетъ. Жизнь ихъ прежде всего должна опредѣляться особенностями и потребностями дѣйствующихъ въ нихъ народовъ.

Съ международной точки зрѣнія изъ верховенства берутъ начало слѣдующія общія права государствъ: на независимое существованіе, развитіе и равенство. Практически оно получаетъ признаніе въ *принципѣ невмѣшательства*. одномъ изъ основныхъ современнаго международнаго права [1]).

Долгое время принципъ верховенства господствовалъ исключительно и всецѣло въ нашей наукѣ. До сихъ поръ встрѣчаются попытки построить на немъ одномъ систему международнаго права. Эти стремленія должны быть осуждены. потому что они въ принципѣ отвергаютъ самостоятельность этого права, низводя его на степень внѣшняго государственнаго права и смѣшивая два существенно различныя понятія: международныя сношенія и международное право.

Стоя на этой узкой точкѣ зрѣнія писатели видятъ въ государствѣ абсолютный союзъ и на его волѣ, хотя и разумно-нравственной, основываютъ обязательность международнаго права.

Въ наше время защитникомъ абсолютизма государства выступилъ особенно *Гегель*. По его ученію государство является «абсолютною властью (Macht) на землѣ,» будучи «духомъ въ его субстанціальной разумности и непосредственной дѣятельности». Собственно *внѣшнему государственному праву* (которое у него по имени и сущности замѣняетъ международное) онъ отводитъ 10 жиденькихъ параграфовъ въ своей философіи права [2]). Оно сводится къ одному положенію, что государства обязаны соблюдать договоры. которые опредѣляютъ отношенія между ними. Но и это требованіе (die Vertrage halten Sollen).

[1]) Мы имѣли случаи подробно заняться имъ въ соч. Начало невмѣшательства. 1874. Дополненія къ приводимой тамъ литературѣ и указанія на новѣйшую можно найти у бар. *Таубе* въ его пер. Гефтера (§ 44). Къ этому слѣдуетъ прибавить: статьи *Ролена-Жекмена* о Восточномъ вопросѣ (въ *Revue*, 1876 и 78); *Engelhardt*. Le droit d'intervention et la Turquie. Etude historique. (Ib. 1880) и *Strauch*. Zur Interventions—Lehre. 1879.

[2]) Grundlinien der Philosophie des Rechts; (§ 330—340).

вытекая изъ ихъ суверенитета, подчиняется высшему закону общаго блага (Wohl) каждаго изъ нихъ. Какъ ни противорѣчитъ это положеніе нравственному чувству, замѣчаетъ Фрикеръ, и какъ ни трудно приписать его Гегелю, но оно въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ ему [1]).

На практикѣ это ученіе само себя уничтожаетъ: если высшій законъ для государства есть его благо, то это будетъ одинаково справедливо по отношенію ко *всѣмъ* государствамъ. Вслѣдствіе этого право низводится на степень для всѣхъ невыносимой преграды, а само благо дѣлается игралищемъ силы. Движимое этимъ эгоистичнымъ началомъ, каждое государство ставится во враждебное отношеніе ко всѣмъ остальнымъ. Не смотря на эту внутреннюю несообразность всей теоріи, она нашла себѣ многихъ послѣдователей. Особенно Пюттеръ подробно развилъ ученіе о суверенитетѣ, какъ основѣ государственной и международной жизни [2]). По выводамъ, къ которымъ онъ приходитъ, можно лучше всего судить объ этомъ направленіи Въ духѣ Гегеля государства эти «живое воплощеніе нравственной идеи» представляются ему «союзами абсолютными, самодовольными, цѣль существованія которыхъ лежитъ въ нихъ самихъ» [3]). Они не признаютъ надъ собою никакого другаго и высшаго закона кромѣ того, который основанъ на ихъ собственной волѣ, возникаетъ изъ ихъ разума и права (т. е. конституціи и закона) и направляется къ ихъ индивидуальному благу. Поэтому, хотя они и должны стремиться къ свободѣ своей нравственной воли, какъ олицетворенія суверенныхъ народовъ [4]) (а не увлекаться случайными и временными инстинктами своихъ правителей или народныхъ массъ), но въ сущности это пустая фраза, потому что, по

---

[1]) *Fricker* подвергаетъ ученіе Гегеля дѣльной критикѣ въ статьѣ: Das Problem des Volkerrechts, въ Tub. Zeitschr. 1872; S. 97.

[2]) Назв. ст. и особенно. Die Staatslehre oder—Souveranetat als Princip des practischen europaischen Volkerrechts, Ib. 1850, S 299—384.— Это есть краткій конспектъ всего межд права на основаніи суверенитета

[3]) Der Staat ist Selbstzweck und selbstgenugsam.

[4]) Вотъ туманное его опредѣленіе верховенства· Staatssouveranetat ist die Freiheit des freien Staatswillens der souveranen Volker.

мнѣнію автора, они не связываются ни волею другихъ народовъ, ни установившимися обычаями, ни даже собственными прежними заявленіями и дѣйствіями. Значитъ, пресловутое общее право (das allgemeine Rechts-Gesetz) сводится къ тому, что каждому изъ государствъ въ извѣстный моментъ заблагоразсудится признать своимъ личнымъ благомъ. Мы пришли къ отрицанію въ принципѣ международнаго права [1]). Другаго результата и быть не можетъ, если за исходную точку принять одинъ суверенитетъ. На этомъ же воззрѣніи построены и сочиненія Лассона.

Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что это направленіе въ международномъ правѣ было не болѣе какъ отголоскомъ того долго господствовавшаго и нынѣ не совсѣмъ уничтоженнаго ученія государственнаго права о томъ, что *государство абсолютно*. Оно, говорятъ, не имѣетъ надъ собою никакой власти, но само является источникомъ права и верховнымъ союзомъ на землѣ. Лишь ему принадлежитъ принужденіе и главный его, специфически отличающій отъ другихъ союзовъ аттрибутъ—верховная власть.

Мы не отвергаемъ, что государство объединяетъ живущіе на его территоріи лица и союзы въ высшую, коллективную личность, кладя на нихъ печать собственной идеи, но мы считаемъ указанное воззрѣніе не вѣрнымъ, какъ съ *исторической*, такъ и съ внутренней, *логической* стороны.

Исторія всюду показываетъ намъ явленіе, исчезновеніе и смѣну государствъ. Поставленныя въ условія пространства

---

[1]) При разногласіяхъ между государствами, говоритъ Пюттеръ, они могутъ начинать съ мирныхъ способовъ и переговоровъ, но если того требуютъ преслѣдуемыя ими цѣли, или ихъ достоинство, они вольны начать прямо съ насилія (gleich mit aller Macht zugreifen und drein schlagen) Даже третейскія рѣшенія становятся обязательными только вслѣдствіе принятія ихъ заинтересованными правительствами. Пюттеръ имѣетъ въ виду выставить для международнаго права такое начало, которымъ государственные люди руководствуются на практикѣ, но принимаемый имъ суверенитетъ—понятіе столь же апріорное и не живое, какъ любое другое начало теоретиковъ. Очевидно, науку нельзя строить на однихъ „практическихъ" соображеніяхъ

и времени, они подчинены, какъ и все живое, закону развитія, а уже это одно свидѣтельствуетъ объ ихъ конечности. Абсолютное не можетъ развиваться и не имѣетъ исторіи.

Абсолютность была присуща извѣстнымъ типамъ государственной жизни: теократіямъ и деспотіямъ Востока, классическимъ государствамъ и неограниченнымъ монархіямъ новаго времени, вышедшимъ изъ хаоса средневѣковаго феодализма. Но въ *дѣйствительности* абсолютность государства, выражавшаяся главнымъ образомъ въ неограниченной власти правителей, всюду сдерживалась и разбивалась о противодѣйствіе и силу то духовенства (жрецовъ на Востокѣ), то аристократіи (въ средніе вѣка), то военнаго сословія [1]) (въ римской имперіи и Турціи).

Намъ возразятъ, что мы смѣшиваемъ историческое проявленіе идеи государства съ ея внутреннею сущностью. По чистой же идеѣ государство абсолютно, неизмѣнно, вѣчно.

Но и съ этимъ доводомъ нельзя согласиться. Вытекая изъ потребностей человѣческой природы, которая сама конечна [2]), государство и по идеѣ не можетъ быть абсолютно. Мысль о небесномъ государствѣ, въ подобіе невидимой церкви, намъ кажется страннымъ заблужденіемъ фантазіи. Современная наука учитъ насъ, что въ государствахъ живутъ и дѣйствуютъ національныя единицы—народы. Но и содержаніе ихъ духа, а поэтому и продолжительность ихъ жизни не могутъ быть безконечны. Народы, послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ періодовъ, дряхлѣютъ и отживаютъ, что составляетъ *внутреннюю* и *главную причину* паденія и смѣны государствъ. Теорія долго проповѣдывала идею о неограниченности государства только потому, что находила ее господствующею въ жизни. Но изъ нея логически вытекаютъ выводы, которые ее уничтожаютъ.

---

[1]) Эту мысль раскрываетъ *Passy* въ своемъ превосходномъ сочиненіи: Des formes de Gouvernement et des lois qui les regissent. 2 édit 1876.

[2]) Мы говоримъ здѣсь только о человѣческой природѣ съ *ея земной стороны.*

Возьмемъ для примѣра классическое государство. частію потому, что эта теорія перешла къ намъ отъ древнихъ. частію на томъ основаніи, что въ немъ, въ лучшую пору его существованія, надъ *личною волею* правителей стоялъ *законъ*.

Греки и Римляне, какъ извѣстно, видѣли въ государствѣ верховную цѣль жизни: оно одно создаетъ и сообщаетъ. по своему усмотрѣнію, права своимъ членамъ, которые сами по себѣ не имѣютъ никакого самостоятельнаго значенія. Если въ этой идеѣ мы можемъ видѣть источникъ высокаго патріотизма. одушевлявшаго ихъ въ лучшія эпохи ихъ исторіи, то съ другой стороны, съ нею были неразрывно связаны такія темныя стороны, которыя съ очевидностію доказываютъ несостоятельность самой идеи:

1. Безправіе человѣческой личности. Только какъ членъ государства, какъ гражданинъ—человѣкъ становился субъектомъ права. Логическими послѣдствіями отсюда были существованіе рабства и признаніе всѣхъ иностранцевъ естественными врагами. Греки первые поняли политическую свободу, но ограничили ее небольшимъ кругомъ владычествующаго племени. Вотъ почему, не смотря на прекрасное имя республики. настоящая свобода осталась навсегда чуждою для гражданъ Аѳинъ и Спарты.

2. Государство опредѣляло и обнимало всѣ стороны человѣческой жизни: его не сдерживали никакія нравственныя и естественныя начала. Оно распоряжалось тѣлами и даже душами своихъ гражданъ, не допуская свободы ни религіозной. ни умственной. Съ этою абсолютностію античнаго государства въ идеѣ, въ рѣзкомъ контрастѣ стояли узкость и безсиліе греческихъ республикъ въ дѣйствительной жизни. Онѣ были маленькія городовыя общины съ прилегавшими къ нимъ участками и никогда не возвысились до могущественныхъ народныхъ государствъ.

3. Абсолютность государственной идеи логически требуетъ одного всемірнаго государства. Это и составляло политическій идеалъ древности. Видя въ иностранцахъ людей нечистыхъ или прирожденныхъ враговъ, древніе должны были возвести

въ принципѣ войну противъ нихъ. Считая ихъ варварами и почти приравнивая къ рабамъ, они полагали, что сама природа предназначила иностранцевъ имъ на служеніе. Греки не были завоевательны по своему характеру и кромѣ того внутреннія междуусобицы поглощали все ихъ время и вниманіе,—вотъ почему этотъ выводъ не перешелъ у нихъ изъ области теоріи въ практику, но ихъ геній воодушевилъ одного изъ величайшихъ завоевателей—Александра Македонскаго, а позднѣе Римляне довели эту сторону античнаго государства до полнѣйшаго развитія.

Идея суверенитета, какъ власти всерѣшающей, перешла, какъ мы сказали, къ новымъ народамъ отъ древнихъ. Она сложилась въ періодъ неограниченной монархіи и, какъ показываетъ самое слово, ранѣе всего во Франціи. Съ теченіемъ времени однако въ наукѣ и въ жизни установилось болѣе вѣрное воззрѣніе на природу и назначеніе государства. Ему дѣйствительно принадлежитъ высшая на землѣ власть, безъ которой, какъ объединительной силы, невозможно общежитіе, но эта власть не абсолютна, какъ внутри государства, такъ и извнѣ. Въ этомъ пунктѣ сходятся между собою лучшіе публицисты. (Блюнчли, Шульце, Герберъ). Защищаемое нами положеніе вытекаетъ изъ всего строя современнаго государства. Какъ *правовое* оно покоится на началахъ права, возведеннаго, въ отличіе отъ прежнихъ эпохъ, въ самостоятельный и основной принципъ общежитія, но всѣ начала права абсолютнаго характера не имѣютъ. Будучи воплощеніемъ *мичности народа*, оно является выразителемъ извѣстныхъ его хорошихъ и темныхъ сторонъ и претендовать на поглощеніе другихъ такихъ же національныхъ единицъ не можетъ безъ отрицанія собственнаго разумнаго существа. Вотъ почему мы говоримъ, что *природа человѣка, въ условіяхъ ея земнаго бытія, требуетъ государства, но въ пространствѣ и во времени ограниченнаго*. Это воззрѣніе и находитъ себѣ приложеніе въ *представительномъ государствѣ*, въ которомъ всѣ факторы политической жизни поставлены въ извѣстную другъ отъ друга зависимость. Взаимно контролируя себя, они и въ

совокупности не могутъ посягать на тотъ высшій порядокъ нравственной и естественной жизни, который требуетъ свободы человѣческаго духа во всѣхъ сферахъ его проявленія. Въ отрицаніи этого и лежитъ абсолютизмъ государства, весьма отличный отъ неограниченной власти государя и который можетъ ужиться со всякою формою правленія, какъ монархическою, такъ и съ чистою демократіею [1]).

Устройство властей въ представительномъ государствѣ указываетъ на принципъ ихъ ограниченности въ его *внутренней жизни*, принципъ федерацій, получающій большое значеніе съ конца прошлаго столѣтія, служитъ подтвержденіемъ той же самой мысли по отношенію къ *внѣшней жизни* государства. Съ момента признанія юридическаго характера государства, въ принципѣ падаетъ его абсолютность и международное право становится разумнымъ и необходимымъ. Но чрезъ это мы удаляемъ возраженіе противъ международнаго суда, которое основано на суверенитетѣ, какъ на принципѣ, который *никакому умаленію* подлежать не можетъ. Для насъ это возраженіе, дѣлаемое, напр., Гегелемъ, [2]) Функъ-Брентано, Сорелемъ и мн. др. [3]), основано на *фикціи о полновластіи государства, принадлежавшемъ древнему, но не современному политическому строю.*

---

[1]) *Schulze* Lehr. des Dent. Staatsr S. 27. Весьма характерно, говоритъ онъ, что два столь діаметрально противоположные ума, какъ Гоббесъ, защитникъ монархическаго деспотизма, и Руссо, провозвѣстникъ французской революціи, въ этомъ отношеніи совершенно согласны между собою. „Imperium absolutum“— перваго и „volonté générale“ втораго означаютъ одинаково безграничный абсолютизмъ государства.

[2]) Das Verhaltniss von Staaten zu Staaten говоритъ онъ, ist schwankend: es ist kein Prator vorhanden, der da schlichtet· der hohere Prator ist allein der allgemeine an und fur sich seiende Geist, der Weltgeist.

[3]) Précis du Droit des Gens. Учрежденіе международнаго суда и кодификація межд. права, по ихъ мнѣнію, противорѣчатъ принципу суверенитета государствъ Они не могутъ создать власть еще высшую надъ собою, не отказавшись отъ этого начала (стр. 440) —Авторы идутъ еще далѣе. всякое правило, по отношенію даже къ третейскому суду, имъ является посягательствомъ (atteinte) на этотъ принципъ (стр. 459). Какъ актъ суверенитета онъ никогда не можетъ сдѣлаться обязательнымъ для государствъ, поэтому не мыслимъ постоянный третейскій судъ (стр. 461—62). Въ томъ же духѣ выражается *Bergbohm*, Staatsvertrage und Gesetze als Quellen des Volkerrechts, 1877; S. 98—100

IV.

Изученіе суверенитета, съ международной точки зрѣнія, указываетъ намъ на принципіальную возможность международнаго суда. Эту возможность превращаетъ въ научное требованіе *принципъ общенія*.

Явившись въ наукѣ, какъ сказано, лишь недавно и далеко еще не всѣми принятый [1]), этотъ принципъ призванъ однако дать единство и стройность всей системѣ международнаго права. Если суверенитетъ есть юридическій принципъ независимости государствъ, какъ членовъ человѣчества, то подъ общеніемъ мы разумѣемъ юридическій же принципъ отношеній между ними. Никакъ не слѣдуетъ смѣшивать его съ сношеніями вообще. Послѣднія существовали всегда и вездѣ, гдѣ, по какимъ либо потребностямъ, извѣстные человѣческіе союзы (роды, общины, государства) вступали въ случайныя или временныя между собою соприкосновенія. Разнообразясь по этимъ потребностямъ, сношенія ведутъ иногда къ соглашеніямъ и сдѣлкамъ, юридическая сила которыхъ лежитъ исключительно въ волѣ сторонъ, а не вытекаетъ изъ общаго для нихъ права. Писатели, которые упускали изъ виду это различіе, приходили къ признанію международнаго права вездѣ, гдѣ встрѣчали сношенія между народами [2]).

Вслѣдствіе этого оно, по ихъ мнѣнію, бываетъ различно не только по эпохамъ, но и по національностямъ. Нечего и гово-

---

[1]) І. соч. *Мальтенборна; Bulmerincq.* Н. соч. и Praxis, Theorie und Codification des Volkerrechts. 1874 *Mohl.* Die Pflege der internationalen Gemeinschaft als Aufgabe des Volkerrechts въ Staatsr Volkerr. und Polit. B. I, S. 579—636—(лучшее теоретическое изслѣдованіе), *Zalesky* Zur Geschichte und Lehre der internationalen Gemeinschaft 1866 (даетъ историческій очеркъ общенія и указываетъ на его отношенія къ суверенитету)

Въ русской литературѣ о немъ говорятъ. г. *Мартенсъ* въ своемъ соч. О консулахъ, (стр. 6, сл.) и г. *Даневскій* въ Историч очеркѣ нейтралитета стр. 329—356 и въ статьѣ: Основанія межд. права, его принципы и цѣль. (Юрид. Вѣстн. 1880; Мая стр. 116—141).

[2]) Монтескье, Пютгерь, Гефтеръ, Кальво и мн. др

рить. что это есть заблужденіе, которое вытекаетъ изъ непониманія характера *общенія, какъ высшаго вида сношеній, по преимуществу юридическихъ, основанныхъ на началахъ равенства и взаимности между народами.*

Общеніе на почвѣ права есть результатъ послѣдняго и новѣйшаго періода въ исторіи человѣчества. Благодаря ему. международное право возвышается для государствъ на степень объективнаго и высшаго надъ ними права. Ограничивая ихъ суверенитетъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ. оно не только опредѣляетъ его юридически, но и содѣйствуетъ его сохраненію. Государства *высказываютъ* это право, даютъ ему *положительную санкцію,* но *не творятъ* по *своему произволу.* Оно вытекаетъ изъ ихъ совмѣстной жизни и дѣятельности. какъ плодъ единой, общечеловѣческой культуры [1]).

Приложеніе общенія къ практической жизни приводитъ къ необходимости *организаціи международнаго союза.* Въ отысканіи ея лежитъ, какъ мы сказали выше, глубокая мысль, проходящая чрезъ всѣ проекты вѣчнаго мира. Они видятъ въ федераціи какъ бы универсальное средство для объединенія и замиренія народовъ. Конечно этой формѣ нельзя не отдать преимущества предъ всемірною монархіею, о которой мечтали завоеватели и прежніе мыслители. Она стремится удержать извѣстную самостоятельность частей, соединенныхъ въ одно политическое цѣлое. Но и эту форму правленія, какъ всякую другую нельзя безгранично распространять или считать ее вѣчною. На основаніи историческаго опыта, ее можно допустить между членами одного племени, разбитаго на нѣсколько частей, жившихъ дотолѣ въ политическомъ отношеніи самостоятельно.

Изъ обще-человѣческаго характера и назначенія государства Блюнчли выводитъ необходимость всемірнаго государства (Welt-

---

[1]) Недавно Бергбоомъ сдѣлалъ попытку построить межд. право на одной волѣ государствъ отдѣльно взятыхъ Отъ этого оно будто бы само по себѣ для нихъ необязательно (Bergbohm. назв. соч.) Неосновательность этого воззрѣнія доказываетъ *Фрикеръ* (*Fricker.* Noch emmal das Problem des Volkerrechts въ Tub. Zeitsch. 1878; S. 368—405).

reich). «Къ нему, говоритъ онъ, отдѣльныя государства относятся какъ народы къ человѣчеству. Подобно членамъ тѣла, они найдутъ въ немъ восполненіе и самое широкое развитіе собственнаго существа. Оно не будетъ призвано прекратить ихъ и уничтожить отдѣльные народы, но дастъ имъ большую обезпеченность свободы и мира.

Поэтому высшая, хотя и доселѣ не осуществленная идея государства состоитъ въ томъ, что государство есть организованное человѣчество.»

Полемизируя противъ Лорана, Блюнчли добавляетъ, что всемірное государство не должно имѣть непремѣнно монархическую главу. За образецъ можно взять форму союзнаго государства (Bundesstates oder Bundesreiches), въ которомъ для общихъ дѣлъ существуютъ союзныя законодательство, правительство и суды, а для мѣстныхъ интересовъ его членовъ остается неприкосновенною самостоятельность послѣднихъ [1]).

Впрочемъ позднѣе свои мысли объ этомъ Блюнчли развилъ и исправилъ значительно въ указанной уже нами статьѣ: «устройство союза европейскихъ государствъ».

Напротивъ *Лоранъ* противопоставляетъ федераціи народовъ— ассоціацію или добровольный союзъ [2]). Онъ осуждаетъ всемірное государство въ монархической ли или республиканской формѣ, говоря, что оно отрицаетъ принципъ національности, т. е. элементъ индивидуальности, въ развитіи котораго лежитъ цѣль человѣка. По его словамъ достаточно одного нравственнаго единства, основаннаго на общности вѣрованія, идей и интересовъ. Войны уменьшатся вслѣдствіе успѣховъ человѣчества. Когда оно организуется въ націи, завоеванія исчезнутъ сами собою. Завоевательны только государства, будь они монархіи или республики. Націи же, когда онѣ достигнутъ естественныхъ границъ, будутъ уже изъ за одного благоразумія помышлять не о расширеніи своихъ предѣловъ, а объ

---

[1]) Lehre vom modernen Stat; I, 33 flg.

[2]) Association libre sans une autorité de coaction, какъ онъ выражается.

ихъ сохраненіи. Нечего вмѣнять націямъ преступленія, которыя были совершены, когда онѣ еще не существовали [1]).

Послѣднія мысли однако вызываютъ много недоумѣній: спрашивается, какъ же могутъ дѣйствовать нации внѣ государства? Если человѣческая личность погрѣшима, то отчего же непогрѣшима національная личность, слагающаяся изъ первой? На это мы не находимъ отвѣта. За то нельзя съ нимъ не согласиться, когда онъ говоритъ: конечный идеалъ человѣчества не установленіе мира, а права и свободы. Миръ не мыслимъ тамъ, гдѣ не владычествуетъ право [2]).

Средину между этими писателями занимаетъ *Фрикеръ*. Онъ считаетъ для нашего времени еще невозможнымъ дать рѣшительный отвѣтъ на вопросъ о международномъ устройствѣ. Отвергать послѣднее ссылкою на суверенитетъ государствъ нельзя, замѣчаетъ онъ. Этотъ суверенитетъ есть самъ продуктъ исторіи, а мы еще не достигли ея конца. Когда развитіе человѣчества въ будущемъ потребуетъ новой, высшей формы, для него не будетъ потерею, если оно откажется отъ суверенаго государства и дастъ этой формѣ тоже самое или иное названіе [3]).

Не предрѣшая будущаго, мы должны однако сказать, что всемірное государство (или даже государство обнимающее цѣлую часть свѣта) невозможно и не желательно прежде всего съ точки зрѣнія *природы самого государства*. Хотя политическіе организмы обладаютъ стремленіемъ къ росту и расширенію, но есть извѣстная граница, указываемая имъ природою ихъ территоріи и населенія и распознать которую предписываетъ имъ долгъ самосохраненія. Чрезмѣрное расширеніе влечетъ за собою не развитіе, а омертвѣніе. Во 1-хъ оно ведетъ къ тому, что государство *обезличивается* (денаціонализируется). Народъ, поглотившій въ себя много чуждыхъ элементовъ и

[1]) Etudes, I, 38—45.—La philosophie de l'histoire; p. 581—85.

[2]) La seule paix à laquelle l'humanité puisse aspirer c'est le règne du droit, car il n'y a pas de paix là où le droit ne régne pas. (La philosophie etc. p. 591 et 588).

[3]) *Fricker* O. c. p. 398.

не имѣющій уже внутренней способности уподобить ихъ себѣ (ассимилировать), начинаетъ распадаться на свои составныя части. Духъ, оживотворявшій созданное имъ государство, уступаетъ мѣсто физической силѣ и чисто искусственнымъ комбинаціямъ политики, посредствомъ которыхъ думаютъ сдержать вмѣстѣ то, что ходомъ самой жизни обречено безповоротно на распаденіе.

Во 2-хъ, чѣмъ болѣе распространяется государство, *тѣмъ скорѣе падаетъ господство въ немъ законовъ и политической свободы*, вслѣдствіе ослабленія связи центра съ окружностію и усиленія личнаго произвола правителей, которые становятся тѣмъ болѣе дерзкими, чѣмъ недѣйствительнѣе контроль центральнаго правительства. Завоеванія измѣняютъ составъ и соотношенія властей въ государствѣ и вносятъ новыя сѣмена раздора въ населеніе, установляя антагонизмъ между жителями присоединенныхъ областей и коренными, а съ другой стороны предоставляя правителямъ, подъ разными предлогами, возможность болѣе скораго противозаконнаго обогащенія на счетъ чужихъ и отдаленныхъ провинцій. Чѣмъ болѣе правительственныя мѣста даютъ лицамъ получающимъ ихъ власть и богатство, тѣмъ страстнѣе начинаютъ всѣ ихъ добиваться. Государство, вслѣдствіе этихъ происковъ и раздоровъ, идетъ быстрыми шагами къ анархіи, избавить отъ которой его можетъ лишь усиленіе центральнаго правительства, достигаемое на счетъ политическихъ правъ и свободы гражданъ. Такимъ образомъ военная диктатура и соединенный съ нею внутренній деспотизмъ есть конечный результатъ завоеваній, предпринимаемыхъ народами [1]).

Къ этому основанію присоединяется другое, взятое изъ *природы федерацій вообще*. Онѣ не могутъ быть прочны пока между ихъ членами существуетъ различіе въ могуществѣ или въ политическихъ и экономическихъ принципахъ и формахъ [2]).

---

[1]) Прекрасно развиваетъ эти мысли Пасси: Des formes de Gouvernement, p. 91, 88 et 396.

[2]) Антагонизмъ и даже война между частями возможны въ федераціяхъ,

Особенно между монархіями онѣ являются призрачными и быстро склоняются къ унитарному государству. Защитники ихъ, желающіе создать и изъ европейскихъ государствъ Соединенные Штаты, предлагаютъ предварительно раздѣлить послѣднія на небольшія, равныя части и ввести въ нихъ республиканскую форму правленія [1]). Развѣ это не было бы произвольнѣйшимъ дѣленіемъ народовъ Европы на подобіе стадъ животныхъ? Существующія между ними различія. особенности и антипатіи такъ глубоки, что въ настоящее время для нихъ одна общая федерація рѣшительно невозможна. Можетъ быть въ будущемъ сложатся три или болѣе федераціи на основаніи національнаго принципа (германская, романская и славянская, внѣ коихъ пожалуй останутся Великобританія и Скандинавія), но и тогда отношенія между ними съ одной стороны, между ними и остальными частями свѣта съ другой. снова потребуютъ высшаго права и устройства ихъ совокупной жизни.

Словомъ всемірное государство обозначало бы общій застой и деспотизмъ. Части же живыя неизбѣжно отдѣлились бы отъ него. Устранить эти недостатки были бы не въ силахъ никакія формы правленія, такъ какъ абсолютно-совершенной конституціи не существуетъ. Государства опираются не на идею единаго человѣчества, а на тѣ живыя исторически-слагающіяся личности, которыя называются народами и такъ же, какъ всякія личности, нуждаются для своего совмѣстнаго существованія въ юридическомъ порядкѣ. Поэтому мы скажемъ вмѣстѣ съ Блюнчли, что *государство, въ глубокомъ значеніи этого слова, требуетъ организаціи всего человѣчества. но такой, которая отправляется отъ принципа не единства*

особенно большихъ, какъ показываютъ С› Штаты въ Америкѣ. Есть серьезное основаніе опасаться за прочность этого Союза въ будущемъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе расходятся экономическіе интересы сѣверныхъ и центральныхъ штатовъ отъ южныхъ и западныхъ.

[1]) Таковы мысли Корнелія де-Боома. Онъ предлагаетъ подѣлить Европу на 58 республикъ въ 6 мил. жителей каждую. (*Cornelius de Boom.* Une solution politique et sociale. 1864; p. 154—155).

(человѣчества), *а множества* (народовъ) *приведеннаго къ гармоніи правомъ*. Какъ физическія, такъ и духовныя потребности заставляютъ народы завязывать между собою сношенія, изъ которыхъ исторически сложился международный союзъ, какъ вѣнецъ всѣхъ формъ сожитія людей въ обществѣ. Долгое время право, управляющее этимъ союзомъ покоилось на соображеніяхъ политики. Лишь послѣ того, какъ правовой порядокъ началъ укрѣпляться внутри государствъ, возникло сознаніе о томъ, что и внѣшнія ихъ сношенія не могутъ быть предметомъ произвола и силы. Писатели поняли, что и международное право въ наше время стремится къ большей положительности. «Его развитіе и усовершенствованіе, говоритъ Фрикеръ, идутъ объ руку съ улучшеніемъ организаціи (коллективной жизни государствъ). Сознаніе и идеи о правѣ не составляютъ еще права и не могутъ быть выдаваемы за него. Лишь юридическая идея, принявшая реальный образъ, есть право». Вотъ почему онъ называетъ международное право несовершеннымъ, находящимся въ развитіи къ болѣе положительной и твердой организаціи.

До какихъ предѣловъ ей суждено достигнуть въ будущемъ, мы не знаемъ, но уже теперь можно указать на нѣкоторыя черты, вытекающія изъ природы вещей. *Международный союзъ*, обнимая пока Европу и Америку, *долженъ получить юридическую, а не политическую организацію*. Какъ это ни кажется страннымъ, но только этимъ путемъ мы достигнемъ соединенія независимости государствъ съ установленіемъ *надъ* ними общаго права [1]). Въ силу ихъ суверенитета нелогично и невозможно создать надъ ними политическую власть или мировое центральное правительство, но съ другой стороны международный союзъ, какъ одно цѣлое, требуетъ самостоятельныхъ отъ своихъ членовъ органовъ, съ строго опредѣленнымъ кругомъ юридическихъ полномочій. Выше мы имѣли уже случай назвать два главные изъ нихъ.

---

[1]) Если отвергать возможность такого права *надъ* ними оно немыслимо и *между* ними, какъ доказываетъ Фрикеръ

Эта организація должна вырости изъ жизни, а не являться плодомъ теоріи. Она не представляетъ сколокъ съ того или инаго политическаго строя, ни одна форма правленія въ строгости къ ней не приложима, но, по сложности и своеобразности международнаго союза, она только покоится на тѣхъ же политическихъ началахъ, на которыхъ выросла изъ современнаго общества, облекая эти начала въ новыя, широкія формы. Международная жизнь не есть повтореніе въ большихъ размѣрахъ жизни государственной; она возвышается надъ нею подобно возвышенію послѣдней надъ жизнію человѣка и, какъ особая область развитія человѣчества, требуетъ такихъ формъ, въ которыхъ присущія ей начала могли бы выразиться во всей полнотѣ и оригинальности. Переведеніе этой идеи о международномъ устройствѣ, которая медленно, но ясно дозрѣваетъ въ сознаніи человѣчества, изъ области теоріи въ практическую жизнь составляетъ, по вѣрному опредѣленію Лоримера, главную конечную проблемму международнаго права. Наука должна, чутко слѣдя за потребностями народовъ, только содѣйствовать выясненію ихъ сознанія на счетъ этой великой задачи, а не навязывать имъ съ упорнымъ доктринерствомъ тѣ или иныя формы жизни, лишенныя корней въ окружающей ихъ средѣ.

Международная организація, какъ намъ кажется, можетъ осуществиться лишь постепенно и по частямъ. Это безспорно большой недостатокъ, но неизбѣжный, когда дѣло идетъ о развитіи политическаго строя изъ жизни. Вспомнимъ сколько вѣковъ борьбы, колебаній и ошибокъ потребовала англійская конституція для того, чтобы дойти до современнаго положенія. Но во сколько разъ сложнѣе и совершеннѣе должна быть конституція, призванная мало по малу соединить юридическими узами все человѣчество.

Первымъ ея ядромъ, около котораго должно такъ сказать кристаллизироваться положительное право, является международный судъ. Онъ есть выразитель и носитель юридическаго принципа общенія. Только въ немъ этотъ принципъ достигнетъ и *самостоятельнаго* и *полнаго* выраженія. По мѣрѣ

вростанія этого суда въ жизнь, международное право получитъ бо́льшую осязательность, положительность (или будетъ, какъ говорятъ нѣмцы, болѣе и болѣе объективироваться), государства почувствуютъ усиленіе своей безопасности и для дальнѣйшаго устройства ихъ совмѣстнаго существованія, безъ ущерба ихъ внутренней самобытности, будетъ дана положительная почва.

Чрезъ это мы *юридическимъ путемъ* придемъ къ сокращенію области войны [1]), ибо если успѣхи государственной жизни отражаются благотворно на международномъ строѣ, то и наоборотъ международный судъ дастъ новыя гарантіи прочности и развитію юридическаго порядка *внутри самихъ государствъ*. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать со многими выдающимися умами нашей эпохи, что человѣчество приближается къ вѣчному миру [2]) и при этомъ повторить мысль Канта, что движеніе къ нему ускоряется тѣмъ болѣе, чѣмъ долѣе человѣчество мыслитъ и живетъ.

---

[1]) So lange ein internationaler Gesetzgeber und Richter fehlt, говоритъ Фрикеръ, kann auch der Krieg nicht weggedacht werden —Dass aber auch jede rechtliche Zusammenfassung von Staaten unter Erhaltung ihrer Staatsindividualitat die Wirkung der Ausschliessung des Krieges haben muss, ist einleuchtend (Tub. Zeitsch 1872 S. 377 und. 382).

[2]) Der ewige Friede, замѣчаетъ Фрикеръ, ist als Ideal und zwar *als practisches Ideal* eine vollig berechtigte Forderung (Ib. 376)

Der ewige Friede, по словамъ Аренса, ist allerdings noch in weite Ferne gerucktes Ideal, aber keine Chimare (Naturrecht; II, 528).

Der wahre dem Ideal entsprechende *Rechtszustand,* говоритъ Блюнчли, ist der Friede, nicht der Krieg (Volkerrecht, Art, 510 Anm)

„Friede auf Erden," такъ выражается Гольцендорфъ, ist das Verlangen jedes religios gestimmten Gemuthes, der *sittliche Endpunct* in der Idee der Menschheit (Principien der Politik; S. 236).

Такихъ цитатъ можно бы привести еще много.

ГЛАВА II.

ПРАКТИЧЕСКІЯ ТРЕБОВАНІЯ.

Какъ ни серьозны бываютъ въ государственной жизни теоретическія основанія, требующія извѣстной реформы, но такая реформа становится уже рѣшительно неотложною, если въ пользу ея возвысятъ голосъ *требованія практическія*, т. е. такія, которыя создаются не воображаемыми, а реальными явленіями жизни и имѣютъ способность чѣмъ долѣе, тѣмъ сильнѣе навязываться каждому непредвзятому уму. Мы убѣждены, что именно этими практическими соображеніями государства сознательно и безсознательно будутъ приведены къ необходимости *создать международную юстицію*, если только они не предпочтутъ ей утрату собственнаго благосостоянія и независимости.

Вглянемся въ нѣкоторыя стороны жизни современнаго общества.

I.

Одна изъ чертъ, наиболѣе характеризующихъ нашъ вѣкъ, состоитъ въ усиленіи и быстромъ возрастаніи такъ называемаго *интернаціонализма*, т. е. сношеній частныхъ и государственныхъ, которыя, на подобіе громадной сѣти, все крѣпче и болѣе связываютъ народы между собою. Государства Европы и Америки поддерживаютъ эти сношенія постоянно, но теперь они втягиваютъ въ нихъ и царства Азіи и дикія племена Африки. Въ Австраліи слагаются новыя колоніи европейцевъ. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что христіанская цивилизація есть общечеловѣческая, не только по *элементамъ*,

вошедшимъ въ ея составъ, но и по ея *назначенію*—дать *всему* человѣчеству ту полноту его развитія и совершенства, до какой оно будетъ только въ силахъ дойти.

Сношенія между народами получили новые дотолѣ невиданные размѣры, благодаря двумъ міровымъ открытіямъ: пара и электричества. Путешествія, въ нашъ вѣкъ пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, сдѣлались потребностію и удовольствіемъ для каждаго. Благодаря телеграфамъ мы становимся до нѣкоторой степени соучастниками во всѣхъ событіяхъ, гдѣ бы то ни было совершающихся на нашей планетѣ. Все это требуетъ признанія безопасности лицъ и товаровъ на всѣхъ артеріяхъ передвиженія. Но безопасность обезпечивается твердостью юридическаго порядка, который силою вещей изъ національнаго становится болѣе и болѣе міровымъ.

Спбоомъ, какъ мы видѣли выше, указываетъ весьма остроумно на законъ взаимной зависимости народовъ другъ отъ друга по мѣрѣ развитія ихъ экономической дѣятельности. Это вѣрно, но односторонне. Во всѣхъ областяхъ современной жизни государственной, научной, художественной, промышленной и религіозной мы видимъ: возникаютъ общества, устраиваются съѣзды, которые болѣе или менѣе принимаютъ международный характеръ. Вызывая соревнованіе между народами, это движеніе правильно направляемое не должно вести ихъ къ рабскому поклоненію чужеземному, но напротивъ разнообразить и возвышать ихъ національный духъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ неизбѣжно однако большее воздѣйствіе ихъ другъ на друга и даже усиленіе духовнаго между ними родства.

Опытъ жизни указываетъ намъ на обратную сторону этого безспорно плодотворнаго движенія: по мѣрѣ того какъ соприкосновенія и сношенія между людьми усиливаются—умножаются между ними и недоразумѣнія всякаго рода и даже столкновенія, которыя легко переходятъ въ открытую вражду. Мы оставляемъ въ сторонѣ дурные инстинкты человѣка. алчность и любостяжаніе, заставляющіе его иногда стремиться къ наживѣ на счетъ чужаго труда. Мы имѣемъ въ виду собственно явленія государственной жизни; на каждомъ шагу тутъ, благо-

даря именно постояннымъ сношеніямъ, возникаютъ между правительствами недоразумѣнія и несогласія, то вызываемыя политическими обстоятельствами, то поступками частныхъ лицъ, за которыя иной разъ ихъ отечество не можетъ не вступиться. Въ наше время пробужденія національнаго сознанія въ народахъ, они сдѣлались особенно чутки ко всему, что касается до ихъ политической и духовной независимости и достоинства. Едва какое либо событіе, въ дѣйствительности или только въ ихъ воображеніи, коснется того, что они называютъ своею народною честью—они воспламеняются и, требуя возстановленія своего нарушеннаго достоинства и права, въ свою очередь идутъ обыкновенно далѣе предѣловъ указываемыхъ справедливостью и даже природою вопроса, вызвавшаго споръ. Между тѣмъ эти споры обостряются еще отъ двухъ обстоятельствъ вслѣдствіе несравненно бо́льшаго чѣмъ въ предъидущія эпохи участія народовъ (прямаго и косвеннаго) въ ходѣ политическихъ дѣлъ и распространенія періодической печати. Споры и войны кабинетные уступили мѣсто народнымъ соперничествамъ и враждѣ. Вытекающая отсюда непріязнь по природѣ отличается большимъ упорствомъ и силою. Печать въ большинствѣ случаевъ, подъ громкою вывѣскою патріотизма, подливаетъ масло въ огонь. Неразборчивая въ выборѣ средствъ и обвиненіяхъ противниковъ, даже по отношенію къ своимъ домашнимъ врагамъ, она легко теряетъ всякую мѣру и правду, когда ополчается на враговъ отечества. По ея воззрѣнію мы все еще должны слѣдовать правилу древнихъ и соединять любовь къ родинѣ съ ненавистью ко всему чужому [1]). Но нужно ли говорить, что это правило въ принципѣ убиваетъ не только нравственность, но даже и право между народами! Патріотизмъ для каждаго гражданина первый долгъ, но онъ долженъ восполняться и возвышаться любовію къ человѣчеству.

Какъ бы то ни было, но едва ли можно спорить противъ того, что съ 1848 г. Европа вступила въ періодъ осложненія

---

[1]) На это вліяніе печати указалъ еще *Бентамъ* въ своемъ проектѣ вѣчнаго мира.

политическихъ отношеній между государствами и новыхъ войнъ. Даже борьба между имущими классами и неимущими угрожаетъ перейти на международную почву. Если государства не позаботятся серьезными и *совокупными* мѣрами улучшить положеніе рабочихъ и, на сколько возможно, разсѣять ряды пролетаріевъ, изъ нѣдръ ихъ могутъ выйти новые варвары, которые, пожалуй, окажутся для нашей цивилизаціи болѣе опасными, чѣмъ древніе варвары для Рима.

Если со всѣхъ сторонъ накопляется горючій матеріалъ, надо серьозно подумать объ усиленіи факторовъ на пользу права и мира. Зло, угрожающее современному государству, выступаетъ подъ прикрытіемъ отвлеченнаго и бездушнаго космополитизма и радикализма. Въ борьбѣ съ нимъ и международное право призвано, очевидно, сказать свое слово.

II.

Весьма печальную сторону окружающаго насъ политическаго строя составляетъ *милитаризмъ*. Хотя объ немъ много пишутъ и толкуютъ на митингахъ (особенно созываемыхъ друзьями мира), но мы имѣемъ объ немъ весьма неполныя и смутныя представленія. Иначе и быть не можетъ, пока военная статистика не объяснитъ намъ въ точныхъ цифрахъ, чего стоятъ населенію въ мирное время содержаніе войска, флота, крѣпостей и всѣхъ предметовъ съ ними соединенныхъ; какія части народнаго труда поглощаются ими и, наконецъ, во что обходится въ наше время веденіе войны. Эта отрасль знанія находится еще далеко отъ полноты своего развитія, частію быть можетъ отъ того, что правительства не всегда публикуютъ всѣ необходимыя для нея свѣдѣнія—вѣроятно по неимѣнію оныхъ—частію же вслѣдствіе большаго разнообразія, господствующаго въ составленіи бюджетовъ отдѣльныхъ государствъ. Но и тѣ данныя, которыя уже собраны неутомимыми учеными, достаточны для убѣжденія каждаго въ истинѣ, что содержаніе военныхъ силъ становится для государствъ съ каждымъ годомъ обременительнѣе.

Въ виду этого друзья мира не разъ предлагали имъ приступить къ разоруженію, путемъ единовременныхъ и общихъ соглашеній. Мы не можемъ войти здѣсь въ разсмотрѣніе этого важнаго вопроса, требующаго спеціальныхъ изслѣдованій. но замѣтимъ, что предлагаемая мѣра должна явиться результатомъ. а не началомъ цѣлаго ряда мѣръ, направленныхъ къ обезпеченію между народами мира. Нельзя расчитывать на внезапное уничтоженіе войны, а на постепенную и прогрессивную замѣну ея иными, человѣка болѣе достойными, способами рѣшенія споровъ между народами.

Изучая бюджеты европейскихъ государствъ, мы видимъ. что расходы ихъ становятся впервые значительными съ эпохи введенія постояннаго войска т. е. съ 15 стол. Новый крупный поворотъ къ издержкамъ замѣчается съ того времени, какъ французская революція вводитъ общую конскрипцію, которая, по примѣру Пруссіи, принимается большинствомъ государствъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ возникаетъ главная язва современнаго государственнаго хозяйства—займы, которые, вызываемые большею частію военными же издержками, поглощаютъ непроизводительно лучшія хозяйственныя силы народовъ и парализуютъ всю дѣятельность государственнаго механизма. Даже еще въ 18 стол. государственные долги были, въ сравненіи съ нашими ничтожны, возникая чрезъ усиленный выпускъ казначействами бумажныхъ денегъ. Теперь не только каждая война, но даже опасенія оной ведутъ къ новымъ займамъ, которые заключаются съ большою легкостію. благодаря накопленію громадныхъ капиталовъ въ частныхъ рукахъ (особенно евреевъ), но которые падутъ тяжелымъ бременемъ на грядущія поколѣнія.

Ничего не можетъ быть безотраднѣе этой картины. Мы не раздѣляемъ оптимистическаго воззрѣнія Гефкена, который говоритъ, что «громадныя арміи новаго времени возникли не изъ любви къ игрѣ въ солдаты и не изъ каприза какой бы то ни было мощной воли, но вслѣдствіе того. что съ успѣхами цивилизаціи быстро ростутъ интересы требующіе защиты. Войны, въ которыхъ съ самаго начала сталкиваются сильныя

арміи, бываютъ почти всегда кратки» [1]). Эта восхваляемая краткость современныхъ войнъ не мѣшаетъ имъ быть тѣмъ разрушительнѣе и кромѣ того государства простираютъ свои заботы о внѣшней безопасности до того, что дойдутъ до полнаго банкротства, т. е. безумія. Вся эта система, построенная съ такою колоссальною односторонностію, исключительно на силѣ, безъ должнаго уваженія къ праву, заключаетъ въ себѣ самой осужденіе.

Къ 1877 г. европейскія государства расходовали въ мирное время 11.657 милліоновъ нѣмецкихъ марокъ [2]). Изъ этой суммы двѣ главныя статьи, далеко превосходящія всѣ остальныя, составляютъ: 1. уплаты процентовъ на займы и 2. военныя издержки.

Долги въ сложности достигаютъ 80 милліоновъ марокъ. На проценты по нимъ великія державы, за исключеніемъ Германіи и Пруссіи, платятъ *третью* часть всѣхъ собственно правительственныхъ расходовъ, Италія *половину* и даже Бельгія—30%.

На военныя силы (войско, крѣпости и флотъ) идутъ не менѣе баснословныя суммы; за вычетомъ первой приведенной нами статьи на нихъ тратятъ: Англія $^2/_3$ всѣхъ суммъ издерживаемыхъ правительствомъ [3]); Россія 60%; Франція почти 50%: Италія, Австрія и нѣмецкія государства отъ 35 до 46% и т. д. «Военные расходы показываютъ намъ, говоритъ Пфейферъ, подавляющее превосходство надъ всѣми прочими статьями. И это отношеніе усиливается годъ отъ году, потому что расходы на войско поднимаются въ постоянной прогрессіи. Уже теперь расходы на войско и флотъ поглощаютъ въ Европѣ

---

[1]) *Geffcken.* Das Problem des Volkerrechts въ Nord und Süd: 1879, November; S. 224.

[2]) *Pfeiffer.* Vergleichende Zusammenstellung der Europaischen Staatsausgaben. 2 Aufl. 1877. Нашъ рубль онъ равняетъ 3, 22 маркамъ

[3]) Впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что въ Англіи содержаніе арміи обходится дороже чѣмъ гдѣ бы то ни было, вслѣдствіе отсутствія конскрипціи и что многіе расходы, падающіе на континентѣ на правительства, несутся общинами (напр. по образованію и сооруженію дорогъ)

ежегодно *три милліарда!* Если подумать, что эти три милліарда гибнутъ совершенно непроизводительно, то нельзя не остановиться серьезно предъ господствующею у насъ военною системою [1]) и всѣмъ, что съ нею связано. Въ какомъ, совершенно иномъ, положеніи находилась бы наша культура, если бы даже хотя половина этой суммы употреблялась ежегодно на народное образованіе, развитіе искусства и науки и на поднятіе промышленности»!

Еще поразительнѣе будетъ результатъ, когда мы сложимъ суммы этихъ обѣихъ статей. Оказывается, что онѣ вмѣстѣ поглощаютъ отъ *половины* до *трехъ четвертей* всѣхъ правительственныхъ расходовъ: въ Англіи свыше 81%; въ Италіи почти 70%; во Франціи 68; въ Россіи 66: въ Австріи и Бельгіи 60; въ Баваріи и Пруссіи около 49 и т. д. Въ этомъ отношеніи исключеніе составляетъ опять Швейцарія, расходующая на обѣ эти статьи 22—25%.

Къ этимъ числамъ прибавлять нечего: въ результатѣ оказывается, что именно *великія державы* употребляютъ *весьма малыя части* своихъ бюджетовъ на удовлетвореніе *самыхъ главныхъ потребностей* государственной жизни. А развѣ это не доказываетъ всю неудовлетворительность политическаго строя съ внутренней и внѣшней стороны?

Сдѣланные нами выводы касаются только одной стороны: стоимости войнъ въ мирное время. Не менѣе интересно взглянуть на числа, которыя указываютъ на потери, причиняемыя войною непосредственно. И тутъ статистика дѣлаетъ намъ самыя внушительныя и печальныя предостереженія.

Извѣстный французскій экономистъ, *Лёруа-Больё*, въ своемъ сочиненіи о современныхъ войнахъ, даетъ намъ указанія какъ собирать метеріалы такой статистики. Каждая война въ дѣйствительности стоитъ гораздо болѣе, чѣмъ говорятъ обыкновенно оффиціальныя цифры, изображающія вызванныя ею потери. Надо помнить, что во 1-хъ, эти числа указываютъ намъ на людей убитыхъ на поляхъ сраженій или умершихъ отъ ранъ

[1]) Въ Швейцаріи, при существованіи милиціи, расходуютъ на войско въ два раза менѣе чѣмъ въ Германіи и Великобританіи и въ три раза менѣе, чѣмъ во Франціи.

скоро послѣ битвъ. Но сколько умираютъ еще потомъ, вслѣдствіе ранъ, понесенныхъ лишеній и вообще отъ потрясенія организма. Этого никто не знаетъ! Между тѣмъ каждая война въ значительной степени усиливаетъ смертность населенія [1]). Во 2-хъ. матеріальные убытки. причиняемые войною. мы узнаемъ изъ бюджетовъ и отчетовъ, печатаемыхъ государствами. Но кромѣ этихъ *прямыхъ убытковъ* есть еще много *косвенныхъ*. дѣлаемыхъ войною торговлѣ и промышленности, которые очень трудно опредѣлить. Война останавливаетъ въ цѣломъ производство. уменьшаетъ сбытъ и подрываетъ кредитъ [2]). Въ 3-хъ, война дѣйствуетъ болѣе или менѣе разрушительно на торговлю и благосостояніе нейтральныхъ государствъ [3]).

Леруа-Болье даетъ намъ точную, на оффиціальныхъ данныхъ основанную статистику войнъ, отъ крымской до американской и нѣмецкой включительно (1853—66 г.). За эти 14 лѣтъ война унесла *людьми:* 1.743,490 человѣкъ, а *капиталами:* 47 милліардовъ 830 милл. франковъ. Таковы положительныя и непосредственныя потери [4]).

Къ этимъ изслѣдованіямъ интересно прибавить статьи *Фовилля* «О стоимости войны [5]).» Онъ говоритъ лишь о двухъ

---

[1]) Дюпаскье видитъ въ громадныхъ арміяхъ нашего времени одну изъ причинъ вырожденія нашей расы. Этимъ слѣдовало бы заняться серьезно (Le crime de la guerre, p. 152).

[2]) Въ С. Штатахъ, по словамъ Дюпаскье, торговый флотъ уменьшился въ 1860—64 г. на $^2/_3$, потерявъ до 900 большихъ судовъ, проданныхъ иностранцамъ и особенно англичанамъ

[3]) Во время междуусобной войны въ Америкѣ населеніе Европы теряло въ годъ около 1 милліарда фр. на стоимость важномъ предметѣ какъ хлопокъ, ограничивъ на половину потребленіе его. Въ одной Англіи въ первый же годъ этой войны (1862) около $^3/_5$ всѣхъ работниковъ, занятыхъ его выдѣлкою (1.200,000 человѣкъ) остались безъ куска хлѣба (Dupasquier. Ib, p. 164 et 163).

[4]) *Leroy-Beaulieu.* Recherches économiques, historiques et statistiques sur les guerres contemporaines. 1869; p. 180—182.

[5]) *Foville.* Ce que coute la guerre, въ L'economiste français; 1880, 11 Sept., 23 Oct., 13 et 27 Nov.

наиболѣе гигантскихъ войнахъ послѣдняго времени: междуусобной въ Америкѣ (1861– 65) и франко-германской (1870—71). Первая по его расчету обошлась Америкѣ въ 50 милліардовъ франковъ [1]), а вторая стоила Франціи (съ потерею Эльзаса и Лотарингіи) 2½ милліона жителей и до 30 милліардовъ франковъ [2]).

Финансовыя послѣдствія для Россіи послѣдней войны съ Турціею (1877—78 г.) оказались также весьма чувствительны [3]), такъ что по росписи доходовъ и расходовъ на 1881 г.

---

[1]) Южные Штаты призвали къ оружію въ 1861—65 г. 1.124,000 чел. Изъ нихъ убитыхъ и изувѣченныхъ было не менѣе 660,000. То же слѣдуетъ сказать о Сѣверѣ, который вывелъ въ поле 2.653,000 чел.—Собственно сама война обошлась Сѣверу въ 4 милліарда долларовъ, но по расчету секретаря казначейства Шермана съ 1 іюля 1861 г. по 1 іюля 1879 г. капиталъ, поглощенный ею, и проценты, употребленные на его погашеніе, достигаютъ 6.190 милліоновъ долл., или 31 милліарда франковъ Производство хлопка упало съ 1.020 милл. килогр (1860 г.) на 63 милл. (1865) До войны долгъ не превышалъ 60 милл. долл., въ 1865 онъ достигъ 2.758 милл. долл., что требовало однихъ процентовъ 151 милл. долл. въ годъ. Съ баснословной быстротой совершилось погашеніе этого долга: въ 15 лѣтъ (до 1880 г.) на ⅔ Но къ концу столѣтія, въ виду наростающихъ процентовъ за періодъ его уплачиванія, можно будетъ сказать, что эта война обошлась Америкѣ въ 60 милліардовъ франковъ.

[2]) Съ іюля 1870 по іюнь 1871 Франція лишилась убитыми 150,000 чел. и изувѣченными 100,000. Кромѣ того, въ силу увеличившейся смертности въ 1870—71 г. въ ней умерло на полмилліона болѣе сравнительно съ предъидущими годами. Въ обѣихъ отнятыхъ у нея провинціяхъ она потеряла 1½ милл. жит. Капиталами же она лишилась отъ самой войны непосредственно до 14.638.098.814 фр. (изъ нихъ: контрибуція Германіи — 5 милліардовъ; процентовъ—301 милл.; контрибуція съ города Парижа 200 милл.—Во время войны. контрибуціи и пени 30 милл.; реквизиціи натурой 134 милл.; содержаніе и помѣщеніе солдатамъ 102; убытки отъ пожаровъ, грабежей и т. п. 393).

Въ добавокъ населеніе обременено новыми налогами на 10 милліардовъ. Бюджетъ Франціи возросъ въ 4 года (1876—79) на 190 милл. фр., что дѣлаетъ около 50 милл. въ годъ.

Германіи эта война обошлась болѣе 2 милліардовъ. Кромѣ того она повела къ усиленію въ ней соціализма.

[3]) Они выразились въ слѣдующемъ:

является дефицитъ въ 50 милл. рублей и оказывается, что *около трети расходной смѣты ассигнуется на потребности военнаго министерства.* Въ виду этого г. министръ Финансовъ, «считаетъ своимъ долгомъ выразить убѣжденіе въ *неотложной необходимости* принятія такихъ мѣръ, которыя могли бы содѣйствовать сокращенію средствъ, расходуемыхъ нынѣ страной для содержанія ея военныхъ силъ.»

Въ результатѣ мы видимъ, что современныя общества, промышленныя и основанныя на трудѣ, пришли къ сознанію, что миръ составляетъ одно изъ наболѣе главныхъ условій ихъ процвѣтанія, между тѣмъ государства, благодаря милитаризму все рѣшительнѣе преобразуются въ громадныя казармы. Военныя учрежденія до того поглощаютъ всѣ ихъ средства и силы, что для удовлетворенія остальнымъ потребностямъ народной жизни—у правительствъ не хватаетъ ни времени, ни средствъ. Фактически уже теперь второстепенныя государства почти не могутъ воевать, уступивъ эту привилегію державамъ, которыя располагаютъ милліонными арміями. Но этимъ державамъ жить вѣчно подъ ружьемъ не дозволятъ финансовыя средства.

Техническія усовершенствованія идутъ такъ быстро и поглощаютъ такіе капиталы, что не даромъ существуетъ мнѣніе, что война со временемъ сама себя убьетъ, поставивъ государ-

---

1. дефицитами (въ 1876 г. около 14 милл. р.; въ 1877 — 100 милл., въ 1878—27½ милл. р.);

2 чрезвычайными военными издержками, которыя съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1876 г. до 25 дек. 1877 дошли до 432½ милл. р.;

3. заключеніемъ трехъ займовъ въ 400 милл. (двухъ внутреннихъ въ 300 милл. и одного внѣшняго въ 100);

4. выпускомъ кредитныхъ билетовъ на 300 милл.;

5. возвышеніемъ нѣкоторыхъ налоговъ (напр. таможеннаго: отъ уплаты пошлинъ золотомъ, акциза съ табаку и даже обложенія налогомъ простой махорки);

6. паденіемъ курса нашего кредитнаго рубля (100 р. =203—197 и менѣе нѣм. мар.). Полуимперіалы достигли до 8 р. 60 к. с.

На Берлинскомъ конгрессѣ Россія заявила, что эта война стоила ей 988 милл. р., а къ декабрю того же 1878 г. эти расходы исчислены уже въ 2 милліарда рублей.

ства въ фактическую невозможность ее вести. Но пока мы дойдемъ до этого и во избѣжаніе банкротства, великія державы постараются истребить другъ друга и водворить надъ міромъ нѣчто въ родѣ общей диктатуры или гегемоніи. Тогда и новое человѣчество, подобно древнему, окончитъ свое существованіе *подъ ярмомъ внутренняго и внѣшняго деспотизма*, если ему не удастся *заблаговременно* и *общими усиліями* создать твердый юридическій порядокъ для своей коллективной жизни.

III.

Громадныя арміи нашего времени содержатся государствами, по ходячему мнѣнію, въ видахъ безопасности. Но при этомъ упускаютъ изъ виду, что именно онѣ питаютъ въ народахъ взаимное недовѣріе, раздражительность и страсть къ нападеніямъ [1]).

Ожиданія войны становятся такъ дороги, что имъ предпочитаютъ самую войну. Въ средніе вѣка, когда частныя лица ходили вооруженными, насилія между ними не прекращались, но возникали по поводу всякихъ пустыхъ столкновеній. То же можно сказать о народахъ. Разоруженіе для нихъ станетъ не только *возможностью*, но даже *обязанностію* съ того момента, какъ они положатъ основаніе международной организаціи, направленной главнымъ образомъ на предупрежденіе и пресѣченіе въ зародышѣ всѣхъ представляющихся между ними споровъ.

Это великое дѣло лежитъ до сихъ поръ исключительно на плечахъ *дипломатовъ*. Хотя мы далеки отъ мысли оспаривать

---

[1]) Въ этомъ согласны многіе серьезные умы. A large standing army, говоритъ Филдъ is not only the enormous burden that it has been described, but it is a provocative to war. (Intern. Code, p. 367). Keine Sophistik vermag die Wahrheit wegzuraumen, замѣчаетъ Фрикеръ, dass die Ausbildung und Zunahme des Militarwesens nicht den Frieden, sondern den Krieg befordert. Es ist fur sich selbst schon der Ausdruck eines feindlichen Gegensatzes und dieser Gegensatz wird durch die allgemeine Wehrpflicht noch verscharft, weil mehr und mehr in das Bewusstsein des ganzen Volkes ubertragen. (Tub. Zeitschr. 1872; S. 379).

ихъ заслуги въ цѣломъ по отношенію къ поддержанію мира между государствами. но должны сознаться, что считаемъ ихъ все менѣе и менѣе способными къ этому, не въ силу недостатковъ того или другаго лица и случайныхъ обстоятельствъ, а на основаніи внутренняго. такъ сказать органическаго несовершенства дипломатіи вообще.

Весьма многіе публицисты склонны преувеличивать значеніе и роль дипломатическихъ агентовъ и ожидать отъ нихъ всѣхъ благъ для международной жизни. По мнѣнію *Фрикера*, главное ихъ значеніе лежитъ не въ томъ, что они выступаютъ представителями своего правительства. а въ томъ, что выражаютъ своимъ присутствіемъ взаимный контроль, наблюденіе и воздѣйствіе одного государства надъ другимъ. Благодаря имъ, каждое изъ нихъ какъ бы присутствуетъ въ политическомъ центрѣ другаго; между всѣми установляется постоянный обмѣнъ мыслей и такимъ образомъ,. хотя фактически, восполняется недостатокъ объединяющей ихъ организаціи [1]).

Гольцендорфъ величаетъ даже посланниковъ «сановниками международной справедливости», которые призваны содѣйствовать развитію международнаго права и сознанія въ цивилизованныхъ государствахъ соединяющей ихъ общности интересовъ [2]).

Въ этихъ и подобныхъ заявленіяхъ нельзя не видѣть нѣкоторой иллюзіи.

Въ историческомъ развитіи международнаго союза повторяется, относительно установленія его органовъ и функцій ихъ, то же самое явленіе, которое мы можемъ наблюдать въ жизни человѣческихъ союзовъ вообще; съ осложненіемъ ихъ задачъ, выдѣляются новые органы съ спеціальнымъ назначеніемъ для каждой изъ нихъ.

Въ этомъ сказывается великій принципъ раздѣленія труда. благодаря которому человѣчество, во всѣхъ сферахъ дѣятельности и творчества, достигаетъ такихъ поразительныхъ ре-

---

[1]) A. a. O. S. 373.

[2]) Principien der Politik; S. 218.

зультатовъ. Первоначально всѣ сношенія между народами, когда они были просты и не сложны, происходили чрезъ дипломатическихъ агентовъ. Постепенно государства стали забирать въ свои руки, слѣдуя потребностямъ жизни, консуловъ. Явилась необходимость болѣе точнаго разграниченія сферъ дѣятельности между этими двумя классами органовъ. Въ посланникахъ или дипломатическихъ агентахъ вообще справедливо увидѣли представителей по преимуществу чисто *политическихъ интересовъ* государствъ; консуламъ поставлено въ специальную обязанность охраненіе и содѣйствіе *соціальнымъ интересамъ* между народами или подданными.

Проф. *Мартенсъ*, указывая на это различіе, называетъ эти органы международными администраторами, говоря, что ими исчерпывается «вся область международныхъ отношеній». Въ посланникахъ онъ видитъ «самое рельефное выраженіе понятія международнаго общенія, изъ котораго логически вытекаетъ существо международной администраціи» [1]).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о вѣрности такой идеи объ администраціи, въ области собственно международныхъ сношеній, мы, вполнѣ принимая его дѣленіе органовъ этихъ сношеній, говоримъ, что оно недостаточно: общеніе есть принципъ не администраціи, а права. По мѣрѣ того какъ право становится основною нормою во внутренней жизни государствъ, является необходимость, какъ мы уже говорили, признать юридическій порядокъ и для ихъ внѣшней жизни. Поэтому рядомъ съ органами для чисто-политическихъ задачъ (дипломатическіе агенты) и для вопросовъ соціальныхъ или общественныхъ (консулы) должны быть созданы органы для права.

Посланники безспорно проложили путь принципу общенія, но въ области политики, въ которой право является не са-

[1]) О консулахъ; стр. 30, 32, и 21. Подъ администраціею онъ понимаетъ „управленіе государствомъ всѣми подвластными ему отношеніями“ и отличаетъ ее только отъ законодательныхъ функцій (стр. 22). Намъ кажется вѣрнѣе замѣнить ее *политикою*

мостоятельнымъ и духовнымъ началомъ народной жизни, а чѣмъ-то случайнымъ, отрывочнымъ и смутнымъ.

Получаемое ими образованіе, а еще болѣе среда окружающая ихъ дѣятельность, расчитаны обыкновенно болѣе на поверхностность и внѣшній блескъ, нежели на солидность и серьезность. Лишенные часто основательнаго знакомства съ ввѣряемыми имъ дѣлами, безъ твердости характера и убѣжденій въ нравственномъ отношеніи, дипломаты въ своемъ ослѣпленіи полагаютъ, что они творятъ исторію и играютъ преданіями и желаніями народовъ нерѣдко по произволу сильныхъ міра сего, отъ которыхъ впрочемъ они поставлены въ большую зависимость.

Но помимо этихъ недостатковъ есть другая, болѣе главная причина, дѣлающая изъ дипломатовъ весьма смутный органъ для распознанія и развитія права: дипломаты служатъ не только *правительствамъ*, которыя ихъ назначаютъ, но и *специальнымъ интересамъ конкретнаго государства*. Благо послѣдняго для нихъ верховный законъ. Такъ и должно быть, но отсюда слѣдуетъ то, что международное право по природѣ составляетъ для нихъ нѣчто придаточное, по стольку лишь реальное, по скольку оно по ихъ мнѣнію и по волѣ владыкъ, которымъ они служатъ, совпадаетъ съ интересами ихъ государства, или, говоря точнѣе, владычествующей въ данный моментъ партіи. Мы не отвергаемъ факта, что успѣхи государственной жизни возвышаютъ цѣли, преслѣдуемыя дипломатами, и плодотворно отражаются на ихъ дѣятельности въ пользу мира и политическаго благосостоянія народовъ, но мы утверждаемъ, что именно опытъ исторіи показываетъ намъ, что, съ развитіемъ правосознанія въ послѣднихъ, все ярче выступаетъ неспособность дипломатовъ служить священнымъ началамъ права

Путь ими излюбленный слагается изъ ряда компромиссовъ Чрезъ это имъ удается смягчать личныя претензіи и щепетильности, находить среднее рѣшеніе между противоположными требованіями, даже иногда предотвращать войны. Но съ другой стороны, сколько новыхъ замѣшательствъ и ослож-

неній споровъ между народами вызываютъ ихъ непрямота и склонность къ интригамъ. Какъ печальны и поучительны уроки, даваемые намъ даже исторіею послѣднихъ лѣтъ: дипломатія Англіи создала алабамское дѣло, которое она не съумѣла распутать;—Франціи—увлекла ее въ послѣднюю войну 1870—71 года, не найдя для нея ни одного союзника;—Россіи—должна была отказаться на Берлинскомъ конгрессѣ отъ многаго, добытаго русскою кровью. Успѣхи же, одерживаемые ею иной разъ, не лучше неудачъ, будучи сопровождаемы насиліями и хитростями то явными, то скрытыми.

Словомъ, давно пора для права создать независимый органъ и особенно стоящій внѣ всякихъ теченій практической политики. Тогда и характеръ дипломатіи глубоко измѣнится къ лучшему.

Но практическіе государственные люди [1]) между возраженіями противъ международнаго суда приводятъ и то соображеніе, что опасно государствамъ довѣрять свои высшіе интересы и разборъ возникающихъ между ними споровъ частнымъ лицамъ, не знакомымъ съ природою и ходомъ политическихъ дѣлъ.

На это мы скажемъ, что учрежденія въ свою очередь оказываютъ большое вліяніе на людей, и Блюнчли высказалъ глубокую мысль, что каждой должности присущъ извѣстный, такъ сказать, психическій принципъ, который кладетъ свою печать на занимающія ее лица [2]). На новыя потребности всегда откликнутся новые люди. Чѣмъ они значительнѣе, тѣмъ сложнѣе должны быть и учрежденія, призванныя имъ служить, тѣмъ строже и тщательнѣе долженъ быть выборъ лицъ, имѣющихъ въ нихъ поступать. Ничто не мѣшаетъ государствамъ требовать отъ членовъ международнаго суда высокой

---

[1]) Пальмерстонъ въ отвѣтѣ Кобдену въ 1849 г. по поводу межд. трет. суда; гр. Мольтке въ недавнемъ письмѣ къ одному русскому относительно кодекса законовъ войны изд. Институтомъ.

[2]) Nicht allein der Mensch, welcher in dem Amte wirkt, das Amt selbst hat in sich eine psychische Bedeutung, es lebt in ihm ein *seelisches Prinzip*. (Lehre vom mod. Stat; I, 20).

степени умственнаго и нравственнаго развитія. Опытность дастся имъ жизнію. Внѣ политическихъ вліяній они будутъ болѣе способны. чѣмъ существующіе органы сношеній между народами, къ отысканію и опредѣленію права, а чрезъ это и къ служенію настоящимъ и прочнымъ интересамъ государствъ. Ошибки, въ которыя они могутъ впадать, не будутъ имѣть для послѣднихъ того роковаго и кроваваго характера, которымъ отмѣчаются происки дипломатовъ и войны.

Вмѣсто того, чтобы ломать себѣ голову надъ возможными недостатками учрежденія еще не существующаго и которые съ теченіемъ времени всегда могутъ быть, по указаніямъ опыта. смягчены и устранены.—лучше серьезно подумать какъ очистить путь для такого учрежденія, которое, какъ международный судъ. настоятельно требуется теоретическими и практическими условіями государственнаго строя нашего времени.

ГЛАВА III.

УСТРОЙСТВО И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНАГО СУДА.

Общія начала —Составъ —Вѣдомство.—Производство —Рѣшеніе —Обжалованіе.—Санкція.

Международный судъ, будучи не политическимъ собраніемъ и не коллегіею ученыхъ, а высшимъ и совершеннѣйшимъ на землѣ органомъ права. подчиняется, относительно своего устройства и дѣятельности. основнымъ принципамъ современнаго процесса. по скольку эти принципы приложимы къ своеобразнымъ и сложнымъ спорамъ между государствами.

I.

Общія начала.

Какова ни была бы организація международнаго суда въ основаніе ея должны быть положены слѣдующія общія начала:

1. *Независимость суда*. Безъ этого основнаго условія правосудіе немыслимо, обращаясь въ комедію недостойную священнаго характера справедливости. Суды внутри государствъ отдѣлены отъ всѣхъ остальныхъ органовъ верховной власти (законодательной, административной и исполнительной) и поставлены въ прямую зависимость только отъ закона.

Въ международной области судъ долженъ быть равно независимъ какъ отъ *сторонъ*, дѣло конхъ онъ разбираетъ. такъ и отъ всякихъ *политическихъ теченій* и *мнѣній* вообще. Это условіе одно способно поддержать его на уровнѣ того громаднаго нравственнаго авторитета, который долженъ выпасть на его долю ради успѣшности его дѣйствій.

Независимость суда есть только практическій выводъ изъ того положенія правовой теоріи, что само право не есть лишь продуктъ государства, но самостоятельное начало въ жизни народовъ.

2. *Коллегіальность*. Если почти повсюду при устройствѣ судовъ дается перевѣсъ началу коллегіальному надъ единоличнымъ, то это правило тѣмъ болѣе примѣнимо къ международному суду. По степени важности разбираемыхъ дѣлъ засѣданія его составляются изъ 3, 5, 7 и т. д. нечетнаго числа судей, во избѣжаніе равнаго раздѣленія голосовъ.

3. *Устность и состязательность* производства могутъ быть приняты только отчасти. По характеру споровъ между государствами устныя пренія между ихъ представителями на судѣ могутъ быть, въ видахъ разъясненія дѣла полезны; но съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что главный матеріалъ для своего сужденія судъ будетъ черпать изъ письменныхъ документовъ.

4. *Публичность* заслуживаетъ рекомендаціи и для международнаго суда, будучи, особенно среди образованнаго общества, нравственнымъ контролемъ со стороны публики, но суду предоставляется право, въ важныхъ случаяхъ или когда возбуждены политическія страсти, назначать по своему усмотрѣнію тайныя засѣданія.

5. *Началу двухъ инстанцій* удерживается. Вторая разбираетъ дѣло, обжалованное стороною на основаніи юридическихъ мотивовъ. Обѣ инстанціи составляютъ извѣстное отдѣленіе суда. Но до разбора дѣла второю инстанціею судъ in pleno кассируютъ состоявшееся рѣшеніе, по жалобѣ одной изъ сторонъ въ опредѣленный срокъ.

6. Судъ дѣлится на *департаменты* по характеру международныхъ дѣлъ.

II.

Составъ. Весьма трудно будетъ организовать международный судъ въ началѣ. Только время можетъ доставить потребное число лицъ, подготовленныхъ къ занятію въ немъ мѣста строгимъ

и продолжительнымъ искусомъ въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ.

Въ дѣлѣ *назначенія* судей придется со временемъ выбирать между двумя системами: или даровать самому суду право восполнять открывающіяся въ немъ вакансіи, или предоставить это правительствамъ.

Первая система [1]) имѣетъ за себя то преимущество, что даетъ суду бо́льшую внутреннюю независимость, но правительства будутъ относиться къ такому собранію съ меньшимъ довѣріемъ и охотою, если еще они дадутъ на нее согласіе.

Мы полагаемъ, что по практическимъ основаніямъ надо предпочесть вторую изъ названныхъ системъ. Когда въ народахъ утвердится довѣріе къ суду и выработается настоящая судебная практика можно будетъ обратиться къ первой системѣ.

Выборъ и назначеніе судей обставляются всевозможными гарантіями.

Въ силу основнаго принципа равенства между государствами, всѣ они имѣютъ право назначать одинаковое число судей. Государства небольшія, если желаютъ, могутъ не пользоваться этимъ правомъ, но ихъ голосъ не передаваемъ. Международный судъ не долженъ быть многоголовымъ и шумнымъ собраніемъ, но имѣть въ своей средѣ *не менѣе двухъ членовъ* отъ каждаго самостоятельнаго и признаннаго государства Полусамостоятельныя государства не имѣютъ голоса, сложныя или федераціи считаются за одинъ политическій союзъ. Принимая въ Европѣ, за исключеніемъ Турціи, 18 государствъ [2]), а въ Америкѣ 12 [3]), мы получаемъ 60 судей.

---

[1]) За нее стоитъ особенно *Lacombe*. Mémoire sur l'établissement d'un tribunal international et la rédaction d'un code international, въ книгѣ Маркоартю, Internationalism.

[2]) Англія, Франція, Италія, Германія, Австрія, Россія, Испанія, Бельгія, Швейцарія, Голландія, Швеція, Данія, Португалія, Греція, Румынія, Сербія, Черногорія и Болгарія (предполагая, что она въ скоромъ времени станетъ вполнѣ независимою).

[3]) С Штаты, Мексико, Центральная Америка, Бразилія, Венезуэла, Колумбія, Эквадоръ, Перу, Чили, Аргентинская республика, Уругвай и Парагвай.

Само назначеніе есть сложный актъ: между лицами, удовлетворяющими условіямъ для занятія этого высшаго поста, выбираютъ кандидатовъ академіи и юридическіе факультеты университетовъ, либо совмѣстно, либо по извѣстной очереди. Они вносятъ опредѣленное ихъ число въ списки, которые представляютъ съ мотивами министру юстиціи. Послѣдній, ознакомившись съ этими рекомендаціями, а еще лучше съ лицами, о которыхъ идетъ рѣчь, представляетъ двухъ или, смотря по обстоятельствамъ, одного изъ нихъ на утвержденіе верховной власти. Мыслимы конечно и иныя комбинаціи и это дѣло внутреннихъ законовъ государствъ опредѣлить поскольку въ актѣ назначенія участвуютъ палаты. Во всякомъ случаѣ ихъ вліяніе, какъ политическихъ собраній, не должно быть велико.

Когда со временемъ организуются на новыхъ началахъ *международные конгрессы*, назначеніе судей должно быть предоставлено имъ, а не отдѣльнымъ правительствамъ.

Лица, желающія занять мѣсто въ международномъ судѣ, должны удовлетворять весьма строгимъ требованіямъ, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

Отъ нихъ требуется не только все, что нужно для лицъ судебнаго вѣдомства вообще (отсутствіе тѣлесныхъ недостатковъ, неопороченная честь, окончаніе съ успѣхомъ полнаго курса юридическихъ наукъ), но и спеціальная, въ научномъ и практическомъ смыслѣ, подготовка. По выходѣ изъ университета они (года четыре) изучаютъ подъ руководствомъ лучшихъ спеціалистовъ *государственныя науки*, въ особенности: государственное право (сравнительное главныхъ народовъ Европы), политику, международное право (публичное и частное, теоретическое и практическое) и политическую исторію съ Вестфальскаго мира. По окончаніи этихъ спеціальныхъ занятій они сдаютъ особый экзаменъ въ коммиссіяхъ, составляемыхъ по назначенію министра юстиціи на половину изъ государственныхъ сановниковъ извѣстныхъ своимъ юридическимъ образованіемъ и профессоровъ или академиковъ спеціалистовъ. Эти коммиссіи выработываютъ программы занятій для лицъ, под-

вергающихся ихъ испытанію, и заботятся объ открытіи для нихъ особыхъ курсовъ, въ предѣлахъ принятыхъ ими программъ.

За этимъ идетъ *практическій* періодъ подготовки. Онъ продолжается также года четыре. Кандидаты поступаютъ въ секретари при международномъ судѣ или несутъ всякую другую службу способную ознакомить ихъ съ характеромъ и ходомъ государственныхъ дѣлъ на практикѣ. Во всякомъ случаѣ имъ должны быть доступны всѣ роды службы и мы полагаемъ, что государство только выиграетъ отъ увеличенія контингента людей съ такою дѣльною подготовкою.

Въ *нравственномъ* отношеніи они должны отличаться самою строгою и неподкупною честностью, обладать характеромъ твердымъ и полнымъ безпристрастіемъ къ лицамъ и вещамъ. Словомъ, къ нимъ приложимы требованія, которыя выставляетъ *Гефтеръ* для дипломатовъ: честность и правдивость, мужество въ отстаиваніи справедливости, недоступность къ подкупамъ всякаго рода и полная преданность своему служенію [1]).

Наконецъ, лица назначаемыя въ судьи должны имѣть вполнѣ зрѣлый *возрастъ*, быть не моложе 35 лѣтъ [2]).

Высотѣ этихъ требованій соотвѣтствуетъ привилегированность положенія судей: они не смѣняемы. Удалить ихъ можетъ только судъ, въ рѣшеніи, которое должно состояться in pleno. Недовольное ими правительство обращается съ этою жалобою въ судъ. По достиженіи судьями 65—70 лѣтъ они приглашаются судомъ къ сложенію своей должности. Замѣстители допускаются только на случай болѣзни и въ теченіи опредѣленнаго срока. Судьи получаютъ всѣ равное содержаніе, въ такой суммѣ, что она превосходитъ высшіе въ государствахъ оклады. Это содержаніе послѣ 25 лѣтней службы они удерживаютъ до смерти. Но пока они на службѣ къ ихъ жалованію ничего не прибавляется изъ пенсіи. Послѣдняя выдается въ извѣстной пропорціи ихъ вдовамъ и сиротамъ.

---

[1]) Volkerrecht. § 232 (6 Aufl.).

[2]) Возрастъ принятый въ Германіи для членовъ высшаго имперскаго суда.

Затѣмъ члены суда не должны получать никакихъ отличій въ видѣ орденовъ, чиновъ, имѣній и даже подарковъ.

Съ ихъ должностью никакая другая не совмѣстима.

III.

Вѣдомство. Международный судъ есть по составу *постоянное* учрежденіе, но онъ засѣдаетъ по мѣрѣ надобности.

На основаніи принципа суверенитета это вполнѣ судъ *добровольный:* государства обращаются къ нему по своему усмотрѣнію, но, обратившись къ нему, они *юридически* принимаютъ на себя *обязанность* повиноваться его рѣшеніямъ по скольку оно состоялось въ *предѣлахъ права* (т. е. международнаго и процессуальнаго).

Изъ этого ясно, что международный судъ не представляетъ самъ по себѣ ничего особенно новаго или страшнаго: онъ вытекаетъ изъ тѣхъ же самыхъ условій и соображеній, которыя чаще и чаще въ наше время заставляютъ государства предпочитать третейское разбирательство изворотамъ дипломатіи и опустошеніямъ войны. Но онъ обращаетъ неопредѣленный, отъ случая къ случаю дѣйствующій, третейскій судъ въ учрежденіе постоянное, управляемое юридическими принципами и дающее относительно своихъ членовъ всѣ желательныя гарантіи.

Выгода, которая отсюда произойдетъ, бросается въ глаза: при настоящихъ условіяхъ, государство, первое заговорившее о третейскомъ судѣ, легко можетъ навлечь на себя подозрѣніе либо въ слабости и неподготовленности къ войнѣ, либо въ неувѣренности въ правотѣ собственнаго дѣла. При существованіи уже спора бываетъ весьма трудно достичь соглашенія съ противникомъ относительно состава и компетенціи третейскаго суда. Чѣмъ споръ важнѣе или сильнѣе, тѣмъ это препятствіе значительнѣе. Вотъ почему третейская юрисдикція вызываетъ мало довѣрія въ средѣ людей практики и не прилагается къ спорамъ болѣе серьезнымъ, т. е. тамъ, гдѣ сила права особенно требуется. Судей же способныхъ и свѣдущихъ

взять не откуда: частныя лица, говорятъ, не знакомы то съ теоріею, то съ практикою государственныхъ дѣлъ: правительства же либо навлекаютъ на себя подозрѣніе въ пристрастіи, либо сами не хотятъ компрометировать свой авторитетъ участіемъ въ чужой ссорѣ, которая можетъ завлечь ихъ въ непредвидѣнныя и непріятныя замѣшательства. Безспорно это неурядица часто на руку злой волѣ народовъ и правителей, но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что она поддерживается несовершенствомъ юридическаго порядка, къ устраненію котораго должно всячески стремиться право.

Международный судъ не удалитъ изъ міра злую волю, но мало по малу создастъ правильную юрисдикцію для тѣхъ, кто *на самомъ дѣлѣ* и *добросовѣстно* будетъ желать мира.

Мы сказали, что эта юрисдикція добровольная. Это не должно однако препятствовать государствамъ сперва въ *частныхъ*, а потомъ въ *общихъ* соглашеніяхъ высказывать для себя *обязанность* въ извѣстныхъ случаяхъ обращаться къ международному суду. Къ этому приведутъ ихъ даже соображенія ихъ собственныхъ интересовъ. Такимъ способомъ, ходомъ самой жизни, опредѣлится кругъ его вѣдомства: съ рѣдкихъ и маловажныхъ случаевъ въ началѣ, онъ постепенно обниметъ все большую и большую массу дѣлъ.

Вѣдомство международнаго суда подлежитъ опредѣленію въ двоякомъ отношеніи: въ *территоріальномъ* и по *роду* самихъ дѣлъ.

Относительно перваго пункта слѣдуетъ замѣтить, что его дѣятельность простирается *только на государства Европы и Америки* и притомъ лишь на отношенія между этими государствами, а не между ними и территоріями Азіи и Африки. Словомъ, область его примѣненія очерчивается дѣйствіемъ положительнаго европейскаго международнаго права и будетъ съ нимъ вмѣстѣ расширяться. Поскольку деспоти Азіи *наперегъ* обязуются повиноваться началамъ этого права и будутъ ихъ прилагать, по столько компетенція международнаго суда можетъ распространяться и на нихъ. Но это расширеніе повлечетъ къ умноженію членовъ суда, а можетъ быть (что нам,

кажется лучше) къ созданію особыхъ судовъ по частямъ свѣта.

Что касается до рода дѣлъ, подлежащихъ разбирательству, то изъ нихъ должны быть совершенно исключены всѣ внутреннія дѣла государствъ. Лишь *внѣшнія ихъ отношенія* составляютъ предметъ вѣдѣнія суда. При этомъ его оцѣнкѣ и разбирательству подлежитъ *только ихъ одна юридическая сторона*. Другими словами, судъ разбираетъ лишь такіе споры и тѣ стороны въ нихъ, которыя, на основаніи положительнаго международнаго права или новыхъ соглашеній между спорящими, поддаются объективной, юридической оцѣнкѣ.

По самому характеру международныхъ дѣлъ судъ распадается на *четыре департамента* (что не мѣшаетъ по мѣрѣ надобности увеличить ихъ число). Члены суда распредѣляются между ними не поровну, а по мѣрѣ накопленія дѣлъ въ томъ или иномъ департаментѣ. Вообще это дѣленіе имѣетъ чисто практическое значеніе и не должно подрывать высшаго единства суда. Въ случаѣ надобности члены изъ одного департамента могутъ быть привлекаемы къ содѣйствію членамъ другаго.

Эти отдѣленія суда слѣдующія:

1. *Департаментъ дипломатіи* разсматриваетъ споры, возникающіе изъ столкновеній между различными органами сношеній между народами (дипломатическими агентами вообще, консулами, коммиссарами), о нарушеніи этими лицами ихъ обязанностей съ точки зрѣнія международнаго права и т. д. Онъ же занимается толкованіемъ трактатовъ и спорныхъ въ нихъ пунктовъ.

2. *Департаментъ военныхъ и морскихъ дѣлъ* особенно необходимъ въ наше время. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о законности войны, онъ надзираетъ за соблюденіемъ воюющими Женевской конвенціи и тѣхъ общихъ началъ военнаго права, которыя признаются европейскими государствами въ какой бы то ни было формѣ (трактатовъ, декларацій или обычаевъ). По *морскимъ* дѣламъ судъ вѣдаетъ всѣ споры о призахъ, о нарушеніи нейтралитета и жалобахъ частныхъ лицъ на убытки, причиненные имъ вслѣдствіе нарушенія этихъ началъ.

3. *Департаментъ частнаго международнаго права* рѣшаетъ въ юридическомъ отношеніи наиболѣе сложные и деликатные вопросы: о столкновеніи гражданскихъ и уголовныхъ законовъ различныхъ государствъ. Ему предлежитъ разсмотрѣніе юридической обязательности актовъ, совершенныхъ законно въ одной сторонѣ, но оспариваемыхъ, также на основаніи закона, въ другой, силы судебныхъ рѣшеній на иностранной территоріи и т. д.

Этотъ же департаментъ разбираетъ въ высшей степени важные и въ наше время жгучіе споры о выдачѣ преступниковъ вообще и чинитъ судъ надъ политическими преступниками и анархистами, отвергающими всякій общественный строй между людьми. Государство, потерпѣвшее отъ дѣйствій этихъ разбойниковъ, обращается къ странѣ, въ которой они укрылись и съ документами въ рукахъ требуетъ ихъ выдачи. Политическія страсти воспламеняются по сю и по ту сторону. Убѣдившись въ основательности требованія о выдачѣ, второе государство обязано препроводить обвиненныхъ международному суду, который разсмотрѣвъ ихъ дѣянія. съ полнымъ безпристрастіемъ постановляетъ приговоръ на основаніи началъ государственнаго и международнаго права, давая въ случаѣ коллизіи перевѣсъ послѣднимъ. Относительно же обыкновенныхъ тяжкихъ преступниковъ судъ расматриваетъ только прения о ихъ выдачѣ, предоставляя собственно судъ надъ ними ихъ отечественному государству.

4. *Департаментъ соціальнаго международнаго права.* Къ нему относятся такіе споры, которые имѣютъ не политическій характеръ. не касаются отдѣльныхъ частныхъ лицъ, но которые возникаютъ собственно изъ *общественныхъ* задачъ государствъ и притомъ задачъ не узко-*національнаго*, а *міроваго* характера. Это новѣйшій видъ отношеній, призванный въ будущемъ къ громадному развитію. Сюда относятся: охраненіе почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній, какъ въ мирное, такъ и въ военное время; общихъ великихъ артерій международныхъ путей (желѣзныхъ, рѣчныхъ, каналовъ и свободы морей); мѣры противъ повальныхъ болѣзней; нарушенія литературной

и художественной собственности, фабричныхъ клеймъ и т п.

Мы перечислили бѣгло главные пункты столкновеній между народами. которые способны для юридической формулы. Очевидно однако, что при теперешнихъ условіяхъ, для обсужденія многихъ изъ нихъ, судъ не будетъ имѣть положительной, реальной почвы подъ ногами и ему придется особенно часто въ началѣ отказываться въ такихъ случаяхъ отъ постановленія приговора. Вотъ почему *разбирательство споровъ* составляетъ лишь одну сторону его дѣятельности; другая не менѣе важная заключается *въ содѣйствіи къ изданію международныхъ законовъ* и ихъ *кодификаціи.*

Мы касаемся этимъ одного изъ наиболѣе распространенныхъ возраженій противъ международнаго суда. Такой судъ, говорятъ, невозможенъ, потому что нѣтъ законовъ, которыми онъ могъ бы руководиться. За ихъ отсутствіемъ онъ будетъ судить по шаткой и смутной внутренней справедливости, по соображеніямъ политики, по идеямъ нравственности, по чему угодно, только не по положительному праву. Намъ нужна не юрисдикція, а юстиція, т. е. судъ въ связи съ законодательною и исполнительною властями. Разсуждающіе подобнымъ образомъ прежде всего вращаются въ безвыходномъ кругѣ: судъ не возможенъ, потому что нѣтъ законовъ, говорятъ они, но и законы излишни, потому что нѣтъ суда для ихъ примѣненія.

Къ счастію, человѣчество движется впередъ вопреки «Non possumus» и «jamais», бросаемымъ ему въ ноги деспотами различнаго рода!

Даже при существующихъ условіяхъ, несмотря на отсутствіе спеціальнаго органа для международнаго права. стараніями дипломатовъ введены нѣкоторыя *общія начала*, которыя можно считать первыми зародышами для будущей кодификаціи этого права. Но для того, чтобы оно развивалось практически и послѣдовательно изъ жизни, нуженъ органъ. который стоялъ бы *живымъ, посредствующимъ звеномъ между сознаніемъ человѣчества и теоріею.* Въ этомъ—главная, *творческая* роль суда. Изъ юрисдикціи только, путемъ долгихъ и самыхъ серьозныхъ усилій, можетъ вырости и сложиться юстиція, приспособленная

къ потребностямъ жизни, а не измышленная по отвлеченнымъ категоріямъ разума.

Въ этомъ насъ убѣждаетъ исторія процесса. Обращая вниманіе на судьбы древне-германскаго, а еще болѣе римскаго процесса, мы замѣчаемъ, какъ судебная практика постепенно разработывала и формулировала матеріалъ права, лежавшій въ сознаніи народномъ, чрезъ это вызвала его отдѣленіе отъ религіи и нравственности и содѣйствовала его сложенію въ объективную систему правосудія [1]).

Если это вѣрно съ одной стороны, а съ другой, если мы видимъ на успѣхахъ морскаго права въ средніе вѣка и международнаго въ новое время, что право можетъ быть произведеніемъ многихъ народовъ и что оно, выростая безъ особаго участія со стороны верховной власти, не воспринимаетъ почти никакихъ слѣдовъ національности, но тѣмъ не менѣе становится положительнымъ вслѣдствіе добровольнаго и непринужденнаго подчиненія ему народовъ [2]),—если все это подтверждается фактами, то нѣтъ основанія предполагать, чтобы юрисдикція не оказала на международное право того же самаго дѣйствія какое она имѣла на право гражданское.

И здѣсь судъ долженъ будетъ отыскивать въ притязаніяхъ сторонъ юридическіе элементы, облекать на сколько возможно эти притязанія въ формы процесса, т. е. спора о правѣ и подводить его подъ конкретные юридическіе принципы для установленія между сторонами новыхъ, на правѣ основанныхъ отношеній.

Въ силу этого, судъ прежде всего прилагаетъ существующее право, но, при замѣчаемыхъ имъ пробѣлахъ и противорѣчіяхъ въ немъ, заботится о составленіи, по указаніямъ и потребностямъ жизни, *проектовъ новыхъ международныхъ законовъ*, которые онъ тщательно выработываетъ при содѣйствіи, если нужно компетентныхъ и наиболѣе просвѣщенныхъ государственныхъ людей и юристовъ и препровождаетъ ихъ затѣмъ съ подроб-

---

[1]) *Малышевъ.* Курсъ гражданскаго судопроизводства; I, 39 сл.

[2]) *Каченовскій.* Курсъ международнаго права, II, 331.

ными мотивами на разсмотрѣніе и утвержденіе правительствъ [1]). Въ этой плодотворной дѣятельности главнымъ пособникомъ его является Институтъ международнаго права, отъ котораго онъ отличается лишь большимъ практическимъ направленіемъ при формулированіи юридическихъ идей, преслѣдуя однако ту же цѣль, которую ставитъ себѣ въ своемъ девизѣ Институтъ: служить справедливости и миру.

Рядомъ съ вопросами, поддающимися юридической формулѣ, остаются наиболѣе важные и жгучіе споры между государствами, въ которыхъ, по выраженію публицистовъ, идетъ рѣчь о существованіи, независимости и національной неприкосновенности государствъ, словомъ о такихъ правахъ ихъ, которыя, не будучи отчуждаемы, не составляютъ предметъ оборота [2]).

Съ успѣхами международной юстиціи, область этихъ правъ будетъ естественно съуживаться: государства придутъ къ сознанію, что *юридическое* (а не политическое) *опредѣленіе* и *ограниченіе ихъ самодержавія есть лучшее его упроченіе*. Но до этого момента, еще далеко, а пока можно рекомендовать слѣдующія общія положенія: 1. по скольку рѣчь идетъ объ этихъ правахъ въ приложеніи ихъ къ внутреннимъ дѣламъ государствъ, никакой судъ, какъ мы сказали, не компетентенъ; 2. народы всегда удерживаютъ право отразить всякое нападеніе на ихъ территорію безъ обращенія къ юстиціи и 3. при возникновеніи споровъ объ этихъ правахъ въ области внѣшней политики, судъ, по желанію сторонъ, беретъ на себя роль посредника, который не постановляетъ рѣшенія, но даетъ благожелательные совѣты, въ видахъ смягченія односторонніхъ претензій спорящихъ. Такія же мнѣнія онъ имѣетъ всегда право

---

[1]) Мы противъ сліянія различныхъ функцій въ рукахъ одного собранія, а потому полагаемъ, что *окончательная редакція* такихъ законовъ должна принадлежать конгрессамъ, организованнымъ на иныхъ, сравнительно съ современными, началахъ

[2]) *Pierantoni* Storia del diritto internazionale nel secolo XIX 1876; p 538. Въ этомъ сочиненіи онъ отводитъ много мѣста развитію идеи мира. Ратуя за кодификацію, онъ высказывается противъ постояннаго суда въ области международной.

высказывать по всѣмъ международнымъ спорамъ вообще и въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны предпочтутъ обойтись безъ него. Словомъ, онъ не долженъ пропускать ни одного случая, который, по его мнѣнію, можетъ содѣйствовать либо выясненію, либо развитію началъ международнаго права.

IV.

Производство

Международный судъ имѣетъ постоянное мѣстопребываніе въ *Брюсселѣ*, но отдѣленія его при разбирательствѣ могутъ въ практическихъ видахъ, чтобы быть ближе къ спорящимъ, избирать наименѣе отдаленную отъ нихъ *нейтральную страну* или такой *городъ* въ ней, который, не будучи столицею, представляетъ однако всѣ удобства по сообщеніямъ и своимъ умственнымъ средствамъ. Впрочемъ судъ всегда воленъ избрать и измѣнить это временное мѣсто для своихъ ассизъ.

Оффиціальный *языкъ* суда—французскій. На немъ представляются документы и происходятъ пренія. Допустить на его засѣданіяхъ многоязычіе, весьма неудобно въ *практическомъ* отношеніи. Необходимо, чтобъ его члены могли въ совершенствѣ передавать свои мысли, но этого нельзя отъ нихъ требовать, когда имъ пришлось бы говорить, читать и выслушивать рѣчи, хотя бы на четырехъ, наиболѣе распространенныхъ языкахъ Европы: французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ. Изучить же рядомъ съ отечественнымъ языкомъ вполнѣ хорошо одинъ иностранный не представляетъ затрудненій.

Судъ пользуется полною внутреннею автономіею. Онъ самъ избираетъ себѣ *президента* (тайнымъ голосованіемъ) на 3 года и назначаетъ секретарей, библіотекарей и архиваріусовъ. Въ *секретари* берутся по преимуществу кандидаты на мѣста въ судѣ.

Засѣданія бываютъ *общія* изъ всѣхъ членовъ суда и *частныя* для разбирательства споровъ между государствами.

Общія собираются съ двоякою цѣлью.

Во 1-хъ, имъ принадлежитъ *дисциплинарная власть* надъ членами суда, такъ что они одни имѣютъ право, либо по собственному почину, либо по жалобѣ правительствъ, наряжать слѣдствія надъ провинившимися и постановлять приговоры объ ихъ удаленіи.

Во 2-хъ, они являются *кассаціонною инстанціею*.

Частныя засѣданія составляются лишь изъ *извѣстнаго числа* судей того департамента, которому дѣло, по своей природѣ, подвѣдомственно. Эти лица должны принадлежать къ *вполнѣ нейтральнымъ* для спорящихъ сторонъ государствамъ. При соблюденіи этого условія спорящія государства сами выбираютъ для каждаго случая изъ состава департамента лицъ, которыхъ они желаютъ видѣть судьями. Они берутся въ нечетномъ числѣ, въ количествѣ соотвѣтствующемъ важности дѣла. Лице избранное можетъ не принять разбирательства даннаго случая.

Частныя засѣданія, подобно общимъ, сами избираютъ своего предсѣдателя и секретарей.

Всему производству ведется протоколъ.

До приступленія къ разбирательству судъ дѣлаетъ сторонамъ предложенія о примиреніи. Когда стороны это отклонятъ или если попытка къ примиренію не удастся, онъ приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣла по праву.

Судъ самъ рѣшаетъ вопросъ о своей компетенціи. Все что говоритъ Гольдшмидтъ о производствѣ третейскаго суда, приложимо и къ суду постоянному. Онъ разбираетъ дѣла въ такомъ порядкѣ, какой найдетъ въ интересахъ правосудія наилучшимъ. Стороны не имѣютъ права предписывать ему, какъ третейскому суду, извѣстный срокъ для окончанія дѣла. Въ случаѣ медленности производства онѣ вносятъ жалобу въ общее собраніе, которое, если нужно, дѣлаетъ представленія объ ускореніи производства.

Стороны, по своему усмотрѣнію, назначаютъ извѣстное число *представителей* предъ судомъ, которые высказываютъ и поддерживаютъ ихъ воззрѣнія и интересы.

Доказательствами предъ международнымъ судомъ считаютъ-

ся: 1. *письменные документы*. Каждая сторона, какъ въ алабамскомъ спорѣ, имѣетъ право представить суду *три* документа: подробное и основательное *изложеніе* дѣла съ ея точки зрѣнія; *отвѣтъ* на изложеніе противника и *общіе выводы* съ указаніемъ своихъ *требованій*.

2. *Рѣчи* и *устныя пренія* агентовъ сторонъ предъ судомъ. Намъ кажется, что число рѣчей также должно быть ограничено и именно *двумя*: изложеніемъ и отвѣтомъ.

Если какіе либо пункты суду покажутся недостаточно выясненными, онъ въ правѣ требовать отъ сторонъ дополнительныхъ свѣдѣній. Въ видѣ исключеній онъ можетъ вызывать и *свидѣтелей* или посылать къ нимъ своего секретаря для отобранія отъ нихъ показаній. Впрочемъ по характеру международныхъ распрей главнымъ и часто единственнымъ доказательствомъ должно признать письменные документы. Остальныя доказательства имѣютъ лишь *дополнительное* значеніе и силу.

V.

Рѣшеніе.

Мы можемъ не останавливаться долго предъ этимъ пунктомъ послѣ обсужденія проекта Гольдшмидта. При постановкѣ *рѣшенія* международный судъ обязанъ руководиться тѣми *общими началами положительнаго международнаго права, которыя въ какой бы то ни было формѣ признаны сторонами*. При *выборѣ* между этими формами проявленія права установляется такая градація: 1. трактаты (новѣйшіе отмѣняютъ прежніе); 2. обычаи (общіе перевѣшиваютъ, какъ и въ трактатахъ, частные); 3. положительные законы и декларации государствъ и 4. мнѣнія такихъ юристовъ, которые пользуются всеобщимъ авторитетомъ.

Судъ есть прежде всего охранитель общаго и положительнаго международнаго права. Но это не должно ему препятствовать постоянно заботиться объ усовершенствованіи этого права. Отсюда: 1. въ отличіе отъ третейскаго суда онъ отклоняетъ разбирательство споровъ, если *объ* стороны этого права не признаютъ или въ уклоненіе отъ него создадутъ въ компромиссѣ начала, *по духу* ему противорѣчащія, при чемъ

толкованіе этихъ началъ принадлежитъ суду; 2. въ случаѣ признанія этого общаго права, хотя бы *одной* изъ сторонъ. судъ примѣняетъ его безъ оговорокъ: 3. мнѣнія извѣстныхъ юристовъ и собственное мнѣніе о правѣ, согласное съ сознаніемъ цивилизованнаго человѣчества. но неполучившее либо еще никакой положительной формы. или принятое пока немногими третьими государствами. судъ примѣняетъ лишь съ согласія сторонъ.

Судъ постановляетъ рѣшенія. какъ и разбираетъ дѣла, въ присутствіи всѣхъ назначенныхъ для этого членовъ.

Рѣшеніе, въ отличіе отъ третейскаго, принимается абсолютнымъ большинствомъ голосовъ и съ мотивами публикуется во всеобщее свѣдѣніе. послѣ того какъ оно принято сторонами. Послѣднія не имѣютъ права его утверждать: оно дѣйствительно ipso jure. Но имъ дается извѣстный срокъ на его просмотръ и. если оно въ силу *юридическихъ мотивовъ* оспариваемо, онѣ имѣютъ право его обжаловать.

VI.

Обжалованіе. Государство. недовольное рѣшеніемъ суда на основаніи того. что послѣднимъ были нарушены либо принципы международнаго права. либо основныя начала и формы процесса. подаетъ на кассацію въ общее собраніе суда. Въ этомъ собраніи члены, рѣшавшіе дѣло, не имѣютъ голоса. Собраніе выслушиваетъ жалобу представителя недовольнаго государства и заключенія президента бывшаго отдѣленія суда и либо подтверждаетъ рѣшеніе. либо кассируетъ его. Перерѣшать же его оно не въ правѣ.

Тогда составляется *новый судъ* изъ членовъ международнаго суда [1]). но уже по назначенію предсѣдателя суда. Онъ имѣетъ усиленный личный составъ и рѣшенія его окончательны.

---

[1]) За исключеніемъ тѣхъ, которые разбирали обжалованное дѣло

VII.

Санкція.

Въ невозможности установить *санкцію*, или *принудительную власть* для исполненія рѣшеній международнаго суда, видятъ главное препятствіе введенія самого суда. Противники его съ особеннымъ удареніемъ говорятъ объ этомъ. Новѣйшіе писатели принимаютъ принудительность за одинъ изъ наиболѣе важныхъ признаковъ права вообще. «Право, говоритъ Іерингъ, есть не логическое понятіе, а представленіе о силѣ (Kraftbegriff). По этому справедливость, держа въ одной рукѣ вѣсы, на которыхъ она измѣряетъ право, держитъ въ другой мечъ, чтобы его примѣнять. Мечъ безъ вѣсовъ обозначаетъ грубое насиліе, вѣсы безъ меча—безсильное право. Оба должны составлять одно цѣлое» [1]).

Право осуществляется въ той степени, замѣчаетъ Фрикеръ, въ какой ему служитъ сила (Macht). Безсильное право не есть право. Оно стремится воплотиться въ силу и только подъ этимъ условіемъ становится дѣйствительнымъ. Право и принужденіе (Rechtsmacht) могутъ быть другъ отъ друга различаемы, но одно есть лишь функція другаго [2]).

Теперь спрашивается, могутъ ли быть вынуждаемы матеріальною силою рѣшенія международнаго суда?

Руаръ-де-Каръ напоминаетъ слова Роленъ-Жекмена о томъ, что если этому суду придать такую вооруженную силу, чтобы она фактически могла сломить всякое противодѣйствіе его рѣшеніямъ, это создало бы надъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ власть несравненно болѣе опасную, чѣмъ благотворную: если же напротивъ допустить оспариваемость его рѣшеній, мы тѣмъ самымъ подорвемъ его практическое значеніе для охраненія мира. Вотъ страшная дилемма, возвышающаяся предъ всѣми этими прекрасными теоріями и которая надолго задер-

---

[1]) Der Kampf um's Recht. S 9.

[2]) Noch einmal das Problem des Volkerrechts. Tub. Zeitschr. 1878 S. 374 und 396.

житъ ихъ осуществленіе [1]). Мы не споримъ, что практически это очень серьезное возраженіе. Устранить его однако есть дѣло скорѣе политики, чѣмъ права. Чтобы найти, логически и практически, исходъ изъ указанной дилеммы, надо точнѣе вникнуть въ отношенія принужденія къ праву и въ отличіе международнаго порядка отъ гражданскаго.

Совершенно вѣрно, что *только право* даетъ принужденію и силѣ освященіе. Въ немъ *основаніе* и *предѣлъ* для принужденія. Первоначально это право носитъ чисто субъективный характеръ, коренясь въ сознаніи лицъ непосредственно заинтересованныхъ, но съ успѣхами общежитія оно облекается въ объективные принципы и учрежденія, которые—кто бы ни были заинтересованные—возвышаются надъ ними и управляютъ ихъ дѣйствіями. Въ этомъ смыслѣ право тѣмъ болѣе реально и справедливо, чѣмъ оно болѣе для сторонъ объективно и можетъ опереться на силу, отъ нихъ независимую

Но съ другой стороны ошибочно выводить принужденіе изъ *самого существа права*. Идеалъ юридическаго порядка состоитъ въ томъ, чтобы всѣ его члены сознательно и добровольно подчинялись его требованіямъ. Это главное условіе его и внутренней справедливости и прочности. Но лица физическія и коллективныя далеки отъ совершенства: они то увлекаются злою волею, то ставятъ свой частный интересъ выше общаго. Въ этихъ случаяхъ, для устраненія препятствій воздвигаемыхъ праву, становится неизбѣжнымъ и законнымъ принужденіе. Оно возникаетъ изъ противодѣйствій, оказываемыхъ людьми упроченію и дѣйствію юридическаго порядка. По этому, основаніе его лежитъ въ *практическихъ* требованіяхъ *владычества* права надъ людьми, соединившимися въ какое бы то ни было общество.

Отсюда, и при отсутствіи принужденія, право становится положительнымъ, когда оно, во 1-хъ, существуя въ сознаніи людей, образующихъ извѣстное общество, облекается въ форму обычая или закона, и во 2-хъ, когда оно примѣняется къ

---

[1]) *Rouard-de-Card.* L'arbitrage international, p. 118.

спорному случаю судомъ. Вслѣдствіе этого приговоры духовныхъ судовъ, судовъ чести и т. п. для подвергнувшихся имъ юридически обязательны, хотя бы за ними и не стояла полицейская власть государства.

Въ области международной принужденіе является, по своеобразности и сложности этого порядка, не одновременно съ установленіемъ положительнаго права и организаціи, а какъ ихъ послѣдній результатъ и примѣненіе. Государства, какъ личности, во многомъ отличаются отъ отдѣльнаго человѣка. Они, благодаря своимъ органамъ, имѣютъ бо́льшую способность распознать право и обладаютъ обязанностью и могуществомъ для поддержанія его и осуществленія интересовъ живущихъ въ нихъ народовъ, которыми они не должны поступаться въ угоду чужимъ. Но какъ члены международнаго союза они подчиняются юридическимъ началамъ управляющимъ этимъ союзомъ.

На основаніи сихъ соображеній мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1. международный судъ чаще и болѣе всего долженъ обращаться къ чувству чести и собственнаго достоинства государствъ. Въ качествѣ добровольнаго онъ не навязываетъ имъ себя; они вольны, помимо его, рѣшать свои споры всякими иными, мирными и насильственными способами. Тѣмъ непростительнѣе было бы съ ихъ стороны, если бы они, обратившись къ его рѣшенію, потомъ произвольно не приняли бы его. Этимъ они нанесли бы нравственный ущербъ себѣ, а не суду.

2. Для исполненія его рѣшенія сторонамъ дается извѣстный срокъ. Если по его истеченіи одна изъ нихъ будетъ упорствовать въ непринятіи его, другая, въ крайнихъ случаяхъ, удерживаетъ право войны, которое теперь получаетъ новую и высшую санкцію, но и независимо отъ этого мыслимъ цѣлый рядъ принудительныхъ мѣръ противъ такого открытаго нарушителя международнаго права: удаленіе на все время его противодѣйствія членовъ его изъ среды суда; прекращеніе дипломатическихъ сношеній съ нимъ со стороны всѣхъ остальныхъ государствъ Европы; уничтоженіе съ общаго совѣта тѣхъ трактатовъ съ нимъ, которые для него особенно выгодны; запрещеніе его подданнымъ вступленія на территорію остальныхъ государствъ;

закрытіе рынковъ и мѣстъ сбыта для его товаровъ; приведеніе въ дѣйствіе одною какою либо державою, или даже на сколько возможно общими силами, блокады его береговъ: наконецъ даже война при тѣхъ же условіяхъ. Словомъ, практика и опытъ выработаютъ безъ сомнѣнія со временемъ извѣстную постепенность въ этихъ и подобныхъ мѣрахъ, которыя будутъ прилагаемы отъ имени международнаго союза. *но въ предѣлахъ строго очерчиваемыхъ положительнымъ правомъ и по специальному полномочію для каждаго случая суда.*

3. Къ этой цѣли можно восходить лишь постепенно: по мѣрѣ успѣховъ и распространенія какъ кодификаціи международнаго права съ одной стороны, такъ и судебной практики съ другой.

Хотя полномочія на принятіе коллективныхъ принудительныхъ мѣръ исходятъ отъ суда, но они нуждаются въ *утвержденіи* со стороны *конгрессовъ*, въ свою очередь *преобразованныхъ* по международнымъ и представительнымъ началамъ.

4. Устройство власти, прилагающей эти принудительныя мѣры отъ имени международнаго союза, составитъ послѣдній вопросъ въ великой проблеммѣ международной организаціи. Въ разсмотрѣніе его мы здѣсь не войдемъ, но скажемъ только, что онъ рѣшится легче, когда *предварительно* будутъ расчищены пути къ введенію общаго права и суда между государствами. Задача эта, надъ которою въ прежнія эпохи задумывались одни утописты, считается въ наше время достижимою даже такими положительными и серьозными въ наукѣ умами, какъ Лоримеръ и Блюнчли [1]), при всемъ разнообразіи подробностей въ ихъ мысляхъ.

Въ народахъ съ успѣхами цивилизаціи все болѣе и болѣе ростетъ потребность въ мирѣ: она приведетъ къ международной организаціи, которая выйдетъ и разовьется изъ международной юстиціи.

---

[1]) Даже *Пьерантони*, допускающій между государствами лишь третейское разбирательство, говоритъ: «благородныя усилія представителей науки, желанія правителей государствъ и мысли народныхъ массъ направляются постоянно къ введенію международнаго закона и правосудія (una legge ed una giustizia internazionale) Назв. соч. стр. 604

ГЛАВА IV.

ОТНОШЕНІЯ СУДА КЪ ОСТАЛЬНЫМЪ ОРГАНАМЪ СНОШЕНІЙ МЕЖДУ НАРОДАМИ

Установленіе международнаго суда отзовется благотворно на всѣхъ сторонахъ сношеній между государствами: для кодификаціи международнаго права будетъ дана въ судебной практикѣ твердая, положительная почва; войны сдѣлаются болѣе рѣдкими; общая безопасность между государствами возрастетъ и явится возможность, по мѣрѣ развитія организаціи ихъ коллективной жизни, постепенно уменьшать ихъ вооруженія. Словомъ, дѣйствіе суда окажется плодотворнымъ не только на внѣшнюю жизнь народовъ, но и на внутреннюю, чрезъ усиленіе въ нихъ уваженія къ праву и освобожденіе капиталовъ отъ служенія милитаризму.

Международный судъ не отмѣнитъ *третейское разбирательство*, но дастъ для него въ своей практикѣ много полезныхъ указаній. Связь между обоими видами юрисдикціи останется глубокая и внутренняя. Государства не лишатся права избирать по желанію третейскихъ судей, но вѣроятно предпочтутъ брать ихъ изъ среды столь компетентной и опытной, какою сдѣлается международный судъ. Третейское разбирательство должно удержать свой характеръ юрисдикціи вполнѣ добровольной, не связанной формальностями производства и доказательствъ, черпающей свои главныя полномочія и руководящія нормы изъ компромисса сторонъ и не создающей своимъ рѣшеніемъ никакого права на принужденіе (если таковое не будетъ вытекать изъ самого существа спорнаго дѣла).

При оспариваемости (юридической) третейскаго рѣшенія, стороны могли бы признать международный судъ аппелляціонною инстанціею, при чемъ онъ разсматривалъ бы дѣло вторично въ качествѣ новаго третейскаго суда.

Также было бы хорошо, если бы онъ, по желанію сторонъ, назначалъ имъ либо изъ своей среды, либо вообще третейскихъ судей или по крайней мѣрѣ общихъ посредниковъ къ нимъ и въ смѣшанныя коммиссіи.

Подобную же внутреннюю связь должно будетъ установить между нимъ и *смѣшанными судами* въ родѣ египетскихъ или *международными консульскими судами*, которые, вѣроятно, въ близкомъ будущемъ замѣнятъ до нынѣ существующіе на Востокѣ многочисленные суды консуловъ. Съ одной стороны, международный судъ можетъ изъ среды кандидатовъ, готовящихся на занятіе въ немъ мѣста, *рекомендовать* правительствамъ лица наиболѣе способныя по своему образованію и качествамъ къ полученію должности въ этихъ консульскихъ судахъ; съ другой, ему слѣдуетъ предоставить *просмотръ* тѣхъ кодексовъ, которые будутъ вырабатываться для этихъ судовъ, а въ особенно запутанныхъ случаяхъ, при столкновеніи между высшими инстанціями консульскихъ судовъ различныхъ странъ, или при несогласіяхъ ихъ съ территоріальнымъ правительствомъ, международный судъ являлся бы, смотря по обстоятельствамъ, посредникомъ или даже высшею кассаціонною инстанціею для всего Востока, въ видахъ чего можно бы открыть въ немъ особое, пятое отдѣленіе,

Введеніе международнаго суда, можно полагать, уменьшило бы дѣла *дипломатовъ* и сдѣлало бы ихъ серьезнѣе и осторожнѣе. Отъ нихъ отошла бы цѣлая область въ ихъ дѣятельности: разбирательство споровъ и несогласій между государствами. Всѣ дипломатическія конференціи, которыя впредь созывались бы съ этою цѣлью, не выходили бы изъ круга либо простыхъ совѣщаній и предварительныхъ переговоровъ, либо отдѣльныхъ и коллективныхъ посредничествъ.

Въ средѣ способовъ рѣшенія споровъ между государствами установилась бы слѣдующая постепенность, которая, конечно, не мѣшала бы сторонамъ, минуя первоначальные способы, обращаться прямо къ юридическимъ: 1. непосредственные между ними переговоры; 2. добрыя услуги, переводящія къ посредничеству и 3. третейскій или международный судъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ полная отмѣна насильственныхъ способовъ и удержаніе войны на случай отраженія непосредственнаго нападенія, оказанія помощи слабому противъ завоевателя и поддержанія рѣшеній международнаго суда съ утвержденія конгресса и когда это требуется важностью дѣла.

Мы сказали, что отъ введенія этого суда дипломаты сдѣлались бы серьезнѣе. Это предположеніе основано на томъ, что они, помимо отвѣтственности предъ своимъ правительствомъ, подлежали бы еще другой — предъ международнымъ судомъ. Мы полагаемъ даже, что государства, особенно второстепенныя, могли бы безъ ущерба отказаться отъ постоянныхъ дипломатическихъ агентовъ. Для особыхъ и важныхъ случаевъ они всегда вольны посылать чрезвычайныя или спеціальныя миссіи; составленіе и заключеніе договоровъ слѣдовало бы поручить генеральнымъ консуламъ и консуламъ вообще, которые продолжали бы по прежнему сообщать назначившему ихъ правительству политическія и экономическія свѣдѣнія о странѣ, въ которой они пребываютъ. И безъ того теперь въ нихъ видятъ не однихъ торговыхъ, но и политическихъ агентовъ съ оффиціальнымъ характеромъ. Въ виду этого, при нѣкоторомъ расширеніи ихъ полномочій, на нихъ можно возложить, всю *дѣловую* часть въ службѣ посланниковъ, но по самому ихъ положенію, болѣе скромному и зависимому, они будутъ имѣть менѣе возможности вести въ чужомъ государствѣ интриги и, подъ разными благовидными предлогами, посягать на его независимость. Отъ этого лишь выиграютъ всѣ.

Теперь спрашивается: не злоупотребитъ ли международный судъ своимъ высокимъ положеніемъ и обширными полномочіями? Привилегированное положеніе аппелляціонной палаты въ смѣшанныхъ судахъ Египта и предоставленная ей дисциплинарная властъ надъ членами этихъ судовъ весьма скоро, по отзывамъ очевидцевъ, возбудили въ ней деспотизмъ къ ея подчиненнымъ и властолюбіе въ ея отношеніяхъ къ территоріальной власти. Она превратилась въ политическое собраніе, движимое тою державою, къ гражданамъ которой принадлежитъ ея ловкій и энергичный президентъ. Не сдерживаемая ни другою такою же

апелляціонною палатою, ни высшею кассаціонною инстанціею, она захватила въ руки даже до извѣстной степени власть законодательную.

Нельзя не пожалѣть объ этихъ захватахъ, которые компрометируютъ великое и благотворное дѣло судебной реформы въ Египтѣ.

Но едва ли этотъ примѣръ убѣдителенъ по отношенію къ международному суду. Помимо недостатковъ въ устройствѣ названной палаты, не слѣдуетъ забывать, что она поставлена въ Египтѣ на такой почвѣ, среди перекрещивающихся и другъ другу враждебныхъ теченій европейской политики, что членамъ ея весьма трудно уберечь себя въ окружающей ихъ атмосферѣ безправія, лжи и подкуповъ. Главнымъ предохраненіемъ международнаго суда отъ подобной участи будетъ заключаться въ его личномъ составѣ, устройствѣ и цѣляхъ. Какъ *собраніе исключительно юридическое*, онъ будетъ оставаться чуждъ политическимъ вожделѣніямъ съ какой бы то ни было стороны и во всѣхъ формахъ. Члены его проникнутся убѣжденіемъ, что главный залогъ ихъ успѣха будетъ заключаться въ *ихъ совершенной независимости отъ правительствъ, въ связи съ полнымъ къ нимъ довѣріемъ со стороны послѣднихъ и народовъ*. Но для возможнаго избѣжанія случайностей, судъ долженъ быть въ свою очередь поставленъ подъ контроль *конгрессовъ*, этихъ великихъ международныхъ собраній, которыя будутъ сходиться періодически въ столицахъ Европы для изданія международныхъ законовъ и рѣшенія вопросовъ высшей и общей политики.

Такимъ образомъ международная юстиція медленно и среди тяжелой борьбы утвердится сперва на почвѣ Европы и Америки, а потомъ, въ дали временъ, когда христіанскій принципъ братства народовъ получитъ общее юридическое признаніе и когда цивилизація научитъ повсюду уважать человѣческую личность, она на новыхъ началахъ и въ болѣе совершенныхъ формахъ обниметъ весь міръ.